ДХ
4906
N 7

А. СОРЕЛЬ.

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Кабинет

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА.—ВЕЛИКАЯ ИМПЕРІЯ.

1806 — 1812

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1908.

9(44)
С-65 * 9(4)4
С65

А. СОРЕЛЬ.

Пыляевъ.
С. П. Буракъ,
4/I 1908.

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА. ВЕЛИКАЯ ИМПЕРІЯ.

1806 — 1812

2943
Государственный Педагогический ИМ. ГЕРЦЕНА
5183
Фундаментальная Библиотека
275199

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1908.

© ГПИБ

9Х
4926
№7

Сверено
1931 г.

289/90
ГПНТБ СО АН СССР
Гос. Публ.-техн.
библиотека

Типографія М. Меркушева, Невскій, 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ VII ТОМА.

КНИГА I.

Континентальная блокада.

		стр.
Глава	I. Аустерлицъ—Іена.	1
„	II. Берлинскій декретъ	85
„	III. Русскій союзъ 1807 г.	138
„	IV. Байона и Эрфуртъ	210
„	V. Испанская война. 1808—1809 г.	268
„	VI. Кризисъ въ русскомъ союзѣ, 1809 г.	293

КНИГА II.

Великая имперія.

Глава	I. Австрійскій бракъ.	332
„	II. Франція и Европа, 1810 г.	386
„	III. Русская война, 1810—1812 г.	425

© ГПНТБ СО РАН

КНИГА ПЕРВАЯ.

Континентальная система.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Аустерлицъ—Іена. 1805—1806.

I.

Русскіе, отдѣленные отъ австрійцевъ, отступали. Подъ Аустерлицемъ австрійцы ввели въ дѣло только одну часть своихъ силъ, остальное же войско держалось наготовѣ, въ угрожающемъ положеніи. Пруссаки оставались незатронутыми. Чтобы разорвать нѣсколько надломленную коалицію, Наполеонъ долженъ былъ продолжать дѣло съ того пункта, на которомъ онъ остановился въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда пытался предотвратить ее, то есть—заключить на скорую руку миръ съ Австріей, купить пруссаковъ [1]).

Хотя Австрія не была въ его рукахъ, но онъ считалъ ее достаточно ослабленною, чтобы теперь не дѣлать ей компенсацій, какъ въ 1797 и 1801 году: онъ думалъ, что онъ одинъ долженъ получать, что она одна должна платить. Относительно Пруссіи исчезла всякая иллюзія: Наполеонъ никогда не забывалъ опасности, которой она подвергала его [2]).

---

[1]) Источники для этого тома взятаго въ его цѣломъ: *Archives des Affaires étrangères*, *Correspondance de Napoléon*, supplément par Lecestre; *Publications de la Société d'histoire de Russie;* Hansard, *Parliamentary History;* Correspondances publiées par Ducasse, Bertrand, Bailleu, Hassel, архивъ князя Воронцова, Albert Vandal.

Сочиненія: Lefebvre, Bignon, Thiers; Albert Vandal, *Napoléon et Alexandre*; Tatistchef, *Alexandre et Napoléon;* Martens, *Traités de la Russie;* Ranke, *Hardenberg;* Oncken, *Zeitalter der Revolution*; Fournier, *Napoléon I*; Beer, *Zehn Jahre*, Cavaignac, *Origines de la Prusse contemporaine*; d'Haussonville; Stanhope. *Pitt.* Green, *Angletter*; Rambaud, *Russie; Affaires d'Orient*; Emile Bourgeois, Driault, Zinkeisen, Eliade, Xénopol, Pisani, Ghika.

[2]) Труды и этюды, источники, преимущественно для настоящей главы: le Сорель, т. VII.

© ГПНТБ

Самымъ важнымъ для него дѣломъ было обезопасить Францію и произвести впечатлѣніе. 3 декабря онъ диктуетъ пресловутую прокламацію къ арміи: «Солдаты, я доволенъ вами», и *XXX Бюллетень*—величественное и безыскусственное описаніе переговоровъ и сраженія, въ которомъ онъ объявляетъ народу свои планы, съ цѣлью придать имъ характеръ чего-то рокового. Насмѣшка безъ мѣры и незнающая удержу брань перемѣшаны здѣсь съ повѣствованіемъ о подвигахъ, о великихъ дѣяніяхъ. Онъ говоритъ съ презрѣніемъ о побѣжденныхъ: начальники глупы, солдаты привыкли спасаться бѣгствомъ. Это—бахвалы и бѣглецы. Сваливъ ихъ съ ногъ и влача ихъ по землѣ, онъ издѣвается надъ ними въ духѣ гомерическихъ героевъ, а также въ духѣ народномъ. «Я солдатъ, говорилъ онъ Редереру, меня родила Революція, я вышелъ изъ нѣдръ народа. Я не потерплю, чтобы они оскорбляли меня, какъ какого-нибудь короля». Онъ третировалъ ихъ какъ королей. Наконецъ, эта великая битва — *его* битва. Въ Италіи онъ безъ страха атаковалъ только австрійцевъ. Теперь же онъ взялъ верхъ надъ этой страшной русской пѣхотой, Суворовской пѣхотой, которая оспаривала у французовъ побѣды и не безъ успѣха. Дѣло подъ Маренго до половины дня грозило полнымъ пораженіемъ; слава этого дѣла принадлежала Дезэ, а Моро съ своимъ Гогенлиденомъ до нѣкоторой степени затмевалъ ее. Аустерлицъ цѣликомъ принадлежитъ только ему. «Хорошіе солдаты, большая побѣда!» говорилъ онъ впослѣдствіи. И эта легенда въ дубочномъ стилѣ: «Громадные результаты, достигнутые въ присутствіи трехъ императоровъ!» [1]).

Въ томъ свѣтящемся туманѣ, въ которомъ онъ любилъ представлять себѣ свою побѣду, Аустерлицъ кажется рѣшающимъ днемъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Наполеонъ изображаетъ изъ себя вершителя дѣлъ, чтобы ослѣпить французовъ и изумить иностранцевъ. Онъ создалъ иллюзію, что только отъ него зависитъ дать миръ непосредственный и продолжительный. Но, обманывая въ этомъ другихъ, самъ онъ не обманываетъ себя на этотъ счетъ. Онъ долженъ дѣйствовать быстро, воспользоваться моментомъ смущенія, въ противномъ случаѣ коа-

grand duc Nicolas de Russie, *Strogonof*; Frédéric Masson, *Napoléon et sa famille*, t. III; Hüffer, *Lombard*; Madelin, *Fouché;* Henri Welschinger, *Divorce de Napoléon*; Grojean, *Orient*, Legrand, *Hollande;* Coquelle; Arthur-Lévy, *Napoléon et la paix*; Lang, *Reinhard;* Mémoires de Roederer, Pasquier, Méneval, le roi Joseph, Metternich, Talleyrand, le prince Adam Czartoryski, Barante, Gourgaud, Marmont, Ségur, Thiébault, Joseph de Maistre, Vitrolles, Montgaillard, Pepe, d'Hauteroche, P.-L. Courier, Moriolles, de Bray.

[1]) Gourgaud, t. II, p. 111.

лиція прійдетъ въ себя и сплотится. Дипломатическую кампанію онъ долженъ былъ вести подобно военной—при помощи сильныхъ и согласованныхъ комбинацій, при помощи тяжелыхъ ударовъ, наносимыхъ глубоко. Свои планы онъ строитъ въ виду тѣхъ намѣреній, которыя онъ приписываетъ коалиціи и приписываетъ очень вѣрно. Австрія желала вырвать у него Италію—онъ изгонитъ ее оттуда; Пруссія хотѣла оспаривать у него Германію, онъ устранитъ ее съ этого пути. Но сдѣлать это съ ними онъ можетъ только поочередно, раздѣляя ихъ, какъ на войнѣ. Ему неизвѣстны злополучія русскихъ, ихъ упадокъ духа. Онъ опредѣляетъ въ 100,000 человѣкъ австрійскія войска, которыя подводятъ два эрцгерцога; прибавьте сюда пруссаковъ и шведовъ, быть можетъ, 250,000 [1]); всего 350,000 человѣкъ, съ которыми ему предстоитъ дѣло, не включая въ это число русскихъ. Итакъ первая задача, это—отдѣлить Россію отъ Австріи. Союзники даютъ ему подходящій для этого случай.

Францъ II искалъ вступить въ переговоры съ Наполеономъ. Свиданіе имѣло мѣсто на аванпостахъ, четвертаго декабря,—первое свиданіе этихъ двухъ человѣкъ, которыхъ судьба предназначила къ столь удивительнымъ встрѣчамъ. Францъ II, очень ограниченный, очень поверхностный и ретроградъ въ душѣ, олицетворенная пустота въ парадной формѣ, не выразилъ даже любопытства узнать своего побѣдителя; человѣкъ въ одно и то же время упрямый, напыщенный и мелочной. Наполеонъ сначала суровый, потомъ уступчивый, счастливецъ-солдатъ, наслаждающійся почетомъ, гордится тѣмъ, что держитъ себя на равной ногѣ съ этимъ Габсбургомъ [2]). Францъ требовалъ именно того, что Наполеонъ желалъ уступить: перемирія. «Русская армія окружена, говоритъ Наполеонъ, ни одинъ человѣкъ не можетъ ускользнуть.... но, продолжаетъ онъ, я желаю сдѣлать нѣчто пріятное императору Александру. Я позволю уйти русской арміи... но Вы, Ваше Величество, обѣщаете мнѣ, что эта армія возвратится въ Россію и очиститъ Германію и Австрійскую и Прусскую Польшу... Это есть желаніе императора Александра». Они говорили о мирѣ. Наполеонъ пытался сдѣлать рѣшительный шагъ—то великодушное предложеніе, которое, какъ многіе упрекаютъ его, онъ не сумѣлъ ни преподнести ни настоять на немъ. Онъ говоритъ, что не потребуетъ никакихъ территоріальныхъ уступокъ со стороны Австріи, если Россія примкнетъ къ миру и закроетъ свои границы для англійской торговли; въ противномъ случаѣ онъ-де потребуетъ Венеціанскую область для Итальянскаго коро-

[1]) Эти цифры даетъ Гарденбергъ. Ranke t. V, p. 226.

[2]) См. Bulletin отъ 5 декабря; Наполеонъ къ Таллейрану, 4 декабря 1805 г.

левства и Тироль для Баваріи. Францъ спорилъ, сомнѣваясь, чтобы Александръ далъ свое согласіе. Онъ умолялъ Наполеона отказаться отъ Тироля и успѣлъ въ этомъ, но онъ долженъ былъ обязаться, что онъ отброситъ отъ своихъ владѣній пруссаковъ, если-бъ они выступили въ походъ въ согласіи съ Россіей. «Я могъ произвести раздѣлъ Австріи, говорилъ потомъ Наполеонъ, я положился на обѣщанія императора и на силу полученнаго имъ урока» [1]). Свиданіе заканчивается слѣдующими словами Наполеона: «Итакъ, ваше величество обѣщаетъ мнѣ не начинать снова войны?». Францъ II поклялся, и они обнялись. Садясь на лошадь Наполеонъ говоритъ своимъ офицерамъ: «Мы возвращаемся въ Парижъ. Миръ готовъ». Онъ надѣялся привлечь на свою сторону Александра; это значило слишкомъ забѣгать впередъ. Александръ былъ еще слишкомъ неопытенъ въ войнѣ, еще слишкомъ мало отказался отъ своего высокомѣрія, чтобы страшное приключеніе 2 декабря привело его къ раскаянію. Если онъ и призналъ превосходство Наполеона, то отъ этого еще сильнѣе чувствовалъ оскорбительную горечь его побѣды.

Ночь со 2 на 3 онъ провелъ въ подавленномъ состояніи, блуждая вокругъ поля битвы, разыскивая свои разсѣянныя войска, испытывая ужасы ничтожества,—ничтожества своей арміи, разбросанной въ видѣ групповъ и хрипящихъ раненыхъ; ничтожества своей души; ожидавшійся смертельный ударъ не былъ нанесенъ; императорскій геній не высказался ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ, ни однимъ изъ тѣхъ великихъ распоряженій, въ которыхъ обнаруживается интуиція настоящаго полководца. Онъ прошелъ черезъ поле битвы, бѣжалъ отъ этого зрѣлища пораженія, ужасался самого себя, оплакивалъ своихъ мертвыхъ, изумлялся до муки своей незначительности въ этомъ важномъ дѣлѣ своего царствованія, его бросалъ въ разныя стороны этотъ водоворотъ, подобно послѣднему изъ его солдатъ; онъ ожидалъ иниціативы отъ другихъ, въ то время какъ всѣ ждали ее отъ него. Очутившись среди своихъ, онъ овладѣлъ собою съ единственнымъ желаніемъ— уйти, и какъ можно скорѣе, съ этого моравскаго кладбища; конечно, униженный, но не убѣжденный, не смирившійся, будучи слишкомъ политикомъ по инстинкту, чтобы даже въ этомъ состояніи страшной моральной подавленности отказаться отъ борьбы, не собравъ своихъ силъ и не убѣдившись въ намѣреніяхъ пруссаковъ; чтобы, наконецъ, за недостаткомъ энергіи, не показать въ этомъ крахѣ свою стыдливость и неизмѣнное изящество формы, жеста и слова. Пятаго декабря утромъ, Савари со стороны Наполеона и генералъ Штуттенгеймъ со стороны

[1]) Къ Коленкуру, 6 марта 1809 г. Ретроспективно. Lecestre, t. I, p 291.

Франца II явились въ его главную квартиру. Сначала онъ принялъ Штуттенгейма, который освѣдомляетъ его объ условіяхъ перемирія и мира, дебатировавшихся между двумя императорами. Александръ отклонилъ идею мира. Относительно перемирія: «Я, говоритъ онъ не безъ надменности, привелъ мою армію для помощи Австріи. Я отведу ее назадъ, если Австрія болѣе не требуетъ моей помощи». Потомъ онъ приказалъ призвать Савари. Какъ удивительный артистъ по природѣ онъ, конечно, становится въ позу и фразируетъ, какъ только почувствовалъ себя на своей театральной сценѣ, въ своей роли прельстителя: «Скажите вашему повелителю, что онъ совершилъ чудеса.—Государь, это—искусство войны... это—сороковая битва императора.—Это вѣрно; онъ великій полководецъ. Что касается меня, то я въ первый разъ вижу огонь.—Государь, ставъ опытнымъ, вы, быть можетъ, превзойдете его... Я имѣю приказъ императора распорядиться, чтобы ваше отступленіе было гарантировано, ибо императоръ желаетъ уважать друга перваго консула.—Какая нужна для этого гарантія?—Ваше слово, Государь.—Я даю его ему».

Это уже тонъ Тильзита. Это діалоги *à la russe*, отличающіеся столь рѣзкой откровенностію и столь обманчивымъ довѣріемъ. Перемиріе съ Австріей было подписано 6 числа [1]). Александръ отправился на почтовыхъ, а его армія отступала съ трудомъ, потерявъ свой обозъ, свой багажъ, свои пушки. Наполеонъ щадилъ русскихъ, избавивъ ихъ отъ капитуляціи, — болѣе того: вспоминая тѣ выгоды, которыя ему доставило возвращеніе плѣнныхъ во время Павла I, онъ отослалъ царю его гвардейцевъ, которыхъ захватилъ и съ которыми не зналъ, что дѣлать. Въ военномъ французскомъ кругу смотрѣли на этотъ актъ какъ на поступокъ тщеславный или какъ на хитрость. «Щадить ихъ теперь, говоритъ суровый солдатъ Вандаммъ, совершенно не признающій этого придворнаго рыцарства,—значитъ желать, чтобы черезъ шесть лѣтъ они были въ Парижѣ».

Францъ II заявлялъ, что «никакая европейская армія не можетъ вступить на территорію австрійскаго дома». Русскіе оставляли ее, пруссаки не придутъ туда. Наполеонъ сразу поканчивалъ съ ихъ вмѣшательствомъ. Онъ разсчитывалъ устранить ихъ со своего пути и заставить ихъ вступить въ сдѣлку раньше, чѣмъ они успѣли бы столковаться съ русскими. Онъ принимаетъ относительно ихъ свои рѣшенія: исключить ихъ изъ участія въ важныхъ политическихъ дѣлахъ, лишить ихъ всякаго уваженія, заставить ихъ нарушить данныя ими обязательства,

[1]) De Clercq, t. II, p. 134.

© ГПБ

поработить ихъ, подкупить ихъ, если они протянутъ руку, потомъ унизить ихъ передъ Европой и держать ихъ въ своихъ рукахъ. Гаугвицъ—вчерашній вершитель мира, отнынѣ уже угодливый посредникъ, дожидается въ передней. Наполеонъ будетъ держать его въ неопредѣленномъ положеніи, пока не поведетъ переговоровъ съ Австріей и не перемѣнитъ роли: вмѣсто того, чтобы принимать ультиматумъ отъ этого пруссака, онъ потребуетъ отъ него, и съ большою надменностію, объясненій; затѣмъ, когда, такимъ образомъ будетъ разстроено вмѣшательство, онъ отпуститъ его, довольнаго даже и тѣмъ, что онъ остался живъ, что его экипажъ катится по направленію къ Берлину, и что въ его портфелѣ лежитъ договоръ, хотя и полученный въ видѣ подачки.

Въ Вѣнѣ Гаугвицъ узнаетъ одно за другимъ о неудачѣ союзниковъ, свиданіи императоровъ, продиктованномъ перемиріи, о переговорахъ относительно отдѣльнаго мира съ Австріей, объ отступленіи русскихъ. «Я замѣтилъ по его поведенію, пишетъ Таллейранъ, что доминирующее чувство его двора есть страхъ». Таллейранъ не зналъ о Потсдамскомъ договорѣ и не вѣрилъ въ вооруженія Пруссіи, и это служитъ для него поводомъ, чтобы совѣтовать умѣренность и развивать свою излюбленную тему—соглашеніе съ Австріей: Она уже не монархія Карла Пятаго. Она болѣе не страшна и необходима, чтобы служить барьеромъ противъ варварской Россіи. «Безъ нея невозможно будетъ спасти цивилизованныя націи. Императоръ можетъ разбить ее; но послѣ этого не возстановить ему ея. Пусть онъ бережетъ ее, пусть великодушно протянетъ ей руку, пусть предложитъ ей союзъ и сдѣлаетъ его возможнымъ и искреннимъ, сдѣлавъ его выгоднымъ. Франція достаточно велика» [1]). Таллейранъ въ тиши своей покойной вѣнской канцеляріи съ легкостію набрасываетъ эти планы. Наполеонъ еще живо чувствуетъ боль отъ жестокаго аустерлицкаго штурма. Если ему дышется свободнѣе со стороны русскихъ, то другой бокъ, на который давятъ пруссаки, не свободенъ, и Австрія вовсе не положила оружія. Не одумается ли она, не двинется ли впередъ Пруссія, не возвратятся ли русскіе, и послѣ того какъ миръ подписанъ, послѣ того какъ Австрія заставила заплатить себѣ за прекращеніе враждебныхъ дѣйствій, не воспользуется ли она пощадой, оказанной побѣдителемъ, чтобы вновь начать кампанію? Ему вспоминается тройное вторженіе въ Италію и необходимость Гогенлиндена, несмотря даже на Маренго. Можетъ ли онъ положиться на Франца II, развѣ онъ не есть именно тотъ императоръ, который въ Кампо-Форміо подписалъ договоръ съ единственною цѣлію нарушить его въ Раштадтѣ, и который въ Люневиллѣ подписалъ трактатъ съ тѣмъ, чтобы въ Петербургѣ и Лондонѣ принять участіе въ коалиціи? Кампо-Формійскій договоръ—предметъ котораго есть обмѣнъ, а не завоеваніе—продолжался восемнадцать мѣсяцевъ; Люневильскій договоръ—договоръ компенсацій—не просуществовалъ пяти лѣтъ, и чтобы получить тотъ и другой договоръ, а также, чтобы гарантировать ихъ, Франція имѣла для этого Пруссію.

[1]) Talleyrand à Napoléon, 5 décembre 1805. Bertrand.

Между тѣмъ прусскій нейтралитетъ, составлявшій главную пружину всѣхъ комбинацій Комитета Общественнаго Спасенія, Директоріи, Консулата, будетъ призракомъ, если только подъ нимъ не будетъ скрываться западня. Отнынѣ Франція не можетъ полагаться на этотъ нейтралитетъ. Теперь съ ними можно вести дѣла лишь такъ, какъ это бываетъ на войнѣ: поступая осторожно, держа ихъ на должномъ разстояніи, окружая ихъ и постоянно будучи въ состояніи раздавить ихъ. Наполеонъ по движеніямъ ихъ войскъ разгадываетъ секреты ихъ дипломатіи. При этомъ освѣщеніи въ проницательныхъ и правдивыхъ рапортахъ Лафореста [1]) онъ читаетъ, что партія войны забираетъ силу, что она увлекла за собою королеву, что Гарденбергъ поддался, что Александръ при помощи своихъ эмиссаровъ и своихъ писемъ беретъ верхъ надъ нерѣшительностію Фридриха-Вильгельма. Вмѣстѣ съ болѣе точнымъ знаніемъ грозившей опасности въ Наполеонѣ росло желаніе мести, «въ высшей степени живучее и въ высшей степени злобное», которое никогда не должно было уничтожиться [2]). Отвѣтный ударъ раздастся въ Берлинѣ. Прежде чѣмъ узнать, какъ Наполеонъ встрѣтилъ Гаугвица, тамъ прочитаютъ, въ XXXIV' *Бюллетенѣ*, объ отлученіи Гарденберга, того министра, «который, будучи ганноверцемъ по рожденію, не былъ недоступенъ вліянію золотого дождя»; а также узнаютъ слѣдующую угрозу и слѣдующую инсинуацію еще болѣе тревожнаго характера: «Впрочемъ прибавка 150,000 враговъ могла бы имѣть только одинъ результатъ: сдѣлать войну болѣе продолжительною... Можетъ ли Пруссія имѣть друга болѣе прочнаго и болѣе безкорыстнаго, чѣмъ Франція?»

Ахъ, если бы Аустерлицъ произвелъ тѣ «неисчислимыя слѣдствія», на которыя Наполеонъ надѣялся одно мгновеніе, которыя воображали себѣ Іосифъ и его друзья въ Парижѣ [3]) и Таллейранъ въ Вѣнѣ! Но ничего такого нѣтъ: есть частный и временный миръ, который нужно еще разъ довести до конца съ Австріей, чтобы свободно столковаться сначала съ пруссаками, потомъ съ русскими, чтобы, наконецъ, возвратиться къ точкѣ

[1]) Rapports des 14 et 20 novembre, 5 décembre 1805.

[2]) Lucchesini, 16 janvier, 27 mars, 22 juillet 1806, retrospectifs: impressions de Joséphine, confidences de Joseph.

[3]) Rapport de Lucchesini, 27 mars 1806.

отправленія—къ булонскому лагерю—противъ Англіи. Парижъ вѣритъ въ миръ легкій, готовый. Онъ его требуетъ, онъ привѣтствуетъ его радостными криками. Но «не криками — миръ! достигается онъ», пишетъ Наполеонъ Іосифу, выразителю общественной иллюзіи. «Слово миръ не имѣетъ смысла; намъ нуженъ славный миръ» [1]).

Уже десять лѣтъ тѣ же самыя слова и по тѣмъ же мотивамъ повторяли: комитетъ, директоры, консулы, въ отвѣтъ на постоянное требованіе французовъ покончить революцію и войну, обезопасить рейнскую границу.

Наполеонъ не чувствуетъ себя въ состояніи довести Австрію до безсилія; онъ попытается лишь парализовать ее на время, ослабить ее потерями людьми, деньгами, окружить ее соперничающими государствами, аванпостами французской имперіи, и лишить ее германскихъ союзовъ, германской помощи. Германія домогается этого отъ него. Австрійскіе уполномоченные прибыли десятаго декабря. Они встрѣтили клієнтовъ новаго императора, дипломатовъ Священной Имперіи, которая расшатывается и тяготѣетъ къ Западной Имперіи. Эти германцы кланяются до земли; они призываютъ небо въ свидѣтели искренности своей клятвы и степени своего нетерпѣнія доказать свою благодарность. Таковы они въ Раштадтѣ во время перваго аукціона, таковы они въ Парижѣ во время ликвидаціи 1803 г. Наполеонъ удовлетворилъ ихъ. 10 декабря курфюрстъ баварскій былъ сдѣланъ королемъ; 11-го была очередь курфюрста вюртембергскаго; 12-го герцогъ баденскій былъ возведенъ въ великіе герцоги. Всѣмъ были обѣщаны значительные округа на счетъ Австріи. «Что сказать о Пруссіи? Чего она желаетъ? Объ этомъ я не знаю рѣшительно ничего. Кажется, она отправляетъ армію въ Силезію» [2]). Въ этомъ случаѣ Наполеонъ склоненъ судить по себѣ; но онъ остерегается призвать Гаугвица въ Брюннъ, дать ему такимъ образомъ возможность вступить въ переговоры съ австрійцами. Онъ оставляетъ Таллейрана для конференцій съ ними, самъ же отправляется въ Шенбрюннъ. Тамъ-то, 14 декабря въ кабинетѣ Маріи-Терезіи принимаетъ онъ прусскаго посланца.

Гаугвицъ является къ нему очень взволнованный [3]). Онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы оцѣнить неудачу, онъ, болѣе пораженный рикошетнымъ ударомъ Аустерлица, чѣмъ австрійцы самой битвой; убѣжденный, что одно неосторожное слово съ его стороны можетъ вызвать войну, что эта война будетъ гибельной, что Наполеонъ поспѣшитъ съ своимъ ми-

[1]) A Joseph, 13 décembre 1805.

[2]) Napoléon à Talleyrand, 13 décembre 1805.

[3]) Ranke, t. V, p. 225: rapport de Haugwitz; t. I. p. 547, commentaire de Hardenberg.

ромъ въ Брюннѣ, чтобы броситься на Пруссію, что онъ уже намѣтилъ свои этапы по Силезіи. Наконецъ, что зналъ онъ, что могъ понять онъ въ потсдамскихъ обязательствахъ? Наполеонъ, побѣдитель и притомъ вооруженный, вовсе не позволитъ себѣ запутаться въ фальшивыхъ формахъ «деклараціи» [1]). Двоедушіе сказалось бы во всей наготѣ, и ничто больше этого не могло бы смутить Гаугвица. Наполеонъ лишь подозрѣвалъ, онъ не имѣлъ увѣренности, и игра его была направлена къ тому, чтобы сорвать маску съ этого пруссака. Имѣя передъ собою развернутую карту Австріи, онъ произнесъ тономъ человѣка, увѣреннаго въ своемъ поступкѣ и съ трудомъ сдерживающагося: «Графъ, я встрѣтилъ васъ въ Брюннѣ съ уваженіемъ должнымъ министру великаго государя, который, во всякомъ случаѣ, возбудилъ во мнѣ увѣренность, что я могъ разсчитывать на его дружбу... Но теперь мнѣ извѣстенъ договоръ, который вы заключили съ врагами Франціи, я знаю, что вы условились съ ними обрушиться на меня съ 180,000 человѣкъ, и больше, если бы это оказалось нужнымъ, въ томъ случаѣ, если я не приму тѣхъ предложеній, которыя вамъ поручено продиктовать мнѣ... И это вы, графъ Гаугвицъ, подписали этотъ договоръ!» Гаугвицъ сумѣлъ остаться наружно «безстрастнымъ». Буря миновала. Наполеонъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Долгорукимъ [2]). Вмѣсто того, чтобъ устрашить Гаугвица, онъ придалъ ему увѣренности. Гаугвицъ догадался, что Наполеонъ не зналъ объ потсдамскомъ секретѣ. Никакой *договоръ*, ни по формѣ, ни по названію, не былъ подписанъ 3 ноября 1805 г. Были подписаны два акта: *конвенція*, не составлявшая секрета, которою Пруссія, въ качествѣ посредницы, обязывалась представить Наполеону основанія для переговоровъ, составлявшихъ *minimum* условій мира, и *декларація*, которою она обѣщала, если бы Наполеонъ отказался вести переговоры на этихъ основаніяхъ, быть за-одно съ Англіей, Россіей и Австріей, чтобы принудить Францію къ условіямъ 11 апрѣля 1805 года, составлявшимъ дѣйствительныя условія мира союзниковъ. Это и были именно тѣ условія, которыя Долгорукій въ своемъ бахвальствѣ раскрылъ Наполеону. Но они еще не были условіями со стороны Пруссіи, ибо Пруссія еще не поставила ихъ передъ Наполеономъ, и Наполеонъ не могъ поэтому отвергнуть ихъ. *Casus foederis* потсдамской декларации не существовалъ. Присоединеніе Пруссіи къ коалиціи оставалось потенціальнымъ, условнымъ, и Гаугвицъ могъ безнаказанно отрицать его. Онъ, считая себя попавшимъ въ ловушку,—видитъ, что передъ нимъ открывается удобный выходъ, такъ благоразумно придуманный въ Берлинѣ съ цѣлію обмануть Наполеона.

[1]) См. т. VI, стр. 402.

[2]) См. т. VI, стр. 415.

© ГПИБ

Съ возможностію говорить двусмысленно у Гаугвица снова появляется вѣра въ свое искусство. И такъ какъ Наполеонъ опять повторялъ ему: «Но вы, вы подписали этотъ договоръ, и вы, вы тоже подписали его!» Гаугвицъ, умѣло играя словами, отвѣчаетъ:—«И если бы еще сегодня нужно было подписать его, государь, я сдѣлалъ бы это, увѣренный, что никогда Пруссія не могла дать болѣе убѣдительнаго доказательства своей любви къ миру и своей пріязни къ Франціи, какъ именно этой потсдамской конвенціей». Наполеонъ допрашивалъ его о договорѣ, то-есть секретной *деклараціи*, заключавшей русскія условія, о которыхъ говорилъ Долгорукій,—условія о старыхъ границахъ, Гаугвицъ же, искусно отвертѣлся, заговоривъ о границахъ по люневильскому договору и о *конвенціи*, заключавшей въ себѣ минимальныя условія для переговоровъ. Онъ продолжаетъ: «Такъ какъ вашему императорскому величеству извѣстны предложенія Россіи и тѣ, которыя я долженъ изложить вамъ, то достаточно простого сравненія ихъ, чтобы съ очевидностію доказать, до какой степени Пруссія явилась защитницей интересовъ Франціи въ поднятомъ вопросѣ, который вы такъ славно отстаиваете». Наполеонъ продолжаетъ:—«Король своимъ присоединеніемъ къ коалиціи объявилъ мнѣ войну. Нужно попробовать счастья...» Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ, подойдя къ Гаугвицу, сказалъ: «Графъ Гаугвицъ, мое сердце говоритъ мнѣ, что Пруссія, присоединившись къ моимъ врагамъ, сдѣлала мнѣ вызовъ, и я долженъ принять его. Поведеніе, какого держались по отношенію къ моимъ посланникамъ, унизило меня въ глазахъ моей націи. Мое сердце озлоблено, но мой умъ отвѣчаетъ на это и спрашиваетъ у меня, къ чему можетъ повести эта война съ Пруссіей, почему двѣ націи, созданныя для взаимной любви и уваженія, станутъ биться между собою и глубоко терзать, такимъ образомъ, самихъ себя?» Онъ припомнилъ, что прусскій король первымъ призналъ его династію. Затѣмъ, рѣшивъ, что онъ достаточно помучилъ Гаугвица, онъ отпустилъ его, сказавъ: «Въ этотъ моментъ, когда мы разговариваемъ, Таллейранъ, быть можетъ, уже подписалъ миръ съ Австріей, и я не знаю, какія отношенія предстоятъ намъ въ будущемъ... До пріятнаго свиданія!»

Это свиданіе до нѣкоторой степени успокоило его относительно намѣреній Пруссіи. Курьеръ, посланный Таллейраномъ, привезъ ему сообщеніе о первой конференціи съ австрійцами [1]), происходившей 13 декабря. Они отказываются отъ Венеціи и Береговой полосы; они уступаютъ Тироль великому герцогу курфюрсту зальцбургскому; они соглашаются отложить до общаго мира вопросъ о раздѣленіи двухъ коронъ въ Италіи;

[1]) Rapport de Talleyrand, Brünn, 13 décembre 1805. Cf. Beer, p. 202—203.

но они не соглашаются на пятьдесятъ милліоновъ франковъ контрибуціи [1]), не даютъ согласія относительно Истріи и Далмаціи, они рѣшительно противъ присутствія французовъ въ Албаніи, они требуютъ компенсацій—Рагузы и курфюршества зальцбургскаго, наконецъ, они требуютъ ганноверское курфюршество для одного эрцгерцога. Это требованіе изумило Таллейрана, онъ усматриваетъ въ немъ средство разсорить Австрію съ Англіей, Россіей, Пруссіей, но видитъ также и результатъ этого—отдѣленіе Пруссіи отъ Франціи и упроченіе Австріи въ Сѣверной Германіи.

Наполеонъ видитъ въ этомъ соблазнительный маневръ. Его оскорбленное чувство сдается передъ очевиднымъ интересомъ. Онъ велъ переговоры такъ, какъ и сражался,—ради результатовъ: еще одинъ разъ онъ дѣлаетъ попытку относительно прусскаго союза, и на этотъ разъ вѣритъ въ удачу. Онъ сейчасъ же черезъ Дюрока опять призываетъ Гаугвица. Къ вечеру прусскій посолъ прибылъ въ Шенбрюннъ. Этотъ пріемъ слишкомъ отличался отъ утренняго. «Миръ не подписанъ, говоритъ Наполеонъ, это несправедливо; быть можетъ, добрый геній Франціи и Пруссіи удержалъ перо уполномоченныхъ... Они лукавцы, эти австрійцы; и на этотъ разъ, быть можетъ, имъ придется раскаяться. Еще сегодня утромъ я думалъ, что война съ Пруссіей была неизбѣжна; и теперь—если вы желаете этого, если вы можете подписать со мною договоръ, который я предложу вамъ, то вы получите то, что въ концѣ концовъ должно въ высшей степени интересовать васъ, а я получу залогъ дружбы съ королемъ; единеніе между Франціей и Пруссіей будетъ упрочено навсегда...» Тогда, чтобы убѣдить Гаугвица, онъ показалъ ему письмо Таллейрана. Это былъ его автографъ. Гаугвицъ зналъ его руку, онъ ничуть не сомнѣвался въ подлинности документа. Онъ прочиталъ, что Австрія требовала Ганновера для одного эрцгерцога. Шансы перемѣнились. По какой-то необыкновенной случайности, этотъ дипломатъ—такъ умѣвшій ускользать, замѣшкался. Онъ принялъ предложеніе.

Наполеонъ объясняется, очаровывая своими предложеніями, замѣчательною проницательностію ума, своею манерою строить будущее и творить исторію: «Рѣшительно нѣтъ никакой альтернативы, говоритъ онъ. Я желаю мира на континентѣ; желаю его для того, чтобы покончить съ Англіей. Отъ меня зависитъ выбрать союзъ съ Австріей, съ Пруссіей или съ Россіей... Вы сами знаете, что мнѣ ничего не стоило бы имѣть союзницей Австрію. Но мнѣ противно вступать въ союзъ съ державою, которую я только что разгромилъ... Впрочемъ этотъ союзъ

[1]) Сорель t. VI, стр. 416.

© ИТБ

не во вкусѣ моей націи, съ которымъ я считаюсь гораздо больше, чѣмъ это думаютъ. Что касается Россіи, то она будетъ со мною,—не сейчасъ, но черезъ годъ, черезъ два, черезъ три. Время сглаживаетъ всѣ воспоминанія, и этотъ союзъ, быть можетъ, былъ бы для меня самымъ подходящимъ...» Онъ продолжалъ: «Не наступилъ ли для Пруссіи моментъ довершить дѣло Фридриха? Вамъ не хватаетъ части Силезіи». Гаугвицъ, какъ только улучилъ возможность вставить слово, сейчасъ же выдвинулъ свою любимую идею: тройственный союзъ Франціи, Пруссіи и Россіи. «Ну хорошо, сказалъ Наполеонъ, ничего другого я и не желаю... И королю предстоитъ оказать эту великую услугу міру... Но для этого нужны продолжительные и трудные переговоры. Теперь время не терпитъ; наши арміи скоро будутъ стоять одна противъ другой». Онъ желаетъ добиться отъ Пруссіи полной гарантіи: «Думаете ли вы, что безъ этой гарантіи я могъ бы рѣшиться отвести мои войска на берега океана?.. Къ какому результату приведетъ это, если даже и предположить, что сейчасъ же не вспыхнетъ война между Франціей и Пруссіей? Я опять возьму то, что я завоевалъ, я опять укрѣплюсь въ Ганноверѣ. Мои войска останутся въ Имперіи и въ Голландіи, и король точно такъ же окажется вынужденнымъ принять противъ меня угрожающее положеніе, хотя бы и съ единственною цѣлію защищать свои владѣнія». Договоръ, во время подписанный, могъ избавить отъ этого. Наполеонъ предложилъ его, Гаугвицъ принялъ его. Присутствовавшій при разговорѣ Дюрокъ началъ писать. Параграфы были набросаны во время засѣданія:[1])—Союзъ наступательный и оборонительный. Прусскій король вступитъ, со всею полнотою власти, во владѣніе нѣмецкими землями англійскаго короля—Ганноверомъ. Онъ уступаетъ Баварскому королю Анспахъ, Наполеону—княжество Невшательское, Клеве онъ отдаетъ въ распоряженіе принца, котораго укажетъ Наполеонъ. Прусскій король гарантируетъ королевство Баварское, государства Вюртембергское и Баденъ, съ ихъ расширеніями, указанными въ договорѣ, «государства принадлежащія Франціи со всѣми увеличеніями, какія она можетъ пріобрѣсть въ Италіи»; независимость и цѣлость Оттоманской имперіи. Обмѣнъ ратификацій совершится въ трехнедѣльный срокъ.

Когда эти условія были приняты въ принципѣ, Наполеонъ написалъ Талейрану: «Я вижу, что миръ еще не будетъ подписанъ на слѣдующей недѣлѣ. Я нисколько объ этомъ не жалѣю. Дѣло усложняется, какъ это вы увидите изъ моей сегодняшней конференціи съ Гаугвицемъ. ... Увѣренный въ Пруссіи, я заставлю Австрію пойти по тому пути, какой будетъ мнѣ желателенъ. Точно такъ же я заставлю Пруссію выска-

[1]) De Clercq, t. II, p. 143.

заться противъ Англіи». Какъ только исчезли тревоги относительно Пруссіи, онъ чувствуетъ себя господиномъ дѣлъ въ Неаполѣ: «Я вовсе не желаю, чтобы сюда вмѣшивался императоръ, и, наконецъ, я желаю наказать эту плутовку...»

Договоръ былъ подписанъ въ Шенбрюннѣ пятнадцатаго декабря. Гаугвицъ отправился съ нимъ въ Берлинъ, убѣжденный, что онъ спасъ монархію. Наполеонъ не сомнѣвался въ ратификаціи прусскаго короля; но, поразмысливъ, онъ счелъ нужнымъ поприжать его еще больше, и двадцатаго декабря онъ писалъ Лафоресту черезъ Таллейрана: «Параграфъ договора, относящійся къ Италіи, имѣетъ въ виду всю Италію» то есть, не только королевство, увеличенное Венеціей, но и Неаполь, о которомъ договоръ ничего не говорилъ, и куда Пруссія вовсе не должна была вмѣшиваться; дальше идетъ замѣтка относительно Гарденберга: «Гарденбергъ оскорбилъ Францію... Ни вы, никто не долженъ имѣть сношеній съ этимъ министромъ». Кромѣ того, Лафорестъ намекнетъ на отозваніе Луккезини. Эти комментаріи слишкомъ расширяли договоръ. «Наполеонъ, говорилъ про него Таллейранъ, чѣмъ больше онъ ѣстъ, тѣмъ сильнѣе разыгрывается у него аппетитъ» [1]).

Послѣ того, Наполеонъ призвалъ Таллейрана въ Вѣну и приказалъ ему перенести въ Пресбургъ переговоры съ австрійцами. Потомъ, не открывая своихъ надеждъ, онъ писалъ Іосифу:[2]) «Я вовсе не привыкъ вести мою политику, прислушиваясь къ глухому ропоту Парижа... Вы увидите, что самый выгодный миръ, какой я смогу заключить, будетъ признанъ невыгоднымъ тѣми самыми лицами, которыя такъ требуютъ его» [3]).

Этотъ миръ былъ заключенъ 26 декабря, въ Пресбургѣ [4]). Австрія возвращаетъ все, что она пріобрѣла въ Италіи по Кампо-Формійскому договору: Венецію, Истрію, Далмацію, Каттаро, сохраняя за собою лишь одинъ рыночный пунктъ на Адріатическомъ морѣ—Тріестъ. Она признаетъ объединенія, произведенныя Франціей въ Италіи. Она уступаетъ Баваріи

[1]) Rapport du Ginlay, 15 décembre 1805. Béer, p. 203.

[2]) A Joseph, 15 décembre 1805.

[3]) См. т. V, стр. 210, 215 критическія замѣтки La Revellière и его друзей относительно Кампо-Формio. Michelet приписалъ себѣ этотъ выводъ: *Histoire du dix-neuvième siècle*, t. II, liv. II, ch. V: Бонапартъ обманутый Австріей, и ch. XIII.—T. III, liv. III, ch. V: Austerlitz: „Онъ былъ очень расположенъ послѣдовать совѣту, который былъ ему данъ Таллейраномъ: щадить Австрію. Хромой ничего не говорилъ господину своему такого, чего тотъ не имѣлъ бы въ мысляхъ, или чего онъ не сдѣлалъ бы уже въ Леобенѣ, Кампо-Формio... Австрія осталась тѣмъ, чѣмъ была, готовая къ постепенному возстановленію, готовая вести съ нами войну 1809“.

[4]) Ратификованъ 1 января 1806 года. De Clercq, t. II, p. 145.

© ГПБ СПбГУ

Тироль, Форарльбергъ, Бриксенъ, Трієнтъ, Пассау, Линдау; Вюртембергу она уступаетъ пять городовъ на Дунаѣ и часть Брейзгау; Бадену—Ортенау, городъ Констанцъ. Съ другой стороны, Баварія уступаетъ Вюрцбургъ великому герцогу курфюрсту зальцбургскому, и Зальцбургъ переходитъ къ Австріи. Въ окончательномъ итогѣ Австрія теряетъ 65,000 квадратныхъ километровъ, 3,000,000 жителей, тринадцать съ половиной милліоновъ флориновъ дохода. Въ политическомъ отношеніи она теряетъ гораздо больше: она признаетъ Наполеона, такъ сказать, королемъ Италіи, лишь предоставляя ему во время заключенія полнаго мира раздѣлить объ короны навсегда. Изгнанная изъ Италіи, она потерпѣла ущербъ въ Германіи, гдѣ она признаетъ двухъ королей во всей полнотѣ власти; оставляетъ на произволъ судьбы непосредственное имперское дворянство, видитъ, что величіе императора превратилось въ ничто. Для Франціи это—завершеніе Кампо-Форміо: Италія находится подъ французскимъ главенствомъ, которое распространилось и на Германію, благодаря концентраціи земель въ рукахъ союзниковъ и клієнтовъ Франціи. Въ соединеніи съ прусскимъ договоромъ этотъ договоръ съ Австрієй подготовилъ завершеніе великаго дѣла, задуманнаго съ начала революціи, и которое продолжали Комитетъ Общественнаго Спасенія и Директорія: разрушеніе Священной Имперіи и отливку Германіи въ конфедерацію подъ покровительствомъ Франціи [1]).

Но еще бо́льшее значеніе договоръ представлялъ тѣмъ, о чемъ онъ умалчивалъ. Въ немъ ничего не говорилось о Неаполѣ, какъ этого требовалъ Наполеонъ. Онъ сейчасъ же принялъ мѣры для «наказанія плутовки». 26 декабря, въ тотъ часъ, когда Талейранъ прикладывалъ свою подпись въ Пресбургѣ, Наполеонъ диктовалъ свой XXXVII *Бюллетень*: «Генералъ Сенъ-Сиръ форсированнымъ маршемъ идетъ на Неаполь, чтобы наказать королеву за измѣну и чтобы свергнуть съ престола эту преступную женщину, съ такимъ безстыдствомъ поправшую все, что есть святого у людей... Желали было вступиться за нее предъ императоромъ. Онъ отвѣтилъ: Неаполитанская королева перестала царствовать. Это послѣднее преступленіе рѣшило ея участь; пусть она отправляется въ Лондонъ... составить тайный комитетъ съ Драке, Сидней-Смитомъ, Виккгамомъ... съ Ферзеномъ, Антрэгомъ...» Директорія желала сдѣлать изъ Неаполя республику, платящую дань, Наполеонъ сдѣлаетъ изъ него жалованное королевство. Іосифъ пренебрегъ короной королей Ломбардскихъ, волей-неволей онъ приметъ корону Бурбоновъ: «Я хочу, чтобы мой родъ царствовалъ въ Неаполѣ такъ же долго, какъ во Франціи. Мнѣ необходимо Неаполитанское королевство». 27 декабря, забѣгая впередъ со-

[1]) См. т. IV, стр. 167, 171, 227, 229, 273; т. V, стр. 213; т. VI, стр. 16, 188 слѣд.

бытій, въ Шенбрюннѣ, въ апартаментѣ матери Маріи-Каролины, во дворцѣ императора, племянника и зятя этой королевы, онъ диктуетъ прокламацію, которая будетъ опубликована лишь по исполненіи постановленія: «Солдаты! Неаполитанская династія перестала царствовать. Ея существованіе несовмѣстимо съ спокойствіемъ Европы и съ честью моей короны... Впередъ! Опрокиньте въ море, разъ они ждутъ васъ, эти дряхлые батальоны морскихъ тирановъ... Не заставляйте меня дожидаться извѣстія, что вся Италія подчинилась моимъ законамъ и законамъ моихъ союзниковъ... Васъ поведетъ мой братъ». 31 декабря онъ отправляетъ свои инструкціи Іосифу: «Мое намѣреніе—завладѣть Неаполитанскимъ королевствомъ... Я назначаю васъ моимъ намѣстникомъ, главнокомандующимъ...»

Онъ отправился въ Мюнхенъ, чтобы принять выраженіе подданническихъ чувствъ лепныхъ королей своей имперіи и чтобы дать самому себѣ зрѣлище собственнаго величія. Его престижъ казался безграничнымъ, какъ это показывало раболѣпіе принцевъ и народовъ. Крики привѣтствія, объятія, тріумфальныя встрѣчи, пиршества, спектакли, военные смотры, всѣ знаки лести росли вокругъ него въ этомъ сытомъ и поверженномъ въ прахъ дворѣ. Но Наполеонъ требовалъ заложниковъ, требовалъ королевскихъ дочерей, чтобы смѣшать новую французскую кровь съ кровью старыхъ боговъ. Жозефина явилась раньше его въ Мюнхенъ. Какъ женщина опытная и вкрадчивая, она руководила тамъ маленькимъ придворнымъ романомъ, довольно запутаннымъ, развязкой котораго было письмо, написанное Наполеономъ къ Максимиліану-Іосифу: «Посылаю моего главнаго маршала двора, генерала Дюрока, просить у вашего высочества руки вашей дочери, принцессы Августы, для моего сына, Евгенія».—«Точно такъ же у меня возникъ проектъ, писалъ онъ Іосифу, брака вашей дочери съ князькомъ, который со временемъ станетъ важнымъ княземъ... Руку другой принцессы я прошу для Іеронима» [1]). Изъ Голландіи онъ намѣревается сдѣлать королевство для Людовика, а Каролину посадить великой герцогиней въ Клеве, который будетъ уступленъ Пруссіей. Между тѣмъ, помолвка Евгенія объединила короля и принца, которые дѣйствительно могутъ называть себя братомъ и кузеномъ, такъ какъ у нихъ одна и та же мать, Французская Революція, и такъ какъ они были возведены въ свое достоинство одною и тою же императорскою рукою.

Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидалъ Наполеонъ ратификаціи этихъ договоровъ. Обмѣнъ ратификацій Пресбургскаго договора произо-

[1]) Курфюрсту Баварскому, 21 декабря; Евгенію, Іосифу 31 декабря 1805. См. Frédéric Masson, t. III, ch. XVII.

шелъ 1 января 1806 года; ратификаціи договора съ Пруссіей все еще не были объявлены; а между тѣмъ этотъ договоръ составлялъ существенную часть его комбинаціи; безъ Пруссіи онъ не могъ воспользоваться Пресбургскимъ миромъ противъ Англіи.

II.

Въ Берлинѣ вооружались, волновались, не принимая какого бы то ни было опредѣленнаго рѣшенія [1]). Королева, принцъ Людовикъ-Фердинандъ, Гарденбергъ, Штейнъ побуждали къ быстрому и по всѣмъ пунктамъ выполненію трактата отъ 3 ноября, направленнаго противъ Наполеона. Лордъ Гароуби торопилъ подписать союзъ съ Англіей, обѣщая субсидіи, компенсаціи, Голландію, Бельгію. «Выступленіе войскъ въ походъ, доноситъ Меттернихъ, не подлежало сомнѣнію, по Франконіи всюду двигались впередъ аванпосты. Наконецъ вступили въ Богемію!». 10 числа, король писалъ Александру: «Ничто не задерживаетъ движенія моихъ войскъ на Богемію», и онъ отправляетъ майора Фюля, чтобы внести единство дѣйствія въ военныя операціи. Лафорестъ видитъ себя въ карантинѣ. Къ нему не смѣютъ приближаться. Ему приходится обращаться къ посредничеству—Ломбара и вѣчнаго жида Ефраима. 11-го узнаютъ о катастрофѣ, объ отступленіи русскихъ, о перемиріи, о предстоящемъ мирѣ съ Австріей, о разстроившемся посредничествѣ, о Пруссіи, доведенной до необходимости объясненій. Всѣ теряютъ голову. Гарденбергъ кажется пораженнымъ молніей. «Всѣ, пишетъ Меттернихъ, считаютъ Гаугвица погибшимъ». 17-го получается письмо Александра, привезенное Долгорукимъ: «Нужно было видѣть обращеніе съ нами, чтобы имѣть о немъ какое-нибудь представленіе!—Во всякомъ случаѣ я всегда готовъ поддержать ваше величество всѣми моими силами и даже лично себя отдаю въ ваше распоряженіе».—«Письмо вашего величества вполнѣ характеризуетъ вашу прекрасную душу», отвѣчаетъ Фридрихъ-Вильгельмъ [2]). Но онъ видитъ, что прусская армія, вмѣсто того, чтобы сдѣлать фланговое движеніе и окружить армію Наполеона, сама находится въ опасности быть отрѣзанной имъ. Онъ словно проснулся. Его посредничество рушится; потерянное равновѣсіе онъ находитъ только въ нейтралитетѣ. «За исключеніемъ случая, когда бы сама Франція пригласила его, пишетъ Лафорестъ, онъ не хочетъ вмѣшиваться между нею и Австріей, но онъ желаетъ вступить въ переговоры о своихъ частныхъ интересахъ и до-

[1]) Cf. Rapports de Laforest, 23 novembre—9 décembre 1805.—Rapports de Metternich, 7 décembre. 1805—16 janvier 1806.

[2]) Александръ къ Фридриху-Вильгельму, 6 декабря. — Фридрихъ-Вильгельмъ Александру, 17 декабря 1805 г. Bailleu.

стигнуть нѣкоторыхъ выгодъ взамѣнъ тѣхъ гарантій, которыя онъ расположенъ дать» [1]); «особенно относительно Ганновера и относительно спокойствія Сѣвера», прибавляетъ самъ король въ письмѣ, посланномъ Наполеону съ тѣмъ самымъ Фюлемъ, который наканунѣ согласовалъ мѣры, направленныя къ тому, чтобы напасть врасплохъ и уничтожить французскую армію.

Договоръ 15 декабря превзошелъ ожиданія Фридриха-Вильгельма: войны нѣтъ, спокойствіе Сѣвера гарантировано, и Ганноверъ! Гаугвицъ представляетъ ему этотъ договоръ, 26-го, комментируетъ его, видитъ въ немъ спасеніе и въ то же время «блестящее пріобрѣтеніе». Но король читаетъ въ договорѣ одно слово, которое онъ не рѣшается произнести; которое съ 1795 года Пруссія устраняетъ во всѣхъ своихъ соглашеніяхъ съ Франціей, даже самыхъ выгодныхъ:—союзъ, тотъ союзъ, въ которомъ его отецъ отказалъ Комитету Общественнаго Спасенія, въ которомъ онъ самъ отказалъ Директоріи, первому Консулу, и который онъ, 3 ноября, обѣщалъ Александру. Александръ предлагаетъ свою армію, себя самого, и Фридрихъ-Вильгельмъ протянетъ руку Наполеону, получитъ плату за свое вѣроломство? И сдѣлаетъ это въ присутствіи Меттерниха, который является представителемъ гибнущей имперіи, Гароуби, который представляетъ Англію, готовую подписать договоръ, и которую нагло ограбили бы; въ присутствіи Алопеуса, Долгорукаго, Строгонова, въ присутствіи, наконецъ, великаго князя Константина, котораго Александръ ввѣрилъ своему другу, арміи, знати, прусской королевѣ! «Тѣмъ не менѣе, эта несчастная королева нашъ совершенно искренній другъ», пишетъ Строгоновъ [2]). Она и всѣ милыя женщины желаютъ намъ величайшаго блага, и если бы оно зависѣло только отъ нихъ, все шло бы хорошо. Въ этомъ отношеніи королева очень заслуживаетъ сожалѣнія... Пусть Убриль разскажетъ вамъ про всѣ тѣ сцены, которыя она имѣла съ нимъ, про всѣ слезы, которыхъ мы ей стоимъ!.. Какъ она мила, эта королева!» Чувство стыда охватываетъ Фридриха-Вильгельма: отступить съ оружіемъ въ рукахъ, сдаться, не имѣя никакого извиненія, нарушить королевское слово, измѣнить дружбѣ! — Пруссія Фридриха Великаго пала бы ниже Баваріи Наполеона! Имъ овладѣваетъ гнѣвъ противъ Гаугвица. Онъ заявляетъ Долгорукову, что никогда не отдѣлитъ онъ своей судьбы отъ судьбы Александра.

Какъ только явилось подозрѣніе относительно договора, вокругъ короля

[1]) Рапортъ Laforest'a, 18 декабря. — Фридрихъ-Вильгельмъ Наполеону, 19 декабря 1805.

[2]) Къ Чарторыйскому, 22 декабря 1805 г.—Великій русскій князь Николай: *Строгоновъ.*

Кабинет Печати
Ленинградский Государственный Педагогический Институт им. Горького
КАБИНЕТ ИСТОРИИ
Инв. № 4783
Публичная библиотека
Ленинградский Государственный Педагогический Институт им. Горького
Ленинград
Д 75199

поднялся настоящій вопль: Бонапартъ щадитъ его лишь для того, чтобы обезоружить и погубить его. «Корсиканецъ хочетъ господствовать на континентѣ и третировать всѣхъ государей, какъ своихъ вассаловъ», говорили русскіе. Общее негодованіе возвращаетъ Гарденбергу его значеніе. Онъ чувствуетъ себя настолько поднявшимся, насколько упалъ Гаугвицъ. Такъ какъ Наполеонъ изгналъ его, и такъ какъ все потеряно съ этой стороны, то онъ бросается въ противоположную крайность. Наполеона слишкомъ много превознесли; Пруссія заставитъ корсиканца поступиться. Стоитъ только заговорить повелительнымъ тономъ, какимъ говорятъ, стоя во главѣ 180,000 солдатъ, прошедшихъ школу Фридриха, и располагая въ резервѣ всею русскою арміею! Кромѣ того, въ Парижѣ существуетъ партія мира, прусская партія, на которую можно разсчитывать [1]). Но этотъ дипломатъ былъ изъ тѣхъ, которые негодуютъ на словахъ, и убѣжденія которыхъ связаны съ исключительно практическими соображеніями. Онъ отдается размышленіямъ. Можно ли теперь остановить потокъ? спрашиваетъ онъ себя. Слишкомъ поздно. «Расширяться можно, лишь отведя этотъ потокъ въ нашу сторону и захвативъ значительную долю оставленной земли. Пруссія должна расширяться, если не желаетъ идти къ упадку. Англія своею торговою монополіей... является самымъ опаснымъ врагомъ континента, его промышленности, его благосостоянія. Слѣдовательно, нужно скорѣе помочь Франціи въ средствахъ раздавить Англію, чѣмъ спасти ее. Но какъ даже оправдывать подобную систему государственными интересами и передъ совѣстью короля, если только выгодные результаты союза прежде всего не дадутъ на дѣлѣ столько силы и вліянія Пруссіи, чтобы она оставалась по истинѣ независимой, и чтобы она могла съ успѣхомъ сопротивляться двумъ колоссамъ, которые ее давятъ?.. Нужно было бы по крайней мѣрѣ увѣриться относительно дѣйствительнаго полученія большихъ выгодъ». Онъ высчитываетъ эти выгоды: взамѣнъ Клеве, Невшателя, Ансбаха, т. е. 375,000 душъ и 1,556,077 талеровъ дохода и въ утѣшеніе королю за испытываемыя имъ мученія при мысли «о пожертвованіи старыми провинціями», онъ потребуетъ Ганноверъ, Оснабрюкъ, земли во Франконіи, Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, — 858,000 душъ, 3,967,000 талеровъ. И это послужитъ лишь началомъ, средствомъ получить выгоды болѣе широкія. «Пруссія еще не можетъ остановиться въ своихъ расширеніяхъ безъ того, чтобы не придти въ упадокъ... Если Пруссія будетъ продолжать развиваться, какъ въ послѣдніе четыре вѣка, то, по всей вѣроятности, не на западѣ сможетъ она расширяться; это будетъ на югѣ и,

[1]) Донесенія Долгорукаго, 18, 24, 27 декабря 1805 г., 29 января 1806.— Ranke, *Récit de Hardenberg*, t. II, 387 et suiv., t. V., pièces: Notes de Hardenberg sur le rapport de Haugwitz, Mémoires remis au roi.

быть можетъ, на берегахъ Вислы. Кто знаетъ, какую участь сила обстоятельствъ готовитъ Гессену, Саксоніи, Богеміи?» Наконецъ, Германія: «Старое зданіе Германской Конституціи представляетъ лишь нѣсколько развалинъ...» Реформа неизбѣжна. «Пруссія должна взять на себя эту заботу; она не потерпитъ, чтобы это совершилось безъ ея содѣйствія». За ея услуги и за ея терпѣніе пусть Наполеонъ позволитъ ей «увеличиваться, постоянно усиливать свое могущество на сѣверѣ, господствовать надъ нимъ, какъ Франція господствуетъ надъ Западомъ и южными частями Европы... Пусть весь сѣверъ Германіи отъ моря до Майна будетъ подчиненъ главенству Пруссіи или ея рѣшительному вліянію». Германію можно было бы раздѣлить на три конфедераціи: Австрію, южную Германію съ Баварскимъ королемъ во главѣ; сѣверную Германію съ Прусскимъ королемъ во главѣ; земли имперскаго дворянства, поставленныя подъ суверенную власть тѣхъ принцевъ, въ территоріи которыхъ онѣ врѣзались. Надъ тремя конфедераціями были бы имперскій сеймъ и императоръ, избираемый для устройства общихъ дѣлъ и дѣла защиты, который заботился бы о безопасности имперіи, объ ея гарантіяхъ. Вотъ чего Гарденбергъ надѣялся достигнуть отъ Наполеона — побѣдителя при Аустерлицѣ—за ту услугу, которую ему оказала Пруссія тѣмъ, что не рискнула подвергнуться ударамъ съ его стороны. Онъ заключалъ: не ратификовать вѣнскаго договора; въ противовѣсъ Потсдамскимъ условіямъ редактировать новый договоръ, состоящій изъ статей явныхъ, которыя бы говорили о нейтралитетѣ и его цѣнѣ—Ганноверѣ, и о томъ, что могло бы быть сообщено Россіи, и изъ статей секретныхъ, которыя бы говорили о союзѣ и о громадномъ вознагражденіи за него.

Фридрихъ-Вильгельмъ не созрѣлъ для этихъ широкихъ плановъ. Онъ сталъ совѣтоваться съ своими обычными нерѣшительными совѣтниками — Шуленбургомъ. Брауншвейгомъ. Они давали лишь неопредѣленные совѣты, дѣлали лишь двусмысленныя предложенія [1]). Затѣмъ, вслѣдствіе совѣта, на который онъ собралъ всѣхъ нерѣшительныхъ членовъ своего министерства и своего кабинета, онъ остановился на смѣшанной комбинаціи, которая одновременно ставила своей цѣлію и простую ратификацію, рекомендованную Гаугвицемъ, и полную передѣлку трактата, рекомендованную Гарденбергомъ. Онъ не хотѣлъ давать никакихъ обѣщаній ни противъ Россіи, ни противъ Англіи, ни противъ Неаполя, что исключало союзъ наступательный. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ неблагоразумнымъ формально отказаться отъ Вѣнскаго договора; и, такимъ образомъ, онъ

[1]) Mémoires de Hardenberg, 30 décembre 1805, 1-er janvier, 5 février 1806; Mémoires de Schulenbourg et de Brunswick. Ranke, t. II.

подписалъ ратификаціи, но и внесъ поправки, которыя цѣликомъ измѣнили содержаніе и значеніе акта.

Союзъ этотъ—чисто оборонительный. Гарантія, касающаяся расширеній Франціи въ Италіи, распространяется лишь на тѣ, которыя извѣстны Пруссіи, то есть на Венеціанскую Область, но ни мало на Неаполь, при чемъ эта гарантія будетъ дѣйствительной лишь послѣ того, какъ Англія санкціонируетъ пріобрѣтеніе Пруссіей Ганновера; до наступленія же полнаго мира Прусскій король ограничится оккупаціей этого курфюршества.

«Договоръ 15 декабря, говоритъ Гаугвицъ Лафоресту,—только первый набросокъ, сдѣланный въ общихъ чертахъ передъ глазами императора или, вѣрнѣе, продиктованный имъ. Въ немъ меньше занимаются словами чѣмъ дѣломъ, и на него нужно смотрѣть какъ на краткое изложеніе содержанія болѣе подробнаго трактата, который будетъ составленъ въ болѣе свободное время и будетъ обсужденъ при одинаковыхъ условіяхъ для обѣихъ сторонъ» [1]).

Чтобы спасти свое достоинство, чтобы прикрыть отказъ отъ своей роли посредника, чтобы соединить въ одно свои союзы съ Россіей съ тѣми, которые онъ подписалъ бы съ Франціей,—Фридрихъ-Вильгельмъ задумалъ объединить между собою своихъ двухъ союзниковъ и себя при помощи тройной гарантіи ихъ владѣній [2]). «Ваше Величество, писалъ онъ Наполеону 4 января, знаетъ мои отношенія съ одной стороны съ Россіей, съ другой стороны съ императоромъ, союзъ 1800 года и дружбу съ Александромъ. Я признаюсь вамъ, что я лишь тогда буду совершенно удовлетворенъ, когда мнѣ удастся установить между вами обоими тѣ отношенія, которыя соотвѣтствуютъ вашимъ двумъ имперіямъ».

Но этотъ несчастный король не могъ написать письма, чтобы въ противовѣсъ ему не написать другого, и его политика на востокѣ и западѣ, подобно его курьерамъ, разбѣгалась въ совершенно противоположныя направленія. 7 января 1806 года онъ написалъ Александру письмо, которое довѣрилъ герцогу Брауншвейгскому: «Общественныя бѣдствія не даютъ мнѣ свободы выбора». Герцогъ Брауншвейгскій «представитъ вашему величеству то, что должно быть извѣстно вамъ во всей полнотѣ»: это «ненарушимая прочность существующихъ связей», это намѣреніе «продолжать съ нимъ самое интимное согласіе»... это то, что «его отношенія съ Франціей нисколько не помѣшаютъ ему поддерживать съ императоромъ Александромъ его, основанныя на довѣ-

[1]) Rapport de Laforest, 4 janvier; dépêche à Lucchesini, 9 janvier 1806.
[2]) A Lucchesini, 9 janvier 1806.

ріи, отношенія во всемъ, что касается общихъ дѣлъ Европы» [1]). При помощи этой запутанности своего рода страховокъ, перестраховокъ, контръ-страховокъ Прусскій король вѣрилъ, что онъ сохраняетъ для себя всѣ выходы, включительно до возможности оставаться лойяльнымъ, обманывая весь свѣтъ. Но сквозь безполезную и запутанную двойственность формъ, просвѣчивала задняя мысль, и Гаугвицъ говорилъ чистую правду, когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сдѣлалъ слѣдующее признаніе Гентцу: «Если когда-нибудь существовало государство, которое мы намѣревались обмануть, такъ это—Франція. Изъ этого намѣренія необходимость сдѣлала для насъ законъ. Мы постоянно желали блага всѣхъ другихъ государствъ. Съ давнихъ временъ мы были убѣждены, что миръ и Наполеонъ исключаютъ другъ друга. Мы могли сохранить лишь одно подобіе мира» [2]). Вотъ въ какомъ настроеніи духа Гаугвицъ отправился въ Парижъ, 14 января, съ новымъ договоромъ. Лафоресть уже отослалъ добавленія Наполеону.

III.

Наполеонъ еще оставался въ Мюнхенѣ, весь ушедши въ радости своей побѣды, а также въ извлеченіе изъ нея выгодъ. Свадьба Евгенія Богарне съ принцессой Августой Баварской состоялась 15 января. Евгеній, усыновленный императоромъ, былъ названъ вице-королемъ Италіи. Наполеонъ занимается урегулированіемъ связей, «которыя должны существовать между всѣми федеративными государствами французской имперіи» [3]). Это еще болѣе громадная имперія, чѣмъ та, которую она окружаетъ, это валъ, лежащій за естественными границами Франціи, это—система союзовъ, федеральная связь которыхъ дѣлается болѣе прочною, благодаря узамъ родства. Въ дѣйствительности это—планы главенства республики, примѣняемые къ формамъ, которыя принадлежатъ имперіи. Это—западная имперія, предсказанная въ 1802 году, какъ результатъ разрыва Амьенскаго договора [4]). Аустерлицъ сдѣлалъ ее возможною, а Наполеонъ считаетъ необходимою для того, чтобы упрочить результаты Аустерлица. Свои мысли онъ открываетъ въ своихъ письмахъ къ Пію VII. У него выходитъ конфликтъ съ папой, конфликтъ семейный и конфликтъ политическій: думая о тронахъ для всѣхъ своихъ братьевъ, онъ хочетъ разорвать неосмотрительный бракъ, заключенный его младшимъ братомъ Іеро-

[1]) Dépêche au comte Goltz, à Pétersbourg, 8 janvier; instruction au duc de Brunswick, 17 janvier 1806. Ranke.
[2]) *Mémoires et lettres inédites du chevalier de Gentz*, p. 237.
[3]) Message au Sénat, 12 janvier 1806.
[4]) См. стр. VI, p. 211 сл.

нимомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Но папа ни мало не соглашается на это. Онъ хочетъ примѣнять въ Италіи конкордатъ и гражданскій бракъ, какъ во Франціи, но папа противится этому. Ему нужна Анкона, и онъ занимаетъ ее подъ тѣмъ предлогомъ, что папа не выполняетъ своихъ обязательствъ. 7-го января онъ пишетъ папѣ: «Я всегда буду защищать Святой Престолъ, не смотря на ложные шаги, на неблагодарность и дурное отношеніе людей, которые обнаружили себя въ эти три мѣсяца. Они считали меня погибшимъ. Перстъ Божій ясно виденъ въ тѣхъ удачахъ, въ которыхъ онъ помогалъ моимъ войскамъ, въ той защитѣ, которую онъ оказалъ моему дѣлу. Я занялъ Анкону въ качествѣ покровителя. Подобно моимъ предшественникамъ второго и третьяго колѣна, я смотрѣлъ на себя какъ на старшаго сына Церкви, который одинъ имѣетъ мечъ, чтобы защищать ее, чтобы поставить ее внѣ опасности быть оскверняемой греками и мусульманами... Ваше святѣйшество свободны предпочитать и англичанъ и константинопольскаго калифа!» Пій VII не желаетъ, чтобы Фешъ продолжалъ оставаться представителемъ Франціи; Консальви отказывается вести съ нимъ переговоры. Императоръ отзоветъ Феша, но раньше, 7 января, онъ отправляетъ ему посланіе, которое напоминаетъ комментарій къ *Essai sur les moeurs:* «Я религіозенъ, но я не ханжа. Константинъ раздѣлилъ элементы гражданскій и военный. Я тоже могу назначить сенатора, который отъ моего имени повелѣвалъ бы въ Римѣ. Для папы я—Карлъ Великій, потому что я объединилъ короны французскую и ломбардскую, и потому что моя имперія соприкасается съ Востокомъ... Я не желаю въ Римѣ ни русскаго, ни сардинскаго посланника... Скажите Консальви, что, если онъ любитъ свое отечество, то онъ долженъ оставить министерство, или пусть онъ дѣлаетъ то, что я приказываю».

Консальви будетъ отставленъ, какъ это было съ Актономъ въ Неаполѣ, съ Кобенцлемъ въ Вѣнѣ, гдѣ его замѣщаетъ Стадіонъ, какъ это должно быть съ Гарденбергомъ въ Берлинѣ. Послѣ этого, Наполеонъ принимаетъ курьера отъ Лафореста: неопредѣленность, поправки, придирки, двусмысленность. «Этотъ прусскій дворъ очень лживъ и очень тупъ. Вся моя армія еще находится въ Германіи!..» И онъ приказываетъ Бертье: «Великая армія продолжаетъ существовать. И такъ вы позаботитесь, чтобы маршалъ Ожеро продолжалъ сообщаться съ вами, и чтобы всѣ освѣдомляли васъ о своемъ положеніи. Никто не долженъ догадываться, каковы мои дальнѣйшіе планы. Мои дѣла съ Пруссіей еще не совсѣмъ покончены» [1]).

[1]) Къ Бертье, изъ Карлсруэ и Страсбурга, 21, 24 января; къ Іосифу, 7 февраля 1806 г, ретроспективно.

Онъ прибылъ въ Парижъ 24 января и поспѣшилъ принять тамъ въ свои руки бразды правленія. Прекращеніе торговли съ Востокомъ вслѣдствіе морской войны, потерянныя или блокированныя колоніи, Англія, закрытая для французскихъ винъ, подорванный кредитъ, банкротство, недостатокъ звонкой монеты, денежные проценты, возросшіе до 24 на сто, остановка всякихъ спекуляцій, парализованная промышленность,—вотъ что рисовали ему полицейскіе рапорты, письма его близкихъ, и что иностранные министры описывали своимъ правительствамъ [1]). Но бюллетени арміи, трофеи, миръ произвели свое обыкновенное дѣйствіе. Франція только и желала повѣрить этому. Наполеонъ вступилъ въ Парижъ веселый, здоровый, рвущійся къ дѣламъ. Подобно тому, какъ всякая битва снова ставила вопросъ о всѣхъ завоеваніяхъ, о самой Революціи, и глухо будила въ душахъ страшное воспоминаніе объ отечествѣ въ опасности, объ общественномъ спасеніи, такъ всякая кампанія, которая оканчивалась, казалась послѣднею, и послѣдняя побѣда, казалось, все рѣшала. Каждый разъ, какъ закатывавшееся за тріумфальными арками солнце обѣщало свѣтлые завтрашніе дни, снова начинали вѣрить въ миръ полный, окончательный и прекрасный [2]).

Оппозиція покорилась. Возобновили ли сношенія съ Лондономъ и Гаммономъ *друзья Англіи (Amis de l'Angleterre)?* Сношенія *друзей* Антрэга съ Россіей были пріостановлены [3]). Дальбергъ, хранившій секреты и шифръ Маркова, перешелъ къ другой сторонѣ. «Успѣхи Наполеона, сломившіе, наконецъ, всякое сопротивленіе, измѣнили его взгляды или, вѣрнѣе, его расчеты, разсказываетъ его другъ, Витролль. Легче было искать удачи, служа ему, чѣмъ нападая на него».—«Спрашиваютъ, писалъ въ это самое время Чарторыйскій, долго получавшій письма отъ Антрэга, какова была партія Наполеона. Можно было бы отвѣтить, что она вовсе не существовала. Она состояла исключительно изъ тѣхъ, у кого страхъ бралъ перевѣсъ надъ всѣми другими соображеніями... Эта партія увеличивалась, когда думали, что всякая оппозиція была бы безполезной и повела бы только къ большимъ разстройствамъ; но она держалась исключительно страхомъ» [4]). Всѣ эти люди болѣе или менѣе «приближались къ Таллейрану». Другіе, болѣе привязанные къ Революціи, «приближались» къ Фуше.

Но, хотя и скрывшись подъ землю, потокъ продолжался не съ меньшей силой. «Я, разсказывалъ Меттернихъ два года спустя, давно замѣчалъ существованіе партіи враждебной завоевательнымъ планамъ Наполеона. Эта

[1]) Рапортъ Lucchesini, 16 января 1806 г.

[2]) Chaptal, Pasquier, Barante.

[3]) «Парижскіе *другъ* и *подруга*, обращенные въ свою очередь подъ вліяніемъ успѣха, были въ числѣ приближенныхъ императора». Pingaud, 2-e edit., p. 318, 341.

[4]) Czartoryski, *Mémoires*, t. I, p. 381.—Vitrolles, t. I, p. 36.

партія размышляла, сближалась, росла въ тиши. Два человѣка занимали во Франціи первыя мѣста въ общественномъ мнѣніи, по своему вліянію... Таллейранъ и Фуше». Таллейранъ хвастаетъ, что онъ «всѣмъ возможнымъ для него вліяніемъ противился разрушительнымъ планамъ Наполеона». Это вліяніе остается «слабымъ въ томъ, что касается политическихъ взглядовъ императора, но могущественнымъ въ томъ, что касается ежедневныхъ средствъ осуществленія. Положительно мы обязаны ему болѣе или менѣе благопріятными оттѣнками пресбургскихъ переговоровъ» [1]). Фуше показываетъ себя не менѣе миролюбивымъ. Въ полицейскихъ бюллетеняхъ, адресуемыхъ имъ императору, онъ заставляетъ говорить общество, на которое онъ вліяетъ и которое возбуждаетъ черезъ своихъ эмиссаровъ. Оба они поддерживаютъ во Франціи ту иллюзію, что Европа желаетъ мира, что отъ императора зависитъ сохранять его,—а въ Европѣ они поддерживаютъ то убѣжденіе, что во Франціи существуетъ англійская партія, по словамъ англичанъ; прусская, по словамъ Гарденберга; русская, по словамъ Александра; партія мира, по словамъ Меттерниха, которая, «столь же далекая, какъ и всякая другая отъ союза съ заграницей», можетъ быть доведена «до все меньшаго и меньшаго сопротивленія тѣмъ усиліямъ, которыя могли бы быть оказаны людьми, взятыми изъ ея нѣдръ и одушевленными духомъ преобразованій».

Наполеонъ понялъ, что общее желаніе мира составляло основной тонъ народныхъ привѣтствій во время его проѣзда. «Отсюда, пишетъ одинъ дипломатъ, въ немъ выросло страстное желаніе принудить Англію къ миру всѣми средствами, доступными его воображенію. Его народы, пресыщенные славою, требуютъ отъ него покойной жизни и довольства [2])». И вдругъ начинаетъ казаться, что сейчасъ будетъ возможенъ тотъ миръ, къ которому онъ стремился такими страшными окольными путями. Маренго, Гогенлинденъ, Люневилльскій трактатъ повлекли за собою паденіе Питта, въ 1801 году, и Амьенскіе переговоры. Аустерлицъ и Пресбургъ сдѣлали больше: они убили Питта. Гибель коалиціи обрушилась на него въ разгаръ упоенія Трафальгарскимъ тріумфомъ. Онъ представлялъ себя у цѣли: Наполеонъ, завлеченный въ глубь Германіи, попалъ въ свои собственныя сѣти; онъ окруженъ, раздавленъ Австріей и Россіей; онъ обойденъ и отрѣзанъ Пруссіей отъ Франціи; онъ отвергнутъ, покинутъ французскимъ народомъ за то, что изъ за своего честолюбія онъ довелъ Республику до этой катастрофы; Франція, занятая врагами, принужденная просить мира и принять его, находится въ рукахъ Англіи. Это былъ рокъ: Питтъ предвидѣлъ то, что произошло восемь лѣтъ спустя, Лейп-

[1]) *Mémoire de Metternich*, 4 декабря 1808. Веег.

[2]) Рапортъ Lucchesini, 16 января 1806 г.

цигъ. Курьеры принесли извѣстіе о побѣдѣ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ узналъ объ отступленіи русскихъ и о самомъ разрывѣ коалиціи. Питтъ, больной подагрой, находился въ Батѣ. Подагра захватила сердце. Въ плачевномъ состояніи онъ былъ отнесенъ на свою виллу Путней. Разсказываютъ, что, когда его принесли туда, онъ замѣтилъ въ корридорѣ карту Европы, развѣшенную на стѣнѣ. Обернувшись къ своей племянницѣ, которая сопровождала его, онъ сказалъ: «Сверните эту карту, въ ней не будутъ нуждаться ранѣе какъ черезъ десять лѣтъ отъ теперешняго дня!» — «Отечество мое! — бормоталъ онъ,—въ какомъ состояніи оставляю я мое отечество!» Онъ умеръ 23 января.

Лишь тѣсное сближеніе всѣхъ партій казалось способнымъ смягчить эту потерю. Виги-демократы, благопріятно относившіеся къ миру, сгруппировались вокругъ лорда Гренвилля. Послѣдовали перемѣны въ министерствѣ: Гренвилль первый лордъ казначейства, Фоксъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Эрскинъ канцлеръ. Этотъ кабинетъ, какъ и предыдущій, держался твердаго рѣшенія вырвать Европу изъ подъ французскаго главенства. Но Фоксъ и его друзья надѣялись поставить Наполеона въ затруднительное положеніе, ведя искусную игру съ партіей мира, съ *друзьями Англіи* во Франціи. Если имъ не удастся сразу заставить его отступить, то, по крайней мѣрѣ, они сдѣлаютъ для него войну болѣе трудной и покажутъ антагонизмъ, становящійся все болѣе и болѣе глубокимъ, между *его* политикой и между желаніями и влеченіями Франціи. Эта точка зрѣнія вела ихъ къ тому, чтобы сдѣлать попытку относительно какихъ-нибудь переговоровъ, по крайней мѣрѣ по формѣ.

Въѣзжая въ Парижъ, Наполеонъ узналъ о безнадежномъ состояніи Питта [1]) и разсуждалъ по этому поводу совсѣмъ противоположно англичанамъ, но тоже ошибочнымъ образомъ. Онъ видитъ исчезновеніе Питта въ тотъ моментъ, когда его приказы доводили до исчезновенія со сцены Кобенцля, Консальви, Гарденберга. Онъ считалъ себя рѣшительно господиномъ положенія. Онъ воображалъ себѣ, что въ Англіи произойдетъ перемѣна въ общественномъ мнѣніи. Приписывая ожесточенную войну исключительно упорству Питта, обманываясь рапортами, указывавшими ему въ Англіи на партію мира и партію реформъ, вполнѣ склонныя къ соглашенію съ Франціей, готовыя сдаться ему, даже привѣтствовать его вступленіе въ Лондонъ, съ этого момента онъ считалъ миръ легкимъ и даже неизбѣжнымъ. Англія сама будетъ просить о мирѣ, какъ въ 1801 году, только еще болѣе упавшая духомъ, еще болѣе нуждающаяся въ немъ. Такимъ образомъ, онъ при-

[1]) Объ очень опасномъ положеніи Питта говорилось въ *Moniteur'*ѣ отъ 25 января. О смерти его было возвѣщено 4 февраля 1806 года. Въ тотъ же день возвѣщалось объ очень скоромъ вступленіи Фокса во власть.

© ЛитРес

писывалъ Фоксу и его друзьямъ тѣ намѣренія, которыя англичане, въ то же самое время, приписывали *друзьямъ Англіи* во Франціи, Талейрану, Фуше, ихъ повѣреннымъ. Онъ ожидалъ отъ Фокса и его друзей того же, чего союзники, въ частности англичане, дѣйствительно добились отъ Таллейрана, Фуше и ихъ друзей, въ 1814 и 1815 году. Онъ сейчасъ же приготовился связать ихъ этимъ миромъ, какъ только они протянутъ къ нему руку. Прежде всего, какъ и въ 1801 и 1802 году, онъ занялъ всѣ тѣ позиціи, которыя онъ намѣревался удержать, а также всѣ тѣ, благодаря которымъ онъ могъ бы держать англичанъ въ страхѣ.

Онъ пишетъ Іосифу: «Я желаю, чтобы въ первыхъ числахъ февраля вы вступили въ Неаполитанское королевство... Я желаю, чтобы Бурбоны перестали царствовать въ Неаполѣ, и я хочу посадить на этотъ тронъ одного изъ принцевъ моего дома; прежде всего васъ, если это вамъ нравится; другого кого нибудь, если это вамъ не нравится».—«Я желаю, чтобы мой родъ царствовалъ въ Неаполѣ такъ же долго, какъ и во Франціи. Неаполитанское королевство мнѣ необходимо».—«Это королевство, равно какъ Италія, Швейцарія, Голландія и три германскихъ королевства, составятъ мои федеративныя государства, или дѣйствительную французскую имперію»[1]). Онъ сообщаетъ Европѣ о лишеніи Бурбоновъ короны. Онъ публикуетъ въ Moniteur'ѣ отъ 1 февраля прокламацію, редактированную въ Шенбрюннѣ: «Бурбоны перестали царствовать. Сказанное въ моей прокламаціи непреложно» [2]). Онъ торопится отправить Міо къ Іосифу: «Вы скажете ему, что я дѣлаю его королемъ Неаполитанскимъ... но малѣйшее колебаніе, малѣйшая нерѣшительность погубитъ его окончательно. Въ глубинѣ моего сердца я назвалъ другого, чтобы замѣнить его, если онъ откажется. Я назову его Наполеономъ, онъ будетъ моимъ сыномъ. И именно поведеніе моего брата въ С. Клу (по поводу короно-ванія); именно его отказъ принять итальянскую корону заставили меня назвать Евгенія моимъ сыномъ. Я рѣшилъ дать тотъ же титулъ другому, если онъ еще принудитъ меня къ этому. Всякое чувство любви уступаетъ теперь мѣсто государственному интересу. Я признаю моими родственниками только тѣхъ, которые служатъ мнѣ... Своими пальцами и своимъ перомъ дѣлаю я дѣтей... Я болѣе не могу имѣть родственниковъ, находящихся въ неизвѣстности. Тѣ, которые не возвысятся со мною, не будутъ принадлежать къ моей семьѣ. Я образую семью коро-

[1]) Іосифу, 19, 27, 31 января.—Разговоръ съ Miot, 30 января 1806 года. *Mémoires de Miot*, t. II, p. 279.—Три германскихъ королевства: Баварія, Вюртембергъ и новое государство, которое еще предстояло образовать, съ предполагавшейся столицей Дюссельдорфомъ. Нота 30 января 1806 г., къ Таллейрану.

[2]) Іосифу, 7 февраля 1806 г.

лей или, вѣрнѣе, вице-королей. Король итальянскій и король неаполитанскій и другіе, которыхъ я пока не называю, всѣ составятъ одну федеративную систему». Эта система охватитъ всю Италію. «Вся Италія будетъ подчинена моимъ законамъ» [1]).

То же самое въ Германіи. Здѣсь онъ смотритъ на себя какъ на всеобщаго государя, какъ на раздавателя высшихъ чиновъ и земель. Онъ ведетъ здѣсь переговоры о новыхъ бракахъ. Онъ снова беретъ и координируетъ взгляды Сіэса и комитета общественнаго спасенія, традиціи Мазарини и Рейнской Лиги. То, что сдѣлалъ Мазарини, чтобы обезпечить королевское завоеваніе — Эльзасъ, онъ расширяетъ, чтобы обезпечить болѣе обширное завоеваніе Республики—лѣвый берегъ Рейна. Если бы онъ могъ, онъ сгруппировалъ бы Германію въ девять монархій: Австрію, отпавшую отъ Имперіи, Пруссію, Саксонію, Баварію, Вюртембергъ, Гессенъ-Кассель, Баденъ, Дармштадтъ и одно новое государство, составленное изъ герцогствъ Берга и Клеве, которое было бы включено въ французскую систему [2]).—«Я не желаю, чтобы Пруссія слишкомъ возрастала территоріально. Такой ростъ сдѣлалъ бы ее болѣе опасной для Россіи, но также сдѣлалъ бы ее болѣе опасной и для Франціи». Она упустила случай. Онъ поступитъ, какъ она,—будетъ торговаться. Пруссія принимала Ганноверъ подъ условіемъ не ссориться съ Англіей. Наполеонъ предложитъ ей Ганноверъ лишь подъ условіемъ возвратить его англичанамъ какъ залогъ будущаго мира. Онъ пишетъ Бертье 30 января—въ тотъ самый день, въ который онъ высказалъ свои намѣренія относительно Германіи: «Гаугвицъ еще не пріѣхалъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы моя армія была въ состояніи вести войну и дѣйствовать съ быстротою мысли, чтобы, если представится случай, мои проекты не были раскрыты».

Въ планы Гаугвица входило ѣхать медленно [3]). Онъ прибылъ 1-го февраля. Таллейранъ далъ ему три дня отдохнуть и принялъ его единственно съ тѣмъ, чтобы очень холодно взять изъ его рукъ исправленный трактатъ. 4-го Наполеонъ узналъ о перемѣнѣ англійскаго министерства. Сейчасъ же онъ поручаетъ Таллейрану передать Гаугвицу ноту «искреннюю и ясную», которую, въ случаѣ нужды, онъ смягчитъ въ разговорахъ такъ, чтобы Пруссія объясняла «суровость какъ слѣдствіе моего характера».—«Вы понимаете, что это имѣетъ двѣ цѣли: сохранить за мной полную свободу заключить миръ съ Англіей, если черезъ

[1]) Папѣ, Фешу, 13 февраля 1806.

[2]) Нота диктованная Меневалю для Таллейрана, 30 января 1806 г.—*Précis des guerres de Turenne*, ch. V, Huitième observation. *Corr.*, t. XXXII, p. 104.—См. т. V, стр. 215.

[3]) Rapport de Haugwitz, 8 février 1806. Ranke.

нѣсколько дней подтвердятся новости, которыя я получаю, и заключить съ Пруссіей трактатъ на болѣе широкомъ основаніи... Въ настоящихъ условіяхъ... мы можемъ уступить Пруссіи Ганноверъ лишь какъ результатъ широкой системы, которая могла бы насъ гарантировать отъ опасеній относительно продолженія враждебныхъ дѣйствій». Нота была вручена Гаугвицу Таллейраномъ 5 февраля: «Такъ какъ Вѣнскій трактатъ не былъ ратификованъ въ предписанное время, то его величество не можетъ считать его существующимъ».

Наполеонъ принялъ Гаугвица 6-го. На обвиненія онъ отвѣчаетъ обвиненіями: «Я ожидалъ благодарности отъ короля... Гарденбергъ продолжаетъ стоять въ главѣ дѣлъ»... Онъ говоритъ, что проникъ ихъ игру, что знаетъ все; Гаугвицу онъ не позволяетъ объясниться, отсылаетъ его къ Таллейрану, и они дебатируютъ между собою новый трактатъ. Гаугвицъ понимаетъ, что теперь болѣе чѣмъ когда бы то ни было слѣдуетъ считаться съ волей императора. Договоръ можно принять, можно оставить: онъ беретъ его и подписываетъ 15 февраля [1]).—Пруссія займетъ и будетъ держать подъ своей верховной властію всѣ владѣнія англійскаго короля въ Германіи. Она уступаетъ Франціи Нефшатель, Баваріи Анспахъ, принцу, назначенному Наполеономъ, она уступаетъ герцогство Клеве. Вступленіе во владѣніе Ганноверомъ и землями, уступленными Пруссіей, произойдетъ черезъ пять дней послѣ обмѣна ратификаціями. Прусскій король закрываетъ для англичанъ свои порты, устья рѣкъ, впадающихъ въ Нѣмецкое море, и портъ Любекъ. Наполеонъ гарантируетъ цѣлость Пруссіи и ея расширеній, указанныхъ въ договорѣ. Пруссія гарантируетъ цѣлость Французской Имперіи и, особенно, положеніе вещей въ Италіи, введенное Пресбургскимъ договоромъ, «и перемѣны, которыя будутъ слѣдствіемъ войны, только что объявленной неаполитанскимъ королемъ». Обѣ подписавшіяся стороны гарантируютъ цѣлость Оттоманской Имперіи, королевствъ Баварскаго и Вюртембергскаго, курфюршества Баденскаго. Будетъ заключенъ союзъ между двумя сторонами, «которыя имѣютъ дѣйствовать совмѣстно во всякой войнѣ», въ которую онѣ могли бы быть вовлечены «изъ-за какого либо пункта, содержащагося въ формулированныхъ гарантіяхъ».

Гаугвицъ, отправляя эти параграфы Фридриху-Вильгельму, прибавилъ слѣдующее заключеніе: «Я былъ бы измѣнникомъ передъ истиной и моимъ отечествомъ, если бы я хоть на одну минуту скрылъ отъ вашего величества, что вамъ предстоитъ выбирать одно изъ двухъ: или войну, или ратификацію договора, и что если ваше величество рѣшаете ратификовать договоръ,

[1]) Rapport de Haugwitz, 15 février 1806. Ranke.—De Clercq. t. II, p. 154.

то слѣдуетъ сдѣлать это быстро, чтобы убѣдить Наполеона въ искренности своихъ чувствъ... Что касается войны, то ваше величество должны знать, что все готово для нея. Бернадоттъ и Ожеро въ походѣ. Подготовлено столкновеніе съ курфюрстомъ Гессенскимъ: продолжительное пребываніе Тейлора (англійскаго уполномоченнаго) дало для этого предлогъ». Въ томъ же духѣ писали Таллейранъ Лафоресту, Наполеонъ Бертье. Бернадоттъ и Ожеро возвратятся во Францію лишь тогда, «когда трактатъ будетъ выполненъ, и когда въ Германіи не будетъ ни англичанъ, ни русскихъ, ни пруссаковъ». Цѣлью Наполеона было, закрывъ германскіе порты, оказать давленіе на Англію. Если она подчинится, то Россія послѣдуетъ за нею, и Наполеонъ будетъ держать Пруссію въ своей волѣ, сохраняя впрочемъ за собою право,—если отниметъ отъ нея Ганноверъ, чтобы отдать его англичанамъ,—вознаградить Пруссію другой какой либо германской территоріей, напримѣръ, Гессенъ-Кассслемъ. Тѣмъ временемъ онъ узнаетъ, что 29 января Пруссія вступила во владѣніе Ганноверомъ, исполняя Вѣнскій трактатъ, какъ если бы онъ былъ дѣйствительно ратификованъ. Онъ тотчасъ же рѣшаетъ забрать Анспахъ, не дожидаясь ратификаціи новаго договора. «Эти господа имѣли намѣреніе занять Ганноверъ и отдать намъ Анспахъ лишь тогда, конечно, когда англичане согласились бы на потерю Ганновера, то есть, никогда» [1]). Онъ считаетъ берлинское правительство лживымъ, тупымъ, малодушнымъ. Онъ о немъ думаетъ, проектируетъ то, что спустя два года исполнитъ въ Испаніи, что съ той поры станетъ его методомъ: связать противника договорами, окружить его арміями, прижать его, унизить, обезоружить, поработить его, и, если онъ шелохнется, если онъ только осмѣлится интриговать или конспирировать противъ него, если онъ возмутится,—то уничтожить его.

23 февраля Луккезини пріѣзжаетъ въ Берлинъ съ рапортами Гаугвица и съ договоромъ отъ 15 числа. «Волосы у васъ на головѣ станутъ дыбомъ», писалъ Ломбаръ Гарденбергу. «Нѣтъ, заявляетъ Гарденбергъ, ничего средняго, что могло бы спасти насъ отъ той или другой альтернативы: договоръ 15 февраля безъ всякаго измѣненія, или война». Король ратификуетъ 26-го, и курьеръ поспѣшно отправляется въ Парижъ съ письмомъ къ императору [2]). Потомъ, въ тотъ же день и тою же рукою, которою онъ только что подписалъ союзъ съ Франціей противъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ воевать противъ положенія гарантированнаго договоромъ, то есть, противъ Россіи, бывшей тогда въ войнѣ съ Наполеономъ, Фридрихъ-Вильгельмъ пишетъ Александру: «Я признаю только

[1]) A Berthier, au roi de Bavière, 14 février 1806.

[2]) Le roi à Haugwitz, à Napoléon, 26 février 1806. Ranke.

двухъ судей,—мою совѣсть и васъ. Первая говоритъ мнѣ, что я долженъ разсчитывать на васъ, и этого убѣжденія достаточно для меня».

Однако, чтобы дать Наполеону доказательство своей добросовѣстности, онъ начинаетъ отзывать свои войска въ то же время, какъ они появляются въ Ганноверѣ. Наполеонъ достигъ своей цѣли: Пруссія капитулируетъ на мѣстѣ, прежде чѣмъ попала подъ огонь. Бернадоттъ занимаетъ Анспахъ 21 февраля, Удино занимаетъ Нефшатель, и Мюратъ крѣпость Везель, а также герцогство Клеве. Въ Италіи дѣла идутъ такимъ же образомъ. Іосифъ вступаетъ въ Неаполь 15 числа: Бурбоны перестаютъ царствовать, декретъ приводится въ исполненіе, и кровь Бонапарта начинаетъ замѣщать въ Европѣ кровь Генриха IV. Всѣ будутъ покоряться, и прежде всѣхъ другихъ—папа: «Ваше святѣйшество глава Рима, я же въ немъ императоръ...» Онъ требуетъ изгнанія англичанъ, закрытія портовъ. Онъ требуетъ, чтобы папа всѣми средствами вліянія, какими располагаетъ церковь [1]), помогалъ ему господствовать надъ Италіей и Германіей. Если же населеніе волнуется, его нужно устрашать: «Поступайте, какъ я поступилъ въ Бинаско...».—«Всѣ злоупотребленія, всѣ излишества или даже самая тиранія моихъ агентовъ—хотя бы они были многочисленны, какъ агенты Карьера, извинительны въ моихъ глазахъ въ тотъ день, когда возставшіе возьмутся за оружіе и будутъ сами себѣ судьями... Когда имѣешь большія государства, то только суровыми мѣрами можешь удерживать ихъ» [2]).

Но со всѣхъ периферическихъ точекъ политики онъ долженъ былъ вернуться къ исходному пункту—къ Англіи. «Она меня заставитъ, говорилъ Наполеонъ, властвовать надъ Европой и образовать Западную Имперію». Это было сдѣлано. Оставался нерѣшеннымъ вопросъ, покорится ли этому Англія, съ какою искренностью и на какое время.

Фоксъ имѣлъ свой періодъ восхищенія Бонапартомъ, какъ онъ имѣлъ свой періодъ восхищенія революціей. Можетъ быть, онъ приписывалъ себѣ нѣкоторое значеніе въ глазахъ императора, или, быть можетъ, просто желалъ согласовать свои первые шаги министра съ своими рѣчами члена оппозиціи. Онъ считалъ умѣстнымъ высказать нѣкоторыя миролюбивыя изъявленія. 20 февраля онъ писалъ Таллейрану, чтобы предупредить его о проектѣ убійства *главы французовъ* [3]). Таллейранъ былъ уполномоченъ

[1]) A Fesch, 13 février 1806.

[2]) См. т. V, стр. 75; à Junot, 19 janvier 4, 7, 18, 19 février, à Talleyrand, 24, 28 février 1806. Lecestre.

[3]) *Journal of the house of commons*, vol. 62, session 1806—1807; appendice: papiers relatifs à la négociation avec la France, 22 décembre 1806. – Hansard: *Parliamentary history*.

отвѣтить ему 5 марта; но въ то самое время какъ онъ возвѣщалъ такимъ образомъ о переговорахъ о мирѣ, Наполеонъ позаботился заявить публично, на какихъ условіяхъ онъ соглашался вести эти переговоры. «Я желаю мира съ Англіей, говоритъ онъ, открывая 2 марта сессію законодательнаго корпуса, я всегда буду готовъ заключить миръ, принимая за основаніе постановленія Амьенскаго трактата». 5 марта, докладъ о состояніи имперіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ комментировалъ эту декларацію: «Италія, это—завоеваніе на счетъ Англіи... Присоединеніе Пьемонта сдѣлало необходимымъ присоединеніе Генуи, такъ какъ она его портъ... Англію мало интересуетъ Италія: Бельгія, вотъ настоящая причина ея ненависти къ намъ. Но Голландія, сто десять департаментовъ Франціи, Итальянское королевство, Венеція, Далмація, Истрія, Неаполь находятся, отнынѣ, подъ покровительствомъ Императорскаго Орла». Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Испанія—наши союзники. «Пусть же, наконецъ, Англія убѣдится въ своемъ безсиліи, пусть она не пытается устроивать четвертую коалицію».

Именно это и замышлялось тогда. Нужно было считаться съ Россіей; тамъ не складывали оружія и тамъ всегда думали о томъ, чтобы вырвать Пруссію изъ рукъ Наполеона и чтобы тѣснѣе сблизиться съ Англіей

IV.

Аустерлицъ поразилъ Александра въ его иллюзіяхъ, русское имя въ его престижѣ, имперію въ ея интересахъ. Изъ-за главенства надъ Польшей и Оттоманской Имперіей билась Россія въ Моравіи; на Дунаѣ и въ Неаполѣ она защищала свои передовыя позиціи. И вотъ Франція оказывается обладательницей Адріатики, упрочившись на обоихъ побережьяхъ, обладательницей Неаполя, и отнынѣ самымъ опаснымъ изъ всѣхъ претендентовъ на наслѣдство султана. Александръ возвращается въ Петербургъ глубоко подавленный. Страхъ и слабость достигли высшей степени, говорилъ Чарторыйскій. Императоръ, докладываетъ де-Местръ, считаетъ себя безполезнымъ для своего народа, потому что онъ не въ состояніи командовать арміей» [1]).

Но общее негодованіе противъ Наполеона, противъ его побѣды, противъ его Пресбургскаго трактата поднимаютъ царя въ глазахъ общества. Ему удивляются, его жалѣютъ, отъ него ожидаютъ реванша, и онъ поступаетъ, какъ всѣ. Протестуя противъ несправедливости судьбы, медлительности австрійцевъ, противъ измѣны однихъ, неспособности другихъ,

[1]) Czartoryski à Strogonof. 6 février. De Maistre, *Mémoires et correspondance*, 6 février 1806.—Cf. Moriolles, *Mémoires*, p. 253.

въ Петербургѣ и въ Москвѣ начинаютъ смотрѣть на Аустерлицъ, какъ на военное недоразумѣніе, какъ на историческую ошибку [1]). Россія поправить ее. Дѣло идетъ о ея міровой будущности. «Чѣмъ былъ Людовикъ XIV въ сравненіи съ этимъ проклятымъ корсиканцемъ, исполнившимъ то, что тотъ лишь проектировалъ?» писалъ одинъ «старый русскій»...—«Нашъ императоръ не палъ духомъ и не желаетъ мира съ этимъ безчестнымъ корсиканцемъ, поднявшимся изъ ничтожества, покрытымъ кровью, которую онъ пролилъ, чтобы понравиться Робеспьеру; корсиканцемъ, который въ Египтѣ... рубилъ плѣнниковъ и отравлялъ своихъ собственныхъ солдатъ... душитъ Пишегрю и убиваетъ герцога Энгьенскаго»[2]). Марковъ проповѣдывалъ войну на смерть. «Бонапартъ, писалъ онъ Антрэгу, не можетъ быть современникомъ ни одного законнаго короля: нужно, чтобы онъ ихъ убилъ, или чтобы его убили» [3]).

Чарторыйскій резюмируетъ всѣ обвиненія противъ Пруссіи и ея фальшивыхъ поступковъ. Онъ строитъ новые планы. Его замѣтки въ это критическое время составляютъ, такъ сказать, наказы для русской дипломатіи [4]). Оплотъ, который Россія пыталась возвести противъ потока, былъ прорванъ. «Россія, сдерживавшая всю эту массу... и до этого момента считавшаяся неуязвимой для Франціи, видитъ себя непосредственно угрожаемой». Черезъ Далмацію Наполеонъ соприкасается съ Турціей; съ Польшей онъ соприкасается черезъ Пруссію, которую онъ покорилъ. «Польша, примыкая къ Пруссіи и Турціи, будетъ взрывчатой миной, факеломъ для зажиганія споровъ и анархіи, въ предпріимчивой и искусной политикѣ Наполеона. Всѣ русскіе агенты въ Италіи сообщаютъ о проектахъ Наполеона относительно Турціи, разбираютъ до мелочей величину пріобрѣтенныхъ имъ средствъ». Франція будетъ господствовать на всемъ Средиземномъ морѣ. Россія не можетъ оставить въ ея распоряженіи «христіанскіе народы», покровительство которымъ «составляетъ часть ея дѣйствительныхъ силъ». Если Бонапартъ бьетъ ее «съ этой уязвимой ея стороны», то она должна, она сумѣетъ противопоставить ему «непреодолимыя затрудненія», которыя заставятъ его отступить, по крайней мѣрѣ «сдѣлаться болѣе сговорчивымъ». Будетъ благоразумно приготовиться къ «энергичному наступленію на югѣ», чтобы «вездѣ предупредить Бонапарта при первомъ извѣстіи о томъ, что онъ приступаетъ къ выполненію своихъ проектовъ». Съ шумомъ и трескомъ будутъ приняты устрашающія мѣры: одинъ флотъ въ Средиземномъ морѣ, другой въ Черномъ, армія въ Корфу, 100,000 человѣкъ на молдавской границѣ. Но, рѣшительно показывая Бонапарту, что готовы противиться его нашествію, будутъ пользоваться всѣми случаями, какіе представятся, «втянуть его въ объясненія, чтобы проникнуть въ его намѣренія, и узнать, что можно извлечь изъ его дружбы». Чарторыйскій думалъ объ этомъ до Аустерлица [1]); думаетъ объ этомъ всегда. Объ этомъ думаютъ и окружающіе его. Строгоновъ недавно писалъ ему изъ Берлина: «Будьте увѣрены, что есть лишь одно средство уладить все это, и быть можетъ, у насъ признаютъ его нечестнымъ и безнравственнымъ, но оно вполнѣ извинительно въ той прекрасной компаніи, которая управляетъ Европой [2]). Такимъ средствомъ было бы сразу вступить въ союзъ съ Бонапартомъ и вмѣстѣ ѣсть сладкіе пироги. Піатоли я нашелъ проникнутымъ этой идеей...»

Въ виду всякихъ событій будутъ брать что нибудь въ залогъ, и это будетъ дѣлать Наполеона болѣе сговорчивымъ. Итакъ, приготовиться къ войнѣ, заключить миръ, если Бонапартъ дастъ выгодный миръ; въ противномъ случаѣ—борьба. Естественно, Чарторыйскій ищетъ этихъ выгодъ въ возстановленіи Польши: но онъ беретъ вопросъ сверху и въ его общихъ чертахъ. «Невозможно, напишетъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, чтобы я не желалъ возстановленія польской націи. Я былъ бы презрѣннымъ существомъ, если бы чувствовалъ иначе... Я желалъ бы, чтобы ихъ дѣло стало дѣломъ *всѣхъ славянскихъ народовъ*, отъ которыхъ они не должны отдѣлять себя. Федеральная система славянскихъ націй есть единственная и великая цѣль, къ которой необходимо должна стремиться Россія...»[3]). Это дѣло стоило бы мира съ Наполеономъ, и, за отсутствіемъ мира, оно вознаградило бы за войну. Въ виду этого онъ и рисуетъ ее.

Важнѣе всего столковаться съ Англіей относительно мѣръ угрозы. Англичане высадятъ войска въ Египтѣ въ то самое время, когда Россія займетъ княжества, которыя она могла бы удержать въ случаѣ раздѣла Оттоманской имперіи. Изъ другихъ странъ христіанскихъ и «славянскаго происхожденія»—включая туда Боснію, Герцеговину, Черногорію, Македонію, Албанію, Грецію и ея острова—она образуетъ государства «подъ верховною властію и эгидою своего протектората».—«Съ царствованія Петра Великаго императорскій дворъ не переставалъ культивировать благопріятное настроеніе этихъ различныхъ народовъ». Настало время пожинать плоды всѣхъ этихъ

[1]) *Война и Миръ* Льва Толстого, 4 ч. гл. II. Московскіе разговоры. Comparez Joseph de Maistre, janvier—mars 1806.

[2]) Lettres de S. Woronzof à son fils, décembre 1805 — janvier 1806. Cf. Lettre datée d'Agram; Tratchewsky, t. III, janvier 1806.

[3]) Pingaud, 2-e édition, p. 214.

[4]) *Mémoires pour l'Empereur*, janvier—avril 1806. Tratchewsky, t. III.

[1]) См. т. VI, стр. 365, 366, 381, 383 сл.—Strogonof à Czartoryski, 22 décembre 1805. Grand-duc Nicolas.—Sur Piattoli, *Mémoires de Czartoryski*, t. I, p. 392.

[2]) «La pourriture du continent». Strogonof à Czartoryski, 11 janvier 1806.

[3]) A Strogonof, 23 mai 1807. Grand-duc Nicolas.

заботъ. Каттаро представляетъ собой рынокъ на Адріатическомъ морѣ, морскую и военную станцію, командующую всѣми путями. Наполеонъ присвоилъ ее себѣ, но ее занимаетъ Россія. «Не слѣдуетъ возвращать Каттаро ни подъ какимъ условіемъ. При настоящихъ обстоятельствахъ 100,000 человѣкъ, занятыхъ въ какомъ-нибудь другомъ пунктѣ, не могли бы причинить столько затрудненій и страха врагамъ Россіи. Если мы сохранимъ Каттаро, Турція попадетъ въ нашу зависимость... Одной кампаніи достаточно для того, чтобы Турція сдѣлалась русской провинціей... Всѣ проекты Бонапарта относительно Востока рушились бы навсегда... Каттаро было бы крѣпостнымъ валомъ республикъ семи острововъ и Рагузы... Завоеваніе Италіи французами—временное... Если мы отдадимъ Каттаро, мы безконечно много потеряемъ въ глазахъ грековъ, въ глазахъ итальянцевъ... Бонапартъ хорошо понимаетъ важность Каттаро». Въ начинающейся между Франціей и Россіей борьбѣ изъ за главенства надъ Востокомъ и Адріатикой Каттаро есть то, что въ борьбѣ между Франціей и Англіей изъ-за главенства надъ Средиземнымъ моремъ представляетъ Мальта,—ключъ, господствующая позиція, символъ соперничества.

Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ необходима Пруссія: ея армія есть необходимый авангардъ русской арміи противъ Наполеона. Чарторыйскій не можетъ утѣшиться, что осенью 1805 года Александръ потерялъ случай оторвать Пруссію отъ Наполеона, Познань и Варшаву отъ пруссаковъ [1]). Пруссія, пишетъ онъ царю, «почти превзошла ожиданіе тѣхъ, кто меньше всего вѣрилъ въ нее... Она воспользовалась силами союзниковъ для того, чтобы вступить въ сдѣлку съ Наполеономъ... Мы должны желать владѣть теченіемъ Нѣмана и Вислы». Если она не раздѣлена Россіей, то она будетъ раздѣлена Наполеономъ. Эти взгляды опять будутъ высказаны въ 1813 и 1814 году. Но теперь не время ни размышлять, ни дѣлать упреки: «Какъ бы ни было мало у насъ надежды искренно привязать Пруссію къ Россіи, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что союзъ съ ней есть единственное средство, въ настоящій моментъ, спасти Европу». Эти совѣты позволяютъ Александру примирить сердце и политику.

21 февраля [2]) онъ принимаетъ Брауншвейга, кажется довѣрчивымъ, благосклоннымъ. Онъ выслушиваетъ, повидимому, принимаетъ объясненія и сожалѣнія Фридриха-Вильгельма относительно его договоровъ съ Наполеономъ, относительно договора отъ 15 декабря и предложенныхъ имъ въ немъ поправокъ. Потомъ онъ отсылаетъ Брауншвейга поговорить съ Чарторыйскимъ. Ганноверъ не возбуждаетъ никакихъ возраженій. «Всякое увеличеніе могущества Пруссіи намъ кстати, заявляетъ Чарторыйскій. Мы протягиваемъ ей руку отъ всего сердца, когда она дѣйствуетъ въ направленіи противоположномъ разрушительной системѣ Франціи». Собственно говоря, не это составляетъ *смыслъ* ни договора отъ 15 декабря, ни даже прусскихъ поправокъ. Но если Пруссія воспользуется противъ Наполеона Ганноверомъ, который ей уступаетъ Наполеонъ за защиту французской системы, то ей нужна гарантія со стороны Россіи противъ преслѣдованій императора. «Насъ готовы поддерживать, пишетъ Гольцъ, постоянный прусскій уполномоченный, и всѣми имѣющимися у нихъ средствами... Это мнѣніе всей націи». Во всякомъ случаѣ, Александръ требуетъ гарантіи противъ новыхъ соглашеній своего берлинскаго друга и союзника. Онъ вручаетъ Брауншвейгу записку для короля. Эта записка, пишетъ Брауншвейгъ, «доказываетъ, что слова: союзъ съ Франціей—не оскорбляютъ, что обѣщаютъ поддержать Пруссію всѣми зависящими отъ нихъ силами, что желаютъ съ вашимъ величествомъ соглашенія настолько же тѣснаго, насколько секретнаго». Но царь требуетъ, чтобы король заявилъ «самымъ торжественнымъ образомъ, что никогда онъ не будетъ смотрѣть на свой союзный договоръ съ Франціей какъ на обязательный въ случаѣ нападенія Франціи на Россію»; что Пруссія обязывается, что въ трехмѣсячный срокъ французскія войска уйдутъ изъ Германіи. За это Россія обѣщаетъ защищать Пруссію, въ случаѣ нападенія Франціи, и обѣщаетъ дѣйствовать такъ, чтобы «Франція осталась при мысли, что Пруссія смотритъ на себя какъ на ея безусловную союзницу». Обязательства будутъ приняты «въ глубочайшемъ секретѣ», подъ формой *декларацій*, и чтобы ихъ замаскировать, «Россія вступитъ въ переговоры съ Франціей о возстановленіи общаго мира». «Это посредничество, писалъ Брауншвейгъ, послужитъ Пруссіи самымъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы дать Франціи иллюзію того, что, втайнѣ, составляетъ желаніе императора и основу безопасности прусскаго короля». Брауншвейгъ покинулъ Петербургъ 11 марта.

Въ то время какъ онъ держитъ путь къ Берлину, 17-го числа туда приходитъ извѣстіе, что въ Парижѣ произошелъ обмѣнъ ратификацій договора отъ 15 февраля. 18-го вечеромъ [1]) Гарденбергъ принялъ курьера отъ Брауншвейга и Гольца съ запиской, данной Александромъ, и съ проектомъ декларацій, которая должна была дать условія русскаго союза. Находясь подъ сильнымъ наблюденіемъ, зная, что Наполеонъ требовалъ его отставки какъ доказательства искренности Пруссіи во французскомъ союзѣ, Гарденбергъ не смѣлъ болѣе открыто являться къ королю. Этотъ дворъ дошелъ до того, что онъ правилъ, словно дѣлалъ заговоръ, и велъ переговоры, словно кон-

[1]) См. т. VI, стр. 365, 380, 383.

[2]) Rapports de Brunswick, 21 février, 16 mars.—Note d'Alexandre.—Rapport de Goltz, 17 mars, 1806. Ranke.—Alexandre au roi, 10 mars, 1806, Bailleu.

[1]) Pièces et récit de Hardenberg. Ranke.

спирировалъ. Гарденбергъ обращается къ королевѣ, требуя свиданія съ королемъ «безъ свидѣтелей». «Секретъ величайшей важности». Королева приглашаетъ его отправиться въ ея покои, гдѣ онъ находитъ Фридриха-Вильгельма. Ободренный русской гарантіей и обѣщаніемъ Александра «летѣть на помощь Пруссіи по первому призыву» [1]), этотъ государь теперь не колеблется высказаться: «Онъ смотритъ, говоритъ онъ, на свой союзъ съ Наполеономъ какъ на разорванный; никакъ онъ не можетъ довѣриться этому союзу; онъ рѣшился держаться Россіи; но, какъ бы тамъ ни было, не слѣдуетъ разрывать съ Наполеономъ, не нужно раздражать его; слѣдуетъ выполнять свои обязательства по отношенію къ нему, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться, сообща съ Россіей, бороться съ нимъ, если бы его дѣйствія приняли, какъ было основаніе это думать, направленіе вредное для Пруссіи». Гарденбергъ не могъ желать бо̀льшаго. Онъ предлагаетъ королю принять его отставку. Король даетъ ему безсрочный отпускъ. Повидимому, онъ приноситъ его въ жертву Наполеону. Но, отнимая у него оффиціальный министерскій постъ, онъ довѣряетъ ему секретный департаментъ, который отнынѣ будетъ дѣйствительнымъ министерствомъ, — корреспонденцію съ Россіей. Потомъ онъ пишетъ Александру: «Записка, написанная вашею рукою, основательна и благоразумна... Зло сдѣлано... Будущее можетъ залѣчить многія раны» [2]). Что же касается *деклараціи* не воевать противъ Россіи: «Съ какимъ удовольствіемъ я даю ее вамъ, государь, и какую потребность чувствуетъ мое сердце постоянно повторять вамъ, что мои первыя обязанности, это—обязанности по отношенію къ вамъ... Плоды моихъ жертвъ начинаютъ чувствоваться: 18 числа французы должны эвакуировать Гамельнъ... Я считаю сѣверъ имперіи спасеннымъ... Никогда я не пожелаю ничего другого, кромѣ того, что я вамъ довѣрю». И, конечно, въ числѣ «плодовъ своихъ жертвъ» онъ считаетъ Ганноверъ, занятый его войсками, который есть цѣна французскаго союза, и который онъ сохраняетъ, чтобы лучше биться съ Франціей и служить Россіи.

Вступительнымъ дѣйствіемъ Гарденберга въ тайное министерство служитъ составленіе секретной декларации [3]). Король объявляетъ, «что его союзный договоръ съ Франціей никогда не долженъ нарушать его союза съ Россіей; что онъ займется тѣмъ, чтобы... чтобы свою армію поставить на грозную ногу, чтобы выработать подробный планъ дѣйствій, но годный для общей защиты; что, не говоря опять о тяжеломъ чувствѣ, вызываемомъ тѣмъ способомъ, безъ котораго нельзя было обойтись при завладѣніи Ганноверомъ... онъ льститъ себя надеждою, что русскій императоръ пожелаетъ быстро сдѣлать... все, что можетъ, чтобы въ глазахъ его британскаго величества смягчить жертву... и убѣдить его, что все таки ему пріятнѣе было бы видѣть Ганноверъ въ рукахъ короля, чѣмъ подчиненнымъ какому-нибудь родственнику Наполеона». Эта записка была отослана Гольцу 31 марта [1]). Такимъ образомъ, едва произошелъ въ Парижѣ обмѣнъ ратификацій договора отъ 15 февраля, какъ Пруссія разорвала этотъ договоръ и заключила съ Россіей фактическій союзъ противъ Наполеона.

[1]) Alexandre à Frédéric-Guillaume, 10 mars 1806.

[2]) Le roi au tsar, 19 mars 1806. Bailleu.

[3]) Instruction secrète à Goltz, 20 mars 1806. Ranke.

Нужно было принять мѣры противъ болтовни, сбить съ толку шпіоновъ и поддерживать Наполеона въ той иллюзіи, «что Пруссія смотритъ на себя, какъ на его безусловную союзницу». Можно было заставить Гаугвица доказывать это; но было вѣрнѣе, чтобы онъ дѣлалъ это по чистой совѣсти; и чтобы обмануть его перваго, для него было составлено досье, которое въ случаѣ нужды онъ могъ бы сообщить Лафоресту. Брауншвейгъ, прибывшій 23 марта, тою же самою рукою, которою онъ подписалъ знаменитый манифестъ 1792 года, скопировалъ свою собственную петербургскую корреспонденцію, пропуская всѣ мѣста, относящіяся къ секретной *деклараціи*, сохранивъ въ ней лишь неясно выраженное желаніе соглашенія съ Пруссіей. *Записка* Александра, приспособленная такимъ же образомъ, была скопирована М-me Алопеусъ, женою русскаго посланника въ Берлинѣ. И Гарденбергъ вручаетъ все это королю, который въ случаѣ надобности могъ бы довѣрить это Гаугвицу.

Съ той поры Пруссія была вовлечена въ два противоположные союза, слѣдовала двумъ политикамъ, исключающимъ одна другую, имѣла два министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ которыхъ одно имѣло задачей обманывать Наполеона оффиціально, и другое бороться съ нимъ тайно. Она поддѣлывала собственные архивы. Гарденбергъ и его государь, погрязшіе въ этой двойственности, запутавшіеся въ этой двойной сѣти трактатовъ, поворачиваясь отъ измѣны къ измѣнѣ, надѣялись, что Наполеонъ поддастся ихъ вліянію, сдѣлается игрушкой ихъ маневровъ, будетъ обойденъ ихъ почтительно-рабскими рѣчами, дастъ имъ время утвердиться въ Ганноверѣ, вооружиться противъ него, напасть на него, послѣ того какъ онъ очиститъ свои наступательныя позиціи въ Германіи и возвратитъ взятое имъ въ качествѣ гарантіи.

Наполеонъ не разгадалъ таинственной миссіи Брауншвейга въ Петербургѣ, но были нѣкоторые признаки, достаточные для того, чтобы онъ почувствовалъ недовѣріе. Англійскіе министры, раздраженные тѣмъ, что Пруссія заняла Ганноверъ, опубликовали документы переговоровъ, начав-

[1]) Mémoire lu au roi le 24 mars; instruction à Goltz, 31 mars, 1806. Ranke.

© ЭЛЕКТРОННЫЙ ОТДЕЛ

шихся между Гароубп и Гарденбергомъ въ ноябрѣ 1805 года, и которымъ не доставало только подписи [1]). 20-го марта, документы эти стали извѣстны въ Парижѣ. Наполеонъ вспылилъ, какъ если бы онъ могъ заподозрить, что наканунѣ Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ письмо Александру, которымъ отдавалъ себя Россіи и свой союзъ съ Наполеономъ объявлялъ притворнымъ и фальшивымъ. 21-го въ *Moniteur'ѣ* появилась нота, напоминавшая собою жестокія оскорбленія *XXXIV Бюллетеня*. Гарденбергъ обвинялся въ томъ, что «измѣнилъ своей совѣсти и своему государю, чтобы служить Англіи». «Вотъ, господинъ Гарденбергъ хорошо вознагражденъ за то, что продался вѣчнымъ врагамъ континента... Въ Европѣ нельзя найти человѣка, обезчещеннаго болѣе полнымъ образомъ, чѣмъ Гарденбергъ». Вслѣдствіе этой оскорбительной выходки Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился, 29 марта, дать Гарденбергу явную и притворную отставку, въ сущности рѣшенную еще 19 числа. Пруссіей она была принята какъ жертва французскому союзу, и она утвердила общество въ мнѣніи объ унизительности союза. Въ то же время почувствовали обременительность его и опасность. 1 апрѣля, Пруссія закрыла порты для англичанъ; 4-го. Англія наложила запрещеніе на прусскіе корабли; 8-го, она объявила блокаду Эмса, Везера и Эльбы.

21-го король Георгъ посланіемъ возвѣстилъ о морской войнѣ съ Пруссіей. 23-го, вся палата общинъ, за исключеніемъ Фокса, бывшаго умѣреннымъ, выражала презрѣніе и сожалѣніе къ прусскому двору, который соединялъ, говорили, самое постыдное подчиненіе съ самымъ гнуснымъ грабительствомъ. Ходитъ слухъ, что Наполеонъ собирается раздѣлить Пруссію. Фактъ то, что Мюратъ, едва утвердившійся въ великомъ герцогствѣ Бергъ-Клеве, человѣкъ хорошо уже знакомый съ феодальнымъ законодательствомъ и вполнѣ зависимый, требуетъ аббатствъ Эссенъ и Верденъ, принадлежащихъ Пруссіи, и занимаетъ ихъ незаконно, обѣщая дать объясненія впослѣдствіи [2]). 5 апрѣля Наполеонъ принимаетъ Луккезини, представляющаго ему свои вѣрительныя грамоты при итальянскомъ королѣ. Наполеонъ, съ своей стороны, высказываетъ обвиненія противъ духа, господствующаго при берлинскомъ дворѣ, противъ приближенныхъ королевы, противъ дамскихъ сплетенъ. «Договоры, говоритъ онъ, обязываютъ лишь настолько, насколько они выполняются обѣими сторонами; одни слова ничего не доказываютъ. Мнѣ нуженъ союзникъ въ Германіи, чтобы выгадать 100,000 человѣкъ сухопутнаго войска, и чтобы деньги, которыхъ они мнѣ стоятъ, употребить на возстановленіе моего флота... Я съ трудомъ могу чи-

[1]) См. т. VI, стр. 411 и выше стр. 16.

[2]) Мюратъ возведенъ въ званіе великаго герцога Бергскаго 15 марта 1806 г.—Lucchesini, 9 avril.

тать въ сердцѣ моей жены; я не знаю, что происходитъ въ сердцахъ королей, и я долженъ слѣдить за направленіемъ, которое они даютъ своей политикѣ, общественному мнѣнію своей страны и арміи»...

Вотъ при какихъ критическихъ обстоятельствахъ Гаугвицъ, оставившій 30 марта Парижъ, пріѣзжаетъ въ Берлинъ, чтобы занять свое министерство, долженствующее служить ширмами. Плачевное возвращеніе: всѣ его обвиняютъ за угодливость Наполеону, осуждаютъ его трактатъ. Его винятъ и за войну съ англичанами, и за закрытіе рѣкъ, и за предпріятія Наполеона въ Германіи—за эти возобновленныя т. с. нашествія Людовика XIV. Французское господство распространяется словно масляное пятно. Нужно уступать, отступать, вездѣ унижаться, даже предъ Мюратомъ, случайнымъ великимъ герцогомъ. Все это изъ-за Ганновера! И кто знаетъ, не уступитъ ли еще Наполеонъ это курфюршество англичанамъ, чтобы добиться мира? Въ Берлинѣ привыкли разрывать трактаты, измѣнять имъ, и, сдѣлавъ это не разъ, боятся, какъ бы и другіе не поступили въ отвѣтъ такъ же.

Вокругъ нѣсколькихъ избранныхъ, вокругъ Штейна, будущаго реформатора, съ этого времени выступающаго на сцену, образуется патріотическая партія, партія реформъ и дѣйствія. Король смотритъ на нее не безъ тревоги и не безъ нѣкоторой ревности; королева поощряетъ ее, но не любитъ. Гаугвицъ чувствуетъ, что эти люди, всѣ изъ высшаго общества Берлина, относятся къ нему подозрительно. Удалившійся въ свое собственное министерство, разсматриваемый какъ своего рода наполеоновскій эмиссаръ *in partibus*, онъ видитъ, что ему остались лишь «академическія» конференціи съ Лафорестомъ, задушевныя бесѣды съ Ломбаромъ; компрометирующее общество баварцевъ, вюртембержцевъ; еретики; подозрительныя лица французской партіи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряющей кредитъ. Вся благосклонность переносится на Гарденберга. Этотъ дипломатъ становится представителемъ партіи чести и войны. Событія ставятъ передъ нимъ эту роль; публика приписываетъ ему ее; онъ принимаетъ ее, держится ея. Благодаря этой роли онъ принимаетъ позу жертвы, слыветъ за героя.

Между тѣмъ, Наполеонъ уже не говорилъ объ отозваніи своихъ войскъ изъ Германіи. Онъ не эвакуируетъ, говорилъ онъ, ни Браунау въ Австріи, ни земель во Франконіи, пока русскіе не уйдутъ изъ Каттаро, и пока этотъ портъ не будетъ ему отданъ [1]). Рѣшивъ тверже чѣмъ когда бы то ни было не отдавать этого пункта, озабоченные, кромѣ того, нѣкоторыми маневрами Наполеона со стороны Польши, отправкой Себастьяни въ Константинополь, покушеніями Франціи на болѣе энергичныя

[1]) *Aperçu des transactions.—Societé d'histoire de Russie*, t. XXXI, p. 257.—Napoléon à Eugène, 17 mai; à Joseph, 27 mai 1806.

дѣйствія на Востокѣ, русскіе возобновили съ англичанами переговоры о «полной» передѣлкѣ Оттоманской имперіи [1]). Не входя въ суть «грандіознаго плана» царя, Фоксъ заявляетъ Строгонову—преемнику С. Воронцова,—что, если представится случай, Англія нашла бы свои выгоды въ Кандіи и заняла бы Александрію. «Всякій хорошій англичанинъ, повторялъ онъ, подражая королю Георгу, долженъ быть хорошимъ русскимъ, и всякій хорошій русскій хорошимъ англичаниномъ» [2]).

Съ Таллейраномъ онъ продолжалъ учтиво корреспондировать. Онъ писалъ ему, 26 марта: «Англія соединена съ Россіей такими узами, что она желаетъ вести какіе бы то ни было переговоры только въ соглашеніи съ императоромъ Александромъ»... А послѣ отвѣта Таллейрана, который пытался затянуть дѣло, онъ пишетъ 20 апрѣля: «Желаете вести переговоры совмѣстно съ Россіей? Да. Желаете, чтобы мы вели переговоры отдѣльно? Нѣтъ». Наполеонъ уступилъ. Но, повторяя парижскій и лильскій опытъ, 1796 и 1797 года, англичане были убѣждены, что они не придутъ къ желаемому миру. «Амьенъ не былъ такимъ миромъ, пишетъ Мальмсбюри; это едва могло назваться вооруженнымъ перемиріемъ или пріостановкой враждебныхъ дѣйствій» [3]).

То же самое въ Петербургѣ: «Попытка, говоритъ русская нота, чтобы придти къ сдѣлкѣ, къ временному соглашенію», чтобы идти рядомъ съ Англіей, чтобы выиграть время, особенно, чтобы удержать Каттаро [4]). Переговоры были довѣрены Убрилю, и Таллейранъ былъ извѣщенъ объ этомъ письмомъ отъ 12 мая 1806 года. Этотъ агентъ не имѣлъ другого оффиціальнаго положенія кромѣ того, что былъ коммиссаромъ по дѣламъ о плѣнныхъ. «Главная цѣль, которой нужно было достигнуть, была эвакуація Далмаціи», и на второмъ мѣстѣ стояло вознагражденіе неаполитанскому королю. Убриль имѣлъ полномочіе, дозволявшее ему подписать «формальную сдѣлку», но только *sub spe rati* и въ соглашеніи съ Англіей. Во всякомъ случаѣ онъ могъ бы «вступить въ отдѣльное соглашеніе», если бы оно «представляло слишкомъ большія выгоды для Россіи», если бы оно вело къ непосредственному миру между тремя державами. Что касается этихъ «слишкомъ большихъ выгодъ», могущихъ склонить Россію къ отдѣльному договору, то это были: «спо-

[1]) A Fouché, 5 mars 1806. Faire des articles qui montrent «avec quelle verge de fer les russes gouvernent la Pologne. Chaque maison est inondée de troupes; on a désarmé tous les citoyens, et les arrestations sont nombreuses».

[2]) Rapports de Strogonof, février—mars 1806.—Martens, t. XI, p. 126.

[3]) Talleyrand à Fox, 2 juin; Fox à Talleyrand, 14 juin 1806.—*Journal de Malmesbury*, été 1806.

[4]) *Aperçu*, p. 258.—Notes de Czartoryski, 17 avril—2 mai 1806.—Tratchewsky, t. III.

койное владѣніе Сициліей неаполитанскимъ королемъ, эвакуація, полная или частичная, Далмаціи и образованіе одного или нѣсколькихъ независимыхъ государствъ между Оттоманской имперіей и Италіей» [1]). Только на этихъ условіяхъ Убриль могъ согласиться «на подпись, признающую титулъ императора, присвоенный Бонапартомъ». Убриль слылъ за человѣка способнаго «проникнуть куда угодно», способнаго «судить вѣрно и съ тактомъ», «умнаго и добраго» [2]). Онъ жилъ въ Парижѣ во время Маркова, зналъ тайныя средства этого посланника, его секретные ходы въ министерство, особенно, въ военное [3]); зналъ, быть можетъ, часть тайнъ *друзей* Антрега. И безъ переговоровъ онъ могъ бы давать свѣдѣнія [4]). Между тѣмъ какъ Убриль велъ переговоры въ Парижѣ, Разумовскій въ Вѣнѣ долженъ былъ оттягивать съ вопросомъ о возвращеніи Каттаро [5]). Эта комбинація составляла политическое завѣщаніе Адама Чарторыйскаго. Царь не слушалъ его. Чарторыйскій потребовалъ отставки Онъ получилъ ее и былъ замѣщенъ въ иностранныхъ дѣлахъ Будбергомъ, въ концѣ іюня 1806 года.

Англо-русскіе переговоры въ Парижѣ какъ нельзя лучше согласовались съ притворнымъ посредничествомъ Пруссіи, имѣвшимъ цѣлію «усыпить дальнѣйшія намѣренія этого страннаго человѣка—Наполеона—внушивъ ему мысль, что опасности нѣтъ». Нужно, писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ Александру, 23 іюня, «убѣдить его, что настоящее положеніе вещей могло бы быть признано и взаимно гарантировано всѣми державами. Между тѣмъ, можно было бы передохнуть, поразмыслить... о болѣе близкихъ отношеніяхъ, возстановить финансы и средства защиты, укрѣпить границы, обратить вниманіе на всѣ средства, чтобы поставить себя на внушительную ногу... Что касается меня, то я постоянно мечталъ объ этомъ, я все приготовилъ для этого, и я ожидаю лишь перваго благопріятнаго момента, чтобы привести въ исполненіе мои проекты»...

Александръ думалъ точно такъ же, и декларации, составлявшія соглашеніе, были подписаны прусскимъ королемъ 1-го іюля, а царемъ 12-го числа того же мѣсяца, въ такомъ видѣ, какъ онѣ были проектированы въ мартѣ, за исключеніемъ гарантіи относительно Ганновера, на которую царь не хотѣлъ согласиться. Дѣйствительно, она не согласовалась

[1]) Cf. les notes de Czartoryski, выше, стр. 33.

[2]) Strogonof à Czartoryski, 22 décembre 1805; Czartoryski à Strogonof, 6 février 1806. Grand-duc Nicolas.

[3]) «Les bureaux de la guerre, les spéculateurs dans les fonds, *mes amis*, les ennemis de Napoléon». Lucchesini, 22 juillet 1806, Bailleu.

[4]) Pingaud, 2-me edition, p. 231, 281.

[5]) *Mémoires de Czartoryski*, 29 juin 1806.

съ переговорами, начавшимися въ Парижѣ, совмѣстно съ Англіей. Александръ желалъ сохранить возможность полученія новыхъ субсидій [1]) отъ англичанъ, если бы должна была возникнуть война, какъ это предполагали.

Новые планы коалиціи втайнѣ тлѣютъ у всѣхъ, до Австріи включительно, хотя эта послѣдняя едва оправилась отъ своего пораженія, хотя чернила пресбургскаго договора едва засохли. Планы, раскрытые Наполеономъ въ 1808 году и разрушенные въ 1809, давали ростки уже лѣтомъ 1806 года. Меттернихъ, который начнетъ болѣе и болѣе превращать свои посольства въ своего рода министерство за предѣлами страны, составилъ въ январѣ планъ тройного союза—Австріи, Россіи и Пруссіи, восточную конфедерацію въ противовѣсъ западной: западъ Европы былъ бы оставленъ «на время» въ распоряженіи Наполеона. «Его усыпили бы» въ достаточной мѣрѣ, чтобы выждать благопріятное время и образовать громадную армію, въ которой Пруссія составляла бы правое крыло, Австрія—центръ и лѣвое, а Россія резервъ, собираясь въ Польшѣ эшелонами такъ, чтобы быстро явиться, куда понадобится. Вотъ въ какихъ видахъ Меттернихъ былъ назначенъ на посольскій постъ въ Парижѣ, на что согласился Наполеонъ, послѣ того какъ отвергъ Кобенцля [2]). «Наполеонъ, пишетъ Меттернихъ, показался мнѣ какъ бы воплощенной революціей... Я не думаю, чтобы Наполеонъ поступилъ удачно для себя, призвавъ меня къ отправленію обязанностей, хотя и дававшихъ мнѣ возможность оцѣнить его великія качества, но въ то же время позволявшихъ научиться понимать его недостатки, которые въ концѣ концовъ повлекли его къ погибели;... освѣтить мнѣ тотъ путь, по которому онъ, вышедшій изъ такихъ низовъ, поднялся на такую высоту».

Чтобы разгадать намѣренія союзниковъ, Наполеону достаточно было вообразить себя на ихъ мѣстѣ и дѣлать комбинаціи противъ самого себя. Миръ, о которомъ онъ мечталъ еще, представлялъ слишкомъ много выгодъ, чтобы онъ не желалъ его страстно. Но онъ достаточно зналъ Европу, чтобы понимать, что она поведетъ переговоры о немъ лишь съ военною хитростію и заключитъ его только для того, чтобы найти средства нарушить его. Поэтому онъ принимаетъ мѣры, чтобы сдѣлать насколько возможно грознымъ *statu quo*, отъ котораго онъ надѣялся получить пользу, и которое одно, казалось ему, способно предовратить новую коалицію, или по крайней мѣрѣ задержать ее. Принудить Англію къ миру и гарантировать его Франціи онъ можетъ не иначе, какъ превративъ континентъ въ одну громадную осадную машину.

[1]) Martens, t. VI, p. 380, 384.—См. выше, стр. 36.

[2]) Juin 1806.—*Mémoires*, t. I, p. 50; t. II, p. 101.—Beer, p 217 232.

V.

30-го марта Наполеонъ посланіемъ объявляетъ сенату рядъ декретовъ: [1]) Венеція включенная въ Итальянское королевство; Іосифъ король Неаполитанскій и, *in partibus*, король Сициліи; Мюратъ, великій герцогъ Берга и Клеве; Элиза Бонапартъ, обвѣнчанная съ итальянцемъ Баччіокки, принцесса Луккская, Масская и Карарская; Паолина во второмъ бракѣ за итальянцемъ Боргези, герцогиня Гвастальская. «Голландія, пишетъ императоръ Таллейрану, не имѣетъ исполнительной власти. Она ей нужна: я далъ ей принца Людовика... Слѣдуетъ, чтобы раньше двадцати дней принцъ совершилъ свое вступленіе въ Амстердамъ»[2]). Это—главныя владѣнія Западной имперіи. За ними слѣдуютъ большіе лены: Нефшатель, возведенный въ княжество для Бертье; Понте-Корво для Бернадотта; Беневентъ для Таллейрана [3]). Въ Венеціанской Области, въ Центральной Италіи, въ королевствѣ Неаполитанскомъ Наполеонъ сберегаетъ земли, которыя онъ будетъ раздавать маршаламъ и главнымъ слугамъ имперіи, которыхъ онъ подѣлаетъ герцогами. Все это составитъ Великую имперію.

Германія составляетъ ея существенную часть, и именно какъ опора противъ вѣчной коалиціи—Австріи, Пруссіи, Россіи—трехъ соучастницъ 1772, 1793, 1795 годовъ, непремѣнныхъ союзницъ противъ раздѣла безъ нихъ и особенно противъ раздѣла на ихъ счетъ. Исполнительный Совѣтъ 1792 года, комитетъ общественнаго спасенія III-го года [4]), директорія разсчитывали привязать нѣмецкихъ принцевъ къ Франціи конфискаціей церковныхъ земель, секуляризаціями: дѣло окончено въ 1803 году. Наполеонъ дополнитъ его. Остается отдать имъ пятьдесятъ одинъ свободный городъ и земли такъ называемаго непосредственнаго имперскаго дворянства, которое зависѣло только отъ имперіи, и число членовъ котораго доходило до 360, 1800, 1900 съ ихъ ленами и помѣстьями. Они не подвергнутся ни конфискаціи, ни экспропріаціи; они перейдутъ изъ состоянія владѣтелей quasi самодержавныхъ въ положеніе простыхъ подданныхъ гѣхъ принцевъ, во владѣнія которыхъ земли ихъ оказываются включенными [5]).

Французскіе департаменты, лежащіе на лѣвомъ берегу Рейна, послужатъ для правобережныхъ нѣмецкихъ принцевъ типомъ болѣе совершен-

[1]) Décrets du 30 mars; sénatus-consulte du 14 août 1806, relatif à Guastalla, articles 5 et 6; majorats.—Frédéric Masson, t. III, ch. XVII, *le Grand Empire*.

[2]) A Talleyrand, 14 mars.—Sénatus-consulte élisant Louis au trône de Hollande, 5 juin 1806.

[3]) Bénévent et Ponte-Corvo, 5 juin 1806.—См. дальше, стр. 55.

[4]) См. т. IV, стр. 228 сл. 273, 297 сл.

[5]) Himly, t. I, 297, 305. Ср. Сорель, т. I. стр. 320 сл.

наго управленія, при которомъ народъ, будучи менѣе притѣсняемъ, охотнѣе повинуется, при которомъ налогъ даетъ больше по мѣрѣ увеличенія благосостоянія. Великое герцогство Бергъ покажетъ, какъ эта французская система можетъ примѣняться на правомъ берегу для наибольшей пользы принцевъ: это будетъ происходить благодаря концентраціи земель, монархической централизаціи, просвѣщенному деспотизму, то есть, для нѣмецкихъ принцевъ Бергъ будетъ просвѣщеннымъ правительствомъ въ духѣ восемнадцатаго столѣтія [1]). Наполеонъ поможетъ имъ въ этой своего рода революціи, которую Монтжеласъ уже началъ въ Баваріи, и предпринять которую требуетъ интересъ всѣхъ, ибо она сдѣлаетъ ихъ болѣе могущественными и болѣе богатыми.

«Я сыграю, говорилъ Наполеонъ Луккезини, ту роль, какую указалъ Франціи при своей жизни кардиналъ Ришельё» [2]). Онъ бесѣдуетъ въ Майнцѣ съ архіепископомъ Дальбергомъ и Таллейраномъ: объ упраздненіи Священной Имперіи, о Пруссіи внѣ Германіи, о главенствѣ переходящемъ отъ Австріи къ Франціи, объ Австріи удалившейся въ свои королевства Богемію и Венгрію, отодвинутой къ славянамъ и туркамъ. Потомъ онъ постоянно думалъ объ этомъ и постоянно писалъ объ этомъ Таллейрану, и этотъ министръ со своими искусными «дѣльцами» приготовлялъ это дѣло, которое обѣщало дать почти такіе же обильные результаты въ «куртажѣ», какъ безподобный *recès* 1803 года [3]). Жадные европейскіе дворы постоянно держались на сторожѣ и постоянно оставались ненасытными. Впрочемъ комбинаціи Наполеона носились въ воздухѣ. Гарденбергъ спекулировалъ на нихъ въ пользу Пруссіи [4]). Переговоры продолжались въ Парижѣ въ самой строгой тайнѣ. Соглашенія были постановлены къ концу іюня; но Наполеонъ отложилъ подписаніе трактата, желая довести до конца свой миръ съ Россіей, прежде чѣмъ объявить новую Германскую конфедерацію [5]).

Эта конфедерація, извѣстная подъ именемъ *Рейнской Конфедераціи*, заключаетъ только часть старой Германіи, именно, смежную съ Французской имперіей; кромѣ Австріи и Пруссіи, въ нее не входятъ Ганноверъ, курфюршество Кассель, Брауншвейгъ, курфюршество Саксонія, пять герцогствъ Саксоніи, курфюршество Вюрцбургъ, Зальцбургъ и нѣсколько княжествъ [1]). Наполеонъ приберегаетъ эти территоріи для другихъ сдѣлокъ. Въ конфедерацію входятъ шестнадцать государствъ: два короля, Баварскій и Вюртембергскій; князь примасъ, Дальбергъ, правящій во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; три великихъ герцога: Баденскій, Дармштадскій, Бергскій, составляющіе «коллегію королей», и десять княжествъ, не попавшихъ въ число присоединенныхъ: два Нассау, два Гогенцоллерна, два Зальмъ-Зальмъ, князь Изенбургскій, герцогъ Аренбергскій, князья Лихтенштейнскій и Лейенскій, составляющіе «коллегію князей». Федеральный сеймъ находится во Франкфуртѣ. Члены конфедераціи облечены полной верховной властію, за исключеніемъ того, что касается Франціи. Наполеонъ объявилъ себя *Покровителемъ Рейнской Конфедераціи*; союзные принцы—его союзники и поставляютъ ему контингентъ въ 63,000 человѣкъ. Внѣ круга ихъ союзническихъ обязанностей, они управляютъ своими государствами, какъ хотятъ. Наполеонъ не вмѣшивается въ это. «Уваженіе, писалъ онъ Мюрату, уваженіе, въ Германіи, между принцами основывается на томъ количествѣ хорошихъ войскъ, какое они могутъ выставить» [2]).

Вотъ имперія и ея владѣнія, подвинутыя до Эльбы, до Адріатики, до крайнихъ пунктовъ Италіи. Турція становится элементомъ французской политики, какъ имъ была когда-то Германія; какъ до 1795 года Польша была элементомъ политики Австріи, Пруссіи и Россіи. Наполеонъ распоряжается занять Рагузу [3]), отправляетъ Рейнгарда съ миссіей въ княжества, возбуждаетъ переговоры съ Портой. Себастьяни, знающій этотъ театръ дѣйствій, дастъ почувствовать туркамъ послѣдствія Аустерлица [4]). «Цѣль моей политики составить тройной союзъ изъ меня, Порты и Персіи, косвенно направленный противъ Россіи... Постоянной заботой моего посланника должно быть возбужденіе подозрѣній противъ Россіи... Цѣлью всѣхъ этихъ переговоровъ должно быть закрытіе Босфора для русскихъ... Я вовсе не желаю раздѣла Константинопольской имперіи, хотя бы мнѣ предлагали три четверти ея...» Онъ не будетъ поддерживать возставшее христіанское населеніе. Въ этомъ пунктѣ онъ будетъ держаться политики противной русскимъ. Онъ столкуется съ Янинскимъ пашою, Али. «Нужно стараться усмирять сербовъ и сдерживать грековъ...» — «Разъ бухта

---

[1]) См. т. I, стр. 90 сл., 347.

[2]) Voir Fagniez, *le Père Joseph et Richelieu*.

[3]) См. выше, стр. 27, la note du 30 janvier; notes à Talleyrand, 21 avril, 31 mai 1806.—*Corr. in.*, t. VII, p. 361.—Fournier, t. II, p. 111.—Talleyrand, *Mémoires*, t, I, p. 304.—Rapport à l'Empereur, 10 mai, 1806.

[4]) См. выше, стр. 18.

[5]) De Clercq, t. II, p. 171.—Oncken, t. II, p. 244.—Treitschke, t. I, p. 230.—Haüsser, t. I. p. 657.—Fournier, t. II, p. 113.—Himly, t. I, p. 328.—Lefebvre, t. II, chap. XIX.—Rambaud, *Napoléon I-er et l'Allemagne*, chap. I.

[1]) Три герцога Ангальтскихъ, два князя Шварцбургскихъ, Вальдекскій, два Липпе, два Рейса, два Мекленбургскихъ и Ольденбургскій.

[2]) A Murat, 15 août 1806.

[3]) A Eugène, 6 mai 1806.—Pisani, *La Dalmatie de 1789 à 1815*, p. 145 et suiv.

[4]) Instructions à Sébastiani, 9 juin; à Talleyrand, 11, 29 juin, à Sélim, 20 juin 1806.—Driault, *la Politique orientale de Napoléon I-er*, ch. I.

Каттаро въ моихъ рукахъ, писалъ онъ Евгенію 28-го іюня, то слѣдующая моя цѣль—завладѣть Черногоріей. Важность, какую я придаю моему внушительному положенію въ Албаніи, имѣетъ въ виду не столько страну, сколько желаніе показать туркамъ и всему континенту, какъ много я могу...» Себастьяни, охотно занимавшійся политической болтовней, за нѣсколько недѣль раньше, довѣрилъ Луккезини свой разговоръ съ императоромъ: «Выводъ изъ этого разговора былъ тотъ, что нужно протянуть барьеръ отъ Чернаго моря до Балтійскаго, за который слѣдуетъ отбросить русскихъ, наводнившихъ Польшу, что это легко могло бы быть достигнуто французами въ соединеніи съ пруссаками и въ согласіи съ турками» [1]).

Средиземное море французское озеро, Франція простирающаяся до Рейна, главенство надъ Германіей, вотъ великолѣпные планы старой монархіи. Члены конвента видѣли въ нихъ блескъ республики. Они осуществлены. Но, чтобы ихъ приняла Англія, для этого есть лишь два средства, найденныя съ 1795 года: вторженіе, бывшее предметомъ неудачной попытки въ 1796, 1797, 1803 году; или исключеніе изъ континента, блокада. Наполеонъ видитъ, что къ этому приводитъ его ходъ вещей, и какъ въ 1792 году нашлись публицисты, рекомендовавшіе концентрацію Германіи, такъ находятся они въ 1806 году, чтобы подсказать императору континентальную блокаду [2]). «Англійское правительство, пишетъ одинъ изъ нихъ [3]), находится въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Конечно, оно еще имѣетъ страшную морскую силу, но ослабленіе этой силы неизбѣжно... если ея коммерческое богатство и дальше будетъ находиться подъ угрозою, если будутъ продолжать ее преслѣдовать, поражать въ самыхъ важныхъ рыночныхъ пунктахъ; ея финансы и ея общественный кредитъ разстроятся».—«Англія погибла, если удастся разбить и сокрушить ея территоріальное могущество въ Азіи, если успѣютъ утвердить въ Европѣ запрещеніе на ея товары, если смогутъ закрыть ея рынки, и если примутъ мѣры, необходимыя для ослабленія ея морского могущества... Атакуя Англію, нужно атаковать ея торговлю... Разрушить британскую торговлю, значитъ поразить Англію въ сердце; значитъ одновременно атаковать ея союзниковъ и ея континентальныя интриги» [4]).

[1]) Это прежній *барьеръ*, коимъ служила Польша, составлявшій существенную часть исконной системы французской политики. См. т. I, стр. 397, 410.

[2]) „Exclure les Anglais du continent et le leur fermer... depuis Gibraltar jusqu'au Texel.“. Le Comité à Barthélemy, 27 août, 4 septembre 1795. T. IV, стр. 297.

[3]) Mémoire de Montgaillard du 25 juillet 1805—26 février 1806.—Clément de la Croix, *op. cit.*, p. 56 et suiv., 161 et suiv.

[4]) См. т. III, стр. 212, 372; т. IV, стр. 275, 297, 355; т. V. стр. 232, 277.—*Rapport de Talleyrand*, 10 juillet 1798, Pallain.

Такимъ образомъ великая имперія, подобно величайшей республикѣ директоріи, возникаетъ изъ этой необходимости принудить Англію къ миру съ Франціей. Наполеонъ окружаетъ себя королями своей крови, которыхъ назначаетъ и облекаетъ властью, какъ Директорія окружала себя республиками, вызванными къ существованію французской республикой, и именно по ея образу. *Континентальная система* чувствуется и во время директоріи, но т. с. замаскированная республиканской пропагандой. Она дѣлается реальной во время Имперіи, имѣя своей подкладкой *семейныя соглашенія*. Духъ клана, столь сильный у Наполеона, растворяется въ понятіе *великой имперіи* и *блокады Англіи*. Впрочемъ, заключая въ себѣ такъ же мало космополитизма, какъ и комитетъ общественнаго спасенія года III и какъ директорія, Наполеонъ смотритъ на великую имперію, какъ директоры смотрѣли на великую націю, то есть, что онъ сосредоточиваетъ ее въ себѣ и представляетъ ее. Въ его глазахъ нѣтъ королей сравнительно съ великой имперіей, какъ въ глазахъ его предшественниковъ не было націй рядомъ съ великой націей. Слово *національный*, взятое по отношенію къ иностранцамъ, онъ понимаетъ такъ, какъ директорія понимала слово *патріотъ*, то есть человѣкъ разсудительный, гражданинъ, слуга великой націи, высшаго отечества, Франціи. «*Патріотическая* партія, это—та, которая всегда проявляла больше энергіи ради Франціи и ради трона».—«Національный духъ, это—подчиненіе въ силу разумной преданности и интереса» [1]). Народы не имѣютъ другого права, кромѣ права быть управляемыми, но они не судьи этому управленію. « нахожу смѣшнымъ, что вы выставляете противъ меня мнѣніе вестфальскаго народа. Что значитъ мнѣніе крестьянъ въ политическихъ вопросахъ?»—«Если вы будете слушать мнѣніе народа, который не знаетъ, чего онъ хочетъ... вы ничего не сдѣлаете» [2]). Если народъ отказывается отъ своего собственнаго счастья, опредѣленнаго его господиномъ [3]), или по его собственной волѣ объявленнаго отъ его имени сувереномъ, то это—народъ анархическій, онъ преступникъ, и наказанія являются и первымъ долгомъ государя и первою главою управленія. «Обращайтесь хорошо съ вашими народами, ибо государи именно и созданы для ихъ счастья». Но, если хотите, чтобы васъ любили, сдѣлайте такъ, чтобы васъ боялись. «Нужно быть королемъ и говорить по-королевски». Довѣріе вызывается авторитетомъ и не пріобрѣтается любовью. «Первое дѣло—достать денегъ и для примѣра жестоко наказывать убійцъ. Въ завоеванной странѣ быть добрымъ не значитъ быть человѣколюби-

[1]) A Eugène, 30 juillet; à Joseph 2 juin 1806.

[2]) A Murat, 10 avril, à Joseph, 30 juillet 1806.

[3]) Ср. т. III, стр. 154, 180.

вымъ» [1]).—«Не лаской привлекаются народы». Наконецъ, не вѣрьте ничему и никому: «Кто приходитъ, чтобы ночью разбудить васъ и вручить вамъ депеши, тотъ долженъ быть французъ. Ночью никто не долженъ входить къ вамъ, кромѣ адъютанта, который долженъ спать въ комнатѣ передъ вашей спальней. Ваша дверь должна быть заперта изнутри, и вы не должны впускать вашего адъютанта раньше, чѣмъ узнаете его голосъ, и онъ самъ не долженъ стучаться къ вамъ раньше, чѣмъ запретъ дверь комнаты, въ которой находится, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ въ ней одинъ, и что никто не придетъ вслѣдъ за нимъ... Эти предосторожности могутъ спасти вамъ жизнь». Это его «*Traité du prince*, который онъ развиваетъ въ своихъ приказахъ Іосифу, Мюрату, Евгенію, когда они начинали царствовать. Онъ пишетъ объ этомъ какъ человѣкъ, переживший терроръ; управлявшій въ Италіи въ разгаръ возстаній; управлявшій во Франціи среди заговоровъ и серьезно размышлявшій о смерти Павла I-го.

Не говоря уже объ его ошибочности сужденій относительно народовъ, онъ обманываетъ себя и относительно королей, которыхъ даетъ народамъ, и еще больше обманываетъ себя, если это возможно, относительно своей собственной слабости къ этимъ королямъ, связаннымъ съ нимъ узами крови, созданнымъ почеркомъ его пера. Чтобы объяснить неудавшіяся надежды великой имперіи, недостаточно было бы неповиновенія Бонапартовъ, ихъ дерзкой вѣры въ нѣкотораго рода монархическое предназначеніе ихъ личности, если бы Наполеонъ, если бы братъ, не былъ по темпераменту ужаснымъ, незнающимъ конца, раздавателемъ. Этотъ человѣкъ, рожденный для имперіи, увѣренною рукою взявшій самодержавную власть и державшій ее безъ усилій, не только равный, но даже превосходившій, и во всѣхъ отношеніяхъ, побѣжденныхъ имъ королей и императоровъ, въ своей семьѣ всегда оставался выскочкой и меньшимъ. Тутъ онъ былъ императоромъ только въ томъ смыслѣ, что давалъ, и никогда не могъ добиться ни повиновенія, ни уваженія. По отношенію къ своимъ онъ имѣлъ тотъ странный родъ благосклонности, который онъ распространялъ на всѣхъ тѣхъ, кто помогалъ ему въ трудныя времена, служилъ въ критическіе годы. Этотъ воинъ, этотъ автократъ, сильный, благородный, добродушный, больше всѣхъ владыкъ и вожаковъ подвергался обману и измѣнѣ со стороны своихъ женъ, своихъ братьевъ, своихъ сестеръ, своихъ министровъ, своихъ намѣстниковъ, своихъ слугъ.

Впрочемъ, задача, которую онъ ставитъ передъ ними, заключаетъ въ себѣ противорѣчія: короли по отношенію къ своимъ народамъ,

[1]) A Joseph, 8, 21 mars; 31 mai, 3 juin, 3 juillet, 1-er août; à Stéphanie de Bade, 13 juillet; à Murat, 30 juillet 1806.—Ср. т. VI, стр. 359 сл., 422.

они намѣстники французскаго императора по отношенію къ императору [1]). Съ ними приключается, и съ самаго начала, то, что происходило съ республиканскими правительствами, установленными директоріей. Тѣ же жалобы съ ихъ стороны, тѣ же приказанія со стороны императора, тѣ же роковые конфликты. Прибавьте къ этому характеры людей. На неаполитанскомъ тронѣ Іосифъ остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ Парижѣ и въ Мортфонтенѣ: противникомъ императорской политики, кандидатомъ на императорское наслѣдство. Его переписка съ Наполеономъ принимаетъ съ марта 1806 тонъ, который она сохраняетъ до 1813, и эти годы королевскаго ученичества представляютъ въ сокращенномъ видѣ исторію двухъ царствованій Іосифа—въ Неаполѣ и въ Мадридѣ.

Редереръ, поздравлявшій Іосифа отъ имени сената и отъ лица императора, указываетъ на Карла Великаго, Людовика XII, Людовика XIV: въ лицѣ Іосифа онъ рисуетъ государя, какого желаетъ умѣренная Франція [2]). Онъ хвалитъ его, но не столько въ качествѣ неаполитанскаго короля, сколько какъ будущаго наслѣдника въ Парижѣ: «особенно его умѣренность; эту ненарушимую доброту, естественную спутницу истиннаго достоинства», которыя обезпечатъ его царствованію «любовное повиновеніе, столь предпочтительное слѣпому и молчаливому подчиненію». Потомъ онъ высказываетъ сожалѣнія сената: «Итакъ, это фактъ, онъ для насъ потерянъ!» печально говорили сенаторы, выслушивая декретъ отъ 20 марта. Іосифъ утѣшаетъ ихъ: «Мои новыя обязанности оставляютъ при мнѣ мои прежнія обязательства». Пока что онъ весь принадлежитъ *своему* народу, «охваченному страстью къ возрожденію своей страны».—«Я нахожу въ неаполитанцахъ тѣ чувства, которыя нашъ императоръ нашелъ во французахъ». Но кредита нѣтъ никакого; денегъ не видно; налоги не популярны, фискъ ненавистенъ. Если Іосифъ станетъ править, онъ потеряетъ любовь своихъ подданныхъ; собирая подати, онъ взволнуетъ своихъ подданныхъ; если онъ вооружитъ ихъ, они будутъ стрѣлять по немъ. Возстанія, разжигаемыя Бурбонами, свирѣпствуютъ въ горахъ: ройялизмъ и разбойничество, за голову Іосифа назначена цѣна, «Фра-Дьяволо» возведенъ въ герцогское достоинство; летучія колонны вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, жгутъ, чтобы избѣжать самимъ пытокъ и смерти. Солдатамъ не платятъ, и они грабятъ. Генералы ведутъ себя, какъ въ завоеванной странѣ [3]). Если бы Іосифъ и его французскіе министры: М. Дюма,

[1]) «Vous êtes Français, vos enfants le seront; tout autre sentiment serait si déshonorant que je vous prie de ne jamais m'en parler». A Murat, 30 juillet 1806.

[2]) Roederer, t. III, p. 523—525.—Cf. id 511 et suiv., rapport sur l'hérédité.

[3]) «Tenez la main à ce que les généraux ne volent pas» Napoléon à Joseph, 2 mars; à Dejean, 1-er avril, 3 juin 1806.—Miot.

Міо, Редереръ, попытались управлять по-французски, по этой системѣ строгой, но благодѣтельной, принятой націей вышколенной для централизованнаго управленія, то это надоѣдало бы и беззаботнымъ лаццарони, и дворянамъ, привыкшимъ къ выгоднымъ для нихъ злоупотребленіямъ, и анархическому и фанатическому деревенскому населенію. Это зарождающееся королевство представляетъ зрѣлище, напоминающее времена Шампіоне,—широкое возстаніе поселянъ вокругъ веселящагося города. Прибавьте къ этому банды французовъ, снова появившихся голодныхъ эмигрантовъ, военныхъ и чиновниковъ, потерявшихъ свое соціальное положеніе, которые обрушиваются на эту страну, ища наслѣдницъ, состоянія и мѣстъ. Черезъ очень короткое время эти люди становятся ненавистными: одни потому, что съ жестокостью ведутъ свое дѣло завоевателей; другіе, самозванцы, потому, что сбѣгаются на дѣлежъ добычи, всѣ вмѣстѣ потому, что они грабятъ, захватываютъ, командуютъ и живутъ на счетъ чужой страны. Іосифъ кричитъ о нищетѣ, взываетъ о помощи; требуетъ солдатъ, жандармовъ, милліоны денегъ. «Въ настоящій моментъ, я не смогъ бы отправить во Францію ни одного неаполитанскаго полка; всѣ дезертировали бы».—«Главные источники моихъ доходовъ не даютъ о себѣ знать: таможни почти ничего не приносятъ... Блокада очень затрудняетъ продажу зерна и шерсти... Въ настоящее время у меня не болѣе 30,000 человѣкъ, могущихъ маршировать». Всего не-хватаетъ для экспедиціи въ Сицилію—людей, кораблей, денегъ [1]). Такимъ образомъ, это данническое королевство, далекое отъ того, чтобы платить налогъ, требуетъ субсидій; этотъ союзникъ, далекій отъ того, чтобы доставлять вспомогательныя войска, требуетъ помощи.

Наполеонъ, какъ это онъ будетъ дѣлать до конца, не хочетъ вѣрить фактамъ, нарушающимъ его расчеты. «Я не могу послать вамъ никакихъ подкрѣпленій. Я не могу ввести всѣ мои войска въ Неаполь. У меня лишь небольшое количество войскъ въ Италіи... Вы имѣете фондъ для 60,000 человѣкъ. Вы имѣете громадную армію» [2]). Неаполь, это—золотое дно: «Пусть понажмутъ на него умѣючи, онъ дастъ сотню милліоновъ». И, особенно, пусть Іосифъ не обманывается привѣтственными криками народа, колѣнопреклоненіями знати: «Чувства, испытываемыя при вступленіи въ Неаполь, всегда возникаютъ при первомъ вступленіи въ завоеванную страну...»—«Такъ ведутъ себя всѣ завоеванные народы, маскируя свои чувства и свои нравы, съ уваженіемъ преклоняясь передъ тѣмъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ ихъ имущество и ихъ жизнь» [3]).

[1]) Joseph à Napoléon, 8, 30 mai 1806.
[2]) A Joseph. 3, 6, 7 juin 1806.
[3]) A Joseph. 28 février; 2, 3, 6, 20 mars; 11, 21, 22 avril 1806; 14 mai 1806.

Неаполь можетъ и долженъ помѣстить у себя 40,000 французовъ, привести ихъ въ надлежащее состояніе, ремонтировать ихъ и держать въ довольствѣ. «Ждите возстанія и готовьтесь подавить его такъ, чтобы другимъ не было повадно. Представляется хорошій случай. Управляйте! уничтожьте старый режимъ, его привилегіи, его злоупотребленія. Организуйте фискъ на французскій ладъ. Воровъ и лихоимцевъ принудьте сплою возвратить взятое имп... Наконецъ, и прежде всего, конфискуйте англійскіе товары, гоните англичанъ изъ Сициліи!» Неаполь есть аванпостъ противъ Англіи, станція на пути къ Востоку, одинъ изъ ключей Средиземнаго моря, и въ этомъ вся причина, почему Іосифъ занимаетъ этотъ тронъ, и почему этотъ тронъ нуженъ имперіи!

Это и есть именно то, на что Іосифъ способенъ меньше всего. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы расположить къ себѣ свой народъ, привлечь къ себѣ знать, составить свой дворъ, возродить націю, сдѣлаться ея идоломъ, дать Италіи и, особенно, Франціи образецъ государя просвѣщеннаго, добродѣтельнаго, миролюбиваго, умѣреннаго, реформатора, какимъ когда-то былъ въ Тосканѣ великій герцогъ Леопольдъ [1]). Никогда для этого не будетъ у него времени. Въ іюлѣ, 6000 англичанъ и 3000 бурбонцевъ высаживаются въ Калабріи. Къ нимъ присоединяется 4000 инсургентовъ. Это Сицилія, дѣлающая нашествіе на континентъ, и Бурбонъ, грозящій изгнать Бонапарта. Рейнье отступаетъ. Французская армія, на которую все это обрушивается, падаетъ духомъ. На 45000 человѣкъ приходится 14000 больныхъ. И чтобы командовать этой арміей, потерявшей десятаго человѣка, нужны два фельдмаршала, десять дивизіонныхъ генераловъ и семнадцать бригадныхъ! Сегюръ, имѣвшій временное назначеніе при Іосифѣ, возвращается въ Парижъ съ воплями короля и генераловъ. Наполеонъ отвѣчаетъ упреками, бѣсится: «Значитъ они забыли воевать?.. Повстанцы! Что такое крестьяне-повстанцы противъ подвижныхъ и рѣшительныхъ колоннъ? Нѣсколько казней, и въ другой разъ они не возстанутъ. Развѣ я не далъ вамъ примѣра? Или забыли Яффу?.. Тамъ я приказалъ разстрѣлять сразу больше трехъ тысячъ человѣкъ! Это ужасно, но безъ этого моя армія погибла бы... Неаполитанцы то же, что корсиканцы, чтобы ихъ усмирить, нужна желѣзная и огненная воля! Безъ этого мой братъ погибнетъ, или будетъ прогнанъ изъ своего королевства». Отправляются грозныя письма, курьеръ за курьеромъ, 31 іюля, 5, 9, 17 августа: «Я очень хотѣлъ бы, чтобы возстала неаполитанская чернь... Каждый завоеванный народъ долженъ пройти черезъ возстаніе... Пока въ этомъ дѣлѣ вы не покажете себя, какъ слѣдуетъ, вы не господинъ. На возстаніе

[1]) См. т. I, стр. 90, 91, 310.

въ Неаполѣ я смотрѣлъ бы какъ отецъ смотритъ на оспу у своихъ дѣтей».—«Такъ какъ Калабрія возстала, то почему бы вамъ не забрать половину помѣстій этой страны, чтобы раздать ихъ арміи?» Такъ въ свое время солдатамъ республики былъ обѣщанъ милліардъ. Грабежи, казни, конфискаціи,—вотъ программа и словарь террора. Наполеонъ забываетъ, что, обращаясь съ этой страной, какъ съ Вандеей, онъ рискуетъ вызвать въ ней другую Вандею.

Задача, порученная Людовику въ Голландіи, еще труднѣе задачи Іосифа. Голландія, это—таможенный постъ противъ Англіи. Чтобы выполнить свою миссію, Людовикъ принужденъ отбросить, ниспровергнуть всю исторію своего народа, всѣ его традиціи, всѣ его интересы. Это значитъ царствовать наперекоръ природѣ. Конвентъ ввелъ эту политику завоеваніями, директорія продолжала ее революціонными ударами [1]). 24 мая, батавскіе депутаты, призванные въ Парижъ, подписываютъ договоръ, который превращаетъ ихъ республику въ королевство: Людовикъ Бонапартъ — ихъ король; листъ, опредѣляющій содержаніе государю, назначаетъ 1.500.000 флориновъ, имѣнія, дающія 500.000 флориновъ доходовъ, вдовью долю для королевы 250.000 флориновъ. Впрочемъ это королевство находится во власти французской имперіи, какъ батавская республика была во власти французской республики. 5 іюня, въ посланіи къ сенату. Наполеонъ опредѣляетъ характеръ этой монархіи, промежуточной между завоеваніемъ 1795 года и присоединеніемъ 1810: «Расположенная близъ устьевъ большихъ рѣкъ, которыя орошаютъ значительную часть нашей территоріи, Голландія является продолженіемъ естественныхъ границъ. Она необходима для французской торговли, для защиты имперіи. Наконецъ, она составляетъ первый интересъ Франціи». Голландія,—объявляетъ онъ батавцамъ,—существуетъ исключительно благодаря Франціи; она должна существовать только для Франціи. И Людовику: «Пусть она будетъ обязана вамъ королями, защищающими ея свободы, ея законы и ея религію; но вы всегда оставайтесь французомъ».

Людовикъ Бонапартъ будетъ на тронѣ ипохондрикомъ власти, какъ въ своей семьѣ онъ былъ ипохондрикомъ въ любви, какъ во всю свою жизнь былъ ипохондрикомъ въ вопросахъ своего здоровья [2]): его кажущаяся скромность, его аффектированная дикость скрываютъ подъ собою «неспокойное ревнивое самолюбіе, мучительное, какъ его личность»; самолюбіе неудавшагося литератора, родственника цезаря, снѣдаемаго своимъ

[1]) Прецеденты конвента и директоріи см. т. IV, стр. 183, 239, 240. 255; т. V, стр. 31, 187, 256.

[2]) Frédéric Masson, t. I, p. 365; t. II, p. 354, 431.

непризнаннымъ геніемъ, своею озлобленною гордостью, доходящей до маніи преслѣдованія. Его основныя черты честности, природной доброты, чувство долга, когда его не разстраиваетъ подозрѣніе, усиливаютъ въ немъ то ложное мнѣніе, что царствовать для себя самого и черезъ себя самого значитъ царствовать для *своего* народа, посредствомъ своего народа. Онъ сдѣлаетъ себѣ добродѣтель изъ своего тщеславія. Въ характерѣ его личности было изображать изъ себя жертву, и это являлось поводомъ постоянно жаловаться и постоянно требовать. Онъ принимаетъ поневолѣ то, что голландцевъ заставляютъ предложить ему, и само собою устанавливается между ними какъ бы союзъ общей враждебности противъ господина, противъ императора, который сближаетъ ихъ и на время объединяетъ.

Этотъ фальшиво-скромный человѣкъ ставитъ свой дворъ на пышную ногу. Въ Бонапартахъ существуетъ какая-то прирожденная тоска по камергерамъ, шталмейстерамъ, лакеямъ. 23 іюня, Людовикъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Гагу. У городскихъ воротъ онъ отпускаетъ свой французскій эскортъ. Съ высоты своего трона онъ разглагольствуетъ передъ высшими властями: это Людовикъ XVI среди знати, это коронованный шиллеровскій Поза. «Я принялъ тронъ, на который вступаю, по убѣжденію, что таково было желаніе цѣлой націи... Я безъ страха измѣрилъ глубину бѣдствій націи». Надежда сдѣлать Голландію счастливой «заглушила чувства, которыя до этого составляли цѣль и счастье его жизни». Въ этой рѣчи даже не было произнесено имя Франціи. И вотъ, передъ вами подлинный голландецъ, и въ этомъ званіи его первая забота, это—протестъ противъ чрезмѣрныхъ требованій французскаго союза. Конфликтъ начинается со дня его вступленія на престолъ. Онъ прочиталъ свой бюджетъ: 35 милліоновъ доходовъ, 78 милліоновъ расходовъ. Одни долговые платежи поглощаютъ всѣ государственные сборы. Это—прогрессивный дефицитъ, ставшій закономъ для финансовъ, и батавскіе финансы представляютъ замаскированное банкротство. Налоги достигли крайнихъ предѣловъ, за которыми плательщикъ больше не платитъ. «Арсеналы и морскіе склады пусты.—Эту страну разоряли безъ всякой остановки въ продолженіе пятнадцати лѣтъ». Людовикъ принужденъ «разоружить половину кораблей, остановить постройку, сократить сухопутныя войска, что вызоветъ всеобщее отчаяніе». Онъ требуетъ уменьшенія тяготъ по содержанію оккупаціонныхъ войскъ; нужны будутъ новыя субсидіи: «Я умоляю ваше величество прочитать прилагаемыя здѣсь замѣтки, онѣ убѣдятъ васъ, какъ ужасно положеніе, въ которомъ находится страна. Если ваше величество не поможетъ мнѣ, я не знаю, какъ быть» [1]).

[1]) Louis à Napoléon, 24, 27 juin; 1, 7, 15 juillet 1806. Rolquain.

Это—постоянный жалобный мотивъ батавскихъ писемъ, въ продолженіе уже одиннадцати лѣтъ. Людовикъ находитъ положеніе вещей такимъ, какимъ его видѣлъ и лойяльно описалъ Кошонъ Лапаранъ въ 1795 году [1]). Наполеонъ отвѣчаетъ и повторяетъ депеши комитета, Сійэса и Ребеля: «Вы мнѣ пишете каждый день, чтобы пѣть мнѣ про нищету. Я не обязался выплачивать голландскіе долги, и дай я это обязательство, я не имѣю средствъ для этого». Людовикъ грозитъ разоружить флотъ. Пусть его разоружаетъ; Франція подпишетъ миръ, не возвративъ Голландіи ея колоній! Наполеонъ требуетъ рекрутъ, набора, армію въ 30,000 человѣкъ. Если голландцы не хотятъ служить, пусть платятъ. Они богаты и прячутъ свои деньги. Людовикъ можетъ навербовать швейцарцевъ: это самое лучшее, что есть на континентѣ; въ случаѣ нужды, нѣсколько полковъ баденскихъ, вюртембергскихъ, гессенскихъ [2]).

Нѣтъ никого, до Мюрата включительно, кто, будучи поставленъ владѣтелемъ въ Германіи, не былъ бы охваченъ германской лихорадкой — лихорадкой округлять—и не пожелалъ бы также царствовать по своей волѣ и, получивъ все по милости государства, не пожелалъ бы такъ употребить это по отношенію къ французской имперіи, какъ это дѣлали съ Священною имперіей [3]) тѣ государи, территоріи которыхъ онъ занимаетъ. Онъ составляетъ себѣ гербъ, придумываетъ знамя, кокарду, ливрею; назначаетъ министровъ, собираетъ дворъ и начинаетъ жаловаться. Мы сошли «на незначительное положеніе», пишетъ Каролина; мы брошены, какъ «пропавшій часовой». Едва прибывъ, Мюратъ уже находится въ конфликтѣ съ Пруссіей изъ-за вопросовъ о границахъ и верховной власти. Онъ занимаетъ спорныя территоріи и беретъ въ залогъ аббатства Эссенъ и Верденъ, и это составляетъ открытую тяжбу съ Пруссіей. «Это настоящее безуміе, пишетъ ему Наполеонъ... Именно вы оскорбили Пруссію, и это совершенно противорѣчитъ моимъ планамъ... Я хочу быть съ ней въ дружескихъ отношеніяхъ... Ваша роль должна быть примирительная, очень примирительная по отношенію къ пруссакамъ... Вы поступили безнадежно-опрометчиво. Вы не знаете моихъ дѣлъ. Поэтому держите себя смирно» [4]). И Людовику: «Князь Мюратъ, во всемъ поступающій по своему, дѣлаетъ только глупости».—Кто поставилъ тебя королемъ? Вотъ постоянный отвѣтъ на ихъ постоянныя чередующіяся возраженія. Казалось, что, принимая титулъ короля, они сразу проникаются страшной

[1]) См. т. IV, стр. 181.

[2]) Napoléon à Louis, 11 et 21 juillet; 1, 4, 5, 8, 13 août 1806.

[3]) Frédéric Masson, t. III, ch. XVIII, *Caroline*.—См. выше, стр. 38.

[4]) Rapports de Lucchesini; notes de Talleyrand, 13, 14 juin 1806.—Napoléon à Murat, 2 août 1806.—Napoléon à Louis, 15 septembre 1806.

пустотой исчезающихъ династій и по-дѣтски вѣрятъ, что Провидѣніе призываетъ ихъ управлять людьми: Революція совершилась для того, чтобы привести ихъ къ этому пункту, Европа завоевана лишь для того, чтобы они получили свое содержаніе, чтобы имъ были нарѣзаны княжества и королевства. Наполеонъ призываетъ ихъ на службу и довѣряетъ имъ *марки имперіи*; они же хотятъ служить только себѣ, и на эти *марки* смотрятъ какъ на веселыя и роскошныя гостинницы, какъ на зрѣлища, гдѣ они потрясали бы своими султанами, какъ думаетъ Мюратъ; изливали бы свою ипохондрію, выражая ее въ формахъ человѣколюбія, какъ думаетъ Людовикъ; развивали бы свои филантропическія добродѣтели и выставляли на видъ свою скромность короля-философа, коронованнаго вопреки собственной волѣ, какъ думаетъ Іосифъ.

У Наполеона идутъ, возрастая, конфликты съ папой, котораго онъ желалъ бы сдѣлать великимъ духовникомъ имперіи, но также первымъ чиновникомъ, который смотрѣлъ бы за совѣстью его подданныхъ и былъ бы священнымъ помощникомъ полиціи, управлялъ бы духовенствомъ, подчинялъ бы народы, всѣмъ проповѣдуя послушаніе императору. Наполеонъ требуетъ войны съ англичанами, войны и блокады. «Это не въ нашей волѣ, отвѣчаетъ папа; это въ волѣ Бога, который предписываетъ намъ, какъ долгъ, миръ между всѣми безъ различія» [1]). Пій VII отказывается признать въ Наполеонѣ «Императора Рима». Прибавьте традиціонныя трудности въ томъ, что касается признанія новаго режима въ Неаполѣ. Пій VII не заявляетъ себя болѣе требовательнымъ чѣмъ его предшественники во время перемѣны династіи, но, подобно имъ, онъ требуетъ гарантіи своихъ верховныхъ правъ надъ Беневентомъ и Понте-Корво [2]). 16-го мая, Наполеонъ диктуетъ ноту для врученія нунцію Капрарѣ: «Подписавшійся имѣетъ миссіей потребовать, чтобы Неаполитанское королевство было признано безъ оговорокъ и безъ условій. Въ противномъ случаѣ, его величество не признаетъ дальше папу какъ свѣтскаго государя, а только какъ духовнаго главу...» Онъ пользуется случаемъ, чтобы занять Чивиту, потомъ Беневентъ и Понте-Корво, которые онъ употребитъ для щедрыхъ раздачъ [3]). Консальви уходитъ. Алькіе замѣщаетъ Феша. Наполеонъ заявляетъ ему, 19-го іюня: «Какъ свѣтскій государь, папа составляетъ часть моей конфедераціи, хочетъ онъ этого или нѣтъ. Если онъ вступитъ въ соглашеніе со мною, я оставлю за нимъ самодержавную власть надъ его теперешними государствами; если онъ не сдѣлаетъ этого, то я завладѣю всѣмъ его побережьемъ... Если онъ не устранитъ существующихъ

[1]) Lettre du 21 mars 1806.

[2]) Note de Consalvi, 26 avril 1806.—Ср. т. I, стр. 309.

[3]) A Joseph, 5 juin; au Sénat, 5 juin 1806. Ср. выше, стр. 43.

© ГПИБ СОВАРТ

затрудненій въ духовныхъ вопросахъ, въ томъ, что касается Итальянскаго королевства, то я введу въ этомъ королевствѣ французскій конкордатъ; ибо наша религія истинна вполнѣ и не условно; все, что можетъ спасать во Франціи, спасительно и въ Италіи...» И Капрарѣ [1]): «Если въ самый короткій срокъ я не получу требуемой декларації—закрытіе портовъ для англичанъ—я прикажу занять всю остальную часть папскаго государства, я прикажу помѣстить орловъ на воротахъ всѣхъ его городовъ, всѣхъ его помѣстій, и я раздѣлю всѣ папскія провинціи, какъ я поступилъ съ Беневентомъ и Понте-Корво, на столько герцогствъ и княжествъ, чтобы я могъ одарить, кого захочу... Мое рѣшеніе принято».

Таково это страшилище Великой Имперіи въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ показываетъ его Европѣ. Эта Великая Имперія вмѣсто того, чтобы дать Франціи грозное вооруженіе и защиту, заставляетъ ее разбрасываться, раздираетъ ее, вытягиваетъ изъ нея всѣ силы, и вмѣсто того, чтобы защищать ее, увеличивать ея войска, обогащать ея казну, наоборотъ, требуетъ вспомогательныхъ войскъ и цѣлыхъ обозовъ субсидій. Нѣтъ ничего стойкаго, ничего опредѣленнаго, все шатается, какъ въ колеблющейся башнѣ. Все держится, все идетъ только побуждаемое императоромъ, только при помощи французскихъ денегъ, французскаго войска. Вотъ почему Наполеонъ торопится повліять престижемъ и опредѣлить ходъ исторіи мирнымъ трактатомъ. И заполучивъ отъ Европы миръ при помощи грознаго видѣнія этого призрака имперіи, благодаря миру онъ превратитъ призракъ въ дѣйствительность.

VI.

У Фокса и Таллейрана дѣло шло такъ, что казалось, ему не будетъ конца. Фоксъ настаивалъ на переговорахъ совмѣстныхъ съ Россіей, а Таллейранъ на переговорахъ отдѣльныхъ. Главное Наполеонъ видѣлъ въ томъ, чтобы втянуть въ дѣло однихъ англичанъ и чтобы ихъ запутать, прежде чѣмъ придутъ русскіе. Таллейранъ нашелъ человѣка, нужнаго ему для этого довольно труднаго дѣла. Въ числѣ англичанъ, задержанныхъ въ моментъ разрыва мира, находился тогда во Франціи лордъ Сеймуръ, графъ Ярмутъ, баринъ большой важности и неопредѣленной репутаціи. Большой кутила, большой игрокъ, большой другъ Монтрона, въ обществѣ котораго онъ любилъ погулять, этотъ лордъ, говорили про него, былъ вхожъ во всякое общество, особенно же въ военное, считаясь счастливымъ любовникомъ красавицы М-me Висконти, завѣдомой любовницы военнаго министра Бертье, и самъ женатый на женщинѣ, бывшей,

[1]) Rapport de Caprara, 3 juillet 1806.

по слухамъ, фавориткой парижскаго губернатора. Жюно. Въ началѣ іюня, Таллейранъ позвалъ къ себѣ этого англичанина и предложилъ ему пропускъ въ Лондонъ, если онъ возьмется сообщить своему правительству тѣ условія, на которыхъ императоръ былъ бы расположенъ заключить миръ. Таллейранъ желалъ мира и воображалъ себѣ, что его также желалъ и Фоксъ, и что они легко могли бы придти къ соглашенію. Онъ надѣялся, что, разъ начнутся переговоры, Наполеонъ, затрудняясь прервать ихъ, пошелъ бы на уступки. Чтобы привлечь къ переговорамъ, онъ, при помощи искусныхъ двусмысленностей, показывалъ миръ несравненно болѣе легкимъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ.

Ярмутъ отнесся къ нему сперва съ высокомѣріемъ чистокровнаго англичанина, даже самаго ограниченнаго [1]): «Онъ не могъ бы принять порученія, какъ бы оно ни было почетно для него, если сначала французское правительство не дастъ объясненій относительно германскихъ владѣній англійскаго короля. Какъ перъ, онъ вотировалъ бы противъ всякаго договора, заключавшаго постановленіе о возвращеніи Ганновера въ видѣ компенсаціи». Таллейрана это не поставило въ затрудненіе: Ганноверъ былъ гарантированъ только Пруссіи и былъ гарантированъ только договоромъ! «Возвращеніе Ганновера безъ всякихъ условій и оговорокъ не составило бы никакого затрудненія», говорилъ онъ. Покончивъ съ этимъ пунктомъ, они подходятъ къ вопросу о Мальтѣ, гдѣ дѣло кажется не такъ легкимъ. Императоръ, говоритъ Таллейранъ, чтобы ясно показать свои чувства, могъ бы согласиться на то, чтобы Англія продолжала владѣть Мальтою. Ободренный этимъ лордъ Ярмутъ заговорилъ о Сициліи: «Она въ вашихъ рукахъ, отвѣтилъ Таллейранъ, мы не требуемъ ея отъ васъ». Послѣ этого двусмысленнаго отвѣта Таллейранъ потребовалъ признанія королевствъ и княжествъ, назначенныхъ членамъ императорской семьи. Въ отвѣтъ на это Ярмутъ указалъ на гарантированіе Оттоманской имперіи.—Пусть будетъ такъ, сказалъ Таллейранъ. «Нужно спѣшить. Много готовится, но ничего не сдѣлано». И провожая лорда: «Чувства Франціи совершенно измѣнились... Чего мы больше всего желаемъ, такъ это имѣть возможность жить въ добрыхъ отношеніяхъ съ такой могущественной державой какъ Великобританія» [2]).

Изъ этого разговора Ярмутъ заключилъ, что Наполеонъ повелъ бы переговоры, принявъ за базу *uti possidetis*, и онъ отправился, 13 іюня, съ своимъ рапортомъ въ Лондонъ. Оттуда онъ возвращается съ письмомъ Фокса къ Таллейрану, помѣченнымъ четырнадцатымъ числомъ. Фоксъ

[1]) Correspondance de Yarmouth avec Fox, Hansard.—Lefebvre, t. II, ch. XIX.—Thiers, t. VI, p. 447 et suiv.—Correspondance d'Oubril. Tratchewsky, t. III.—Coquelle, *les Négociations de* 1806. *Revue d'histoire diplomatique*, janvier 1903.

[2]) Rapport de Yarmouth, Londres 13 juin 1806.

принималъ форму, предложенную Таллейраномъ: она позволяла начать переговоры между Франціей и Англіей и впослѣдствіи ввести въ нихъ Россію. Онъ прибавляетъ, что лордъ Ярмутъ пользовался полнымъ его довѣріемъ. Онъ позаботился поговорить откровенно со Строгоновымъ. Этотъ посланникъ нѣсколько дней спустя писалъ объ этомъ Чарторыйскому, пересылая ему копію съ корреспонденціи между Таллейраномъ и Фоксомъ [1]): «Я не сомнѣваюсь, что Его Императорское Величество имѣетъ полное основаніе удовольствоваться этимъ... Я не думаю, чтобы можно было простирать еще дальше религіозную преданность своимъ союзамъ... Фоксъ думаетъ, что, при настоящемъ положеніи вещей, было бы полезно союзникамъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ... что общее оцѣпенѣніе охватило весь континентъ... Почему бы намъ, говорилъ онъ, не подражать Бонапарту, который устремляется на одинъ пунктъ, собираетъ тамъ свои силы и реакціей рѣшительнаго удара, наносимаго имъ только въ одномъ мѣстѣ, возобновлятъ игру тамъ, гдѣ, казалось, онъ оставилъ ее?»

Лица, представлявшія себѣ Фокса своего рода британскимъ жирондистомъ, говорливымъ и простымъ, ослѣпленнымъ космополитизмомъ, пристрастившимся къ Франціи и ея революціи, подобно тому какъ это было съ французами-республиканцами относительно Пруссіи и Фридриха;— представлявшіе его себѣ, наконецъ, увлекшимся мыслью гарантировать Франціи Антверпенъ и границу по Рейну, только бы Наполеонъ проявилъ здѣсь нѣсколько умѣренности, эти лица удивлялись, что для такого дѣла, требующаго души пламенной и благородной, Фоксъ избралъ посредникомъ человѣка съ характеромъ Ярмута. Но Фоксъ не былъ такимъ простакомъ. Либеральный ораторъ соединялся въ немъ съ дворяниномъ высшаго общества, превосходно знакомымъ съ требованіями свѣта. Если у французскихъ простофиль онъ сохранялъ репутацію крайняго простака, которой его надѣлили, то это потому, что при случаѣ онъ позволялъ себѣ пользоваться этой репутаціей. На его взглядъ, дѣло заключалось не столько въ переговорахъ, сколько въ томъ, чтобы очень явно показаться склоннымъ къ переговорамъ; чтобы такимъ образомъ привлечь на свою сторону простую публику въ Парижѣ и Лондонѣ; чтобы заставить Наполеона высказаться, чтобы запутать его въ сѣтяхъ, которыми онъ намѣревался охватить сразу Россію, Англію и Пруссію; чтобы помѣшать примиренію между Франціей и Россіей; чтобы удержать Александра въ коалиціи и чтобы на одного Наполеона набросить тѣнь за продолжительную войну. Ярмутъ казался годнымъ для этой игры, требовавшей самоувѣренности и въ то же

[1]) 28 juin 1806, le grand-duc Nicolas de Russie, *Strogonof*.

время непослѣдовательности, чтобы, въ случаѣ нужды, найти поводъ для отказа. Особенно требовалась искусная рука опытнаго картежника и тонкое умѣнье представляться обманутымъ. Таллейранъ избралъ его партнеромъ; Фоксъ и не думалъ заставлять отказываться отъ приглашенія.

Наполеонъ считалъ партію выигранной [1]). Но Таллейранъ, чтобы завлечь Фокса, слишкомъ ушелъ впередъ. Намѣренія Наполеона очень отклонялись въ сторону отъ тѣхъ, которыя обнаруживалъ его министръ. «Быть господиномъ Средиземнаго моря», эта постоянная цѣль его политики становится ея доминирующей цѣлью. Это—нить, связывающая всѣ переговоры, которые онъ тогда предпринимаетъ;—задняя мысль, по которой нужно судить объ остальномъ. Этимъ объясняется капитальная важность Каттаро, Мальты, Сициліи для его комбинацій. Онъ желалъ бы вырвать Мальту изъ рукъ англичанъ, возвратить ее Ордену. «Я не буду очень распространяться по вопросу о Ганноверѣ... Это могло бы быть вопросомъ сдѣлки съ Пруссіей... Никогда не могу я взять на себя никакого обязательства кромѣ одного—противопоставить мое вліяніе... Отдача Мальты должна совершиться въ тотъ же день, какъ и отдача Ганновера».—Пруссія получила бы въ вознагражденіе курфюршество Кассель. Что касается Сицліи, то онъ все еще воображалъ себѣ, что Іосифъ овладѣетъ ею въ благопріятный моментъ. Тогда-то, искусно увлекая Пруссію, можно было бы закрыть англичанамъ Зундъ, можно было бы принудить Португалію къ тому, чтобы она закрыла англичанамъ свои порты, это былъ бы «сильный ударъ, который устрашилъ бы Англію» [2]), и, конечно, Фоксъ долженъ былъ бы капитулировать. Нужно было только не давать ему передохнуть и заговаривать зубы, пока не будетъ завоевана Сицилія. Между тѣмъ въ Страсбургѣ Убриль дожидался пропуска въ Парижъ. Наполеонъ приказалъ протянуть, какъ можно дольше, высылку бумагъ, чтобы избѣгнуть преждевременной встрѣчи Ярмута съ русскимъ агентомъ. Это было дѣло Фуше и ошибокъ его полиціи [3]). Для себя и для Ярмута Таллейранъ приберегъ недоразумѣнія своей дипломатіи.

Но лордъ оказался менѣе податливымъ и съ болѣе твердой памятью, чѣмъ этого ожидалъ Таллейранъ отъ такого свѣтскаго человѣка, брошеннаго безъ всякой подготовки въ сферу политики. Они имѣли конферен-

[1]) A Dejean, 22 juin, 1806, sur l'évacuation de l'Allemagne et le retour en France de la Grande Armée.—A Joseph, 21 juin, 1806: „Les affaires du continent paraissent arrangées".—„Lord Yarmouth est arrivé avec les pouvoirs du roi d'Angleterre pour signer la paix. Nous serions assez d'accord sans la Sicile..."

[2]) Napoléon à Joseph, 21 juin; note pour Talleyrand, 4 juillet 1806.

[3]) Napoléon à Fouché, 17 juin 1806.

© НЭБ

цію 16-го іюня. Таллейранъ сообщилъ, что такъ какъ Россія сохранила за собою право на вопросъ о Неаполѣ, то этотъ вопросъ будетъ изъятъ изъ переговоровъ съ Англіей. Такъ какъ Убриль, со всѣхъ сторонъ окруженный препятствіями Фуше, не грозилъ пріѣздомъ, то съ пути была устранена громадная помѣха. Таллейранъ присовокупилъ, что, что касается Сициліи, то нельзя удержать Неаполитанское королевство, не присоединивъ къ нему этого острова, и что поэтому было намѣреніе пріобрѣсти этотъ островъ. Ярмутъ запротестовалъ: это было бы сужденіемъ *uti possidetis*. Таллейранъ защищался, какъ могъ. Понимая безполезность упорства относительно Мальты, онъ сказалъ, что императоръ «полагалъ, что достаточно доказалъ свой примирительный духъ, предложивъ Англіи Ганноверъ во славу британской короны, Мальту во славу флота и мысъ Доброй Надежды во славу торговли [1])». Если Таллейранъ и не сказалъ этого именно въ такихъ выраженіяхъ, то Ярмутъ такъ его понялъ, и это было странной ошибкой относительно намѣреній императора, которыя, будучи взяты даже въ такомъ смягченномъ видѣ, слишкомъ далеки были отъ намѣреній Фокса. 26 іюня, этотъ министръ послалъ Ярмуту формальныя полномочія, но запретилъ ему пользоваться ими, если бы Наполеонъ упорствовалъ въ своихъ притязаніяхъ на Сицилію, и если бы Таллейранъ не возвратился къ своимъ первымъ заявленіямъ. Таллейранъ изворачивался, давая фантастическія объясненія: императоръ вознаградитъ неаполитанскаго короля Ганзейскими городами! Но Фоксъ возражаетъ: «Отдача Сициліи есть пунктъ, не могущій подлежать сдѣлкѣ [2])».

Именно въ это время Іосифъ, далекій отъ мечты завоевать этотъ островъ, долженъ будетъ защищать свое королевство противъ высадившихся [3]) англичанъ и бурбонцевъ. Не сбудется то, къ чему Наполеонъ надѣялся принудить англичанъ. Въ ожиданіи этой побѣды и чтобы продолжать проволочки съ Ярмутомъ, запутываютъ дѣло съ Пруссіей. Наполеонъ принужденъ медлить съ окончательнымъ подписаніемъ трактатовъ Рейнской конфедераціи. Онъ можетъ нанести этотъ ударъ Пруссіи только при увѣренности въ мирѣ съ Англіей, и, въ случаѣ неудачи переговоровъ съ Англіей, онъ долженъ быть увѣренъ, что Пруссія согласится на конфедерацію и на союзъ съ нимъ противъ Англіи, доставляющій ей новыя выгоды: не только Ганноверъ, но и главенство въ сѣверной Германіи. Наконецъ, русскіе не ушли изъ Каттаро, и Убриль теряетъ терпѣніе въ

[1]) Yarmouth à Fox, 19 juin 1806.
[2]) Fox à Yarmouth, 5 juillet 1806.
[3]) См. выше, стр. 51.

Страсбургѣ. Наполеонъ снимаетъ карантинъ. 3 іюля Убриль получаетъ пропускъ; 6-го онъ въ Парижѣ.

Онъ пріѣзжаетъ въ самый критическій моментъ очень запутанныхъ переговоровъ. Такъ какъ его миссія состоитъ именно въ томъ, чтобы помѣшать этимъ переговорамъ, то ему и желать нельзя обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ. Но кромѣ своихъ инструкцій онъ имѣлъ тайное письмо, уполномачивавшее его согласиться на отдѣльную сдѣлку съ Франціей, «если бы это представляло очень замѣтныя выгоды для Россіи [1])». Наполеонъ предчувствовалъ и за восемнадцать мѣсяцевъ раньше подготовилъ знаменитый ходъ, рѣшившій дѣло въ Тильзитѣ. Онъ пытался его сдѣлать наканунѣ Аустерлица [2]), онъ пытается снова, и именно въ этомъ Таллейранъ нашелъ средство спутать Убриля и изъ его миссіи, въ своей сути благопріятной для Англіи, сдѣлать орудіе противъ Англіи.

Едва выйдя изъ своей почтовой кареты, Убриль спѣшитъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, но онъ добивается отъ Таллейрана свиданія, назначеннаго только на вечеръ [3]). Онъ входитъ въ свой отель на улицѣ Церути и находитъ здѣсь Луккезини, который первый пришелъ съ визитомъ, предлагая Убрилю свои услуги, объясняя ему «карту страны». Вечеромъ—въ восемь часовъ—онъ у Таллейрана, который осыпаетъ его всякими любезностями, расточаетъ передъ нимъ льстивые намеки и съ этимъ русскимъ возобновляетъ ту игру, которую онъ велъ съ Сенъ-Жюльеномъ, послѣ Маренго. Конечно, Убриль прибылъ не затѣмъ, чтобы разговаривать о военныхъ плѣнникахъ! [4]) И Таллейранъ только и ведетъ разговоры на эти другія темы: о своемъ желаніи вступить въ переговоры, о средствахъ столковаться. Убриль получилъ полномочія; въ этомъ Таллейранъ не сомнѣвается, и онъ выражается соотвѣтствующимъ тому образомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти полномочія съ пользою могли бы быть пущены въ ходъ, такъ какъ дѣло съ Ярмутомъ не подвигается впередъ. Этотъ лордъ сообщаетъ отвѣты Фокса, рѣшительный отказъ относительно Сициліи, и такъ какъ Таллейранъ продолжаетъ упорно требовать этого острова, то Ярмутъ требуетъ свои паспорта [5]).

[1]) См. выше, стр. 40.
[2]) См. выше, стр. 33.
[3]) Rapport d'Oubril, 10 juillet 1806 et suiv. Tratchewsky. — Bulletins de Lucchesini, 11—16 juillet. Bailleu.
[4]) См. т. VI, стр. 49, 129, 135.
[5]) Yarmouth à Fox, 9 juillet 1806.—Убриль остановился въ отелѣ на улицѣ Церути, гдѣ жила нѣкая г-жа Saint-Amand, которая, по слухамъ, пользовалась благосклонностію Ярмута и этимъ объясняли его частыя посѣщенія этого дома. Notes de police. Coquelle: *les Negociations de 1806. Revue d'histoire diplomatique*, janvier 1903.

Убриль былъ извѣщенъ объ этомъ. 7-го, онъ принимаетъ Ярмута, который представляется съ письмомъ отъ Фокса. На другой день они снова видятся. Ярмутъ посвящаетъ его въ ходъ своихъ переговоровъ: Убриля задержали въ Страсбургѣ, чтобы помѣшать имъ сговориться; но Ярмутъ еще не выполнилъ своихъ полномочій; Сицилія является камнемъ преткновенія; Таллейранъ грозитъ, что, если не заключатъ мира, то Германская имперія будетъ уничтожена, изъ Швейцаріи будетъ сдѣлано королевство, Ганзейскіе города будутъ отданы Пруссіи, которая только и желаетъ этого! Убриль совѣтуетъ Ярмуту согласиться на возвращеніе Ганновера, но оставить его подъ охраною Пруссіи, что разсоритъ Пруссію и Францію. Между англичаниномъ и русскимъ устанавливаются задушевныя отношенія. Съ этой поры они встрѣчаются ежедневно и условливаются, что и какъ говорить.

Подготовившись такимъ образомъ, Убриль, 8-го числа, снова идетъ къ Таллейрану, который пригласилъ его на обѣдъ. Передъ обѣдомъ они бесѣдуютъ. «Позвольте мнѣ, Убриль, предложить вамъ одинъ вопросъ,—говоритъ Таллейранъ. Ведя переговоры съ вами, веду ли я ихъ съ британскимъ министромъ?» Убриль объясняется откровенно: его миссія,—отвѣчаетъ онъ, — поддерживать добрыя отношенія между Англіей и Россіей; но если Таллейранъ довѣритъ что-нибудь только ему одному, то онъ даетъ честное слово не разоблачать этого въ Лондонѣ. Таллейранъ только и ждалъ отъ него этихъ словъ. «Я искренно желаю найти средство, чтобы намъ столковаться: подпишемъ перемиріе на восемь-десять лѣтъ, въ продолженіе этого времени мы будемъ работать для мира» [1])... Убриль не отклонялъ этой идеи, на которую ему уже намекалъ въ Петербургѣ Чарторыйскій. Но, замѣчаетъ онъ, исполненіе этого невозможно, пока французская имперія граничитъ съ оттоманской. «Причина въ томъ, что Бонапартъ—онъ замѣтно избѣгалъ словъ: *императоръ* и *Наполеонъ*— былъ сосѣдомъ Голландіи и поработилъ ее; онъ былъ сосѣдомъ Италіи, и она теперь находится въ полной зависимости отъ него. Мы опасаемся, какъ бы не случилось то же самое отъ его сосѣдства съ оттоманской имперіей». Сегодня разбираютъ этотъ вопросъ. На слѣдующій день — объ Адріатикѣ. Таллейранъ мало по малу отступаетъ. Хитрость ли это? 9-го іюля, Убриль писалъ въ Лондонъ Строгонову: «Въ продолженіе трехъ дней, что я здѣсь, я видѣлъ три раза, какъ Таллейранъ желалъ заставить меня въ двадцать четыре часа подписать одинъ актъ и представить мнѣ альтернативу согласиться на это или оставить Парижъ. Но я обошелъ этотъ планъ и успѣлъ связать мои переговоры съ переговорами лорда Ярмута... Согласна ли Англія, чтобы я устроилъ сдѣлку относительно континента? Вотъ чего я надѣюсь достигнуть: За Сицилію— Рагузу, Албанію, Далмацію; отказа отъ плана разрушить Германію... га-

[1]) См. выше, стр. 33.

рантированія шведской Помераніи, и, быть можетъ, Швейцаріи... для русскихъ морскую станцію въ Корфу». Онъ прибавляетъ, что Наполеонъ, чтобы заставить согласиться Англію, грозитъ завладѣть Испаніей и Португаліей. Къ своей корреспонденціи онъ прилагаетъ такое открытое письмо, назначенное для англичанъ: «Если упустятъ этотъ случай заключить миръ, то никогда не добьются возвращенія Ганновера, и всякій разъ, когда пожелаютъ взять его силою, будутъ имѣть противъ себя Францію и Пруссію, тогда какъ, подписавъ этотъ договоръ на этихъ основаніяхъ, навсегда разсорятъ Францію съ Пруссіей... Разрушатъ ея вліяніе въ Константинополѣ».

Наполеонъ предчувствуетъ это: онъ снова поворачивается къ Пруссіи. 10 іюля, онъ приказываетъ написать Лафоресту: «Переговоры, которые, казалось, должны были привести къ миру, по всей вѣроятности, будутъ прерваны, такъ какъ до настоящаго момента Англія ставитъ условіемъ *sine qua non* возвращеніе Ганновера, на что императоръ не согласится никогда». Поэтому дѣлается призывъ «къ полному согласію» между Пруссіей и Франціей противъ Англіи. Затѣмъ, чтобы успокоить пруссаковъ, онъ эвакуируетъ Эссенъ и Верденъ, которые Мюратъ занялъ по легкомыслію.

Убриль казался болѣе сговорчивымъ, чѣмъ Ярмутъ. Таллейранъ усматривалъ въ немъ нѣкоторую сокровенную склонность къ высшей политикѣ, нѣкоторую слабость изображать изъ себя полномочнаго министра. Онъ думалъ, что легче справиться съ этимъ вкрадчивымъ и подвижнымъ русскимъ, чѣмъ съ мрачнымъ, упрямымъ бульдогомъ, въ какого превращается всякій англичанинъ, когда затрогиваются интересы Англіи. Самъ лично онъ убралъ его, такъ сказать, цвѣтами, а своимъ «довѣреннымъ» поручилъ оплести его [1]). Убриль развлекался сплетнями, розыскивалъ тѣхъ, кто доставлялъ бы свѣдѣнія, слѣдилъ, вездѣ прислушивался. Онъ полюбопытствовалъ узнать, что такъ сильно побуждало Таллейрана и его государя вести переговоры съ царемъ, и повѣренные Таллейрана нашептывали ему эти причины: «Таллейранъ, говорили ему, желаетъ заключить миръ потому, что онъ ждетъ этого момента, какъ отдыха для себя. Онъ недоволенъ пріемами Фокса въ дѣлѣ веденія переговоровъ, потому что онъ не находитъ его ни достаточно изобрѣтательнымъ, ни достаточно быстрымъ... Бонапартъ тоже желаетъ мира... не возвращая чего нибудь важнаго. Онъ женолюбивъ, и принцъ и принцесса Клевскіе—его поставщики...[2]) Нужна, по крайней мѣрѣ, королевская корона, чтобы отплатить за подобныя услуги, и, вѣроятно, Германія доставитъ эту корону». Это настоящій конкурсъ разоблаченій по заказу и выкраденныхъ свѣдѣній,

[1]) Rapports d'Oubril, 11 juillet 1806. Lettre du 7 août, rétrospective.

[2]) Принцесса Клевская! Объ этомъ приключеніи Frédéric Masson, *Napoléon et les femmes*, p. 168; его же, т. III, стр. 272.

всѣ они угрожающаго характера, всѣ выдуманы для того, чтобы ошеломить Убриля: планъ рейнской конфедераціи, который достаетъ для него одинъ агентъ, но о которомъ онъ думаетъ впрочемъ, что этотъ планъ есть лишь проектъ, который можетъ быть не осуществленъ,—угроза перейти Иннъ и вторгнуться въ наслѣдственныя государства Австріи, если не отдадутъ Каттаро. Убриль видитъ себя въ необходимости или воспользоваться своими полномочіями, или навлечь на свое правительство упрекъ, что оно подвергло своихъ союзниковъ «серьезнымъ опасностямъ». «Разрывомъ, говорилъ онъ, я вызвалъ бы новую войну, которую Франція повела бы съ своей стороны очень энергично противъ государствъ совсѣмъ неприготовленныхъ, чтобы противостоять ей. Наоборотъ, подписавъ договоръ, я далъ этимъ государствамъ время, нужное чтобы поставить себя на надлежащую ногу». Прибавьте къ этому, что онъ начинаетъ подозрительно относиться къ Ярмуту и къ его пріятельству съ Монтрономъ, основанному на кутежѣ. «Монтронъ, слѣпо преданный Таллейрану, съ утра до вечера пьетъ съ лордомъ Ярмутомъ [1]). Я хорошо знаю, что этотъ послѣдній, смотрящій на перваго какъ на шпіона, имѣетъ болѣе крѣпкую голову и, слѣдовательно, скорѣе загонитъ своего противника подъ столъ, чѣмъ самъ попадетъ туда; но когда они оба разговорятся, то кто можетъ помѣшать, чтобы не пришелъ третій и не воспользовался всѣмъ тѣмъ, что сорвется съ языка у лорда Ярмута?» [2]).

Дѣло рейнской конфедераціи становилось гласнымъ, и окончаніе его нельзя было откладывать на долгое время, принимая во вниманіе ту точку, на которой стояло дѣло съ нѣмецкими принцами. Всѣ спѣшили съ окончаніемъ, безпокоясь изъ за своей суверенной власти, изъ за вопроса о присоединеніяхъ, опасаясь какой нибудь бѣды. Актъ былъ подписанъ 12 іюля, но хранился еще какъ тайна. Важно было склонить Россію, прежде чѣмъ привести его въ исполненіе. Вотъ почему въ тотъ же день Таллейранъ написалъ Убрилю, что императоръ назначилъ генерала Кларке для переговоровъ съ нимъ. Онъ утверждалъ то, чего не зналъ, чтобы заполучить подтвержденіе этого: «Я довелъ до свѣдѣнія его величества императора и короля, что вы прибыли въ Парижъ, снабженный полномочіями для переговоровъ о возстановленіи мира»... Убриль уклонился отъ отвѣта, но тѣмъ не менѣе согласился отправиться на слѣдующій день, 13 іюля, къ Кларке [3]).

---

[1]) Très empressé, d'ailleurs, auprès de lady Yarmouth. Notes de police cités par Coquelle.

[2]) Oubril à Czartoryski, 11 juillet 1806. Tratchewsky, t. III.

[3]) Rapport d'Oubril, 7 août 1806.

Генералъ Кларке принялъ его очень церемонно, какъ полномочнаго министра, и не безъ торжественности пригласилъ его приступить къ обмѣну ихъ полномочій. Убриль держалъ себя скромно: онъ-де—«лишь второстепенный агентъ»; но Кларке такъ улещалъ его, съ такою хитрою лестью говорилъ «о безпокойствѣ, которое могъ испытывать императоръ при мысли, что онъ не былъ снабженъ болѣе обширными полномочіями», что Убриль согласился увезти съ собой на домъ Кларке и конфиденціально показать ему оффиціальную бумагу. Кларке не очень всматривался въ нее. Фактъ тотъ, что Убриль, совершенно отказываясь вести конференцію *по службѣ*, разговариваетъ съ Кларке отъ восьми съ половиною часовъ вечера до полночи о тѣхъ дѣлахъ, которыя они дебатировали бы оффиціально, если бы они поступали по формѣ. То же самое происходитъ 14 іюля: Кларке говоритъ, что онъ имѣетъ разрѣшеніе вести переговоры, не совершая формальнаго обмѣна полномочій. Онъ особенно останавливается на тѣхъ затрудненіяхъ, которыя могла бы испытать Россія, если бы изъ-за неотдачи Каттаро Австрія подверглась «общему измѣненію порядка вещей въ своихъ наслѣдственныхъ государствахъ». Убриль узнаетъ «изъ надежнаго источника», что Мармонъ получилъ приказъ бросить 15,000 человѣкъ въ Далмацію; что онъ былъ назначенъ командовать *Сербской арміей*, что Бертье былъ предупрежденъ держаться съ своимъ штабомъ наготовѣ къ походу на Вѣну.

18-го Убриль обѣдалъ одинъ-на-одинъ съ Кларке, который развивалъ проектъ договора, и они обсуждали его до трехъ съ половиною часовъ утра. Убѣжденный, что, если онъ не подпишетъ договора, Наполеонъ «предприметъ что-нибудь рѣшительное относительно наслѣдственныхъ государствъ Австріи», Убриль опасался, «что остальная Европа въ настоящій моментъ не имѣла достаточныхъ силъ, чтобъ противопоставить ихъ этому потоку». Обсужденіе продолжалось на слѣдующій день, отъ десяти часовъ утра до пяти часовъ вечера. Убриль отбивался. Онъ соглашался на подписаніе не иначе какъ *sub spe rati*. «Думаете ли вы, повторялъ Кларке, что императоръ остановитъ свои войска изъ-за бумаги, которая, можетъ быть, лишь приманка?» Убриль дожидался почты изъ Лондона. Онъ, не уступая, выдерживаетъ цѣлый день. Изнуренный усталостію онъ пошелъ спать, когда въ два часа утра приходятъ за нимъ отъ Таллейрана. Въ министерствѣ Таллейранъ приглашаетъ его подписать. Убриль упорно отказывался дать подпись помимо *sub spe rati*. Онъ пришелъ къ себѣ въ четыре часа утра, убѣжденный, что переговоры прерваны.

20-го, утромъ, прибылъ курьеръ изъ Лондона съ письмомъ Строгонова къ Убрилю и Фокса къ Ярмуту. Фоксъ уже не дѣлалъ изъ Сицилія условія *sine quâ non*. Онъ соглашался на обсужденіе компенсацій, указывая

на Истрію, Далмацію, Венецію!... Убриль увидѣлся съ Ярмутомъ, который взялъ съ него обязательство возобновить сношенія съ Кларке. Дѣйствительно оказалось, что за нимъ пришелъ Кларке, чтобъ призвать его къ Талейрану. Этотъ министръ сообщалъ, что Наполеонъ очиститъ Германію какъ только возвратятъ ему Каттаро. Онъ ожидалъ, что въ уплату за эту любезность Убриль подпишетъ, — притомъ сейчасъ же, остальные пункты, и присовокуплялъ, что «завтра Убриль не будетъ уже имѣть тѣхъ же условій». Онъ подписалъ 20-го іюля. [1]).

Этотъ договоръ былъ договоромъ мира. Его результаты: признаніе Наполеона французскимъ императоромъ и королемъ Италіи; отдача Каттаро; занятіе Далмаціи, признанной за Франціей. Взамѣнъ этого Франція отказывалась отъ Рагузы, которая оставалась независимой; признавала независимость семи острововъ; обязывалась эвакуировать Германію, какъ только будетъ отданъ приказъ русскимъ войскамъ уйти изъ Каттаро. Эта эвакуація совершится въ трехмѣсячный срокъ послѣ подписанія настоящаго трактата. Обѣ державы позаботятся о мирѣ между Пруссіей и Швеціей. Онѣ постараются достигнуть, чтобы Испанія уступила Балеарскіе острова старшему сыну короля неаполитанскаго, за что царь признаетъ новаго *короля обѣихъ Сицилій*. Императоръ Наполеонъ принимаетъ услуги русскаго императора въ дѣлѣ возстановленія морского мира. Обѣ державы взаимно гарантируютъ независимость и цѣлость турецкой имперіи. Обмѣнъ ратификацій долженъ произойти въ двадцатипятидневный срокъ.

Наполеонъ думалъ, что имѣетъ нѣчто цѣнное, владѣя бумагой съ подписью Убриля. Онъ никогда не отдѣлался отъ иллюзіи придавать самостоятельную цѣну писаніямъ, которыя ничего не значили, когда не выражали искреннихъ желаній, по крайней мѣрѣ, когда онѣ не соотвѣтствовали реальнымъ фактамъ, и на которыя онъ самъ смотрѣлъ какъ на лоскутки бумаги, когда они мѣшали его планамъ. Онъ убѣждаетъ себя, что трактатъ Убриля будетъ ратификованъ царемъ, что ему отдадутъ Каттаро. Онъ пишетъ Евгенію, Бертье [2]). И опять онъ обращается къ англичанамъ. Онъ разсчитываетъ, что русскій договоръ окажетъ на нихъ давленіе, и что, если онъ успѣетъ заполучить подпись Ярмута, то результатомъ этого въ Петербургѣ будетъ ратификація Александра, что рикошетомъ побудитъ къ ней и Фокса.

Талейранъ подзадориваетъ Ярмута. Этотъ лордъ рѣшается, 21 іюля, представить свои полномочія, и сейчасъ же Кларке былъ назначенъ для переговоровъ съ нимъ. Убриль намѣревался отправиться въ Петер-

[1]) De Clercq, t. II, p. 180.

[2]) A Eugène, 20, 21 juillet; à Berthier, 21 juillet; à Joseph, 21 juillet 1806.

бургъ. Онъ чувствовалъ себя очень скомпрометированнымъ и спѣшилъ представить своему государю вмѣстѣ съ своимъ договоромъ и свои объясненія. Ярмутъ пытается удержать его. «Вы повезете мои прелиминарныя статьи», говорилъ онъ ему. Убриль не ждетъ его и отправляется 22 числа. Ярмутъ и Кларке разговариваютъ о дѣлахъ 23, 24 [1]). Наполеонъ всегда готовъ возвратить Ганноверъ, признать за англичанами Мальту и мысъ Доброй Надежды, но подъ условіемъ, чтобы была вознаграждена Пруссія. Ярмутъ думаетъ, что дѣло идетъ о ганзейскихъ городахъ, и энергично протестуетъ. Кларке отвѣчаетъ, что императоръ имѣетъ въ виду только Фульду и нѣкоторыя территоріи, не представляющія важности. «Сицилія, пишетъ Наполеонъ Іосифу, все еще составляетъ камень преткновенія»; но такъ какъ Россія отказывается защищать интересы короля неаполитанскаго, то это заставитъ англичанъ призадуматься. «Они не далеки отъ того, чтобы уступить въ вопросѣ о Сициліи... Вы будете имѣть лучшее королевство въ свѣтѣ... и очень поможете мнѣ *сдѣлаться господиномъ Средиземнаго моря, что составляетъ главную и постоянную цѣль моей политики*». Ярмутъ уступаетъ понемногу въ своихъ требованіяхъ,—точно такъ же и Кларке—и они набрасываютъ проектъ договорныхъ статей: Іосифъ признанъ *королемъ обѣихъ Сицилій*; «ранѣе царствовавшій королевскій домъ» будетъ вознагражденъ; признаніе Людовика, королей этрурійскаго, баварскаго, вюртембергскаго, великихъ герцоговъ баденскаго, дармштадскаго, клевескаго (Мюрата), принца невшательскаго и порядковъ, принятыхъ въ Италіи: признаніе *англійскаго короля суверенемъ Ганновера*; Пруссія получаетъ въ замѣнъ этого 400.000 душъ; Англія сохраняетъ за собою Мальту и мысъ Доброй Надежды, возвративъ другія колоніи, завоеванныя у Франціи и Голландіи; Бурбонамъ запрещено проживать въ Англіи; интернированіе шуановъ, эмигрантовъ въ Канадѣ [2]). Не въ одномъ пунктѣ Ярмутъ выступалъ далеко за предѣлы своихъ инструкцій. Фоксъ, собственно говоря, уступалъ въ вопросѣ о Сициліи, но онъ требовалъ какъ вознагражденіе Далмацію, Истрію и, если возможно, городъ Венецію [3]). Проектъ договора только намекаетъ на Балеарскіе острова... которые предстоитъ полу-

[1]) Yarmouth à Fox, 19 et 20 juillet, sur le traité russe; sur les négociations: 21, 24 juillet.—Napoléon à Joseph, 21 juillet 1806.

[2]) См. текстъ въ *Correspondance de Napoléon*, № 10,604. Этотъ текстъ былъ переданъ императору черезъ Champagny, 31 іюля: Coquelle,—*упомянут. выше соч.*—Относительно этого текста, ошибки котораго показываютъ, что это былъ лишь проектъ, см. *Réflexions de Napoléon*: lettres à Talleyrand, 6 août 1806., «Pas besoin de m'embarasser du roi d'Étrurie. Effacer. Ridicule de parler du prince de Neufchâtel... Mettre l'Espagne... Ne parler en rien d'Anspach, ni de Clèves, ni de Neufchâtel...»; le passage relatif à l'indemnité de la Prusse, etc.

[3]) Fox à Yarmouth, 18 juillet 1806.

чить отъ Испаніи. Во всякомъ случаѣ, лордъ надѣялся добиться успѣха. Наполеонъ, съ своей стороны, надѣется, что возьмутъ перевѣсъ его поправки, и онъ пишетъ Іосифу, 26 числа: «Сицилія отдана, она больше не препятствіе». Онъ думаетъ, что все будетъ кончено черезъ десять дней. Находя, такимъ образомъ, что дѣло достаточно подвинулось впередъ, онъ хочетъ обнародовать *Рейнскую конфедерацію*: миръ, подписанный съ Россіей—объ этомъ говорится въ такихъ именно выраженіяхъ—почти подписанный съ Англіей [1]), заставитъ Австрію признать эту конфедерацію, а разъ Австрія признаетъ ее, то Россія и Англія, конечно, должны будутъ согласиться съ этимъ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ переговорахъ и въ ихъ трактатахъ объ этомъ не сказано ни слова.

Какъ только Убриль выѣхалъ изъ Парижа, Наполеонъ призываетъ австрійскаго посланника, Венсена, и объявляетъ ему о конфедераціи [2]). Онъ прибавляетъ, что, такъ какъ Пресбургскій трактатъ не выполненъ, ибо ему не отдали Каттаро, то имъ не будутъ отозваны войска, онъ не эвакуируетъ Браунау раньше, чѣмъ Австрія признаетъ конфедерацію, и раньше, чѣмъ Францъ II будетъ, такимъ образомъ, дѣйствительно лишенъ титула германскаго императора. Двѣ ноты были отправлены въ Вѣну для передачи Стадіону: одна требуетъ отреченія отъ императорскаго титула, другая признанія Іосифа королемъ обѣихъ Сицилій [3]). Французскому посланнику въ Регенсбургѣ было приказано сообщить сейму, 1 августа, о существованіи Рейнской конфедераціи и о прекращеніи существованія Священной имперіи.

Въ этомъ дѣлѣ Наполеонъ поступилъ съ Пруссіей болѣе бережно. Послѣ пятнадцатаго іюля Таллейранъ ввѣрилъ Луккезини трактатъ о конфедераціи и приказалъ Лафоресту увѣдомить о ней прусское правительство [4]). «Австрія, писалъ онъ, навсегда теряетъ свое вліяніе надъ Германіей. Вліяніе Пруссіи на государства, входящія въ ея географическую сферу, становится неограниченнымъ и безусловнымъ. Пруссія получаетъ новую гарантію относительно владѣнія Ганновером... Франція будетъ всегда согласна столковаться съ Пруссіей относительно средствъ расширенія и упроченія ея могущества на сѣверѣ Германіи. Согласиться же по этому пункту будетъ легче и свободнѣе, когда не будетъ германской

[1]) «J'ai conclu ma paix avec la Russie», à Joseph, à Berthier; 21 juillet: «Vous pouvez laisser entrevoir que la paix avec la Russie est faite».—«La paix avec la Russie est faite». Lucchesini, 22 juillet 1806.

[2]) Bulletin de Lucchesini, 25—28 juillet 1806.— Beer.

[3]) Онѣ были переданы 30 іюля 1806.

[4]) Rapport et bulletins de Lucchesini, 15, 18, 22 juillet; Talleyrand à Laforest, 15, 22 juillet 1806.

имперіи... Императоръ не пожелалъ, чтобы Пруссія лишь вмѣстѣ со всѣми другими узнала о существованіи того плана, плодами котораго она первая воспользуется...». И, 22 іюля: «Пруссія можетъ объединить подъ новымъ федеральнымъ закономъ государства, еще принадлежащія германской имперіи, и внести императорскую корону въ Бранденбургскій домъ...».

Ганноверъ, сѣверная конфедерація, императорская корона! Съ 1795 года всѣ французскія правительства предлагали ихъ Пруссіи. Пора рѣшиться. Луккезини не скрываетъ этого [1]). «Настроеніе великаго человѣка съ каждымъ днемъ становится менѣе мягкимъ... Успѣхи дѣлаютъ его почти недоступнымъ... Воспоминаніе о вредѣ, который хотѣли и могли причинить ему прусскія войска прошлой зимой, еще свѣжо въ его памяти, полно раздраженія, дышетъ жаждой мести... При всякомъ незначительномъ противорѣчіи... говоритъ о войнѣ съ Пруссіей... Генералы, обитающіе въ Сенъ-Клу, военные бюро, *спекуляторы фондами, мои друзья* и враги Наполеона всѣ убѣждены, что, если бы императоръ Наполеонъ нашелъ поводъ обнажить мечъ противъ насъ, онъ немедленно воспользовался бы имъ... *Мой повѣренный* писалъ мнѣ вчера изъ воѣннаго бюро: «Съ пяти часовъ сегодня утромъ занимались отдачей приказовъ... Происходитъ большое движеніе войскъ, отправляющихся въ Везель и его окрестности» [2]). Свѣдѣніе было точное. Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ давалъ пруссакамъ время капитулировать и предлагалъ имъ выгодную капитуляцію. Онъ повторялъ завѣренія относительно Ганновера. «Вы повторите, писалъ Таллейранъ Лафоресту, 2 августа, что миръ съ Англіей былъ бы заключенъ, если бы его величество императоръ могъ согласиться лишить Пруссію Ганновера». Въ тотъ же день Наполеонъ приказываетъ Мюрату, собирающемуся силою прогнать пруссаковъ изъ Вердена [3]): «Это—настоящее безуміе. Въ такомъ случаѣ это вы оскорбили бы Пруссію, а это очень противорѣчитъ моимъ намѣреніямъ. Я нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ съ этой державой; чтобы сохранить ей Ганноверъ, я прекращаю заключеніе мира съ Англіей. Подумайте послѣ этого, могу-ли я разсориться съ нею изъ-за пустяковъ. Я хочу полюбовнаго соглашенія съ ней... Ваши слова должны быть очень успокоительны... Ваша роль должна быть очень примирительна, и именно съ пруссаками... Вы не знаете моихъ плановъ. Итакъ сидите спокойно. Съ державой, какъ Пруссія, нужно быть, какъ можно, ласковѣе...». Онъ усыпляетъ ихъ подозрѣнія, но, въ то же время, онъ заботится о компенсаціяхъ для нихъ,— онъ ищетъ подходящихъ для нихъ земель. Одновременно съ извѣстіемъ о мирѣ, заключенномъ съ

[1]) A Haugwitz, 22 juillet 1806.

[2]) Rapport de Lucchesini, 22 juillet 1806.

[3]) См. выше, стр. 41, 54.

Англіей, они узнаютъ, что отъ нихъ опять отнятъ Ганноверъ, и что они получатъ какое-то другое владѣніе, быть можетъ, какое-нибудь курфюршество [1]). Но онъ думаетъ, что это извѣстіе прійдетъ къ нимъ лишь послѣ того, какъ будутъ предложены: сѣверная конфедерація и императорскій титулъ. Однако, въ этомъ случаѣ, онъ, какъ говорится, дѣлалъ счетъ не справляясь о хозяинѣ.

Ярмутъ относился къ Луккезини, на половину довѣряя ему, на половину подозрѣвая его. Этотъ лордъ, хотя вовсе не былъ дипломатомъ по карьерѣ, имѣлъ профессіональный талантъ. Онъ понялъ игру императора. Съ начала своихъ переговоровъ онъ подмѣтилъ свою главную задачу—разсорить Пруссію и Францію: заключитъ ли Англія миръ, прервать ли переговоры, это представляетъ для нея одинаковый интересъ. Въ первомъ случаѣ, въ моментъ кажущейся уступки Наполеону, она создала бы ему непріятныя затрудненія; во второмъ—она отняла бы у него союзника и пріобрѣла бы его себѣ. Разъ послѣ обѣда, на которомъ было выпито и на нѣмецкій и на англійскій ладъ,—среди изліяній, одновременно имѣвшихъ характеръ и застольныхъ разговоровъ, и политическаго откровенничанья, Ярмутъ сообщилъ Луккезини, что Ганноверъ, которымъ Наполеонъ приманивалъ Пруссію, былъ сперва предложенъ имъ, а затѣмъ предоставленъ въ принципѣ Англіи, и что именно этотъ пунктъ служилъ основой переговоровъ о мирѣ. Луккезини тотчасъ написалъ объ этомъ въ Берлинъ. «Такъ какъ въ пьяныхъ рѣчахъ не всегда содержится истина, писалъ онъ, то возможно, что лордъ Ярмутъ желалъ посѣять недовѣріе между Берлиномъ и Парижемъ». Письмо вышло изъ Парижа 29 іюля. Впрочемъ, слухи о возвращеніи Ганновера начали распространяться.

Ярмутъ еще ожидалъ отвѣта отъ Фокса на свои рапорты о первыхъ конференціяхъ, и переговоры оставались пріостановленными. Наполеонъ думалъ, что онъ такъ искусно забросилъ свои сѣти и такъ умѣло натягивалъ ихъ, что туда одновременно должны были попасть всѣ его противники, и что ему оставалось только дернуть за веревочку. Но его брало нетерпѣніе. Слишкомъ много говорили, а также и много писали. Въ Лондонѣ газеты, въ Германіи памфлеты доносили объ его новыхъ притязаніяхъ, о катастрофѣ, угрожающей Священной имперіи, о порабощеніи, «глубокомъ униженіи Германіи». Безсильный противъ лондонскихъ газетчиковъ, онъ вымещалъ на нѣмецкихъ пасквилистахъ, на этихъ жалкихъ бѣднякахъ, съ которыми легко могли бы справиться военный судъ и угроза солдатскаго разстрѣла. Рапорты указывали на нѣкоторую агитацію во Франконіи и

[1]) Note de Talleyrand, 4 août 1806. Bertrand.

Швабіи,—странахъ, назначенныхъ къ медіатизаціи. Если онѣ придутъ въ движеніе, онъ дастъ на нихъ урокъ другимъ. Что касается сочинителей и ихъ печатниковъ, онъ напомнитъ имъ, что, хотя они и не царской крови, но вовсе не должны считать себя изъ за этого болѣе неуязвимыми, чѣмъ герцогъ Энгьенскій. 5-го августа онъ пишетъ Бертье: «Я полагаю, что вы приказали арестовать аугсбургскихъ и нюренбергскихъ издателей. Я хочу, чтобы ихъ отдали подъ военный судъ и разстрѣляли въ 24 часа... Распространять пасквили въ странахъ, гдѣ находятся французскія войска, съ цѣлью возстановить противъ нихъ жителей... это—государственная измѣна... Приговоръ суда вы распространите по всей Германіи». Нѣмцы будутъ поражены страхомъ и смирятся.

Онъ думаетъ, что онъ у цѣли. «Миръ съ Россіей и переговоры, которые я веду съ Англіей, заставляютъ меня думать, что все успокоится...» Австрія приметъ посланный ей ультиматумъ. Въ противномъ случаѣ война: «Лучше сразу покончить все однимъ ударомъ, чѣмъ класть мечъ и постоянно браться за него». Но въ сущности онъ имѣетъ больше основаній вѣрить въ миръ, чѣмъ въ войну [1]). Дѣло въ томъ, что второй англійскій уполномоченный, лордъ Лаудердаль, прибылъ въ Парижъ, и что откроются формальные переговоры. Англійское министерство знаетъ условія, поставленныя императоромъ. Оно посылаетъ второго министра, значитъ, оно дѣйствительно желаетъ мира. Такъ размышлялъ Наполеонъ и совершенно ошибался относительно намѣреній англичанъ.

Договоръ Убриля сталъ извѣстенъ въ Лондонѣ 25 іюля. «Постыдное соглашеніе» [2]), сказалъ Фоксъ. Для министерства это было ударомъ молніи. Всѣ негодуютъ на Убриля за то, что онъ велъ отдѣльные переговоры и за такія условія. Онъ хотѣлъ, говорили, «спасти что-то, кромѣ чести». Положеніе русскаго посла, Строгонова, становится невыносимымъ. Онъ не смѣетъ появляться, пока съ него не смыто это «пятно». Онъ написалъ царю патетическій рапортъ, умоляя отказать въ ратификаціяхъ. Онъ настойчиво утверждалъ предъ Гренвиллемъ, что царь не ратифицируетъ. Прибавьте къ этому Рейнскую конфедерацію, о которой Убриль послалъ замѣтку: это новое расширеніе имперіи отняло часть Германіи у англійской торговли. Фоксъ находилъ, что Ярмутъ слишкомъ рано представилъ свои полномочія. Во всякомъ случаѣ Фоксъ не желаетъ брать на себя отвѣтственность за разрывъ на этомъ двусмысленномъ *uti possidetis*, на которое намекалось словесно, и которое—слово за словомъ—Таллейранъ взялъ потомъ

[1]) A Soult, 6 août; à Joseph, au roi d'Espagne. 5 août 1806.

[2]) Fox à Yarmouth, 26, 28 juillet; 2, 3 août 1896. — Rapports de Strogonof. Martens, t. XI.—Lettre de Strogonof à l'empereur, 27 juillet 1806, Grand-duc Nicolas.

назадъ. Нужно было, чтобы протоколъ констатировалъ невозможность соглашенія. Находя, что Ярмутъ недостаточенъ для этой процедуры, и что онъ очень уступаетъ Таллейрану, кабинетъ далъ ему въ помощники лорда Лаудердаля, друга Фокса, вига, извѣстнаго противника Питта, проѣхавшаго черезъ Парижъ въ 1792 году, знавшаго Бриссо, слывшаго за поклонника жирондистовъ, представившаго, 5 іюня 1795 года, въ палатѣ общинъ предложеніе въ пользу мира съ Франціей; человѣка, буйнаго нрава, эксцентричнаго, формалиста, щепетильнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка тонкаго, который не позволитъ себя соблазнить, способнаго тянуть дѣло сообразно формальностямъ, прервать его въ удобный моментъ и оставить впечатлѣніе, что миръ, желаемый Англіей, зависѣлъ только отъ одного Наполеона. *Uti possidetis* оставалось сущностію его инструкцій: слѣдовательно, нѣтъ болѣе Сициліи, развѣ только въ крайней необходимости, въ видѣ компенсаціи. Что касается Ганновера, то Англія допускала только отдачу назадъ, безусловную и безъ всякихъ ограниченій. Никакихъ торговъ, никакого обмѣна. Это значило пойти назадъ и очень далеко отъ предварительныхъ статей, набросанныхъ Ярмутомъ и Кларке и 31 іюля переданныхъ Шампаньи императору.—5 августа, Лаудердаль пріѣхалъ въ Парижъ. Тотчасъ же онъ былъ принятъ Таллейраномъ [1]). Вторымъ уполномоченнымъ Наполеонъ назначилъ Шампаньи. Конференціи открылись 7 числа, и какъ будто для того только, чтобы констатировать глубину разногласій. Лаудердаль требовалъ безусловнаго *uti possidetis*. Наполеонъ желалъ Сициліи. «Нужно, чтобы англичане не вмѣшивались больше въ дѣла Италіи, какъ я въ дѣла Индіи. Переговоры очень далеки отъ того, чтобы казаться мнѣ созрѣвшими», пишетъ онъ Таллейрану [2]). 8-го Кларке отказывается отъ *uti possidetis* и требуетъ возвращенія голландскихъ колоній. 9-го Лаудердаль объявляетъ французскія предложенія несовмѣстимыми съ честью короны и съ интересами англійскаго народа и требуетъ свои паспорта. Таллейранъ не посылаетъ ихъ ему. Лаудердаль настаиваетъ и 10-го требуетъ отправить курьера. Никакого отвѣта. 11-го онъ протестуетъ. Шампаньи и Кларке посылаютъ ему ноту за нотой, силясь задержать его, какъ, въ 1803 году, лорда Уайтворта [3]). Это значитъ, что Наполеонъ желаетъ затянуть дѣло до прибытія изъ Россіи курьера, который привезетъ ратификацію и заставитъ Англію вести переговоры. Это значитъ, что Австрія уступаетъ по всѣмъ пунктамъ, и что новый посланникъ, Меттернихъ, прибывшій 5 числа, приноситъ капитуляцію. Событія разрушили его расчеты, и произошло это съ той стороны, откуда Наполеонъ

[1]) Rapports de Lauderdale 6, 9, 11 août 1806.—Lefebvre, t. II, p. 320 et suiv.
[2]) A Talleyrand, 6 août; note du 7 août 1806.
[3]) См. т. VI, стр. 221, 229, 233, 236—239.

меньше всего ожидалъ рѣзкой развязки. Онъ считалъ себя господиномъ Пруссіи. Онъ ожидалъ отъ нея всего: двойственности, вѣроломства, тайной измѣны, скрытыхъ поступковъ, но съ проволочкой, окольными путями, съ подчиненіемъ въ концѣ концовъ; онъ ожидалъ всего, кромѣ пробужденія монархической чести въ этомъ дворѣ, жадномъ и малодушномъ, кромѣ пробужденія вдругъ національнаго достоинства и національнаго сознанія въ этой странѣ, находившейся на пути къ упадку.

VII.

25 іюля Лафорестъ увѣдомилъ Гаугвица объ образованіи Рейнской конфедераціи [1]). Немного спустя приходятъ рапорты Луккезини о переговорахъ между Франціей и Россіей, между Франціей и Англіей. Пруссаки прежде всего подумали о Ганноверѣ, опасаясь, какъ бы Наполеонъ не заплатилъ Ганноверомъ англичанамъ. Что касается Рейнской конфедераціи, то она не только не огорчала Гаугвица, но даже радовала его. Онъ не сожалѣлъ ни о старой имперіи съ ея коалиціями епископовъ и бароновъ, ни объ императорскомъ главенствѣ Австріи. Рейнская конфедерація вызывала сѣверную конфедерацію, и Наполеонъ самъ внушилъ мысль о ней. «Эта прекрасная ассоціація, говорилъ Гаугвицъ [2]), останется навсегда передовымъ укрѣпленіемъ сѣверной Германіи и составляющихъ ее государствъ». Безъ дальнѣйшихъ ожиданій Фридрихъ-Вильгельмъ начинаетъ переговоры съ со-государствами—Саксоніей, Гессенъ-Касселемъ, Мекленбургомъ, ганзейскими городами [3]). Онъ приказалъ написать Герцу, своему представителю при сеймѣ. Онъ извѣщаетъ его о Рейнской конфедераціи и прибавляетъ: «Императоръ Наполеонъ пригласилъ меня самымъ предупредительнымъ и дружескимъ образомъ стать во главѣ подобной ассоціаціи для сѣвера Германіи... нѣсколько разъ высказывалъ мнѣ положительное увѣреніе, что онъ никогда не откажется отъ обязательствъ, которыми Ганноверъ признанъ за Пруссіей. Итакъ, въ настоящій моментъ, я занятъ тѣмъ, чтобы безъ шума положить основы этого важнаго дѣла, которому—ибо старое германское зданіе не можетъ больше сохраняться—сѣверная Германія будетъ обязана, я надѣюсь, своимъ возрожденіемъ, поддержаніемъ порядка и спокойствія». Послѣ одного интимнаго разговора съ Гаугвицемъ Лафорестъ пишетъ: «Вслѣдствіе природной скромности его величество еще не увѣренъ, воспользуется ли онъ случаемъ, чтобы пріобрѣсть императорскую корону Бранденбургскому дому» [4]).

[1]) Correspondance de juillet et août. Bailleu, t. II.
[2]) Troisième mémoire. Juillet 1806. Ranke.
[3]) *Mémoire de Hardenberg*, Ranke, t. III, p. 150.—Pièces: t. V, p. 383, 388.
[4]) Le roi à Goertz, 1-er août; rapport de Laforest, 3 août 1806.

Но принять такіе подарки, это значитъ подтвердить союзъ съ Франціей и настоящимъ образомъ согласиться съ Наполеономъ противъ Англіи, противъ Россіи, что приводитъ въ отчаяніе Фридриха-Вильгельма. Одна мысль объ этомъ возбуждаетъ негодованіе окружающихъ его лицъ и больше всѣхъ королеву, по прежнему ослѣпленную великодушіемъ Александра, дѣлающую изъ этого императора сантиментальнаго наперсника своихъ семейныхъ тревогъ, видящую въ немъ добраго генія своего супруга, покровителя своихъ дѣтей, «ангела-утѣшителя» своей жизни, рыцаря Европы. Она пишетъ ему письма, по сердечнымъ изліяніямъ похожія на письма Маріи-Антуанетты къ Ферзену: «Я твердо увѣрена, что 4-ое ноября, благоговѣйное ночное посѣщеніе гроба Фридриха и клятвы въ вѣчной дружбѣ, будетъ послѣднимъ днемъ счастья!» [1]). Потомъ слѣдуютъ принцъ Людовикъ-Фердинандъ, заранѣе признанный героемъ; Гарденбергъ, Штейнъ, всѣ тѣ, кто возмущается «тиранніей» корсиканца, всѣ, кто мечтаетъ о мести за униженія Германіи и начинаетъ понимать роль Пруссіи, раскинувшей свои границы въ освобожденной Германіи. Наконецъ, дворяне, военные, стыдятся постояннаго отступленія; военная гордость становится болѣе чуткой по мѣрѣ того, какъ обиды дѣлаются многочисленнѣе. Они спрашиваютъ себя, не будетъ ли Наполеонъ тянуть ихъ отъ обѣщанія къ обѣщанію до наступленія момента, когда они, разсорившись со всѣми, окажутся въ его рукахъ. Выраженія угрозы слышатся со всѣхъ сторонъ. И вдругъ разоблаченія. 6-го августа, курьеръ Луккезини отъ 29 іюля привозитъ свѣдѣнія, дружески сообщенныя Ярмутомъ: предложенный Ганноверъ обѣщанъ англичанамъ въ то самое время, когда Таллейранъ въ Парижѣ, Лафорестъ въ Берлинѣ гарантировали его Пруссіи. Значитъ, эти министры лгали и лгали по приказу своего государя, когда увѣряли, что, если бы онъ не желалъ сохранить Ганноверъ для Пруссіи, онъ могъ бы заключить миръ съ Англіей [2]. Блюхеръ, командующій въ Мюнстерѣ, сообщаетъ о наступательныхъ движеніяхъ, о подкрѣпленіяхъ, отправленныхъ въ Везель, о явномъ намѣреніи завладѣть графствомъ Маркскимъ. Уже находится 40,000 французовъ на Липпе, одинъ корпусъ собирается въ Дюссельдорфѣ. Шладенъ пишетъ изъ Мюнхена: «Нельзя повѣрить, что французскія вооруженія направлены противъ Каттаро». Во Франкфуртѣ Ожеро публично провозгласилъ тостъ за успѣхъ предстоящей войны съ Пруссіей. Изъ Касселя, изъ Дрездена приходятъ извѣстія, что французскіе агенты

[1]) Bailleu. Voir les lettres de 21 mai, 13 août 1806. Cf. 20 juillet 1803.

[2]) Таллейранъ пишетъ объ этомъ снова Лафоресту 3-го августа 1806 г.

вмѣсто того, чтобы способствовать вступленію этихъ государствъ въ сѣверную конфедерацію, отклоняютъ ихъ отъ этого [1]).

Гаугвицъ пораженъ. Онъ чувствуетъ себя посрамленнымъ. Упорствовать дальше въ этомъ ослѣпленіи теперь значило быть измѣнникомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ всегда заявлялъ, что онъ велъ бы войну лишь изъ за вопроса жизни и смерти, когда дѣло шло бы о чести. Этотъ вопросъ былъ поставленъ. Ни король, ни Гаугвицъ не спрашиваютъ себя, правду ли сказалъ Ярмутъ, не позаботился ли Наполеонъ дать Пруссіи компенсаціи—что дѣйствительно онъ собирался сдѣлать—въ томъ случаѣ, если бы онъ возвратилъ Ганноверъ Англіи. Они чувствуютъ, что ихъ уноситъ потокъ. Въ дворянскомъ клубѣ, въ военныхъ клубахъ, въ казармахъ, въ газетныхъ бюро — сплошное патріотическое возбужденіе, негодованіе, крики о войнѣ, фанфаронады. Король теряетъ голову, ошеломленный кризисомъ, разстроенный экзальтаціей своего народа. Онъ намѣревается отправиться въ Петербургъ, броситься въ объятія Александра. Онъ пишетъ ему, восьмого августа: «Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ хочетъ погубить меня, если онъ заключаетъ въ Лондонѣ полюбовную сдѣлку относительно Ганновера. Государь, будете ли вы смотрѣть на это хладнокровно? Вы устроили вашъ миръ... Но этотъ миръ—я убѣжденъ въ этомъ—никогда не отниметъ у васъ права и намѣренія воспрепятствовать тому, чтобы вмѣстѣ съ прусскимъ государствомъ былъ уничтоженъ послѣдній изъ передовыхъ оплотовъ общественной безопасности!.. Скажите мнѣ, государь, заклинаю васъ, могу ли я надѣяться, что ваши войска окажутъ мнѣ помощь... Тѣмъ временемъ, я приму мѣры, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ...» 9-го августа было рѣшено поставить армію на военную ногу, и 10-го четырнадцать курьеровъ съ шумомъ отправляются изъ Берлина, чтобы распространить приказъ объ этомъ по всему государству.

11-го, Лафорестъ отправляется къ Гаугвицу, снабженный депешами отъ 3-го числа, въ которыхъ Таллейранъ повторяетъ свои увѣренія относительно Ганновера [2]). На слѣдующій день уже Гаугвицъ приходитъ къ Лафоресту отъ имени прусскаго короля, который требуетъ отъ Наполеона объясненій. Лафорестъ защищается, какъ можетъ, ссылается на свои депеши; но по окончаніи разговора онъ говоритъ баварскому послу, графу Браю: «Я отправляю курьера съ требованіемъ, чтобы меня отозвали: меня или здѣсь обманываютъ, или тамъ обманываютъ. Я не хочу больше вмѣшиваться въ дѣла, которыя компрометируютъ мое достоинство. Эти

[1]) Rapports prussiens des 25—29 juillet 1806, y Bailleu. Rapports de Laforest, 12, 16 août 1808.

[2]) Rapport de Laforest, 12 août; du comte de Bray, ministre de Bavière, 12 août 1806.

люди—пруссаки—мистифицировали меня. Двадцать разъ я жертвовалъ собою, чтобы покрывать ихъ, но, наконецъ, это мнѣ надоѣдаетъ. Въ то самое время, когда мнѣ давали самыя дружескія увѣренія, дѣлались вооруженія [1]). Вѣрительныя письма, которыя должны были быть адресованы Гумбольдту при королѣ неаполитанскомъ, не были отправлены...» Онъ еще разъ видится съ Гаугвицемъ 15-го и пишетъ: «Прусское правительство можетъ не совладать съ началомъ движенія такой публики какъ берлинская, которую такъ волновали съ начала октября до минувшаго апрѣля». Газеты получили приказъ молчать. Министры отрицаютъ воинственныя намѣренія. Но молодые офицеры, очень непослушные—«предаются самымъ безумнымъ надеждамъ... На этотъ разъ, повторяютъ они, Пруссія не будетъ захвачена врасплохъ...» Они говорятъ о коалиціи, состоящей изъ Англіи, Австріи, Россіи, Швеціи.

Однако король, его министры, которые нѣсколько пришли въ себя, сомнѣваются, чтобы дѣйствительно былъ подписанъ миръ съ Александромъ. Они желали дождаться объясненій болѣе вѣрныхъ изъ Парижа и извѣстій изъ Петербурга. Но общество не знаетъ удержа. Къ чему провѣрка? Это,—оскорбленіе, и достаточно его чувствовать, чтобы считать его настоящимъ. Послѣ столькихъ оскорбленій, послѣ отступленій и молчаливыхъ отреченій, исчезла способность оцѣнивать дѣйствительное значеніе словъ и фактовъ. Взрывъ разразился ураганомъ, который десять мѣсяцевъ висѣлъ надъ Берлиномъ.

Въ Парижѣ Луккезини волнуется въ смятеніи. Его *друзья* изъ военныхъ бюро доносятъ ему о вооруженіяхъ Наполеона; *довѣренные* Талейрана всячески пугаютъ его. 6 августа онъ пишетъ Гаугвицу, что договоръ Убриля отъ 20 іюля заключалъ секретные пункты: «Дѣло шло, ни болѣе ни менѣе, какъ о взаимномъ соглашеніи поставить великаго князя Константина во главѣ части бывшаго польскаго королевства, которою въ настоящее время владѣютъ Пруссія и Австрія, и дать Швеціи всю или большую часть прусской Помераніи». Онъ совѣтуетъ королю броситься въ карету и немедленно отправиться въ Петербургъ, взявъ съ собою побольше денегъ. «Развѣ не слѣдуетъ ради успѣха обратиться къ тому же оружію, которымъ пользуется противная сторона? Наполеонъ именно хитростію покоряетъ кабинеты. Никто, кромѣ его величества, не можетъ напомнить его знаменитому другу объ *этомъ злосчастномъ третьемъ ноября*, когда Фридрихъ-Вильгельмъ принесъ въ жертву Александру свои принципы и свою систему»... Луккезини, не имѣя въ своемъ распоряженіи курьера или боясь привлечь вниманіе, довѣрилъ это

[1]) Novembre – décembre 1805. См. т. VI, стр. 381, 391. 402, 409.

письмо гессенскому посланнику въ Парижѣ, фонъ-Мальсбургу, прося его распорядиться отправить это письмо въ Берлинъ черезъ Кассель. Былъ ли Луккезини, какъ этимъ хвастаетъ Фуше, обманутъ однимъ изъ его агентовъ, который служилъ двумъ сторонамъ? Или просто пакетъ былъ вскрытъ на почтѣ и переданъ въ черный кабинетъ? Фактъ то, что депеша была перехвачена, и что она пошла черезъ Кассель лишь послѣ того, какъ съ нея была снята копія въ Парижѣ.

Наполеонъ страшно разсердился. «Это письмо, писалъ онъ Талейрану 8 августа, наконецъ, научитъ васъ понимать этого плута Луккезини... Нѣтъ ничего легче, какъ обмануть васъ. Онъ лживъ и подлъ, какъ настоящій Панталонъ, и поэтому нѣтъ такой низости и лжи, на которую онъ считалъ бы меня неспособнымъ». Въ этой злополучной депешѣ была одна строчка, заставившая императора задуматься: «*это злосчастное 3 ноября*», когда король принесъ въ жертву Александру свои принципы и свою систему. Наполеонъ не могъ открыть тайны этого договора. Талейранъ сейчасъ же написалъ объ этомъ Лафоресту: «Намъ никогда не была извѣстна эта декларація, мы знали только, что она существовала. Потрудитесь сдѣлать все, что въ вашей возможности, чтобы добыть съ нея копію» [1]). Во всякомъ случаѣ Наполеонъ не воспользовался этимъ инцидентомъ какъ поводомъ къ войнѣ. Наоборотъ, онъ увидѣлъ въ немъ средство навести на пруссаковъ панику, заставить ихъ сложить оружіе, сбить ихъ съ позиціи и подчинить ихъ, не имѣя для этого нужды сражаться съ ними: «Нужно серьезно подумать о возвращеніи великой арміи, пишетъ онъ Бертье 17 августа, такъ какъ мнѣ кажется, что всѣ опасенія относительно Германіи устранены». Дѣйствительно, 6 августа Францъ II сложилъ императорскую корону и призналъ Рейнскую конфедерацію. Повидимому, только осталось сдѣлать изъ переговоровъ съ Пруссіей своего рода второе отступленіе изъ Шампаньи. Фактъ, что въ самомъ началѣ, если судить только по внѣшнимъ признакамъ, пруссаки, казалось, готовы были принести повинную.

По крайней мѣрѣ, они старались выгадать время. Они убаюкиваютъ себя надеждой, что Александръ не ратификуетъ трактата Убриля. Они спекулируютъ на подпольную работу сторонниковъ прусскаго союза въ Парижѣ: общественное мнѣніе, предполагаютъ они, враждебно войнѣ. Луккезини принесенъ въ жертву и замѣненъ Кнобельсдорфомъ, котораго считаютъ пріятнымъ Наполеону, и который, быть можетъ, успѣетъ успокоить его, усыпить. Эта миссія прикроетъ ихъ приготовленія, которыя

[1]) Napoléon à Talleyrand. 8 août; Talleyrand à Laforest, 9 août 1806.

продолжаются. Кнобельсдорфъ покидаетъ Берлинъ 22 августа ночью [1]). 25-го Брауншвейгъ назначенъ главнокомандующимъ прусской арміей.

Видя ихъ страхъ, Наполеонъ презираетъ ихъ. «Такой чрезмѣрный страхъ дѣлаетъ жалкими», пишетъ онъ Таллейрану; и Бертье: «Берлинскій кабинетъ охватила паника... Вотъ чему надо приписать смѣшныя вооруженія, которыя онъ дѣлаетъ, и которымъ не надо придавать никакого значенія, ибо мое дѣйствительное желаніе, это—отозвать войска во Францію». Но, такъ какъ они принимаютъ такое положеніе, онъ оставитъ эти войска у нихъ, потому что желаетъ унизить ихъ. Онъ не удостоитъ ихъ объясненія и особенно не удостоитъ ихъ награды. «Не говорите ничего Луккезини... Если онъ заговоритъ съ вами о Саксоніи и Гессенѣ, вы скажете, что не знаете моихъ намѣреній; если онъ заговоритъ о Гамбургѣ, Бременѣ и Любекѣ, вы скажете ему, что я рѣшилъ, чтобы они оставались ганзейскими городами». Въ Берлинѣ Лафорестъ долженъ будетъ «держать себя сухо. Если съ нимъ заговорятъ о сѣверной конфедераціи, онъ отвѣтитъ, что не имѣетъ инструкцій» [2]). Такимъ образомъ, онъ предоставитъ имъ раздражаться ихъ позорнымъ гнѣвомъ, котораго достаточно, чтобы такъ обезоружить ихъ, такъ разорить, что они будутъ въ его власти и потеряютъ всякое значеніе. Это значитъ, что онъ еще надѣется на ратификацію русскаго договора, и что онъ не знаетъ о соглашеніяхъ, подписанныхъ между Россіей и Пруссіей.

Ярмутъ удалился. Таллейранъ затягиваетъ переговоры, разжижаетъ ноты. Все зависитъ отъ рѣшенія Александра [3]). «Если Россія не ратификуетъ, пишетъ Таллейранъ Наполеону, достигнуть мира будетъ очень трудно, если же она ратификуетъ, то миръ неизбѣженъ» [4]).

Россія не ратификуетъ. Убриль былъ принятъ въ Петербургѣ такъ, какъ С.-Жюльенъ въ Вѣнѣ въ 1800 году. Это былъ сплошной крикъ, осуждающій «позорные поступки Убриля», двоедушіе Бонапарта, уловки Таллейрана [5]). Наполеонъ обѣщаетъ эвакуировать Германію, и, едва былъ подписанъ договоръ, какъ получается извѣстіе, что онъ утверждается на правомъ берегу, уничтожаетъ Священную имперію и формируетъ авангардъ изъ нѣмцевъ, образовавшихъ союзъ подъ его протекторатомъ. Александръ собираетъ свой государственный совѣтъ, сообщаетъ своимъ совѣтникамъ

[1]) Rapports de Laforest, 19, 22 août 1806. Ranke, t. IV, p. 11.

[2]) A Talleyrand, 22 août; à Berthier, 26 août.—Rapport de Lucchesini, 26 août.—Talleyrand à Laforest, 23 août.—Rapport de Laforest, 3 septembre 1806.

[3]) Notes du 14 au 27 août; rapports de Lauderdale et notes, 16, 17, 29 août 1806.

[4]) Talleyrand a Napoléon, 27, 31 août 1806.

[5]) Note russe, août 1806. Tratchewsky, t. III, p. 451, 456.

полномочія, данныя Убрилю, договоръ, подписанный этимъ агентомъ, и сравниваетъ ихъ: злоупотребленіе полномочіями очевидно. Убриль отправленъ въ ссылку въ свое помѣстье. Будбергъ спеціально увѣдомляетъ объ этомъ дипломатическій корпусъ, и 14 августа онъ пишетъ Таллейрану, сообщая отказъ въ ратификаціяхъ, и прибавляетъ, что миръ возможенъ лишь тогда, если Франція откажется отъ Албаніи и Далмаціи, гарантируетъ Сицилію королю Фердинанду и позаботится о вознагражденіи королю Сардинскому.

Отказъ въ ратификаціяхъ сталъ извѣстенъ въ Берлинѣ 26 августа. Итакъ, война. 30 и 31 августа берлинскій гарнизонъ получаетъ приказъ выступать въ походъ въ Саксонію. Наполеонъ принимаетъ петербургскаго курьера 3 сентября. Въ то же время онъ узнаетъ, что Фоксъ опасно боленъ. Если онъ умретъ, то его мѣсто займетъ Гренвилль, врагъ мира. Наполеонъ убѣжденъ, что дѣло ведется сообща Пруссіей, Россіей, Англіей. «Я не могу, пишетъ онъ Таллейрану, имѣть дѣйствительной союзницей ни одну изъ великихъ державъ Европы». Онъ можетъ укротить ихъ только силой, сдерживать ихъ только страхомъ [1]). Сейчасъ же онъ приказываетъ Бертье отложить уже приготовленные приказы о возвращеніи великой арміи и все устроить такъ, чтобы по первому сигналу всѣ корпуса сконцентрировались вокругъ Бамберга, откуда въ десять дней можно быть въ Берлинѣ [2]). Онъ принимаетъ мѣры противъ высадки англичанъ въ Голландіи, на западѣ, такъ какъ приходится этого опасаться и годъ спустя послѣ снятія Булонскаго лагеря. Онъ ничего не опасается со стороны Вѣны: «Австрія не въ состояніи предпринять что бы то ни было» [3]). Онъ думаетъ, что «значительный русскій корпусъ не можетъ прійти тотчасъ же... Я не думаю, чтобы они рискнули послать 100.000 человѣкъ въ Германію». Итакъ, ему предстоитъ дѣло съ Пруссіей. Онъ можетъ ее разрушить, онъ предпочитаетъ унизить ее. «Этотъ кабинетъ не внушаетъ ничего кромѣ презрѣнія, а его государь такъ безхарактеренъ. Пруссія поступитъ, какъ прежде: она будетъ вооружаться и разоружаться. Она вооружится и будетъ бездѣйствовать, когда другія будутъ биться, и столкуется съ побѣдителемъ».—«Передо мной два дѣла: сначала успокоить Пруссію и найти средство, какъ можно легче сдѣлать ее смирною, какою она была раньше».—«Въ дѣло разоруженія Пруссіи нужно внести немного страха. Это секретъ языка этой страны, единственное орудіе, дѣйствительно приводящее ее въ

[1]) A Talleyrand, 3 septembre 1806. Lecestre.

[2]) A Berthier, 3, 5, 10 septembre. A Dejean, 23 août 1806.

[3]) Note à Talleyrand, 12 septembre 1806 Lecestre; cf. lettre à Joseph, 12 septembre; à Eugène, 15 septembre 1806.

движеніе». «Вмѣсто того, чтобы сказать: Разоружайтесь, иначе война!— нѣчто черезчуръ страшное для Пруссіи—я скажу: Разоружайтесь, если не желаете, чтобы я еще болѣе вооружался. Это самый вѣрный способъ». Въ такой «средней» формѣ Таллейранъ потребуетъ ноты, заявляющей, «что Пруссія не имѣетъ другихъ обязательствъ кромѣ тѣхъ, которыя связываютъ ее съ Франціей». Въ противномъ случаѣ прусскія вооруженія заставятъ императора отправить императорскую гвардію и публично объяснить сенату причины этого. Если Пруссія уступитъ, то Наполеонъ и безъ войны получитъ результаты войны. «Во всякомъ случаѣ, пишетъ онъ Іосифу, она скоро разоружится, или она дорого заплатитъ». У него есть 150,000 человѣкъ, съ которыми «онъ можетъ покорить Вѣну, Берлинъ и Петербургъ». Онъ въ состояніи сдѣлать это раньше, чѣмъ англичане смогутъ прислать денегъ Пруссіи, прежде чѣмъ Австріи прійдетъ мысль зашевелиться, прежде чѣмъ русскіе будутъ въ пути. Кнобельсдорфъ пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ представилъ свои вѣрительныя грамоты, а Луккезини свою отзывную грамоту 7 сентября. «Пруссіи остается только разоружиться и дать возможность Франціи забыть ошибку, которою она по праву могла бы оскорбиться», заявилъ имъ Наполеонъ. Пусть Пруссія разоружится, и «ни одинъ французскій отрядъ не перейдетъ черезъ Рейнъ». Таллейранъ приказываетъ Лафоресту: «Если Пруссія желаетъ разорвать союзъ, то императоръ готовъ отказаться отъ него... Онъ охотно признаетъ все то, что сѣверныя государства сдѣлаютъ свободно и добровольно, за исключеніемъ, во всякомъ случаѣ, ганзейскихъ городовъ». Но, если Пруссія вступитъ въ Саксонію, Лафорестъ немедленно уѣдетъ изъ Берлина, и Франція будетъ смотрѣть на этотъ фактъ какъ на объявленіе войны [1]). Это—ультиматумъ.

Приняты военныя мѣры. При первомъ извѣстіи о нападеніи на Саксонію великая армія сконцентрируется у Вюрцбурга. Баварія, Вюртембергъ, Дармштадтъ поставятъ свои контингенты. Планъ Наполеона «броситься въ средину Пруссіи и идти прямо на Берлинъ». Но онъ думаетъ, что она уступитъ. «Мое мнѣніе, писалъ онъ Іосифу 13 числа, что не пройдетъ и двухъ дней, какъ миръ на континентѣ будетъ прочнѣе, чѣмъ когда бы то ни было». Онъ будетъ хозяиномъ Средиземнаго моря! И въ письмѣ къ Людовику, 15-го числа: «Я полагаю, что этотъ кризисъ скоро пройдетъ, и что Пруссія разоружится и не пожелаетъ быть раздавленной. Успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію». 18-го трогается гвардія. 19-го Таллейранъ посылаетъ Лафоресту формальное требованіе [2]).

[1]) Talleyrand à Laforest, 12 septembre; rapport de Lucchesini, 8 septembre 1806.—Napoléon à Berthier, 13 septembre.—Napoléon au roi de Prusse, 12 septembre 1806.

[2]) Относит. войны см. *la Manoeuvre d'Iéna* par le général Bonnal.

Наполеонъ былъ слишкомъ предубѣжденъ относительно слабости пруссаковъ. Это не были ни неаполитанскіе Бурбоны, ни Iazzaroni. У нихъ сохранялась предвзятая идея, что они первые воины въ свѣтѣ. И если у нихъ не было фридриховыхъ шпоръ, то была возмущенная національная гордость, честь короны. Въ отвѣтъ на манифестъ въ стилѣ Брауншвейга этотъ дворъ, третируемый такъ, какъ въ 1792 году Брауншвейгъ третировалъ французскую націю и ея представителей, этотъ дворъ поднимается, горячится. Въ Берлинѣ происходятъ сцены, вызывающія въ памяти послѣднія времена въ Тюильри, при Людовикѣ XVI и Маріи-Антуанеттѣ. Ростущая горячка раздражаетъ тайныя раны и раскрываетъ болѣзнь, которой не замѣчали.

Армія, пригодная уже только для показа на смотрахъ и маневрахъ, недисциплинированная, дезорганизованная, устраиваетъ заговоры, возмущается, угрожаетъ, наполняетъ городъ бахвальствомъ: французы-де еще не нарвались на того, кто ихъ поучитъ. Съ этого времени короля окружаетъ партія войны, партія реформъ, партія національной политики въ Пруссіи и въ Германіи. Это просто революція: Блюхеръ въ арміи, Штейнъ въ правительствѣ; военные: Рюхель, Пфюль; ученые: Ж. Мюллеръ, Гумбольдтъ. Это въ полномъ смыслѣ слова Фронда. Они вручаютъ королю памятныя записки, представляющія собой программы, доносящія на *кабинетъ*, требующія удаленія этихъ пагубныхъ совѣтниковъ, Ломбара и Бейме [1]), поддерживающихъ нерѣшительность и тщеславіе короля. Фридрихъ-Вильгельмъ, столь же гордый своею властью, сколько нерѣшительный въ пользованіи ею, слабовольный, но не признающій ничьей воли кромѣ своей, выслушиваетъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Онъ вспоминаетъ начальные шаги французской революціи, первыя возмущенія двора и чиновъ передъ возмущеніемъ улицы, войну, объявленную въ 1792 году и уничтожившую династію. Онъ не вѣритъ ни въ своихъ генераловъ, ни въ свою армію, и еще менѣе въ самого себя. Онъ боится пораженія: онъ видитъ, что его влекутъ въ войну страсти, которыхъ онъ не раздѣляетъ, но съ которыми онъ не можетъ справиться. Или царствовать безъ чести, или рисковать своей короной! Онъ закроетъ глаза на все. «Берлиномъ дальше невозможно распоряжаться...» [2]), пишетъ Лафорестъ. Приходитъ извѣстіе, что издатель Пальмъ былъ схваченъ французами въ Нюренбергѣ, осужденъ и разстрѣлянъ. Народъ понимаетъ, что, если склониться передъ угрозой и ярмомъ, пропадаетъ Германія, какъ понялъ король, что пропадаетъ Пруссія. Всѣ очертя голову бросаются на страшилище.

[1]) Mémoires au roi, 5 août et 2 septembre. Ranke

[2]) Rapports de Laforest, 13—15 septembre 1806.

6-го сентября, Фридрихъ-Вильгельмъ пишетъ Александру: «Передо мною одинъ выборъ—война... Бонапартъ развязалъ мнѣ руки... И такъ, кажется, я долженъ взять на себя инициативу рѣшительныхъ дѣйствій. Мои войска идутъ со всѣхъ сторонъ, чтобы ускорить этотъ моментъ». Онъ посылаетъ генерала Круземарка въ Петербургъ требовать помощи въ 60,000 человѣкъ. Онъ обращается къ Австріи: онъ позволитъ ей забрать Баварію. Въ случаѣ нужды они раздѣлятъ между собою Германію. Онъ возобновляетъ сношенія съ Англіей: «Онъ не претендуетъ на сохраненіе Ганновера вопреки желанію его британскаго величества, и онъ согласенъ отложить вопросъ о будущей судьбѣ этой страны до развязки тѣхъ событій, которыя приготовляются». Онъ старается привлечь Швецію и Данію [1]). 7 и 8 сентября выработанъ планъ войны. Въ немъ просвѣчиваетъ задняя мысль обезпечить себя относительно Гессена и Саксоніи: занять ихъ, чтобы упредить Наполеона, включить въ свою армію тамошнія войска и ввести эти государства въ составъ сѣверной конфедераціи [2]). Пруссія взываетъ къ Германіи, къ Европѣ. Она борется, заявляетъ Гаугвицъ, «за самое справедливое дѣло, за общее существованіе, безопасность, независимость». Она имѣетъ за себя не только общественное мнѣніе націи, но и мнѣніе всѣхъ тѣхъ людей даже во Франціи, въ Италіи, въ Голландіи, въ цѣлой Европѣ, которыхъ возмущаетъ несправедливость, и которые понимаютъ цѣну независимости... Вездѣ, куда она приведетъ свои войска въ Германію, Пруссія найдетъ столько защитниковъ, сколько пожелаетъ собрать жителей подъ свое знамя» [3]). Потерявъ надежду быть полезнымъ съ этого момента, Лафорестъ требуетъ свои паспорта, 21-го числа. Въ тотъ же день Фридрихъ-Вильгельмъ покидаетъ Берлинъ, чтобы отправиться къ арміи, и, 26 числа, изъ Наумбурга посылаетъ Наполеону длинное письмо, своего рода обвинительный манифестъ [4]). Гаугвицъ присоединяетъ къ нему ультиматумъ, который Кнобельсдорфъ передастъ Таллейрану: Пруссія требуетъ немедленной эвакуаціи Германіи, отступленія французовъ на ту сторону Рейна; принятія въ принципѣ сѣверной конфедераціи, «которая, безъ всякаго исключенія, охватитъ всѣ государства, не поименованныя въ учредительномъ актѣ Рейнской конфедераціи». Для отвѣта Наполеону данъ срокъ до 8 октября.

Эти посланія отданы Таллейрану 2 октября. Наполеонъ былъ уже во

[1]) Haugwitz à Brunswick, 9 septembre 1806. Bailleu.—Beer, p. 246.—Correspondance de Hardenberg avec Adair. Ranke.

[2]) Ranke, t. IV, p. 11—17.

[3]) Haugwitz au roi, 16 septembre.—Rapports de Laforest, 21—27 septembre 1806.

[4]) Ranke, t. III, p. 179. Rédigée par Lombard.

главѣ своихъ войскъ. Курьера отъ Таллейрана онъ принялъ въ Бамбергѣ. Тутъ уже онъ узналъ и о разрывѣ съ Англіей [1]). Посланіе къ сенату и воззваніе къ арміи объявили войну [2]). Императоръ напоминаетъ о событіяхъ 1792 года: это тотъ же Брауншвейгъ, тѣ же пруссаки. «Въ равнинахъ Шампани они нашли пораженіе, смерть и позоръ!» Ихъ ждетъ та же участь. Онъ едва просмотрѣлъ длинное письмо Фридриха-Вильгельма: «Это плохой пасквиль» [3]). Онъ отвѣчаетъ на это другимъ пасквилемъ, который, въ своемъ родѣ, не лучше перваго: *1-мъ бюллетенемъ*, помѣченнымъ 8 октября—срокъ, назначенный Пруссіей для отступленія французовъ. Это—памфлетъ, писанный съ саблей въ рукѣ и тѣмъ революціоннымъ тономъ, какимъ въ 1792 г. такіе люди, какъ Камиль, Бриссо, Бареръ доносили на *австріячку* и ея преступленія. Онъ наноситъ королевѣ самое худшее оскорбленіе, сравнивая ее съ Маріей-Каролиной неаполитанской, съ Каролиной Эммы Гамильтонъ и кровавыхъ вакханалій неаполитанскихъ лаццарони. Потомъ называетъ ее Медеей, Армидой [4]). «Королева прусская находится при арміи, одѣтая словно амазонка, носящая мундиръ своего драгунскаго полка, пишущая по двадцати писемъ въ день съ цѣлью вездѣ зажигать пожаръ. Кажется, что видишь Армиду, которая въ своемъ помѣшательствѣ поджигаетъ свой собственный дворецъ».

Дѣйствительно это какое-то помѣшательство. Ни плана, ни начальниковъ. Все идетъ въ безпорядкѣ, какъ во время разгрома. Они назначили срокъ Наполеону 8 октября. И публицистъ Гентцъ, слѣдующій за генеральнымъ штабомъ, взволнованный очевидецъ и потрясающій читателя до глубины души разсказчикъ этой драмы, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Что я слышалъ самаго утѣшительнаго, такъ это то, что еще ничего не потеряли» [5]). Зловѣщіе призраки слѣдуютъ одинъ за другимъ. Первая стычка, 10 октября, при Заальфельдѣ, есть пораженіе, и тамъ убитъ принцъ Людовикъ-Фердинандъ, паладинъ авангарда. 12-го Ожеро взялъ въ плѣнъ полкъ, въ которомъ самъ служилъ раньше и изучилъ прусскіе пріемы.

Еще разъ Наполеонъ начинаетъ рѣшительную игру и ставитъ все на карту. Пруссія, Россія и Англія возобновили коалицію. Итакъ, это продолженіе войны 1805 года. Нейтральная Австрія занимаетъ мѣсто Прус-

[1]) Лаудердаль покинулъ Парижъ 6 октября 1806.

[2]) 6 октября 1806.

[3]) A Talleyrand, au roi de Bavière, 7 octobre 1806.

[4]) «Cette Médée». A Joseph, 9 août 1806.

[5]) Нѣтъ ничего болѣе знаменательнаго, болѣе драматическаго, какъ этотъ разсказъ Гентца, *Journal de ce qui m'est arrivé de plus marquant... pendant le voyage que j'ai fait au quartier général de S. M. le roi de Prusse, le 2 octobre 1806 et jours suivants.* Mémoires et lettres inédites de Gentz.

сіи, и враждебная Пруссія становится на мѣсто Австріи. Если Наполеонъ будетъ разбитъ, придутъ русскіе, англичане высадятся въ Голландіи, возмутятъ находящуюся въ постоянномъ возбужденіи Бельгію; Францъ II, ждущій своего часа, обратится противъ побѣжденнаго и дастъ корсиканцу почувствовать всю тяжесть австрійскаго злопамятства: онъ будетъ держаться роли, которую, въ 1805 году, приберегала для себя Пруссія, если бы Аустерлицъ былъ пораженіемъ Франціи. Отъ союзниковъ нечего ожидать въ случаѣ тяжелой неудачи. Германцы заручились залогомъ: они только и мечтали, какъ бы получить отъ побѣдителя гарантію своихъ коронъ и своихъ владѣній. Португалія совсѣмъ англійская. Испанія, это—вторая Пруссія: послѣ Трафальгара испанцы замышляютъ измѣну, готовые получить Португалію изъ рукъ Наполеона, если Наполеонъ овладѣетъ ею; готовые перейти къ коалиціи, если Наполеонъ будетъ разбитъ. Годой считаетъ Наполеона въ опасности и ведетъ переговоры съ англичанами. 5-го октября онъ выпускаетъ манифестъ къ испанскому народу, призываетъ его къ войнѣ, и, чтобы высказаться, онъ ждетъ только извѣстія о пораженіи. Римъ ищетъ разрыва. Евгенію достаточно будетъ хлопотъ съ австрійцами, когда они нахлынутъ на Италію, въ которой имѣются у нихъ интересы, и которая составляетъ предметъ ихъ жадныхъ пожеланій. Далмація отвлекаетъ и поглощаетъ часть итальянской арміи: въ случаѣ неудачи надо будетъ моментально оставить эту страну [1]). Нечего ожидать отъ братьевъ-королей. Людовикъ, представляющій лѣвое крыло великой арміи, требуетъ денегъ и людей. «Теперь не время для іереміадъ, пишетъ ему Наполеонъ, теперь нужна энергія...» [2]). И именно этого и не хватаетъ. Что касается Іосифа, то его королевство составляетъ часть ставки игры. Если Наполеонъ будетъ побѣжденъ на Эльбѣ, то на Изонцо Іосифъ будетъ защищать свою корону, и, если тамъ онъ будетъ разбитъ, *Медея* вступитъ опять въ Неаполь, какъ въ 1799 году. «При извѣстіи о проигранномъ сраженіи на Изонцо или на Эчѣ неаполитанцы устремятся противъ васъ... Одинъ крикъ итальянцевъ объ изгнаніи французовъ за Альпы лишитъ васъ всей вашей арміи» [3]).

«Большая битва всегда представляетъ нѣчто важное, говорилъ Наполеонъ на о. святой Елены. Если бы я былъ побѣжденъ при Іенѣ!..» [4]) Но 14 октября онъ былъ дважды побѣдителемъ: онъ самъ подъ Іеной, Даву подъ Ауэрштедтомъ.

[1]) О предосторожностяхъ Наполеона на этотъ случай: instructions à Marmont, 7 juillet; à Dejean, 3 septembre 1806.—Marmont, t. II, p. 375; t. III, p. 1 et suiv.

[2]) Rocquain, p. XXVII.—A Louis, 15, 20 septembre 1806.

[3]) A Joseph, 1-er, 9 août 1806; cf. 24 mai 1806.

[4]) Gourgaud, t. I, p. 504.

ГЛАВА II.

Берлинскій декретъ 1806—1807.

I.

14 октября 1806 года, прусская армія уже не существовала [1]). Наполеонъ хотѣлъ, чтобы за военнымъ пораженіемъ послѣдовало разстройство политическое и превзошло его. Онъ наказалъ Пруссію военной контрибуціей во сто милліоновъ и сверхъ того потребовалъ около шестидесяти милліоновъ отъ ея союзниковъ: Ганновера, Касселя, Брауншвейга. Онъ отпустилъ саксонскихъ плѣнныхъ, объявивъ имъ, что ихъ страна вошла въ составъ Рейнской конфедераціи. Онъ хотѣлъ изолировать Пруссію и обезоружить ее. «Наше дѣло, говоритъ Сультъ старику Калькрейту, причинить вамъ какъ можно больше зла. Положите оружіе!» [2]). Никакого перемирія. Наполеонъ далъ его русскимъ послѣ Аустерлица; они спаслись и теперь возвращаются. Онъ пишетъ Фридриху-Вильгельму, 19 октября: «Всякое прекращеніе военныхъ дѣйствій, могущее дать время прійти русскимъ войскамъ, которыхъ ваше величество, кажется, призывали зимою, было бы слишкомъ противно моимъ интересамъ». Онъ спѣшитъ къ Берлину. Въ пути онъ приказываетъ снять и отправляетъ въ Парижъ колонну, воздвигнутую на Росбахскомъ полѣ битвы. «Битва подъ Іеной смыла Росбахское оскорбленіе». Онъ рѣшаетъ, что курфюрстъ кассельскій перестанетъ царствовать, и приказываетъ Людовику завладѣть этимъ государствомъ. Онъ сдѣлаетъ изъ него королевство для Іеронима, который женится на принцессѣ Вюртембергской [3]).

Въ Виттенбергѣ, 22 октября, онъ находитъ Лукккезини, посланнаго прусскимъ королемъ, просящимъ мира. Наполеонъ зналъ, что война непопулярна во Франціи: заключить миръ въ это время, это значило бы

[1]) Кромѣ документовъ и работъ, указанныхъ для этого тома въ его цѣломъ, въ частности для этой главы для справокъ мнѣ служили: Frédéric Masson, *Napoléon et sa famille*, t. IV; *Napoléon et les femmes*; Rambaud, *l'Allemagne sous Napoléon*, *Russes et Prussiens*; Sainte-Beuve, *Articles Rulhière*, *Jomini*; Bonnefons, *Frédéric-Auguste*. Ernest-Daudet, *la Police et les Chouans*, Lenôtre, *Tournebut*; Boppe, *Mériage*; Bikèlas; Ranke, *Serbien*; Beer, *Orientalische Politik Oesterreichs*; Hüffer, *Lombard*; Pertz, *Stein*; Lang, *Reinhard*; Goecke, *Berg*; Lumbroso, *Blocus continental*; Henri Welchinger, *la Censure*; Gautier, *Madame de Staël*: *Mémoires* de Pasquier, Montholon, Barante, Fezensac, Parquin, Chaptal, Talleyrand, Montgaillard, Gonneville, Fantin des Odoards, comtesse Potocka. Castellane, d'Andigné, Méneval, Thiébault, Paulin, Saint-Chamans, Norvins.

[2]) *X-e Bulletin*, 18 octobre 1806.

[3]) A Louis, 17 octobre; et XI Bulletin, 15—19 octobre 1806.

удвоить эффектъ побѣды. Но нужно, чтобы Пруссія разоружилась, чтобы она отдѣлилась отъ Россіи, закрылась для Англіи и заплатила военныя издержки: кромѣ ста милліоновъ онъ требуетъ прусскихъ территорій на лѣвомъ берегу Эльбы, обѣщанія союза противъ Россіи, если Россія вступитъ въ Молдавію и Валахію, кромѣ того, онъ требуетъ свободнаго распоряженія Ганновером и ганзейскими городами и занятія Магдебурга до выплаты контрибуціи. На другой день, 23 октября, онъ организуетъ правительство завоеванной страны. Онъ декретируетъ, что герцогъ Брауншвейгскій, смертельно раненый подъ Іеной, пересталъ царствовать [1]). Оскорбленіе манифеста 1792 года отомщено. Въ прусскихъ территоріяхъ между Рейномъ и Эльбой, «вездѣ будутъ сняты прусскіе орлы». Восточная Фрисландія присоединена къ Голландіи. Владѣнія принца Оранскаго, Ганноверъ оккупированы. Наполеонъ объясняетъ Франціи причины этихъ мѣръ. Какъ объяснялъ послѣ завоеванія Голландіи въ 1795 году и наканунѣ Базельскаго мира комитетъ общественнаго спасенія: ...Наша неизмѣнная цѣль: война на смерть съ Англіей» [2]). Какъ на другой день послѣ Кампо-Форміо директорія: «Прежде чѣмъ отдаться покою, обрати свои взоры на Англію!». Какъ на другой день послѣ Маренго и Люневилля, послѣ Аустерлица и Пресбурга, это—провозглашеніе безпощадной войны, войны съ осадами, съ рядомъ банкротствъ. Времена эти исполнились: страшная мѣра, задуманная, приготовленная комитетомъ года III, исполняется: «Изгнать англичанъ съ континента... закрыть нашимъ врагамъ континентальные порты отъ Гибралтара до Текселя... Лишенная этихъ громадныхъ рынковъ, раздираемая возстаніями и ихъ вѣроятнымъ слѣдствіемъ — внутренними волненіями, Англія оказывается въ очень затруднительномъ положеніи со своими колоніальными и азіятскими арміями. Товары, ненаходящіе сбыта, падаютъ въ цѣнѣ, и англичане оказываются побѣжденными изобиліемъ, какъ они хотѣли побѣдить французовъ нуждою» [3]).

Комитетъ общественнаго спасенія льстилъ себя надеждою добиться этихъ великихъ результатовъ при помощи прусскаго союза. Пруссія не согласилась на это. Наполеонъ добьется этихъ результатовъ вопреки ея

[1]) Наполеонъ говоритъ посланцу этого государя, просившаго у Наполеона милости своему народу: «Если бы я разрушилъ городъ Брауншвейгъ и не оставилъ въ немъ камня на камнѣ, что сказалъ бы вашъ государь? Развѣ законъ возмездія не позволяетъ мнѣ сдѣлать Брауншвейгу то, что онъ желалъ сдѣлать съ моей столицей?» *XVI Bulletin*, 23 octobre 1806.

[2]) *Plan de conduite de Dubois-Crancé, pour arriver aux moyens d'assurer la prospérité de la République*, см. т. IV, стр. 167.—*Discours de la Revellière*, 1-er novembre 1796, см. т. V, стр. 210.

[3]) A Noël, à la Haye, 27 avril; à Barthélemy, à Bâle, 27 août, 4 septembre 1795.—T. IV, стр. 297.—Ср. тамъ же стр. 185, 355, 364.

волѣ. «Англія хотѣла возбудить Пруссію противъ Франціи, довести императора и Францію до крайности, и вотъ она привела Пруссію къ гибели, доставила императору еще большую славу, Франціи еще большее могущество, и наступаетъ время, когда можно будетъ объявить Англію въ состояніи *континентальной блокады*» [1]). Итакъ произнесено великое слово, которое, резюмируя условія республиканской войны, будетъ представлять до 1813 года главный государственный интересъ имперіи.

Пруссія разваливается. Предсказанія, возвѣщавшія ея паденіе, осуществляются, и худшія изъ нихъ, кажется, превзошли ожиданія [2]). Монархъ въ бѣгствѣ, правительство повергнуто въ прахъ, нація въ ужасѣ. Европа, которой надоѣло вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ слушать, какъ всѣ руководители къ славѣ, а особенно французскіе философы воздаютъ божескія почести Фридриху и его шедевру,—эта Европа смотритъ не насмотрится на зловѣщую картину, радуясь, что высокомѣріе унижено. «Это пресловутое зданіе, построенное изъ крови и грязи, изъ фальшивыхъ монетъ и брошюрныхъ листовъ, рухнуло въ одинъ мигъ и навсегда» [3]). Всѣ ошибались на этотъ счетъ, и Наполеонъ больше, чѣмъ кто бы то ни было другой. Его удивленіе генію Фридриха ни чуть не измѣнилось. Ему казался еще болѣе великимъ человѣкъ, который изъ этого ничтожества добылъ нѣчто—не знаю какъ назвать—столь обаятельное по виду. Но пусть теперь больше не говорятъ ему о Германіи. Изъ германцевъ онъ цѣнилъ только прусаковъ, Пруссія же больше не существуетъ. О Германіи оффиціальной, о Германіи государей и дипломатической онъ судилъ по своему проѣзду въ Раштадтъ въ 1797 году, по зрѣлищу, которое она предетавляла въ Парижѣ въ 1803 году, по рѣшенію имперскаго сейма, и совсѣмъ недавно во время медіатизацій [4]). О германской націи онъ судилъ на основаніи своего похода изъ Іены въ Берлинъ, а также и по донесеніямъ своихъ генераловъ, которые дѣлали свое дѣло и по всѣмъ направленіямъ углублялись въ эту страну съ мягкой и тучной почвой, съ богатыми пастбищами, съ прочными постройками, съ бюргерами—по природѣ трактирщиками и плательщиками, съ тихими и послушными крестьянами.

25 октября побѣдитель при Ауэрштедтѣ, Даву, занялъ Берлинъ [5]). Народъ обнаруживалъ любопытство, сначала волновался, но очень скоро

[1]) *XV Bulletin*. 23 octobre 1806.

[2]) Ср. т. I, стр. 367 и сл.

[3]) Joseph de Maistre au comte d'Avaray, juillet 1807.—*Lettres et opuscules*, t. I.

[4]) Ср. т. V, стр. 220—222, т. VI, стр. 188 и выше, стр. 44.

[5]) *Souvenir de Parquin*, publiés par Frédéric Masson, — *Souvenirs d'un Allemand*, témoin oculaire.

успокоился, все вызывало въ немъ простодушное необычайное изумленіе. Ростъ, золотые эполеты, султаны, громадныя палки тамбуръ-мажоровъ, сильные и рѣзкіе звуки глубокихъ барабановъ вмѣсто мелкой дроби плоскихъ прусскихъ барабанчиковъ; саперы-великаны съ ихъ бѣлыми передниками, съ ихъ топорами и съ ихъ страшными киверами; затѣмъ, какъ контрастъ, за этой головой величественной и театральной колонны,—небольшія группы худенькихъ малорослыхъ людей, которые побили, однако, «гордыхъ воиновъ» Сѣвера; группы, плохо одѣтыя, въ безпорядочной одеждѣ, идущія, какъ попало, шапки на бекренъ, въ изодранныхъ сапогахъ, въ дырявыхъ панталонахъ, съ хлѣбомъ на штыкахъ, и то тамъ, то здѣсь съ гусями, привязанными въ видѣ орденскихъ лентъ черезъ плечо. Съ приходомъ на мѣсто, очень быстро установились простыя отношенія, торговали съѣстными припасами и награбленными вещами, жили по-товарищески.

Наполеонъ остановился въ Потсдамѣ [1]). Тамъ онъ дѣлаетъ смотръ своей гвардіи, устанавливаетъ свой «императорскій лагерь» и посредствомъ бюллетеней заявляетъ свѣту о своемъ посѣщеніи гроба Фридриха, «одного изъ первыхъ полководцевъ, о которыхъ исторія будетъ хранить память». Александръ тамъ клялся уничтожить корсиканца. Наполеонъ беретъ тамъ свои трофеи воина-побѣдителя. «Императоръ подарилъ дому инвалидовъ въ Парижѣ шпагу Фридриха, его ленту чернаго орла, его генеральскій поясъ, а также знамена, которыя носила его гвардія въ Семилѣтнюю войну». 26-го онъ ночуетъ въ Шарлоттенбургѣ, въ королевскомъ дворцѣ подъ Берлиномъ. Тамъ онъ размышляетъ о судьбахъ Пруссіи. Она въ его рукахъ. Всѣ его планы сводятся къ слѣдующему пункту:—разлучить Пруссію съ Россіей. «Два рѣшенія представлялись моей мысли... совсѣмъ ли уничтожить Пруссію, или воспользоваться раскаяніемъ ея короля, человѣка почтеннаго и честнаго, чтобы привязать его чувствомъ благодарности, которое съ его стороны было бы искреннимъ? Мнѣ былъ нуженъ Ганноверъ и прусскія провинціи Саксоніи, Вестфаліи и Франконіи. Мнѣ нуженъ былъ также Магдебургъ. Но, если бы я возложилъ польскую корону на голову короля прусскаго, это вознагражденіе уничтожило бы сожалѣніе о потеряхъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, король Пруссіи и Польши, былъ бы болѣе могущественнымъ государемъ, чѣмъ до Іенской битвы. Австрія не была бы въ состояніи отказать мнѣ въ обмѣнѣ части Галиціи на часть иллирійскихъ провинцій». Пруссія, поставленная лицомъ къ лицу съ Россіей, изгнанная изъ Германіи, утонувшая среди славянъ, представляла бы барьеръ противъ русскихъ. Это была уже старая идея, идея комитета общественнаго спасенія и Сійэса—посадить прусскаго короля на тронъ возрожденной Польши и такимъ образомъ заплатить ей за ея уступки въ Германіи и пріобщить ее къ судьбамъ Франціи [1]).

[1]) Отъ 24 до 26 октября 1806.

Именно съ этими задними мыслями, утромъ 27 октября, передъ тѣмъ какъ сѣсть на коня для торжественнаго въѣзда въ Берлинъ, Наполеонъ принялъ генерала Застрова, прибывшаго по порученію Фридриха-Вильгельма.—«Русскіе, спросилъ Наполеонъ, уже находятся на прусской почвѣ?—По послѣднимъ извѣстіямъ, отвѣтилъ Застровъ, они находились въ Гродно. Возможно, что теперь голова ихъ колонны переходитъ границу. Король ждетъ только одного успокоительнаго слова, чтобы вернуть ихъ назадъ.—«О! воскликнулъ Наполеонъ, если русскіе идутъ, я отправляюсь противъ нихъ и хочу ихъ разбить». Тѣмъ не менѣе онъ уполномочилъ Дюрока вступить въ переговоры съ Застровомъ и Луккезини [2]) и отправился въ Берлинъ. Лефебвръ открывалъ шествіе, находясь во главѣ пѣшей императорской гвардіи. Кирасиры Нансути, въ боевомъ порядкѣ, занимали широкую аллею, ведущую къ Бранденбургскимъ воротамъ. Музыка играла *Марсельезу* и *Ça ira*. Гюленъ, Венсенскій, назначенный комендантомъ крѣпости, ожидалъ императора у воротъ. Онъ представляетъ ему *магистратъ*, который вручаетъ Наполеону ключи города. Во дворцѣ Наполеонъ принялъ министровъ союзныхъ и дружественныхъ державъ: Баваріи, Испаніи, Португаліи, Турціи. Онъ прогналъ съ своихъ глазъ князя Гатцфельда, который привелъ къ нему берлинскій муниципалитетъ. Онъ обвинялъ его въ доставленіи королю «врагу» свѣдѣній о состояніи французской арміи. Онъ издалъ декретъ, обвиняющій его въ измѣнѣ и шпіонствѣ. Гюленъ будетъ судить и казнить безъ колебаній, какъ въ 1804 году. Жена Гатцфельда бросилась къ ногамъ императора. Супруга принца Фердинанда взывала къ его милости. Ему было угодно показать, что онъ дѣлаетъ различіе между женщинами-политиками, музами или амазонками, королевой Луизой, m-me де-Сталь, «женщинами интриганками, которыхъ я ненавижу больше всего», и... другими «добрыми, кроткими, миролюбивыми, какихъ я люблю». Онъ показалъ себя великодушнымъ, восхвалилъ себя съ искусствомъ публициста, великаго мастера производить газетные эффекты [3]).

Это служитъ ему—и именно своимъ контрастомъ—лишнимъ поводомъ для жестокихъ нападокъ на королеву. Онъ держитъ Пруссію подъ своей

[1]) См. т. IV, стр. 172, 173, 275; т. V, стр. 273 сл.

[2]) Ranke, t. IV, p. 35—36.

[3]) Voir Bulletins XXI, XXII; décret du 28 octobre; letres à la princesse Ferdinand, 28 octobre; à M-me de Hatzfeld, 31 octobre; à Joséphine, 6 novembre 1806.

пятой, топчетъ ее, бьетъ сапогами и шпорами. «Пруссія не ставится больше ни во что!..». Онъ олицетворяетъ ее въ королевѣ, которую оскорбляетъ не съ бо́льшимъ рыцарствомъ, не съ большимъ уваженіемъ къ женщинѣ, чѣмъ это дѣлали герои древности. Вину за катастрофу онъ взваливаетъ на обаяніе ея красоты, а вину за всѣ заблужденія королевы на любовныя опьяняющія чары Александра. «Пруссаки видятъ причину несчастій Пруссіи въ визитѣ императора Александра. Перемѣна, происшедшая съ той поры въ душѣ королевы, которая изъ женщины боязливой и скромной, занимающейся своими домашними дѣлами, сдѣлалась буйной и воинственной, была неожиданнымъ переворотомъ. Она вдругъ пожелала имѣть полкъ, участвовать въ совѣтахъ [1])... Въ аппартаментѣ, который занимала королева въ Потсдамѣ, нашли портретъ русскаго императора, подаренный ей этимъ государемъ... Замѣтки, государственныя бумаги пахнули мускусомъ и были перемѣшаны съ женскими нарядами и другими туалетными принадлежностями королевы... Мы имѣемъ сто пятьдесятъ знаменъ, изъ которыхъ сто вышиты руками королевы, красота которой была такъ же гибельна для народовъ Пруссіи, какъ красота Елены для троянцевъ» [2]). Отвратительная литература, недостойная императора французовъ, не имѣющая ничего общаго съ лапидарными бюллетенями италійской арміи. Позволивъ себѣ грубо писать за столомъ Фридриха, цезарь превращается въ бумагомарателя, и, говоря о женщинахъ, онъ утрачиваетъ, какъ Фридрихъ, разумъ и мѣру, не только вкусъ, но и политическій тактъ. Онъ воображаетъ себѣ, что этими императорскими памфлетами онъ оторветъ народъ отъ его государыни, и что непопулярностью королевы онъ сдѣлаетъ непопулярнымъ союзъ съ Россіей. Онъ спекулируетъ на это, какъ это могъ бы дѣлать, если бы онъ былъ побѣдителемъ въ 1792 году, какой-нибудь лейтенантъ Фридриха, доносящій на Марію-Антуанетту какъ на виновницу войны и разсчитывающій сразу на упадокъ французской монархіи, разрывъ австрійскаго союза и на отказъ новаго правительства отъ власти въ угоду Пруссіи. Онъ ошибается. Оскорбляя королеву, привлекательную и обожаемую, супругу ихъ короля, мать ихъ будущаго короля, онъ ранитъ сердце пруссаковъ въ его лучшихъ уцѣлѣвшихъ чувствахъ,—оскорбляетъ ихъ вѣру въ монархію. Оскорбляя королеву, онъ создалъ изъ нея въ глазахъ пруссаковъ героическій и трогательный образъ ихъ отечества.

Застровъ и Луккезини вели переговоры съ Дюрокомъ. Условія Напо-

[1]) «Она хотѣла крови... Самая дорогая кровь пролита». A Talleyrand, 15 octobre; VIII et IX *Bulletin*, 16—19 octobre 1806.

[2]) *Bulletins*: XIII, XVIII, XIX, XXII, XXIII, XXV: 19, 20, 26, 27, 29, 30, 31 octobre; 2 novembre; à Joseph, 25 octobre; à Cambacérès, 31 octobre 1806.

леона были тѣ же, что въ Виттенбергѣ. Дюрокъ высказываетъ имъ ихъ ясно: намѣреніе императора сдѣлать Пруссію неспособною снова поднять оружіе противъ него. Прусскіе уполномоченные легко понимаютъ, что, такъ какъ въ послѣднемъ подсчётѣ онъ имѣетъ въ виду коалицію Россіи и Англіи, то въ его интересѣ избавиться отъ Пруссіи, сохранить ее въ своемъ распоряженіи, какъ онъ держитъ ее теперь въ своихъ рукахъ. Съ этого момента для Пруссіи единственное средство спасенія заключается въ подчиненіи Франціи. Они сообщаютъ объ этомъ королю, скрывшемуся въ Грауденцъ, на Вислѣ, гдѣ его удручаютъ извѣстія о послѣднихъ капитуляціяхъ его войскъ. 6-го ноября онъ держитъ большой совѣтъ изъ генераловъ и министровъ. Гаугвицъ говоритъ въ пользу мира и беретъ верхъ. Итакъ, они подчиняются; если нужно, они даже вступятъ въ Рейнскую конфедерацію. Такимъ образомъ они надѣются избавиться отъ операціи ослабленія, которой грозитъ имъ Наполеонъ—«отъ этого страшнаго принципа разрушенія Пруссіи, чтобы гарантировать спокойствіе Франціи».—«Съ такимъ сердцемъ, какъ у этого короля, пишетъ Гаугвицъ Луккезини, Наполеонъ можетъ разсчитывать на его благодарность!» Однако, Фридрихъ-Вильгельмъ отправляетъ Ифюля въ Россію объяснить царю «самые безотлагательныя причины», неизбѣжно требующія мира: «Ахъ! государь, какое несчастье! Капитуляція князя Гогенлоэ; преступная сдача Штеттина; сдача Кюстрина, еще болѣе преступная... съ этой поразительной быстротой»... Но дастъ ли Наполеонъ миръ? Наоборотъ, не пожелаетъ ли онъ «довести дѣло до крайности?»

Эти опасенія основательны. Наполеонъ измѣнилъ намѣреніе, и подъ вліяніемъ тѣхъ же извѣстій, которыя заставили пруссаковъ подчиниться его желаніямъ: подъ вліяніемъ капитуляцій. Штеттинъ капитулировалъ передъ однимъ полкомъ кавалеріи; совсѣмъ недавно, въ Любекѣ, капитулировалъ Блюхеръ съ послѣдними остатками арміи; наконецъ, Магдебургъ, сдающійся подъ угрозою бомбардировки. Гарнизонъ дефилировалъ передъ Неемъ. Старый Клейстъ называлъ ему имена проходившихъ полковъ, которые издѣвались надъ своими офицерами, подъ звуки французской музыки. Ихъ 18,000, и такъ какъ они все шли да шли изъ крѣпости, Ней сказалъ: «Ну вотъ скоро и конецъ. — Еще нѣтъ и половины, отвѣчаетъ намѣстникъ Фридриха. Тогда Ней шепчетъ одному изъ своихъ адъютантовъ: «Смотрите хорошенько, чтобы не оставить имъ ружей, ихъ вдвое противъ насъ». Наполеонъ насчитываетъ 100,000 плѣнныхъ. Пруссія упала такъ низко. Стоитъ ли труда поднимать ее? Не требуетъ ли государственный интересъ прикончить этого умирающаго? Помочь ему выжить, не значитъ ли это вылѣчить врага, который, ставъ на ноги, будетъ думать лишь о мести? Проходитъ слухъ, что русскіе приготовляются вторгнуться

въ княжества. Для Наполеона это все равно, что сбыть съ рукъ, по крайней мѣрѣ, 80,000 враговъ, и эту своевременную диверсію въ сторону Турціи, которой онъ желалъ, производятъ русскіе. «Судьба обѣщала долговременное существованіе вашей имперіи, пишетъ онъ Селиму [1]), моя миссія спасти ее, и я соединяю въ одно мои побѣды съ вашими». Онъ идетъ противъ русскихъ по Вислѣ, пусть Селимъ идетъ противъ нихъ на Днѣстрѣ. Кромѣ того, послѣ Аустерлица онъ придаетъ мало значенія ихъ арміи и ихъ императору: «Государь, который капитулировалъ и согласился эвакуировать Германію, дѣлая этапные переходы... Чѣмъ дольше будетъ продолжаться война, тѣмъ больше будетъ пропадать страхъ передъ Россіей, и, наконецъ, она будетъ уничтожена!» [2]).

Затѣмъ, одновременно съ вооруженіями турокъ, поднимается Польша. Съ приближеніемъ французской арміи въ Познани и Варшавѣ волнуются всѣ сердца, всѣ умы приходятъ въ возбужденіе. Познань присоединена къ Пруссіи только тринадцать лѣтъ тому назадъ, а Варшава—одиннадцать. Воспоминанія о республикѣ уцѣлѣли, ненависть къ нѣмцамъ идеализировала ихъ. Польша поплатилась изъ за Франціи въ 1793, въ 1795 году. Побѣдоносная Франція совершаетъ это чудо: появляется на Вислѣ, переступая черезъ тѣло подчинившейся Германіи, испроверженной Пруссіи. Ей достаточно поднять руку, чтобы возстановить свою старинную союзницу и довершить дѣло французской революціи, уничтоживъ самое несправедливое изъ посягательствъ старой Европы. Французскіе агенты съ 1792 года поддерживаютъ эту надежду. Новые эмиссары пропагандируютъ ее. Чтобы привлечь къ себѣ поляковъ, Наполеону достаточно ихъ предоставить ихъ иллюзіямъ, ихъ энтузіазму. Онъ думаетъ объ этомъ. Это не значитъ, что онъ волнуется ихъ несчастіями, приходитъ въ возбужденіе отъ красоты ихъ дѣла и оплакиваетъ несправедливости, отъ которыхъ они страдали. Какъ для предшествовавшихъ ему правительствъ, въ 1795, въ 1798 году, Польша остается для него добавочной ставкой въ его комбинаціяхъ. Онъ найдетъ, что для нея послужитъ достаточной наградой какая нибудь фраза въ какомъ нибудь манифестѣ [3]). Но Польша находится теперь на границѣ Великой имперіи; она представляетъ тамъ одну изъ *марокъ* (окраинъ) на востокѣ. Будетъ ли она союзницей въ войнѣ, или залогомъ мира, прійдется ли эту націю, смотря по обстоятельствамъ, освободить или раздѣлить,—онъ смотритъ на нее такъ, какъ Исполнительный Комитетъ Общественнаго Спасенія и Директорія смотрѣли на

[1]) 11 ноября 1806.

[2]) XXIV *Bulletin*, 31 octobre 1806.

[3]) См. т. IV, стр. 37, 49, комитетъ II года; стр. 172, 189, 274, комитетъ III года; т. V, стр. 269, 270, директорія.

земли Германіи и Италіи. Онъ думаетъ относительно нея то, что Делакруа сдѣлалъ съ Венеціей [1]). Итакъ, онъ позволитъ полякамъ возстать: въ случаѣ нужды, вооружитъ ихъ, если они покажутся довольно сильными, чтобы быть ему полезными; онъ составитъ изъ нихъ королевство для кого нибудь изъ своихъ вассаловъ, какъ объ этомъ мечтали въ 1795, въ 1798 году, какъ объ этомъ мечтали недавно въ пользу Пруссіи. Если же не это, то безъ стѣсненій, безъ угрызеній совѣсти онъ отдастъ ихъ Россіи какъ цѣну мира и союза. Вся суть въ томъ, чтобы они содѣйствовали окончанію войны, обезпеченію главенства Великой имперіи, путемъ ли ихъ раздѣла, путемъ ли ихъ воскрешенія: это рѣшатъ французскіе интересы.

Поляки, съ Домбровскимъ во главѣ, представляются ему въ Берлинѣ. Онъ ихъ выслушиваетъ, ободряетъ ихъ: «Я увижу, заслуживаете ли вы быть націей». Ничего не обѣщая имъ, онъ позволяетъ имъ надѣяться на все. Подъ этимъ воздѣйствіемъ они дѣлаютъ призывъ къ оружію. Въ тотъ же день, 3 ноября, Наполеонъ пишетъ Фуше: «Призовите Костюшко, скажите ему, чтобы поторопился догнать меня, но тайно и не подъ своимъ именемъ. Отправьте также всѣхъ поляковъ, которыхъ онъ имѣетъ съ собою». Возстаніе распространяется. Французы вступаютъ въ Познань; тамъ привѣтствуютъ ихъ радостными криками. «Польскій народъ громогласно требуетъ оружія; я ему послалъ его», пишетъ Наполеонъ Нею, 7 ноября. Они получатъ 40,000 ружей, взятыхъ въ Кюстринѣ. Но въ то же время онъ приказываетъ Даву, въ Познани, не мѣшать имъ, если они пожелаютъ изгнать пруссаковъ изъ Варшавы; приказываетъ наблюдать, въ случаѣ нужды говорить, но никогда не писать: «Участвуйте въ этомъ только вашими совѣтами и словесными обязательствами и дайте имъ понять, что я могу принять ихъ сторону только тогда, когда увижу поляковъ организованными и вооруженными» [2]). Баварскій министръ Брай отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Проекты относительно Польши не безвозвратны... Планъ императора состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить себя могущественной гарантіей противъ Россіи, возстановивъ польское королевство. Такимъ образомъ онъ будетъ препятствовать ея намѣреніямъ...» И онъ волнуетъ общественное мнѣніе. Въ Парижѣ, гдѣ онъ хочетъ оправдать тревожныя мѣры—какъ, напримѣръ, организацію національныхъ гвардій [3]), ослабить угрозу, что война затянется дольше весны, на такомъ далекомъ разстояніи, въ областяхъ, гдѣ французы еще никогда не

[1]) См. т. III, стр. 16—19, т. IV, стр. 167, 172, 222, 229, 273, 275, 277, т V, стр. 20, 59, 80, 81, 106, 119, 212 сл.

[2]) A Davout, 13, 14 novembre 1806.

[3]) A Cambacérès, 31 octobre 1806.

появлялись, и которая внезапно переноситъ предѣлы борьбы съ Рейна на Вислу,—онъ льститъ себя надеждой воспламенить воображеніе этимъ величественнымъ зрѣлищемъ возстановленія Польши, этимъ вызываніемъ фантомовъ 1792 года. Онъ заказываетъ «краткій обзоръ, рисующій всю постыдность раздѣла и его вліяніе на упадокъ Швеціи и Порты и, такимъ образомъ, на равновѣсіе Европы...» Онъ приказываетъ прислать ему этотъ краткій обзоръ, составленный Рюльеромъ, манускриптъ котораго находится въ архивѣ имперіи [1]).

Такимъ образомъ, когда 6 и 7 ноября Застровъ и Луккезини получаютъ приказы отъ своего короля, Наполеонъ измѣнилъ свои планы. Онъ согласенъ дать перемиріе, но теперь онъ не довольствуется линіей Эльбы; онъ займетъ Торнъ, Грауденцъ, Данцигъ, Кольбергъ; въ Силезіи — Глогау, Бреславль и всѣ провинціи на правомъ берегу Одера. Пруссаки соображаютъ, что, если они не согласятся, переговоры прерваны, и старую Пруссію Наполеонъ сдѣлаетъ полемъ битвы съ русскими, въ противномъ же случаѣ онъ подвинется въ Польшу. И они подписываютъ, 16 ноября [2]).

19-го, Наполеонъ принимаетъ познанскихъ поляковъ и говоритъ имъ рѣчь. Франція всегда осуждала раздѣлъ Польши. Онъ желаетъ возстановленія этой республики, «но ихъ несчастія были результатомъ ихъ междоусобій... недостатокъ единенія можетъ быть возстановленъ только единеніемъ... пусть же ксендзы, дворяне, буржуа работаютъ сообща и твердо рѣшатся или восторжествовать, или умереть». Онъ предсказываетъ имъ, что они восторжествуютъ... но онъ не можетъ обѣщать имъ возстановленія ихъ независимости, потому что она должна зависѣть только отъ нихъ. Подъ этими условіями «поляки могутъ разсчитывать на его высокое покровительство». Слова двусмысленныя, которыя стоятъ словъ, гарантирующихъ цѣлость турецкой имперіи. Цѣлость Турціи, независимость Польши суть средства войны, орудія дипломатіи: несомнѣнно, эти комбинаціи составляютъ предметъ тайныхъ симпатій Наполеона, потому что независимость Польши есть гарантія цѣлости турецкой имперіи, а цѣлость этой имперіи есть гарантія французскаго главенства на Средиземномъ морѣ. Но эти планы относительно будущаго и ихъ условія, въ настоящій моментъ, остаются подчиненными главному плану: отдѣлить Россію отъ Англіи, войной ли, миромъ ли, и изолировать Англію посредствомъ континентальной коалиціи.

[1]) A Cambacérès, 13 novembre, à Fouché, 30 novembre 1806.—*Histoire de l'Anarchie de Pologne*, publiée par Daunou, Paris, 1807 et 1819.—Voir Sainte Beuve, *Causeries du Lundi*, t. IV, article *Rulhière*.

[2]) De Clercq, t. II, p. 193.

II.

Колоссальная комбинація, съ этого момента заступившая мѣсто «громаднаго» морского «проекта» 1804 и 1805 года, выработана въ умѣ императора.

Машина съ двойнымъ механизмомъ, которая съ одной стороны должна разорить Англію, закрыть континентальные рынки для ея промышленности и торговли; лишить сырья, питающаго ея индустрію, лишить сбыта одежды, сахару, кофе—ея богатства и тѣмъ самымъ оказать покровительство возрождающейся французской мануфактурѣ и открыть ей всѣ рынки, отдать ей весь спросъ Германіи, Голландіи, Пруссіи, Италіи. Эта мѣра упрочитъ главенство Франціи, она будетъ отправнымъ пунктомъ ея экономическаго обновленія, послѣднимъ словомъ завоевательной революціи и покровительственной системы. Разъ ударъ нанесенъ, результаты его останутся, то есть, останется развившаяся французская промышленность и европейскій рынокъ, обезпеченный для французскихъ продуктовъ сначала принужденіемъ, а затѣмъ привычкой [1]).

Только въ Берлинѣ Наполеонъ «чувствуетъ силу, данную ему іенской побѣдой, отвѣтить на морскую блокаду сухопутной» [2]). Онъ изучаетъ это громадное дѣло со своею обычною кропотливостью. Онъ приготовляетъ къ нему общественное мнѣніе. Поправляетъ, передѣлываетъ текстъ своего декрета, хорошо понимая, что это—рѣшительный актъ, больше хартіи, что это—raison d'être его Великой имперіи [3]). 19 ноября онъ извѣщаетъ о немъ Францію, посредствомъ посланія къ Сенату. Онъ не эвакуируетъ ни Берлина, ни Варшавы, пока не будетъ заключенъ общій миръ, и чтобы принудить къ нему Англію, «мы блокировали британскіе острова. Послѣ столькихъ лѣтъ цивилизаціи, намъ нелегко было въ этомъ дѣлѣ обратиться къ принципамъ, характеризующимъ варварство націй первыхъ вѣковъ» [4]).

Декретъ помѣченъ—Берлинъ, 22 ноября 1806 г.

«Принимая во вниманіе, что Англія не признаетъ международнаго права, которому вездѣ слѣдуютъ всѣ цивилизованные народы...», что она распро-

[1]) Chaptal, *Souvenirs*, 2 partie, ch. III. Прослѣдите послѣдовательное развитіе этого плана по его письмамъ, напр.: à Lebrun, 21 février; à Lacépède, 22 février; exposé de la situation, 5 mars 1806.

[2]) Note à Champagny. 10 janvier, 7 octobre, 1810; rétrospective.

[3]) *Bulletin* XV, XVIII, XXIV: 23, 26, 31 octobre; à Joseph 16 novembre 1806.

[4]) О морскихъ мѣропріятіяхъ Англіи въ 1793 г. см. т. III, стр. 381 сл.—Мѣры комитета общественнаго спасенія, стр. 372.

страняетъ на торговыя суда и на частную собственность право завоеванія, которое можетъ быть прилагаемо только къ имуществу государства, находящагося въ войнѣ; что она объявляетъ блокированными мѣста, передъ которыми она не имѣетъ ни одного корабля; что она объявляетъ блокированными цѣлые берега, цѣлую имперію, и что на основаніи этой декларація они захватываетъ во всѣхъ пунктахъ все, что выходитъ оттуда, и все, что пытаются ввезти туда: принимая во вниманіе, «что это чудовищное злоупотребленіе правомъ блокады имѣетъ единственною цѣлью препятствовать сношеніямъ народовъ и поднять англійскую торговлю и промышленность на развалинахъ промышленности и торговли континента»; принимая во вниманіе, что всякій торгующій съ Англіей дѣлается ея сообщникомъ, и что возмездіе составляетъ естественное право, императоръ декретируетъ, «какъ основной принципъ имперіи, что пока Англія не признаетъ, что право войны есть одно и то же на сушѣ, какъ и на морѣ», что оно не простирается на частную собственность, и что блокада лишь настолько согласна съ правомъ, насколько она дѣйствительна:

«*Британскіе острова объявлены въ состояніи блокады. Всякая торговля и всякое сношеніе съ британскими островами воспрещены*».

Англійскіе подданные будутъ считаться военно-плѣнными; всякое англійское имущество, англійскіе товары—конфискованы. Въ Парижѣ и Миланѣ будутъ находиться призовые суды для разбора этихъ дѣлъ. Декретъ будетъ сообщенъ королямъ: испанскому, неаполитанскому, голландскому, этрурійскому и другимъ союзникамъ Франціи. «Я имѣю всѣ основанія надѣяться, заявлялъ Наполеонъ, что эта мѣра поразитъ Англію въ самое сердце» [1]).

«Я хочу завоевать море, владѣя сушей» [2]), таковы съ этого времени его правила и его государственный интересъ. Но, чтобы сохранить это обладаніе сушей, онъ долженъ на неопредѣленное время осудить Францію на то чрезвычайное напряженіе, до какого она поднялась отъ 1793 до 1795 года; между тѣмъ это состояніе не могло бы быть продолжительнымъ, не истощивъ энергіи французовъ, и они перестанутъ напрягать свои силы, когда имъ покажется, что ничто не грозитъ ихъ независимости. И какъ повѣрятъ они въ эти угрозы, какъ подвинуть ихъ на жертвы національной защиты, когда границы перенесены къ Рейну, когда передовыя оборонительныя укрѣпленія на Эльбѣ, и когда непріятель оттиснутъ за Вислу? Французъ измѣряетъ опасность разстояніями: въ 1793,

[1]) A Cambacérès, 22 novembre 1806.

[2]) A Louis, 3 décembre 1806.

въ 1798 году, подверглись нашествію Провансъ, Конте, Эльзасъ, даже Фландрія; теперь же Франція вторглась въ Пруссію, въ Польшу. По мѣрѣ же того, какъ успѣхи продолжаются, какъ поле битвы расширяется,—миръ отдаляется, какъ и войско, и Наполеонъ требуетъ больше людей. «Я требую 80.000 человѣкъ, писалъ онъ Камбасересу 27 ноября, и именно для того, чтобы обезпечить миръ. Помѣстите въ газетахъ статьи, объясняющія континентальную блокаду, необходимость сохранить наши завоеванія, пока Англія и Россія не возвратятъ своихъ... Говорите въ этомъ смыслѣ въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ для того, чтобы эти идеи распространялись по имперіи».

Франціи уже непонятенъ этотъ языкъ, до такой степени онъ противорѣчитъ ея мечтамъ, ея иллюзіямъ, ея вкусамъ, ея потребностямъ: настолько онъ кажется несогласнымъ съ блескомъ имперіи, съ такимъ количествомъ побѣдъ, трактатовъ, завоеваній. Немного было людей, которые обладали достаточно вѣрной памятью, достаточно сильнымъ разсудкомъ, достаточно реальнымъ знаніемъ европейскихъ дѣлъ, чтобы разсѣять ослѣпленіе, чтобы посмотрѣть въ глаза реальнымъ сторонамъ имперіи, чтобы вспомнить минувшіе годы, воскресить въ памяти тѣ времена, которыя хотѣлось забыть навсегда—времена террора и комитета общественнаго спасенія, и чтобы тѣ событія связать съ этими дѣлами. А между тѣмъ тѣ событія, казавшіяся совершившимися въ иномъ мірѣ, были причинами, а эти дѣла ихъ столь продолжительными слѣдствіями. «Повѣрьте, писалъ Таллейрану одинъ старый опытный дипломатъ, принадлежавшій къ тѣмъ рѣдкимъ современникамъ, которые имѣли смѣлость видѣть настоящее положеніе вещей,—меланхоликъ Готривъ — повѣрьте, что нужно очень далеко пойти назадъ, чтобы найти движущее начало всего того, что теперь дѣлается противъ насъ. Пруссія пришла послѣдней, но, конечно, она, какъ Англія до 1793 года и въ такой же мѣрѣ, желаетъ погубить насъ... Я хорошо изучилъ значеніе словъ: коалиція и французская имперія. Эти два явленія... не могутъ долгіе годы существовать вмѣстѣ. Нужно, чтобы одно убило другое... Нужно, чтобы или погибла Франція, или чтобы она низложила достаточное количество королей, чтобы оставшіеся не могли составить коалиціи... Коалиція разрушитъ французскую имперію въ тотъ день, когда она заставитъ ее пойти назадъ; вѣдь въ такихъ движеніяхъ не останавливаются. Отступать намъ значитъ придти назадъ къ старинной монархіи черезъ всѣ развалины и ужасы разъ пройденнаго нами пути»... [1]).

Больше всего хлопотъ доставляли Наполеону плѣнные.—около 140,000. «Что дѣлать съ такимъ количествомъ людей? Не слѣдуетъ, чтобы они меня

[1]) 19 octobre 1806. Baillen.

разорили». Половину ихъ онъ отправляетъ во Францію для распредѣленія по деревнямъ у земледѣльцевъ. «Это будетъ имѣть ту выгоду, что многіе изъ нихъ останутся во Франціи». Изъ другихъ онъ помышляетъ составить полки для Іосифа. Онъ предлагаетъ ихъ Голландіи, Испаніи [1]). Колоніи, наемники: это—римская система, вновь появляющаяся съ великой имперіей и съ ея завоеваніями на римскій ладъ. Онъ устанавливаетъ какой-то поразительный и страшный нагнетательный насосъ, втягивающій людей на однихъ концахъ имперіи и выбрасывающій ихъ на другихъ. Онъ долженъ былъ разбрасывать французовъ по аванпостамъ, въ Голландіи, въ Неаполѣ, въ Далмаціи; наоборотъ, онъ бралъ рекрутъ во всякой провинціи, всякихъ языковъ, со всякими національными страстями, въ *Великую Армію*, потопляя французовъ въ этихъ «имперцахъ». Такъ проникаютъ въ ряды этой арміи, такъ скоро выступятъ на ея краяхъ полки, затѣмъ цѣлые корпуса, составленные изъ не-французовъ. Испанцы пойдутъ охранять блокаду у устьевъ Эльбы; пруссаки пойдутъ охранять ее въ Испаніи. Къ тому же Наполеонъ не думаетъ, что эти испанцы, доставленные въ Германію, могутъ пристать къ взбунтовавшимся нѣмцамъ, или что пруссаки, доставленные въ Испанію, могутъ принять участіе въ какомъ-нибудь возстаніи испанцевъ. Такова была его вѣра въ престижъ своей силы, въ значеніе присяги и воинской чести у офицеровъ, въ повиновеніе и отупленіе солдатъ. Ни въ комъ изъ нихъ онъ не подозрѣвалъ души, способной понять примѣръ независимости и гордости, преподанный имъ тѣми французами, въ рядахъ которыхъ они сражаются,—проникнуться той революціей или той національной гордостію, которыя французская армія разноситъ вмѣстѣ со своими орлами, предлагая ихъ какъ образецъ народамъ, которыхъ она подчиняетъ силою, и которыхъ своими уроками убѣждаетъ возмущаться противъ иностраннаго ига.

Въ Берлинѣ онъ узналъ о прокламаціи Годоя, отъ 14 октября. Перехваченныя письма прусскаго посланника въ Мадридѣ не оставляли въ немъ никакого сомнѣнія относительно измѣны Испаніи [2]). Въ то время какъ онъ дѣлалъ свои запруды на Одерѣ, на Вислѣ, плотину прорвало на другомъ концѣ. Онъ сдержалъ свой гнѣвъ и рѣшилъ закрыть на это глаза до того момента, когда, заключивъ миръ съ Россіей, онъ сможетъ повернуться противъ испанцевъ. До этой поры онъ будетъ укрощать ихъ издали, пріучать къ блокадѣ. Но, съ того момента, «онъ поклялся во что бы то ни стало уничтожить испанскую вѣтвь Бурбонскаго дома» [3]). Одинъ

[1]) A Dejean, 12 novembre; à Joseph, 16 novembre; à Cambacérès, 16 novembre; à Joseph, Talleyrand, Clarke, 5, 13, 14, 15 decembre 1806.

[2]) См. выше 83 и 84.

[3]) «Всѣ политическія соображенія требуютъ, чтобы королевскій родъ, прекратившійся во Франціи и въ Италіи, пересталъ существовать въ Испаніи». *Mémoire de Montgaillard à l'empereur*, 5 novembre 1806.

изъ Бонапартовъ на испанскомъ тронѣ довершилъ бы дѣло Голландіи, Неаполя и двойную комбинацію континентальной системы и семейныхъ договоровъ.

Наполеонъ пожелалъ отнестись безучастно къ отреченію Годоя, но онъ нашелъ благоразумнымъ обезоружить испанцевъ, онъ призвалъ ихъ 15,000 на устье Эльбы [1]), ихъ флотъ принудилъ сдаться въ Тулонѣ и далъ имъ содержать 25,000 плѣнныхъ пруссаковъ. Лишивъ ихъ, такимъ образомъ, ихъ лучшихъ войскъ и принудивъ ихъ содержать накладныхъ гостей, Наполеонъ считалъ ихъ достаточно ослабленными, чтобы отложить на нѣкоторое время рѣшеніе ихъ участи.

Такимъ образомъ, экспедиція въ Испанію уже заявляетъ о себѣ и послѣдуетъ за польской войной, которая уже начинается. Союзъ съ Испаніей необходимъ, чтобы обезпечить блокаду, то есть, чтобы принудить Англію къ миру, и нужно будетъ завоевать Испанію, чтобы она обязательно приняла этотъ дѣйствительный союзъ противъ Англіи. Та и другая, война польская и война испанская, требуютъ нейтралитета Австріи. При томъ положеніи, въ которомъ находится Наполеонъ, вмѣшательство Австріи можетъ лишить его сообщеній съ Франціей и вызвать въ Италіи одно изъ тѣхъ пораженій на Изонцо, простой отзвукъ котораго рушилъ бы все господство французовъ, отъ Неаполя до Далмаціи. Рапорты указываютъ ему, что собралось отъ 60 до 80,000 человѣкъ въ Богеміи, на флангахъ великой арміи. Наполеонъ отправилъ посломъ въ Вѣну генерала Андреосси, который будетъ наблюдать и, въ случаѣ нужды, сумѣетъ принудить къ выполненію обязательствъ. Онъ прибудетъ какъ комиссаръ по разоруженію, какъ податель ультиматума, почти какъ авангардъ. «Онъ объяснитъ, что, по моему взгляду, быть въ мирѣ не значитъ находиться подъ угрозою и не значитъ смотрѣть, какъ Австрія пользуется всякими военными событіями, чтобы быть готовой напасть на меня» [2]).

Іена особенно чувствительно затронула австрійцевъ, Аустерлицъ—Пруссію. «Участь Пруссіи ожидаетъ всю Европу, писалъ Стадіонъ 25 октября. Если Наполеонъ собирается возстановить Польшу, то онъ пожелаетъ взять Галицію и въ обмѣнъ, быть можетъ, предложитъ Австріи Силезію, то есть, онъ сдѣлаетъ ее соучастницей при раздѣлѣ Пруссіи. Съ другой стороны, кто знаетъ, не остановятся ли вдругъ русскіе, не заключатъ ли мира съ Наполеономъ, оставивъ ему Германію, и не возьмутъ ли себѣ Молдавію и Валахію, то, что находятъ выгоднымъ?»

[1]) Это корпусъ Ла Романа, который измѣнилъ въ 1808 г.

[2]) A Talleyrand, 9 novembre 1806.

Стадіонъ понимаетъ, что надо быть осторожнымъ. Корпуса, собирающіеся въ Богеміи, уходятъ оттуда, какъ будто для этого они и пришли туда, и Австрія проглотитъ это новое оскорбленіе, убѣжденная болѣе чѣмъ когда бы то ни было въ необходимости начать игру снова, подготовиться къ ней скрытно и переговариваться тайно, выжидая событій.

21 ноября, Фридрихъ-Вильгельмъ удалился въ Остероде, въ старой Пруссіи. Предложенное Наполеономъ перемиріе убѣдило его, что французскій императоръ не потерпитъ болѣе независимой Пруссіи. Послѣ того, какъ онъ былъ оскорбленъ, осмѣянъ, загнанъ на окраины своихъ владѣній, безъ войска, лишенъ своей казны, удаленъ изъ своего правительства,—ему остается только отдать свою честь за кусокъ прусской территоріи, и, когда онъ отдастъ честь, Наполеонъ прогонитъ его изъ этого убѣжища, объявивъ, что онъ пересталъ царствовать, предавъ его всеобщему презрѣнію. Письмо Александра отъ 3 ноября ободрило его. «Двояко связанный съ вашимъ величествомъ, какъ союзникъ и какъ самый нѣжный другъ, я не знаю жертвъ и усилій, на которыя я не былъ бы готовъ, чтобы доказать вамъ всю глубину преданности тѣмъ высокимъ обязательствамъ, которыхъ требуютъ отъ меня эти званія». Подходили двѣ русскія арміи: 140.000 человѣкъ. Фридрихъ-Вильгельмъ овладѣлъ собой, рѣшилъ бороться на смерть и отправился въ Пултускъ, въ главный штабъ генерала Беннигсена [1]).

Итакъ, Пруссія отталкивала ярмо. Наполеонъ приказалъ приготовить декларацію о низложеніи съ престола, какъ онъ приготовилъ ее въ Вѣнѣ, 27 декабря 1805 года, Неаполитанскимъ Бурбонамъ. «Бранденбургскій домъ предался Россіи и находится почти въ полной зависимости отъ нея...» для Европы непремѣнно нужно, «чтобы между Рейномъ и Вислой существовало государство, неразрывно связанное съ интересами оттоманской имперіи, которое всегда дѣйствовало бы съ ней заодно и помогало ея защитѣ на сѣверѣ, тогда какъ Франція возьметъ на себя защиту самыхъ оттоманскихъ провинцій...» [2]) Это были посылки декрета. Выводы оставались неизвѣстными. Наполеонъ оставилъ за собой право объявить, смотря по обстоятельствамъ, что Бранденбургскій домъ пересталъ царствовать, и что Польша перестала умирать. Сдѣлавъ это, онъ оставилъ Берлинъ и 27-го написалъ Таллейрану, изъ Мезерица, въ прусской Польшѣ: «Сегодня вечеромъ я буду въ Познани. Вы можете приготовиться, чтобы сейчасъ же вмѣстѣ съ Марэ догнать меня. Берлинъ находится теперь слишкомъ далеко отъ ядра моей арміи». И въ тотъ же день онъ пишетъ Жозефинѣ: «Мои дѣла идутъ хорошо. Русскіе бѣгутъ». Онъ ошибался. Русскіе не

[1]) Lettre à Alexandre, 23 novembre 1806. Bailleu.

[2]) Bailleu, t. II., p. 581.—Cf. lettres à Talleyrand, 27 et 28 novembre 1806.

бѣжали, и, если бы они подались назадъ, увлекая за собой Наполеона, это была бы для него худшая изъ опасностей. Наоборотъ, они шли впередъ, ему на встрѣчу, рѣшившись рискнуть битвой, и это было для Наполеона самое благопріятное обстоятельство.

III.

Извѣстіе объ Іенѣ, быстро ставшее извѣстнымъ при дворѣ, было опубликовано въ Россіи только 15 ноября. Первымъ впечатлѣніемъ русскихъ была радость несчастью пруссаковъ; они ненавидѣли ихъ: имъ давно надоѣли слава Фридриха и маневры по прусской системѣ. Потомъ поворотъ: «Они не заслуживаютъ никакого сожалѣнія, но вмѣстѣ съ ними погибаетъ Европа» [1]). Общественное мнѣніе становится противъ Наполеона. 28-го ноября, указъ повелѣваетъ выѣхать французскому консулу Лессепсу, приказываетъ изгнать французовъ, которые не сдѣлались русскими подданными или не обязались прервать всякія сношенія съ Франціей. Святѣйшій Синодъ выпустилъ противъ Наполеона своего рода преданіе анаѳемѣ, что вызвало въ народѣ взрывъ патріотизма. Одинъ генералъ, послѣ выпивки, заявилъ, будто бы онъ истратилъ 200,000 рублей, чтобы организовать отрядъ рѣшительныхъ людей, которые бы употребили всѣ средства, чтобы убить Наполеона. Фанатическій поступокъ, варварское изступленіе! говорилъ Таллейранъ, передавая эти подробности императору. Онъ забылъ Жоржа, его шухановъ, его дворянъ и его довѣренныхъ принцевъ: онъ забылъ легіонъ *тиранноубійцъ*, когда Жанъ де-Бри, предлагавшій его, не былъ еще ни уполномоченнымъ республики, ни префектомъ имперіи [2]).

Прибавьте къ этому дѣла княжествъ. Себастіани такъ хорошо старался въ Константинополѣ, такъ искусно игралъ этимъ страшилищемъ, Мармономъ и арміей въ Далмаціи, что Селимъ отрѣшилъ въ Молдавіи и Валахіи господарей русской партіи и на ихъ мѣсто поставилъ Каллимаки и Сутцо, слывшихъ за «французовъ». Но русскій посланникъ Италинскій грозилъ уѣхать изъ Константинополя и возвѣщалъ вторженіе въ княжества. Англичане устроили морскую демонстрацію, заявили, что они дѣйствовали заодно съ Россіей, и Селимъ, боясь то тѣхъ, то другихъ, отрѣшилъ господарей, названныхъ французами, чтобы возстановить русскихъ. Въ этотъ промежутокъ времени Александръ приказалъ генералу Михельсону занять Молдавію и Валахію. Михельсонъ вступилъ 14 ноября въ Яссы,

[1]) Lettre de Woronzof, décembre 1806. Archives, t. VII. p. 140.

[2]) Talleyrand à Napoléon, 9 février 1807, на основаніи устныхъ сообщеній Лессепса, который въ этотъ день прибылъ въ Варшаву. Betrand.

© ГПИБ СПбАН

арестовалъ французскаго посланника Рейнгарда и отправилъ его въ Россію, какъ военноплѣннаго [1]).

Александръ рѣшилъ возобновить войну и вести ее со всей энергіей. Онъ старался снова воодушевить Фридриха-Вильгельма [2]): «Всѣ средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи, будутъ посвящены защитѣ справедливаго дѣла». Онъ отправляетъ въ Вѣну Поццо ди Борго, уполномоченнаго договориться о союзѣ, чтобы, наконецъ, «остановить гибель всего свѣта, которому грозитъ страшное разрушеніе и рабство» [3]).

Предчувствуя эти движенія, Наполеонъ держитъ себя осторожно и отражаетъ ударъ предусмотрительно, разоружая Австрію и возбуждая Турцію. Онъ приказываетъ переводить бюллетени великой арміи и отсылать ихъ въ большомъ количествѣ въ Константинополь съ брошюрой: *Un Viel Ottoman à ses frères* [4]). Онъ пишетъ Селиму: «Пруссія... исчезла... Варшава въ моей власти. Прусская и русская Польша поднимается и формируетъ арміи для завоеванія своей независимости. Пользуйся моментомъ для завоеванія твоей. Прогони господарей-бунтовщиковъ...». И Себастіани: «Вы уполномочены подписать тайный союзъ, наступательный и оборонительный, которымъ я гарантирую Портѣ цѣлость ея провинцій Молдавіи и Валахіи».

Дворяне—Польша политическая—всегда задорные, стекались, собирая вокругъ себя всадниковъ и пѣхотинцевъ. Эта шумная масса рекрутъ напоминала сразу и феодальную милицію Филиппа-Августа и шотландскихъ инсургентовъ яковитовъ. Польша, безсильная спасти сама себя отъ своей анархіи, всегда надѣялась на Францію: она ждала, звала француза—вождя, который возродилъ бы ее, вдохнулъ бы въ нее тотъ государственный духъ, котораго ей недоставало. Во времена Карла IX, Людовика XIV, Людовика XV младшіе члены французскаго дома приходили въ Варшаву искать короны: незначительные принцы, мелкія интриги и мелкія приключенія! Теперь приходитъ армія, побѣдившая всѣ арміи, нація, ставшая завоевательницей, послѣ того, какъ она освободила себя, страшно громадная возставшая масса, отлившаяся въ самую могущественную имперію въ свѣтѣ, имѣя вождемъ самаго обаятельнаго изъ повелителей. Александръ, Цезарь, Карлъ Великій соединились въ одномъ человѣкѣ, и вокругъ него столько героевъ, что всю Европу можно одарить новыми династіями.

[1]) Отрѣшеніе господарей отъ должности 28 августа; возстановленіе ихъ въ должности 13 октября; приказъ Михельсону 16 октября 1806 г.

[2]) Lettres des 11, 28, 30 novembre 1806. Bailleu.

[3]) Alexandre à François et à l'archiduc Charles, 12 novembre; rapport de Goltz, 6 novembre 1806.

[4]) 1-er décembre; lettre à Cambacérès, 11 décembre 1806.

Пруссія уничтожена, Австрія въ цѣпяхъ, Турція въ оружіи. Россія показала подъ Аустерлицемъ, чего она стоитъ! Такъ много и такія ослѣпительныя реальности послѣ столькихъ химеръ и послѣ столь продолжительнаго отчаянія. Ихъ болѣе чѣмъ нужно, чтобы воспламенить воображеніе поляковъ и чтобы въ этихъ подвижныхъ, героическихъ и легкомысленныхъ душахъ пробудить ту силу иллюзіи, которой равнялась въ нихъ только сила жертвы.

Шумные, украшенные плюмажами, всадники наполняли оставленные пруссаками города. Тающія, съ глубокими тонкими колеями, дороги были усѣяны бодрыми войсками, привѣтствовавшими на ходу вязнувшихъ въ грязи французовъ. Молодежь наполняла трактиры, чокаясь стаканами, распѣвая національныя пѣсни. «Я нашелъ, разсказываетъ Гонвиль, полковника д'Аварай расположившимся въ красивомъ замкѣ, гдѣ жили семь или восемь женщинъ, почти всѣ молодыя, и двѣ изъ нихъ были замѣчательныя красавицы. Онѣ были элегантны и говорили по-французски, какъ мы... Среди этихъ женщинъ былъ только старикъ одинъ... Всѣ годные люди были заняты наборомъ солдатъ и обученіемъ ихъ, чтобы присоединиться къ намъ...» Это—другая Франція, которую они открываютъ, и которая очаровываетъ ихъ: говорятъ на ихъ языкѣ съ тѣмъ серебристымъ томнымъ акцентомъ, который въ устахъ экзальтированныхъ женщинъ кажется имъ взящнымъ, очарованіе итальянскихъ жилищъ, среди тепличныхъ цвѣтовъ. Въ городахъ пріемы и празднества. Война, словно балъ, открывается *полонезомъ*;—плавно движутся, съ тихимъ постепенно растущимъ ритмомъ, пока руки задрожатъ въ ожиданіи ускоряющаго темпъ удара смычка, повинуясь которому, какъ сорвавшійся вихрь, несутся по блестящему паркету, громко притопывая каблуками со шпорами [1]).

28 ноября Ней вступилъ въ Варшаву. На слѣдующій день—Мюратъ. При видѣ этого великолѣпнаго всадника, воинственнаго вида, красующагося въ своей туникѣ на подобіе рыцарской, расшитой золотомъ, въ своей шапкѣ изъ куньяго мѣха, съ красной верхушкой, богато украшенной черными страусовыми перьями, съ своимъ мечомъ, какъ у древнихъ, сверкающимъ изъ подъ разноцвѣтнаго бархатнаго ментика, съ султаномъ, который напоминалъ корону,—имъ казалось, что къ нимъ явился изъ восточной страны король, предназначенный для Польши; въ немъ они узнавали самихъ себя, и этотъ великій герцогъ французской революціи казался имъ рожденнымъ для того, чтобы возстановить польскую республику и быть символомъ союза двухъ націй.

[1]) Полонезы Шопена, *Большой полонезъ* съ его призывными звуками рожка и трагическими аккордами, прерывающими ритмъ и заканчивающими битвой это изумительное приглашеніе къ танцу.

«Польша, пишетъ Наполеонъ [1]), скоро будетъ имѣть подъ ружьемъ 60,000 человѣкъ. Вельможи страны—все люди съ доходомъ отъ 100 до 500,000 франковъ. Самые горячіе изъ нихъ—въ то же время и самые богатые...» Во всякомъ случаѣ эти магнаты, подъ словообильными фразами которыхъ крылось много политики, которые всегда дѣлили время между заговорами и кавалерійскими наѣздами, задумываются такъ же, какъ и самъ Наполеонъ, выставляютъ свои условія, ищутъ своихъ гарантій. Они вспоминаютъ о катастрофѣ, послѣдовавшей за Тарговицкой конфедераціей, о мести Екатерины-побѣдительницы, о страшной рѣзнѣ въ Прагѣ, о Суворовѣ и объ опустошеніи замковъ казаками. Какое нибудь несчастье съ французской арміей, какая нибудь перемѣна въ планахъ Наполеона,—и они видятъ себя покинутыми, погибшими. Они готовы отдать себя: они требуютъ, чтобы Наполеонъ сдѣлалъ изъ ихъ республики окраину своей имперіи и чтобы былъ связанъ съ ней, какъ онъ связанъ съ Голландіей, Далмаціей, Каттаро! Наполеонъ полагаетъ, что они должны прежде всего служить ему и отдаться ему слѣпо, въ качествѣ перваго залога. Онъ относится съ недовѣріемъ къ ихъ измѣнчивому характеру. Маршалы: Ланнъ, Ожеро описываютъ ему ихъ по-прежнему: то же шумное бряцанье саблями, то же великолѣпное гарцованье; въ сущности, это—аристократія, завистливая, безпорядочная, неустойчивая. Въ Познани, гдѣ онъ находится съ 28 ноября, онъ говоритъ имъ рѣчи, какъ десять лѣтъ раньше говорилъ итальянцамъ по своемъ вступленіи въ Миланъ [2]): «Я охлаждалъ горячихъ и подогрѣвалъ холодныхъ», писалъ онъ тогда директоріи.—«Господа, говоритъ онъ окружающимъ его делегатамъ всѣхъ воеводствъ: это—дѣло большое; это—война съ ея случайностями, съ ея опасностями, съ ея несчастьями... Меня удивляетъ этотъ патріотическій пылъ, такъ долго сохранившійся послѣ покоренія. Я вижу, что не такъ-то легко уничтожить націю. То, что я дѣлаю, я дѣлаю на половину для себя, на половину для васъ... Но нужно биться, нужно, чтобы всѣ шляхтичи сѣли на коней...» И тотчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ: «Можетъ быть, ваши несчастья измѣнятся къ добру... Это будетъ воскрешеніе мертваго...» И женщинамъ, къ которымъ онъ относился серьезно лишь тогда, когда онѣ интриговали противъ него: «Польское королевство ускакало на почтовыхъ, быть можетъ, оно такимъ же образомъ воротится». Итакъ, все то же *можетъ быть* даже въ простыхъ выраженіяхъ любезности. Нѣкоторую роль тутъ играла добросовѣстность: «Если я ихъ оставлю такъ, то нужно, чтобы какъ можно меньше ихъ было повѣшено». Еще больше

[1]) A Cambacérès, 1-er décembre 1806—Voir Barante, Fezensac, Segur, Talleyrand.

[2]) Ср. т. V, стр. 68, 80, 82, 165.

значила неопредѣленность обстоятельствъ, неопредѣленность его собственныхъ желаній: «Ваше Величество взяли чашку съ костями и сыграли въ кости, кости рѣшатъ...» — «Рокъ сдѣлаетъ остальное...» — «Будетъ ли возстановленъ польскій тронъ? Одинъ Богъ можетъ рѣшить эту великую политическую проблему» [1]).

Залоги, которыхъ онъ ожидаетъ отъ польскихъ магнатовъ, нѣмецкіе государи, новопроизведенные короли и герцоги предлагаютъ ему на свой ладъ: абсолютное подчиненіе и вспомогательныя войска. Поляки желали независимости и чести: желали опять стать націей. Нѣмцы имѣютъ претензіи менѣе высокія, и ихъ легче удовлетворить: они требуютъ лишь земель и подданныхъ, они только жадны. Единственная ихъ мечта быть королями. Наполеонъ сдѣлалъ одного новаго короля: это—курфюрстъ саксонскій, который, въ качествѣ такового, вступаетъ въ Рейнскую конфедерацію. Онъ обѣщаетъ 20,000 саксонцевъ, и Наполеонъ дастъ ему надежду на польскія воеводства [2]). Слѣдуютъ пять герцоговъ саксонскихъ. Курфюрстъ Вюрцбургскій, передъ тѣмъ великій герцогъ Тосканскій, уже былъ въ союзѣ [3]). Вестфалія была занята, Наполеонъ возвелъ ее въ королевство. Министры, государственные совѣтники и администраторы герцогства Бергъ сравнивали Наполеона съ Генрихомъ IV, въ его царствованіи привѣтствовали «вѣкъ свободныхъ идей», дѣло «божескаго и благодѣтельнаго Провидѣнія».—«Государь, когда вся Германія уступаетъ силѣ вашего оружія и превосходству вашего генія, позвольте, чтобы съ соизволенія своего государя чины перваго нѣмецкаго народа, который былъ подчиненъ вашимъ законамъ, поспѣшили повергнуть къ стопамъ вашего величества выраженіе ихъ удивленія, ихъ поздравленія и пожеланія... До сихъ поръ всѣ ваши слова пророчески сбывались. Вы возвѣстили нѣкоторымъ королямъ паденіе ихъ троновъ, и ихъ троны пали. Другимъ государямъ вы обѣщали увеличеніе ихъ могущества, и они управляютъ возведенные вами въ санъ королей новыхъ государствъ, которыя вы имъ дали. Вы сказали народамъ, что вашъ вѣкъ будетъ вѣкомъ либеральныхъ идей, и отъ конца Адріатическаго залива до Нѣмецкаго моря народы, находящіеся подъ управленіемъ вашего величества, съ радостію пользуются благодѣяніями отеческой администраціи» [4]).

Тѣ же соблазны высшей политики, тѣ же благоразумныя заднія мысли и практическій расчетъ, которые волнуютъ Наполеона, осаждаютъ и

[1]) Au roi de Prusse, 6 décembre; à Andréossy, 5 décembre; XXXVI *Bulletin*. 1-e décembre 1806.

[2]) Traité de Posen, 11 décembre 1806. De Clercq, t. II, p. 196.

[3]) Traités du 15 décembre et du 27 septembre 1806.

[4]) Adresse de Dusseldorf, 11 décembre 1806.

умъ Александра. Въ тотъ моментъ, когда ихъ войска наводняютъ Польшу, русскіе наперерывъ другъ передъ другомъ строятъ проекты насчетъ судьбы поляковъ, присоединенія ихъ войскъ и значенія ихъ битвъ. Для князя Адама Чарторыйскаго, который устраненъ отъ власти, но котораго еще слушали, это былъ моментъ взяться за то, что было задачей его жизни, и пробудить прекрасныя мечты юности Александра. 5-го декабря онъ представляетъ Александру *Записку о необходимости возстановить Польшу, чтобы предупредить Бонапарта.*—«Нужно, чтобы благодѣянія императора превзошли предложенія и соблазны Бонапарта... Провозгласить Польшу, признавъ себя ея королемъ...» Россія возвела бы на своихъ границахъ неприступный бастіонъ. «Она положила бы начало тому счастливому союзу, который въ одинъ прекрасный день долженъ соединить вокругъ нея разъединенныя вѣтви древней семьи *славянъ*...» Александръ не склоняется къ этому. Онъ чувствуетъ въ окружающихъ его самыхъ вѣрныхъ изъ русскихъ глухое, но сильное сопротивленіе возстановленію Польши. Итакъ, нужно будетъ, чтобы Россія въ это польское наслѣдство отдала провинціи, пріобрѣтенныя ею во время трехъ раздѣловъ, чтобы она лишила царя Литвы въ пользу польскаго короля; чтобы она, создавъ въ этомъ новомъ дворѣ очагъ соперничества относительно чиновъ, служебныхъ мѣстъ и богатства, вскормила непримиримаго врага православія, а также русскаго величія? Удовлетвореніе за обиды, испытанныя Польшей, Александръ отложилъ до того времени, когда были бы уничтожены и другія несправедливости Европы. Онъ могъ бы тогда сдѣлать много конфискацій и экспропріацій, во имя справедливости, чтобы вознаградить Австрію за Галицію, Пруссію за Познань и Варшаву и утишить досаду русскихъ. Между тѣмъ прусская Польша имѣла рекрутъ, отборную кавалерію, рессурсы энтузіазма и мужества, чтобы было желаніе склонить ее «къ справедливому дѣлу». Онъ привлекалъ ихъ къ этому дѣлу, какъ Наполеонъ привлекалъ на сторону «Революціи». Это была та же партія съ различіемъ въ игрѣ, въ физіономіи, въ жестахъ, но съ тѣми же двусмысленными рѣчами и съ тѣми же, въ ихъ сущности, задними мыслями.

Александръ словно собирается въ крестовый походъ, чтобы освободить несчастную прусскую королеву, отомстить за ея оскорбленія, унять ея прекрасныя слезы, возстановить въ его чести «добраго нѣмца», прусскаго короля, собрата по оружію, который «поручаетъ себя» ему, станетъ его братомъ и его помощникомъ въ преобразованной Европѣ. Красивый рыцарскій романъ въ духѣ Ферзена: «Безграничная преданность принципу полнаго и неразрывнаго единенія между Пруссіей и Россіей» [1]).

[1]) A Frédéric-Guillaume, 13 décembre 1806.

Но, чтобы освободить Магдебургъ и Берлинъ, нужно пройти черезъ Варшаву и Познань, и, если Провидѣнію угодно, чтобы этотъ благородный планъ не состоялся, если оно рѣшило открыть Россіи новые пути, то, кто знаетъ, не послужатъ ли эти самыя польскія провинціи, не послужатъ ли Молдавія и Валахія залогомъ мира съ Наполеономъ и раздѣла европейскаго главенства между двумя имперіями—Восточной и Западной? Александръ заявлялъ себя фаталистомъ, отчасти вслѣдствіе хитрости, отчасти вслѣдствіе лѣности мысли, чтобы имѣть поводы или быть свободнымъ отъ необходимости подыскивать ихъ. Но онъ хитрилъ и вступалъ въ сдѣлки съ рокомъ, обращаясь съ нимъ, какъ съ земнымъ царемъ, и такъ приспособляясь къ нему, чтобы имѣть выгоду, каково бы ни было рѣшеніе рока. Итакъ, онъ отдался на судъ Божій, который долженъ былъ высказаться устами меча. *ore gladii*—и онъ возобновилъ войну.

IV.

Суровая и мрачная война, война зимой, когда оттепель и туманъ, худшіе чѣмъ холодъ, тающій снѣгъ, земля, проваливающаяся подъ пушками, ставятъ упряжки въ безвыходное положеніе; когда лошади вязнутъ въ грязи; когда люди, пронизанные насквозь, пропитанные леденящей сыростью, коченѣютъ и приходятъ въ отчаяніе; когда на этапахъ остается больныхъ больше, чѣмъ раненыхъ на полѣ битвы, когда отставшіе ослабляютъ армію больше, чѣмъ убитые ослабляютъ непріятеля. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ фуражѣ, въ ночлегѣ—всѣ несчастья. Ночью, на бивуакѣ, если французы съ трудомъ задремлютъ вокругъ дымнаго костра, ихъ тревожатъ казаки. Жители бѣдные, враждебные: въ хижинахъ взять ничего, одна мразь. Никакого покоя, никакихъ удобствъ. Солдаты чувствуютъ себя смущенными, очутившись слишкомъ далеко отъ отечества, не на пути освященномъ побѣдой. Генералы не могутъ добывать себѣ свѣдѣній; кавалерійскіе разъѣзды запутываются; курьеры пропадаютъ, запаздываютъ, на разбитыхъ лошадяхъ, на поломанныхъ саняхъ, теряя дороги, не разбираясь въ непонятныхъ картахъ, имѣя дѣло съ жителями нѣмыми или глупыми. Они пріѣзжаютъ только благодаря смѣлости, почти случайности. Наполеонъ желалъ разбить переднія колонны русской арміи или, по крайней мѣрѣ, отдалить ее отъ своихъ зимнихъ квартиръ. Первое большое столкновеніе произошло 26 декабря, у Пултуска. Въ полусвѣтѣ-полумракѣ двѣ массы съ ожесточеніемъ напирали другъ на друга на зыбкой почвѣ. За невозможностью маневрировать, убиваютъ, стрѣляютъ другъ друга. Французы узнали страшную новость: они никого не взяли въ плѣнъ. Русскіе ускользнули ночью сквозь туманъ. Наполеонъ не преслѣдовалъ ихъ. Въ немъ не было уже предпріимчи-

вости; его удары притупились; его стратегія проваливалась въ этихъ движущихся трясинахъ, на этихъ равнинахъ безъ конца. Его геній—отчетливый, ясный, пропорціональный—оказался не на своей почвѣ. «Французская линія была прорвана, пишетъ Жозефъ де-Местръ, и первый разъ послѣ Акры Наполеонъ видитъ, какъ отразили его самого».

1-го января 1807 года Наполеонъ основался въ Варшавѣ на нѣсколько недѣль. Дворцы магнатовъ, покинутые, размеблированные со временъ раздѣловъ, открываются министрамъ, интендантамъ, маршаламъ. Все принимаетъ парадный видъ, иллюминуется. Французы и поляки соперничаютъ въ роскоши, въ празднествахъ, представляя контрастъ съ арміей, которая вступала истомленными отрядами, потерявшими десятаго человѣка: «лица тощія, вытянувшіяся, мундиры грязные». Наполеонъ ослѣплялъ, очаровывалъ; восхищался самъ собою. «Впечатлѣніе, которое чувствовали при первомъ взглядѣ на него, было глубокое и неожиданное, сообщаетъ одна молодая, красивая и экзальтированная полька. Я испытала своего рода оцѣпенѣніе, какое-то безмолвное изумленіе! Мнѣ казалось, что онъ въ ореолѣ. Единственная явившаяся у меня мысль была, что невозможно, чтобы такое существо могло умереть». Его взглядъ, «становившійся безконечно мягкимъ, когда онъ говорилъ съ женщинами»; его улыбка, выражавшая больше чѣмъ нѣжность,—ласку, очаровывали. «Сколько красивыхъ женщинъ!» говоритъ онъ Таллейрану, удаляясь съ бала, на который этотъ министръ пригласилъ все высшее общество Варшавы. Между ними была одна, которая ему нравилась больше другихъ, которою онъ былъ любимъ, какъ ни одною изъ остальныхъ, и которая порадовала его сыномъ, живымъ образомъ его собственныхъ чертъ.

Онъ позволялъ очаровывать себя, но не захватить себя врасплохъ, не отрывать отъ дѣла. Онъ организовалъ въ Польшѣ временное правительство, составленное изъ поляковъ [1]). Таллейранъ становится относительно этого правительства своего рода генеральнымъ прокуроромъ имперіи. Онъ занимается столько же администраціей и провіантскими дѣлами, сколько и политикой. При помощи «портфеля», который аудиторы привозятъ изъ Парижа и увозятъ туда по почтѣ, Наполеонъ управляетъ имперіей, Франціей, особенно Парижемъ. Сплетни въ бюллетеняхъ Фуше его развлекаютъ, приводятъ въ нетерпѣніе, во всякомъ случаѣ занимаютъ его столько же, какъ рапорты маршаловъ. И это потому, что онъ хочетъ имѣть видъ всезнающаго, вседѣлающаго, всерѣшающаго безъ помощи другихъ и вездѣсущаго. «Гигантское входило, такимъ образомъ, въ привычку» [2]). Онъ увеличиваетъ

[1]) Décret du 14 janvier 1807.
[2]) Pasquier, t. I, p. 299.

число интимныхъ писемъ, заказываетъ балы, желаетъ, чтобы всѣ считали его счастливымъ, чтобы всѣ казались счастливыми. Нужно отвлекать мысли въ сторону, нужно прибѣгать къ обаянію, ибо строгія мѣры умножаются: призываются третьи батальоны, оставленные во Франціи, призываются контингенты, оставленные у семейныхъ очаговъ. Онъ подмѣчаетъ глухія волненія: опять появляются шуаны; снова начинаются нападенія на дилижансы, снова грабятъ общественныя кассы на Западѣ, до Кальвадоса включительно, края богатаго и мирного,—какъ въ первые дни консульства. Это онъ видитъ по тюрьмамъ, изъ которыхъ бѣгутъ, по жандармамъ, которые никого не арестовываютъ, по слѣдствіямъ, которыя ни къ чему не приводятъ, и по вѣчнымъ заговорамъ роялистовъ и англичанъ въ Бретани, въ Нижней Нормандіи, въ Бордо. Какъ въ 1805 году, распространяютъ ложные бюллетени арміи [1]). Но есть и нѣчто худшее, это—усиливающееся равнодушіе, результатъ сравнительнаго спокойствія, которымъ пользуются внутри страны, подавленія всякой мысли, всякаго слова;—привычка и необходимость во всемъ полагаться на императора, и при той неизвѣстности, въ которую погружаются, этотъ не дающій покоя вопросъ: куда онъ ведетъ насъ? Въ 1805 году ему нужны были только сорокъ восемь часовъ и хорошій вѣтерокъ, чтобы покончить дѣло, и съ тѣхъ поръ миръ отложенъ до банкротства Англіи, до коализаціи континента, составившаго заговоръ на его собственную погибель. «Нельзя дѣлать никакого сравненія,—сообщаетъ одинъ современникъ, прикомандированный къ интендантству великой арміи [2]),—между эффектомъ, произведеннымъ Іенской битвой, и энтузіазмомъ, вызваннымъ побѣдами при Маренго и Аустерлицѣ. Маренго спасло Францію, Аустерлицъ освятилъ утвержденіе имперіи и покрылъ славой націю. Война противъ Пруссіи была, по мнѣнію и убѣжденію всего свѣта, предпринята безъ нужды, изъ за желанія славы и завоеваній».

Такъ разсуждаютъ и фрондируютъ вокругъ самого императора, въ канцеляріи Таллейрана, въ бюро Дарю, въ главномъ штабѣ Бертье. Этотъ маршалъ осмѣливается однажды откровенно объясняться съ Наполеономъ: «Итакъ, вы были бы очень довольны посцать въ Сену?» отвѣчаетъ ему императоръ и поворачивается къ нему спиной. Въ неувѣренномъ тонѣ приказовъ, въ безсвязности движеній онъ открываетъ усталость, отчужденіе. Солдатъ онъ велъ слѣдующей иллюзіей: еще одинъ послѣдній ударъ и конецъ войнѣ; офицеровъ онъ велъ обѣщаніями, чинами, титулами, надѣлами. Всей завоеванной Европы скоро будетъ недо-

[1]) A Fouché, 3 décembre 1806.
[2]) Barante, t. I, p. 187, 189, 190, 198.—Pasquier, t. I, p. 393.

статочно для ихъ жадности, а если ихъ удовлетворить, они пожелаютъ жить, наслаждаясь. Мюратъ считаетъ себя какъ бы обокраденнымъ въ своемъ великомъ герцогствѣ Бергъ и открываетъ въ себѣ свойства Польскаго короля. Наполеонъ грубо призываетъ его къ порядку: «Дайте хорошенько почувствовать, что я не пришелъ выпрашивать тронъ для кого нибудь изъ своихъ; у меня нѣтъ недостатка въ тронахъ для моей семьи» [1]). Такъ за братьями выступитъ шуринъ, потомъ шуринъ брата; послѣ Іеронима, еще отбывающаго свой искусъ, Мюратъ, потомъ Бернадоттъ. Всѣ эти прежніе унтеръ-офицеры, пятнадцать лѣтъ тому назадъ бывшіе въ отставкѣ, только и мечтаютъ о королевскихъ коронахъ, взапуски съ нѣмецкими принцами, и такъ какъ аппетиты безграничны, то, чѣмъ щедрѣе Наполеонъ, тѣмъ больше недовольныхъ [2]). Они спрашиваютъ себя, куда ихъ ведутъ, когда остается только терять въ этой игрѣ, въ которой они до сихъ поръ такъ много выиграли. Наступило время беречь свою жизнь и пользоваться тѣмъ, что было получено въ даръ. «Звѣзда Наполеона начинаетъ меркнуть. Пришло время полууспѣховъ, неполныхъ тріумфовъ...»—«Развѣ императоръ знаетъ, что онъ будетъ дѣлать завтра?»—«Мы не увидимъ Парижа, развѣ только по возвращеніи изъ Китая». Вотъ ходячія словечки. Молодые еще пробавляются словами: «Геній императора выведетъ насъ изъ этого положенія». Его геній! Горькія, тревожныя слова срываются съ языка самыхъ благоразумныхъ, которые больше всего выставляютъ свои заслуги и дѣйствительно служатъ съ наибольшимъ усердіемъ. Разсказываютъ, что императоръ сбился съ пути, и что онъ могъ попасть въ руки русскому пикету. «Это, отправляясь изъ Берлина, онъ сбился съ пути», говоритъ Дарю. Люди хитрые, которые никогда не отдавали себя цѣликомъ, тайно приготовляются оставить его, прокладываютъ себѣ путь къ выходу. Таллейранъ, пользующійся, повидимому, полнымъ довѣріемъ своего господина, начинаетъ ускользать, не переставая повиноваться: онъ очень хорошо воспитанъ и весьма уменъ, онъ не станетъ гоняться за королевской короной, подобно Мюрату или Бернадотту, но онъ подготовляетъ свой завтрашній день. До того времени онъ боялся опасности битвы, опасности заговоровъ, и не былъ увѣренъ въ жизни императора. Такъ какъ императоръ живъ, то теперь онъ сомнѣвается въ успѣхѣ авантюры и въ прочности имперіи. Онъ думаетъ о томъ днѣ, быть можетъ, недалекомъ, когда изъ регента Европы нужно будетъ сдѣлаться «добрымъ европейцемъ». Онъ чуетъ поворотъ.

[1]) A Murat, 2 décembre 1806.

[2]) Посмотрите, напримѣръ, на Тьебо, постоянно фрондирующаго и недовольнаго въ своемъ управленіи Фульдой: дворецъ, штатъ прислуги, конюшня, 212,500 фр. дохода въ четыре мѣсяца. Thiébault, t. IV, p. 8, 9.

Наполеонъ поручаетъ ему очень тонкое дѣло,—такъ отпускать австрійцамъ угрозы и ласки, чтобы держать ихъ въ своихъ рукахъ. Таллейранъ всегда оказывалъ тайное предпочтеніе Австріи. Даже когда онъ работаетъ заодно съ Россіей, его мысли остаются въ Вѣнѣ, и онъ такъ устраивается что это должно быть замѣчено въ Вѣнѣ. Когда онъ приглашаетъ къ разоруженію ли, къ раздѣлу ли, то въ свои пропуски, въ свои умалчиванія, которыми онъ обрываетъ свои намеки и упреки, онъ умѣетъ внести нѣчто—не знаю какъ назвать его—смыслъ чего всегда таковъ:—Берегите себя и выжидайте; будемъ же беречь себя и выжидать!

«Я желаю мира съ Австріей, говоритъ императоръ... [1]) Я никогда не признавалъ раздѣла Польши, но, строго соблюдая трактаты, хотя я благосклонно отношусь къ возстанію въ Польшѣ прусской и русской, я ни въ чемъ не буду вмѣшиваться въ дѣла Польши австрійской...» Во всякомъ случаѣ, если это волнуетъ Австрію, если она желаетъ вступить въ соглашенія относительно Галиціи, и если прусская Силезія входитъ въ ея расчеты, то Андреосси можетъ вступить въ переговоры. «Я готовъ сдѣлать все, чего она желаетъ». Но вслѣдствіе тѣхъ сомнѣній, въ которыхъ находятся въ Вѣнѣ, какъ и вездѣ, относительно исхода войны,—избѣгаютъ отвѣчать. Подъ предлогомъ выразить почтеніе Наполеону, отправляютъ къ нему посланникомъ генерала Венсена, совсѣмъ какъ Андреосси, по меньшей мѣрѣ, въ такой же степени военнаго наблюдателя, какъ и дипломата. «Мнѣ нужно выиграть время, говоритъ Францъ II Поццо ди Борго... Мнѣ не хватаетъ многаго... Если я выскажусь, то я долженъ ожидать, что Наполеонъ обрушится на меня со всѣми силами. Я рискую быть раздавленнымъ, и тогда это было бы хуже для вашего государя... Говорю откровенно: я буду биться, какъ можно позже».

Стадіонъ медлитъ съ Андреосси въ Вѣнѣ. Венсенъ, пріѣхавшій 8 января, медлитъ съ Таллейраномъ въ Варшавѣ. Венсенъ устраняетъ въ принципѣ комбинацію раздѣла, тѣмъ не менѣе онъ соглашается подумать объ этомъ, относительно соотвѣтствующихъ по размѣрамъ частей, и такими частями для его двора являются Оршова и Бѣлградъ. Австрія ни въ какомъ случаѣ не позволитъ, чтобы эти два пункта попали въ русскія руки. Если бы она была увѣрена во французахъ, она заняла бы эти пункты. Впрочемъ, она цѣликомъ за миръ.

Эти мирныя заявленія не обманываютъ Наполеона, но до поры до времени онъ ими довольствуется. Онъ сохраняетъ право потянуть австрійцевъ за собой или пройти по ихъ тѣлу, и онъ ищетъ, внѣ ихъ предѣловъ, ту диверсію, въ которой они отказываютъ ему. Въ то же самое время

[1]) A Andréossy, 8 décembre 1807.

© ГПИБ

онъ дѣйствуетъ въ Константинополѣ, строя, какъ относительно Польши, двойную комбинацію: поддержать и обновить эту имперію, если турокъ хочетъ этого, и если эта имперія способна на это; раздѣлить ее и покончить дѣло аукціономъ, если турокъ отказывается отъ своего собственнаго спасенія. Имперія же эта кажется страшно раздираемой, расшатанной, надломленной со всѣхъ сторонъ, повсюду колебанія почвы указываютъ на подземный вулканъ. Христіанскіе народы пробуждаются. Независимость, по ихъ взглядамъ, это—прежде всего религіозная свобода. Націи вновь сплачиваются вокругъ Церкви, онѣ опять начинаютъ надѣяться жить. Это есть косвенное послѣдствіе французской революціи въ этихъ еще первобытныхъ странахъ. Во Франціи революція снимала колокола, а на христіанскомъ Востокѣ именно съ колоколенъ послѣдовалъ призывъ къ революціи. Вездѣ, гдѣ волнуется народъ, вожаки появляются словно изъ подъ земли, порою ими бываютъ турецкіе паши, по своему жадные до автономіи, готовые воспользоваться движеніемъ, какъ въ Германіи государи воспользовались реформаціей. Происходитъ одно изъ тѣхъ нестройныхъ возстаній народа, поповъ, начальниковъ клановъ, правителей провинцій, какія бывали на Западѣ, во время паденія имперіи Карла Великаго. Въ Болгаріи, боснякъ-мусульманинъ, Пасванъ-Оглу, старается возстановить старую болгарскую имперію и, въ ожиданіи событій, облекаетъ себя болгарской инвеститурой. Черногорцы, подъ властью владыки Петра I, вступаютъ въ союзъ съ русскими и побѣдоносно сражаются противъ турокъ. Партизаны подражаютъ имъ въ Греціи. Въ Албаніи, янинскій паша, Али, хочетъ возстановить королевство Эпиръ. Это—мусульманскій Пирръ. Мехметъ-Али объявляетъ себя возсоздателемъ Египта. Поднимается Сербія, разбиваетъ турокъ, и тотчасъ же въ ней начинаются междоусобія. Ея освободители Кара Георгій и Милошъ Обреновичъ,—свинопасы, какъ герои Гомера,—оспариваютъ ее другъ у друга, надѣясь, что союзъ съ Россіей возстановитъ великую Сербію.

Наполеонъ пытается заинтересовать общественное мнѣніе своими новыми планами, по крайней мѣрѣ, развлечь ими парижскіе умы во время зимнихъ тревогъ и молчанія бюллетеней, подобно тому, какъ онъ самъ развлекается своими соображеніями, на просторѣ въ Польшѣ. 29-го января 1807 года, «изъ варшавскаго императорскаго лагеря» онъ отправляетъ посланіе сенату, указывая въ немъ на опасность расширенія Россіи, на «панславизмъ», какъ сказали бы теперь. Въ сущности это торжественная газетная статья. Таллейранъ комментируетъ ее въ запискѣ, появившейся въ *Moniteur*'ѣ отъ 18 февраля, на другой день послѣ чтенія посланія въ сенатѣ, и Готривъ открываетъ кампанію въ прессѣ [1]).

[1]) Talleyrand à d'Hauterive, 31 janvier 1807. Vandal.

Потомъ слѣдуютъ дѣйствительныя мѣры. Наполеонъ узнаетъ, что Селимъ объявилъ войну Россіи, что онъ отправляетъ къ нему посланника, что одновременно съ нимъ прибываетъ персидскій посланникъ [1]). Наполеонъ видитъ себя распорядителемъ Востока: онъ волнуетъ его и вооружаетъ его. Онъ посылаетъ инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ въ Константинополь, въ Боснію, въ Болгарію, въ Скутари, ко всѣмъ воинственнымъ пашамъ, обѣщаетъ имъ патроны, порохъ, пушки, все, чего они потребуютъ. Онъ воображаетъ себѣ, какъ 60,000 турокъ, поддержанные 25,000 французовъ, которыхъ онъ послалъ бы въ Видинъ, загораживаютъ дорогу русскимъ и заставляютъ ихъ дать подкрѣпленіе Михельсону, ослабить себя въ Польшѣ... «Тогда, пишетъ онъ Мармону, вы вошли бы въ систему великой арміи, составили бы конецъ ея праваго крыла». И шахъ персидскій, усиленный 40,000 турокъ, доставленныхъ въ Испагань, составлялъ бы переднюю часть авангарда этой арміи: «Наши отношенія съ Персіей таковы, что мы могли бы двинуться на Индъ. Что когда-то было химерой, то становится теперь простымъ...» Онъ вооружаетъ два фрегата, которые будутъ отправлены въ Персидскій заливъ съ спеціальнымъ посланникомъ съ письмомъ къ шаху. Этотъ посланникъ—генералъ Гарданъ, который сумѣетъ понять, организовать и въ случаѣ нужды командовать. Письмо въ восточномъ стилѣ: «Я все подчинилъ своему оружію... Рокъ положилъ повязку на глаза твоихъ враговъ... Согласимся—съ Портой—и составимъ вѣчный союзъ. Для заключенія его ожидаю твоего посланника и посреди монхъ побѣдъ повторяю тебѣ свое увѣреніе въ моей любви» [2]). У него часто являлась мысль о морской диверсіи [3]). «Я желалъ бы, пишетъ онъ Декре, задать англичанамъ работу тамъ, гдѣ они не ждутъ: одна флотилія изъ Кадикса отправилась бы блокировать Мысъ Доброй Надежды, подвинулась бы до о. Иль де Франсъ, до Манильскихъ острововъ. Англичане отправились бы на розыски въ Ріо де Лаплату, въ Буэносъ-Айресъ. Два другіе флота вышли бы изъ Рошфора и Тулона. Устрашенные англичане пожелали бы защищать всѣ свои колоніи. Съ большими силами мы двинулись бы на испанскую Америку и, будучи тамъ въ превосходящемъ числѣ, разбили бы ихъ...»

Онъ спѣшилъ отомстить за Пултускъ. 29 января онъ пишетъ Камбасересу: «Я снялся со стоянки, чтобы воспользоваться хорошими замо-

[1]) A Selim, 20 janvier; à Talleyrand, à Marmont, 29 janvier 1807.

[2]) Это не тотъ „gros Gardanne“ „Gardanne le moustachu“ брюмера; это—другой, маленькій, сухопарый, тощій, но дѣятельный, Thiébault, t. IV, p. 429.

[3]) Au shah, 18 janvier; à Talleyrand, 29 janvier 1807.

[4]) A Decrès, 10 décembre 1806; 6 janvier 1807, développement; à Louis, 13, 15 décembre 1806.

розками и хорошей погодой, чтобы отбросить русскихъ за Нѣманъ... Нѣсколько дней уже термометръ держится между двумя и тремя градусами». «Зимою французы способны, думалъ онъ, на всякіе переходы...» [1]). Онъ думалъ, что это—зима Италіи, красивая зима Франціи, съ сухой землей, съ чистымъ небомъ, съ бодрящимъ воздухомъ, съ пріятнымъ, не высоко поднимающимся солнцемъ, веселящимъ природу. «Вся Европа имѣетъ тотъ же климатъ», сказалъ онъ разъ Малаховскому, когда погода казалась хорошей. «Мы очень желали бы этого, государь!» отвѣчалъ полякъ [2]).

Такая же стояла погода 5 февраля. Потомъ сразу подулъ вѣтеръ, и опять пошла польская зима: толстые хлопья снѣга, сметаемые бурею, громоздились рыхлыми валами на безконечной равнинѣ. Затѣмъ сразу оттепель, небо будто изъ воды, все таетъ, цѣлый потопъ грязи. 8-го февраля обѣ арміи встрѣтились у Эйлау. Происходитъ страшная толкотня въ вьюгѣ, ослѣпляющей глаза. Массы людей сталкиваются, напираютъ другъ на друга, истребляютъ другъ друга, исчезаютъ, словно корабли безъ руля. «Вдругъ снѣгъ пересталъ... Императоръ, окруженный своей конной гвардіей, не спускалъ глазъ съ какой-то черной плотной массы, которая двигалась впередъ. «Это русскіе!» закричали вокругъ него. «Это невозможно, они не осмѣлились бы!» Они осмѣлились. «Соберите всю, сколько есть, гвардейскую кавалерію, закричалъ Наполеонъ. Лучше потеряйте всѣхъ до послѣдняго, но не отступайте. Я одѣлъ ихъ въ золото не для того, чтобы они жили?» На землю, усѣянную мертвыми, спустилась ночь, замораживая раненыхъ, ослабляя муки агоніи. Наполеонъ, «усталый, неспокойный, подавленный», ждалъ дня, чтобы узнать, побѣдитель ли онъ, или побѣжденный. На аванпостахъ ничего не различали. Отовсюду приходитъ извѣстіе: «Непріятельскія массы удаляются въ туманъ...» Тогда онъ вздохнулъ свободно; но стало ясно, что и онъ въ свою очередь, подобно русскимъ, долженъ отступить. Онъ проѣзжаетъ по страшному, раздирающему душу, полю битвы [3]). Оставшіеся въ живыхъ вопили отъ холода, голода, отъ ужаса быть покинутыми. Вмѣсто «Да здравствуетъ императоръ!» Наполеонъ слышалъ крики: «Да здравствуетъ миръ и Франція!» и еще болѣе: «Хлѣба!» Потери русскихъ считали въ 30,000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя; но Наполеонъ со своей стороны потерялъ 20,000 человѣкъ, изъ которыхъ 3,000 мертвыхъ. Армія

[1]) A Joseph, 5 décembre 1806.

[2]) Barante, t. I, p. 211.—A Fouché, 8 janvier 1807.

[3]) См. картину Гро (Gros). «Она можетъ дать лишь слабое понятіе». Fezensac.

уменьшилась на 60,000, отставшихъ и мародеровъ [1]). Какъ отразился этотъ страшный неудавшійся ударъ на окраинахъ имперіи, всегда готовыхъ отслоиться? На турецкомъ и персидскомъ посланникахъ? Наконецъ на самомъ близкомъ и на самомъ опасномъ пунктѣ—на Австріи? Вечеромъ, на бивуакѣ, слышали, какъ Наполеонъ пробормоталъ: «Эхъ! если бы я былъ эрцгерцогомъ Карломъ!»

Онъ мало спалъ, одѣтый, даже не снимая сапоговъ. 9-го онъ пишетъ Таллейрану: «Я принимаю сдѣланное предложеніе начать переговоры, чтобы положить конецъ войнѣ... Не желая дѣлать затрудненія относительно мѣста, я предлагаю Мемель: я отправлю туда уполномоченныхъ, какъ только узнаю, что Пруссія и Россія отправили своихъ». 13-го онъ посылаетъ записку, насколько возможно любезную при ея лаконизмѣ, Фридриху-Вильгельму. Ее доставитъ Бертранъ. Онъ предлагаетъ миръ съ возстановленіемъ прусской монархіи до Эльбы съ условіемъ, чтобы Пруссія отдѣлилась отъ Россіи и Англіи. Въ своихъ рѣчахъ Бертранъ будетъ «кислъ и сладокъ» [2]). Онъ дастъ почувствовать силу руки, которая тяжело легла на Пруссію, и которая не поднимется, не сковавъ ея. «Онъ позволитъ догадаться, что касается Польши, что императоръ, узнавъ ее, не придаетъ ей никакой цѣны». Онъ скажетъ, что, въ виду необходимости установить барьеръ между Россіей и Франціей, какъ находитъ императоръ, это нужно, чтобы прусскій тронъ занималъ Бранденбургскій или какой нибудь другой домъ»; но онъ намекнетъ, что, если это будетъ прусскій домъ, «только самъ императоръ, по своей полной волѣ, возстановитъ его на тронѣ... Берлинскій тронъ не долженъ дольше оставаться вакантнымъ...»

Отступленіе началось 17 февраля. 22-го Наполеонъ остановился въ маленькомъ, безпомощномъ, опустошенномъ городкѣ Остероде, гдѣ онъ расположилъ свою главную квартиру [3]), болѣе убого обставивъ ее въ своей мнимой побѣдѣ и въ своемъ наступленіи, чѣмъ прусскій король въ Мемелѣ, въ своемъ бѣгствѣ и въ своемъ злополучіи. Онъ увидѣлъ, что побѣждать русскихъ не «дѣтская забава», какъ онъ недавно писалъ объ этомъ Камбасересу [4]). Пруссія готовила ему другой урокъ. Онъ считалъ ее обращенной въ ничтожество. «Люди терпятъ зло, когда къ нему не присоединяютъ

[1]) Thiers, t. VII, p. 397, note. Fournier, t. II. p. 156, note, онъ считаетъ эти цыфры черезчуръ малыми. «Не было ни одного полковника, который могъ бы сказать, сколько у него было въ бою». Barante, t. I, p. 222.—Napoléon à Joseph, 1 mars 1807: «Безъ вина, безъ водки, безъ хлѣба».—«Я самъ въ теченіе двухъ недѣль не снимать сапоговъ».

[2]) Instructions pour le général Bertrand, 13 février 1807.

[3]) Онъ останется здѣсь до 1-го апрѣля.

[4]) 16 novembre 1806.

оскорбленій, и когда враги государства не выставляютъ на видъ, что они нанесли ударъ!» [1]). Это онъ чувствовалъ самъ въ себѣ, это онъ видѣлъ на другихъ. Онъ никогда не хотѣлъ признать этого въ теперешнемъ случаѣ: и это была важная по своимъ послѣдствіямъ ошибка.

V.

Оккупація была суровая, хищническая, иногда жестокая, несмотря на искусную фискальную систему Дарю. Чрезмѣрное униженіе порождало глухія противодѣйствія, затѣмъ, то здѣсь, то тамъ возмущенія. Организовывались партизанскіе отряды; чиновники отказывались присягать; контрибуціи взносились съ большими затрудненіями. Несмотря на французскую цензуру и на ея пріемы быстрой расправы, распространялись патріотическіе листки, вызывая въ народѣ негодованіе, мысль о раздѣлѣ на подобіе польскаго,—о перемѣнѣ династіи, какъ въ Неаполѣ. Національное чувство сливалось у пруссаковъ съ привязанностью къ династіи. Они увидѣли, что они любятъ свою страну, поняли, что она въ опасности, какъ это наглядно показывали имъ бѣгство и несчастье королевской семьи. Король издаетъ крикъ отчаянія, послѣдній крикъ погибающаго государя. Онъ взываетъ къ народу. 1-го декабря Фридрихъ-Вильгельмъ выпустилъ свое первое обращеніе къ *націи* — о *независимости націи*, которую онъ отстаиваетъ. Онъ вызываетъ въ памяти Тридцатилѣтнюю войну. Онъ рѣшается на шагъ болѣе смѣлый, болѣе рѣдкій по своему достоинству, но также и болѣе дѣйствительный. Онъ указываетъ на язвы арміи, выставляетъ напоказъ позорный рядъ капитуляцій: недостойные вожди преданы публичному проклятію, безпощадно отставлены отъ должностей, отданы подъ военный судъ. Необходимо побѣдить или погибнуть, убить или быть убитымъ. Всѣмъ открыта дорога къ повышеніямъ, сдѣланъ призывъ къ унтеръ-офицерамъ. Эти рѣчи и эти мѣры напоминаютъ о Комитетѣ Общественнаго Спасенія на прусскій ладъ.

Теперь, какъ во Франціи въ апрѣлѣ 1793 года, во время большихъ несчастій, главнымъ вопросомъ было сохранить самое существованіе страны. Прежде чѣмъ реформировать государство, прежде чѣмъ совершить глубокую соціальную революцію, необходимость которой указывалась всеобщимъ разстройствомъ и распаденіемъ, важно было сохранить то, что еще оставалось, нужно было электрическимъ токомъ оживить парализованный организмъ, въ концѣ концовъ установить временное правительство, которое было бы сильно, такъ какъ искони установленное правительство уже не держалось. Оставался король, образъ государства. Обновители прусскаго

[1]) A Joseph, 14 avril 1807.

государства стараются около короля, даже именно въ его рукахъ, создать новую власть. Правленіе въ Пруссіи было существенно королевское: и изъ кризиса должно выйти королевское достоинство возрожденное, болѣе дѣятельное, болѣе могущественное. Взгляды, развитые Мирабо во Франціи, въ 1790 году [1]), ширины которыхъ не сумѣли понять ни Людовикъ XVI, ни окружавшіе его, эти взгляды, какимъ-то путемъ интуиціи, открылись государственнымъ людямъ Пруссіи: Штейну, Струэнзе, Гарденбергу въ правительствѣ, Шарнгорсту, Гнейзенау въ арміи, и они сходились въ мысли, что первымъ пунктомъ и первымъ принципомъ всякой реформы было поставить во главѣ государства короля, который бы правилъ съ компетентными и отвѣтственными министрами вмѣсто подначальныхъ наперсниковъ, несвѣдущихъ и неотвѣтственныхъ. Они принялись за работу, нападая на самый корень зла—на королевскій кабинетъ.

Мало еще извѣстный въ публикѣ, непризнанный при дворѣ, Штейнъ имѣлъ своихъ послѣдователей, и въ партіи реформъ онъ считался государственнымъ человѣкомъ, предназначеннымъ реформаторомъ. Съ такимъ титуломъ онъ былъ неудобенъ королю. Съ первой встрѣчи между этими двумя людьми,—министромъ, который долженъ былъ сдѣлать Фридриха-Вильгельма королемъ великаго царствованія, и Фридрихомъ-Вильгельмомъ, который долженъ былъ сдѣлать Штейна опальнымъ великаго министерства,—съ первой встрѣчи началась довольно странная игра, въ которой обнаружились характеры, въ такой степени противоположные, что они всегда оставались другъ другу непонятными и невыносимыми. Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ планы Штейна [2]). Онъ твердо хранилъ въ своей памяти сентябрьскую записку 1806 года, оппозиціонную программу, первымъ параграфомъ которой было уничтоженіе кабинета. Послѣ столькихъ капитуляцій, перенесенныхъ его войсками, эта капитуляція казалась ему самой тяжелой, ибо это была капитуляція его самолюбія. Совѣтники кабинета, Бейме, Ломбаръ, были его государственнымъ секретомъ, наперсниками его скрываемыхъ слабостей. Они нашептывали ему его собственныя поползновенія, чутьемъ понимали отвращеніе, которое онъ не высказывалъ, потворствовали его нерѣшительности, льстили его боязливой гордости, убѣждали его, что отъ него одного зависѣло спасеніе, и что для спасенія Пруссіи достаточно, чтобы онъ не стѣснялъ въ себѣ самомъ благодати прусской силы. Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ отдаваться только на половину, чтобы всюду была возможность повернуть назадъ. Таковъ онъ былъ со своими союзниками, одинаково и справа и

[1]) См. т. II, стр. 29 и сл.: планы Мирабо.
[2]) См. выше, стр. 39, 74, 81.

© ГПБ

слѣва, такимъ онъ казался со своими министрами. Общественное мнѣніе требовало, чтобы онъ принялъ Штейна: онъ взялъ бы его, но только его личность; реформатора онъ назначилъ бы въ совѣтъ, а его реформы оставилъ бы въ передней.

Онъ предлагаетъ Штейну министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ онъ расходовался бы на борьбу съ Наполеономъ. По отношенію къ Россіи, Австріи и Англіи онъ служилъ бы маской Гарденбергу. Штейнъ держался взглядовъ противоположныхъ взглядамъ короля. Постъ для него ничего не значилъ, реформа—все. Въ душѣ онъ былъ государственный человѣкъ. Онъ придавалъ капитальную важность слѣдующей предварительной реформѣ, изъ которой проистекали бы другія: совѣтъ министровъ, съ которымъ и посредствомъ котораго король управлялъ бы прямо, безъ посредничества кабинета. Онъ отказался отъ иностранныхъ дѣлъ. Бейме придумалъ выходъ: министры иностранныхъ дѣлъ, военный и внутреннихъ дѣлъ могли бы прямо сноситься съ королемъ, а для важныхъ дѣлъ составляли бы совѣтъ: совѣтникъ или кабинетный министръ участвовалъ бы въ засѣданіяхъ и велъ бы протоколы. На такихъ условіяхъ Штейнъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Рюхель военнымъ и Гарденбергъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. 14 декабря, Гарденбергъ далъ своимъ товарищамъ подписать записку, въ которой они отказывались допустить къ участію въ ихъ совѣтѣ кабинетскаго министра. Это значило извлечь короля изъ его святилища. Бейме самъ по себѣ былъ ничто, онъ становился всѣмъ въ этомъ кризисѣ, потому что онъ олицетворялъ самолюбіе короля. Штейнъ осмѣлился написать: [1]) «Личность Бейме подозрительна и непріятна петербургскому двору; онъ въ высшей степени ненавистенъ большой части общества. Удаливъ его, Его Величество опять завоевалъ бы себѣ довѣріе значительной части своихъ подданныхъ». «Что они... считаютъ меня дуракомъ? вспылилъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Не думаютъ ли они, что, если я принялъ одно рѣшеніе по убѣжденію, я позволю вліять на меня до такой степени, что моя собственная работа сведется на ничто?». Онъ утвердилъ совѣтъ, котораго онъ желалъ «по убѣжденію», говорилъ онъ—и секретаремъ этого совѣта сдѣлалъ Бейме, чего онъ требовалъ изъ упорства.

Такъ какъ Наполеонъ исключилъ Гарденберга, то Цастровъ получилъ иностранныя дѣла. Штейнъ, долженствовавшій сноситься съ этимъ министромъ, отказался на томъ основаніи, что совѣтъ министровъ еще не былъ составленъ. Штейнъ былъ имперскій баронъ, членъ бывшаго непосредственнаго имперскаго дворянства: онъ отличался свойственнымъ этому дворянству достоинствомъ, независимостью, гордостью, но также и щепетильностью. Эта щепетильность, очень нѣмецкая, у короля соединялась съ его природною недовѣрчивостію, которая заставляла его вездѣ подозрѣвать оскорбленія его королевскаго величества. Онъ вспылилъ и написалъ Штейну, 3 января 1807 года: «Я давно имѣлъ предубѣжденіе противъ васъ: считалъ васъ человѣкомъ полнымъ талантовъ, способнымъ, разсудительнымъ... но, къ моему великому огорченію, я долженъ сознаться, что вы по преимуществу чиновникъ—упрямый, любящій перечить, высокомѣрный, ослушный, возомнившій о своемъ геніи, о своихъ дарованіяхъ; который, не руководствуясь благомъ государства, слѣдуетъ только своимъ капризамъ, подчиняется только своимъ страстямъ, своимъ личнымъ ненависти и злобѣ, которыми онъ преисполненъ...» Штейнъ отвѣтилъ: «Такъ какъ я думаю вмѣстѣ съ вашимъ величествомъ, что подобные чиновники могутъ гибельно и опасно вліять на направленіе дѣлъ, то я прошу принять мою отставку». Фридрихъ-Вильгельмъ положилъ конецъ конфликту слѣдующими двумя строчками: «Такъ какъ господинъ баронъ фонъ-Штейнъ самъ о себѣ высказалъ сужденіе, то я ничего не имѣю прибавить». Штейнъ отправился на свою родину, въ Нассау, какъ только ему позволила это война.

Пруссіи пришлось довольствоваться въ этотъ трудный кризисъ двумя одинаково недостаточными, какъ одинъ, такъ и другой, людьми: Бейме, взявшимъ министерство внутреннихъ дѣлъ, и Цастровомъ, за которымъ осталось министерство иностранныхъ дѣлъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отправился въ Мемель, на русской границѣ. Онъ прибылъ туда 8 января 1807 года, а 28-го подписалъ миръ съ Англіей.

Сюда явился Бертранъ, 16 февраля. Битва при Эйлау возвратила нѣкоторую надежду пруссакамъ. Итакъ, Наполеонъ не былъ непобѣдимъ? Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ черезъ Гарденберга, что Бертранъ находился 10-го августа въ числѣ защитниковъ Людовика XVI, что онъ былъ человѣкъ вѣрный въ дѣлахъ и принадлежалъ къ хорошему обществу [1]). Онъ принялъ его безъ предубѣжденія. Бертранъ вручилъ ему письмо Наполеона и сказалъ ему краткую рѣчь, продиктованную Наполеономъ, которую онъ развилъ, быть можетъ, съ большею откровенностью, чѣмъ это допускали инструкціи, особенно относительно пункта о Польшѣ: «Императоръ, говорилъ онъ, убѣдился, что страна эта не должна существовать независимо. Онъ считалъ бы за честь ввести короля въ его владѣнія и въ его права...» Король отвѣчаетъ, что, будучи неразрывно связанъ съ Россіей, онъ долженъ прежде всего посовѣтоваться со своимъ союзникомъ, и на этомъ въ тотъ

[1]) 18 décembre 1806, въ письмѣ къ Шуленбургу, который выступилъ посредникомъ.

[1]) Précis relatif aux ouvertures du général Bertrand. Ranke t. V, p. 431 Fréderic-Guillaume à Napoléon, 16 fevrier 1807. T. III, p. 308.

же вечеръ отпустилъ Бертрана съ банальнымъ письмомъ въ отвѣтъ на письмо императора. Однако, такъ какъ Беннигсенъ выразилъ желаніе выиграть время, то полковникъ Клейстъ былъ отправленъ 17 числа къ Наполеону, подъ предлогомъ размѣна плѣнниками и безъ всякаго другого полномочія. Затѣмъ король держалъ совѣтъ.

Гарденбергъ, который, въ сущности, подъ рукой вершилъ всѣ дѣла, дѣлалъ заключеніе въ пользу войны до послѣдней крайности [1]). Отдѣльный миръ съ Франціей, говоритъ онъ, «былъ бы лишь непродолжительнымъ перемиріемъ. Онъ навсегда оторвалъ бы насъ отъ Россіи и разрушилъ бы всѣ надежды, какія мы можемъ имѣть на помощь Англіи... Пруссія, навсегда исключенная изъ числа независимыхъ державъ, сдѣлалась бы невольницей Наполеона». Хотя бы войскамъ пришлось оставить даже послѣднія провинціи монархіи,—это несчастье «вовсе не было бы рѣшительнымъ для великой цѣли... которой не слѣдуетъ терять изъ виду: разрушить силы Наполеона, поставить его въ такое положеніе, чтобы онъ не могъ оправиться, и въ тылу его устроить такія диверсіи, которыя помѣшали бы отступленію, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали бы его настолько труднымъ, чтобы онъ былъ принужденъ подписать миръ прочный и справедливый...». «Миръ, который не только возстановлялъ бы короля въ полной власти надъ всѣми его владѣніями, но который, освободивъ Германію отъ ига французовъ, прогналъ бы ихъ за Рейнъ...» Царь рѣшитъ это. Король написалъ ему объ этомъ 19-го, а на другой день отправилъ полковника Шёлера съ краткимъ перечнемъ предложеній Бертрана [2]). Королева присутствовала въ совѣтѣ, принявшемъ эти важныя рѣшенія. Она поддерживала Гарденберга жестами, взглядомъ и этимъ словомъ, сказаннымъ на ухо: *Твердость!* Гарденбергъ присоединилъ къ бумагамъ письмо къ Александру. Онъ находился въ прямой перепискѣ съ этимъ государемъ, будучи столько же министромъ царя при королѣ прусскомъ, сколько министромъ прусскаго короля при царѣ.

Свѣдѣнія, привезенныя Клейстомъ изъ его поѣздки въ главную французскую квартиру, могли только утвердить пруссаковъ въ ихъ рѣшеніи воевать до конца. Наполеонъ, въ самомъ дѣлѣ, находился въ затрудненіи. Онъ далъ Клейсту письмо для короля съ датой Остероде, 26 февраля: «Я желаю положить конецъ несчастьямъ вашего дома и вашего народа и быстро реорганизовать прусскую монархію... Я желаю мира съ Россіей... Не менѣе необходимъ миръ съ Англіей». Онъ согласился бы на конгрессъ, но конгрессъ могъ тянуться восемнадцать лѣтъ. И онъ торопилъ Прус-

[1]) Mémoire de Hardenberg, 19 février 1807. Ranke, t. V, p. 432.

[2]) Le roi au tsar, 19 février 1807. Bailleu.—Hardenberg au tsar, 19 février. 1807. Ranke.

сію начать дѣло, подписавъ свой отдѣльный миръ. Комментаріи Клейста были еще болѣе знаменательны [1]).

Клейстъ наблюдалъ солдатъ, разговаривалъ съ офицерами, слышалъ ихъ упреки другъ другу, подмѣчалъ характерныя выраженія. Ней упрекаетъ императора, осуждаетъ его поведеніе подъ Эйлау: «Его горячность, вотъ причина, почему эта битва не окончилась блистательно. Онъ слишкомъ подвигался впередъ... небольшими отрядами...» и т. п. 24-го февраля Клейстъ былъ принятъ императоромъ, который держалъ его болѣе двухъ часовъ и говорилъ почти все время. Сквозь эту «болтовню» онъ произвелъ на Клейста впечатлѣніе человѣка, «душа котораго была страшно взволнована, что, дѣлая его разсѣяннымъ, заставляло его часто повторять одно и то же». Онъ настаиваетъ на мирѣ, предлагаетъ перемиріе: онъ ушелъ бы на лѣвую сторону Вислы, а русскіе на правый берегъ Нѣмана. Потомъ онъ грозитъ, разсыпается «хвастовствомъ»: если Пруссія откажется вступить въ переговоры, онъ дастъ русскимъ битву, которая рѣшитъ судьбу Европы; онъ организуетъ Пруссію по своему желанію... «Я рѣшилъ воевать еще десять лѣтъ. Мнѣ только тридцать семь лѣтъ. Я состарился въ строю и битвахъ».

Гарденбергъ повысилъ тонъ. Фридрихъ-Вильгельмъ началъ провидѣть спасеніе. Нужно было заставить его пожелать средствъ для спасенія. Это было заслугой Гарденберга подвинуть его на это, но онъ достигъ этого, лишь пользуясь отраженными дѣйствіями внѣшней политики. Немногія реформы, принятыя королемъ, обнаруживали тенденцію усиливать его правительство внѣ страны, и онъ уступалъ одной только неотложной необходимости. Гарденбергъ вручилъ ему 3 марта важную записку общаго характера. Во внѣшнихъ дѣлахъ это—основа всѣхъ комбинацій, которыя въ силу обстоятельствъ Пруссія должна была принимать одну за другою: соглашеніе съ Англіей, Швеціей, Австріей; антифранцузская реакція въ Германіи: полная вѣра въ Россію; согласіе между военными русскими властями и прусскими гражданскими. Для выполненія этого плана нужно, чтобы Пруссія возродилась внутри, путемъ соціальнаго лѣченія; нужно: возбудить глубокій патріотическій энтузіазмъ, реформировать финансы, администрацію, реформировать армію, и прежде всего нужно единство власти. Внутреннія и внѣшнія дѣла нужно вести совмѣстно. Пока Штейнъ войдетъ въ милость, или пока король сдѣлаетъ другой выборъ, Гарденбергъ предлагаетъ быть министромъ иностранныхъ дѣлъ и временно взять министерство внутреннихъ дѣлъ. Онъ заключалъ, какъ заключали всѣ предшествовавшія записки: уничтожить кабинетъ и уволить Бейме.

[1]) Rapport de Kleist, 2 mars 1807. Bailleu, t. II. en français.

Король не сдавался. Принять эту систему, это значило бы отдать себя въ опеку, на англійскій ладъ, какъ Георгъ III во время Питта. Онъ ограничился смѣшанной комбинаціей,—временнымъ правительствомъ, въ которомъ онъ могъ бы соединять людей, самыхъ противоположныхъ, сторонника мира и соглашенія съ Франціей, Цастрова, и сторонника войны на смерть, сторонника русскаго союза, Гарденберга, но безъ портфеля. Бейме продолжалъ приходить для докладовъ. Пока онъ докладывалъ въ совѣтѣ, собственно говоря, не было бы никакого совѣта, и Фридрихъ-Вильгельмъ еще чувствовалъ бы себя королемъ. Именно это и происходитъ. «Утромъ собирались у короля, сообщаетъ Гарденбергъ... Читали назначенныя для подписи наиболѣе важныя бумаги по внѣшнимъ дѣламъ; но никакого общаго обсужденія... Король расхаживалъ вдоль и поперекъ. Разговаривали. Потомъ каждый шелъ къ себѣ и дѣйствовалъ въ своемъ департаментѣ по своему усмотрѣнію. Что касается меня, то мнѣ нечего было дѣлать, такъ какъ у меня не было никакого спеціальнаго вѣдомства..»

Онъ терпѣлъ, разсчитывая на обстоятельства, на время и больше всего на вліяніе Александра, чтобы преодолѣть отвращеніе короля и успокоить его самолюбіе. Дѣйствительно Александръ возвѣстилъ о своемъ близкомъ визитѣ и послалъ королю утѣшающее письмо. Съ петербургской датой отъ 4 марта, письмо это, очень секретное, повторяло даже самые термины изъ письма короля относительно *великой цѣли*. Александръ прибавлялъ: «Я согласенъ съ вами, государь, что для укрѣпленія великаго дѣла всеобщаго мира нужно не только, чтобы ваше величество были возстановлены въ полномъ владѣніи своими землями, но чтобы Германія была освобождена отъ ига французовъ, и чтобы они были изгнаны за Рейнъ». Онъ подводитъ свои войска; онъ снова начнетъ войну съ силами «болѣе внушительными, чѣмъ когда бы то ни было». Бонапартъ, миссіей Бертрана, выдалъ «очень критическое положеніе», въ которомъ находился... «Намъ удалось остановить потокъ, которому, казалось, ничто не должно было противиться». Онъ пойдетъ на него въ атаку съ фронта; уцѣлѣвшіе пруссаки будутъ угрожать его флангамъ, какъ въ 1805 году. Кромѣ того подумываютъ опять пустить въ дѣйствіе машину диверсій и заговоровъ во Франціи. Строгоновъ переписывается объ этомъ съ Александромъ: отъ Наполеона удастся отдѣлаться, только нанесши ударъ въ самое сердце Франціи: «Самый незначительный успѣхъ тамъ произвелъ бы громадную реакцію». Онъ совѣтуетъ «отправить сейчасъ же предложеніе генералу Моро прибыть въ Европу, присутствовать на военныхъ операціяхъ корпуса, назначеннаго возстановить короля», предпринять къ

французскимъ берегамъ экспедицію съ 50,000 человѣкъ подъ личнымъ командованіемъ царя [1]).

VI.

Наполеонъ никогда не могъ освободиться отъ чувства этой опасности: примѣры 1793 и 1799 года всегда давили его мысль, и именно этимъ нужно объяснять его комбинаціи, неустойчивыя и безграничныя, какъ грозившее ему нашествіе. Всѣ свои уловки онъ направилъ противъ Россіи. Россія подвигалась впередъ. Еще одинъ разъ подумалъ онъ объ отдѣленіи Пруссіи отъ ея союзницы, этой раздираемой Пруссіи, которую волокли по землѣ, и которая уцѣпилась за русскихъ. Австрія продолжала вооружаться, двусмысленная, грозящая отрѣзать отступленіе, прервать сношенія, остановить рекрутъ, помѣшать собиранію провіанта. Онъ разсчитывалъ на диверсію турокъ: Себастіани укрѣпилъ Дарданеллы, построилъ батареи; но 326,000 человѣкъ турецкой арміи существовали только на бумагѣ [2]).

Наполеонъ развертывалъ въ своемъ воображеніи планы; потомъ, поразмысливъ, сейчасъ же отвергалъ ихъ. 6 марта онъ думалъ отправить въ Молдавію Массену съ 30,000 человѣкъ, чтобы они соединились съ 40,000 Мармона. Онъ прибавилъ бы къ нимъ 15,000 поляковъ. Онъ «прикрылъ бы Константинополь», или «очистилъ бы Дунай». Но не рисковалъ ли онъ ослабить себя, и, разбросавъ свои силы, чтобы надѣлать хлопотъ русскимъ, не сыграетъ ли онъ въ руку непріятелямъ? Онъ пишетъ Таллейрану [3]): «Задержите оттоманскаго посланника въ Варшавѣ еще на нѣкоторое время... пусть онъ обождетъ меня въ Варшавѣ...».

Мало по малу въ его умѣ возникаетъ и укрѣпляется такая мысль: вмѣсто того, чтобы упорствовать изъ за этого трупа —Пруссіи—и съ упрямствомъ держаться мысли объ ея отдѣленіи отъ Россіи,—пойти прямо къ русскимъ и, протянувъ имъ руку, увести ихъ отъ прусаковъ; вмѣсто того, чтобы терять свои силы съ Австріей, то любезничая съ ней, то угрожая ей,—привлечь ее къ новому союзу, къ контръ-коаліціи; и, если она откажется, тогда, имѣя на своей сторонѣ Россію и уничтоживъ Пруссію, обрушиться на Австрію и сокрушить ее [4]). Или еще такъ: если Россія будетъ упрямиться,—сдѣлать золотой мостъ Австріи.

---

[1]) Strogonof à Alexandre, 25 mais 1807. Grand-duc Nicolas.

[2]) Talleyrand à l'empereur, 4 mars 1807. Nouvelles de Constantinople jusqu'au 30 janvier. Bertrand.

[3]) A Talleyrand, 6 mars 1807.

[4]) A Talleyrand, 9 mars.—Message au Sénat, 20 mars 1807.

Ибо ему нужна союзница. Комитетъ Общественнаго Спасенія, директорія обольщали себя надеждою на прусскій союзъ. Эта химера исчезла. Австрію или Россію, онъ изберетъ изъ нихъ болѣе сговорчивую въ дѣлѣ заключенія союза, менѣе упрямую. «Все это кончится, пишетъ онъ Таллейрану 9 марта, системой союза между Франціей и Австріей или между Франціей и Россіей; вѣдь спокойствіе народовъ, въ которомъ они такъ всѣ нуждаются, возможно только при этомъ союзѣ... Я нѣсколько разъ предлагалъ его Австріи, я предлагаю его ей еще разъ». Чего они хотятъ? Пусть Таллейранъ напишетъ объ этомъ Андреосси; пусть онъ поговоритъ объ этомъ съ Венсеномъ.

Въ этой послѣдней системѣ сохраненіе Турціи составляло бы существенный элементъ. Но Наполеонъ получаетъ отъ Таллейрана, изъ Варшавы, бюллетень за 7 и 8 марта, сообщающій константинопольскія новости по 10 февраля. Диванъ поддается. Приближается грозный англійскій флотъ, поддерживаемый, быть можетъ, четырнадцатью русскими кораблями. Султанъ дрожитъ за свой дворецъ, за свой гаремъ, за свои корабли, которые стоили такъ дорого. Наполеонъ далеко, англичане уже тамъ. Имъ овладѣваетъ страхъ, умы склоняются къ миру. Посланникъ въ Варшавѣ имѣетъ полномочіе заключить миръ, но онъ принимаетъ помощь лишь подъ условіемъ, что французскія войска придутъ изъ Польши и остановятся въ Молдавіи и Валахіи; если же они войдутъ въ Далмацію, то онъ не ручается за спокойствіе въ странѣ. Словомъ, «иностранныя войска, даже французскія, прикрывая Константинополь, доставили бы больше страха, чѣмъ удовольствія».—«Объ этомъ больше не будетъ вопроса», тотчасъ же написалъ императоръ [1]).

Этотъ отказъ турокъ бросаетъ его къ Россіи. Умирающій не принимаетъ ни лѣкарствъ, ни докторовъ, Пусть онъ умираетъ, какъ хочетъ. Легче столкуются относительно его наслѣдства, чѣмъ относительно его болѣзни. «Очень желая мира съ Австріей, я думаю, что союзъ съ Россіей былъ бы очень выгоденъ, если бы онъ не былъ чѣмъ-то причудливымъ, и если бы въ этомъ можно было положиться на русскій дворъ». Итакъ онъ терялъ терпѣніе. Обращаясь назадъ къ предложеніямъ, не доведеннымъ до конца въ 1801 году, вслѣдствіе смерти Павла, къ не удавшимся комбинаціямъ въ 1806 году съ Убрилемъ, онъ высказывается публично этотъ разъ и съ обязательствами: «Мы готовы, пишетъ онъ сенату 20 марта, заключить съ Россіей договоръ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя были подписаны ея агентомъ, и которыя вслѣдствіе интригъ Англіи она принуждена была отвергнуть. Мы готовы дать этимъ

[1]) A Talleyrand, 11 mars 1807.

восьми милліонамъ жителей, завоеваннымъ нашими войсками, спокойствіе и прусскому королю его столицу...».

Но чего можно было ожидать отъ такого рода союзовъ, заключавшихся вслѣдствіе ультиматумовъ, получавшихся благодаря побѣдамъ, объявленныхъ до войны, продиктованныхъ послѣ битвы, отъ союзовъ, походившихъ на капитуляціи: это—для великой имперіи политическая поддержка, равноцѣнная ея поддержкамъ военнымъ,—плѣнникамъ, которыхъ заставляютъ насильно служить въ войскахъ, и которые превращаютъ въ заступниковъ имперіи тѣхъ государей, которые вчера вооружились для ея уничтоженія? Какая цѣна этимъ трактатамъ? Они не стоятъ даже того пергамента, на которомъ написаны, того сургуча, изъ котораго приложены къ нимъ печати! Сила принудила принять ихъ, они существуютъ, пока давитъ эта сила. Они вытекаютъ изъ этой силы, они не увеличиваютъ ея, и зависть, существовавшая до битвы, соединяется съ злопамятствомъ пораженія или униженія, чтобы разъѣдать эти фиктивные союзы.

Въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ могъ достигнуть союза съ Россіей только путемъ пораженія Россіи. Прежде чѣмъ принудить Александра воевать противъ своей политики, сначала нужно было заставить его отказаться отъ этой политики. «Вѣроятно, пишетъ Наполеонъ въ самый моментъ принятія этихъ плановъ, что черезъ мѣсяцъ я нанесу русскимъ пораженіе... Наступаетъ хорошая погода». Но, чтобы располагать этой побѣдой, онъ долженъ былъ раньше обезпечить себя относительно Австріи. А между тѣмъ эту побѣду онъ уже учелъ для того, чтобы распоряжаться этой самой Австріей. Армія Мармона и та, которую онъ недавно думалъ послать подъ начальствомъ Массены въ Молдавію, могли бы стремительно повернуть на Вѣну. «Я имѣю въ Италіи 80,000 человѣкъ... Отъ сего дня къ 1-му мая я буду ихъ имѣть 50,000. Эти силы достаточно внушительны для Австріи. Для противодѣйствія имъ она должна имѣть по меньшей мѣрѣ 120,000 человѣкъ, что требуетъ громадныхъ приготовленій и издержекъ». Онъ работалъ надъ огромными цифрами; дѣлалъ на бумагѣ грозные смотры: 140,000 человѣкъ, сбереженныхъ во Франціи, 80,000 набранныхъ по конскрипціи 1808 г., десять резервныхъ легіоновъ, составленныхъ изъ новобранцевъ для защиты береговъ; арміями (?) Бретанской и Нормандской можно свободно располагать и доставить въ Баварію 40,000 человѣкъ въ одинъ мѣсяцъ; да 100,000 человѣкъ въ Италіи и въ Далмаціи, и, такимъ образомъ поддержанная и усиленная, великая армія, расположенная на квартирахъ въ Польшѣ: «Было бы настоящимъ безуміемъ со стороны Австріи сдѣлаться театромъ войны... Русскіе позволили бы разгромить ее, какъ они позволили разгромить Пруссію» [1]).

[1]) A Talleyrand, 12 mars 1807.

Австрія имѣла только одинъ планъ и очень хитрый: жить, сохранять себя цѣлою, приготовляться къ событіямъ; предоставить русскимъ и французамъ взаимно уничтожать себя: помѣшать Наполеону революціонировать Галицію; помѣшать русскимъ завоевать Молдавію и Валахію; когда приближался бы миръ, предложить посредничество, которое сдѣлало бы ее судьей и сразу бы подняло императорскій домъ и имперію, упавшіе въ 1806 году. 18 марта Венсенъ по секрету сообщаетъ Таллейрану, что его дворъ расположенъ къ переговорамъ, что Мервельдъ дѣлаетъ такое же предложеніе въ Петербургѣ. 7 апрѣля Венсенъ официально предлагаетъ посредничество. Наполеонъ понялъ этотъ маневръ и не болѣе позволилъ провести себя, какъ и шесть лѣтъ спустя, въ 1813 году. Если Австрія искренна, то пусть она докажетъ это разоруженіемъ. Добрыя услуги, это—хорошо; но пусть разоружится. «Такъ какъ я по природѣ очень подозрителенъ, то во всемъ, что дѣлаетъ Россія, я могу видѣть лишь первую приманку, чтобы вовлечь Австрію въ коалицію [1]); вотъ почему я хочу, чтобы Австрія не вооружалась».—«Слѣдовало бы, чтобы австрійскій домъ любилъ насъ... принималъ близко къ сердцу наши успѣхи Я не совсѣмъ понимаю, что значитъ въ политикѣ—любить. Да и какъ даже требовать, чтобы радовались росту великой державы, которая въ прошломъ году держала въ своихъ рукахъ Вѣну?» Онъ принимаетъ *дружеское вмѣшательство* [2]), опасаясь мирнаго посредничества, очень легко могущаго перейти въ «вооруженное посредничество», оправдывающее вооруженія. Но онъ дѣлаетъ это только для публики. «На вмѣшательство Австріи въ это дѣло я смотрю какъ на несчастье. Я отозвался на это, такъ какъ я не хотѣлъ дать никакого повода въ настоящій моментъ. Нужно быть осмотрительнымъ.., выжидать, не давать никакихъ обязательствъ...» [3]). Въ сущности онъ очень тревожился, какъ бы Австрія не поставила его въ большую опасность, если бы она, вмѣсто того, чтобы дожидаться пораженія Наполеона русскими и тогда вмѣшаться съ оружіемъ въ рукахъ, рѣшительно посодѣйствовала бы этому пораженію своимъ вмѣшательствомъ.

Такимъ образомъ, онъ дошелъ до Нѣмана, онъ прошелъ по тѣлу Пруссіи, чтобы нанести ударъ Россіи, и вотъ онъ принужденъ предложить поднять Пруссію. Онъ пустился на эти крайнія мѣры, чтобы нанести ударъ Россіи и обуздать ее, и вотъ онъ принужденъ предложить

[1]) Что дѣйствительно и случилось въ 1813 г. во время переговоровъ, предшествовавшихъ рейхенбахской конвенціи 27-го іюня. A Talleyrand, 20 et 26 mars 1807.

[2]) A Talleyrand, 14 avril.—Note du 16 avril 1807.

[3]) A Talleyrand, 23 avril; 24 juin, rétrospective.

ей союзъ, и онъ долженъ обращаться съ Австріей мягко, долженъ щадить ее. Итакъ, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ Іены, онъ оказывается въ той опасности, въ которой видѣлъ себя восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, наканунѣ Аустерлица; въ опасности еще болѣе грозной, ибо въ этотъ промежутокъ времени онъ впервые испыталъ двѣ неудачи: далъ одну битву безъ результата и отступилъ послѣ другой. Его престижъ поддался, тотъ престижъ, который сдержалъ Пруссію въ 1805 году, привелъ Австрію въ оцѣпенѣніе, обратилъ русскихъ въ бѣгство. Коалиція! Онъ предчувствуетъ ее въ упорствѣ Пруссіи, въ сопротивленіи Россіи, въ двусмысленномъ поведеніи Австріи. Всѣ отказываютъ въ мирѣ и тайно сближаются. Они вступятъ въ коалицію, если онъ, стремительно бросившись на русскихъ, не разрушитъ эту возрождающуюся коалицію. Весна почиститъ почву, откроетъ войскамъ дороги, но она запоздала, эта мокрая весна послѣ грязной зимы.

Наполеонъ покинулъ остеродскія лачуги. Въ замкѣ Финкенштейна онъ нашелъ замокъ въ стилѣ того времени, богатый и удобный, съ роскошью, съ самой цѣнной для него роскошью—съ французскими каминами, гдѣ видите вспыхивающее пламя, гдѣ слышите потрескиваніе огня [1]). Онъ устраивается тамъ 1-го апрѣля. Чтобы скоротать время, его умъ, всегда занятый комбинаціями, открываетъ удивительные пути на востокъ. Это напоминаетъ помѣщика, который зимою, когда пройдетъ сезонъ охоты, намѣчаетъ аллеи, ставитъ вѣхи, рубитъ лѣсъ, дѣлаетъ просѣки, чтобы открыть горизонтъ, и строитъ широкія перспективы въ ожиданіи лѣтнихъ дней.

Изъ Константинополя онъ получаетъ извѣстія о защитѣ Дарданельскихъ укрѣпленій, организованной Себастіани, объ отплытіи англійскаго флота [2]). Англичане хотѣли нагнать страхъ; это имъ не удалось. Они отправятся въ Египетъ искать утѣшенія отъ этой непріятности. Наполеонъ повторяетъ Селиму свои увѣщанія, обѣщаетъ ему диверсію; отправляетъ офицеровъ; подбадриваетъ пашей; посылаетъ инженернаго офицера къ Мустафа-пашѣ въ Рущукъ; Мерьяжъ находится въ Видинѣ, гдѣ онъ дѣйствуетъ противъ русскихъ. Императоръ приказываетъ Камбасересу хвастать въ Парижѣ всѣми этими дѣлами въ Турціи: «Я мчусь въ Варшаву, гдѣ буду завтра. Останусь тамъ два дня, чтобы дать аудіенцію посланникамъ персидскому и турецкому» [3]).

Но объ этой Персіи, въ которой онъ усматриваетъ пользу въ будущемъ, онъ почти ничего не знаетъ о ней. «Какой договоръ заключать съ

[1]) A l'Impératrice, à Dara. 2 avril 1807. Driault, ch. III et IV.

[2]) Lettre à Talleyrand, 29 mars, 1-er, 4 avril; nouvelles jusqu'au 3 mars 1807.

[3]) A Talleyrand, 3, 5, avril; à Cambacérès, 4 avril; à Selim, 3, 7 avril 1807.

Персіей? Какъ вы хотите, чтобы я отвѣчалъ на этотъ вопросъ, когда вы еще не представили мнѣ записки Жобера, которая объяснила бы мнѣ, что такое Персія?» Онъ торопитъ Гардана. Этотъ агентъ изучитъ «характеръ препятствій, предстоящихъ французской арміи въ 40,000 человѣкъ, которая должна отправиться на Великую Индію, и которой будутъ содѣйствовать Персія и Порта; она всздѣ будетъ дѣйствовать противъ англичанъ; будетъ сноситься съ Иль де Франсомъ...» Въ ожиданіи экспедиціи на Индію, онъ замышляетъ диверсію противъ русскихъ: онъ отправитъ 4,000 человѣкъ для присоединенія къ 80,000 конницы, которыхъ весьма неосновательно онъ предполагаетъ въ войскѣ персовъ... [1]).

Наконецъ: онъ занимается трактатомъ. Таллейранъ, вызванный въ Финкенштейнъ, привозитъ съ собой персидскаго посланника, и трактатъ былъ подписанъ 4 мая [2]). Наполеонъ гарантируетъ цѣлость персидской территоріи; онъ сдѣлаетъ всѣ усилія, чтобы заставить Россію возвратить Грузію Персіи; онъ доставитъ пушки, офицеровъ-инструкторовъ; шахъ порветъ съ Англіей, будетъ конфисковать англійскіе товары, постарается поднять противъ англичанъ афганцевъ и прочія племена Кандагара. «Если бы его величество императоръ французскій вознамѣрился послать сухопутьемъ армію для атаки англійскихъ владѣній въ Индіи, то его величество шахъ персидскій позволитъ пройти по своей территоріи...» Гардану были даны новыя соотвѣтствующія инструкціи: онъ вступитъ въ сношенія съ махраттами, будетъ заботиться о союзахъ... [3]). Декре получаетъ приказъ вооружить для отплытія въ море въ двадцать четыре часа, въ виду «самыхъ далекихъ миссій», двадцать девять кораблей, которые выйдутъ изъ всѣхъ портовъ Франціи. Голландія снарядитъ семь кораблей. Они должны быть готовы въ сентябрѣ для всякаго рода предпріятій, даже для похода въ Индію...». Громадныя и химерическія комбинаціи, вторичное выступленіе которыхъ на сцену мы увидимъ зимой 1808 г. Это не только соглашеніе съ Александромъ, которое онъ замышляетъ, это закваска русскаго союза съ его романомъ и со всѣми его разочарованіями.

Во Франціи надо учитывать будущіе наборы. надо дѣлать призывы раньше времени, какъ будто коалиція уже напирала на границу. «Въ слѣдующемъ году будетъ миръ, если же его не будетъ, то конскрипція 1808 года дастъ рекрутъ для моей арміи, а конскрипція 1809 года

[1]) A Talleyrand, 3, 13, 14 mars, au shah, 14 mars; à Talleyrand, 12 avril; à Decrès, 22 avril; lettres de Talleyrand, 28 février 1807.—Méneval, t. II, p. 94.

[2]) De Clercq, t. II. p. 201.

[3]) Instructions pour le général Gardane, 10 mai 1807.—Méneval, t. II. p. 94, 133.—A Decrès, 22 avril 1807.

дастъ мнѣ резервы». — Новобранцы восемнадцати лѣтъ! Извѣстіе о новой неудачѣ, и вотъ вся Франція растерялась. И все это отразится на внѣшнихъ дѣлахъ: «Пустячная перемѣна въ общественномъ мнѣніи обо мнѣ во Франціи, малѣйшее противорѣчіе, и нѣсколько державъ будутъ противъ насъ» [1]). Все скомбинировано такъ, что всякая часть поддерживаетъ другую, но ни одна не держится сама собою—*mole suâ stat.*— Напротивъ, все дрожитъ, все накренивается, все трещитъ при порывѣ вѣтра, и въ случаѣ тревоги самой горшей заботой будетъ смотрѣть за тѣми, которые сами обязаны наблюдать за другими, скрытый заговоръ передъ Маренго, Аустерлицемъ готовъ повториться: правда, Таллейранъ ведетъ переговоры въ Варшавѣ; но Фушѐ остается въ Парижѣ, и достаточно его одного, чтобы взволновать имперію, которую ему поручено держать въ порядкѣ.

Между тѣмъ надо продовольствовать армію; устрашать Пруссію [2]); эксплоатировать Польшу; наблюдать за Австріей; управлять великой имперіей; развлекать Францію; сдерживать общественное мнѣніе; обуздывать смутьяновъ; контролировать полицію, посылать французскія подкрѣпленія во всѣ страны, которыя были завоеваны съ тою цѣлью, чтобы онѣ служили оплотами для Франціи, и для которыхъ Франція должна служить подпорой; надо воодушевлять Іосифа, который кричитъ: «Миръ во что бы то ни стало!» который требуетъ денегъ и солдатъ [3]); надо вразумлять Людовика, который играетъ въ короля, возстановляетъ дворянство, учреждаетъ подобіе рыцарскаго ордена, слабо соблюдаетъ блокаду и изъ своей супружеской ипохондріи дѣлаетъ европейскій вопросъ [4]); надо подчинить папу; надо взнуздать Испанію и удалить изъ нея ея войска:—дѣла всей Европы, планы, обнимающіе весь міръ. Наполеонъ находитъ возможность заниматься сплетнями и прекратить передвиженія г-жи де Сталь: «Эта женщина настоящій воронъ. Она думала, что уже наступила буря, и она стала наслаждаться интригами и безумными поступками. Пусть она убирается на свой Леманъ» [5]). Сила духа, ничѣмъ непоколебимая смѣлость наканунѣ рискованной ставки на жизнь и смерть; пылкое воображеніе,

[1]) A Cambacérès, 10 avril 1807.—Cf. message au Sénat, 20 mars 1807.

[2]) Voir la lettre à Clarke, 21 février 1807. Dans Lecestre et dans Norvins, t. II, p. 183, 320, необычайная исторія легіона морскихъ разбойниковъ, возобновленіе проектовъ дирекгоріи насчетъ высадки въ Уэльсѣ. См. т. V, стр. 41—42.

[3]) Joseph à Napoléon 29 mars: «Votre Majesté doit faire la paix a tout prix».—Napoléon à Joseph 1-er mars 1807: отказъ въ деньгахъ, посылка 6000 ч.

[4]) A Cambacérès, 18, 23, 25 mars; à Louis, 23, 31 mars 1807.

[5]) A Cambacérès, 26 mars; à Fouché, 18 avril 1807.

уносящееся въ будущее, строя чудесные планы; мѣщанская щепетильность, приходящая въ волненіе отъ болтовни женщины; военный смотръ въ Польшѣ съ персидскимъ посланникомъ, который запыхался, слѣдуя за неровно идущимъ императоромъ, мѣситъ грязь, волочитъ по ней свое шитое золотомъ платье, вязнетъ въ грязи со своими туфлями; смѣсь величія и шарлатанства; точность въ мѣропріятіяхъ, химеричность въ проектахъ, тревога и воля, колебаніе относительно средствъ, постоянство въ намѣченной цѣли:—вотъ что представляетъ собою это тревожное время, эта лихорадочная весна въ Финкенштейнѣ, отъ апрѣля по іюнь 1807 г.

VII.

Количество плѣнныхъ и дезертировъ—особенно не французовъ по происхожденію—находившихся въ русскомъ лагерѣ, фронда маршаловъ противъ Наполеона, упорные слухи о заговорахъ, съ которыми слѣдователи продолжаютъ связывать такія имена, какъ Бернадоттъ и Массена [1]),—укрѣпляютъ то мнѣніе, что, тревожа Наполеона на окраинахъ его имперіи, отъ Неаполя до Флессингена, волнуя Италію и Германію, напирая на великую армію, они, въ концѣ концовъ, прорвутъ ее; что, по крайней мѣрѣ, они могутъ утомить, извести французовъ, а тѣ, въ свою очередь, сдѣлаются для Наполеона тягостными, опасными, и что Франція, такъ сказать, зайдетъ ему въ тылъ [2]).

Александръ явился въ Мемель 2 апрѣля и былъ принятъ королевской четой какъ другъ семьи и спаситель государства. Переходя отъ интимныхъ разговоровъ съ королевой Луизой въ гостиной за чаемъ, который она собственноручно приготовляетъ ему, къ кабинетнымъ бесѣдамъ съ Гарденбергомъ о секретахъ союза, съ Фюлемъ о движеніи войскъ, съ англичаниномъ Гютчинсономъ о субсидіяхъ; переходя отъ прогулокъ верхомъ,

[1]) Когда одинъ изъ обвиняемыхъ по дѣлу Аше, Лефебръ, назвалъ ихъ въ концѣ 1807 года, то полиція сочла лучшимъ задержать доносъ. Lenôtre, *Tournebut*.

[2]) «Въ перехваченномъ письмѣ одного изъ генераловъ говорится, что французы принуждены ѣсть конину, пишетъ Румянцевъ. Звѣзда Наполеона остановилась, вмѣсто того, чтобы продолжать страшное и опустошительное движеніе кометы, чѣмъ она была раньше... Эта война сдѣлается войной, то есть, обыкновенной войной, которая при равныхъ шансахъ, будетъ во сто разъ разорительнѣе и труднѣе для французовъ, чѣмъ для насъ. Они кончатъ тѣмъ, надѣюсь я, что будутъ трезво смотрѣть на современнаго Карла Великаго, которому, положительно, не достаетъ благоразумія, отличавшаго его предшественника». Румянцевъ къ Ришелье. Апрѣль 1807. *Русское Историческое Общество*, бумаги Ришелье.

отъ сантиментальнаго кокетничанья къ смотрамъ прусскихъ баталіоновъ, разстроенныхъ и изнуренныхъ, Александръ на этомъ сѣромъ печальномъ мемельскомъ фонѣ является, въ своемъ ореолѣ, какъ то именно лицо на театральной сценѣ, какимъ онъ самъ себѣ рисовалъ себя: соединеніемъ короля королей гомеровской эпохи и легендарнаго рыцаря съ лебедемъ, евангелистомъ и дипломатомъ, возстановителемъ права, просвѣтителемъ народовъ, утѣшителемъ рыдающихъ жертвъ, защитникомъ государей, скорбящихъ по своимъ коронамъ, бѣгущихъ изъ своихъ королевствъ.

Гарденбергъ былъ тогда для него всѣмъ. Александръ всегда будетъ искать у своихъ друзей и союзниковъ такихъ министровъ-приспѣшниковъ, стоящихъ за союзъ. Одинъ моментъ онъ будетъ надѣяться, что во Франціи будетъ такимъ Таллейранъ, а позже Ришелье. Гарденбергъ представляетъ ему одну памятную записку за другой. Планы, которые онъ вырабатываетъ, это тѣ самые планы, которые будутъ возобновлены въ Парижѣ и въ Вѣнѣ въ 1814 году: перестройка Европы четвернымъ союзомъ: Россіей, Пруссіей, Австріей, Англіей. «Нужно, чтобы *четыре* державы смотрѣли на себя какъ на опекуновъ Европы, потому что было бы невозможно совѣщаться со всѣми заинтересованными сторонами или выжидать ихъ согласія, не рискуя полной неудачей...» [1]). — «Это можетъ обезпечить прочный порядокъ вещей и гарантировать владѣнія въ будущемъ». Одинъ изъ весьма интересныхъ параграфовъ этихъ предложеній 1807 г., это — окончательный отказъ отъ Священной имперіи и мысль продолжать Рейнскую конфедерацію Наполеона, направивъ ее противъ Франціи. «Германская имперія не можетъ быть возстановлена такою, какою она была. Это было бы самою неблагоразумною мѣрою и новымъ источникомъ несчастій. Нужна федерація сильная [2]) и прежде всего способная противостоять французскому могуществу. Главами ея пусть будутъ Австрія и Пруссія... Пусть она будетъ поставлена подъ защиту Россіи и Англіи» [3]).—«Война съ Франціей. Главная цѣль... Обладаніе Рейномъ въ соединеніи съ соперничествомъ, которое къ несчастью раздѣлило интересы Пруссіи и Австріи, дали Франціи рѣшительное превосходство надъ этими двумя государствами... Минимальная задача, какую можно бы поставить себѣ, это—заставить французовъ уйти за Рейнъ, не вмѣшиваться болѣе въ дѣла Германіи...». *Минимальная задача*: дѣйствительно, было бы

[1]) Вѣдь это—самый духъ вѣнскаго конгресса. Protocole 23 septembre 1814. Martens, t. III.

[2]) «Дать этой имперіи военное устройство». Note du 11 avril 1807.

[3]) Mémoire du 7 avril 1807. Сравните у Онкена ноты и проекты Гарденберга касательно возстановленія Германіи въ 1813 и 1814 гг.

дерзостью и совсѣмъ не дипломатичной притязательностью ставить въ Мемелѣ условіемъ: отбросить Францію въ ея старыя границы, какъ то дѣлали въ Потсдамѣ передъ Аустерлицемъ, между тѣмъ какъ теперь не было ни Пруссіи, ни прусской арміи [1]). Но ясно, что, если въ Мемелѣ, когда Наполеонъ владѣетъ Варшавой, держитъ Вислу, идетъ на Нѣманъ, ставятъ себѣ *минимальной* задачей отбросить французовъ за Рейнъ, требованія возрастутъ, когда ихъ будутъ формулировать на Одерѣ, на Эльбѣ, на самомъ Рейнѣ. Именно для того, чтобы противодѣйствовать этому постоянному плану союзниковъ, Наполеонъ—этапъ за этапомъ—пришелъ на Вислу, и именно въ виду этого плана союзники желали прогонять его съ позиціи на позицію [2]). Австрія «поставитъ скомбинированную русскую и прусскую армію въ такое состояніе, что онѣ будутъ способны броситься за Одеръ...» Англія будетъ составлять государственный банкъ и департаментъ субсидій [3]).

14 апрѣля, Гютчинсонъ получилъ извѣстіе о составленіи новаго министерства—министерства Питта, но безъ самого Питта, а изъ его сотрудниковъ, съ его страстями, съ его континентальной политикой: вокругъ стараго герцога Портландскаго были: Гоксбюри, Кэстльри, Каннингъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ,—имена, дававшія право на надежду. Созрѣлъ союзъ, ядро будущей коалиціи. Русскіе и прусскіе уполномоченные собрались въ Бартенштейнѣ, главной квартирѣ Беннигсена, и трактатъ былъ подписанъ 26 апрѣля [5]).

Самъ по себѣ этотъ трактатъ только летучій листокъ. Война унесетъ его въ нѣсколько недѣль, но онъ получаетъ особую важность, если его сравнивать съ трактатомъ 1805 года [6]) и если поставить его въ

---

[1]) См. т. VI, стр. 399. договоры въ ноябрѣ 1805 г.

[2]) «Что дѣлаютъ австрійцы?» писалъ Беннигсенъ 13 іюня 1807 г. «Лишь бы они захотѣли этого, и этотъ человѣкъ—авантюристъ Бонапартъ—скоро будетъ приконченъ, и эрцгерцогъ Карлъ—этотъ великій человѣкъ — можетъ нанести ему послѣдній ударъ».

[3]) Société d'histoire de Russie, t. 89: correspondances de 1807 et 1808.

[4]) Hutchinson à Hardenberg, 14 avril 1807.

[5]) Texte et commentaire dans Martens, t. VI, p. 406.—Comp. les traités de Kalisch, Russie et Prusse. 28 février 1813. Reichenbach, Russie, Autriche. Prusse, 27 juin 1813. Martens, t. VII et t. II.

[6]) См. т. VI, стр. 341.

Въ 1805 г. Россія, Австрія, Англія связаны; нужно завлечь Пруссію, чтобы связать *четырехъ*, и она связывается въ тайнѣ Потсдамской деклараціей 3 ноября 1805 г.; въ 1807 и 1813 гг. Россія и Пруссія связаны, онѣ связываютъ себя съ Англіей, теперь нужно привязать къ себѣ Австрію: она связываетъ себя тайнымъ соглашеніемъ 27 іюня.

связь съ трактатами 1813 года: въ немъ вырисовываются въ ихъ взаимной связи постоянные виды Европы, благодаря которымъ всѣ коалиціи, начиная съ коалиціи 1793 года и кончая коалиціей 1813 года, представляютъ одну и ту же комбинацію въ виду одного того же дѣла, намѣченнаго въ 1792 году [1]) и выполненнаго въ 1814 году.

«Такъ какъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ основаній независимости Европы оказывается независимость Германіи, то въ высшей степени важно обезпечить, какъ слѣдуетъ, эту независимость и подумать о средствахъ достигнуть этого тѣмъ старательнѣе, что они стали чрезвычайно нелегки съ того времени, какъ Франція начала распоряжаться Рейномъ и наступательными пунктами на этой рѣкѣ. Нельзя ни оставить Рейнскую лигу подъ вліяніемъ или, вѣрнѣе, подъ суверенитетомъ Франціи, ни позволить французскимъ войскамъ продолжать оккупацію Германіи». Въ виду этого, союзники создадутъ въ Германіи конституціонную федерацію. Они пригласятъ Австрію и Англію присоединиться къ союзу. Они потребуютъ вознагражденія принцу Оранскому «въ томъ случаѣ, если не будутъ сдѣланы большіе успѣхи, позволяющіе возстановить этого принца штатгальтеромъ Соединенныхъ провинцій».—«По отношенію къ Италіи будутъ сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и желаніями Австріи и Англіи...» Сдѣлаютъ все возможное для королей Сардинскаго и Неаполитанскаго. Во всякомъ случаѣ корона Италіи будетъ отдѣлена отъ короны французской. Прусскій король и русскій императоръ «обязываются не дѣлать во время войны никакихъ пріобрѣтеній на континентѣ ради своихъ собственныхъ расчетовъ». Эта утопическая декларація, по отношенію къ нарождающемуся священному союзу, представляла нѣчто аналогичное пресловутымъ параграфамъ учредительнаго собранія,—обѣщаніе не предпринимать никакой войны, *съ цѣлью* дѣлать завоеванія [2]). Такое рѣшеніе не дѣлать никакихъ пріобрѣтеній *во время войны* не содержало въ себѣ отреченія отъ справедливыхъ вознагражденій *послѣ* войны, при помощи «освобожденныхъ» земель. Фактъ, что въ апрѣлѣ 1807 года Пруссія желала лишь завоевать снова самое себя. Гарденбергъ желалъ бы особо оговорить, что это всеобъемлющее безкорыстіе распространится и на Турцію, но Александръ воспротивился: война, которую онъ велъ съ турками, была *иная*, чѣмъ та, которую предстояло вести противъ Наполеона, и, слѣдовательно, она не подходила подъ отказъ отъ завоеваній.

Король и королева прусскіе возвратились въ Кенигсбергъ. Александръ отправился въ Тильзитъ. Онъ оставилъ Пруссію плѣненною, короля подъ

---

[1]) См. т. II, стр. 201, 202, 235, 407, 408.

[2]) См. т. II, стр. 72, 84.—Т. IV, стр. 329, 330.

обаяніемъ престижа, королеву подъ вліяніемъ чаръ [1]). Онъ оставилъ Гарденберга—и это было политическимъ актомъ—облеченнаго своего рода диктатурой [2]). Государи обнимались, но народы не братались. Русскіе въ той части Пруссіи, гдѣ они стояли на квартирахъ, будили воспоминанія о страшныхъ посѣщеніяхъ прежняго времени, больше вызывая страха въ качествѣ союзниковъ, чѣмъ французы въ качествѣ враговъ. Гарденбергъ жаловался Беннигсену, который ничему не внималъ; онъ жаловался на него царю [3]). «Всѣ спрашиваютъ, какъ возможно, чтобы государь, почитающійся образцомъ гуманности... могъ позволять безчисленныя обиды, которыя, разоряя страну его союзника... подвергаютъ опасности существованіе и честь самой арміи...» [4]).

Александръ торопилъ Австрію, которая бездѣйствовала. Круземаркъ былъ посланъ въ Лондонъ для переговоровъ о субсидіяхъ. Гарденбергъ рекомендовалъ его герцогу Іоркскому письмомъ, про которое можно было бы подумать, что оно написано въ 1813 г. [5]). «Ваше высочество... Вы посодѣйствуете спасенію цивилизованнаго міра отъ рабства... Это—послѣдній актъ великой драмы... Изгнать изъ политики недовѣріе и искусство обманывать, установить полное взаимное довѣріе... ускорить совершенное согласіе... Вмѣсто медленности, нерѣшительности, несвязности... поставить быстроту, энергію, настойчивость и благоразумно скомбинированные планы...».

На берлинскій декретъ Англія отвѣтила *приказомъ* отъ 7 января 1807 года, объявлявшимъ блокаду всѣхъ портовъ Франціи и ея коло-

[1]) См. письмо ея къ Александру 14 мая 1807 г., исполненное такого наивнаго и трогательнаго восторга, что оно, вполнѣ естественное на нѣмецкомъ языкѣ, становится напыщеннымъ, *будучи переведено* на французскій. «Простите добрый, дорогой, несравненный кузенъ... а особенно, прежде всего будьте весьма снисходительны... какое божественное письмо вы мнѣ написали!.. Нужно знать васъ, чтобы вѣровать въ совершенство... Все, о чемъ я прошу васъ, это—не сжигайте этого письма, оно такъ хорошо показываетъ вамъ, какъ я люблю васъ! До тѣхъ поръ, пока я сама буду доброй, пока буду любить добродѣтель, я буду также привязана къ вамъ всѣми чувствами, которыя привязываютъ меня къ самому Провидѣнію». Въ другомъ письмѣ 10 іюня, по поводу Наполеона: «Это чудовище нашло средство разлучить, разорвать самыя невинныя отношенія; и на меня, какъ и на многія другія жертвы, оно простираетъ власть своей желѣзной руки...». Bailleu.

[2]) Hardenberg au roi; le roi à Hardenberg, Beyme à Hardenberg, 27 avril, 2 mai; Hardenberg à Schroetter, 31 mai 1807. Ranke.

[3]) Au Tsar, 17 mai 1807. Ranke, t. V, p. 506.

[4]) Dépêches à Rasoumowsky, 25 avril, 5 mai 1807. Martens, t. IV, p. 507.—Alexandre à François II, 4 mai 1807. Beer.

[5]) Hardenberg à Jacobi, 23 mai; au duc d'York, 24 mai 1807. Ranke.

ній [1]). Но вмѣсто того, чтобы послать морскую помощь, дессантъ въ Германію, на Балтійское побережье, гдѣ ихъ требовали, въ Голландію, гдѣ ихъ опасался Наполеонъ, англійскіе министры отправили ихъ въ Буэносъ-Айресъ, гдѣ можно было отнять у испанцевъ [2]) прекрасную колонію, и въ Египетъ, гдѣ они надѣялись задушить въ зародышѣ движенія Мегмета Али. Они потерпѣли тамъ неудачу и возвратились въ довольно жалкомъ состояніи. Однако они отклонили предложеніе Александра относительно займа. Ихъ довѣріе къ Россіи было очень поколеблено; несмотря на всю оживленную работу Антрэга, жившаго съ той поры въ Лондонѣ эмигрантомъ, коалиція находила, что англичане относились къ ней недовѣрчиво, въ особенности скупились на фунты стерлинговъ. Это не значитъ, что въ публикѣ утихли страсти, или что новый кабинетъ относится къ этому болѣе глухо, чѣмъ предшествовавшій. Совсѣмъ наоборотъ. Выборы совершились при старинномъ боевомъ кличѣ: «*Долой папизмъ! Англія въ опасности!* Никогда не было у власти министерства болѣе воинственно настроеннаго и болѣе антифранцузскаго, чѣмъ Каннингъ и Кэстльри, но они были изъ тѣхъ англичанъ, которые смотрѣли на морскую войну какъ на хорошее предпріятіе, а на преждевременный миръ какъ на дурную операцію. Миръ, подписанный ими, былъ бы выгодный миръ: Франція, отброшенная въ старыя границы. Они не желали работать ни для Россіи, ни для Пруссіи; не хотѣли ни помочь Россіи завладѣть княжествами, ни помочь Пруссіи занять прежнее положеніе въ Германіи. Между тѣмъ энергичной блокадой они устраняли нейтральныхъ, уничтожали всякую торговую конкуренцію, обезпечивали за собой верховную власть надъ морями. Когда Каннингу предложили пристать къ Бартенштейнскому трактату, онъ отвѣтилъ, что проектъ реорганизовать Германію и изъ сѣвера сдѣлать конфедерацію подъ главенствомъ прусскаго короля «доставилъ бы этому государю военное преобладаніе, которое очень походило бы на деспотизмъ Наполеона надъ Рейнской федераціей, и сдѣлалъ бы и государей и федеральныя государства вассалами его прусскаго величества...» Они отказались присоединиться. Имъ хотѣлось привлечь одну Австрію, но она оставалась неподвижною [3]). Они медлили съ займами и торговались изъ-за субсидій; только въ іюнѣ согласились на небольшую сумму, едва достаточную, чтобы помочь нуждамъ одной только Пруссіи, и на посылку одного корпуса въ 5—6,000 че-

[1]) Lumbroso, p. 117, 125 et suiv.

[2]) Marquis de Sassenay, *Napoléon 1-er et la fondation de la République argentine.*

[3]) Instructions à Paget, milieu de mai 1807.—*Notes de Malmesbury.*

© ЛИТБ

ловѣкъ въ Померанію. «Помощь столь же запоздалая, какъ и недостаточная», заявилъ потомъ Александръ. Они боялись и непостоянства въ этомъ государѣ, и неожиданностей войны и быстрыхъ ударовъ Наполеона.

Наполеонъ еще разъ воспользовался этимъ, чтобы убить коалицію въ самомъ ея зародышѣ и чтобы спасти себя, какъ это дѣлала Франція четыре раза въ 1792, въ 1794, въ 1799— 1800, въ 1805 году. Онъ инстинктивно старался раздѣлять все, что стремилось къ объединенію, держа ихъ въ розни, по крайней мѣрѣ, столько времени, сколько ему было нужно, чтобы поразить тѣхъ, которые были вооружены, и повергнуть въ прахъ другихъ. 28 мая онъ принялъ турецкаго посланника. Это былъ очень большой формалистъ и человѣкъ боязливый. Наполеонъ объявилъ, «что онъ и султанъ Селимъ были съ тѣхъ поръ не раздѣлимы, какъ правая рука не раздѣлима съ лѣвой»; но онъ присоединилъ къ этому, что, если Турція не выступитъ въ нужное время, непремѣнно произойдетъ то, что миръ съ Россіей будетъ заключенъ безъ Порты [1]). То же самое съ поляками: «Не говорить о независимости Польши, замѣчалъ онъ по поводу отчета о положеніи дѣлъ; пропустить все, что имѣетъ тенденцію представить императора освободителемъ, ибо онъ никогда не высказывался по этому предмету» [2]). Такимъ образомъ, въ немъ крѣпла мысль вступить въ переговоры съ Россіей и величественно предложить ей союзъ, предварительно доведя ее до необходимости просить мира. Русскіе принуждены были снять осаду Измаила и уйти изъ Валахіи. Данцигъ капитулировалъ [3]). Наступала весна. Это былъ моментъ возобновить кампанію и покончить съ ней одной битвой.

Побѣда будетъ, въ этомъ онъ не сомнѣвается, и онъ знаетъ, что нужно сдѣлать, чтобы достигнуть ея. Но что же рѣшитъ эта побѣда, отъ которой должно все зависѣть? Вотъ о чемъ онъ тщетно спрашиваетъ исторію, опытъ, когда въ туманѣ неизвѣстнаго, неопредѣленнаго его ясный, жаждущій ясности геній теряется. Онъ теряетъ точку зрѣнія, подобно моряку, который видитъ, какъ убѣгаетъ передъ нимъ линія горизонта съ тѣмъ большею скоростью и тѣмъ дальше, чѣмъ дальше хватаетъ его взоръ, и чѣмъ прозрачнѣе воздухъ. Какъ это не походитъ на итальянскую войну, войну его молодости, войну съ смѣлыми и точными движеніями, съ неожиданными и дѣйственными вдохновенными пріемами, съ небольшими районами битвы, съ незначительными дѣйствіями, за которыми слѣдовали большіе результаты. Война, повидимому, отдаетъ Европу

[1]) Méneval, t. II.- *Bulletin* LXXVII, 29 mai 1807.
[2]) Notes sur un projet d'exposé. 18 mars; ordre du 24 avril 1807.
[3]) *Bulletin* du 29 mai, 1807.

въ его руки; а миръ отнимаетъ ее у него. Это — рокъ: Европа существуетъ, хотя и угнетенная и побѣжденная. Наполеонъ разбиваетъ арміи, упраздняетъ государства; онъ не уничтожаетъ народовъ, которые продолжаютъ существовать: его трактаты суть лишь чернильныя линіи на географическихъ картахъ, они не измѣнили ни природы вещей, ни природы людей; замѣнены только вчерашнія карты, и сегодняшнія будутъ замѣнены завтра.

Такъ идетъ онъ шагами великана по этому полю гипербол, на которое выступила Франція въ планахъ съ 1792 года, фактически съ 1795 года, чтобы побѣдой заставить принять миръ, единственнымъ послѣдствіемъ котораго будетъ новая война,—такой миръ, что, благодаря побѣдѣ, скоро не будутъ знать, какъ его предписать. Какая-то торжественность, наполняющая въ эти дни его корреспонденцію, показываетъ въ Наполеонѣ возбужденіе, то здѣсь, то тамъ, какую-то тягостную озабоченность, вопросительные взгляды, бросаемые на облака, которыя безпрестанно исчезаютъ и вновь появляются, расходясь въ стороны лишь на мигъ, открывая неподвижныя и нѣмыя звѣзды. Когда наступило время бросать жребій, онъ опечалился. Онъ узнаетъ о смерти маленькаго Наполеона, сына Людовика и Гортензіи, котораго онъ очень любилъ и желалъ сдѣлать наслѣдникомъ имперіи. Ему становится жутко. Онъ подавляетъ въ себѣ горе сердца и становится неспокоенъ духомъ. «Они моложе, говоритъ онъ о Людовикѣ и Гортензіи, они меньше думаютъ о непрочности вещей въ этомъ мірѣ!» [1]). Онъ пишетъ словно императоръ въ какой нибудь трагедіи, какъ императоръ Корнеля, какимъ онъ желаетъ быть, но инстинктъ возмущается, мститъ за человѣческую натуру этимъ людямъ, которые ставятъ себя выше человѣчества. Во время этихъ приступовъ тоски въ Наполеонѣ вдругъ сказалась душа народа, народа его родныхъ горъ, и за отсутствіемъ потерянной христіанской вѣры или недостаточнаго языческаго стоицизма [2]) въ немъ бродитъ суевѣріе. Не по соображеніямъ только политики—ибо такое открытое выраженіе озабоченности противорѣчитъ его систематически-упорной оптимистической политикѣ — пишетъ онъ епископамъ, 28 мая, такое странное письмо, настоящій бюллетень-проповѣдь:

[1]) A Fouché, 20 mai 1807.
[2]) Я всюду носилъ съ собою свою бродячую муку, я мечталъ объ имперіи, и шаръ земной издавалъ звукъ полого тѣла въ моей рукѣ.

Je promenais partout ma peine vagabonde;
J'avais rêvé l'empire, et la boule du monde
En ma main sonnait creux!
Théophile Gautier, *la Comédie de la mort.*

Соберите мой народъ, чтобы возблагодарить «Бога воинствъ» за побѣду при Эйлау: чтобы молить Его «чтобы онъ благоволилъ и впредь покровительствовать нашему оружію». Въ концѣ письма приписка: «Пусть они помолятся также, чтобы кабинетъ, преслѣдующій нашу святую религію, точно такъ же какъ всегда враждебно относящійся къ нашему народу, пересталъ воздѣйствовать на континентальные кабинеты, и чтобы прочный и славный миръ, достойный насъ и нашего великаго народа, утѣшилъ человѣчество...» Въ тотъ же самый день онъ пишетъ одному изъ царствующихъ надъ еретиками королей, такому же врагу «святой религіи» французскихъ епископовъ, какъ Каннингъ и Кэстльри,—Людовику, королю голландскому: «Вы прикажете вознести молитвы во всѣхъ храмахъ объ успѣхахъ нашего оружія...» 6 іюня возобновились враждебныя дѣйствія. Онъ пишетъ Фуше: «Часто посѣщайте императрицу, чтобы помѣшать доходить до нея дурнымъ извѣстіямъ. Черезъ восемь дней по полученіи вами этого письма все будетъ кончено». Онъ назначилъ себѣ больше времени, чѣмъ сколько было ему нужно. Черезъ восемь дней послѣ написанія этого письма, подъ Фридландомъ, 14 іюня, въ годовщину Маренго, онъ раздавилъ русскую армію, и *все было покончено* съ этой арміей, какъ послѣ Маренго съ австрійской, какъ послѣ Аустерлица съ австро-русской, какъ послѣ Іены съ пруссаками!... [1]). Дѣйствительно, на нѣкоторое время русская армія не принималась въ соображеніе. Сколько нужно было Россіи мѣсяцевъ и недѣль, чтобы оправиться, чтобы привлечь Австрію, поднять Пруссію, снова склонить на свою сторону англичанъ? Весь вопросъ былъ въ этомъ. Другихъ вопросовъ не было, и все остальное должно было представлять картины авансцены и интермедію.

ГЛАВА III.
Русскій союзъ 1807 г.
I.

Наполеонъ трубилъ о своей побѣдѣ на всю Европу [2]). «Русская армія такъ раздавлена и разбита, какъ никогда не была раздавлена и разбита австрійская... Русское самохвальство унижено, они признаютъ себя

[1]) A Joséphine, 15 juin; à Joseph, 20 juin 1807; «Эта битва столь же рѣшительна, какъ и битвы при Аустерлицѣ, Маренго и Іенѣ».

[2]) Сочиненіе: Oncken, *Oesterreich und Preussen;* Bernhardi, *Russie*; Botta, *Italie*, Baumgarten, *Espagne*; comte Murat, *Murat*; Grandmaison, *Espagne*; Frédéric Masson, *Joséphine répudiée*, Treitschke; Hüffer, *Lombard*; Lèvy-Brühl. *Allemagne*; Bonnefons, *Frédéric-Auguste;* Ernest Daudet, *Bourbons et Russie*; Pingaud, *Français en Russie.—Mémoires* de Gourgaud, Paulin, comte de Bray, comtesse de Voss, Moriolles, Barante, Castellane, Talleyrand, Pasquier, Roederer, M-me de Rémusat, Méneval.

побѣжденными; имъ причиненъ страшный вредъ... Мои орлы водружены на Нѣманѣ...» Успѣхъ вызываетъ въ немъ иронію въ духѣ Вольтера; онъ пишетъ Камбасересу: «Вы пѣли Te Deum... въ тотъ самый моментъ, когда я выигрывалъ сраженіе». И Фуше: «Вы видѣли, что ваши молитвы были услышаны» [1]). Но онъ хорошо зналъ, что послѣ Маренго ему былъ нуженъ Гогенлинденъ; послѣ Аустерлица—война съ Пруссіей, послѣ Іены—Эйлау и Фридландъ. Онъ хорошо зналъ, что русскіе не были уничтожены, что они оправятся, что придутъ другіе. «Въ моей памяти, сообщаетъ одинъ очевидецъ [2]), живо сохранилось представленіе о той страшной силѣ, которую послѣ этого ожесточеннаго боя еще имѣли въ себѣ эти темныя массы русскихъ, удалявшихся въ полумракѣ подъ канонадой нашей артиллеріи... Живо помнится это истребленіе въ багровыхъ сумеркахъ, это новое для насъ явленіе: биться и побѣдить слишкомъ поздно!» Побѣждать значитъ идти впередъ, говорилось обыкновенно. Наполеонъ подошелъ къ такому положенію, что использовать до конца выигранную побѣду значитъ потерять ее [3]). Ему нуженъ былъ миръ; его требовала армія. Онъ опасался посредничества Австріи; конгресса, на которомъ разсѣялись бы впечатлѣнія Фридланда, который далъ бы врагамъ время собраться. Онъ рѣшилъ упредить это посредничество и остановился на рѣшеніи, надъ которымъ думалъ въ послѣднія недѣли: покинуть Турцію и Польшу, протянуть руку Александру.

Александръ идетъ къ нему навстрѣчу. Въ Тильзитѣ его догналъ курьеръ Беннигсена, который самъ описывалъ ему пораженіе какъ полный разгромъ: «войска не могли держаться, оставили поле битвы, въ безпорядкѣ бѣжали». Вокругъ Александра только и слышны упреки по адресу Пруссіи, этого тайнаго врага, этой презрѣнной державы, которая сумѣла только поставить русскихъ въ опасное положеніе: русскіе интересы не въ Голландіи и не въ Неаполѣ, они на Дунаѣ, и имъ грозитъ опасность. «Невозможно было, пишетъ одинъ русскій, вести войну, какъ мы ее вели... Ничего не предвидѣли, ничего не заготовили, недостатокъ въ генералахъ, никакого единства мѣръ». И одинъ очевидецъ, отмѣчавшій характерные разговоры, писалъ: «Офицеры всѣхъ степеней... громко проклинаютъ эту войну, объявляютъ себя совершенно разбитыми, отчаиваются въ возможности хоть на шагъ подвинуться впередъ и говорятъ всякому желающему слушать, что, *во что бы то ни*

[1]) A Cambacérès, 19, 22 juin; à Fouché 19 et 26 juin 1807.

[2]) *Mémoires du général Paulin*, p. 70—75.

[3]) Voir la lettre de Joseph de Maistre à Saint-Real, 10 juillet 1807. Lettres et opuscules, t. I.

стало, нужно заключить миръ». Прибавьте къ этому постоянно грозящіе заговоры. Недовольные порицаютъ императора и противополагаютъ ему вѣроятнаго наслѣдника, великаго князя Константина, «его патріотизмъ, его благородство...» Всѣ передаютъ другъ другу странныя слова, сказанныя этимъ княземъ своему брату: «Что армія желаетъ мира, и что онъ долженъ вспоминать объ участи своего отца...» [1]) Лишь немногіе старые русскіе ссылались на былые опыты, на характеръ своей націи, можно бы сказать на характеръ своей земли, и предчувствовали будущее: «Что такое можетъ заставить императора желать мира? Не опасеніе ли, что Бонапартъ вступитъ въ Россію? Это было бы именно то, чего слѣдовало желать. Бонапартъ оказался бы въ такомъ же положеніи, какъ Карлъ XII... Безъ крѣпостей, безъ точекъ опоры, окруженный съ фланговъ и съ тылу тучами нашей кавалеріи, онъ и его армія погибали бы отъ голода и принуждены были бы сдаться безъ условій... Если бы Петръ Великій заключилъ миръ послѣ потери Нарвской битвы, въ которой была совсѣмъ уничтожена единственная армія, которую онъ имѣлъ тогда, то могла ли бы Россія стать тѣмъ, чѣмъ онъ ее сдѣлалъ?» [2]).

Александръ не былъ человѣкомъ, легко проникающимся такими отчаянными совѣтами. Въ его характерѣ не было ничего народнаго, но, какъ онъ ни казался смущеннымъ въ первый моментъ послѣ неудачи, въ немъ всегда выступалъ политикъ и быстро бралъ верхъ. Въ важныхъ дѣлахъ онъ и темпераментомъ и инстинктомъ былъ настолько-же проницательнымъ дипломатомъ, насколько плохимъ военнымъ. Его армія требовала мира. Онъ рѣшилъ, что миръ могъ бы не только спасти его въ настоящее время, но также избавить его отъ большихъ превратностей въ будущемъ. Впрочемъ, его совѣсть, такая же изобрѣтательная, какъ и его воображеніе, успокоила его относительно обязательствъ: «Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ» [3]). Онъ вспоминалъ кстати казуистику и соболѣзнованія Фридриха-Вильгельма послѣ Аустерлица и считалъ себя въ полномъ правѣ воспользоваться «предложеніями, которыя, во время этой войны, французскій императоръ дѣлалъ ему нѣсколько разъ».

Онъ рѣшилъ, 16 іюня, уѣхать въ Таурогенъ, куда хотѣлъ пригласить къ себѣ короля прусскаго: «Мнѣ ужасно тяжело потерять даже надежду быть вамъ полезнымъ, какъ этого желало мое сердце». И онъ отпра-

[1]) Le comte Kotschoubej au duc de Richelieu, 22 juillet; rapport de Hardenberg, 23 juin 1807. Ranke, t. V.—Martens, t. XIII.

[2]) Lettre de Woronzof, 14 juillet 1807.

[3]) Instructions à Tolstoy, septembre 1807. — См. выше, стр. 28, 36. Lettre au roi de Prusse, 16 juin 1807. Bailleu.

вилъ князя Лобанова къ Беннигсену, который долженъ былъ «послать его къ Бонапарту» съ такой инструкціей: «Стараться заключить перемиріе на одинъ мѣсяцъ; не предлагать вступить въ переговоры о мирѣ, но, если бы французы первые высказали желаніе положить конецъ войнѣ, отвѣтить имъ, что императоръ Александръ тоже желаетъ замиренія». Лобановъ нашелъ стараго испытаннаго вояку оправившимся отъ своей тревоги. Онъ удержалъ бѣглецовъ. Свои потери онъ опредѣлялъ только въ 10,000 человѣкъ. Армія быстро оправится: «Завтра она будетъ биться съ такимъ же мужествомъ... Немного надо, чтобы мы благодаря нашимъ подкрѣпленіямъ сдѣлались для Наполеона страшнѣе, чѣмъ когда бы то ни было...» [1]) По чрезвычайной усталости французовъ онъ скоро замѣтилъ, что они оцѣнили русскихъ, какъ слѣдуетъ. Лобановъ отправляется во французскій лагерь и видится съ Бертье, послѣ чего Наполеонъ отправилъ Дюрока къ Беннигсену [2]). Они трактовали о перемиріи, стараясь обмануть одинъ другого. «Вашъ государь, — говоритъ Беннигсенъ, желаетъ вести переговоры не только о перемиріи, но также о мирѣ. Прекрасно! Будемъ обсуждать его и пока что будемъ биться. Мы готовы скорѣе на все, чѣмъ согласиться на унизительныя условія». Дюрокъ намекнулъ, подчеркивая это, что Наполеонъ желалъ *личнаго сближенія* съ императоромъ Александромъ. Беннигсенъ воспользовался этимъ, чтобы лучше устроить перемиріе. Великій князь Константинъ сейчасъ же отправился съ извѣстіемъ объ этомъ къ своему брату. «Ради Бога! писали изъ главной квартиры министру иностранныхъ дѣлъ, Будбергу, не теряйте времени. Доказательствомъ того, что Бонапартъ желаетъ мира, служитъ то, что онъ отправилъ Дюрока въ полночь».

Великій князь нашелъ царя, 20 іюня, въ Шавліхъ. Александръ не терялъ ни минуты времени. Великій князь сейчасъ же отправился назадъ съ полномочіями для Лобанова. Это были тѣ же самыя полномочія, какія были даны Убрилю, въ 1806 г. Они позволяли переговаривающемуся относительно всего соглашаться, все затрогивать, а государю они позволяли все отвергать. Когда отправлялся великій князь, пріѣхалъ Фридрихъ-Вильгельмъ и Гарденбергъ [3]). Убѣжденный въ близкомъ мирѣ, не могущій освободиться отъ мысли, что Александръ изъ «покровителя Европы сдѣлается пассивнымъ орудіемъ плановъ Наполеона», Гарденбергъ впродолженіе пути придумалъ прекрасный планъ умиротворенія, честь котораго

[1]) Rapport du 21 juin 1807.

[2]) Татищевъ на основаніи мемуаровъ Беннигсена.

[3]) *Mémoires de Hardenberg*, t. III, p. 458 et suiv.—Hardenberg à Stein, 10 juillet; rapports de Hardenberg, 21—23 juin. Ranke.

принадлежала бы Пруссіи, и за который она получила бы нѣкоторыя выгоды за свое честное маклерство. Попросту это былъ бы раздѣлъ Турціи, которымъ были бы удовлетворены всѣ: Франція взяла бы Ѳессалію, Негропонтъ, Морею, Критъ, Архипелагъ; Англія—Египетъ; Россія—Молдавію и часть Валахіи; Австрія — Далмацію, Боснію, Сербію, Валахію до Алуты; король Неаполитанскій—семь острововъ; король Сардинскій—Македонію; Пруссія отказалась бы отъ своей доли въ третьемъ раздѣлѣ Польши, и изъ нея сдѣлали бы королевство для короля Саксонскаго; она уступила бы Наполеону свои провинціи въ Вестфаліи и въ вознагражденіе получила бы Саксонію, Бамбергъ, Вюрцбургъ, Бременъ, Любекъ, Гамбургъ и сюзеренную власть надъ сѣверной германской конфедераціей.

Едва вышли изъ кареты, едва государи успѣли обняться, Гарденбергъ сталъ распространяться среди русскихъ о своемъ «посредничествѣ». Они слушали его молча и попросили его изложить свои идеи на бумагѣ. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Таурогенъ, 22 іюня Александръ принялъ курьера отъ Лобанова: наканунѣ въ Тильзитѣ было подписано перемиріе; въ немъ Наполеонъ обязывался вступить въ переговоры о мирѣ «въ самый короткій срокъ» [1]). Лобанова онъ приглашалъ на обѣдъ и, показывая на картѣ на теченіе Вислы, сказалъ: «Вотъ граница между двумя имперіями. По одну сторону долженъ царствовать вашъ государь, по другую я».—«Наполеонъ былъ очень веселъ и разговорчивъ. Онъ повторялъ мнѣ нѣсколько разъ, что всегда былъ расположенъ къ вашему величеству и имѣлъ къ вамъ высокое почтеніе, что союза требовали интересы обоихъ государствъ» [2]).

Эти слова далеко уносятъ воображеніе Александра, и отъ недавняго безкорыстія, которымъ онъ такъ тщеславился, отъ дѣла реставраціи, которое онъ вмѣнялъ себѣ въ такую большую честь. онъ сразу переходитъ къ раздѣламъ государствъ, къ вознагражденіямъ и дѣлежу. Начавъ войну съ цѣлію возстановить Европу подъ русскимъ главенствомъ, онъ останавливается на мысли устроить это главенство на счетъ Европы. И вотъ съ карандашомъ въ рукѣ онъ набрасываетъ большіе проекты, подражая Наполеону. Онъ согласенъ признать Наполеона и гарантируетъ ему Великую имперію съ ея присоединеніями [3]), онъ разрываетъ коалицію. За это онъ требуетъ: возстановить Мекленбургъ, дать «нѣкоторыя вознагражденія королямъ Неаполитанскому и Сардинскому», возстановить Пруссію, по крайней мѣрѣ, до Эльбы. Онъ охотно взялъ бы правый берегъ Вислы,

[1]) 21 juin 1807. De Clercq, t. II.
[2]) Rapport de Lobanof. Martens.
[3]) *Memorandum.—Société d'histoire de Russie*, t. LXXXIX.

но съ намѣреніемъ отплатить за него королю прусскому. «Чѣмъ?—Богеміею». И вотъ предлогъ: «Двойственность, съ какою Австрія дѣйствовала по отношенію и къ Россіи, и къ Франціи». Онъ охотно войдетъ въ соглашеніе съ турками при посредничествѣ Франціи. Онъ не хотѣлъ бы закрыть свои порты англійской торговлѣ, но онъ возобновилъ бы нейтральную лигу съ Швеціей и Даніей. Что касается союза, то эту идею онъ отложитъ до другого времени. «Стараться, такимъ образомъ, вызвать Бонапарта на болѣе опредѣленныя объясненія относительно Турціи, чтобы свести разговоры на вопросъ о возстановленіи имперій Восточной и Западной. Въ такомъ случаѣ, каковы были бы границы двухъ имперій?»

Остановимся на этихъ первыхъ наброскахъ плановъ Александра. Это размышленіе, во время длиннаго и монотоннаго пути отъ Шавель до Таурогена, есть поставленная проблема русскаго союза и его тщетныхъ надеждъ: прежде чѣмъ заключить союзъ, объясниться относительно границъ Восточной имперіи со стороны Россіи: тутъ подразумѣвается Константинополь, Варшава и правый берегъ Вислы, которыхъ требуютъ громко; это вознагражденная Пруссія, то-есть находящаяся подъ русскимъ покровительствомъ; это, наконецъ, вмѣсто *блокады*, могущей разорить Россію, нейтральная лига, могущая поднять ея морской престижъ. Мы увидимъ, что именно эти претензіи, по заключеніи союза въ принципѣ, парализуютъ его дѣйствіе, и что очень скоро ихъ замѣнитъ соперничество, а потомъ война. Такова была еще даже до свиданія, таковою и осталась задняя мысль Александра, одного изъ самыхъ послѣдовательныхъ людей того времени, несмотря на всѣ извороты его политики, на неуловимость его фантазіи, на неожиданности его изліяній, на обманчивый блескъ его красивыхъ влажныхъ глазъ, несмотря на его изящную плутовскую улыбку.

Его министры никогда не разбирались въ этой тонкой игрѣ, которую онъ велъ скорѣе интуитивно, чѣмъ обдуманно, быть можетъ, не анализируя самъ себя. Они задерживали его на наклонной плоскости, умоляли быть осторожнымъ [1]). Но Александръ не слушалъ ихъ. Этотъ молодой человѣкъ, смущавшійся на войнѣ и въ дѣлахъ поступавшій какъ будто во снѣ, съ удивительною увѣренностію шелъ навстрѣчу тому, что, казалось, должно приводить въ замѣшательство политиковъ самыхъ опытныхъ и рѣшительныхъ. Тутъ онъ чувствовалъ себя въ своей роли:

[1]) Budberg, *Quelques idées qui pourraient trouver place dans les instructions du négociateur russe.*—Société d'histoire de Russie, t. 89.—Tatistchef.—Martens.

мысль все устроить съ Наполеономъ, безъ министровъ, безъ свидѣтелей, между двумя властителями міра, экзальтировала его непомѣрное честолюбіе, сдерживаемое до сихъ поръ. Рядомъ съ этимъ еще дѣйствовало то любопытство, то щекотаніе самолюбія, то призваніе артиста, который, наконецъ, играетъ свою роль очарователя; тѣ рессурсы женской кокетливости, прикрытой боязливостью, которая и дѣлала его такимъ привлекательнымъ и такимъ опаснымъ. Его удерживало лишь одно соображеніе, сказывавшееся не разъ, но онъ всегда умѣлъ его устранять, убѣжденный, что въ концѣ концовъ его одобрятъ: это---мысль о возможномъ неудовольствіи своей матери, которой онъ боялся, и которую онъ чтилъ [1]), и отвращеніе которой къ Франціи, къ ея революціи и къ ея императору корсиканцу было ему хорошо извѣстно. Онъ имѣлъ при себѣ одного изъ наперсниковъ этой государыни,—Куракина. Онъ приказалъ ему написать [2]): «Отъ смертельной тоски мы вдругъ перешли къ величайшей радости... Кровь не будетъ литься... Небо оказываетъ намъ свое благоволеніе и эту милость въ самый критическій моментъ, какой когда либо переживала Россія... Что имѣли мы противопоставить ему? Остатки большой арміи, потерявшей мужество вслѣдствіе всякихъ страданій, причиненныхъ ей генералами; полное разстройство нашихъ средствъ; никакой надежды на успѣхъ...» Въ 1807 году, въ самый моментъ, когда пробовали счастія, онъ не посмѣлъ бы вступать въ подобныя объясненія, но, когда дѣло дошло до своего конца, онъ сдѣлалъ это и въ выраженіяхъ, которыя не требуютъ комментаріевъ. Только этими объясненіями и можно освѣтить дальнѣйшій ходъ этой исторіи, ибо съ этого времени вотъ что составляло важный секретъ Александра: «Послѣ несчастной борьбы, которую мы вели противъ Франціи, она осталась самою сильною изъ трехъ еще существующихъ державъ континента, такъ что по своему положенію и по своимъ средствамъ она можетъ взять верхъ не только надъ каждою изъ нихъ отдѣльно, но и надъ обѣими взятыми вмѣстѣ. Не составляло ли выгоды Россіи стать въ дружескія отношенія съ этимъ страшнымъ колоссомъ, съ этимъ, собственно говоря, единственнымъ опаснымъ врагомъ, какого можетъ имѣть Россія. *Нужно, чтобы Франція могла вѣрить, что ея интересы могутъ быть связаны съ интересами Россіи...* Съ момента, когда она не будетъ имѣть этой вѣры, она будетъ видѣть въ Россіи только врага, пытаться уничтожить котораго будетъ составлять ея выгоду...» [3])

---

[1]) См. т. VI, стр. 112.

[2]) Куракинъ императрицѣ-матери 22 іюня. Татищевъ.

[3]) A l'impératrice mère, été 1808. Martens. — См. далѣе, кн. I, гл. IV, §§ 7 и 8.

23 іюня въ Таурогенѣ онъ принялъ Лобанова, который явился съ извѣстіемъ о перемиріи и передалъ ему частности своихъ разговоровъ съ Бертье, Дюрокомъ, Наполеономъ. Александръ не поколебался сдѣлать первый шагъ. Онъ ратификовалъ перемиріе и далъ Лобанову инструкцію, написанную собственноручно карандашомъ. Нужно ее сравнить съ инструкціями, данными Новосильцеву, съ апрѣльскимъ трактатомъ 1805 года, съ письмами къ королю прусскому, съ клятвенными обѣщаніями въ Потсдамѣ, совсѣмъ недавно повторенными въ Бартенштейнѣ, чтобы оцѣнить шаткость этихъ клятвъ Александра и ту удивительную снисходительность, съ какою онъ противорѣчитъ самъ себѣ и притомъ сразу, вступая въ новыя обязательства. Со времени своего восшествія на престолъ онъ только и думалъ объ уничтоженіи *чудовища*; вотъ ужъ третій день онъ только и думалъ, какъ бы приласкать его, и эту поглощающую его мысль онъ представляетъ какъ мысль всей своей прошлой жизни. «Вы выскажете *императору Наполеону*—одни эти слова уже составляли цѣлую революцію въ русской политикѣ [1])—«какъ я чувствителенъ ко всему тому, что онъ сказалъ мнѣ черезъ васъ. Вы скажете ему, что это *это единеніе между Франціей и Россіей всегда составляло предметъ моихъ желаній* [2]), и что я убѣжденъ, что только оно можетъ обезпечить счастіе и спокойствіе міра. Совсѣмъ новая система должна замѣнить ту, которая существовала до сихъ поръ, и я льщу себя надеждою, что мы легко согласимся съ императоромъ Наполеономъ, если бы только мы вели переговоры безъ посредниковъ. Продолжительный миръ можетъ быть заключенъ между нами, спустя немного дней...»

Можно бы подумать, что письмо это продиктовано Наполеономъ. Онъ выразился-бы именно такъ. Онъ желалъ этого свиданія, но колебался прямо предложить его и думалъ о немъ не безъ нѣкотораго опасенія. Что такое этотъ Александръ, котораго считали непостижимымъ? Найдетъ ли онъ его такимъ, какимъ изображалъ его въ своихъ бюллетеняхъ, «молодымъ государемъ, котораго столь многія добродѣтели призывали сдѣлаться утѣшителемъ Европы» [3]), или надменнымъ, или простымъ, или пристрастнымъ, котораго обманываютъ «тридцать вѣтрогоновъ», подкупленныхъ Англіей,—экзальтированнымъ красивой прусской королевой, воспринявшимъ доктрины швейцарца Ла-Гарпа, колеблющимся между амазонкой и идеологомъ, юношей, который можетъ соблазнить? Или онъ—душа мягкая,

---

[1]) См. выше, стр. 62, 63. Ср. т. VI, стр. 415.

[2]) Сначала онъ написалъ: «Вы скажете ему, что я съ восторгомъ предаюсь надеждѣ, что моя *излюбленная система*, которой я желалъ съ столь давней поры...» Татищевъ, стр. 149.

[3]) XXX *Bulletin*, 8 décembre 1805.

податливая; тщеславная, любящая лесть; жалкая душа, которую легко соблазнить словами, лаской, драгоцѣнностями? Или это человѣкъ съ характеромъ, быть можетъ, соперникъ, товарищъ, союзникъ, котораго до сихъ поръ не оказывалось, и который такъ нуженъ противъ Англіи? Какую игру съ нимъ начать, какую взять роль, какая должна быть сцена, какія перспективы: Востокъ, Западъ, Азія, безграничные океаны! Какъ человѣкъ опытный онъ собирался «сыграть трагедію на тронѣ» [1]); но онъ приготовлялся къ встрѣчѣ съ цѣлымъ Корнелемъ въ головѣ, съ его убѣдительными доводами, съ его рѣшительными репликами, и онъ собирался соприкоснуться съ душой, которая навсегда должна была остаться для него непостижимой, съ душой изъ совершенно неизвѣстнаго ему міра, съ душой, описанной перомъ Шекспира.

Матеріалъ и декораціи этого свиданія онъ расположилъ съ тѣмъ сценическимъ искусствомъ, которое было ему присуще. Все тамъ шло одно за другимъ, какъ въ актахъ драмы, группировалось въ историческія картины. На Нѣманъ былъ спущенъ плотъ и установленъ на обильно и тихо текущихъ водахъ между низменными берегами. На плоту поставили палатку. 25 іюня, около одиннадцати часовъ утра императоры прибыли каждый на берегъ, занятый его войсками. Они одновременно сѣли въ шлюпки. Наполеонъ такъ наладилъ дѣло, что вышелъ первый и пошелъ встрѣтить Александра. Они обнялись и вошли въ палатку. Разсказываютъ, что первыя слова Александра были: «Я ненавижу англичанъ, какъ и вы, и буду вамъ помогать противъ нихъ». Наполеонъ будто бы отвѣтилъ: «Въ такомъ случаѣ все можно устроить; миръ готовъ». И послѣ гнѣвной рѣчи противъ англичанъ, пруссаковъ, австріяковъ: «Разъ Франція и Россія въ согласіи, онѣ могутъ управлять міромъ». Александръ защищалъ дѣло прусскаго короля. Онъ могъ добиться лишь того, что Наполеонъ согласился принять его и заключить перемиріе, не требуя сдачи крѣпостей. Свиданіе продолжалось около двухъ часовъ. Наполеонъ говорилъ о Востокѣ, но ничего не обѣщая, не высказывая ничего опредѣленнаго. Они очаровывали одинъ другого. Александръ былъ привѣтливъ, находилъ удовольствіе казаться пораженнымъ геніемъ, великодушіемъ императора, словно онъ поднялся на высоту и чувствуетъ нѣкоторое головокруженіе.

Предубѣжденія разсѣялись: чудовище спрятало свои когти, чудовище хочетъ плѣнить, чудовище хочетъ, чтобы ему удивлялись. Александръ не скупился на это чувство, выражая его въ тѣхъ экзальтированныхъ терминахъ, которымъ его моложавость и нѣжность голоса придавали какую-то непонятную трогательность: онъ казался какъ бы озареннымъ своимъ пораженіемъ. Онъ чувствовалъ, что чары его дѣйствовали, и онъ отдавался чувству нѣкоторой гордости, возвышавшей его въ его собственныхъ глазахъ. Они вышли подъ руку. Александръ проводилъ Наполеона до его лодки. Они сказали другъ другу: до свиданія и возвратились къ себѣ, восхищенные другъ другомъ. Они наперерывъ другъ передъ другомъ отдавались иллюзіямъ. Но изъ нихъ двухъ больше обманывалъ себя не царь. «Къ счастію, писалъ Александръ своей матери, Бонапартъ при всемъ своемъ геніальномъ умѣ имѣетъ слабость: это—тщеславіе, и я рѣшился пожертвовать своимъ самолюбіемъ ради спасенія имперіи». Наполеонъ, который не довѣрялъ, и такъ разумно, политическимъ женщинамъ, Клеопатрамъ и Армидамъ, позволилъ, чтобы его захватило врасплохъ самое ребяческое кокетничанье: простота, смущеніе, увлеченіе его личностію. «Это—герой романа, говоритъ онъ...—Онъ имѣетъ всѣ манеры пріятнаго парижанина».—«Онъ очень красивый, добрый и молодой императоръ; онъ гораздо умнѣе, чѣмъ обыкновенно о немъ думаютъ» [1]).

Меньше ошибался онъ насчетъ прусскаго короля, но ужъ очень онъ судилъ о немъ по тому отчаянному положенію, до котораго довелъ его, и слишкомъ презиралъ его за то, что повергъ его къ своимъ ногамъ. Этотъ бѣдный король въ числѣ свиты сопровождалъ царя и ждалъ его на берегу, верхомъ среди почетнаго конвоя. Онъ видитъ издали обниманія; по возвращеніи шлюпки, онъ могъ наблюдать радость на лицахъ, принужденность въ обращеніи съ нимъ, и могъ догадаться о своемъ послѣднемъ несчастіи: дружба охладѣла, онъ покинутъ на произволъ судьбы, его ждетъ томительное и прискорбное положеніе гостя, допущеннаго изъ жалости на новый свадебный пиръ. Въ тотъ же вечеръ онъ получилъ свое перемиріе. 26-го Александръ взялъ его съ собою на Нѣманскій плотъ и старался примирить его съ Наполеономъ. Наполеонъ упрекалъ, держалъ себя надменно, было что-то грозное въ его молчаніи о статьяхъ мира, онъ грозилъ Гарденбергу, имени котораго онъ не хотѣлъ слышать: «Онъ оскорбилъ меня и французскую націю... Я сознаюсь, что я мстителенъ!» Прусскій король не зналъ, кого назначить министромъ. Наполеонъ произнесъ имена Цастрова, Шуленбурга, Штейна, котораго онъ считалъ *добрымъ нѣмцемъ*, трудолюбивымъ и дисциплинированнымъ чиновникомъ, какъ его собственные французскіе министры, какъ Мольенъ, Годенъ, Дарю, который былъ бы бережливымъ и вносилъ бы платежи по контрибуціи. Потомъ онъ въ присутствіи Фридриха-Вильгельма пригласилъ Александра

[1]) Разговоръ съ Тальма. Damas-Hinard.

[1]) Lettre du comte de Bray, 28 juillet 1807; à Joséphine, 25 juin 1807.—Gourgaud.

на обѣдъ, не пригласивъ прусскаго короля. Онъ находилъ его жалкимъ. «Все, даже странный костюмъ, избранный прусскимъ королемъ — что-то въ родѣ гусарскаго мундира и киверъ,—остроконечные усы, его осанка, рѣшительно все предубѣждало его противъ этого несчастнаго короля», пишетъ одинъ дипломатъ. «Это—человѣкъ совсѣмъ ограниченный, говорилъ онъ, безъ характера, безъ способностей, настоящій юродивый... дуралей... скучный...» [1]).

Александръ расположился въ Тильзитѣ, который былъ объявленъ нейтральнымъ. Въ немъ было, такъ сказать, два города, французскій и русскій. Съ этого времени два императора не разлучались, парадируя передъ своими войсками, устраивая себѣ зрѣлище изъ своихъ армій и выставляя имъ себя на показъ. Потомъ они встрѣчались вечеромъ и, уединившись вели длинные разговоры, въ которыхъ Наполеонъ проявлялъ всю свою обаятельность, а Александръ всѣ свои чары. Они наперерывъ высказывали согласіе говорить только въ будущемъ о томъ, что могло бы ихъ раздѣлить—о Польшѣ—и говорить объ этомъ какъ можно меньше. Они могли столковаться только относительно одной гипотезы,—раздѣла Турецкой имперіи. Въ этомъ вопросѣ Наполеонъ оказался бы въ нѣкоторомъ затрудненіи, если бы константинопольскій курьеръ не привезъ ему, пришедшагося очень кстати, извѣстія о низверженіи Селима, о дворцовой революціи, о симптомахъ наступающаго распаденія. Наполеонъ счелъ это за законную причину, чтобы разорвать всѣ связи. Онъ развернулъ карту и раскрылъ циркуль, но ничего не чертилъ. Онъ все еще надѣялся навсегда разсорить Пруссію и Россію. Онъ предложилъ царю вознагражденіе на счетъ Пруссіи, линію Вислы; но Александръ отказался, хотя не одинъ изъ его приближенныхъ желалъ этого. Онъ любилъ короля, мучился тѣми страданіями, которыя причинилъ ему; хотѣлъ сохранить въ его лицѣ бѣднаго зависимаго друга, возможнаго союзника въ будущемъ. И этотъ планъ, какъ и другіе, былъ основателенъ, ибо онъ примирялъ политику и сердце и запасался на будущіе дни. Изъ соглашенія съ Наполеономъ онъ желалъ извлечь гарантіи противъ Наполеона, ожидая случая ниспровергнуть его, твердо рѣшившись оказать большія услуги, лишь получивъ большія выгоды.

Наполеонъ ожидалъ великихъ услугъ, чтобы предоставить большія выгоды. Въ основѣ лежала одна общая тому и другому мысль: привести Англію въ упадокъ; но тогда какъ эта мысль была у Наполеона фундаментальной, у Александра она представляла мимолетное впечатлѣніе, вы-

[1]) Lettre du comte de Bray, 20 juillet 1807. — Gourgaud, t. II, p. 101. 203, 402, 424.—Cf. Thiébault, t. IV, p. 90: le roi de Prusse, à la promenade, avec les deux empereurs.

текала изъ личной обидчивости, которая ослаблялась всѣми окружающими условіями, особенно чувствами и выгодами его народа. Невозможно упрекать Наполеона въ недостаткѣ великодушія во время этого свиданія. Болѣе основательнымъ былъ бы упрекъ въ отсутствіи предусмотрительности, если бы онъ предоставилъ Александру Востокъ, не добившись отъ него ничего того, что было для него существеннымъ на Западѣ, то-есть, согласія на блокаду. Онъ не упустилъ этого изъ виду и принялъ свои мѣры предосторожности. Востокомъ онъ держалъ Александра, и если бы не держалъ его этимъ, то и ничѣмъ не держалъ бы, и даромъ были бы принесены въ жертву столько тысячъ людей подъ Пултускомъ, Эйлау, Фридландомъ. Передъ ними была развернута карта Турціи. Александръ показалъ на Константинополь: «Нѣтъ! вскрикнулъ Наполеонъ. Нѣтъ. Константинополь никогда! ибо это — всемірная имперія!» И вопросъ былъ отложенъ союзниками до будущаго времени.

Впрочемъ, въ Тильзитѣ не было ни формальныхъ обязательствъ, ни опредѣленнаго плана раздѣла, какъ, напримѣръ, въ 1782 году между Екатериной и императоромъ Іосифомъ [1]); самое большое, что было, это — желанія, намеки, отъ которыхъ остались одни воспоминанія. Но въ эти нѣсколько дней образовалась своего рода атмосфера, перспектива, своего рода *духъ*, *стиль*, или, выражаясь вѣрнѣе, нѣкая тильзитская *фантасмагорія* и *жаргонъ*: картины неуловимыя, слова туманныя и заманчивыя, но неопредѣленныя, къ которымъ каждый прибавлялъ, и отъ которыхъ каждый отнималъ, что хотѣлъ, по своему вкусу,—слова произнесенныя съ одной стороны въ корсиканскомъ духѣ, съ другой—въ русскомъ, дурно понятыя вслѣдствіе этого несогласія акцентовъ. Когда наступилъ часъ разочарованія, Наполеонъ и Александръ должны были часто вспоминать этотъ тильзитскій *стиль*, жалѣть объ этомъ, ссылаться на него, никогда не находя его у себя, не распознавая его у другихъ.

Среди этихъ, до такой степени обдуманныхъ, непринужденныхъ съ виду разговоровъ, съ такими искусными умалчиваніями, касались ли вопросовъ болѣе интимныхъ: сказалось ли у Наполеона какое-нибудь недовольство своимъ бездѣтнымъ бракомъ, какая-нибудь тревога за наслѣдство великой имперіи, какая-нибудь мысль о династіи, мечта о ней? Возможно. Но это было сказано обиняками, въ словахъ неуловимыхъ, если только были произнесены какія-либо слова; — можетъ быть, по поводу Іеронима, имѣвшаго невѣсту въ Вюртембергѣ, что позволяло Александру подозрѣвать нѣкоторый намекъ на одну изъ его сестеръ? Если Наполеонъ изъ далека намекалъ на эту мысль, то Александръ не подхватилъ ея;

[1]) См. т. I, стр. 358—408.

но, изъ лести, изъ лукавства, столько же по благоразумію, сколько и по желанію нравиться, онъ, ничего не обѣщая, позволялъ ждать всего отъ своей благодарности. Во всякомъ случаѣ, ни слова, ничего, кромѣ непроницаемой, довольной улыбки; кромѣ глубокаго томнаго взгляда, который, казалось, слѣдитъ за золотистыми облаками. Впрочемъ, поставить эти проекты въ зависимость отъ его благодарности — значило бы отложить ихъ на безконечно долгое время. Александръ не смѣлъ, не хотѣлъ, не могъ располагать рукой которой нибудь изъ своихъ сестеръ безъ согласія императрицы-матери; а эта государыня еще совсѣмъ недавно высказала намѣреніе «не соглашаться ни на какой проектъ брака любой своей дочери, если ея дочь свободнымъ выборомъ не подтвердитъ этого проекта» [1]). Наполеонъ и безъ основаній надѣялся на то, во что ему было пріятно вѣрить, и онъ не входилъ на этотъ счетъ въ дальнѣйшія объясненія, находя ихъ преждевременными, и думая, что съ этихъ поръ Александръ находится въ его власти.

Само собою разумѣется, что тильзитскій духъ и стиль ничѣмъ не выразились въ трактатахъ. Два императора сами опредѣлили для трактатовъ главныя положенія въ видѣ ноты, которую уполномоченнымъ оставалось только раздѣлить на статьи. Въ нихъ включена была и Пруссія. Наполеонъ распоряжался ею безъ того, чтобы ее выслушать, и Александръ соглашался на это безъ того, чтобы посовѣтоваться съ нею. Когда такимъ образомъ все было рѣшено, и королю прусскому оставалось только получить извѣстіе о своей участи, Наполеонъ милостиво разрѣшилъ ему явиться къ себѣ на поклонъ. Фридрихъ-Вильгельмъ устроился на мельницѣ, расположенной въ одномъ изъ предмѣстій города, объявленномъ на этотъ случай нейтральнымъ. Какая-то спесь, съ выраженіемъ стыда и страданія, прибавилась къ природной натянутости его длинной, тонкой и некрасивой фигуры. Онъ жилъ въ тоскѣ и чувствовалъ, что имъ тяготятся. Его совѣтники побуждали его скрывать истинныя чувства, придавать лицу пріятное выраженіе, показывать себя ласковымъ. «Глубоко огорчаются, писалъ ему Калькрейтъ, опасною холодностію вашего величества по отношенію къ н е м у. Воображаютъ, что ваше величество будируетъ е г о»... И Александръ совѣтовалъ приближеннымъ Фридриха-Вильгельма: «Льстите е г о тщеславію; мое искреннее участіе къ вашему королю побуждаетъ меня дать вамъ этотъ совѣтъ». Только этими двусмысленными внушеніями и можно объяснить странную мысль прусскихъ дипломатовъ—

[1]) Императрица - мать Александру. — Александръ въ письмѣ прусской королевѣ Луизѣ, 15 іюля 1806 г., по поводу проекта брака между великой княжной Екатериной Павловной и герцогомъ Брауншвейгскимъ, въ пользу котораго хлопотала эта королева. Bailleu.

вызвать королеву Луизу въ Тильзитъ. Король болѣе разсудительный, а также болѣе деликатный—онъ уважалъ королеву—сначала не согласился на это. Онъ понималъ безполезность шага, онъ чувствовалъ унизительность его. Однако онъ уступилъ.

Та, которую недавно называли «очаровательницей», которую Наполеонъ находилъ удовольствіе изображать въ карикатурахъ въ костюмѣ Брадаманты, жила въ Мемелѣ въ унынiи, больная, въ слезахъ, въ ужасѣ передъ безпомощнымъ положеніемъ, худшимъ, чѣмъ несчастье. 25 іюня, въ день нѣманскихъ объятій, она писала еще Александру: «Я впала бы въ отчаяніе, если бы вы не были судьей нашей участи. Безъ васъ что сталось бы съ королемъ, съ моими дѣтьми? Я была бы самой несчастной супругой, матерью, если бы я родила на свѣтъ этихъ бѣдныхъ созданій, для того чтобы они знали одно горе. Ахъ! мой дорогой кузенъ, не покидайте насъ на произволъ судьбы. Мое здоровье немного разстроено всѣми этими тревогами, но это не важно, только бы вы и король могли всему противостоять: я существо такъ мало интересное, если я и умру, только бы король былъ спасенъ, только бы мои дѣти имѣли какую-нибудь судьбу, какое-нибудь будущее!..» [1]) Сначала она возмутилась противъ полученнаго распоряженія явиться къ побѣдителю, который всенародно оскорблялъ ее. Но она была женщина съ великими душевными силами, она, если можно такъ выразиться, щеголяла героизмомъ. Она не хотѣла явиться ни королевой, потерявшей голову, ни королевой-просительницей, какъ недавно княгиня Гатцфельдъ. Она намѣревалась ослѣпить, если бы она еще могла обманывать себя этой надеждой, плѣнить, очаровать, но не возбуждать жалость.

Наполеонъ достигъ своихъ цѣлей. Онъ имѣлъ свой трактатъ, Александръ пожертвовалъ своими друзьями. Наполеонъ наслаждался своимъ тріумфомъ и выставлялъ его на видъ всему свѣту. Онъ былъ весь покрытъ классической славой, имѣлъ «то довѣріе, которое въ глубинѣ сердца говорило ему, что все должно уступать ему, какъ человѣку, котораго рокъ поставилъ выше другихъ; довѣріе, которое онъ внушалъ не только вождямъ своимъ, но также послѣднему изъ солдатъ...» [2]) Въ немъ внезапно пробудилась гордость. Корсиканскій дворянчикъ вспомнилъ свой отъѣздъ въ Италію искать счастья. Вступать въ завоеванныя столицы стало дѣ-

[1]) Шестьдесятъ три года спустя, его сынъ Вильгельмъ принималъ шпагу другого Наполеона, капитуляцію двухъ французскихъ армій и провозглашенъ былъ въ Версалѣ германскимъ императоромъ при особомъ содѣйствіи своего племянника Александра II, племянника Александра I. Времена Мемеля и Тильзита давно миновали!.

[2]) Discours sur l'histoire universelle, part. III, chap. V.

ломъ неважнымъ. За своимъ императорскимъ столомъ онъ будетъ принимать побѣжденныхъ монарховъ, порабощенныхъ королевъ. Такое же волненіе испыталъ онъ три года спустя въ моментъ, когда принималъ на свое ложе эрцгерцогиню австрійскую! 5 іюля онъ писалъ Жозефинѣ, которая, быть можетъ, одна способна была измѣрить разстояніе и все понимать: «Красивая прусская королева должна пріѣхать завтра обѣдать со мною». На о. св. Елены спрашивали у него, въ какой періодъ жизни онъ чувствовалъ себя наиболѣе счастливымъ: «Быть можетъ въ Тильзитѣ... Я былъ побѣдителемъ, предписывалъ законы, императоры, короли составляли мой дворъ» [1]).

Прусская королева пріѣхала и въ парадной каретѣ отправилась на свою мельницу: нарядная, въ діадемѣ, въ развѣвающихся кружевахъ. въ туалетѣ изъ темнаго крепа, который такъ шелъ къ ея томной граціи [2]). Едва она вышла изъ кареты въ убогое жилище короля, какъ доложили о французскомъ императорѣ. Наполеонъ первымъ дѣлалъ ей визитъ. Онъ рѣшилъ не приводить ее въ смущеніе, какъ поступилъ съ г-жей де-Сталь во время встрѣчи съ ней, но, напротивъ, приручить ее, показать себя благовоспитаннымъ, видя въ королевѣ лишь красивую женщину, для которой царствованіе должно бы быть торжественнымъ зрѣлищемъ, а корона драгоцѣннымъ украшеніемъ. А вышло такъ, что она его удивила. «Она приняла меня съ трагизмомъ, какъ Химена:—Государь! Справедливость! Справедливость! Магдебургъ!—Она продолжала въ этомъ тонѣ, который очень смущалъ меня. Наконецъ, чтобы прекратить этотъ тонъ, я попросилъ ее сѣсть. Нѣтъ лучшаго средства оборвать трагическую сцену, ибо сидящій трагикъ становится комиченъ [3]). Она имѣла на шеѣ прекрасное ожерелье изъ жемчуга. Я поздравилъ ее съ нимъ: «О! какой красивый жемчугъ!» И объ ея нарядѣ: «Это крепъ или итальянскій газъ?—Государь! Неужели мы будемъ говорить о женскихъ нарядахъ въ этотъ торжественный моментъ?» Онъ предоставилъ ей говорить о Магдебургѣ, о Вестфаліи: «Вы требуете много, но я обѣщаю вамъ подумать объ этомъ». Вечеромъ, послѣ обѣда, царь и король отошли въ сторону, оставивъ ее одну съ Наполеономъ. Она еще убѣждала его относительно Магдебурга, а онъ отдѣлывался фразами учтивости. На каминѣ стояла ваза съ розами. Онъ взялъ одну и предложилъ ее королевѣ. Она отвела свою руку: «Подъ условіемъ, что это будетъ съ Магдебургомъ».

[1]) Gourgaud, t. II, p. 55.
[2]) Albert Vandal, t. I, p. 95.
[3]) Prends un siège, Cinna...
«Сцена во вкусѣ Дюшенуа... Она была Агриппиной въ этой сценѣ...» Gourgaud, t. I, p. 203; II, p. 401.

Онъ сейчасъ же возразилъ, на этотъ разъ строго: «Ахъ! сударыня, розу предлагаю я, а не вы... Магдебургъ—гарантія. Я его держу, чтобы наказать тѣхъ, которые могли бы опять сдѣлаться дерзкими...» Все-таки она унесла нѣкоторую надежду, что смягчила его. Она завоевала только его уваженіе. «Прусская королева вчера обѣдала со мною, пишетъ онъ Жозефинѣ 7 іюля. Мнѣ пришлось защищаться, чтобы не сдѣлать еще нѣкоторыхъ уступокъ ея мужу, къ чему она хотѣла принудить меня; но я былъ любезенъ, и держался моей политики. Она очень пріятна...»—«Умная женщина, говорилъ онъ впослѣдствіи... Она часто прерывала меня... это—женщина, которая имѣетъ быстрый умъ, выдержку. Она сто разъ выше своего мужа. Она не можетъ ни любить его, ни уважать. Императоръ Александръ погубилъ ее въ 1805 году». Политически, хочетъ сказать онъ, такъ какъ пересталъ считать ее легкомысленною. «Я не сомнѣваюсь, что Александръ имѣлъ съ королевой только чисто-дружескія отношенія...»

Въ тотъ же день онъ приказалъ Талейрану подписать договоръ съ Россіей. Пруссія подверглась раздѣлу: съ десяти милліоновъ жителей она была сведена на пять. Вечеромъ прусская королева въ парадномъ придворномъ туалетѣ, красномъ съ золотомъ, съ тюрбаномъ изъ кисеи, собиралась сѣсть въ карету, чтобы ѣхать въ Тильзитъ, куда Наполеонъ опять пригласилъ ее на обѣдъ. Изъ записки короля она узнала, что совершилась бѣда: «Условія ужасны». Она должна была осушить слезы и отправляться на обѣдъ, унылая, въ отчаяніи, брошенная союзникомъ, отъ котораго она ожидала такъ много, служившая придворной игрушкой для врага, который забавлялся ея мольбами. Наполеонъ продолжаетъ свои шутки. Она отвѣчала умно. «Какъ, прусская королева носитъ тюрбанъ? Конечно, она хочетъ сдѣлать пріятное не императору русскому, потому что онъ находится въ войнѣ съ турками?» Мамелюкъ Наполеона стоялъ сзади ихъ. «Я думаю, сказала королева, что, вѣроятнѣе всего, я хочу доставить удовольствіе Рустану». Она выдерживаетъ свою роль до конца, какъ истинная артистка; она играла ее своимъ сердцемъ, своими нервами. Но что должно было причинять ей боль, удручать ее, еще сильнѣе, чѣмъ это постоянное напряженіе и необходимость давать отпоръ, такъ это видѣть за этимъ столомъ пытки, въ этомъ салонѣ униженія, того друга, которымъ она такъ восхищалась, и который кажется ей теперь неузнаваемымъ, видѣть Александра, какого она не подозрѣвала, изнанку и карикатуру другого, распутную улыбку на кукольномъ лицѣ счастливаго архангела, святаго Михаила на банкетѣ у Фараона. «Прусская королева дѣйствительно очаровательна, писалъ на другой день Наполеонъ Жозефинѣ: но не ревнуй: все это скользило по мнѣ какъ по полотну, по-

© ГИМ

крытому воскомъ. Мнѣ обошлось бы черезчуръ дорого ухаживанье за ней» [1]).

Королева Луиза уѣхала изъ Тильзита, пораженная въ сердце. Передъ тѣмъ какъ сѣсть въ карету, она говоритъ Дюроку, къ которому питала нѣкоторое уваженіе: «Ахъ! жестоко обманули меня въ этомъ домѣ». Она оставила слѣдующую замѣтку относительно одного письма, которое она написала Александру, и котораго она не отправила: «Я горько плакала, когда писала это письмо. Я не послала его ему. Онъ не заслуживаетъ моихъ писемъ, ибо онъ небрежно отнесся ко мнѣ въ ту минуту... когда не было страданій, которыхъ я не испытала бы...» — «Онъ можетъ говорить о религіи, разсказываетъ Наполеонъ, но онъ—матеріалистъ! Въ Тильзитѣ я много говорилъ съ нимъ объ этомъ!» [2])

Договоръ между Франціей и Россіей, подписанный 7-го, былъ двойной: договоръ о мирѣ, договоръ о союзѣ [3]). Договоръ о мирѣ рѣшалъ участь Пруссіи: эта монархія, урѣзанная, обезображенная, представляла теперь небольшое тѣло въ Германіи, Бранденбургъ и Померанію, съ двумя удлиненными и открытыми клешнями, старой Пруссіей и Силезіей, которыя раздѣляла прусская Польша, возведенная въ герцогство варшавское для саксонскаго короля. Россія, во всякомъ случаѣ, получила изъ нея свой кусокъ. Нужно было, чтобы она приняла участіе въ раздѣлѣ. Она признала королевства Голландское, Неаполитанское, Вестфальское, Рейнскую конфедерацію, признавъ заранѣе и ихъ возможныя расширенія. Она оставила Каттаро и Іоническіе острова и обязалась признать Іосифа королемъ сицилійскимъ, какъ только Фердинандъ IV будетъ вознагражденъ за потерю этого острова островами Балеарскими или Кандіей. Въ договорѣ о союзѣ, строго секретномъ, Александръ обѣщалъ объявить войну Англіи и соблюдать *континентальную блокаду*, если бы Англія не приняла его посредничества. Въ этомъ случаѣ два союзника принудили бы Данію, Швецію и Португалію закрыть ихъ гавани англичанамъ и объявить Англіи войну. Наполеонъ обѣщалъ свое посредничество передъ Турціей, а если бы оно не удалось, свой союзъ противъ турокъ. Тогда «двѣ высокія договаривающіяся стороны придутъ въ соглашеніе, чтобы освободить отъ турецкаго ига и притѣсненій всѣ европейскія оттоманскія провинціи, за исключеніемъ города Константинополя и области Румеліи».

Пруссакамъ только оставалось подписать свою капитуляцію, что они

[1]) A Joséphine, 8 juillet 1807.

[2]) Lettre de la Reine de Prusse, derniers jours de juin 1807. Bailleu.— Gourgaud, t. I, p. 529.

[3]) Vandal, t. I, p. 505—Martens, t. XIII. p. 309. 322.

и сдѣлали 9-го іюля [1]). Конвенція, отъ 12 іюля, постановляла, что прусскія владѣнія, возвращенныя королю «изъ уваженія къ его величеству русскому императору», будутъ эвакуированы 30 августа до Вислы, 5 сентября до Одера, 1 октября до Эльбы. Силезія должна быть эвакуирована въ тотъ же срокъ; но эта эвакуація ставилась въ зависимость «отъ уплаты назначенной контрибуціи», общую сумму которой еще нужно было опредѣлить, а это позволяло Наполеону обирать Пруссію и держать тамъ свою армію такъ долго, сколько онъ найдетъ полезнымъ.

Два императора разстались 9 іюля послѣ многихъ объятій и большихъ союзныхъ смотровъ. Отъ всего этого торжественнаго тильзитскаго зрѣлища остались только плавающія по Нѣману палки. Весь союзъ заключался въ листѣ пергамента съ печатями и подписями, унесенномъ каждымъ въ своемъ портфелѣ. Это была тѣнь, противъ которой стояли: всѣ реальности земли, нравы, инстинкты, страсти ихъ народовъ, географія, исторія, все, что сдѣлало Александра императоромъ россійскимъ и Наполеона императоромъ французскимъ. Даже этимъ самымъ договоромъ они ставили между собою новую преграду: Польшу, которая, будучи объединена своимъ новымъ сувереномъ съ Рейнской конфедераціей, превращается въ границу великой имперіи. Россія и Франція съ этой поры соприкасаются и, соприкасаясь, становятся соперницами. Континентальная блокада, составляющая смыслъ союза, должна его разорвать; а его приманка—раздѣлъ турецкой имперіи—должна довершить дѣло.

Повидимому, Наполеонъ достигъ апогея. Великая цѣль кажется достигнутой. Континентъ подчинился, и Наполеонъ имѣетъ союзника, который гарантируетъ великую имперію. Кромѣ нихъ двухъ никого нѣтъ, чтобы править континентомъ. Кто изъ двухъ будетъ править другимъ? Тильзитъ, повидимому, все опредѣлившій, въ сущности не рѣшаетъ ничего. Этотъ трактатъ похожъ на всѣ предыдущіе, начиная съ Кампоформійскаго: онъ больше ставитъ вопросовъ, чѣмъ рѣшаетъ ихъ. Какъ на другой день послѣ Кампо-Форміо, Наполеонъ можетъ сказать: «Изъ столькихъ враговъ возникающей республики остается только одинъ». Но вотъ и все, что пріобрѣла Франція за эти десять лѣтъ войны, и онъ долженъ опять сказать, какъ въ 1797 году: «Прежде чѣмъ отдаться покою, Франція, обрати твои взоры на Англію!» Война на смерть съ Англіей! Въ этомъ весь Тильзитъ, и, чтобы оплатить эту войну, нужна война съ Турціей, и, чтобы окончить эту войну, нужна война съ Португалісй, которая противится блокадѣ; война противъ Испаніи, если она откажется воздѣйствовать силою на Португалію; наконецъ война противъ

[1]) De Clercq, t. II, p. 207, 217.

© ГПИБ

Австріи, ибо, если начать воевать въ Португаліи и Испаніи, Австрія, освободившись отъ давящей ее тяжести, возьмется за оружіе. Вотъ почему Наполеонъ дошелъ отъ Рейна до Дуная, до Эльбы до Одера, даже до Вислы и заключилъ договоръ на Нѣманѣ!

II.

Наполеонъ такъ обставляетъ свое возвращеніе, что оно походитъ на тріумфальное шествіе въ свою имперію черезъ зависимыя отъ нея королевства и черезъ столицы провинцій. Въ сущности это только рѣчи о войнѣ и военныя мѣропріятія, заботливые смотры союзниковъ и распредѣленіе войскъ по квартирамъ. 18 іюля въ Дрезденѣ онъ занятъ устроеніемъ герцогства варшавскаго и коронованіемъ герцога-короля [1]). Нѣмцы у ногъ его. Они поютъ свое дипломатическое *Magnificat*: «Онъ пришелъ, пишетъ одинъ изъ нихъ, чтобы обратить въ прахъ слабыхъ и возбудить силу» [2]). По этимъ признакамъ узнаютъ избранника Господа. Таковы пока германскія вечерни. Австрійцы отрекаются отъ своихъ замысловъ. Венсенъ явился засвидѣтельствовать почтеніе императору, который сейчасъ же заводитъ рѣчь о раздѣлѣ Турціи. «Необходимость эта является для меня закономъ... но мой разсудокъ отказывается отъ этого». Именно это и нужно, чтобы возбудить въ Вѣнѣ подозрѣнія и алчныя пожеланія, то-есть, чтобы отдалить ихъ отъ Россіи, приблизить къ Франціи и выставить ихъ помѣхой преждевременнымъ проектамъ Александра [3]). Потомъ онъ берется за Португалію. Это королевство получитъ рѣшительное требованіе закрыть свои порты англичанамъ. Если оно откажется, то подвергнется раздѣлу. «Двадцатитысячная французская армія отправится въ Байону 1 сентября, чтобы соединиться съ испанской арміей и завоевать Португалію» [4]). Эту экспедицію проектировалъ комитетъ общественнаго спасенія какъ одно изъ условій завоеванія границъ и какъ средство заставить Англію признать ихъ. Нужно было дойти до Нѣмана, чтобы отхлынуть оттуда на Таго и сдѣлать возможнымъ то, на что напрасно покушались въ 1801 году, но что съ 1795 года уже казалось необходимымъ [5]). 12 августа въ Лиссабонѣ былъ объявленъ ультиматумъ. 8 сентября Наполеонъ заставляетъ регента «выбирать между континентомъ и островитянами». Онъ приглашаетъ Карла IV помочь ему въ предпріятіи: «прежде всего, чтобы вырвать Португалію изъ подъ англійскаго вліянія».

[1]) Statut du duché de Varsovie, 22 juillet 1807. De Clercq.
[2]) Alvensleben à Schoen, 5 juillet 1807. Ranke.
[3]) Rapport de Vincent, p. 93. Beer.
[4]) A Talleyrand, 19 juillet 1807.
[5]) См. т. IV, стр. 202 237; т. V, стр. 24; т. VI, стр. 92, 124, 143, 145.

Установивъ, такимъ образомъ, блокаду испанскаго полуострова, онъ устанавливаетъ ее на итальянскомъ полуостровѣ. Кто тамъ распоряжается противодѣйствіемъ, такъ это—папа. Дѣло съ нимъ Наполеонъ отложилъ до своей новой побѣды. Время пришло. Послѣ того какъ онъ велъ переговоры съ царемъ, самодержцемъ и главою православной церкви, Наполеонъ уже не зналъ больше удержу своей императорской надменности. Онъ соединяетъ въ себѣ Діоклетіана и Ивана Грознаго, Карла Великаго и Петра Великаго. Но это—Карлъ Великій, читавшій Вольтера, это Діоклетіанъ, вдохновленный Дантономъ, и какими-то странными изворотами отъ шедевра своей юности и своей мудрости — отъ конкордата— онъ приходитъ опять къ самому зловредному революціонному заблужденію: гражданской организаціи духовенства [1]), со всѣми столкновеніями, со всѣми строгостями, явившимися какъ послѣдствіе. Онъ хочетъ покончить съ этимъ: какъ свѣтскій государь папа долженъ закрыть свои порты англичанамъ и долженъ вступить въ континентальную систему. Какъ глава церкви онъ долженъ назначить покорныхъ кардиналовъ, санкціонировать составленный по порученію императора катехизисъ, позаботиться о спокойствіи и молчаніи народа, если не о томъ, чтобы народъ былъ доволенъ [2]). Онъ адресуетъ Евгенію слѣдующее посланіе для передачи его Пію VII: «Короли были прежде папъ... Уже два года римскій дворъ проповѣдуетъ бунтъ... Что желаетъ сдѣлать Пій VII, донося на меня христіанскому міру? Отлучить меня отъ церкви? Не думаетъ ли онъ, что оружіе выпадетъ изъ рукъ моихъ солдатъ?.. Онъ обратится съ воззваніемъ къ моимъ подданнымъ. Что они скажутъ? Они скажутъ, какъ и я, что они желаютъ религіи, но что они не желаютъ ничего терпѣть отъ иностранной державы... Теперешній папа слишкомъ могущественъ... Духовенство создано не для того, чтобы править... Если желаютъ продолжать вносить разстройство въ дѣла моихъ государствъ, то я буду

[1]) Я отмѣчаю въ его «Перепискѣ» такія замѣтки того времени: «Я вамъ поручаю, чтобы не произошло реакціи въ общественномъ мнѣніи. Говорите о Мирабо съ похвалою», къ Фуше 20 мая 1807 г. А въ слѣдующемъ году онъ пишетъ Крете, 12 апрѣля 1808 г.: «Сентябрьскія убійства и ужасы революціи нужно изображать тою же кистью, какъ инквизицію и избіенія партіи шестнадцати. Нужно позаботиться о томъ, чтобы избѣжать всякой реакціи, говоря о революціи. Ни одинъ человѣкъ не могъ противустать ей. Порицанія не заслуживаютъ ни тѣ, которые погибли, ни тѣ, которые остались въ живыхъ. Не было ни одной единичной силы, которая способна была бы измѣнить стихійное движеніе и предотвратить событія, которыя возникаютъ изъ природы вещей и изъ обстоятельствъ».

[2]) Sur les conflits d'alors, voir d'Haussonville, t. II, ch. XXVIII. Prise de Rome. Lefebvre, t. IV, chap. XXVII.

признавать папу только какъ римскаго епископа... Я не задумаюсь объединить церкви галликанскую, итальянскую, нѣмецкую, польскую въ одномъ соборѣ, чтобы рѣшать мои дѣла безъ папы... Это — первый разъ, что я вступаю въ споръ съ римскими попами... То, что ведетъ къ спасенію души въ одной странѣ, поведетъ къ спасенію душъ и въ другой... Я имѣю корону отъ Бога и волею моихъ народовъ... Для римскаго двора я всегда буду Карломъ Великимъ и никогда не буду Людовикомъ Благочестивымъ... Если кто нибудь позволитъ себѣ проповѣдывать смуту или возстаніе, онъ будетъ наказанъ по справедливости законовъ, власть которыхъ тоже происходитъ отъ божества»...

Его презрѣніе къ пруссакамъ сказывается на всякомъ шагу. Онъ говоритъ графу де-Брай, баварскому посланнику: «Это — нація трусливая и тщеславная... безъ характера, безъ энергіи; всегда побиваемая и всегда дерзкая. Это — дурная нація. Въ Берлинѣ они уже начинаютъ дѣлать глупости, но я рѣшилъ больше не прощать имъ этого» [1]). Вступивъ 27 іюля въ Сенъ-Клу, онъ принимаетъ 2 августа представителей законодательнаго и дипломатическаго корпуса. Остановившись передъ Сіэсомъ [2]): «Что скажете вы о Пруссіи и о вашемъ Гаугвицѣ? Я не нашелъ пруссаковъ. Какой народъ! Какая страна! Какое правительство! Я всегда удивлялся Фридриху II; я удивляюсь ему вдвое послѣ того, какъ я увидѣлъ на дѣлѣ людей, съ которыми онъ сопротивлялся австрійцамъ, французамъ, русскимъ. Это заставляетъ меня вѣрить въ чудеса». Потомъ обращаясь къ нунціо, по-итальянски: «Меня заставятъ призвать васъ къ порядку, и тогда я такъ стѣсню васъ, что вы пойдете съ сумой по міру».

Что касается Австріи, то онъ разсчитываетъ на Александра, чтобы принудить ее вступить въ систему. Онъ пишетъ Савари, котораго послалъ 13 іюля въ Петербургъ: «Нужно закрыть англичанамъ всѣ порты, даже австрійскіе, изгнать всѣхъ англійскихъ пословъ и даже арестовать этихъ господъ. Если императоръ согласенъ съ этимъ, то мы вмѣстѣ представимъ Австріи декларацію, и она будетъ, конечно, обязана сообразоваться съ ней» [3]). Онъ считаетъ все возможнымъ, только бы Александръ согласился на это, а Александръ долженъ согласиться на это.

«Онъ, кажется, убѣжденъ, пишетъ Меттернихъ, что онъ дошелъ до того, что всякая умѣренность представляется для него лишь безполезнымъ стѣсненіемъ». Всѣ находили его измѣнившимся: пожирѣвшимъ, приземистымъ, не отяжелѣвшимъ, но «съ короткимъ и толстымъ станомъ», съ маленькими мясистыми ногами, съ свинцовымъ цвѣтомъ лица, съ облысѣвшимъ лбомъ, съ лицомъ, живо напоминающимъ римскую медаль» [1]). Ничего не осталось отъ корсиканца съ гладкими волосами, отъ энергическаго молодого человѣка, блѣднаго и стройнаго, который десять лѣтъ тому назадъ устремился на завоеваніе свѣта. Тогда все въ немъ предвѣщало героя; теперь все въ немъ показываетъ императора. Метаморфоза совершалась съ 1804 года. Послѣ такого долгаго отсутствія, она поражала и, казалось, обнаруживалась. Съ этого времени начинается легенда о Наполеонѣ отличномъ отъ Бонапарта, какъ имперія отличается отъ консульства. Явленія шли съ такою быстротою, что ускользали отъ вниманія. Нельзя было удержать нить, и находили болѣе простымъ говорить, что явленія измѣнились, тогда какъ они продолжались, но все съ возрастающей быстротой движенія. Огромность имперіи, да вдобавокъ страсть, манія деталей заставляли Наполеона разбрасываться. Его умъ казался болѣе живымъ, чѣмъ когда бы то ни было, но у него уже не хватало времени для контроля, его едва достаточно было для того, чтобы выслушать: точность деталей занимала у него мѣсто контроля. Съ тѣхъ поръ его обманывали съ точностью. Онъ принималъ императоровъ за своимъ столомъ, низлагалъ и ставилъ королей. Онъ мѣшалъ ихъ кровь со своею. Онъ женилъ Евгенія на Баварской принцессѣ и собирался женить Іеронима на принцессѣ Вюртембергской. Мысль основать свою личную династію, по своей прямой нисходящей линіи, все болѣе овладѣваетъ его умомъ. Маленькій Наполеонъ, сынъ Людовика, умеръ. Наполеонъ самъ имѣлъ незаконнаго сына, значитъ, онъ можетъ быть отцомъ. Мысль о разводѣ, которую онъ не разъ отстранялъ, занимаетъ его умъ и связывается въ немъ съ политическими соображеніями, съ комбинаціей великаго брака, который освятилъ бы великій союзъ.

Блескомъ своего двора онъ хочетъ затмить всѣ дворы. Въ Тюильри замѣчается сразу и больше блеска и больше этикета. Туда стекается прежняя знать, изо всѣхъ присоединенныхъ странъ, въ особенности нѣмецкая: Наполеонъ хочетъ завести новое дворянство: военныхъ герцоговъ, маршаловъ; герцоговъ штатскихъ, министровъ; маіораты, великолѣпные надѣлы [2]). Никто не жалуется, что ему насильно сунули въ руку, ни на то, что она нахватала черезчуръ много. Но люди опытные, которые гордятся «прозрѣніемъ будущаго», запасаютъ себѣ на случай свои изво-

[1]) Lettres de Bray, Dresde, 20 juillet 1807.

[2]) Relation de Metternich. *Mémoires*, t. I. p. 295.—Oncken.

[3]) A Savary, 26 août, 16 septembre 1807. — A Champagny, 12, 28 août, 1807.

[1]) D'après un croquis du duc de Broglie. Souvenirs, t. I, p. 57.

[2]) Lettre à Cambacérès, 12 août 1807.—Message au Sénat sur la nécessité de créer une noblesse, 28 mai, 1807—Décrets du 1-er mars 1808, concernant les titres. Voir Edmond Blanc: *Napoléon 1-er, ses institutions*, chap. IX.

роты. Таллейранъ, который былъ корифеемъ и шелъ во главѣ кортежа, который первымъ слышалъ, такъ сказать, прозябаніе травы, первый показываетъ намѣреніе идти первымъ туда, куда подуетъ встрѣчный вѣтеръ [1]). Въ моментъ, когда онъ думаетъ оставить императора, императоръ отступаетъ отъ него. Находитъ ли онъ его черезчуръ безпечнымъ, слишкомъ дальновиднымъ, имѣющимъ слишкомъ широкія знакомства, патрономъ слишкомъ большой кліентелы во Франціи, кліентомъ слишкомъ многихъ иностранныхъ государей, черезчуръ «европейцемъ» не вчерашней Европы, а завтрашней?

Онъ замѣняетъ его другимъ въ вопросахъ внѣшней политики и въ утѣшеніе назначаетъ его великимъ вице-электоромъ. Въ этой выгодной синекурѣ Таллейрану угодно было усмотрѣть опалу, которая давала право быть вѣроломнымъ. Ошибка Наполеона состояла въ томъ, что онъ доставлялъ ему случаи показывать свое вѣроломство. Въ самомъ дѣлѣ, Наполеонъ продолжалъ призывать его для совѣщанія въ важныхъ дѣлахъ, привыкши къ его услугамъ, питая пристрастіе къ его сужденіямъ. Въ то же время онъ хотѣлъ такимъ образомъ скомпрометировать его передъ Европой, передъ которой Таллейранъ старался выставить себя министромъ *in partibus*. Таллейранъ находилъ выгоднымъ для себя такое очевидное довѣріе хозяина, имѣя въ немъ средство сохранить свой престижъ во Франціи, свой кредитъ за границей. Онъ старался, чтобы его считали умѣряющимъ замыслы Наполеона, то-есть, маклеромъ будущаго мира. Но, выжидая событій, онъ волей-неволей продолжаетъ оказывать услуги завоевательной политикѣ. «Таллейранъ, писалъ одинъ русскій дипломатъ, послѣ того, какъ онъ поощрялъ своего государя во всѣхъ предпріятіяхъ, пока они доставляли ему средства для увеличенія своего благосостоянія [2]), желалъ бы теперь наслаждаться покоемъ: по возвращеніи изъ Тильзита онъ обходитъ всѣ планы Наполеона, могущіе нарушить спокойствіе Европы [3]). Но это недовольство сказывается только внутри его и передъ его друзьями, никогда не производя никакого другого эффекта. Онъ не имѣетъ достаточно вліянія, чтобы заставить Наполеона отказаться отъ своихъ проектовъ. Въ немъ слишкомъ много самолюбія и недостаточно характера, чтобы отказаться служить орудіемъ для этихъ проектовъ всякій разъ, когда этого отъ него требуютъ» [4]).

Его преемникомъ Наполеонъ назначилъ Шампаньи, котораго онъ сдѣ-

[1]) См. мои *Lectures historiques:* Talleyrand et ses mémoires.

[2]) И въ самое послѣднее время, во время переговоровъ съ поляками. Sainte-Beuve, *Nouveaux Lundis,* t. XI. Article *Talleyrand.*

[3]) Vues de Talleyrand sur la paix en 1807. *Mémoires*, t. II, p. 132.

[4]) Lettre de Tolstoï, 17 mai 1808.

лалъ графомъ, потомъ герцогомъ Кадорскимъ, и котораго находилъ болѣе угодливымъ, не столько изобрѣтателемъ плановъ, а скорѣе точнымъ исполнителемъ предписаній. Шампаньи вовсе не имѣетъ ни талантовъ Таллейрана, ни его гордаго нахальства, ни его ума, ни особенно его происхожденія, позволявшаго тому держаться всегда внѣ и выше своего служебнаго положенія, каково бы оно ни было [1]). Но по существу Шампаньи принадлежалъ къ той же политической школѣ, и, насколько онъ позволялъ себѣ мыслить, можно допустить, что онъ думалъ такъ же, какъ Таллейранъ и его друзья, какъ друзья Іосифа, какъ многіе другіе, какъ почти всѣ, то есть, что Наполеонъ заходитъ черезчуръ далеко, что онъ погубитъ ихъ, разоритъ ихъ, если они не предупредятъ несчастья посредствомъ мира, который былъ бы пріемлемымъ. Онъ умеръ пэромъ Франціи іюльской монархіи. Можно сказать, что онъ былъ пэръ отъ рожденія: въ промежуточное время, покорный, безмолвный слуга государя; но неспокойный и не могущій забыть нѣкоторыхъ словъ, болѣе чѣмъ компрометирующихъ, сказанныхъ за пять лѣтъ раньше д'Антрегу, другу своей юности, и которыя, если бы ихъ пересказали императору, очень повредили бы его участи [2]).

Александръ долженъ былъ предложить свое посредничество въ Лондонѣ. Наполеонъ не сомнѣвается, что оно будетъ отклонено, и, торопя царя [3]), онъ въ то же время принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы непосредственно за отказомъ отъ посредничества началась борьба страшная и рѣшительная. Александръ будетъ дѣйствовать въ Балтійскомъ морѣ, на Данію и Швецію. Если Швеція отклонитъ союзъ, то она понесетъ на себѣ послѣдствія этого, и Финляндія пойдетъ въ уплату Россіи за ея усердіе [4]). Голландія постоянно увертывается: Людовикъ, мягкій по природѣ, не умѣетъ заставить повиноваться себѣ. «Я отправлю, пишетъ ему Наполеонъ, летучія колонны, чтобы конфисковать англійскіе товары и арестовать собственниковъ ихъ». Шампаньи повторяетъ страшную угрозу Сіэса въ 1795 году. «Если голландскіе чиновники будутъ

[1]) Вольнодумецъ среди епископовъ, епископъ среди членовъ учредительнаго собранія, получаетъ дипломатическое порученіе во время террора, сторонникъ конституціи при директоріи, бывшій царедворецъ при консульствѣ и бывшій представитель знати во время имперіи, имперскій князь при реставраціи, пэръ Франціи въ 1814 г., при Людовикѣ-Филиппѣ; всегда онъ чувствуетъ себя какъ у себя дома, всегда грансеньоръ; таковымъ былъ Ретцъ во время Фронды, въ парламентѣ, въ Римѣ, въ санѣ архіепископа парижскаго и послѣ своего удаленія на покой.

[2]) Pingaud, p. 204. Conversation à Vienne, 21 août 1802. Ср. т. V, стр. 295.

[3]) Сентябрьскія письма, въ особенности письмо отъ 28 сент. 1807 г.

[4]) A Alexandre, 28 août; à Campagny, 7 septembre 1807. Lecestre.

продолжать поступать такимъ образомъ, то императоръ, пользуясь правомъ завоеванія, будетъ принужденъ управлять Голландіей посредствомъ французской администраціи» [1]).

Въ Германіи онъ учреждаетъ королевство вестфальское, для Іеронима. Оно будетъ служить маркою имперіи [2]), образцомъ министрамъ въ искусствѣ управлять народами, примѣромъ королямъ въ послушаніи законамъ имперіи, и важнѣйшему изо всѣхъ—закону о блокадѣ.

У него нѣтъ ни охоты ни интереса ускорять восточный кризисъ. Онъ ничуть не торопится примѣнить на дѣлѣ Тильзитскій союзъ. Поведеніе это имѣетъ двѣ цѣли: дѣйствовать для соблюденія видимости, и дать дѣлу выгодное для себя направленіе, если бы пришлось дѣйствовать реально. Во всякомъ случаѣ ничего не предпринимать, пока Россія не объявитъ войны англичанамъ и своими диверсіями не заставитъ ихъ уйти изъ Средиземнаго моря. Въ противномъ случаѣ, при первомъ слухѣ о раздѣлѣ англичане, уже имѣющіе въ своихъ рукахъ Гибралтаръ, Мальту, Сицилію, займутъ Египетъ, и желанный Франціей кусокъ ускользнетъ. Итакъ онъ наблюдаетъ, присматриваетъ, уговариваетъ турецкаго султана: Фридландъ спасъ его отъ окончательнаго разгрома; посредничество императора «однимъ почеркомъ пера сдѣлало то, чего великій визирь со всѣми оттоманскими силами не могли бы сдѣлать въ десять лѣтъ войны... Если Порта приметъ посредничество, если она будетъ впредь относиться съ довѣріемъ къ дружбѣ Франціи, то императоръ еще поддержитъ ее, эта держава еще будетъ прозябать нѣкоторое время... Но, если Порта заключитъ миръ съ Англіей, — считайте ее погибшею. Императоръ не откажется отъ проекта раздѣлить ея провинціи, предлагаемаго со времени Тильзита, и съ концомъ года окончится ея политическое существованіе...» [3]). Турки соглашаются. 24 августа, въ Слободзеѣ, подписано перемиріе, устроенное французскимъ генераломъ Гильемино и въ высшей степени благопріятное туркамъ: русскіе обязываются уйти на другую сторону Днѣстра, возвратить взятые ими съ бою корабли; придунайскія княжества будутъ эвакуированы. Это перемиріе стоитъ такой побѣды, какая давно уже неизвѣстна туркамъ. Диванъ торжествуетъ, склоняется въ сторону Франціи; Мустафа извѣщаетъ Наполеона, что онъ закрываетъ свои порты англичанамъ.

Охранитель въ Константинополѣ, въ Петербургѣ Наполеонъ долженъ изображать изъ себя сторонника раздѣла. Это есть только любезничанье,

[1]) Lettres à Louis, août-septembre 1807. Rocquain.—Lettre du 29 septembre. Ducasse. Ср. т. IV, стр. 287, 239.

[2]) Décrets d'investiture, 18—19 août 1807.

[3]) Champagny à Sébastiani, 7 septembre 1807.—Driault, ch. VI.

фразы, предупредительность и всевозможные соблазны. Савари открываетъ царю о заговорѣ противъ его личности. Злые языки англійской партіи инсинуируютъ, что венсенскій довѣренный, будучи образцовымъ полицейскимъ, самъ затѣялъ комплотъ, чтобы легче было предупредить о немъ. Спасши жизнь Александру, Савари старается развлекать его. У Наполеона совсѣмъ свѣжи въ памяти тильзитскіе вечера: «Онъ большой матеріалистъ!» *Добродѣтели* Александра пахнули духомъ ихъ идеолога: это—добродѣтели совсѣмъ идеальныя, книжныя, вполнѣ совмѣстимыя съ распутствомъ; его чувствительность уживалась со всѣми развлеченіями чувствъ; мистицизмъ и удовольствія мирно дѣлили между собою его жизнь, и если оказывалось какое-нибудь злоупотребленіе, то это было не со стороны созерцанія [1]). «Моды для вашихъ русскихъ красавицъ скоро будутъ высланы, пишетъ императоръ Савари. Я хочу взять издержки на свой счетъ... Таллейранъ отправитъ актеровъ и актрисъ» [2])... Онъ торопитъ дѣйствовать въ Лондонѣ, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ нѣкотораго безпокойства относительно измѣнчивости Александра: этотъ императоръ можетъ такъ же исчезнуть изъ этого союза, какъ кинулся въ него [3]). «Что касается Турціи, пишетъ онъ Савари, то это дѣло требуетъ многихъ соображеній, въ которыхъ надо быть очень осторожнымъ. Это дѣло слишкомъ сложное, для того чтобы вы могли знать всѣ мои намѣренія... Впрочемъ, кажется, что эта имперія падаетъ съ каждымъ днемъ».

III.

23 іюля Савари нашелъ Александра въ Петербургѣ, прибывшаго туда 20 іюля. Наполеонъ не хотѣлъ предоставить своего впечатлительнаго союзника дѣйствію вліяній послѣ его возвращенія. И онъ былъ правъ. Враждебное отношеніе къ союзу оказалось несравненно болѣе сильнымъ и дѣятельнымъ, чѣмъ онъ могъ подозрѣвать это. Миролюбивые, Чарторыйскій, Строгоновъ, Новосильцовъ отказывались отъ мира. Старые русскіе называли его постыднымъ. Великій князь Константинъ, недавно требовавшій мира, потому что этого хотѣли окружавшіе его военные, теперь не одобряетъ его, потому что въ Петербургѣ и Москвѣ царитъ противоположное мнѣніе. «Я сначала отказывался вѣрить этому, пишетъ изъ Лондона С. Воронцовъ... Я чувствую себя совершенно униженнымъ... Я не смѣю появляться въ

[1]) Moriolles, *Mémoires*, p. 265. — Le romantisme peupla le monde de ces archanges en quête de chutes. «Ils virent que les filles des hommes étaient belles et prirent pour leurs femmes celles qui leur avaient plu».

[2]) 28 septembre, 9 octobre 1807.

[3]) Lettres à Alexandre, à Savary, 26 et 28 août; à Champagny, 30 août, 7, 29 septembre, 14 octobre 1807.

публикѣ... У меня нѣтъ силъ переносить съ твердостію несчастье, позоръ, порабощеніе и неизбѣжное паденіе моей злополучной родины, сразу потерявшей самую высокую славу и такое дѣйствительное могущество, какихъ никогда не имѣлъ ни одинъ народъ»... Они проклинаютъ «гнусную измѣну преступниковъ, которые давали совѣты императору». Англія сохраняетъ при дворѣ могущественную партію, партію интересовъ аристократіи и партію русской гордости. Императрица-мать составляетъ душу этой партіи. Въ глазахъ этихъ старыхъ русскихъ Франція продолжаетъ быть орудіемъ революціи. Они опасаются не того, что *Права человѣка* она будетъ распространять среди мужиковъ, а того, что имъ кажется неизмѣримо болѣе страшнымъ, что она подниметъ поляковъ, что она вновь сдѣлаетъ ихъ гражданами, что Польшу опять сдѣлаютъ государствомъ, и что, наконецъ, «евреевъ, которые разсѣяны волею Божіею, она объединитъ, чтобы ринуть ихъ противъ христіанской церкви» [1]). Война съ Англіей мало того что нарушила бы традиціонный союзъ, она истощила бы доходы дворянства, лишила бы его предметовъ роскоши, къ которымъ оно привыкло,—чая, сахара; она довела бы народъ до голода, легла бы тяжестію на всю націю.

Александра упрекаютъ за то, что онъ позволилъ побить себя — что не важно, ибо Россія считала себя въ концѣ концовъ непобѣдимою и Фридландъ объясняла какъ случайность; — его обвиняютъ больше всего за то, что онъ позволилъ обмануть себя. Кажется, что онъ сталъ меньше, что онъ всегда чье-то орудіе или игрушка чего-то. Онъ далъ обязательства Наполеону. Онъ унизилъ святую Русь передъ тѣмъ, кто кощунственно отрицаетъ королей, разбиваетъ короны, узурпируетъ королевства. Онъ забылъ убійство герцога Энгьенскаго, онъ завершитъ свое порабощеніе изгнаніемъ Бурбоновъ, своихъ гостей, спасавшихся въ его владѣніяхъ [2]). И къ чему столько жертвъ? Ничего для дворянства. «Я ничего не даю этимъ людямъ», говорилъ Александръ Савари. «Всѣ они привыкли, при Екатеринѣ, биться единственно для того, чтобы грабить побѣжденныхъ». А между тѣмъ они возвращаются — кто остался въ живыхъ — хромые, разоренные, потерявъ свои экипажи, своихъ лошадей, чтобы вступить въ заложенныя имѣнія. Дворянство разочаровано, военщина унижена. Прибавьте къ этому молодежь, всегда недовольную, во всѣхъ отношеніяхъ безпокойную. Всѣ эти люди фрондируютъ, пронырничаютъ, даже конспи-

[1]) Объ этихъ опасеніяхъ, которыя могли быть одно время основательными, и о великомъ планѣ, который Наполеонъ замыслилъ тогда въ пользу Израиля, см. *Mémoires* de Pasquier, t. I, p. 278.

[2]) Août 1807. Ernest Daudet, *les Bourbons et la Russie.—Société d'Histoire de Russie*, t. LXXXIX.

рируютъ. Это—глухая оппозиція, но она опаснѣе, чѣмъ весь британскій парламентъ взятый вмѣстѣ. «У насъ нѣтъ, говорилъ позже Новосильцовъ, ни конституціи, ни трибуны, ни газетъ, но тѣмъ не менѣе у насъ есть извѣстная сила общественнаго мнѣнія... Если государь такого характера, что онъ не можетъ внимать ни доводамъ, ни общему чувству, ни совѣтамъ,—тогда нужно хорошо распорядиться». И такъ *распорядились* съ Петромъ III, съ его сыномъ. По тѣмъ же причинамъ, но подъ болѣе очевиднымъ предлогомъ, опять начинаютъ циркулировать тѣ фразы, которыя предшествовали убійству Павла. «Иль у васъ больше нѣтъ Паленовъ, Зубовыхъ, Беннигсеновъ?» Не было недостатка въ охотникахъ, экзальтированныхъ, въ людяхъ съ тяжелой рукой. «Не только въ частныхъ разговорахъ, но и въ публичныхъ собраніяхъ идетъ рѣчь о перемѣнѣ царствованія», писалъ одинъ шведскій агентъ. И Савари: «Этотъ классъ людей доставитъ много хлопотъ императору Александру, и дворцовыя революціи здѣсь такъ легки, что никакая осторожность противъ нихъ не излишня». Монахи, попы молятся за добрый народъ, молятся противъ Наполеона. Между людьми образованными тайно циркулируютъ памфлеты противъ французовъ [1]).

Съ тѣхъ поръ въ Петербургѣ и Москвѣ существуютъ двѣ Россіи: Россія старая, анти-французская, архи-англійская. Одна — Россія интересовъ, страстей, традицій, православія, и къ ней принадлежатъ почти всѣ: другая—Россія оффиціальная, искусственная, и она состоитъ, можно сказать, изъ одного только императора. Причемъ эта оффиціальная Россія имѣетъ два лица: одно улыбающееся, обращенное къ Наполеону, другое серьезное, покровительственное, обращенное къ его врагамъ.

Наполеону Александръ какъ бы говоритъ: «Я жду!» а другимъ: «Обождите!» Нѣтъ сомнѣнія, онъ испытываетъ нѣкоторое разочарованіе, нѣкоторое безпокойство, видя, что имъ недовольны, что ему угрожаютъ въ собственной имперіи. Онъ выказываетъ большую твердость, увѣренный, что его народъ, когда онъ узнаетъ его секретъ, одобритъ все его поведеніе и будетъ удивляться искусству его пріемовъ. Однако, среда оказываетъ свое дѣйствіе: мало по малу Тильзитъ принимаетъ въ немъ другую окраску, и когда Александръ вступилъ на русскую почву, онъ почувствовалъ презрѣніе къ Тильзиту [2]).

[1]) Archives Woronzof. Lettres de septembre 1807. — Joseph de Maistre à d'Avaray, 24 juillet 1807.

[2]) Такъ будетъ онъ держать себя и на конгрессахъ въ 1818 — 1823 гг.: европейцемъ въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ и противникомъ революціи повсюду, даже въ Греціи: едва успѣлъ онъ избавиться отъ Меттерниха и вернуться въ Петербургъ, какъ сдѣлался туркофобомъ, православнымъ, филэллиномъ.

Савари не обманывастъ себя на этотъ счетъ. Съ первыхъ дней Александръ начинаетъ свою игру любезно, приглашая Савари на обѣды, удерживая его въ длинныхъ разговорахъ, одинъ на одинъ, на прогулкѣ; откровенничая съ нимъ о своихъ затрудненіяхъ, о жертвахъ, которыхъ ему стоитъ союзъ; увѣряя въ своемъ расположеніи, въ своемъ удивленіи, въ своей вѣрности; но сейчасъ же сводя разговоръ на реальное, то есть, на Востокъ. «Императоръ далъ мнѣ въ Тильзитѣ доказательства преданности, которой я никогда не забуду... Чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ довольнѣе становлюсь я, что я увидѣлъ его... Это человѣкъ необыкновенный... Я далъ ему слово, и я сдержу его. Имѣете вы какія-нибудь инструкціи?—Нѣтъ, государь, мнѣ поручено только стараться быть пріятнымъ вашему величеству...—Императоръ, который судитъ о вещахъ лучше чѣмъ кто бы то ни было, казалось, тоже понималъ, что Константинопольская имперія не можетъ еще долго занимать мѣсто въ ряду европейскихъ державъ. Мы много говорили объ этомъ... Признаюсь... что положеніе Россіи дастъ ей поводъ надѣяться на часть посмертнаго наслѣдства... Императоръ любезно понялъ мою мысль... Я цѣликомъ полагаюсь на него, когда онъ найдетъ, что этотъ моментъ наступилъ... Я очень разсчитываю на преданность, которую онъ мнѣ доказалъ... Если вы имѣете отъ него на этотъ счетъ инструкціи, мы поговоримъ объ этомъ [1])»...

По выходѣ изъ дворца Савари чувствуетъ лишь досаду, почти оскорбленіе. Императрица-мать, принужденная принять его, привѣтствуетъ его холодно, и аудіенція продолжается едва одну минуту. Нуженъ былъ спеціальный приказъ царя, чтобы снятъ былъ карантинъ. «Я вездѣ замѣчалъ молчаніе о политическихъ дѣлахъ, походившее на оцѣпенѣніе. Никто не смѣлъ говорить ни о Тильзитѣ, ни о мирѣ, ни о Франціи, ни объ императорѣ». Напротивъ, англичане окружены вниманіемъ, ласками. Маркизъ Дугласъ продолжаетъ являться при дворѣ, хотя въ посольствѣ онъ былъ замѣщенъ Говеромъ. «Они оба находятся въ дружескихъ, совсѣмъ открытыхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ посломъ, Мервельдтомъ».—«Англійскій посланникъ самое могущественное частное лицо въ Россіи послѣ великаго князя... Англичане даютъ здѣсь тонъ... Ихъ посланникъ властитель... Его отъѣздъ произведетъ сенсацію»...

Ничуть не торопятся отправить его. «Императоръ, говоритъ Будбергъ Говеру, очень далекъ отъ желанія поссориться съ Англіей. Онъ продолжаетъ смотрѣть на эту державу какъ на лучшаго своего союзника, и все то, что онъ только что заключилъ съ Франціей, есть дѣло необходимости, которое будетъ существовать недолго... И такова же будетъ судьба

[1]) Conversation des 23 et 24 juillet 1807. Vandal.

всякаго мира, пока во Франціи будетъ продолжаться революціонная система. Событія примутъ ихъ настоящій видъ: Россія, Англія и Австрія опять будутъ союзниками». Такое же вниманіе существуетъ въ Лондонѣ между Каннингомъ и русскимъ посланникомъ. Въ сущности, это отвѣтъ на игру Наполеона въ Константинополѣ: оба союзника одинаково понимаютъ посредничество, именно какъ обереганіе, одинъ оберегаетъ Турцію, другой Англію; одинъ вчерашняго союзника, другой завтрашняго союзника, противъ союзника тильзитскаго.

По своемъ возвращеніи Александръ извѣстилъ Лондонъ объ этомъ посредничествѣ. Была ли у него иллюзія избѣжать войны? Англичане отвѣтили ему въ двоякой формѣ: письменно и актами. Письменный отвѣтъ старался отдалить разрывъ, поступки ускорили его.

Англійскіе министры не вѣрили въ полный союзъ между Александромъ и Наполеономъ, и они разсчитывали на свою могущественную партію въ Петербургѣ, чтобы ослабить обязательства, которыя далъ Александръ, или даже чтобы и совсѣмъ уничтожить ихъ. Въ видахъ усиленія посольства, они отправили въ Петербургъ оффиціальнаго агента, Вильсона, который находился при главномъ русскомъ штабѣ, чтобы слѣдить за военными операціями, и пользовался тамъ большой благосклонностію. 5 августа Каннингъ отвѣтилъ на предложеніе посредничества. Онъ требовалъ сообщенія секретныхъ пунктовъ тильзитскаго договора и условій мира. Раньше этого онъ не могъ дать отвѣтъ болѣе точный. Но англійскіе министры не теряли времени, чтобы обезопасить себя противъ самаго страшнаго для нихъ послѣдствія отъ перемѣны въ политикѣ Россіи, то-есть, отъ возврата къ лигѣ 1780 года, когда Швеція и Данія были въ коаліціи, когда Балтійское море, закрытое англійскому главенству, было открыто торговлѣ нейтральныхъ, и когда флотъ въ сорокъ кораблей поддерживалъ принципъ, отвергнутый Англіей, что флагъ покрываетъ товаръ. Они рѣшились, какъ въ 1793 году, объявить открытое осужденіе и поддержать его, какъ въ 1801 году, страшнымъ примѣромъ. Кестльри возвѣстилъ въ парламентѣ объ отходѣ флота изъ 23 линейныхъ кораблей и 500 транспортовъ. Кому они угрожаютъ, тѣ узнаютъ, уже получивъ ударъ, что и они въ опасности.

27 августа Александръ узналъ, что этотъ англійскій флотъ явился передъ Гельзингеромъ, и что англійскій уполномоченный Жаксонъ категорически потребовалъ отъ Даніи порвать съ Франціей и вступить въ союзъ съ Англіей, отдать датскій флотъ подъ команду англійскаго адмирала; въ противномъ случаѣ Копенгагенъ будетъ бомбардированъ и сожженъ [1]).

[1]) Rapports de Saint-Aignan; de Savary, 28 août 1807.—Rapports de Lizarévitch, Copenhague, 11—13 août 1807.

©ГПИБ СССР

Далекій отъ того, чтобы взволноваться такою «надменностію», Александръ увидѣлъ личное для себя оскорбленіе въ этомъ цинпческомъ нарушеніи нейтралитета: «Для меня, говоритъ онъ Савари, это есть случай доказать императору, какъ я твердъ въ томъ, что я обѣщалъ ему, и я искренно желаю вступить съ нимъ въ переговоры относительно мѣръ, которыя онъ хочетъ предпринять, чтобы усмирить эту державу». Отвѣтъ Каннинга пришелъ 9 сентября. Недовольство, которое онъ возбудилъ въ Александрѣ, позволило Савари поднять тонъ. Царь заявилъ о предстоящемъ отъѣздѣ въ Парижъ Толстого, котораго онъ уже раньше назначилъ для этого посольства. Онъ перемѣнилъ своихъ министровъ, далъ отставку Будбергу и Кочубею, которые явно были враждебны французамъ, и замѣстилъ ихъ Румянцевымъ въ иностранныхъ дѣлахъ, во внутреннихъ дѣлахъ Сперанскимъ, которые, будто бы, симпатизировали Тильзитскому союзу и французскимъ идеямъ. Пока это происходитъ, Александръ получаетъ церемоніе, устроенное при посредствѣ Гильемино [1]). Онъ очень оскорбился пунктомъ о возвращеніи кораблей и трофеевъ. Онъ сильно жаловался на это Савари. «Я не могу подписаться подъ этими пунктами... Я прежде всего задамъ головомойку моему генералу... Слѣдовало бы дать мнѣ письмо къ этому Гильемино... чтобы онъ заставилъ турокъ отказаться отъ этихъ двухъ пунктовъ... Онъ хотѣлъ показать усердіе... Я не хочу, чтобы это было сдѣлано на мой счетъ». Савари не могъ отказаться написать Гильемино. Дерзкое насиліе англичанъ очень кстати явилось отвлеченіемъ для этого гнѣва.

20 сентября Александръ призвалъ къ себѣ Савари. Онъ получилъ извѣстіе о бомбардировкѣ 2 сентября. Городъ, подъ угрозой полнаго разрушенія, капитулировалъ 7-го. Флотъ былъ отданъ англичанамъ, которые такимъ образомъ овладѣли 18 линейными кораблями, 17 фрегатами и 43 небольшими судами. Никогда Александръ не казался такимъ рѣшительнымъ: «Если вы находите необходимымъ въ планахъ императора... чтобы я сейчасъ же прервалъ сношенія съ Англіей, я совершенно готовъ, и завтра я могу сдѣлать это... Я поручилъ графу Воронцову пригласить лорда Говера... и я приказалъ, чтобы его прижали къ стѣнѣ, спросивъ у него принимаютъ ли—*да* или *нѣтъ* — мое посредничество. Румянцевъ очень сильно наступалъ на него, и онъ отвѣтилъ дѣйствительно и довольно сухо, что *оно не принято*. Итакъ, я считаю, что съ этой державой все кончено... Какъ только отвѣтъ Говера получится въ формѣ ноты, Говеръ отправится въ Лондонъ... [2]). Если императоръ пожелаетъ

[1]) См. выше, стр. 162.

[2]) Roumiantsof à Gower, 23 septembre, Gower à Roumiantsof, 24 septembre 1807; il insiste pour avoir communication des articles secrets de Tilsit.

возвратиться къ своей Булонской экспедиціи, въ его распоряженіи будутъ Сенявинъ и мои двадцать два корабля. Пусть Испанія и Голландія присоединятъ свои усилія, и многое станетъ возможнымъ». Первымъ результатомъ этого была бы эвакуація Польши, Пруссіи, Германіи, возвращеніе къ *statu quo* передъ Аустерлицкой кампаніей. А той порой, бросивъ Наполеона въ эту авантюру, Александръ предприметъ на свой ладъ легкое завоеваніе Финляндіи и возьмется за турокъ. Конечно это самый выгодный для него способъ выполнить обязательства Тильзита и лойяльности, отданной на высокіе проценты.

Толстой отправляется въ Парижъ, увозя съ собой письмо для Наполеона, съ датой 27 сентября. Его инструкціи, помѣченныя 26-мъ, представляютъ въ полномъ смыслѣ слова политическій русскій трактатъ: оправданіе и объясненіе союза. Два главные принципа: эвакуація Пруссіи французской арміей и расширеніе русской границы до Дуная. Александръ прибавилъ требованіе французскихъ ружей. «Я желаю, говоритъ Румянцевъ Савари 4 октября, хорошо служить Россіи и императору Наполеону... я также желаю *мчаться*, и я всегда жалѣю о потерянномъ времени.—Что вы разумѣете подъ словомъ *мчаться*?—Вопросъ касается важнаго дѣла, которое вамъ извѣстно... Между нами будь сказано, для насъ было бы въ высшей степени интересно, чтобы начали его поскорѣе. Не потому, чтобы императоръ Александръ желалъ дѣлать какія нибудь завоеванія, но потому что оттоманская имперія такъ близка къ смерти, что мы, даже безъ всякой помощи, будемъ обязаны явиться получить ея наслѣдство... Для этого не можетъ быть обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ...» Англія занята: говорятъ, она предпринимаетъ раздѣлъ Даніи въ пользу Швеціи. Австрія безсильна: «Теперь она ничто». Такимъ образомъ можно было бы сдѣлать союзъ популярнымъ: «Наполеонъ перемѣнилъ наши взгляды въ восемь дней, послѣ злосчастной войны, которая не завѣщаетъ намъ ничего хорошаго для исторіи. Говорятъ себѣ: но почему же не брать, когда всѣ берутъ? Мы, по крайней мѣрѣ, заключили бы почетный миръ. Повѣрьте, генералъ, что, если вашъ императоръ поможетъ нашему и хорошо выставитъ себя передъ націей, тогда перемѣна въ умахъ совершится мгновенно, и онъ отъ этого только выиграетъ... Если только онъ поможетъ намъ, то здѣсь будутъ предупреждать его желанія».

Многозначительный комментарій къ этимъ разговорамъ: лордъ Говеръ продолжалъ дожидаться своихъ паспортовъ. Вильсонъ пріѣхалъ 16 октября, былъ удивительно принятъ всѣмъ дворомъ, дружески допускался къ императору. Онъ дѣйствуетъ энергично противъ Франціи. «Англійская партія цѣпляется изо всѣхъ силъ», пишетъ Савари. Онъ получаетъ отъ

Наполеона одно за другимъ письма для царя. «Когда вы отправите курьера? спрашиваетъ Александръ 25 октября [1]). «Черезъ часъ по отъѣздѣ англійскаго посланника», отвѣчаетъ Савари. Александръ уступаетъ, но ставитъ за эту цѣну. 31 октября, по приглашенію Александра, Савари имѣетъ совѣщаніе съ Румянцевымъ [2]). Вильсонъ, говоритъ ему этотъ министръ, сдѣлалъ устные намеки: «Нѣтъ ничего, будто бы сказалъ онъ, что не сдѣлалъ бы лондонскій кабинетъ для сохраненія дружбы съ Россіей... Мы рѣшились продолжать войну... Мы рѣшили не заключать мира, пока не получимъ въ Германіи часть страны, которая служила бы грознымъ барьеромъ между Франціей и другими державами... Этотъ барьеръ мы не желаемъ признать какъ расширеніе Пруссіи и Россіи. Въ публикѣ говорятъ, что вы завладѣете Валахіей и Молдавіей. Англія посмотритъ на это съ удовольствіемъ... Она только желаетъ, чтобы это не было результатомъ раздѣла съ другими державами»... Царь, продолжаетъ Румянцевъ, великодушно отклонилъ эти предложенія. «Вотъ прекрасный случай доказать императору искренность моихъ чувствъ... Я придаю большое значеніе тому, чтобы отнять у нихъ (англичанъ) всякую надежду на интриги. Приготовьте ноту и паспорта для лорда Говера, а также сообщеніе сенату»... Наполеонъ узнаетъ то, что предлагаетъ Англія царю за разрывъ Тильзитскаго договора. Очередь Наполеона показать, что онъ дастъ за приложеніе печати къ этому договору. 1 ноября, Александръ видитъ Савари: «Если императоръ хочетъ завоевать наши сердца, говоритъ онъ ему—не меня, въ вопросахъ религіи я человѣкъ вполнѣ просвѣщенный, но всю эту громадную націю—то онъ можетъ это сдѣлать, оказывая намъ явное преимущество передъ турками»... 4 ноября Савари могъ возвѣстить, что война Англіи объявлена, что паспорта возвращены лорду Говеру, что отзывныя письма посланы Алопеусу [3]). Эти акты были опубликованы, торжественно, по формѣ. Но отъ этой войны, которую зима дѣлала не очень страшной англичанамъ и очень мало обременительной русскимъ, до прекращенія всѣхъ торговыхъ сношеній и до строгаго соблюденія *блокады* предстояло еще сдѣлать не одинъ шагъ. Александръ поступилъ согласно съ буквой Тильзитскаго трактата. Онъ предоставилъ Наполеону показать русскимъ духъ этого трактата. Въ ожиданіи событій, вовсе не производя на Пруссію и на Австрію того давленія, какого требовалъ Наполеонъ, Александръ поддер-

[1]) Napoléon à Alexandre, 26 août, reçue le 15 septembre; 16 septembre, reçue le 10 octobre; 27 septembre, reçue le 24 octobre, 1807.

[2]) Rapport de Savary, 4 novembre 1807.

[3]) Roumiantsof à Alopeus, 7 novembre; déclaration russe, 7 novembre; note pour Canning, 8 novembre; Roumiantsof à Gower, 9 novembre 1807.

живалъ падающее мужество пруссаковъ, призывалъ ихъ къ жизни и уговаривалъ австрійцевъ быть терпѣливыми. «Дружба и союзъ съ Австріей, писалъ вѣнскій посланникъ Куракинъ, суть двѣ гири, которыхъ политика никогда не должна снимать съ нашей чашки вѣсовъ, и наши соглашенія съ Франціей не мѣшаютъ намъ держаться этой системы».

IV.

Намѣренія Россіи вполнѣ согласовались съ намѣреніями Австріи. Достаточно Куракину полуоткрыть ротъ, чтобы Стадіонъ понималъ его съ полуслова. *Жить и ожидать* становится принципомъ этого министра. Меттернихъ со своей парижской обсерваторіи совѣтуетъ Францу II то же самое: поступать по примѣру императорскаго двора, Таллейрана, Фуше, множества маршаловъ и важныхъ сановниковъ: склонять голову, протягивать руку, принимать щедрыя милости и готовиться къ событію, которое неизбѣжно совершится. Тогда Австрія дождалась бы своей поры и получила бы свой реваншъ: «Наше положеніе чрезвычайно ухудшилось вслѣдствіе тильзитскаго трактата, но монархія осталась неприкосновенною, границы ея закруглены. Современное состояніе Европы носитъ въ самомъ себѣ зародышъ разрушенія, и мудрость правительства должна сохранить насъ до того дня, когда 300,000 человѣкъ соединенныхъ вмѣстѣ, управляемыхъ одною волею и направляемыхъ къ одной общей цѣли, сыграютъ главную роль въ Европѣ... Никто не сумѣлъ бы предсказать день, когда это произойдетъ, но ничто не можетъ отсрочить его за исключеніемъ жизни лишь одного человѣка. И весь геній этого человѣка тѣмъ менѣе можетъ задержать это событіе, что онъ еще не принялъ ни малѣйшей мѣры для избѣжанія его неминуемыхъ слѣдствій» [1]).

Покорная по наружности, почтительная въ своемъ подчиненіи, готовая впрочемъ потребовать свою долю въ добычѣ, если бы Наполеонъ продолжалъ грабить, готовая удовольствоваться даже подачкой изъ остатковъ, Австрія думала о сюрпризѣ 1809 года и большомъ обходномъ движеніи 1813 года. Въ Пруссіи готовъ былъ вспыхнуть бунтъ. Наполеонъ считалъ ее обезсиленною. Онъ оставитъ ее догнивать, распадаться кусками, которые онъ отдастъ герцогству варшавскому, Саксоніи, Австріи, даже Россіи. Онъ ускоритъ катастрофу, постоянно истощая Пруссію контрибуціями. Договоръ позволитъ ему оккупировать страну, вымогать деньги, пока не будетъ опредѣлена общая сумма военной контрибуціи, которую онъ опредѣлитъ лишь тогда, когда оккупація страны сдѣлаетъ

[1]) Rapport à l'empereur, 24 octobre 1807. Beer.—Rapport de Metternich, 26 juillet.

уплату невозможной. Въ бунтахъ, вспыхивающихъ то здѣсь, то тамъ, онъ видитъ только *безчинство*, которое слѣдуетъ подавлять разстрѣлами: «Они дерзки и неспособны». «Это люди совершенно негодные, такіе же глупые, какими были всегда» [1]). Это было глубокое презрѣніе, закрывавшее ему глаза на революцію, которая съ этой поры начала преобразовывать эту страну.

Она неуловима для Наполеона, потому что въ своихъ средствахъ и въ своихъ формахъ она существенно отличается отъ французской революціи. Точно такъ политики стараго режима, судившіе по прежнимъ, относились къ послѣдней съ презрѣніемъ и думали, Питтъ въ такой же мѣрѣ, какъ Екатерина Великая, что она разоритъ Францію, разрушитъ ее какъ государство, погубитъ какъ націю [2]). Наполеонъ опасался Гарденберга, потому что этотъ дипломатъ обошелъ его и хвастался реформами во французскомъ духѣ. Онъ потребовалъ, чтобы король удалилъ его. Его преемниковъ онъ принималъ за олуховъ, а когда сталъ считать ихъ опасными, то видѣлъ въ нихъ конспираторовъ и смутьяновъ, но не людей государственныхъ, не обновителей монархіи: кто брался за оружіе, въ тѣхъ онъ видѣлъ соревнователей Жоржа Кадудаля, Фротте; кто пользовался словомъ, въ тѣхъ онъ видѣлъ идеологовъ, соревнователей Бенжамена Констана и госпожи де-Сталь.

А между тѣмъ въ Пруссіи произошла нѣкоторая значительная перемѣна. Такъ какъ государство было раздѣлено на части, армія разсѣяна, монархъ въ бѣгствѣ, удаленный на границу, то нѣсколько человѣкъ задумали отыскать народъ, спросить землю, въ чемъ заключается тайна ея оплодотворенія [3]). Въ центральной Европѣ это является первымъ знакомъ истиннаго и глубокаго воздѣйствія французской революціи: въ Италіи, въ Швейцаріи, на Рейнѣ, въ Нидерландахъ, въ Голландіи Франція пропагандировала идею государства и заставляла принимать свое главенство не менѣе своихъ принциповъ; она совершала революціи, которыя находились въ зависимости отъ нея, которыми она командовала, заправляла, которыя эксплоатировала. Здѣсь революція выходитъ изъ самой страны. На смѣну революціи космополитической, революціи словъ и принциповъ, стремящейся нивелировать почву, сдѣлать всѣ народы тождественными, сгладить всякій національный характеръ, уничтожить всякую оригинальность, чтобы установить владычество единаго народа и единаго понятія о государствѣ, *одну вѣру, одинъ законъ, одного короля!* вы-

[1]) A Champagny, 7 septembre; a Savary, 16, 28 septembre 1807.

[2]) См. т. I, стр. 424; II, стр. 17.

[3]) О послѣдствіяхъ и совокупности этой революціи въ Пруссіи, см. кн. II, гл. II, § 4.

ступаетъ революція вещей, душъ, которая стремится возродить всякую націю сообразно ея уму, ея сердцу, ея вѣковому темпераменту, и далекая отъ того, чтобы производить безличное сходство, угрюмое рабство, эта революція обособитъ, до враждебности и войны, различіе характеровъ, оригинальность, духъ независимости каждаго народа. Вмѣсто политическаго главенства, вмѣсто интеллектуальной магистратуры одной націи надъ другими выступаетъ пробужденіе человѣческаго достоинства, національнаго *я* каждой страны, увѣщаніе стать самимъ собою, подняться выше самого себя, произвести самому и для самого себя *истинную* революцію, сообразно своей плоти и своему духу, ради *истинной* свободы, такой свободы, которую понимаютъ и которую любятъ, ради возвышенія національнаго генія и могущества, подобно тому, какъ французская революція была возвышеніемъ французовъ.

Пруссія опять открываетъ себя или, вѣрнѣе, опять обнаруживаетъ себя. Ея переустройство совпадаетъ со временемъ ея наибольшаго упадка. Но въ какомъ мракѣ, при какихъ колебаніяхъ, при какихъ неясныхъ, сейчасъ же обрывающихся, мысляхъ совершится эта работа, безсознательная въ томъ народѣ, который является ея существеннымъ элементомъ, работа, которой не понимаетъ, которой даже противодѣйствуетъ король, кажущійся ея иниціаторомъ!

То, что въ августѣ и сентябрѣ 1807 года королевскіе совѣтники докладывали Фридриху-Вильгельму въ формѣ *справочныхъ замѣтокъ* [1]), это представляетъ собою настоящіе *мемуары* о возрожденіи Пруссіи. Это—революція сверху, но она проникаетъ все, всѣ степени, начиная условіями личными и имущественными и кончая королевскимъ совѣтомъ; начиная арміей и кончая администраціей коммунъ и округовъ. Все нужно передѣлать, все будетъ передѣлано. Доминирующая идея такъ была развита Гарденбергомъ [2]):

«Французская революція, по отношенію къ которой настоящія войны составляютъ не что иное какъ ея продолженіе, среди бурь и кровавыхъ сценъ, дала Франціи нежданный порывъ. Дремавшія силы были пробуждены... Сила новыхъ принциповъ такова, что государство, которое откажется принять ихъ, окажется въ необходимости или подчиниться имъ, или погибнуть. Самъ Наполеонъ и его помощники подчинены этой новой силѣ... Итакъ, революція въ хорошемъ смыслѣ слова, ведущая къ этой великой цѣли—къ облагороженію человѣчества, осуществленная мудростію правительства, а не насильственнымъ импульсомъ изнутри или извнѣ,—

[1]) 20 juillet, rapport de Schroetter; 17 août, mémoire de Schoen; 22 août, plan d'Altenstein. Ranke.

[2]) Mémoire du 12 septembre 1807. Ranke, t. IV, annexe.

© ГПИБ

вотъ что должно составлять нашъ предметъ, нашъ руководящій принципъ. Демократическіе принципы въ монархическомъ государствѣ, вотъ въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается формула, приспособленная къ духу времени» [1]).

Итакъ, консульство Бонапарта представляетъ типъ государства; французская армія отъ 1793 по 1795 годъ представляетъ типъ арміи [2]). Но недостаточно декретировать: кто декретировалъ бы въ Пруссіи мѣропріятія конвента и законы консулата, тотъ не достигъ бы ни республиканскихъ армій, ни консульскихъ учрежденій, ибо и тѣ и другія существенно французскія, и именно въ этомъ заключается ихъ сила. Итакъ, дѣло вовсе не въ томъ, чтобы эти пресловутые декреты перевести на нѣмецкій языкъ и провозгласить ихъ въ Пруссіи; дѣло въ томъ, чтобы заимствовать ихъ духъ и чтобы ихъ приспособить къ характеру народа, къ учрежденіямъ и традиціямъ государства. Это составило оригинальную и искусную работу прусскихъ реформаторовъ.

23 августа 1807 года, король, на основаніи докладовъ Шена и Шретера, рѣшилъ въ принципѣ уничтожить крѣпостное состояніе. 19 іюля и 6 августа онъ одобрилъ проекты Шарнгорста и Гнейзенау объ организаціи милицій и объ уничтоженіи привилегій въ избраніи офицеровъ. Таковъ былъ очень умѣренный, исходный пунктъ этого преобразованія, которое должно было привести къ гражданской свободѣ и къ всеобщей воинской повинности. Надо было координировать мѣропріятія, внушить ихъ королю, приказать ихъ привилегированымъ, лицамъ чиновнымъ, удаленнымъ чиновникамъ. «Наша слабость достигла крайнихъ предѣловъ, писалъ Альтенштейнъ; въ трясинѣ, въ которой мы бьемся, мы не можемъ найти точки опоры. Для этого нуженъ прочный устой. Имъ будетъ Штейнъ». Король подчинился. 30 сентября Штейнъ пріѣхалъ въ Мемель, и 5 октября онъ былъ облеченъ quasi-диктатурой. Въ его лицѣ Франція найдетъ въ Германіи наиболѣе опаснаго изъ своихъ противниковъ: Штейнъ отведетъ въ сторону тотъ потокъ, который уже два вѣка направлялъ Германію къ французскому покровительству. Изъ раздѣленнаго на части народа онъ сдѣлаетъ одну націю, и въ этой націи подготовитъ появленіе государства съ руководящей ролью, появленіе Пруссіи. Онъ есть истинный основатель германскаго единства. Въ Вестфаліи Наполеонъ образовалъ по французскому образцу, долженствующее сдѣлаться типомъ, нѣмецкое ленное государство, сообразно характеру, политикѣ и интересамъ Франціи. Штейнъ задается цѣлію образовать изъ Пруссіи образецъ на-

[1]) Срав. записки Мирабо, поданныя Людовику XVI въ 1790 г., т. II, 29, монархическая демократія, расширеніе могущества государства, 32.

[2]) См. т. VI, стр. 194.

ціональнаго нѣмецкаго государства сообразно характеру, традиціямъ, интересамъ Германіи. Эдиктъ отъ 9 октября 1806 года объ уничтоженіи крѣпостного состоянія былъ его первымъ правительственнымъ актомъ и первымъ звономъ колокола, призывающаго къ реформамъ. Умы сразу оживляются, и рядомъ съ работой государства начинается миссія интеллекта. Зимою 1807—1808 года Фихте открываетъ свою знаменитую проповѣдь, которая изъ безплоднаго и туманнаго метафизика дѣлаетъ самаго убѣжденнаго и самаго увлекательнаго учителя. Освободившись отъ космополитизма, онъ коснулся земли: онъ сдѣлался гражданиномъ только одного отечества, своего собственнаго. Съ этихъ поръ это—человѣкъ, который станетъ будить людей.

Но въ настоящій моментъ Пруссія остается завоеванной страной, совершенно истощенной искуснымъ и безжалостнымъ фискомъ Дарю. Нужно обучить какъ можно бо́льшее количество людей, продержавъ ихъ какъ можно меньше времени въ казармахъ; нужно добыть изъ земли и національнаго труда какъ можно больше денегъ и дѣлать какъ можно меньше расходовъ: то есть нужна реформа въ военномъ образованіи и въ организаціи арміи; нужна реформа въ налогахъ, и, слѣдовательно, нужна передѣлка соціальной экономіи. Наполеонъ своимъ надзоромъ и своими чрезмѣрными требованіями дѣлаетъ это необходимымъ для Пруссіи.

«Нужно, чтобы Пруссія дала 150 милліоновъ», сказалъ Наполеонъ Дарю. «Я хочу быть непреклоннымъ». Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ въ Парижъ Кнобельсдорфа просить, высказать его жалобы. Онъ ничего не добился. «Я все довѣрилъ Дарю», отвѣчалъ Наполеонъ [1]). Фридрихъ-Вильгельмъ апеллировалъ объ этомъ царю, послалъ къ нему маіора Шёлера. Александръ совѣтовалъ уступить, даже войти въ союзъ съ Наполеономъ, пожертвовать всѣмъ ради необходимости самого существованія [2]). «Я думаю, что нечего опасаться Франціи въ продолженіе одного-двухъ лѣтъ, говоритъ онъ Шелеру; но въ случаѣ нужды, что мнѣ оставалось бы дѣлать, какъ не готовиться молча и какъ можно дороже продать мою жизнь и мою независимость? Конечно, за исключеніемъ войны я сдѣлаю все, что могу, чтобы сохранить независимость Пруссіи, и я ничего не сдѣлаю, чтобы возбудить Францію противъ Австріи; наоборотъ, я постараюсь, чтобы Австрія осталась неприкосновенной» [3]). Александръ лично защищалъ предъ Савари дѣло Пруссіи, а своему послу въ Парижѣ, Толстому, онъ приказалъ защищать это дѣло передъ Наполеономъ.

[1]) Knobelsdorf, à Paris, 4 août; Napoléon à Talleyrand, 9 août 1807.

[2]) Alexandre au roi, 22 septembre, 4 octobre 1807. Baillen.—Correspondance de Schoeler. Hassel.

[3]) Rapport de Schoeler. Conversation du 11 octobre 1807.

А между тѣмъ несчастье въ Мемелѣ увеличивалось: королевскія владѣнія заложены, золотой сервизъ Фридриха отосланъ на центральный монетный дворъ. Едва хватило на часть уплаты! 19 октября Дарю заявляетъ, что, если платежи не будутъ вноситься во время, онъ будетъ брать непосредственно доходы прусскаго государства въ территоріяхъ, оставленныхъ за Пруссіей. «Нашъ смертный приговоръ произнесенъ», воскликнула королева. Толстой, по пути въ Парижъ, является во время, чтобы ихъ утѣшить. Они рѣшаются на послѣднюю жертву: братъ короля, принцъ Вильгельмъ, отправленъ въ Парижъ; онъ предложитъ союзъ. Онъ будетъ увѣрять, что «теперь король рѣшился на прочную связь съ Франціей», онъ предложитъ корпусъ въ 30—40,000 человѣкъ. Если Наполеонъ откажется, то принцъ выскажетъ согласіе на Рейнскую конфедерацію [1]). Фридрихъ-Вильгельмъ отзываетъ своего лондонскаго посла Якоби; но въ то же время, чтобы объяснить свое отношеніе къ блокадѣ и дать комментаріи относительно искренности увѣреній, высказанныхъ въ Парижѣ принцемъ Вильгельмомъ, Якоби къ оффиціальной декларации о разрывѣ [2]) прибавитъ «устное заявленіе, которое должно было составлять сущность дѣла»: то есть, что Пруссія уступаетъ исключительно необходимости; что король оплакиваетъ это, что, какъ только онъ увидитъ день общаго мира, онъ отправитъ въ Лондонъ, «какъ простого путешественника, одного довѣреннаго человѣка, которому будетъ поручено благоразумно возобновить сношенія»... На этомъ Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ, что его порты закрыты англичанамъ.

Пруссаки являлись во Францію, требуя службы, предлагая присягу на вѣрность. Они приносили самихъ себя въ уплату за свои долги. Планъ года III осуществлялся: Голландія—вассальна, Пруссія—союзница, Австрія—сломлена, Германія—перестроена; оставалось поработить Португалію и подчинить Испанію. Наполеонъ отложилъ это до другой поры [3]): она испытаетъ участь, которою Наполеонъ уже грозилъ ей, и которой онъ не подвергъ монархію Гогенцоллерновъ [4]), о чемъ сожалѣлъ впослѣдствіи.

V.

Со времени извѣстной измѣны въ августѣ 1806 года, Наполеонъ помышлялъ объявить мадридскихъ Бурбоновъ низложенными, какъ онъ

[1]) Correspondance du prince Guillaume. Instructions, 5 novembre 1807. Hassel.—Frédéric-Guillaume à Alexandre, 15 octobre 1807. Bailleu.

[2]) Le roi à Jacobi, 29 novembre, 18 décembre 1807. Hassel.

[3]) Ср. т. VI, стр. 126, 145, 265.

[4]) Gourgaud, t. II, p. 112.

поступилъ съ Бурбонами неаполитанскими, и, возвращаясь къ одной идеѣ Людовика XIV, онъ помышлялъ возвести своего брата Іосифа на испанскій престолъ [1]). Такимъ образомъ первая монархія, вступившая въ союзъ съ республикой, испытала бы ту же участь, что и первая республика, ставшая союзницей, и даже сама французская республика. Было бы четыре Бонапарта: во Франціи, въ Батавіи, въ Вестфаліи, въ Испаніи. Португалія служила бы приманкой, которою онъ привлекалъ бы этихъ Бурбоновъ, чтобы завлечь ихъ въ западню и поймать въ свои тенета. Въ Португаліи царствовала родная дочь короля испанскаго [2]). Но въ этой семьѣ, глава которой поднялся такъ высоко благодаря кровнымъ связямъ, это родство питало лишь ненависть, соперничество, заговоры, и чтобы погубить этихъ людей, Наполеону достаточно было предоставить ихъ ихъ же собственному коварству [3]).

Карлъ IV колебался низложить съ трона свою дочь и своего внука, но королева и Годой были на сторонѣ Наполеона: королева потому, что питала предпочтеніе къ своей дочери Маріи-Луизѣ, королевѣ Этрурійской, которую Наполеонъ могъ лишить владѣній и вознаградить ее въ Португаліи; Годой потому, что желалъ выкроить для себя княжество въ этомъ королевствѣ. Дѣло устраивалось въ Парижѣ между Ицкіердо, угождавшимъ Годою, и Ласепедомъ, великимъ канцлеромъ почетнаго Легіона, котораго политическое рвеніе и манія изображать изъ себя дипломата увлекли въ эту интригу, мало достойную ученаго. Годой опять возымѣлъ все свое вліяніе на королевскую семью [4]). Карлъ IV, тогда уже семидесятилѣтній старикъ, ожирѣвшій, упрямый въ своихъ привычкахъ, набожный, воздержный, охотился, если не столярничалъ, засучивъ рукава; посѣщалъ конюшни, когда не охотился; болѣе пассивный, чѣмъ когда бы то ни было, но способный въ такой же степени отдаваться гнѣву, какъ и поступать слѣпо. «Маленькая, упрямая королева Марія-Луиза, прямая, спесивая», всегда находящаяся около него или стоящая позади его, скорѣе противница ханжества, чѣмъ женщина свободнаго ума, суевѣрная, боящаяся грома, боящаяся смерти, увѣшанная реликвіями, «ничего не любящая,—даже своихъ любовниковъ... Годой колотилъ ее, другіе—обкрадывали»,

[1]) См. выше, стр. 98, 99, 156.

[2]) Шарлотта, супруга принца-регента, Іоанна VI, такъ какъ королева Марія лишилась разсудка.

[3]) См. прецеденты Комитета III года и Директоріи, т. IV, стр. 202, 245, 229, 331; т. V, стр. 30, 87. Для всего этого дѣла вообще см. Baumgarten, Lefebvre, Frédéric Masson, t. IV, le comte Murat, Granadmison; Mémoires de Talleyrand, Castellane.

[4]) См. т. VI, стр. 265.

© ГПИБ

она презирала своего сына Фердинанда, предполагаемаго наслѣдника, популярничавшаго и мѣтившаго въ національные принцы; она льстила попамъ, недовольнымъ куртизанамъ, болтунамъ о реформахъ, особенно завистникамъ фаворита.

Самолюбіе, тщеславіе, ненависть и презрѣніе его родителей, въ частности его матери и особенно Годоя, заставили Фердинанда окружить себя «патріотами», то есть, партіей, замышлявшей перемѣну царствованія: одни съ цѣлію возрожденія Испаніи, большинство съ цѣлію эксплоатаціи ея. Скрытный, лицемѣръ, въ сущности трусъ, Фердинандъ умѣлъ быть любезнымъ съ фальшивымъ сіяніемъ честности на своей физіономіи, тупой и неблагодарной. Онъ охотно рядился во всѣ добродѣтели, которыя ему приписывали его сторонники. Въ сущности это—конспираторъ, своими способностями и характеромъ смахивающій на Гастона Орлеанскаго: его отношенія съ «патріотами» очень напоминаютъ отношенія его кузена, графа д'Артуа, съ вандейцами. Впрочемъ, онъ былъ готовъ возсѣсть на тронѣ, если бы таковой оказался свободнымъ, если бы король и королева сложили съ себя корону, если бы Годой былъ въ тюрьмѣ, а Мадридъ во власти «патріотовъ». Одинъ каноникъ, бывшій наставникъ принца, Эскоиквицъ, велъ заговоръ, который, конечно, долженъ былъ доставить ему кардинальство и сдѣлать его первымъ министромъ.

Фердинандъ написалъ своему отцу письмо, въ которомъ доносилъ на Годоя. Письмо было жесткое. Эскоиквицъ находилъ его опаснымъ, и принцъ оставилъ его въ своемъ кабинетѣ. Потомъ, все по совѣту каноника, онъ подписалъ декретъ, безъ даты, который, въ случаѣ смерти Карла IV, давалъ бы всѣ полномочія герцогу Инфантадо и позволилъ бы ему арестовать Годоя. Но, чтобы «завладѣть» дѣломъ, Эскоиквицъ и гранды Испаніи—его сообщники—нуждались въ могущественномъ покровителѣ, они думали о Наполеонѣ: принцъ, чтобы польстить ему и привлечь его на свою сторону, попроситъ руку одной изъ принцессъ императорской семьи. Французскій посланникъ Богарнэ, человѣкъ неспокойный, куртизанъ, смутьянъ, былъ позондированъ и вступилъ въ интригу. По его совѣту, Фердинандъ написалъ императору. Письмо помѣчено 11 октября 1807 года [1]).

«Только почтеніе къ Вашему Величеству можетъ помѣшать заговорамъ, открыть глаза моимъ добрымъ, моимъ возлюбленнымъ родителямъ... Итакъ, я умоляю... объ отеческомъ покровительствѣ Вашего Императорскаго Величества... и Ваше Императорское Величество всегда будете имѣть во мнѣ сына самаго благодарнаго и самаго преданнаго»...

[1]) Le texte publié par le comte Murat, *Murat en Espagne*, n'est pas le même que celui des Mémoires de Talleyrand t. I, p. 144. Je suis le texte du comte Murat.

Годой не зналъ объ этомъ шагѣ; но, извѣщенный своими шпіонами о планахъ Эскоиквица, герцога Инфантадо и ихъ друзей, онъ донесъ на нихъ королю, показалъ ему, что Фердинандъ обманутъ измѣнниками, пожелавшими лишить трона своего государя. Онъ убѣдилъ королеву, въ случаѣ смерти Карла IV, объявить Фердинанда неспособнымъ царствовать и принять регентство. Потомъ, испытывая, подобно заговорщикамъ, потребность въ посредникѣ, онъ посовѣтовалъ королю и королевѣ обратиться къ Наполеону, попросить у всемогущаго императора его посредничества въ семейномъ дѣлѣ, которое сдѣлалось дѣломъ государственнымъ. Письмо Карла IV, отправленное со всею возможною поспѣшностію, приходитъ въ Парижъ раньше, чѣмъ письмо Фердинанда.

Такъ эти два комплота—сына противъ отца и матери противъ сына—оба одинаково отдававшіе династію въ руки Наполеона, находились въ состояніи броженія въ одно и то же время, выросши изъ гнили одного и того же дворца. Наполеону оставалось только не мѣшать увеличиваться этому злу. Спустя немного времени его армія проникнетъ въ Испанію. Когда наступитъ часъ, у него въ рукахъ будутъ всѣ средства, онъ найдетъ поводы, онъ поставитъ себя хозяиномъ этой страны.

Съ 21 сентября онъ жилъ тогда въ Фонтенебло. Онъ устраивалъ тамъ празднества, что давало ему возможность сноситься съ Таллейраномъ, не привлекая на себя особеннаго вниманія. Онъ откровенно бесѣдовалъ съ нимъ и «не одинъ разъ» о своихъ планахъ относительно Испаніи. Какъ и въ мартѣ 1804 года, дѣло шло о залогѣ, котораго слѣдовало добиться, о Бурбонѣ, котораго нужно было упразднить, и о новомъ препятствіи, которое слѣдовало возвести между этой семьей, Таллейраномъ и, позади его, его клієнтами, завѣдомыми роялистами. Въ томъ и другомъ дѣлѣ Таллейранъ поступаетъ одинаково и по однимъ и тѣмъ же мотивамъ [1]). Въ 1807 году, въ Фонтенебло, какъ въ 1804 году въ Тюильри, въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ съ Наполеономъ, его непосредственный повелительный интересъ требовалъ ничуть не защищать Бурбоновъ. «Это—мои личные враги, говорилъ императоръ; они и я не можемъ единовременно занимать троны въ Европѣ» [2]).

Таллейранъ не предполагалъ, даже въ далекомъ будущемъ, возвращенія Людовика XVIII, еще менѣе предполагалъ онъ примиреніе. Въ страшномъ водоворотѣ, который долженъ наступить послѣ смерти или катастрофы съ императоромъ, онъ усматривалъ неясный обликъ Іосифа,

[1]) См. VI, стр. 283, 288.—Мои *Lectures historiques*: *Talleyrand et ses mémoires*; *Une Agence d'espionnage*, p. 53, 145.

[2]) Rapport de Metternich, 26 août 1808, rétrospectif.

онъ, быть можетъ, вызывалъ въ своемъ воображеніи призракъ одного изъ Орлеановъ.

Онъ сознается, что «совсѣмъ прижатый искусными аргументаціями честолюбиваго императора... онъ далъ ему совѣтъ оккупировать Каталонію, пока онъ не добьется морского мира съ Англіей.—Такимъ образомъ вы будете держать испанское правительство въ уздѣ. Если миръ замедлитъ, то возможно, что Каталонія, будучи наименѣе испанской изъ всѣхъ провинцій Испаніи, привяжется къ Франціи»... [1]). Онъ отрицаетъ, что онъ «одобрялъ проекты императора». Онъ говоритъ двусмысленно: онъ не совѣтовалъ и не одобрялъ военной экспедиціи императора въ Испанію; остальное, онъ одобрялъ, если не совѣтовалъ его. Его письма не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія [2]). Онъ далъ свое поручительство, но сумѣлъ сдѣлать это такъ, что въ постскриптъ ввелъ не формулированныя ограниченія. Въ своемъ званіи оберъ-камергера онъ удовольствовался тѣмъ, что открылъ дверь. Императоръ желалъ трона этого Бурбона. Таллейранъ угождаетъ ему въ этомъ, и съ тѣмъ же изящно-небрежнымъ жестомъ, семь лѣтъ спустя, онъ дѣлаетъ удовольствіе Людовику XVIII, возстанавливая этого же самаго Бурбона испанскаго.

Чтобы оправдать вступленіе французовъ въ Испанію и чтобы скомпрометировать испанцевъ въ этомъ португальскомъ предпріятіи, нужно было хоть подобіе договора. Годой, опьяненный идеей сдѣлаться королемъ, какъ одинъ изъ Бонапартовъ, великимъ герцогомъ, какъ Мюратъ, или, по крайней мѣрѣ, княземъ, какъ Таллейранъ въ Беневентѣ и Бернадоттъ въ Понте-Корво, выказалъ большую готовность съ согласія короля, и очень секретно занялись составленіемъ параграфовъ. Но эта португальская война съ ея лицемѣрнымъ планомъ завоеванія Испаніи не могла быть поставлена внѣ связи съ дѣлами Европы. Ходъ вещей, въ Мадридѣ ли, въ Лиссабонѣ ли, или на путяхъ, могъ принять такой оборотъ, что Наполеону, не сегодня, завтра, пришлось бы вмѣшаться въ дѣла лично или своими войсками. По крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, ему нужно было быть увѣреннымъ въ остальномъ материкѣ. Съ самаго момента постановки испанскій вопросъ осложнился вопросомъ австрійскимъ. Одна отправка этой вооруженной рекогносцировки поднимала затрудненія и дѣ-

[1]) *Mémoires*, t. I, p. 329.

[2]) См. далѣе гл. IV, § 3 выдержки изъ писемъ. Письма, которыя посылаетъ ему императоръ, написаны такъ, какъ будто Таллейранъ зналъ все; онъ отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ и не только одобряетъ, но и безстыдно хвалитъ. Ему выгодно было отрицать все въ своихъ «Мемуарахъ» въ 1818 году, какъ было выгодно одобрять въ письмахъ своихъ въ 1808. *Archives nationales.*

лала необходимыми мѣры, которыя, годъ спустя, принимаетъ Наполеонъ. прежде чѣмъ повести дѣло основательно. Такъ какъ Александръ не добылъ ему отъ Вѣны желанныхъ [1]) гарантій, то онъ потребовалъ ихъ самъ. Угрозой занять Тріестъ онъ 10 октября принудилъ Меттерниха къ конвенціи, которая хотя и не гарантировала ему надолго подчиненія Австріи, давала достаточную гарантію, по крайней мѣрѣ, для настоящаго момента [2]).

12 октября онъ приказываетъ Жюно выступить въ двадцать четыре часа, и 14 числа Шампаньи увѣдомляетъ объ этомъ португальскаго посла: «Императоръ, говоритъ онъ ему. рѣшилъ быть безпощаднымъ по отношенію къ Англіи. Такъ какъ эта держава господствуетъ на моряхъ, то наступило время, когда императоръ желаетъ господствовать на континентѣ. Находясь въ согласіи съ Россіей, онъ больше не опасается никого. Жребій, наконецъ, брошенъ». На другой день, 15 октября, Наполеонъ принималъ дипломатическій корпусъ въ Фонтенебло. Португалецъ де-Лима имѣлъ неосторожность явиться туда, за что онъ поплатился слѣдующими язвительными словами со стороны императора: «Я не потерплю, чтобы въ Европѣ находился англійскій представитель. Я объявлю войну всякой державѣ, которая черезъ два мѣсяца съ настоящаго дня еще будетъ имѣть у себя представителя Англіи. Я имѣю въ своемъ распоряженіи 300,000 русскихъ, и съ такимъ могущественнымъ союзникомъ я могу все... Если Португалія не исполнитъ моего желанія, то черезъ два мѣсяца Браганцскій домъ перестанетъ царствовать въ Европѣ». Потомъ, повернувшись къ датскому послу: «Копенгагенскія событія ужасны, но декларація короля, это—позоръ». Представителямъ Ганзейскимъ: «Какъ у васъ идутъ дѣла?—Плохо, государь.—Ну, ладно. Вы увидите еще худшее. Бременъ и Гамбургъ—англійскіе города. Я сумѣю третировать ихъ сообразно съ этимъ». Меттернихъ получилъ свою долю «экстравагантныхъ оскорбленій». Шампаньи взялъ на себя трудъ объяснить ихъ въ *совершенно конфиденціальной* конференціи, которую они имѣли часъ спустя: «Вы видите, сказалъ Шампаньи, куда устремляются взоры Англіи... Она отказывается отъ мира, когда его предлагаютъ ей; итакъ, нужно принудить ее къ нему. Остаются въ Европѣ лишь три державы: Франція, Россія и Австрія. Вы достойны прямо содѣйствовать спасительному дѣлу, которое предлагаетъ императоръ... Россія будетъ дѣйствовать заодно съ нами. Вся Италія повинуется тому, къ чему побуждаетъ императоръ; итакъ, дѣло стоитъ только за вами, чтобы закрыть всякій доступъ на

[1]) Napoléon à Alexandre, 28 août 1807.

[2]) De Clercq, t. II, p. 228.

континентъ»... Онъ потребовалъ угрожающихъ дѣйствій Австріи въ Лондонѣ и, если Англія не возвратитъ датскаго флота, не откажется отъ своихъ принциповъ морской войны, — удаленія англійскаго посла изъ Вѣны до перваго декабря. «Я долженъ предупредить васъ, прибавилъ Шампаньи, что въ случаѣ отрицательнаго отвѣта вашего двора, императоръ прикажетъ объявить вамъ эту же самую декларацію оффиціальнымъ путемъ». Меттернихъ перевелъ эту вѣжливую фразу слѣдующими очень ясными словами: «Объявленіе войны въ случаѣ отказа». Онъ рѣшилъ уступать во всемъ, чтобы приготовить случай все взять обратно. «Къ чему преждевременное сопротивленіе, которое только освятило бы его господство? Александръ выйдетъ изъ своего опьяненія, когда Наполеонъ оставитъ ему однѣ горечи, чтобы онъ дѣлилъ ихъ съ остальной Европой» [1]).

17 числа Наполеонъ узнаетъ, что въ отвѣтъ на его требованія регентъ Португаліи объявилъ войну Англіи и отослалъ англійскаго посланника. «Этого мнѣ не достаточно, писалъ онъ Жюно. Продолжайте вашъ походъ», и онъ прибавляетъ слѣдующія инструкціи, выдающія его затаенныя мысли относительно Испаніи: «прикажите сдѣлать для меня описаніе всѣхъ провинцій, черезъ которыя вы проходите, дорогъ, характера страны; присылайте мнѣ наброски...»—«Продолжайте находиться въ наилучшемъ согласіи съ княземъ Мира...» (т. е. съ Годоемъ). 20 числа объявленіе войны было возвѣщено португальскому представителю, который долженъ былъ оставить Парижъ въ двадцать четыре часа. Въ этотъ промежутокъ времени приходитъ письмо Фердинанда. Эти жалкіе Бурбоны отдаютъ себя въ руки Наполеона и сами собою падаютъ къ его ногамъ. Но въ обращеніи принца Астурійскаго онъ увидѣлъ не столько выходку нетерпѣливаго наслѣдника, сколько актъ могущественной партіи, въ которой принцъ считался носителемъ знамени. Подобно тому, какъ когда-то онъ воспользовался демократами въ Венеціи, такъ думалъ онъ воспользоваться и этой партіей въ тотъ день, когда онъ найдетъ выгоднымъ для себя порвать съ Карломъ IV и Годоемъ.

27 числа договоръ былъ подписанъ въ Фонтенебло [2]): Португалія, завоеванная совмѣстными силами, будетъ раздѣлена на три части: одна—провинціи Бейра, Тра-Лосъ-Монтесъ, Эстремадура—останется въ резервѣ въ рукахъ Наполеона, съ наступленіемъ общаго мира онъ распорядится ею сообразно обстоятельствамъ; другая часть составитъ королевство Лузитанію для короля Этрурійскаго; третья составитъ княжество Альгарвесъ для князя Мира. Этрурія была уступлена Франціи какъ ком-

[1]) Rapports de Metternich, 12 et 18 octobre 1807.—Rapport de Stadion 24 octobre 1807. Beer.

[2]) De Clercq, t. II, p. 235.

пенсація. Секретная конвенція говорила, что 28,000 французовъ пройдутъ черезъ Испанію, что Испанія присоединитъ къ нимъ 11,000 человѣкъ, да кромѣ того оккупаціонный корпусъ въ 16,000. Наполеонъ сохранялъ за собою право собрать въ Байоннѣ «новый корпусъ въ 40,000 человѣкъ, не позже 20 ноября 1807 года, чтобы быть готовымъ вступить въ Испанію и двинуться въ Португалію въ томъ случаѣ, если бы англичане послали подкрѣпленія и грозили атаковать его». 13 ноября Moniteur опубликовалъ слѣдующую ноту: «Португальскій принцъ регентъ лишается своего трона. Онъ лишается его вслѣдствіе вліянія англійскихъ интригъ, за то, что не хотѣлъ накладывать арестъ на англійскіе товары... Паденіе Браганцскаго дома послужитъ новымъ доказательствомъ, что гибель неизбѣжна для всякаго, связаннаго съ Англіей».

Между тѣмъ мадридскія событія стремительно слѣдуютъ одно за другимъ. Заговоръ принца Фердинанда былъ открытъ: его бумаги были секвестрованы, онъ арестованъ. Въ этомъ первомъ испытаніи Фердинандъ показалъ, что изъ него долженъ былъ выйти геупеllo: измѣнникъ своимъ друзьямъ, жестокій съ своими жертвами и подлый по всей своей природѣ. Онъ выдалъ своихъ сообщниковъ. 29 октября, Карлъ IV написалъ Наполеону, донося ему объ «этомъ ужасномъ покушеніи и прося его милостиво помочь ему своими знаніями и своими совѣтами». Раздоръ, дошедшій до заговора въ королевской семьѣ, грозилъ странѣ анархіей. Наполеонъ требуетъ отъ Шампаньи записку о конспираціи Фердинанда, «чтобы воспользоваться ею, смотря по обстоятельствамъ» [1]). Потомъ онъ торопитъ собрать армейскій корпусъ въ Байоннѣ. Вездѣ распространяется слухъ объ экспедиціи: всѣ императорскіе экипажи, больше ста тысячъ человѣкъ движутся со всѣхъ пунктовъ Франціи [2]). Наполеонъ хотѣлъ поразить испанцевъ ужасомъ, и онъ успѣлъ въ этомъ.

Онъ переговаривался объ этомъ съ Таллейраномъ, который, чтобы хорошо отмѣтить милость, объектомъ которой оставался, заставилъ временно ввѣрить ему функціи великаго государственнаго канцлера. Онъ совѣтовалъ «воспользоваться раздорами, разъединявшими династію, которая никогда не была бы полезной союзницей противъ Англіи... Принцъ императорскаго дома, занимающій испанскій тронъ, это было бы довершеніемъ императорской системы»... Конечно, сообщаетъ одинъ важный свидѣтель, онъ отчетливо произнесетъ «фразу, которую онъ очень полюбилъ, ибо я слышалъ, какъ онъ повторялъ ее многое множество разъ:—со времени Людовика XIV корона Испаніи принадлежала семьѣ, которая

[1]) A Champagny, 12 janvier 1808.

[2]) Lettre d'Izquierdo, 8 décembre 1807. Comte Murat.

царствовала надъ Франціей, и не слѣдуетъ сожалѣть о томъ, что возстановленіе Филиппа V стоило и денегъ и людей, потому что только онъ одинъ обезпечилъ преобладаніе Франціи въ Европѣ. Слѣдовательно, это одна изъ самыхъ лучшихъ частей наслѣдства великаго короля, и наслѣдство это императоръ долженъ получить цѣликомъ, онъ не долженъ и не можетъ отказаться отъ какой бы то ни было части этого наслѣдства» [1]).

Наполеонъ усвоилъ эту рѣчь, которая становится однимъ изъ его государственныхъ принциповъ. Онъ долженъ окончить дѣло Людовика XIV въ Испаніи, какъ онъ его возобновилъ и довершилъ во Франціи, побуждаемый всею силою революціи. Въ его воображеніи проносились великіе результаты этого дѣла; онъ считалъ его легкимъ. Карлъ IV изжился, Бурбоны порабощены, Испанія обратилась къ нему, требуя, какъ у Людовика XIV, привнесенія новой крови. Онъ возродитъ эту благородную націю, которая удивлялась ему и звала его, какъ когда-то дѣлали это итальянцы. Онъ судилъ о ней немного по Франціи, въ значительной степени по Италіи. «Когда я принесу на моемъ знамени слова—*свобода, освобожденіе отъ суевѣрія, уничтоженіе дворянства*,—то меня примутъ, какъ приняли въ Италіи, и всѣ классы истинно національные будутъ со мной. Я извлеку изъ ихъ косности народы, бывшіе когда-то благородными; я сильно разовью у нихъ промышленность, которая увеличитъ ихъ богатства, и вы увидите, что на меня будутъ смотрѣть какъ на освободителя Испаніи».—«Когда я пожелалъ Испаніи, то это для того, чтобы тамъ уничтожить феодализмъ и инквизицію... Имѣнія я раздѣлю между моими генералами, я поставлю Ланна во владѣніяхъ Инфантадо» [2]).

Онъ думалъ объ Испаніи, какъ Іосифъ II думалъ о Чехіи, Венгріи и бельгійскихъ провинціяхъ, гдѣ его реформы, чреватыя революціями, едва не погубили монархію. Онъ появится,—словно Цезарь, — умиротворителемъ и законодателемъ. Онъ принесетъ гражданскій кодексъ; разгонитъ монаховъ; призоветъ ко власти просвѣщенныхъ гражданъ, умныхъ и неподкупныхъ министровъ, учениковъ и соревнователей великихъ министровъ Карла III. Громадное большинство простого народа, въ которомъ онъ возвыситъ чувство чести посредствомъ союза со своими войсками,

[1]) Méneval, t. I, p. 135. «J'ai été témoin de plusieurs de ces entretiens qui avaient lieu, assez souvant, dans le cabinet de l'empereur».—Mémoire que Talleyrand aurait remis à l'empereur. Oeuvres, t. XXXII, p. 361.—Montholon, t. II, p. 437 et suiv.—Roederer, t. III, p. 540: «Il soutenait qu'il ne me faudrait que 20,000 hommes; il m'a donné vingt mémoires pour me le prouver». — Pasquier, Mémoires, t. II. p. 328—330.

[2]) M-me de Rémusat, t. III, p. 266.—Roederer, t. III, p. 539.

[3]) См. т. I, стр. 108; т. II, стр. 14, 41 сл..

въ которомъ онъ возвыситъ чувство достоинства своимъ правленіемъ, радостно будетъ привѣтствовать назначеннаго имъ принца. Однимъ и тѣмъ же ударомъ онъ навсегда оторветъ Испанію отъ Англіи и привяжетъ ее къ французской системѣ. Онъ сформируетъ изъ испанцевъ полки, какъ онъ сдѣлалъ это съ нѣмцами; онъ сорганизуетъ ихъ, какъ сорганизовалъ итальянцевъ, воспламенитъ ихъ, какъ воспламенилъ поляковъ, и Пиренейская граница исчезнетъ.

Постоянно проникнутый той, въ высшей степени французской и классической, подновленной идеологами [1]), иллюзіей, что всѣ люди одинаковы, что націи создаются и распадаются при помощи учрежденій, и что одни и тѣ же учрежденія годятся для всѣхъ людей, онъ воображаетъ себѣ, что испанцы будутъ очень счастливы получить благо имперскихъ учрежденій. Онъ забывалъ, что, если Франція приняла и подчинилась этимъ учрежденіямъ, такъ это потому, что Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ республики, которая сосредоточила всѣ національныя страсти въ войнѣ, въ завоеваніи и въ главенствѣ. Онъ забывалъ, что *Великая Нація* гордилась Великой Имперіей до забвенія свободы; что она уже не думала о собственной независимости, ибо она чувствовала себя владычицей міра; между тѣмъ какъ для испанцевъ эти учрежденія, принесенныя извнѣ и навязанныя силой, будучи символомъ чужеземнаго главенства, тяжестью завоеванія, дадутъ униженіе вмѣсто славы, уничтожатъ прошлое вмѣсто того, чтобы освятить его. Въ рукахъ Наполеона этотъ процессъ будетъ противоположнымъ тому, который замирилъ Вандею, завоевалъ итальянцевъ въ Ломбардіи, привлекъ нѣмцевъ лѣваго берега Рейна, то есть, который состоялъ въ уваженіи ихъ вѣрованій, ихъ традицій, въ пониманіи ихъ характера, въ управленіи сообразно ихъ желаніямъ, не по абстрактному типу, особенно не въ виду потребностей и выгодъ чужеземной власти. Если же нѣкоторые окажутъ сопротивленіе, то Наполеонъ увидитъ въ нихъ лишь «фанатиковъ», «бунтовщиковъ» и сообразно съ этимъ будетъ поступать съ ними по египетски или по итальянски: казнить, наказывать для примѣра, и чернь такъ же легко будетъ подчинена, какъ Бурбоны упразднены [2]). «Если среди испанцевъ произойдутъ волненія, то они будутъ походить на тѣ, которыя мы видѣли въ Египтѣ».—«Испанцы народъ подлый и трусливый, почти такой же,

[1]) См. письмо Гара къ Бонапарту, 30 іюня 1798 г. Corr. in., Egypte, t. I, p. 184; ср. т. V, стр. 356.—«Испанцы таковы же, какъ и остальные народы». Napoléon à Bessières, 6 mai 1808.

[2]) A Junot, 29 février; à Murat, 15 avrile; à Joseph, 9 septembre, 7 décembre 1808.

какими я узналъ арабовъ... [1]) При малѣйшемъ признакѣ отступленія они будутъ стрѣлять въ васъ». Итакъ, наносить удары быстрые и безжалостные.

VI.

Наполеонъ имѣетъ то, чего не доставало Людовику XIV, союзника, самаго могущественнаго изъ всѣхъ, и онъ принимаетъ это въ расчетъ, собираясь снова предпринять и привести въ исполненіе замыслы великаго короля. Но этотъ необходимый союзникъ выражаетъ нетерпѣніе относительно вознагражденій. «Что касается нашихъ дѣлъ,—пишетъ Наполеонъ Савари 1-го ноября,—то они составляютъ три пункта: 1) вести войну съ Англіей; 2) заставить Австрію и Швецію высказаться противъ Англіи; 3) уладить дѣла съ Портой... Я чувствую необходимость покончить кое-что... Но это дѣло очень интересуетъ меня. Я поручаю вамъ писать объ этомъ, повидавшись съ Толстымъ. Мнѣ нужно было бы даже увидѣться по этому поводу съ императоромъ, послѣ того какъ Россія объявитъ войну Англіи». Это значитъ, что съ приближеніемъ часа расплаты Наполеону становится все болѣе и болѣе противно отдать Турцію русскимъ, прежде чѣмъ сами русскіе не блокируютъ англичанъ и не доведутъ ихъ до истощенія на ихъ островѣ, прежде чѣмъ Средиземное море не сдѣлается французскимъ озеромъ. Въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ увидѣть, какъ англичане и русскіе сразу придутъ къ соглашенію на его счетъ. Русскіе, удовлетворившись своею долею, съ той поры все свое вниманіе будутъ устремлять на то, чтобы обезпечить свою долю при помощи Англіи и чтобы оттолкнуть Францію. Онъ останавливается на тонкой комбинаціи: если Александръ будетъ очень наступать на него, то онъ предложитъ ему княжества; но въ компенсацію онъ возьметъ себѣ Силезію, и при помощи соучастія Россіи въ этомъ грабежѣ онъ окончательно разрушитъ согласіе между Пруссіей и Россіей. Пруссія не будетъ больше приниматься въ расчетъ. Если же со стороны Александра послѣдуетъ отказъ, и если онъ тѣмъ не менѣе удержитъ свои войска на Дунаѣ, то Наполеонъ въ силу обоюдности удержитъ свои войска въ Германіи, а въ Константинополѣ будетъ держать себя въ роли покровителя Турецкой имперіи, предоставляя Александру получать свои выгоды въ Финляндіи на счетъ Швеціи.

Толстой прибылъ 1-го ноября, и въ то же самое время пришло извѣстіе, что Александръ рѣшился на войну съ англичанами. Толстой при-

[1]) «Испанцы, это—арабы, принявшіе христіанство». Chateaubriand. *Congrès de Vérone*, chap. II.

надлежалъ къ тѣмъ русскимъ стараго склада, которые не уважали французовъ стараго порядка, въ которыхъ, судя по эмигрантамъ, они видѣли поляковъ запада, и не удивлялись французамъ новаго міра, проходимцамъ этой презрѣнной авантюры—революціи! Онъ принялъ постъ посланника изъ послушанія, но послушаніе было ему противно. Это отвращеніе удвоилось послѣ его пріѣзда, несмотря на великолѣпный пріемъ, на блескъ церемоній. Это былъ человѣкъ военный, достаточно умный, чтобы чуять западню. Онъ съ самаго начала занялъ недовѣрчивое положеніе; былъ очень сдержанъ съ Шампаньи и Таллейраномъ и откровенничалъ только съ Меттернихомъ. Ни ослѣпленія ни головокруженія: онъ не испытывалъ ни малѣйшаго смущенія. Онъ только чувствовалъ себя не въ родной атмосферѣ, въ дурной компаніи, а главнымъ образомъ въ опасной компаніи: онъ хмурился, не поддавался, былъ холоденъ, точенъ, корректенъ, неуловимъ; всегда держалъ себя на сторожѣ, всегда ждалъ призыва къ тревогѣ, умѣло обрывалъ разговоръ, никогда не раскрывалъ себя.

Наполеонъ принялъ его 6 ноября въ торжественной аудіенціи въ Фонтенебло [1]). Онъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа: Меттернихъ пришелъ съ извѣщеніемъ, что Австрія предложила свое посредничество въ Лондонѣ для заключенія мира и заявила, что въ случаѣ отказа австрійскіе порты будутъ закрыты, и будетъ объявлена война. «Такимъ образомъ, сказалъ Наполеонъ, Англія находится въ войнѣ со всѣмъ свѣтомъ».

7 ноября, Толстой имѣлъ частную аудіенцію [2]). Діалогъ, лишенный обычныхъ уклоненій императора въ сторону, резюмируетъ въ нѣсколькихъ выразительныхъ штрихахъ, въ чемъ заключаются пункты столкновенія союзниковъ. «Дѣла, говоритъ императоръ, сводятся къ слѣдующимъ тремъ главнымъ: Пруссіи, Турціи, объявленію войны Англіи».—Желанія моего государя, возразилъ Толстой, ограничиваются исполненіемъ Тильзитскаго трактата: такъ какъ онъ исполнилъ его въ точности, то онъ можетъ лишь съ горечью смотрѣть на малую заботливость со стороны Франціи о томъ, чтобы Прусскій король пользовался выгодами, которыя обезпечиваетъ ему этотъ договоръ. Я имѣю порученіе самымъ настоятельнымъ образомъ просить ваше величество эвакуировать прусскія владѣнія.—Договоръ не содержитъ никакихъ постановленій по этому пункту. Пруссія споритъ объ общей суммѣ контрибуціи и не платитъ. Границы Варшавскаго герцогства не установлены. Ничего не сдѣлано... А между тѣмъ

[1]) Rapports de Tolstoï 6, 7, 8 novembre; Champagny à Savary, 8 novembre; Napoléon à Alexandre, 7 novembre; à Savary, 7 novembre 1807.

[2]) Толстой говоритъ, что рѣчь его была *тверда*, а изъ чтенія его донесенія выноситъ впечатлѣніе, что она была болѣе чѣмъ тверда, она была *суха*.

© ГПБ

русскія войска все еще занимаютъ Молдавію и Валахію». Толстой настаиваетъ, что договоръ содержитъ постановленіе объ эвакуаціи Пруссіи. Онъ «въ самыхъ яркихъ краскахъ» рисуетъ плачевное положеніе короля, невозможность, въ какой онъ находился, удовлетворить «чрезмѣрныя требованія Франціи».—«Вы дѣлаете ошибку, возражаетъ Наполеонъ, что такъ принимаете къ сердцу его интересы, вы увидите, что онъ еще сыграетъ съ вами дурную штуку». Тѣмъ не менѣе, такъ какъ Толстой заявляетъ, что «Россія не можетъ оставаться въ мирѣ», если Пруссія не будетъ возвращена королю, Наполеонъ смягчается и даетъ туманное обѣщаніе: «Я эвакуирую... но... перемѣстить армію это не то, что понюхать табаку». Онъ переходитъ къ слѣдующей главѣ, касающейся Турціи.—Императоръ Александръ сдѣлалъ генералу Савари «нѣсколько предложеній» относительно княжествъ. «Я не нахожу никакой выгоды для Франціи въ раздѣлѣ Оттоманской имперіи. Меня нисколько не интересуютъ Албанія и Морея. Я ничего большаго не желаю какъ обезпечить цѣлость этой имперіи. Но, если вы рѣшительно настаиваете на княжествахъ, тогда я вамъ предлагаю линію Дуная, подъ тѣмъ условіемъ, что я возьму себѣ вознагражденіе въ другомъ мѣстѣ». Такъ какъ Толстой очень настаивалъ на объясненіи, гдѣ онъ возьметъ это вознагражденіе, то онъ, наконецъ, отвѣтилъ: «Ну, хорошо! это—въ Пруссіи», и онъ далъ понять, что это будетъ линія Одера, Силезія. Потомъ, чтобы позондировать русскаго; чтобы отклонить рѣчь о ближайшихъ комбинаціяхъ, черезчуръ опредѣленныхъ, чтобы увлечь его въ будущее, въ даль, онъ далъ понять, что онъ согласился бы, если бы это входило въ намѣренія Россіи, «на нѣкоторый большій раздѣлъ». Онъ даже уполномочилъ Толстого говорить о Константинополѣ [1]). Но у Франціи должны тамъ найтись свои интересы, и онъ «не можетъ входить въ дальнѣйшія объясненія относительно плановъ, которые будутъ предписаны этими выгодами Франціи ». Толстой думаетъ, что дѣло идетъ о Польшѣ, о расширеніи герцогства Варшавскаго. Наполеонъ снова ускользаетъ: «Перебравъ всѣ непрямыя мѣры противъ Англіи, онъ предложилъ возвратиться къ его проектамъ высадки и желаетъ, чтобы мы въ такомъ случаѣ грозили британскимъ владѣніямъ въ Остъ-Индіи. Онъ даже спросилъ мое мнѣніе относительно совмѣстной экспедиціи изъ войскъ русскихъ, французскихъ и персидскихъ... Я считалъ нужнымъ показать

[1]) Толстой высказываетъ это въ форменныхъ терминахъ: и, будучи мало расположеннымъ въ пользу союза, онъ, должно быть, не взялъ бы на себя этого столь соблазнительнаго предложенія, если бы Наполеонъ не сдѣлалъ его. Но Наполеонъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы написать объ этомъ. Слово «Константинополь» не встрѣчается во французскихъ депешахъ, касающихся этого разговора.

ему невозможность ея; но онъ льститъ себя надеждою довести Англію до крайности при помощи всякихъ средствъ...—«Долго ли вы можете выдержать застой въ торговлѣ? Очень ли страдаетъ Россія въ этомъ отношеніи?—По меньшей мѣрѣ столько же, какъ и Франція.—Франція теряетъ много, это внѣ сомнѣнія, но, если бы я могъ получить пять лѣтъ мира, я имѣлъ бы сто кораблей въ моихъ портахъ... Какъ только намъ удастся все поставить на основаніяхъ точныхъ и ясныхъ, тогда мы сможемъ подумать о разоруженіи и уменьшеніи нашихъ сухопутныхъ силъ».

По выходѣ изъ кабинета императора, Толстой отправился къ Шампаньи, и на этого министра, столько же формалиста съ иностранцами, сколько сговорчиваго со своимъ государемъ, произвелъ такое впечатлѣніе, что онъ держалъ себя съ нимъ «слишкомъ по своему вкусу». Разговоръ, довольно рѣшительный, касался Пруссіи: «Я не пруссакъ, милостивый государь, говоритъ Толстой; у насъ ихъ любятъ еще меньше, чѣмъ французовъ. Но Россія не можетъ имѣть ни малѣйшаго довѣрія къ вашему правительству, пока не будутъ исполнены относительно Пруссіи условія Тильзитскаго договора». На это Шампаньи, получивъ приказъ отъ императора, написалъ Савари, 8 ноября: «Императоръ приказываетъ эвакуировать правый берегъ Вислы, и королева можетъ разрѣшиться отъ бремени въ Кенигсбергѣ, не безпокоясь сосѣдствомъ французскихъ войскъ». Эта уступка, само собою понятно, была поставлена въ зависимость отъ подписанія прусскихъ условій, потому что именно относительно этихъ условій и размѣровъ контрибуціи, которую слѣдовало уплатить, не было никакого согласнаго пониманія [1]).

Толстой возвращается изъ Фонтенебло, убѣжденный, что онъ не можетъ бороться «противъ столь искусныхъ людей» и сдерживать себя въ ихъ присутствіи. Онъ не признавалъ въ себѣ ни одного качества посредника. «Я твердо рѣшилъ не оставаться здѣсь, писалъ онъ въ тотъ же день Румянцеву... Я скорѣе сдѣлаюсь больнымъ... Намѣренія Бонапарта относительно насъ понятны... Онъ хочетъ сдѣлать изъ насъ азіатскую державу, оттолкнуть насъ въ старыя границы и, такимъ образомъ, распространить свое владычество до самаго сердца нашихъ провинцій». Константинополь? «Онъ старается отвлечь оттуда наши войска, чтобы сыграть тамъ хорошую игру, предлагая намъ одну часть нашихъ войскъ бросить противъ Швеціи, а другую употребить для отдаленныхъ экспедицій въ Персію и въ Остъ-Индію...» Его мрачное настроеніе духа нѣсколько проходило въ бесѣдахъ съ Меттернихомъ. Онъ имѣлъ въ своемъ

[1]) Napoléon à Soult, 7 novembre 1807. «Съ той минуты, какъ только будутъ подписаны наши соглашенія съ пруссаками, намѣреніе мое, чтобы вы очистили правый берегъ Вислы».

посольствѣ одного молодого дипломата, Нессельроде, которому предстояло еще не разъ повстрѣчаться съ австрійскимъ посланникомъ. Меттернихъ поручилъ ему передать *очень конфиденціально* Толстому, что австрійскій императоръ вспомнилъ, что зналъ его «въ такія времена, когда большія надежды связывали обѣ имперіи»; что его инструкціи «предписывали ему всецѣло быть съ нимъ заодно». Немного послѣ: «Мы имѣемъ и можемъ имѣть, говорилъ онъ ему [1]), только одну цѣль,—сохранить нашу цѣлость среди всеобщаго потрясенія... Императоръ Наполеонъ ласкаетъ васъ сегодня, чтобы обрушиться на васъ завтра. Онъ такъ же поступитъ съ нами. Намъ обоимъ предстоитъ вѣчная борьба противъ его гибельныхъ проектовъ... Намъ предстоитъ избѣгать двухъ подводныхъ камней, одинаково опасныхъ: ссоры съ нимъ и его фальшивыхъ ласкъ... Мы будемъ плавать между двухъ рифовъ, если мы будемъ благоразумными и друзьями.—Я совсѣмъ такого же мнѣнія, отвѣчаетъ Толстой; повѣрьте, что мой дворъ смотритъ безусловно такъ же, вопреки наружнымъ признакамъ, совершенно обманчивымъ. Я не знаю, что хотятъ сдѣлать со мною эти люди, но они съ ума сошли, если думаютъ, что я буду простофилей.—Имѣйте такой видъ и не будьте имъ, будемъ же друзьями. Мы имѣемъ, говорилъ въ заключеніе Меттернихъ, больше шансовъ, чѣмъ всякая другая держава Европы, остаться цѣлыми до того великаго дня, который положитъ конецъ этому по существу непрочному состоянію вещей, ибо оно не соотвѣтствуетъ ни природѣ, ни цивилизаціи».

Между тѣмъ притязанія Наполеона росли безъ конца, и главное, вовсе не стоявшее «внѣ соотвѣтствія съ природой», заключалось съ этихъ поръ въ томъ, чтобы основать династію. По возвращеніи изъ Тильзита опять начали говорить о разводѣ и второмъ бракѣ. При дворѣ образовалось двѣ партіи, одна была за разводъ, ею руководилъ безъ всякаго стѣсненія Фуше; другая противъ развода, ее подстрекалъ Таллейранъ, потому ли, что онъ предусматривалъ препятствія для второго брака, тайно желаемаго со времени Тильзита, и желалъ избавить императора отъ униженія и царя отъ трудности отказа; или же потому, что замышлялъ завязать нѣчто со стороны Австріи и какъ хитрецъ въ своихъ разговорахъ съ Меттернихомъ чуялъ съ этой стороны нѣкоторое тайное расположеніе. Дѣло получило огласку. Наполеонъ въ открытыхъ письмахъ и очень рѣшительно отрицалъ проектъ. Онъ объяснился по этому поводу съ Жозефиной. Евгеній умолялъ свою мать подчиниться. Съ этой поры всѣ стали говорить объ этомъ въ Парижѣ и шепотомъ называли великую

[1]) Metternich à Stadion, 12 novembre 1807.

княжну Екатерину Павловну какъ будущую французскую императрицу [1]).

Толстой провѣдалъ объ этомъ, по пріѣздѣ въ Парижъ, отъ герцога Мекленбургскаго, узнавшаго это отъ молодой королевы Вестфальской, «которая еще не забыла, чѣмъ она обязана своимъ августѣйшимъ родственникамъ» [2]). Толстой выслушиваетъ тайное сообщеніе съ «изумленіемъ», называетъ новость «экстравагантною», не медлитъ извѣстить о ней своего государя. Съ этой поры онъ держитъ себя на сторожѣ. Если союзъ кажется этому боярину обманомъ, то бракъ представляется ему чѣмъ-то чудовищнымъ. 4-го декабря онъ излагаетъ вкратцѣ всю хронику: слухъ подтверждается. Это полиція, то-есть, Фуше распространяетъ его. «Говорятъ, что на генерала Коленкура возложена миссія просить руки великой княжны Екатерины Павловны» Будутъ дожидаться извѣстій изъ Петербурга, чтобы начать процедуру развода. Меттернихъ, державшій себя на чеку, съ большими подробностями передаетъ эти самыя новости въ Вѣну: «Къ сожалѣнію, дѣло съ бракомъ со дня на день становится болѣе реальнымъ», писалъ онъ 6 декабря. Утверждаютъ, будто Мюрату будетъ поручено отправиться съ предложеніемъ. «Такъ или иначе, это дѣло должно имѣть громадныя послѣдствія... Если Александръ откажетъ въ рукѣ своей сестры, мы увидимъ, что сейчасъ же возникнутъ осложненія, размѣровъ которыхъ невозможно опредѣлить» [3]). *Felix Austria nube!* Слышалъ ли Меттернихъ «голоса»? Видѣлъ ли онъ, какъ пролетѣла падучая звѣзда? Если, два года спустя, кто-нибудь былъ изумленъ событіемъ, то, конечно, это былъ не этотъ нѣмецъ, терпѣливый, зыбкій и проницательный.

Савари было дано исключительно личное порученіе. Наполеонъ отозвалъ его и избралъ посланникомъ Коленкура, человѣка изъ высшаго общества, котораго считалъ скомпрометтированнымъ навсегда Венсенскимъ дѣломъ и, слѣдовательно, неразрывно связаннымъ съ имперіей. Его инструкціи клонились къ тому, чтобы возбуждать надежду на все, но ничего не обѣщать; говорить самыя красивыя слова, но не писать ни одной буквы. «Не должно отказываться отъ этого раздѣла—раздѣла Турціи—но нужно заявить, что объ этомъ слѣдуетъ столковаться словесно».

Въ то время, какъ кареты новаго посланника подвигались впередъ чрезъ Германію и Польшу, въ Петербургѣ разговоры между царемъ и Савари, между Савари и Румянцевымъ были противоположны разговорамъ

[1]) A Fouché, 5 novembre 1807, de Fontainebleau; 30 novembre, de Venise; à Maret, 6 décembre, de Venise.

[2]) Король вюртембергскій, отецъ королевы вестфальской, былъ братъ императрицы-матери Маріи Ѳеодоровны.

[3]) Raports du 20 novembre et du 6 décembre 1807.

въ Фонтенебло. Война оказывалась еще болѣе непопулярной, чѣмъ это предполагалъ Савари [1]). Царь и его министръ говорили на эту тему, чтобы умножать, усиливать инсинуаціи. «Заботьтесь, генералъ, говорилъ Румянцевъ, знавшій своихъ авторовъ инсинуацій, о блаженствѣ государя—*beati possidentes!*—Заботьтесь; лучше для васъ отдать намъ теперь это, т. е. княжества, чѣмъ предоставить ихъ намъ тогда, когда они не будутъ имѣть двойной цѣны... Европа ничего не скажетъ. Что такое Европа? Гдѣ она, если это не вы съ нами... [2]). Вашъ императоръ въ разговорахъ обѣщалъ эти провинціи. Теперь скажите ему, пусть онъ предоставитъ намъ сдѣлать остальное, и пусть только скажетъ свое желаніе, гдѣ намъ остановиться. Увѣряю васъ, что онъ будетъ доволенъ нами. Скажите, что это я, сынъ фельдмаршала Румянцева, увѣрилъ васъ въ этомъ». Наполеонъ будетъ доволенъ! Во всякомъ случаѣ, пусть онъ поостережется искать себѣ удовлетворенія въ Польшѣ или въ томъ, что осталось отъ Пруссіи. Александръ ясно высказалъ это Савари [3]): «Если я долженъ получить эти провинціи—княжества—на счетъ Пруссіи... я предпочитаю отказаться отъ нихъ. За эту цѣну я не пожелалъ бы цѣлой Турецкой имперіи. Для меня это вопросъ чести...» Александръ смотритъ на этотъ вопросъ какъ благородный дворянинъ, но также какъ осторожный политикъ, какимъ онъ былъ всегда.

VII.

Жюно проходилъ чрезъ Испанію. Онъ могъ подумать, что помолодѣлъ на десять лѣтъ: онъ снова находилъ въ первыхъ городахъ, въ Витторіи, въ Саламанкѣ, радостные клики, цвѣты, празднества Италіи. «Мужчины не помѣщались въ улицахъ и женщины въ окнахъ». Но энтузіазмъ скоро упалъ. Шествіе обратилось въ оккупацію, притѣснительную, тяжелую, фискальную, какъ въ Италіи. Затѣмъ и видъ арміи не удовлетворялъ воображенія испанцевъ. Они жаждали увидѣть побѣдителей Маренго, Аустерлица, Іены: они нашли «жалкихъ рекрутъ, которые едва могли нести свои ранцы и оружіе». Эта рать «больше напоминала эвакуацію госпиталя, чѣмъ армію, идущую завоевывать королевство». «Походъ съ голодомъ, съ истощеніемъ, съ потопомъ; походъ безъ дорогъ, безъ пріюта, среди скалъ». Одна вспомогательная испанская дивизія потеряла 1800 человѣкъ, утонувшихъ въ потокахъ или погибшихъ въ пропастяхъ. Эки-

[1]) Raports de Savary, 16, 18 novembre, 6 decembre. — Dépêche à Tolstoï 26 novembre.—Alexandre à Napoléon, 15 novembre 1807.

[2]) «Потребности Европы суть право», сказалъ Александръ въ Вѣнѣ въ 1814 году.

[3]) Conversations du 1-er et du 5 décembre 1807.

пажи были перепутаны, бросались за недостаткомъ лошадей. Офицеры, одѣтые подъ конецъ въ изодранное платье, безъ формы и вида, лишенные бѣлья, тащили за собою эту орду, потерявшую десятаго человѣка. 2000 человѣкъ заставили бы ихъ сдаться или уничтожили бы ихъ. Жюно взялъ дерзостью. Онъ пришелъ въ Лиссабонъ безъ пушекъ, безъ кавалеріи, безъ патроновъ, имѣя 1500 гренадеръ, оставшихся отъ четырехъ батальоновъ, «истощенныхъ, блѣдныхъ, наводившихъ ужасъ, не имѣвшихъ силы маршировать даже подъ звуки барабана». За нимъ слѣдовала армія, великолѣпная своимъ разстройствомъ, съ ротами, упавшими до 15 человѣкъ изъ 150, съ орлами въ 200 человѣкъ; съ солдатами на ослахъ, безъ оружія, въ лохмотьяхъ, безъ обуви, почти умирающими, подъ эскортомъ крестьянъ, которымъ достаточно было сжаться вокругъ этихъ солдатъ, чтобы задушить ихъ [1]).

Эта картина придала бы смѣлости людямъ, менѣе запуганнымъ, чѣмъ португальскій регентъ, его дворъ, его правительство и его солдаты. Они бѣжали передъ этимъ фантомомъ. 24 ноября, въ Абрантесѣ, Жюно получилъ *Moniteur* отъ 13 ноября, предсказывающій паденіе Браганцскаго дома. 26 и 27-го пророчество исполнилось. Браганцы сѣли на корабль, отправляющійся въ Бразилію. И подъ вліяніемъ дѣйствительности и по собственному согласію они перестали царствовать въ Португаліи. 13 декабря Жюно вступилъ во владѣніе въ Лиссабонѣ бывшимъ королевствомъ, приказалъ снять браганцскіе гербовые щиты и замѣнить ихъ императорскими орлами.

Наполеонъ получилъ извѣстіе объ этомъ въ Италіи. Отправившись 15 ноября, онъ вступилъ въ Миланъ 23-го и двигался къ Венеціи, совершенно довольный Евгеніемъ. Вице-король, одинъ изъ всѣхъ возведенныхъ имъ въ князья, платилъ ему любовью, преданностью, услугами, которыхъ онъ ожидалъ отъ него: это былъ сынъ по сердцу, намѣстникъ по послушанію. Такъ сказать, по пути и прежде чѣмъ имѣть въ рукахъ Лузитанію, куда онъ могъ бы перемѣстить Марію-Луизу, ея дитя, ея дворъ, ея фаворитовъ, со всѣми ея опереточными аксесуарами, Наполеонъ возвѣстилъ ей 23 ноября, что она перестала царствовать въ Этруріи. Рейль вступилъ во владѣніе королевствомъ, которое съ тѣхъ поръ было на самомъ дѣлѣ присоединено къ имперіи [2]). Ливорно съ этого момента закроется для англичанъ. То же самое будетъ съ Анконой. Папа еще сопротивлялся. Онъ въ свою очередь перестанетъ царствовать. Хотя Наполеонъ и ждалъ своего возвращенія во Францію, чтобы издать указъ

[1]) Thiébault, Marbot.

[2]) Marmotan, p. 240 et suiv.—10 декабря 1807 г. отреченіе отъ престола Карла-Людвига. 30 мая 1808 г. сенатское постановленіе о присоединеніи.

о лишеніи папы его владѣній, но это рѣшеніе было безповоротно принято въ Италіи [1]).

Онъ опять увидѣлъ мѣста, бывшія свидѣтелями его первыхъ тріумфовъ. горы, берега, откуда его первыя грёзы неслись въ Македонію, въ Египетъ. Египетъ! онъ его завоевалъ и потерялъ. Македонія! онъ приближался къ ней, будучи теперь господиномъ на обоихъ берегахъ Адріатики, будучи господиномъ Далмаціи, Каттаро, Корфу, острововъ. Къ чему было дѣлаться обладателемъ Европы, если бы онъ не осуществилъ плана, задуманнаго въ его юности, когда ему было 26 лѣтъ отъ роду, когда онъ командовалъ только 30,000 человѣкъ? «Онъ хочетъ, сообщалъ немного спустя одинъ посланникъ, основать военныя колоніи и протянуть ихъ въ этой части свѣта вдоль побережья, распространить свои проекты даже на Египетъ и попытаться закрыть англичанамъ Средиземное море и вознаградить до нѣкоторой степени свою страну за ея потери коммерческія и колоніальныя» [2]). Гибралтаръ, опять завоеванный и возвращенный Испаніи, держалъ бы ключи этой новой имперіи и привлекъ бы народъ къ французскому союзу.

Эта мысль объ Испаніи уже не оставляла его, слившись съ той поры съ мыслью о блокадѣ. Наполеонъ хотѣлъ покорить Испанію, но какъ? Король его крови, дворцовая революція, отреченіе Карла IV, бракъ Фердинанда съ одной изъ Бонапартъ? Онъ колебался между этими комбинаціями. Свиданіе, которое онъ себѣ устроилъ со своими братьями, Іосифомъ и Люсьеномъ, и поведеніе Бурбоновъ заставили его, наконецъ, рѣшиться. Въ Миланѣ онъ получилъ письмо отъ Карла IV: этотъ король прощалъ; Фердинандъ избѣжалъ участи сына Петра Великаго! Но король, предупрежденный, что Фердинандъ просилъ француженку въ жены, не хотѣлъ оставить ему привилегіи и выгодъ императорской милости, и самъ попросилъ руку принцессы изъ императорской семьи [3]). Только дочь Люсьена казалась подходящей. Согласится ли Люсьенъ? Если не удастся дочери Люсьена, могъ бы царствовать Іосифъ.

Наполеонъ видѣлъ этого короля въ Венеціи, гдѣ онъ проживалъ отъ 2 по 10 декабря. Образъ царствованія Іосифа въ Неаполѣ былъ таковъ, что у Наполеона не могло быть никакихъ иллюзій. Неаполь оставался

[1]) 2 décembre 1807. Папа въ письмѣ къ кардиналу Байоннскому: онъ отрекается отъ договора, предписаннаго Наполеономъ.—Napoléon à Eugène, 22 octobre 1807.

[2]) Донесенія Толстого, 6, 20 февраля 1808 г. Прослѣдите по письмамъ къ Мармону 26 января 1808 г. и сл., какую важность онъ придаетъ Корфу.—Driault, p. 267.

[3]) Comte Murat, p. 105.

бездонной пропастью и для денегъ и для людей. Іосифъ осыпалъ своими милостями людей, стоявшихъ въ оппозиціи къ имперіи, которые гордились, на свой ладъ, «республиканскими добродѣтелями», забавлялись при его дворѣ и интриговали на всѣ руки. Большой домъ, знаменитый поваръ. великолѣпная охота, а въ Калабріи разбой, въ Реджіо англичане, все безнаказанно. Позоръ! вскрикнулъ Наполеонъ. Тѣмъ не менѣе, не видя неспособности этого ненасытнаго ропотника [1]), онъ думалъ дать ему задачу безконечно болѣе трудную. Онъ сказалъ ему по этому поводу нѣсколько словъ, и Іосифъ, всегда занятый *Европой*, всегда заботящійся о будущемъ, поспѣшилъ отправить въ Петербургъ эмиссара, чтобы на случай нужды заручиться милостью русскаго императора [2]).

Что касается Люсьена, Наполеонъ принялъ его въ Мантуѣ, ночью съ 12 на 13 декабря. Онъ соглашался усыновить дочерей отъ перваго брака Люсьена, но подъ условіемъ, чтобы Люсьенъ развелся со своею второю женою [3]). Люсьенъ, собственно говоря, могъ бы оставить ее и при себѣ морганатической супругой, но внѣ императорской семьи, внѣ королевства, вѣдь ему нужно было сказать только одно слово, и онъ былъ бы королемъ, королемъ Португаліи. «Берите вашу долю!» говорилъ ему Наполеонъ. Люсьенъ остался непреклоннымъ, и они разстались, чтобы встрѣтиться лишь послѣ катастрофы съ имперіей.

При той неизвѣстности, въ какой находился Наполеонъ относительно своихъ собственныхъ плановъ и желаній въ испанскомъ вопросѣ, онъ положился на обстоятельства, на раздоры Бурбоновъ, на роковую участь, которую они сами готовили себѣ. Это было его правиломъ, когда повороты пути становились черезчуръ крутыми, или когда туманъ закрывалъ ему дорогу: «испытывать до конца судьбу событій и результаты рока, которые дали непреодолимый ходъ всякому явленію... всякому государству опредѣлили его время существованія»... [4]).

Онъ возвращается въ Миланъ 16 декабря, окруженный своего рода священнымъ величіемъ, которое преклоняло людей на его пути, со всѣхъ сторонъ встрѣчаемый безумными криками, гиперболической лестью, въ которыхъ итальянцы забывали свое собственное рабство. «Вы спасли Францію, но вы создали Италію», говорилъ ему недавно венеціанскій

[1]) Napoléon à Joseph, 13 novembre 1807.

[2]) Miot t. II, p. 360.—Ducasse, *Mémoires du roi Joseph*, t. IV, p. 7.

[3]) Можетъ быть, Наполеонъ имѣлъ въ виду одну изъ дочерей Люсьена, чтобы сдѣлать ее императрицей, матерью его родныхъ дѣтей.—Frédéric Masson, t. IV, Chap. XXI. *Lucien*. Napoléon à Joseph, 17 décembre, 20 décembre 1807. Lecestre.

[4]) A Talleyrand, à François II, 17, 23 novembre 1805.

патріархъ, Гамбони. Наполеонъ увѣщевалъ ихъ оставаться объединенными и покорными: итальянская независимость была связана съ утвержденіемъ желѣзной короны на его головѣ.

Именно въ это время онъ узналъ о послѣднихъ мѣрахъ англичанъ, о распоряженіяхъ совѣта отъ 18 и 26 ноября [1]): Англія уже не признавала нейтральныхъ; всѣ порты, закрытые для Англіи, объявлены Англіей въ состояніи блокады; всѣ корабли, которые бы туда направились, каковъ бы ни былъ ихъ флагъ, будутъ осматриваться англійскими крейсерами и будутъ отводимы въ Англію. Наполеонъ отвѣтилъ декретомъ отъ 17 декабря, *Миланскимъ декретомъ*, дополняющимъ *Берлинскій декретъ*, отъ 21 ноября 1806 года: «Британскіе острова объявлены въ состояніи блокады какъ на морѣ, такъ и на сушѣ». Всякій корабль, подъ какимъ бы онъ ни былъ флагомъ, подчиняющійся условіямъ Англіи, разсматривается какъ *лишенный національнаго характера* и, ставши англійской собственностью, будетъ объявленъ законною добычею. Точно такъ же всякій корабль, вышедшій изъ Англіи и изъ англійскихъ колоній, идущій въ Англію или англійскія колоніи, будетъ захваченъ нашими кораблями и нашими каперами и присужденъ тому судну, которое овладѣло имъ.

Потомъ онъ указалъ міру на англійскую тиранію. «Это было бы неизгладимымъ пятномъ въ глазахъ потомства» терпѣть «позорный принципъ, что флагъ не покрываетъ товара» [2]). Онъ утѣшалъ себя надеждою, что то отчаяніе, въ которое онъ по необходимости повергнетъ Европу, всю ее заставитъ войти въ коалицію. «Конечно, говорилъ онъ, Франція не больше блокирована Англіей, чѣмъ Англія Франціей. Конечно, Франція признаетъ, что эти мѣры несправедливы, не законны и составляютъ покушеніе на суверенитетъ народовъ; но тогда дѣло народовъ обратиться къ силѣ и высказаться противъ положенія вещей, которое безчеститъ и пятнаетъ ихъ независимость» [3]). Здѣсь видна коренная ошибка системы. Пользуясь силою, пользуясь алчностью, Наполеонъ могъ принуждать государей; онъ низложилъ бы, замѣстилъ бы другими тѣхъ, которые не повиновались бы; онъ не предусматривалъ «великаго отказа» народовъ. Именно народы заставляли своихъ государей сначала отвергать, потомъ нарушать блокаду, потому что блокада не только разоряла ихъ своими дѣйствіями, но она включала въ свои средства принужденіе, завоеваніе, иностранную оккупацію, зависимость отъ иностранцевъ. Это было нѣчто

[1]) Oncken, t. II. p. 352.

[2]) Вступленіе въ декретъ, 17 декабря 1807. — Ср. навигаціонный актъ въ сентябрѣ 1793 г. и заявленія комитета общественнаго спасенія, т. III. стр. 369, 379.

[3]) A. Champagny, 15 novembre 1807

несравненно большее чѣмъ англійское *право осмотра*, «безчестившее и пятнавшее ихъ независимость». Англичане оскорбляли корабли и флаги; но нѣкоторые завоеванные народы не имѣли флота, и для всѣхъ оскорбленіе совершалось вдали, въ туманѣ океановъ, англійская тиранія свирѣпствовала внѣ поля зрѣнія; французское же господство, непосредственное, неотложное, полицейское, угнетало ихъ и раздавливало на ихъ родной землѣ при помощи своихъ генераловъ, своихъ префектовъ, своихъ солдатъ, своихъ жандармовъ, своихъ таможенъ, своихъ конфискацій, своихъ обысковъ на дому и множества своихъ фискальныхъ процедуръ. Какъ Наполеонъ ни волновалъ поверхность континента, какъ ни выкраивалъ королевства, ни экспропріивалъ династіи, ни ставилъ королей, сколько ни присоединялъ департаментовъ,—земля осталась на мѣстѣ, не измѣнился и характеръ людей: основной фонъ Европы, умы и дѣла, даже почва, производительная сила природы, формирующая и питающая людей, неизбѣжно возставали противъ него.

Онъ только что подписалъ свой декретъ, когда узналъ о паденіи Браганцевъ и оккупаціи Португаліи. Эта легкость выполненія плановъ, легкость разрывать вѣковыя связи народовъ и королей; манифестаціи испанцевъ, бѣгущихъ по слѣдамъ французовъ, ихъ обращенія къ Цезарю, утвердили его въ его иллюзіи, что къ своей выгодѣ и въ свое время онъ сдѣлается въ Испаніи вершителемъ дѣлъ. Такимъ образомъ, рокъ сказалъ свое слово. 23 декабря Наполеонъ писалъ Кларку: «Прикажите генералу Дюпону имѣть десятаго января свою главную квартиру въ Валладолидѣ; маршалу Монсею... немедленно вступить въ Испанію такимъ образомъ, чтобы первая дивизія была въ Витторіи 5 января, вторая 10-го, съ его главной квартирой... Прикажите немедленно сформировать обсерваціонную, Пиренейскую, дивизію, въ 1000 человѣкъ каждый батальонъ... Если ея составъ представитъ силу въ 4000 человѣкъ и шесть пушекъ, то вы могли бы приказать генералу Мутону направиться на Памплону и вступить туда 8-го января».

Начиналось нашествіе.

VIII.

Испанія въ настоящемъ, это—осуществленіе блокады, въ будущемъ, это—обладаніе Средиземнымъ моремъ. Но какая польза Наполеону прогнать англичанъ изъ этого моря, если онъ введетъ туда русскихъ? «Россія, имѣющая Дарданеллы, была бы у воротъ Тулона, Неаполя, Корфу». Итакъ, онъ рѣшаетъ «отложить раздѣлъ до мира съ Англіей или, по крайней мѣрѣ, до той поры, когда онъ сможетъ вырвать у нея господство надъ Средиземнымъ моремъ», которое дастъ ей возможность подбирать

имена. «Морея, прилежащіе къ ней острова и Египетъ составляютъ наши интересы, сказалъ Таллейранъ. Вамъ надлежатъ теченіе Дуная, Боснія и Болгарія... Египетъ, императоръ уже давно отстаиваетъ его». Онъ заключаетъ: «Слѣдуетъ, чтобы мы сдѣлались союзниками... Тильзитъ есть лишь одно средство, которое хотятъ выставить какъ систему». Впрочемъ онъ оставилъ въ Меттернихѣ убѣжденіе, что Наполеонъ никогда не отдастъ Константинополя русскимъ.

Нѣсколько дней спустя Меттернихъ имѣлъ аудіенцію, чтобы возвѣстить императору о третьемъ бракѣ своего государя съ великою герцогинею Маріей-Луизою д'Есте [1]). Императоръ заговорилъ о раздѣлѣ. «Англичане могутъ принудить меня къ этому противъ моего желанія. Мнѣ нужно искать ихъ тамъ, гдѣ я могу ихъ найти. Я ни въ чемъ не нуждаюсь... Египетъ и нѣкоторыя колоніи были бы мнѣ выгодны, но не могли бы вознаградить за ужасное увеличеніе Россіи... Когда она утвердится въ Константинополѣ, вы будете нуждаться во Франціи, чтобы она помогла вамъ противъ Россіи, и Франція будетъ нуждаться въ васъ, чтобы уравновѣшивать ее. Вопроса о раздѣлѣ нѣтъ, но, когда онъ будетъ, я скажу вамъ объ этомъ, и нужно, чтобы вы участвовали въ немъ». Меттернихъ отвѣтилъ такъ, какъ отвѣчали всѣ австрійцы, начиная съ Кауница и Маріи-Терезіи, шло ли дѣло о турецкой имперіи, или польской республикѣ, о христіанинѣ или мусульманинѣ: Австрія стоитъ за сохраненіе турецкой имперіи, но, если бы Франція покинула этого стараго союзника, тогда мы одни были бы безсильны поддержать его, и если бы онъ распался на части, «мы не могли бы быть равнодушны ни къ выбору пріобрѣтеній, которыя станутъ дѣлать державы соучастницы раздѣла, ни къ той части, которая выпала бы на нашу долю»... Если подумать о довѣріи, установившемся между Меттернихомъ и Толстымъ, будетъ ясно, что эти разговоры были вовсе не таковы, чтобъ убѣдить Александра въ искренности Наполеона и побудить царя къ опасной индійской авантюрѣ.

Пока это происходитъ, 28 и 29 января, изъ Россіи возвратился Савари. Наполеонъ сталъ разспрашивать его и узналъ отъ него въ точныхъ словахъ, въ знаменательныхъ поступкахъ то, чего Савари, быть можетъ, не сумѣлъ передать достаточно выразительно въ своихъ письмахъ, то, что онъ наблюдалъ или слышалъ, не подозрѣвая его важности. Съ этой поры мнѣніе Наполеона объ Александрѣ значительно измѣнилось. Онъ заподозрилъ, потомъ открылъ въ немъ политика, и вѣра исчезла, вѣра не только въ искренность царя, но и въ возможность ослѣпить его [2]).

[1]) Stadion à Metternich, 14 janvier, 1 février 1808. Beer, *Or. Politik.*

[2]) «Наполеонъ говорилъ о немъ, что онъ распозналъ въ немъ самаго хитраго изъ европейскихъ государей, который кончитъ тѣмъ, что обманетъ всѣхъ». Moriolles, p. 254.

Въ то же самое время онъ могъ прочитать въ газетахъ тронную рѣчь, сказанную въ Лондонѣ при открытіи парламента, 21 января. Не смотря на уходъ Россіи, Пруссіи и Австріи, это было неукротимое желаніе бороться до конца: «Мы имѣемъ приказаніе, говорили министры, увѣрить васъ, что въ этой величественной и столь страшной борьбѣ вы можете разсчитывать на твердость его величества, который не имѣетъ другого интереса кромѣ интереса своего народа». Парламентъ поддерживалъ министровъ. Англія грозитъ не уступать нигдѣ, атаковать вездѣ. Она вступаетъ въ союзъ со Швеціей, она является на всѣхъ уязвимыхъ, отдаленныхъ пунктахъ: въ Корфу, въ Сициліи. Она готовится къ высадкѣ въ Вальшеренѣ! Наполеонъ не могъ оставить безъ отвѣта этотъ манифестъ о войнѣ до крайности. Онъ сдѣлалъ это нотой въ *Moniteur*'ѣ, отъ 2 февраля: «Будетъ день, когда наступитъ миръ. Но тогда произойдутъ событія такого характера, что Англія окажется безъ таможенныхъ заставъ въ своихъ самыхъ отдаленныхъ владѣніяхъ, безъ главнаго источника своего богатства». Пугало, которое должно было устрашить англичанъ, превращается въ гигантское чудовище. Дѣлая реальностью химеры, смѣшивая грезы и дѣйствительность, онъ въ эти дни и ночи отъ 30-го января по 2 февраля придаетъ форму всѣмъ тѣмъ выдумкамъ и проектамъ, которые онъ вынашивалъ въ себѣ. На этой громадной паутинѣ, движущейся и прозрачной, онъ вышиваетъ великолѣпные узоры, съ ясными линіями, изъ яркихъ красокъ, въ духѣ Веронеза, изъ которыхъ возникаютъ бѣлыя и рельефныя, колоссальныя произведенія архитектуры, открывающія перспективы между безконечными рядами колоннъ.

Онъ пишетъ Коленкуру [1]): «Скажите ясно императору, что я желаю всего того, чего онъ желаетъ. Я приказалъ Бернадотту отправить въ Сканію 14,000 французовъ и голландцевъ... Я не буду мѣшать императору Александру завладѣть Швеціей, даже Стокгольмомъ»... Онъ пишетъ царю: «Вы, Ваше Величество, желаете отдалить шведовъ отъ своей столицы; раздвиньте Ваши границы съ этой стороны такъ далеко, какъ пожелаете; я готовъ помочь въ этомъ всѣми моими средствами». Финляндія отдана. Это только переходъ и этапъ: «Скажите императору, *что я не далекъ* отъ мысли объ экспедиціи въ Индію, отъ мысли о раздѣлѣ оттоманской имперіи, и думаю въ виду этого отправить въ походъ армію изъ 20—25,000 русскихъ, 8—10,000 австрійцевъ и 35—40,000 французовъ, въ Азію, а оттуда въ Индію».—«Нѣтъ ничего легче этого предпріятія», прибавляетъ онъ. Онъ вступаетъ въ нѣкоторыя детальныя объясненія

[1]) A Caulaincourt, à Alexandre, 2 février 1808.

съ Александромъ: «Армія въ 50,000 человѣкъ изъ русскихъ, французовъ и, быть можетъ, небольшого числа австрійцевъ, которая отправилась бы черезъ Константинополь въ Азію, еще не дойдя до Евфрата, привела бы въ трепетъ Англію и повергла бы ее къ ногамъ континента. Я готовъ въ Далмаціи; Ваше Величество готовы на Дунаѣ. Спустя мѣсяцъ послѣ нашего соглашенія, армія могла бы быть на Босфорѣ. Ударъ отразился бы въ Индіи, и Англія подчинилась бы... Все можетъ быть подписано и рѣшено раньше 15 марта. Къ 1-му мая мои войска могутъ быть въ Азіи, и къ тому же времени войска Вашего Величества въ Стокгольмѣ. Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, изгнанные изъ Леванта, будутъ раздавлены тяжелыми событіями, которыми будетъ насыщена атмосфера». «Нѣтъ основанія, говорилъ онъ немного послѣ Толстому, думать о неудачѣ потому, что Александръ и Тамерланъ не успѣли тамъ: нужно дѣлать лучше, чѣмъ они. Дѣло лишь въ томъ, чтобы дойти до Евфрата. Разъ будутъ на берегахъ этой рѣки, тогда нѣтъ причины не попасть въ Индію».

Но сначала нужно было, «чтобы интересы обоихъ государствъ были приведены въ согласіе и уравновѣшены». А между тѣмъ Наполеонъ не желалъ ни переговоровъ черезъ посланниковъ, потому что онъ недовѣрялъ, и по справедливости, Толстому, и особенно не желалъ онъ переписки. Онъ хотѣлъ все устроить «словесно» и съ глазу на глазъ. «Чтобы придти къ этому результату, сообщалъ онъ Коленкуру, нужно раздѣлить турецкую имперію; но это требуетъ, чтобы я увидѣлся съ императоромъ». Онъ предлагалъ свиданіе въ Парижѣ или, въ крайнемъ случаѣ, на половинѣ разстоянія. Онъ ослѣплялъ себя собственнымъ фейерверкомъ, и онъ писалъ «въ Тильзитскомъ стилѣ» славянскому царю, какъ недавно, во время пребыванія въ Финкенштейнѣ, затѣялъ писать въ восточномъ стилѣ Селиму или персидскому шаху.

Александръ былъ очень опытенъ въ вопросахъ обаянія, чтобы позволить обмануть себя этими колоссальными фантасмагоріями. Въ его глазахъ все выдавало двойную игру Наполеона съ турками, которыхъ онъ тайно поддерживалъ, и съ шведами, которымъ онъ угрожалъ только на словахъ [1]). «Ни съ чѣмъ не сравнима дѣятельность курьеровъ между Парижемъ и Константинополемъ», пишетъ прусскій агентъ [2]). Толстой бдителенъ. Относительно Швеціи много шуму и мало дѣла: гасконское бахвальство, которымъ Бернадоттъ будетъ развлекать публику. «Вы прекрасно понимаете, сознается Наполеонъ, что въ дѣйствительности мнѣ

[1]) Napoléon à Champagny, 12 janvier; à Caulaincourt, 6 mars 1808.
[2]) Lettre de Brockhausen, 25 février 1808. Hassel.

не такъ-то легко отправить моихъ солдатъ противъ Швеціи, и что мои заботы не тамъ» [1]).

IX.

Его заботы, это—Испанія и Италія, и, если онъ возвѣщаетъ, что «его армія соединится съ русской подъ стѣнами Стокгольма», то это для того, чтобы отвлечь Александра отъ юга Европы. «Я могу имѣть споры съ Римомъ и съ Испаніей; это не касается Россіи; для меня это—граница съ Китаемъ» [2]). Онъ ограничивается сообщеніемъ объ этомъ въ простомъ письмѣ къ Коленкуру: «Нужно, чтобы я принялся шевелить эту державу—Испанію,—которая совершенно безполезна для общаго интереса... Анархія, царствующая въ этомъ дворѣ и правительствѣ, требуетъ, чтобы я вмѣшался въ ихъ дѣла».

Французскіе корпуса проникаютъ въ Испанію, Дюэмъ (Duhesme) въ Барселону, 9 февраля; Монсей въ Бургосъ, 10-го; Мутонъ въ Памплелюну, 9-го. Наполеонъ устраиваетъ кассу, рѣшивъ, 18 февраля, что при ней будетъ *генеральный казначей армейскихъ корпусовъ въ Испаніи*. 20-го онъ назначаетъ Мюрата своимъ намѣстникомъ при французской арміи въ Испаніи. Ицкіердо приходитъ «въ состояніе ярости и отчаянія». Онъ ходитъ изъ посольства въ посольство со своими жалобами. Толстой спрашиваетъ причину этого: онъ не можетъ, онъ не долженъ говорить объ ней, но «все пропало!», и, 28 февраля, онъ отправляется въ Мадридъ [3]).

Въ одно время съ мадридскими Бурбонами пришла очередь и папы. 23 января, Наполеонъ пишетъ Евгенію: «2 февраля мои войска вступятъ въ Римъ». Міоллисъ, который командуетъ ими, получитъ титулъ *командира Адріатической обсерваціонной дивизіи*; онъ займетъ замокъ Святаго Ангела и поставитъ папскія войска подъ свое начальство [4]). «Намѣреніе императора, сообщаетъ Шампаньи Алькье, состоитъ въ томъ, чтобы пріучить римскій народъ и французскія войска жить совмѣстно, чтобы Римъ постепенно и незамѣтно пересталъ существовать какъ свѣтское государство, если онъ и дальше будетъ вести себя такъ безразсудно, какъ теперь». Дѣло произошло въ назначенное время. «Мои войска вступили въ Римъ, пишетъ Наполеонъ Коленкуру, 6 марта. Излишне говорить объ этомъ, но, если съ вами заговорятъ на эту тему, скажите, что, такъ какъ папа есть религіозный глава моей страны, по-

[1]) A Berthier, 23, 24 mars; à Murat, 23 mars, à Talleyrand, 25 avril 1808.
[2]) A Talleyrand, 25 avril 1808.
[3]) Rapport de Tolstoï, 28 février 1808. Lefebvre, t. III, chap. XXX.
[4]) A Champagny, 22 janvier; à Eugène 7 février 1808.

© ГПНБ СОРАН

этому слѣдуетъ, чтобы я былъ увѣренъ въ направленіи духовной власти. Это не территоріальное расширеніе; это—мѣра благоразумія».

Съ этимъ вступленіемъ во владѣніе папской областью, съ этимъ полнымъ командованіемъ Адріатикой, связываются планы относительно Корфу. «Отсылайте туда всѣ деньги, сколько можете, пишетъ онъ Іосифу;... чтобы было 6000 человѣкъ... Отъ Реджіо до Корфу одинъ шагъ!...» Но Іосифъ не имѣетъ ни денегъ ни войска; онъ требуетъ ихъ, а Реджіо занято англичанами. Пусть Іосифъ выгонитъ ихъ оттуда! Разъ Реджіо взято, «вы будете господиномъ Сициліи!» [1]). А когда взята Сицилія, до Египта рукой подать: «Въ Корфу, Тарентѣ, Неаполѣ я сдѣлаю сборы для экспедиціи въ Сицилію или Египетъ» пишетъ Наполеонъ Декре. Владѣть Сициліей! «Это значитъ измѣнить лицо Средиземнаго моря». И демонъ морскихъ экспедицій, демонъ зимнихъ ночей, опять тревожитъ его сонъ. Онъ грезитъ: вооружаетъ корабли, поднимаетъ якоря, вѣтеръ надуваетъ паруса, онъ собираетъ флотъ, маневрируетъ имъ по океанамъ, какъ фигурками на картѣ: 15,000 человѣкъ сядутъ на корабли въ Текселѣ, 20,000 въ Флессингенѣ, 80,000 въ Булонскомъ лагерѣ; 36 кораблей въ Средиземномъ морѣ! Они соберутся со всѣхъ пунктовъ: изъ Лоріана, Бреста, Картагены, Лиссабона, «флотилія противъ флотиліи, эскадра противъ эскадры» [2]).—«Объявите объ экспедиціи въ Ирландію и о большихъ комбинированныхъ операціяхъ» [3]). Англичане будутъ принуждены спустить такое количество кораблей за французскими эскадрами, что въ концѣ концовъ истощатъ себя. «Ирландія никогда не находилась въ большемъ раздраженіи. Я имѣю тамъ большихъ друзей. Англія, не спокойная въ Ирландіи, угрожаемая французской и русской арміей въ Индіи, наконецъ образумится» [4]). Желаемое онъ предполагаетъ устроеннымъ; то, что онъ приказываетъ, онъ предполагаетъ исполненнымъ. «Мои эскадры Тулонская, Рошфорская, Лоріанская и Брестская выступили», пишетъ онъ 17 февраля... — «Мы можемъ, сообщаетъ онъ Декре, имѣть 27—28 кораблей на Флессингенскомъ рейдѣ, въ 1810 году: прогрессивный, страшный для Англіи, ростъ... Кромѣ того, въ 1809 году у меня будетъ 25 кораблей испанскихъ, 12 русскихъ и 10 голландскихъ.— всего 111 военныхъ кораблей... Ирландія, американскія владѣнія, Сурінамъ, Бразилія, Алжиръ, Тунисъ, Египетъ, Сицилія суть уязвимые пункты»...

[1]) A Joseph, 24 janvier; 7, 8, 15, 17 février; à Champagny, 12 janvier; à Marmont, 24 janvier 1808.—Mémoires de Joseph, t. IV.—Notes pour Decrès 7 février et mars 1808.

[2]) A Decrès, 6, 7 février; 8, 12 avril; à Lacoste, 7 février, à Bertrand, 18 février 1808.

[3]) A Louis, 7, 18 février 1808.

[4]) A Louis, 17. 18 février, à Decrés 12 avril 1808.

Реджіо взято, Сцилла взята [1]), вотъ англичане и отброшены въ Сицилію. Но экспедиція не выступаетъ. Это все тѣ же неисправные корабли, тѣ же адмиралы паралитики, тѣ же неблагопріятные вѣтры и тѣ же англійскіе фантомы, что и въ 1805 году. «Я могу только оплакивать тупоуміе нашихъ моряковъ... этихъ жалкихъ бѣднягъ, умирающихъ отъ страха и нерѣшительности»... [2]). Таково послѣднее слово всѣхъ морскихъ экспедицій 1808 года въ Сицилію, въ Ирландію, въ Гвіану, въ Сурінамъ, въ обѣ Индіи. Вотъ онъ величественный проектъ 1805 года! Послѣ Маренго, Аустерлица, Іены, Фридланда, Тильзита и Русскаго союза, Берлинскаго и Миланскаго декретовъ, континентальной блокады, Франція всегда должна довольствоваться фразами, которыми Таллейранъ, въ 1798 году, отдѣлывался отъ директоріи, мечтавшей о тѣхъ же химерахъ, строившей тѣ же планы въ безконечности. Наполеонъ исполнилъ всѣ проекты директоровъ, всѣ условія, и это для того, чтобы кончить тѣмъ же парадоксомъ, тѣмъ же ничѣмъ, тѣми же безсодержательными словами. «Вся сила Англіи заключается въ ея торговлѣ, въ ея флотѣ. Ея торговлю мы будемъ неустанно преслѣдовать нашими каперами, нашими законами и нашими трактатами. Ея флотъ! мы не боимся этого флота... Незамѣтно истощенная тѣми усиліями, которыя она должна была дѣлать... атакованная въ Индіи, угрожаемая у своихъ береговъ, пораженная въ самое сердце своего могущества, вслѣдствіе возстанія Ирландіи, которое, быть можетъ, скоро распространится на Индію, какимъ бы блестящимъ съ виду ни казалось ея положеніе, оно ужасно, и ея паденіе можетъ быть мгновеннымъ и страшнымъ... Въ концѣ концовъ они должны будутъ оставить станцію, которую они устроили на самомъ Средиземномъ морѣ, и тогда мы можемъ идти на Константинополь!...» [3]).

Одно время пронесся слухъ, что англичане, изумленные и смущенные этой шумихой, отказались отъ своего упорства, что въ Англіи желали всеобщаго мира, поняли безуміе настоящей борьбы, и что Россія искала пути къ примиренію. Алопеусъ, прежде чѣмъ покинуть Лондонъ, говорилъ объ этомъ при свиданіи съ Каннингомъ: «Если бы Франція, сказалъ этотъ министръ, допустила *uti possidetis* и полное равенство какъ базу переговоровъ, то ихъ можно было бы начать». Алопеусъ явился въ Парижъ, и Толстой, 3 марта, привелъ его къ императору. Алопеусъ увидѣлъ, что онъ удивленъ предложеніемъ, но желаетъ мира: на этихъ

[1]) Joseph à Napoléon, 8, 23 février 1808.

[2]) A Joseph, 12, 29 mars 1808.

[3]) Mémoire de Talleyrand au Directoire, 10 juillet 1798. Ср. т. V, стр. 277.

© ГПИБ

условіяхъ миръ могъ быть заключенъ немедленно. Во всякомъ случаѣ, важно было столковаться относительно словъ. Что означало *uti possidetis*?

Шампаньи составилъ ноту, которую совѣтникъ русскаго посольства, Зимировъ, долженъ былъ отвезти въ Лондонъ. Но онъ не поѣхалъ, и Алопеусъ продолжалъ свой путь, не давъ никакихъ другихъ объясненій. Онъ не понималъ, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, этой перемѣны курса. Онъ забылъ свои собственные дружескіе разговоры и то, что писалъ о немъ прусскій агентъ въ письмѣ, которое, по всей вѣроятности, было перехвачено для передачи черному кабинету: «Господинъ Алопеусъ сказалъ мнѣ, что онъ нашелъ, что его (императора) желаніе мира было выражено довольно замѣтнымъ образомъ. Господинъ Алопеусъ прибавилъ: «*Не такъ стоитъ дѣло въ Лондонѣ*, гдѣ не только Каннингъ, но и все министерство рѣшило продолжать войну и находитъ, что миръ менѣе желателенъ, чѣмъ продолженіе войны» [1]).

Настоящая сезонная интермедія! Единственнымъ серьезнымъ дѣломъ оставалось свиданіе, предложенное Александру. Наполеонъ приходилъ въ нетерпѣніе отъ проволочекъ съ отвѣтомъ и отъ замедленія, которое изъ за этого происходило съ его отъѣздомъ въ Байону, куда его влекли испанскія дѣла [2]). Онъ принялъ ожидаемаго курьера только 6 марта. Но какое разочарованіе. Вся его фантасмагорія была насквозь понята проницательнымъ и неуловимымъ русскимъ: Наполеонъ соглашался на присоединеніе княжествъ только послѣ раздѣла; Александръ желалъ ихъ въ залогъ и на время. Наполеонъ предлагалъ свиданіе раньше, чѣмъ начать переговоры о раздѣлѣ; Александръ откладывалъ свиданіе до той поры, когда раздѣлъ былъ бы рѣшенъ въ принципѣ. На экспедицію въ Индію онъ смотрѣлъ не съ большей серьезностью, чѣмъ самъ Наполеонъ, и, въ ожиданіи событій, захватывалъ Финляндію.

X.

26 февраля Коленкуръ вручилъ царю письмо Наполеона отъ 2 числа [3]). Когда Александръ открылъ письмо, его лицо было серьезно. Мало по малу онъ оживляется, улыбается, перестаетъ читать и вскрикиваетъ: «Вотъ нѣчто важное... вотъ стиль Тильзита!» Дойдя до этой фразы:

[1]) Martens, t. IX, p. 149—151.—Brockhausen à Frédéric-Guillaume, 3 mars. Hassel.—Napoléon à Caulaincourt, 6 mars. Vandal.—Rapport de Tolstoï, 18 mars 1808.

[2]) A Caulaincourt, 6 mars 1808.

[3]) Vandal, t. I, chap. VIII: les entretiens de Pétersbourg.—Tatistchef, chap. VII: le partage du monde.—Rapports de Caulaincourt, à partir du 26 février 1808.

«Нужно быть бо́льшими, вопреки намъ самимъ... Тогда эта туча пигмеевъ, не желающая видѣть, что теперешнія событія таковы, что аналогіи для нихъ нужно искать въ исторіи, а не въ газетахъ, смирится и пойдетъ туда, куда прикажемъ ваше величество и я. И русскій и французскій народъ будутъ довольны славой, богатствомъ и фортуной, которыя явятся результатомъ этихъ великихъ событій. Дѣло Тильзита упорядочитъ судьбы мира»... Александръ вскрикнулъ: «Вотъ великій человѣкъ!» Онъ сейчасъ же назначилъ Румянцева для переговоровъ съ Коленкуромъ о *важномъ дѣлѣ*, и 28 февраля начались конференціи, прерываемыя разговорами Коленкура съ царемъ, который лаской своихъ крылатыхъ и золоченыхъ словъ смягчалъ въ высшей степени реалистическую рѣзкость языка своего министра. Румянцевъ, говорилъ онъ, желалъ свиданія, какъ можетъ его желать свѣтскій человѣкъ: «Я не нахожу человѣка, способнаго вести переговоры о такихъ важныхъ интересахъ... Но само значеніе, какое я придаю этому великому союзу и всему тому, что должно изъ него произойти, заставляетъ меня желать, чтобы предварительно были набросаны нѣкоторыя базы, на основаніи которыхъ велись бы переговоры. Нужно сначала объясниться, чтобы быть увѣреннымъ, что потомъ согласятся».

Итакъ, произошло объясненіе, и оно подтвердило, что согласіе совсѣмъ было бы невозможно [1]). Румянцевъ обнаруживалъ удивительный интересъ къ плану относительно Индіи. «Это—уязвимый пунктъ Англіи. Я признаюсь вамъ, что я былъ бы въ восторгѣ отъ удачно выполненнаго проекта, потому что, несмотря на всѣ свои великіе таланты, императоръ Наполеонъ еще не нанесъ англичанамъ страшныхъ ударовъ. Нужна бы также большая экспедиція къ нимъ, на ихъ островъ». Этотъ намекъ на Булонскій лагерь и на громадную неудачу морскихъ проектовъ придавалъ переговорамъ нѣкоторый ироническій колоритъ. Нужно было обратиться къ дѣлу. Развернули карту, открыли циркуль. Румянцевъ показалъ для Франціи: Морею, Архипелагъ, Албанію, Египетъ, даже Сирію; для Россіи: Молдавію, Валахію, Болгарію и, быть можетъ, Сербію. Австрія получила бы часть Босніи и турецкую Хорватію. Коленкуръ очень запротестовалъ по поводу Сербіи. «Хорошо, сказалъ Румянцевъ, отдайте ее кому нибудь изъ младшихъ членовъ австрійскаго дома, одному изъ Кобурговъ, который женится на одной изъ нашихъ великихъ княженъ». Что касается Болгаріи, то онъ не отступился отъ нея: «Нужно что нибудь говорящее націи и доказывающее, что императоръ далъ свою

[1]) Ср. т. IV, стр. 143, совѣщанія въ 1794 году, между Марковымъ и Кобенцлемъ, касательно раздѣла Польши.

© ПНБ

армію не безъ выгодъ». Это навело ихъ на разговоръ о Константинополѣ, откуда должна была отправиться экспедиція на Индію. Уходя такъ далеко, можно ли было оставлять позади себя правительство столь ненадежное, столь сомнительное? Румянцевъ заключилъ свою рѣчь напрямикъ: «Наша судьба владѣть имъ, наше положеніе ведетъ насъ туда, какъ въ Босфоръ и Дарданеллы».

Безвозвратныя слова были произнесены, и съ тѣхъ поръ, съ 4 марта, разговоры принимаютъ характеръ спорный, потомъ натянутый, потомъ совсѣмъ начинается разноголосица. «Левантскіе приморскіе города, говоритъ Александръ потребовавшему ихъ Коленкуру, вы знаете, что это пункты самые богатые, самые населенные. Смирна, какое богатство!.. Ваше положеніе безподобно... вы вездѣ хозяева. При владѣніи Варшавой, ваши войска, которыя вы тамъ имѣете, всегда дѣлаютъ васъ грозными для насъ, если бы когда нибудь произошла ссора, чего по нашей винѣ, увѣряю васъ, никогда не будетъ»... Русскіе не больше могли оставить Варшаву французамъ, чѣмъ французы предоставить Константинополь русскимъ.

Было составлено резюме переговоровъ, которое Коленкуръ долженъ былъ отправить въ Парижъ съ Сентъ-Эньяномъ, прибывшимъ въ качествѣ императорскаго курьера [1]). Александръ написалъ Наполеону два письма: одно отъ 13 числа, посылая подарки, другое отъ 16 числа, возвѣщающее завоеваніе Финляндіи: «Если идеи, которыя я предлагаю Вашему Величеству, согласны съ Вашими, то я готовъ явиться на свиданіе, которое Ваше Величество желаетъ имѣть со мною... Мнѣ нужно только пятнадцать дней, чтобы пріѣхать въ Эрфуртъ, мѣсто которое представляется мнѣ самымъ подходящимъ для нашей встрѣчи».

Въ Тильзитѣ вступали въ союзъ на основаніи невысказанныхъ предположеній; теперь было полное разногласіе, и оно относилось еще болѣе къ тому, о чемъ вовсе не говорили, чѣмъ къ высказанному. Ни одного слова о секретѣ императора, относительно котораго Наполеонъ, столь ревнивый впрочемъ къ другимъ своимъ планамъ, желалъ, чтобы Александръ разгадалъ его, предчувствовалъ, упредилъ. Со времени поѣздки въ Италію и упорнаго отказа Люсьена его не оставляла мысль о царственномъ бракѣ, достойномъ великой имперіи. Онъ приказалъ, чтобы ему представили списокъ принцессъ: двухъ русскихъ, двухъ австріячекъ, двухъ саксонокъ, одну баварку, одну испанку, одну португалку. Въ этой базарной описи кандидатокъ въ императрицы, онъ охотнѣе останавливался на русскихъ, какъ на сдѣлкѣ наиболѣе политической, а также самой легкой. Ему, который, даже обѣщая корону, не могъ убѣдить сво-

[1]) Тексты у Татищева, стр. 347—351, 365.

его брата Люсьена развестись съ женой, не приходило въ голову, что Александръ не можетъ по своему усмотрѣнію располагать одною изъ своихъ сестеръ и натолкнется на отказъ императрицы-матери. Объ этомъ стали говорить въ Парижѣ, и это служитъ предметомъ сплетенъ въ корреспонденціяхъ дипломатовъ. «Утверждаютъ, пишетъ 31 января одинъ прусскій агентъ, что въ Петербургѣ не нашли благопріятной почвы: великая княжна не пожелала дать своего согласія». 21 февраля все измѣнилось. Если великая княжна Екатерина Павловна откажется, Александръ предложитъ другую изъ своихъ сестеръ, еще болѣе юную. Разводъ будто бы неминуемъ. Евгеній пріѣхалъ взять свою мать, чтобы увезти ее въ Италію. 26 февраля, принцъ Вильгельмъ писалъ прусскому королю: «Продолжаютъ много говорить о бракѣ Наполеона съ великой княжной Екатериной. Говорятъ даже, что князь Беневентскій назначенъ отправиться въ Петербургъ, чтобы привезти эту княжну во Францію» [1]).

Въ Петербургѣ озабочены, нервничаютъ. «Эти новости, пишетъ Румянцевъ, произвели здѣсь надлежащее и глубокое впечатлѣніе». Толстой молчитъ «о предметѣ, великій интересъ котораго онъ понимаетъ». Значитъ ли это, что дѣло «не имѣетъ достаточно солиднаго основанія?» Принимаютъ свои мѣры предосторожности. Императрица-мать старается отдать свою дочь въ вѣрныя руки. Она подумывала было объ императорѣ Францѣ, но этотъ государь уже избралъ себѣ третью жену. Оставались эрцгерцогъ Іоаннъ и эрцгерцогъ Пфальцкій, баварскій принцъ, прусскій. Румянцевъ пишетъ Толстому: «Не показывайте никакой тревоги, никакого любопытства узнать что нибудь; но старайтесь проникать все... не щадите, заклинаю васъ, ни заботъ, ни трудовъ, чтобы удовлетворить меня въ этомъ дѣлѣ. Я не имѣю нужды защищать передъ вашимъ превосходительствомъ то чрезвычайное желаніе, какое я имѣю, быть освѣдомленнымъ объ этомъ дѣлѣ. Я былъ бы счастливѣйшимъ изъ людей, если бы я могъ избавить самую нѣжную и самую почтенную мать отъ тѣхъ тревогъ, въ которыя ее повергли эти слухи».

Именно съ этими комментаріями слѣдуетъ читать письма Александра Наполеону и донесенія Коленкура о «важномъ проектѣ» — «*Императоръ принадлежитъ и сердцемъ и мыслью* Вашему Величеству, пишетъ Коленкуръ. Нужно завоевать націю и министерство». «Пусть Ваше Величество признаетъ Италію французской, быть можетъ, даже Испанію; пусть перемѣняетъ династіи, основываетъ королевства; требуетъ содѣйствія черноморскаго флота и сухопутныхъ войскъ для завоеванія Египта... словомъ, пусть міръ сдвинется съ мѣста: если Россія получитъ Констан-

[1]) Hassel.

тинополь и Дарданеллы, то я думаю, что отъ нея можно получить все, что она можетъ предложить, и заставить ее смотрѣть на все спокойно» [1]).

Все? Даже бракъ? Коленкуръ ничего не говоритъ объ этомъ, и Наполеонъ, держащійся теперь насторожѣ, не вѣритъ своему союзнику въ исполненіи даннаго слова. Онъ никогда не уступитъ Константинополя. Но, быть можетъ, Варшаву. Варшава стоитъ великой княжны. Вопросъ въ томъ, кто первый отдастъ свой залогъ: Наполеонъ, держащій Польшу, или Александръ, располагающій принцессой. «Въ этомъ заключается, пишетъ Наполеонъ Коленкуру, заколдованный кругъ, чего вы въ достаточной мѣрѣ и не поняли и не дали понять». Онъ это говоритъ о Константинополѣ, онъ это думаетъ о бракѣ и о польскомъ королевствѣ [2]).

Сентъ-Эньянъ пріѣхалъ въ Парижъ 31 марта, въ полдень. Въ шесть часовъ Наполеонъ принялъ свое рѣшеніе. Чтобы судить объ этомъ рѣшеніи, одномъ изъ самыхъ значительныхъ по послѣдствіямъ рѣшеній, какія онъ принималъ въ своей жизни, нужно знать, въ какихъ затрудненіяхъ онъ тогда бился, и черезъ какой кризисъ проходили испанскія дѣла, такъ странно перепутавшіяся съ дѣлами русскаго союза.

ГЛАВА IV.

Байонна и Эрфуртъ (1808—1809 г.).

I.

Завоевавъ Португалію, Наполеонъ уже не помышляетъ о томъ, чтобы ее отдать Испаніи [3]). Въ его глазахъ договоръ въ Фонтенебло [4]) пересталъ существовать въ то самое время, какъ Браганцская династія перестала царствовать. Да и какъ довѣрить охрану блокады этой окраины рукамъ столь ненадежнымъ и слабымъ? Королева Этрурійская не сумѣла закрыть Ливорно, и для того именно, чтобы получить его обратно, Наполеонъ лишилъ ее трона, и какъ же дать ей Опорто, отдать южное побережье Годою, котораго, какъ государя, можно подозрѣвать еще больше, чѣмъ когда онъ былъ министромъ, что онъ вступитъ въ соглашеніе съ Англіей. Неужели Годой выполнитъ въ Альгарвесѣ то, чего Людовикъ не исполнятъ въ Голландіи? Наполеонъ, видя, какъ легко подчиняются португальцы, замышляетъ овладѣть ими: онъ будетъ управлять ими непосредственно черезъ намѣстника. Уничтожая статьи, которыя онъ самъ же продиктовалъ, онъ пишетъ, 7 марта, Жюно: «Мои споры съ Испаніей проистекаютъ изъ того, что я не желаю дѣлить Португалію, одну половину которой она желаетъ отдать князю Мира, а другую королевѣ Этрурійской» [1]). Что же касается испанцевъ, то, если они будутъ настаивать на этомъ пріобрѣтеніи, они очень дорого заплатятъ за него, и имъ нужно будетъ пойти на новую сдѣлку: постоянный союзъ коммерческій и политическій; уступку Франціи—въ компенсацію за ту часть Португаліи, которая ею была оставлена себѣ по договору въ Фонтенебло—испанскихъ земель на лѣвомъ берегу Эбро: Гвипуцкоа, Наварры, Каталоньи съ портомъ Барселоной [2]). И этотъ подписанный договоръ они оставятъ безъ вниманія, потому что Наполеонъ занимаетъ Португалію и собирается занять временно лѣвый берегъ Эбро и далѣе. Онъ пишетъ еще 7 марта Жюно: «Я буду въ Бургосѣ, вѣроятно, 20 марта... Не говорите громко противъ испанцевъ, пока не совершатся событія». Что касается этихъ событій, то ихъ можно было отгадать по инструкціямъ отъ 9 марта, даннымъ Шампаньи: «Напишите Богарне, что армія въ 50,000 человѣкъ вступитъ въ Мадридъ 22 или 23 числа. Вы посовѣтуете ему ободрить приверженцевъ принца Астурійскаго, распространить слухъ, что мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы отправиться въ Кадиксъ для осады Гибралтара и переправиться въ Африку и между прочимъ попытаться привести въ порядокъ испанскія дѣла, чтобы такимъ образомъ не было никакого опасенія относительно наслѣдства этого королевства. Если принцъ Астурійскій или князь Мира намекнутъ на желаніе явиться въ Бургосъ, то мнѣ это будетъ очень пріятно; кто бы ни пришелъ, надо принять его». И Мюрату, 14 марта: «Каковы бы ни были намѣренія мадридскаго двора, вы должны понимать, что особенно полезно было бы придти въ

[1]) Caulaincourt à Napoléon, 16 mars 1808. Vandal.

[2]) A Caulaincourt, 31 mai 1808.

[3]) Lefebvre, liv. III, chap. XXX; Frédéric Masson, t. IV. *Joséphine répudiée* Comte Murat. *Murat;* Baumgarten. *Espagne;* Balagny, *Campagne de Napoléon en Espagne;* Guillon, *Guerre d'Espagne;* Gervinus; Michelet, *Dix-neuvième siècle;* Sassenay, *Napoléon et la République argentine;* Ernest Daudet; Madelin; Guillon, *Complots;* Bonnefons, *Saxe;* Rambaud, *Allemagne;* Gautier, *Staël;* Arneth, *Wessenberg;* Oncken, *Oesterreich und Preussen;* Pertz, *Stein;* Hüffer, *Lombard: Lettres de Napoléon à Caulaincourt*, publiées par Albert Vandal; Stern, *Lettres de Gentz à Londres;* Rocquain, *Napoléon et le roi Louis; Mémoires* du roi Joseph, de Miot, de Roederer, Talleyrand, Méneval, duc de Broglie, Pasquier, Joseph de Maistre, Malmesbury, d'une inconnue, d'Abrantès, Barante, Desvernois. —Для войны въ Испаніи: Gonneville, Ferensac, Ségur, Thiébault, Marbot, Bugeaud, Lejeune, Bigarré, Pepe, Paulin, Fantin, Rocca, Castellane. Jourdan.—Rousseau, *Suchet.*

[4]) Traité de Fontainebleau, 27 octobre 1807.

[1]) Lecestre.—См. выше стр. 182, 183, договоръ въ Фонтенебло 27 октября 1807 г.

[2]) Traité dicté à Izquierdo, 20—24 mars 1808.—Rapport de Tolstoï, 28 février 1808.

Мадридъ безъ враждебныхъ дѣйствій, расположить тамъ корпуса лагеремъ по-дивизіонно, чтобы казаться болѣе многочисленными... Въ это время мои споры съ испанскимъ дворомъ будутъ улажены. Я надѣюсь, что войны не будетъ, чего я очень желаю. Если я принимаю столько предосторожностей, такъ это потому, что ничего не хочу предоставить случаю... Я хочу остаться другомъ Испаніи и достигнуть моей цѣли, не прибѣгая къ враждебнымъ дѣйствіямъ; но я долженъ приготовиться, чтобы въ случаѣ нужды я могъ силой преодолѣть сопротивленіе».

По мѣрѣ того, какъ полки подвигаются впередъ, исчезаютъ иллюзіи испанскаго народа относительно Наполеона: подозрительность, затѣмъ враждебность становятся на мѣсто слѣпого довѣрія. Освободители не приводятъ такого количества войскъ столь требовательныхъ, не нападаютъ такъ жестоко на народъ, не требуютъ сдачи городовъ, не занимаютъ ихъ, словно побѣдители. Враждебный новшествамъ, этотъ старый народъ, «сгорбившійся» на своихъ развалинахъ, считалъ долгомъ чести заградить иностранцамъ доступъ къ своему духу, къ своему сердцу, къ своимъ границамъ, къ своимъ церквамъ, къ своимъ монастырямъ съ ихъ словно тюремными стѣнами, къ своимъ убогимъ дворцамъ, къ своимъ жалкимъ хижинамъ. Французскіе солдаты ощущаютъ твердость сопротивленія и земли и людей. Они чувствуютъ себя внѣ родной почвы и сбитыми съ толку. Это не Италія съ ея торжествами, не «бѣлокурая» Германія съ хорошими стоянками, съ жиденькимъ бѣлымъ винцомъ, пивомъ, съ гостепріимными домами. «Нѣтъ ничего болѣе печальнаго, болѣе мрачнаго видомъ, чѣмъ Ирунъ, первый городъ въ четверти льё отъ границы: дома изъ темнаго гранита, окна съ рѣшетками даже въ третьемъ этажѣ, грязныя и узкія улицы... Вездѣ злобныя лица...» Крикливый гортанный языкъ; народъ странный, дикій, жестокій: «Цвѣтъ лица смуглый, глаза арабскіе, черные, съ толстыми бровями; выбритый лобъ, обильные волосы свернуты въ громадный пучокъ, висящій на затылкѣ, вокругъ головы повязанъ цвѣтной платокъ... голая, красная, загорѣвшая шея; бѣлые, острые зубы, словно у обозлившихся волковъ...» Нищіе кишмя кишатъ всякой мразью; оборванные гидальго, величественно завернувшись въ лохмотья своихъ синихъ плащей, въ широкополыхъ шляпахъ, надвинутыхъ на глаза, грѣются на солнцѣ, играютъ на гитарѣ, тревожно поглядывая, всегда готовые пустить въ ходъ ножъ. И вотъ новость: нѣтъ шпіоновъ! И вотъ неудобство: нѣтъ евреевъ! Цѣлая армія монаховъ, кадры вооруженнаго народа. Любопытныя женщины, съ горящими глазами, подойдутъ, посмотрятъ, покажутъ себя и убѣгаютъ, завлекая въ засаду. «Мы смѣялись, говоритъ одинъ офицеръ, надъ несчастной стороной положенія, и мы искали тѣхъ испанскихъ экстравагантностей, которыми насъ убаюкивали въ нашемъ дѣтствѣ». Они не увидятъ ни Испаніи изъ комической оперы—Донъ-Кихота въ передѣлкѣ Флоріана—ни красивыхъ свѣтскихъ фигуръ Койпеля, ни бездѣльнической Испаніи *Жиль-Блаза*, ни веселой Испаніи Иго-Лебрэна [1]), а въ сущности, одна она была бы имъ понятна. Народъ, съ которымъ они встрѣчаются лицомъ къ лицу, готовится защищать свои очаги тѣми же самыми средствами, которыми онъ завоевалъ Перу и Мексику. Прежде чѣмъ вторгнуться въ эту страну имъ слѣдовало бы прочитать Берналя Діаца. Это все тѣ-же испанцы, «смѣсь каталонца, карѳагенянина, римлянина, вандала и мавра, которые никогда не отдѣляли вещи отъ личности, которые сводили всякое разногласіе во мнѣніяхъ къ дилеммѣ: Убей или умри»... [2]). Походъ совершается среди тревогъ, потомъ среди засадъ: по ночамъ арестовываютъ курьеровъ въ отвратительныхъ и предательскихъ гостинницахъ; этапы мучительны: это, такъ сказать, жажда, предшествующая мукамъ.

Мюратъ пускался въ предпріятіе, секретомъ котораго не владѣлъ. Ему казалось, что эти люди искали спасителя, желали, чтобы Наполеонъ поставилъ имъ короля. Онъ чувствовалъ себя въ силахъ управлять ими и былъ расположенъ взять корону. Впрочемъ подъ его султаномъ скрывался хитрецъ, какъ иной намѣстникъ Кортеца, столь же храбрый и болѣе гуманный, образованный и сердечный, лучшій, съ болѣе благими намѣреніями завоеватель, доступный ласкамъ, лести, даже въ крайне хамскомъ ея выраженіи.

Годой и королева видятъ, что кругъ суживается. Они бьются въ необычайной путаницѣ комплотовъ и контръ-комплотовъ. Годой подумываетъ уѣхать въ Кадиксъ, сплавить династію въ Мексику, какъ сплавили Браганцевъ. Въ Мадридѣ происходятъ въ испанскомъ переводѣ и въ испанской обстановкѣ парижскія сцены іюня 1791 года, во время отъѣзда Людовика XVI. Народъ требуетъ выдачи своего короля, своего заложника и фетиша. Враги Годоя пользуются этимъ волненіемъ. Таллейранъ, переносясь туда воображеніемъ, узнаетъ времена графа Прованскаго и Филиппа-Эгалите, Фавраса и Ходерлоса де Лаклоса, товарищей его первыхъ политическихъ затѣй. «Народныя движенія очень выгодны для интригановъ», говоритъ онъ въ одномъ разсказѣ, который кажется отрывкомъ изъ мемуаровъ его единомышленника и собрата, кардинала Ретца: «нити здѣсь обрываются, и поиски становятся невозможными» [3]). Ночью, съ 17 на 18 марта, разражается бунтъ въ Аранхуецѣ, гдѣ находится королевская семья. Дворецъ Годоя наводненъ толпой, разграбленъ. Ищутъ «прин-

[1]) La Folie espagnole. Paris. 1800.
[2]) Chateaubriand, *Congrès de Vérone*
[3]) *Mémoires*, t. IV. Affaires d'Espagne.

ца», грозя смертью. Онъ устроилъ себѣ тайникъ и спрятался туда, но онъ былъ схваченъ на другой день, когда пытался улизнуть. Мятежники увели его въ гвардейскую казарму и заперли въ комнатѣ, которую занималъ онъ, будучи еще простымъ гвардейцемъ, даже не кандидатомъ на королевскую спальню. Безъ Годоя отъ Карла IV остается только перепуганный старикъ. Богарне, явившись къ королю, находитъ его очень разстроеннымъ. Онъ уговариваетъ его довѣриться императору, не имѣть другого посредника кромѣ его, Богарне. «Господинъ посолъ, говоритъ Карлъ IV, я не сдѣлаю больше ни одного шага, не сказавъ объ немъ императору... Я одобряю вашу идею... Да, она мнѣ нравится; съ этой минуты я буду совѣтоваться съ моимъ интимнымъ союзникомъ... Сообщайте мнѣ ваши мысли, господинъ посолъ, но, ради Бога, не теперь, я совсѣмъ разстроенъ этой ночью». Онъ отрекается отъ короны, убѣжденный, что, если онъ не откажется отъ нея сейчасъ же, ночью его убьютъ приверженцы его сына. «Ваше Величество можете приказывать, всѣ будутъ повиноваться», пишетъ Богарне Наполеону [1]). 20 марта Фердинандъ пишетъ Мюрату, чтобы возвѣстить ему, что, «такъ какъ Провидѣніемъ Божіимъ онъ призванъ управлять своимъ народомъ», онъ спѣшитъ засвидѣтельствовать великому герцогу Бергскому «свое особенное почтеніе къ его личности и свое горячее желаніе поддерживать и скрѣплять узы, связывающія два государства». Въ то же самое время Карлъ IV и королева молятъ о покровительствѣ для себя лично, для Годоя, который королю дороже королевы, королевѣ дороже чѣмъ король, и обоимъ вмѣстѣ дороже всѣхъ Испаній.

Такимъ образомъ, Мюратъ становился судьей революціи, которую онъ думалъ направить къ своей выгодѣ, и покровителемъ трона, на который помышлялъ сѣсть. Карлъ IV сообщилъ ему, что онъ отрекся отъ короны лишь подъ вліяніемъ угрозъ; онъ проситъ убѣжища во Франціи, «фермы, гдѣ бы онъ могъ спокойно окончить дни свои». Мюратъ открываетъ здѣсь средство отдѣлаться отъ Фердинанда и избавиться отъ испанскихъ Бурбоновъ [2]). «Видя, пишетъ онъ Наполеону, благопріятное расположеніе этихъ жалкихъ людей всецѣло отдаться подъ покровительство Вашего Величества, я надумалъ заставить короля протестовать противъ событій въ Аранхуецѣ и заставить его отречься отъ трона въ пользу Вашего Величества, чтобы Вы располагали имъ по жеданію». Что Карлъ IV и сдѣлалъ 21 марта [3]). Онъ беретъ обратно отреченіе, сдѣланное въ пользу Фердинанда. Этотъ сынъ, «который оскорбилъ сразу и націю и величіе трона, не сумѣлъ бы носить съ достоинствомъ мою корону... Эта столь бле-

[1]) 18 mars 1808.

[2]) Murat à Napoléon, 19, 24 mars 1808. Comte Murat.

[3]) Lettre à Napoléon, lettre à Murat, déclaration 21 mars 1808.

стящая корона можетъ быть поддерживаема только чрезвычайнымъ умомъ... Полный вѣры въ умъ и великодушіе одного великаго человѣка, я принялъ рѣшеніе положиться во всемъ на то, что онъ пожелаетъ сдѣлать съ нами...»

23 марта, Мюратъ вступилъ въ Мадридъ и принялъ поздравленія отъ грандовъ Испаніи. 24-го его догналъ Фердинандъ, но Мюратъ не пожелалъ принять его или пойти къ нему съ визитомъ, что предполагало бы признаніе. Этотъ отказъ «охладилъ очень многихъ, пишетъ Мюратъ. Каждый спрашивалъ себя:—Будетъ ли онъ признанъ? Если нѣтъ, то что станется съ нимъ?..» За этимъ послѣдовало необычайное безпокойство и начало волненія среди народа въ Мадридѣ. Чтобы успокоить его, Мюратъ развернулъ свои войска и пустилъ слухъ, что скоро пріѣдетъ императоръ.

26 марта Наполеонъ узналъ объ Аранхуецкой революціи и зналъ, что онъ все можетъ въ Испаніи. Его рѣшеніе было принято: онъ устраняетъ Іосифа, который очень совѣстливъ, и предлагаетъ корону Людовику, который оказывается помѣхой въ Голландіи, гдѣ дѣло блокады неподвижно. Онъ пишетъ ему въ тотъ же день: «Я рѣшилъ посадить французскаго принца на испанскій тронъ. Климатъ Голландіи вамъ не подходитъ. Впрочемъ Голландія не сможетъ подняться изъ своего разоренія. Въ этомъ міровомъ водоворотѣ, будетъ ли миръ заключенъ, или не будетъ, ей нѣтъ средства удержаться. Отвѣчайте мнѣ категорически. Если я назначу васъ королемъ Испаніи, согласитесь ли вы? Могу ли я разсчитывать на васъ?» Одновременно Бурбоны перестали бы царствовать, а Батавская республика перестала бы жить. 30-го онъ пишетъ Мюрату: «Я очень одобряю поведеніе, котораго вы держались. Думаю, что вы не позволили, чтобы князь Мира погибъ... Я не призналъ принца Астурійскаго. Король Карлъ IV продолжаетъ оставаться королемъ... Я отправляюсь въ Байонну». Онъ имѣлъ свой планъ, котораго онъ не повѣрялъ Мюрату, и который увезъ Савари [1]): это—уговорить всѣхъ, отца, мать и сына просить у него суда и явиться въ Байонну, гдѣ онъ рѣшилъ бы ихъ судьбу.

Такъ обстояло дѣло, когда пріѣхалъ изъ Петербурга курьеръ, который уничтожилъ послѣднія колебанія. Если бы Александръ сейчасъ же согласился на свиданіе, то Наполеонъ пустился бы въ путь въ Эрфуртъ. Но Александръ отдаляетъ его на неопредѣленное время. Тогда Наполеонъ обращается къ самому неотложному. Онъ пишетъ Коленкуру: «Свиданіе отложено. Разъ это такъ, я послѣ обѣда отправлюсь въ Бордо, чтобы быть въ средоточіи дѣлъ. Карлъ IV просилъ моего покровительства. Я хочу быть поближе къ Пиренеямъ». Онъ начнетъ тѣмъ, чѣмъ русскіе

[1]) Савари выѣхалъ 30-го. «Савари знаетъ всѣ наши замыслы». Мюрату 9 апр. 1808.

побуждаютъ его кончить. Онъ былъ расположенъ заплатить имъ за ихъ содѣйствіе. Онъ обойдется и безъ этой помощи и выставитъ противъ нихъ совершившійся фактъ. Покорить Испанію, это все равно, что добыть Франціи Средиземное море, что поставить Египетъ подъ ея власть. Англія, быть можетъ, капитулируетъ; и кто знаетъ, подъ этой угрозой не примирится ли Каннингъ съ *uti possidetis*, о которомъ онъ говорилъ Алопеусу, которое съ этого времени распространилось бы на Нильскіе пороги? Во всякомъ случаѣ, распоряжаясь Испаніей и Португаліей, Наполеонъ чувствовалъ бы себя болѣе грознымъ въ Польшѣ и больше хозяиномъ дѣлъ въ Турціи. Еще разъ вопросъ былъ рѣшенъ обстоятельствами. «Благоразуміе и политика требуютъ дѣлать то, говаривалъ онъ, что приказываетъ рокъ, и идти туда, куда насъ ведетъ непреодолимый ходъ событій». Одинъ иностранецъ, имѣвшій интересъ наблюдать его вблизи, подтверждаетъ, что въ эту эпоху онъ имѣлъ привычку говорить о своей политикѣ, какъ объ историческомъ фактѣ, будто бы независящемъ отъ его воли, «о событіяхъ, которыми могъ самъ распоряжаться, какъ если бы они происходили безъ его содѣйствія». За нѣсколько дней до своего отъѣзда онъ говорилъ: «Я долженъ слѣдовать за моей звѣздой, и я пойду за ней» [1]).

Прежде чѣмъ отправиться въ путь, онъ рѣшился на мѣру, которую обдумывалъ и подготовлялъ уже давно: захватить въ свою власть папскія владѣнія и личность папы. Секуляризація святого престола и медіатизація Испаніи произошли бы одновременно [2]). Міоллисъ занималъ Римъ и въ сущности правилъ имъ, изгоняя кардиналовъ, неся полицейскую службу, включая въ свои войска папскихъ солдатъ, овладѣвая всѣми общественными службами, организуя страну въ департаменты, запрещая агентамъ папы собирать подати; короче—морилъ голодомъ, изолировалъ, доводилъ до крайности Пія VII и святую коллегію, подбивая ихъ на какой-нибудь безумный шагъ, чтобы дать Наполеону предлогъ упразднить ихъ. Наполеонъ заставилъ тогда Люсьена покинуть Римъ, гдѣ «онъ составляетъ заговоръ съ попами»; онъ отказывается признать Капрару легатомъ; назначаетъ на его мѣсто Пакка; потомъ онъ объявляетъ свой *ультиматумъ* [3]): «Если папа не согласенъ вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ королевствами

[1]) Brockhausen au roi de Prusse, 8 avril 1808. Hassel.—Voir Oeuvres de Napoléon, t. XXXII, p. 272—274.

[2]) При директоріи *фрюктидоризовали бы* Римъ и *венеціализовали бы* Мадридъ. См. т. V, стр. 241.

[3]) Lettres à Eugène, 20, 23 mars; à Joseph, 11 mars. Ducasse. *les Rois frères*.—A Champagny, 1, 2 avril; à Eugène, 2 avril 1808.

Итальянскимъ и Неаполитанскимъ для защиты Итальянскаго полуострова», то это будетъ означать разрывъ. Для рѣшенія онъ дастъ ему сроку по 20-е апрѣля. Во всякомъ случаѣ, 30 апрѣля Евгеній издастъ декретъ (отъ 2 апрѣля) о преобразованіи римскихъ владѣній въ департаменты. «чтобы такимъ образомъ все совершилось словно на театральной сценѣ». Такъ что, если папа отвергнетъ *ультиматумъ*, тогда онъ покажется наказаннымъ, если же приметъ его, тогда онъ почувствуетъ себя потеряннымъ. Его осудитъ рокъ: «Невозможно потерять болѣе глупо эти свѣтскія владѣнія, для составленія которыхъ работали умы и политика столькихъ папъ. Какія плачевныя послѣдствія бываютъ отъ того, что дуракъ возведенъ на тронъ» [1]).

Казнь исполняется въ назначенный день. 7 апрѣля, солдаты Міоллиса заняли Квириналъ. Папа протестовалъ и отвергъ *ультиматумъ*. Французскій дипломатическій агентъ потребовалъ свои паспорта 19 апрѣля. Міръ узналъ одно за другимъ о наказаніи Пія VII и о низложеніи съ трона Карла IV: Наполеонъ владѣетъ Римомъ и Мадридомъ, распоряжается судьбами Италіи и Испаніи.

II.

Въ тотъ самый день, когда Міоллисъ захватилъ въ свою власть святого отца, 7 апрѣля, Савари поймалъ въ свою западню Фердинанда Бурбонскаго. Онъ уговорилъ этого принца явиться въ его сообществѣ въ Бургосъ, гдѣ онъ могъ бы встрѣтить императора. Фердинандъ пустился въ путь 10-го. Въ Бургосѣ онъ не нашелъ никого. Савари такъ хорошо вышколилъ его, что онъ рѣшился продолжать путь до Витторіи, гдѣ онъ увидѣлъ себя окруженнымъ французскими войсками. Онъ отказался ѣхать дальше, и Савари могъ заполучить отъ него только письмо къ императору, которое взялся доставить. Фердинандъ просилъ Наполеона положить конецъ тягостному положенію; иначе говоря, просилъ Наполеона признать его.

Наполеонъ получилъ это письмо въ Байоннѣ, куда онъ прибылъ 15 апрѣля. Онъ отвѣтилъ на него 16 числа, въ выраженіяхъ очень патетическихъ, какъ императоръ, какъ судія королей, ихъ чести, ихъ споровъ. Онъ отклонялъ Фердинанда отъ процесса, который тотъ хотѣлъ возбудить противъ князя Мира: «Онъ приведетъ къ печальному результату для Вашей короны. Ваше Королевское Высочество не имѣете для этого никакихъ другихъ правъ, кромѣ переданныхъ Вамъ Вашей матерью. Если процессъ позоритъ ее, то Вы, Ваше Высочество, этимъ самымъ уничтожаете свои права. Ваше Высочество не имѣете права судить князя

[1]) A Eugène, 6 avril 1808.

© ГИМ

Мира: его преступленія, если упрекать его въ нихъ, исчезаютъ въ правахъ трона»—«Я не думаю, писалъ де-Местръ, прочитавъ это письмо, чтобы Людовикъ XIV могъ написать лучше... Мѣсто, относящееся къ королевѣ, написано... когтями сатаны».

Наполеонъ «колеблясь», говорилъ онъ, между разныхъ партій, желалъ потолковать съ принцемъ, и боясь, какъ бы Фердинандъ не ускользнулъ, онъ приказалъ, 17 апрѣля, Бесьеру: «Если онъ отказывается отъ свиданія, которое я предлагаю ему, то это значитъ, что онъ на сторонѣ англичанъ, и тогда больше нечего щадить... арестуйте его и препроводите въ Байонну...» Тѣмъ временемъ Мюратъ займется подготовкой испанцевъ къ «событіямъ», успокоитъ ихъ относительно цѣлости монархіи, возвѣститъ «либеральное правленіе и возрожденіе Испаніи». При посредствѣ Шампаньи Наполеонъ сочиняетъ отчетъ о перемѣнѣ династіи. Людовикъ рѣшительно ничего не отвѣчаетъ. Нуженъ кандидатъ на этотъ постъ возродителя. Наполеонъ дѣлаетъ извороты въ сторону Іосифа: «Нѣтъ ничего невозможнаго, что черезъ пять-шесть дней я напишу вамъ, чтобы вы явились въ Байонну». И точно такъ же, какъ въ 1797 году, добравшись до Адріатическаго моря и заглядывая въ послѣдствія этого: «Декре, подумайте объ Алжирской экспедиціи... Одна нога, стоящая на африканской землѣ, заставитъ англичанъ призадуматься... Изучивъ экспедицію въ Алжиръ, займитесь хорошенько экспедиціей въ Тунисъ...» [1]).

Нити завязываются и напрягаются въ его рукахъ. Нѣкоторые совѣтники Фердинанда, неспособные понимать ходъ вещей, льстили себя надеждой, что они купятъ признаніе ихъ короля за нѣсколько кусковъ территоріи. Фердинандъ отдалъ бы Каталонію и Наварру, и свою честь, и, быть можетъ, свое вѣчное спасеніе, сохранивъ за собой право обращаться къ своему духовнику, только бы Наполеонъ возвелъ его на тронъ, лишивъ онаго его отца. Онъ отправился въ Байонну, готовый сдѣлаться ленникомъ Великой Имперіи. Карлъ IV и Марія-Луиза рѣшили отдать всю Испанію и весь народъ, лишь бы Наполеонъ объявилъ ихъ сына лишеннымъ трона. И они въ свою очередь отправились въ путь.

Фердинандъ пріѣхалъ 20-го, вмѣстѣ съ каноникомъ Эскоиквицемъ. Карлъ IV и Марія-Луиза прибыли вслѣдъ за нимъ въ сообществѣ съ Годоемъ. 24-го донесеніе Шампаньи поступаетъ въ руки императора. «Это трудъ Людовика XIV, который надо воспроизвести сначала... Это совѣтуется политикой, справедливость уполномочиваетъ на это, безпорядки въ Испаніи дѣлаютъ это необходимымъ. Ваше Величество должны

[1]) A Murat, 10 et 17 avril 1808; à Joseph, 18 avril 1808; à Decrès 18 avril 1808.

заботиться о безопасности Вашей имперіи и спасти Европу отъ вліянія Англіи». 26-го Наполеонъ написалъ Мюрату: «Я надѣюсь, вы не пощадите мадридскую чернь, если она придетъ въ волненіе» и 30-го: «Король Карлъ прибылъ въ Ирунъ. Я его жду черезъ два часа. Нѣтъ мѣста для пощады» [1]). Если онъ имѣлъ нѣкоторыя сомнѣнія изъ уваженія къ королевскому сану, то онъ теряетъ ихъ при первомъ взглядѣ на эту колесницу монархическаго Тесписа, на этотъ «комическій романъ» въ парадной каретѣ, который ему представляютъ испанцы. Думаютъ, что это тѣ кареты, въ которыхъ Филиппъ V пріѣхалъ въ Испанію, такихъ каретъ нигдѣ уже не видно, развѣ только на картинахъ времени Людовика XIV: «Громаднѣйшіе позолоченные ящики, снабженные зеркальными стеклами спереди, сзади и съ боковъ, висящіе на ремняхъ изъ бѣлой кожи, въ рамѣ изъ огромныхъ вызолоченныхъ дубовыхъ досокъ... Восемь лакеевъ стоятъ сзади ящиковъ, какъ если бы въ парадномъ экипажѣ объѣзжали Прадо...» Жеманные спутники сидятъ на своихъ скамейкахъ, не имѣя возможности, изъ-за стеколъ, прислониться на какую бы то ни было сторону. «Весь этотъ снарядъ, на половину роскошный, на половину смѣшной, говоритъ о непредусмотрительности и поспѣшности, показывая старину безъ обаянія, роскошь безъ изящества, позолоту и бѣдность. Первымъ сходитъ король. Это—человѣкъ высокаго роста, сухощавый, лысый, но крѣпкій и бодрый». Потомъ слѣдуетъ королева: «маленькая старушка, маленькая фея, чистенькая, щегольски одѣтая, гордая и сдержанная». Потомъ князь Мира, «что-то среднее, не то дворецкій, не то егерь» [2]).

Жертвы ли, эти перепуганные вѣтрогоны? Въ самомъ лучшемъ случаѣ они простофили! Со внутренней стороны они еще хуже: они не только не жалки, они просто отвратительны по своей безсовѣстливости, въ своей ужасной подлости. «Принцъ Астурійскій очень глупый, очень злой человѣкъ, большой врагъ Франціи, пишетъ Наполеонъ. Я объявилъ ему, что я не долженъ больше имѣть никакихъ отношеній съ нимъ, такъ какъ король Карлъ находится у моихъ границъ... Король Карлъ—честный человѣкъ; онъ имѣетъ видъ почтеннаго старика, чистосердечнаго и добраго. У королевы все написано на ея лицѣ: ея чувство, ея исторія... Это превосходитъ все, что можно было вообразить... Князь Мира похожъ на

[1]) Lettre à Caulaincourt, 18 avril 1808.—О выгодности возстанія, которое позволяетъ пустить въ ходъ строгости для примѣра, сравните его совѣты Іосифу послѣ прибытія въ Неаполь. 28 февраля, 2, 6 марта, 31 іюля, 5, 9, 17 августа 1806.—См. выше, стр. 50—52.

[2]) На основаніи замѣтокъ герцога Виктора Брольи, который видѣлъ ихъ на пути въ Фонтенебло. *Souvenirs*, t. I.—Cf. *Mémoires d'une inconnue*.

быка; въ немъ есть что-то, напоминающее Дарю...» [1]). Король прогналъ сына съ своихъ глазъ. Ко всѣмъ вопросамъ Фердинандъ относится совершенно пассивно. «Онъ глупъ до такой степени, что я не могъ добиться отъ него ни одного слова». Онъ понялъ лишь одно: при помощи Наполеона онъ могъ бы выжить отца и сдѣлаться испанскимъ королемъ: «*Я, король!*» Его умъ и его совѣсть останавливались на этомъ. Когда Наполеонъ объяснилъ ему, что онъ даже не былъ въ достаточной степени королемъ, чтобы отрекаться, такъ какъ протестъ его отца уничтожилъ его вступленіе на престолъ, онъ ничего не понялъ.

Цѣлые дни проходили въ ребяческихъ спорахъ относительно протокола и церемоніала. 5 мая Наполеонъ начиналъ терять терпѣніе, когда курьеръ отъ Мюрата сообщилъ ему, что въ Мадридѣ во время вспыхнуло желанное возстаніе: уже нѣсколько дней убивали французовъ въ одиночку; 2 мая, при извѣстіи, что Наполеонъ позвалъ въ Байонну королеву Этрурійскую, инфанта донъ Антоніо и остальныхъ членовъ испанской королевской крови, народъ схватился за оружіе: французскіе солдаты были перебиты, больные въ госпиталяхъ передушены. Усмиреніе было быстрое и безпощадное.

Наполеонъ сообщаетъ Таллейрану, котораго онъ старался выставлять напоказъ какъ своего довѣреннаго человѣка: «Уже идетъ пятый актъ этой трагедіи; скоро наступитъ развязка» [2]). Эта развязка, какъ это требуется классическими правилами, будетъ совершена рокомъ, то есть, неумолимой логикой страстей и слѣпотой дѣйствующихъ лицъ, которыя доведутъ сами себя до катастрофы, въ которой погибнутъ всѣ вмѣстѣ. Это было неизбѣжно, но фатальность вышла козорная. Бурбоны унизились, Наполеонъ сталъ меньше. Онъ готовилъ «громадный, оглушительный государственный переворотъ», въ духѣ Корнеля, быть можетъ, даже намѣстничество Божіе, въ духѣ Боссюэта: «Я желалъ дѣйствовать какъ Провидѣніе, которое исправляетъ зло людей средствами по своему выбору». А вышло изъ этого убогое провинціальное представленіе: театръ небольшого городка, опереточная, жалкая подъ своимъ внѣшнимъ блескомъ, труппа. Конечно, Наполеонъ былъ deus ex machina; но съ Олимпа Эсхила, откуда онъ надѣялся метать молніи, онъ попалъ въ низы Бомарше. И, по ироніи исторіи, онъ самъ сдѣлалъ себя хроникеромъ и неумолимымъ критикомъ своей пьесы и своей труппы.

«Я явился къ королю Карлу, пишетъ онъ, и призвалъ туда двухъ

[1]) A Talleyrand, 1-er mai 1808.
[2]) Lettres des 25, 27 avril, 6 mai, en réponse aux lettres de Talleyrand des 21 et 27 avril 1808.

принцевъ. Король и королева говорили съ ними съ чрезвычайнымъ негодованіемъ. Что касается меня, то я сказалъ имъ: «Если къ полуночи вы не признаете вашего отца вашимъ законнымъ королемъ и не объявите это въ Мадридѣ, то съ вами будетъ поступлено какъ съ бунтовщиками» [1]). Въ тотъ же день, Карлъ IV, ради соблюденія формы, уступилъ всѣ свои права Наполеону. Наполеонъ поручился за цѣлость королевства и исключительное сохраненіе католической религіи [2]). Фердинандъ написалъ въ Мадридъ: «Юнта будетъ слѣдовать приказамъ и повелѣніямъ моего возлюбленнаго отца...» Въ качествѣ принца Астурійскаго онъ согласился на передачу, сдѣланную его отцомъ Наполеону. Въ вознагражденіе онъ получилъ Наварскій замокъ и помѣстье съ милліономъ дохода. Король, королева Марія-Луиза, королева Этрурійская и инфантъ донъ Франциско отправились 10 числа въ Компьенъ. Что касается Фердинанда и инфантовъ донъ Карлоса и донъ Антоніо, то Наполеонъ предоставилъ ихъ заботамъ Таллейрана, которому онъ поручилъ принять ихъ въ своемъ великолѣпномъ замкѣ Валансэ (Valençay). Это составляло единственное остроумное мѣсто въ этой отвратительной, шутовской трагедіи. Но сарказмъ мѣтилъ далеко, и Фридрихъ II способенъ былъ бы оцѣнить его соль. «Принцы пріѣдутъ въ Валансэ во вторникъ. Вы будете тамъ въ понедѣльникъ вечеромъ... Недурно, если бы у васъ былъ въ Валансэ театръ, и если бы вы пригласили туда нѣсколькихъ актеровъ... Вы могли бы призвать туда г-жу Таллейранъ съ четырьмя, пятью женщинами. Если бы принцъ Астурійскій привязался къ какой нибудь хорошенькой женщинѣ, и если бы это было навѣрняка, это не представляло бы никакихъ неудобствъ... Вы поговорите съ Фуше, который отправитъ агентовъ въ окрестности и въ число прислуги... Что касается васъ, то ваша миссія довольно почетная: принимать трехъ знаменитыхъ персонъ, чтобы развлекать ихъ, это—въ духѣ и націи и *вашего* сана» [3]).

«Этимъ оканчиваются всѣ дѣла!» [4]). Были покончены дѣла принцевъ съ Наполеономъ. Еще одинъ лишній разъ онъ взялъ верхъ благодаря хитрости, силѣ, своему искусству играть глупостью и испорченностью людей. Какъ бы онъ ни унижалъ Бурбоновъ, они все протягивали къ нему свои открытыя руки, повергались къ его ногамъ, они больше раболѣпствовали передъ нимъ, чѣмъ онъ хитрилъ съ ними. Оставалось осуществить революцію въ Испаніи, а это было дѣло иное, столько же от-

[1]) A Murat, 5 mai 1808.
[2]) De Clercq, t. II, p. 246.
[3]) A Talleyrand, 9 mai 1808.
[4]) A Murat, 5 mai 1808.

личное отъ перваго, какъ испанская нація отъ своихъ королей. Наполеонъ приказалъ Мюрату собрать кастильскій совѣтъ; онъ разсчитывалъ, что этотъ совѣтъ голосуетъ адресъ ему и попроситъ у него короля. «Это покончитъ все» [1]). Впрочемъ приняты всѣ мѣры бережности: «Я рекомендую вамъ быть деликатнымъ до мелочей включительно. Ничего нельзя оставлять безо вниманія въ этой странѣ». При помощи печати, при помощи эмиссаровъ, разговорами генераловъ онъ призываетъ къ себѣ всѣхъ людей съ доброй волей: онъ обѣщаетъ свободу, возрожденіе, онъ ручается за честь монархіи. Но испанцы полагаютъ свою честь вовсе не въ томъ, чтобы гнуть свои спины. Кастильскій совѣтъ безмолвствовалъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ упредилъ отвѣтъ и написалъ, 10 мая, Іосифу: «Нація, черезъ посредство верховнаго кастильскаго совѣта, проситъ у меня короля. Эту корону я назначаю вамъ».

Такъ какъ кастильскій совѣтъ отказался отъ своей роли, то Наполеонъ созвалъ, 15 іюня, депутатовъ трехъ сословій въ Байонну. Эти кортесы должны были заключать отъ ста до ста пятидесяти человѣкъ. Ихъ прибыло около сорока человѣкъ. Кортесы обратились съ декларацією къ мадридской юнтѣ; Наполеонъ объявилъ Іосифа королемъ испанскимъ [2]). «Необходимо, заявлялъ онъ Мюрату, чтобы кастильскій совѣтъ сдѣлалъ объ этомъ публикацію по всѣмъ правиламъ и во всемъ исполнилъ формальности, которымъ слѣдовали во время восшествія на престолъ Филиппа V». Онъ позаботился сдѣлать прибавку, которая оказывалась больше чѣмъ стилистической оговоркой при всѣхъ революціяхъ, такъ же, какъ во время Людовика XIV, какъ и въ періодъ республики, съ 1795 года, нужно ли создать республику, уничтожить ее, учредить ли монархію, или упразднить ее, касается ли дѣло гельветовъ, батавцевъ, цизальпинцевъ, вестфальцевъ или неаполитанцевъ: «Я думаю, что вы двинули войска... нужно, чтобы это дѣло шло энергично».

Іосифъ покинулъ Неаполь 22 мая, съ всегдашнимъ оскорбленнымъ видомъ, будирующій, мрачный. Впрочемъ онъ принялъ какъ благодарность прощальные привѣты неаполитанцевъ. На основаніи ихъ благодарности онъ заключилъ о своемъ умѣ и объ оказанныхъ имъ великихъ услугахъ. Впрочемъ онъ ясно видѣлъ, что его ожидало въ будущемъ. «Въ Испаніи, говорилъ онъ гренобльскому епископу—своему бывшему преподавателю въ Отенѣ—въ Испаніи я буду безполезенъ, что бы я ни дѣлалъ, я не совлеку съ себя въ такой полной степени званія иностранца, чтобы народъ, гордый и чувствительный въ дѣлахъ чести, не нашелъ

[1]) A Murat, 9, 10 mai 1808.
[2]) 5 juin 1808. Comte Murat, chap. XII.

во мнѣ достаточно ненавистнаго иностранца, народъ, который не зналъ другихъ войнъ, кромѣ войнъ за независимость, и который прежде всего питаетъ отвращеніе къ французскому имени... Я вижу горизонтъ, покрытый очень мрачными тучами... Всегда ли будетъ ярко и свѣтло сверкать въ небесахъ звѣзда моего брата?» Одно средство есть у него привязать къ себѣ испанцевъ, это—дѣйствительно сдѣлаться ихъ королемъ, сердцемъ и душою и слить себя съ тѣмъ дѣломъ возрожденія, которое объявилъ императоръ; но это значило неизбѣжно сдѣлаться антифранцузомъ. Наполеонъ желалъ короля, который предалъ бы ему Испанію, а король, чтобы владѣть Испаніей, долженъ былъ бы начать съ того, чтобы освободиться отъ Наполеона. Въ этомъ заключается существенное противорѣчіе, которое уже проявило себя во время Людовика XIV между королемъ Франціи и его внукомъ Филиппомъ V [1]). Наполеонъ и Іосифъ приступали къ повторенію опыта и обрекли себя на взаимное непониманіе, клевету, на противорѣчіе другъ другу: Іосифъ, обвиняя Наполеона въ томъ, что онъ возложилъ на него невозможную задачу; Наполеонъ, упрекая Іосифа въ неисполненіи имъ той задачи, ради которой только онъ и сдѣлалъ его королемъ. Между ихъ двухъ испанцы оправились, ускользая отъ Іосифа, возмущаясь противъ Наполеона. Они обратились на одинъ мигъ къ императору, какъ когда-то къ Людовику XIV, лишь для того, чтобы обезпечить себѣ независимость, поднять достоинство и могущество своего отечества. Наполеонъ же думалъ «возродить» ихъ исключительно для того, чтобы французское главенство надъ ними сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ. Испанцы хотѣли, чтобы была Испанія оживленная, живущая своею собственною жизнью на своемъ собственномъ полуостровѣ, а Наполеонъ желалъ, чтобы существовала Испанія, ставшая подъ его верховную власть, Испанія, отростокъ великой имперіи.

8 іюня Іосифъ пріѣхалъ въ Байонну. Онъ увидѣлъ себя, говоритъ одно изъ близкихъ къ нему лицъ, окруженнымъ всѣми соблазнами и всѣми знаками королевскаго величія. Онъ принялъ заискивающія выраженія подданническаго долга грандовъ Испаніи, депутатовъ, слѣдовавшихъ за прежнимъ дворомъ и составлявшихъ штатъ Карла IV и инфантовъ. Прибавьте сюда инквизицію, столь же неотдѣлимую отъ всякаго переустройства Испаніи, какъ неотдѣлимы аутодафе, старыхъ временъ, отъ свадебныхъ королевскихъ празднествъ и бой быковъ отъ всякаго народнаго веселья. Но на другой же день—знаменательное совпаденіе—Наполеонъ писалъ Таллейрану: «Король неаполитанскій признанъ королемъ

[1]) Смотри: Baudrillart, *Philippe V et la cour de France*, t. I et II.

испанскимъ... Въ нѣсколькихъ испанскихъ провинціяхъ произошли волненія. Генералъ Дюпонъ, съ 15,000 человѣкъ, вступилъ въ Севилью, гдѣ было поднято знамя возсталія... Сарагосса тоже подняла знамя мятежа, но колонна въ 10,000 человѣкъ переправилась черезъ Эбро, чтобы идти на этотъ городъ...»

15 іюня собрались созванные Наполеономъ кортесы и издали конституцію, сколокъ съ «конституціи имперіи», за исключеніемъ параграфа, признавшаго католическую религію религіей господствующей, религіей государственной и королевской. «Конституція очень либеральна», сообщалъ Наполеонъ [1]). Она была провозглашена 6 іюля. Наканунѣ Наполеонъ, на основаніи официальныхъ требованій испанцевъ, торжественно уступилъ своему брату тѣ права, какія получилъ отъ Карла IV. Въ этотъ промежутокъ времени, 20 іюня 1808 г., былъ составленъ конституціонный статутъ для королевства неаполитанскаго, по тому же образцу, что и статутъ испанскій, но не такой широкій, потому что онъ былъ предназначенъ для Мюрата, короля низшей степени, короля по милости женщинъ, котораго нужно было держать въ границахъ. Іосифъ, еще бывшій фиктивнымъ неаполитанскимъ королемъ, провозгласилъ этотъ статутъ, Наполеонъ одобрилъ его, и Мюратъ получилъ инвеституру декретомъ отъ 15 іюля [2]). Сенатскимъ рѣшеніемъ отъ 30 мая Тоскана была присоединена къ имперіи... Это было заключеніемъ, вытекавшимъ изъ испанскихъ событій.

9 іюля Іосифъ вступилъ въ Испанію со свитой изъ грандовъ, камергеровъ, сановниковъ и инквизиторовъ, а главнымъ образомъ хорошо и какъ слѣдуетъ эскортируемый французскими солдатами. Онъ добрался до своей столицы, находящейся въ центрѣ возстанія. Наполеонъ уже не зналъ ни пощады ни стѣсненій. Съ этого времени онъ поставилъ новую монархію подъ режимъ экзекуціонныхъ сыщиковъ, реквизицій, контрибуцій, насилій солдатчины. Испанцы отказываются вѣрить въ измѣну своихъ королей: ихъ короли въ плѣну, ихъ согласіе недѣйствительно, и, такъ какъ король не можетъ заниматься дѣлами, народъ получаетъ на время обратно свою исконную державную власть. Попы, бо́льшая часть знати берутся за оружіе. Организуются инсурекціонные совѣты, патріотизмъ дѣлается революціоннымъ, анархія становится монашеской и патріотической. Крестьяне устраиваютъ засады на всѣхъ изгибахъ дорогъ. Контрабандисты, профессіональные разбойники, все плутоватое сословіе «дворянъ большой дороги»; странствующіе рыцари, грабители проѣзжихъ, карманные воры, открыватели спрятанныхъ сокровищъ, пользующіеся для этого вѣшаніемъ

[1]) A Caulaincourt, 15 juin 1808. Vandal.

[2]) Masson, t. IV, p. 248.—Comte Murat, chap. XII.

и поджариваніемъ, сбѣгаются, чтобы отбивать взятое, и составляютъ кадры шаекъ повстанцевъ. Страна всегда остается готовой къ кровавымъ приключеніямъ, къ фанатическимъ ударамъ. Это—громадная Вандея, вся нація, превратившаяся въ шуановъ, это—война въ Абруццахъ и Калабріи, охватывающая всякое мѣсто, куда проникаютъ французы.

Англичане дожидались этого событія. Съ 7 іюня юнты посылаютъ депутатовъ въ Англію, прося денегъ, оружія, вспомогательнаго корпуса. Но здѣсь этотъ союзъ не является, какъ въ Вандеѣ, чѣмъ-то противоестественнымъ, чудовищемъ революціи наизнанку; здѣсь во имя самой націи испанцы призываютъ англичанъ, какъ нѣкогда голландскіе гезы призывали французовъ. Тщетно Наполеонъ призналъ и Іосифъ заявляетъ, что онъ исповѣдуетъ католическую религію: религія иностранца завоевателя не можетъ быть религіей испанца. Странные католики, которые грабятъ папу, какъ они ограбили короля! Это—еретики, которыхъ слѣдуетъ сжигать, богохульники! Здѣсь мы видимъ проявленіе крайней тщеты словъ и формулъ: государственная религія, цѣлость монархіи, *я король*. Когда духъ націи наполняетъ эти слова и оживляетъ ихъ, тогда, будь король даже безумецъ и попъ вѣроотступникъ, они имѣютъ силу и, дѣйствуютъ; когда же духъ націи уходитъ изъ нихъ и отвергаетъ ихъ они обращаются въ тиранію и вызываютъ кличъ войны. Испанія вдругъ очнулась отъ своей летаргіи и оказалась такою, какою была во время изгнанія мавровъ и евреевъ. «Возстаніе, сказалъ одинъ историкъ, казалось возвращеніемъ къ естественной жизни Испаніи».

Вотъ этого Наполеонъ упорно не признавалъ, несмотря на рапорты своихъ генераловъ. Онъ располагалъ силой въ 80,000 человѣкъ! Онъ считалъ цифры, основываясь на итогахъ, какъ будто это то же, что на смотру, забывая, изъ кого были составлены эти «сводные полки», наскоро собранные, переполненные призванными резервистами, рекрутами, взятыми раньше срока, пойманными бѣглыми солдатами, иностранцами, зачисленными въ бригады. Обманывая себя этой игрой въ призраки, онъ надѣялся, что «прибытіе короля положитъ конецъ мятежамъ, прояснитъ умы, вездѣ возстановитъ спокойствіе» [1]), воображая себѣ, что этотъ ничтожный король совершитъ въ Испаніи чудо королевскаго достоинства, подобно тому, какъ недавно республиканскіе генералы заказывали въ Неаполѣ чудо святаго Януарія. Королевское чудо это былъ тотъ орселъ, который по мѣрѣ удаленія окружалъ образы Карла IV и Фердинанда и изъ этихъ фигуръ, нелѣпыхъ и забавныхъ, дѣлалъ святыхъ, почти боговъ, ради которыхъ убиваютъ и умираютъ. Народный духъ, нація

[1]) A Talleyrand, 9 juin.

служила существеннымъ орудіемъ божескаго права. Всякая власть происходитъ отъ Бога! Но народъ знаетъ лишь того Бога, котораго онъ почитаетъ, и тѣ божескіе декреты, которые внушаетъ его вѣра. Испанія создала себѣ Бога изъ своей монархіи, какъ недавно Франція создала его изъ своей революціи.

Въ то время какъ вынимаютъ землю и дѣлаютъ подкопъ подъ Наполеономъ-завоевателемъ, онъ, нѣкоторое время, считаетъ себя побѣдителемъ и еще разъ отдается морскимъ иллюзіямъ: развѣ, благодаря арміи Жюно, онъ не распоряжается берегами Португаліи? Развѣ не въ его власти сдѣлать блокаду такой тѣсной, чтобы задушить континентъ? Но Англія станетъ задыхаться раньше и будетъ просить пощады [1]). Прекращеніе доходовъ вслѣдствіе блокады, безконечное увеличеніе расходовъ по причинѣ войны неизбѣжно разорятъ ее. «Я думаю, писалъ онъ 12 мая Декре, что вы понимаете мою систему войны. Англія заняла въ этомъ году одинъ милліардъ. Нужно ее обезсиливать расходами и изнуреніемъ» [2]). Онъ приказалъ вооружать корабли во всѣхъ портахъ Испаніи, Франціи, Голландіи, Италіи. Вездѣ верфи, вездѣ корабли готовятся сняться съ якорей, чтобы отправляться во всѣ части свѣта. Онъ призываетъ въ Тулонъ испанскія эскадры изъ Картагены и Магона. Въ Средиземномъ морѣ уже есть шестнадцать кораблей, французскихъ и русскихъ. Англичане будутъ принуждены держать тамъ двадцать пять кораблей, да двѣнадцать въ Кадиксѣ. «Я имѣю восемь кораблей во Флейссингенѣ, въ Брестѣ: я имѣю ихъ вездѣ» [3]). Онъ предписываетъ, чтобы въ Булони была приготовлена флотилія для посадки 30,000 человѣкъ. Онъ посылаетъ экспедицію въ Буэносъ-Айресъ, чтобы сообщить о вступленіи Іосифа на престолъ [4]). «Я хочу нанести рѣшительный ударъ раньше конца сезона». И 29 мая онъ спрашиваетъ у Жюно, можетъ ли Лиссабонскій портъ помѣстить въ безопасности пятьдесятъ военныхъ кораблей и сто транспортовъ [5]). Испанія есть продолженіе Франціи, Марокко есть передовое укрѣпленіе Испаніи. «Нужно переправить 6,000 человѣкъ въ Сеуту, чтобы навести страхъ ими на Марокко. Потеря этого пункта была бы весьма значительна для Испаніи и для Франціи. Я заявилъ королю марокскому, что, если бы онъ предпринялъ что нибудь малѣйшее противъ Франціи, я переправился бы въ Африку съ 200,000 человѣкъ французовъ и испанцевъ...» И послѣ Марокко, Алжиръ и Тунисъ!

[1]) A Junot, 10 mai 1808.
[2]) A Decrès 12, 13, 28 mai; à Murat, 19 mai; à Champagny, 29 mai 1808.
[3]) Въ 1809 г. онъ насчиталъ тамъ семьдесятъ семь кораблей.
[4]) Instructions à M. de Sassenay, 29 mai 1809.
[5]) A Murat, 19, 28 mai 1808.

Онъ разсчитываетъ, что испанскія дѣла будутъ окончены въ сентябрѣ, самое позднее—въ ноябрѣ [1]). Но нужно ихъ окончить, и именно въ Байоннѣ: въ то время какъ онъ поставилъ здѣсь короля, чтобы навязать его Англіи и Европѣ, вдругъ оказывается необходимость придумывать средства въ Европѣ, чтобы заставить Испанію принять этого короля. Возмущается не одна Испанія, возмущается Англія, грозящая вмѣшательствомъ [2]), остальная Европа, Россія, Пруссія, особенно Австрія, которыя открываютъ въ этомъ событіи диверсію, сближаются между собою, и согласіе это надо разстроить. Наконецъ Франція волнуется, и въ ней приходятъ въ движеніе заговорщики, съ которыми надо считаться.

III.

Въ послѣднихъ числахъ мая Наполеонъ былъ увѣдомленъ, что Австрія вооружается. «Эти вооруженія не противъ кого другого могутъ быть направлены, а только противъ меня», писалъ онъ Шампаньи, 28 мая. «Если собирали ополченіе, то я немедленно созову въ Пассау войска Рейнскаго союза; я сдѣлаю новый наборъ во Франціи. Нужно, конечно, чтобы какая нибудь страна заплатила издержки по этимъ вооруженіямъ... Это будетъ Австрія». Андреосси заявитъ объ этомъ въ Вѣнѣ, и, если отвѣтъ будетъ неудовлетворительный, онъ потребуетъ свои паспорта, оставивъ лишь дипломатическаго агента. Но Наполеонъ не могъ бы упредить австрійцевъ и броситься на нихъ, не покинувъ Испанію на произволъ судьбы. Онъ предпочитаетъ покончить сначала съ испанцами и отложить на будущее дѣло съ австрійцами; особенно онъ предпочелъ бы принудить ихъ моральной силой разоружиться. Для обоихъ предпріятій, чтобы ихъ удержать или чтобы ихъ принудить, необходимо вмѣшательство Александра. Онъ приказываетъ Коленкуру хлопотать о скорѣйшемъ свиданіи [3]).

Съ этой поры великій планъ относительно Индіи сданъ въ музей знаменитыхъ утопій, а раздѣлъ Турціи отложенъ до всеобщаго мира, то есть, до того времени, когда онъ уже не будетъ имѣть смысла. Морскіе проекты отдаляются, какъ это бываетъ каждый годъ съ приближеніемъ лѣта, то есть, въ ту пору, когда надо ихъ исполнить. Всѣ мысли императора сосредоточиваются на этихъ двухъ пунктахъ: Австріи и Испаніи.

Въ Парижѣ Меттернихъ чуетъ опасность. Онъ дѣлаетъ усилія, чтобы выиграть время, чтобы отразить заранѣе удары Наполеона въ 1808 г.,

[1]) A Junot, 2 juin; à Caulaincourt, 15 juin 1808. Vandal.
[2]) «Англичане явились передъ Кадиксомъ съ сильной экспедиціей, привлеченные добычею отъ испанскихъ дѣлъ». A Caulaincourt, 31 mai. Lecestre.
[3]) A Caulaincourt, 31 mai 1808. Vandal.

чтобы быть готовымъ къ нападенію въ 1809 году. Его игра состоитъ въ томъ, чтобы успокоивать императора, чтобы побуждать его туда, куда его влекутъ его желанія, куда его призываетъ его гордость, въ Испанію. Онъ заискиваетъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, пользуясь Таллейраномъ, Фуше. Фуше оказывается бо́льшимъ австріякомъ, чѣмъ самъ Меттернихъ: «Я думаю, что война съ вами была бы не только несчастьемъ, какъ всякая война: она повергла бы міръ въ неопредѣленность... Если ужъ съ вами будутъ воевать, остается Россія, потомъ Китай» [1]). Онъ помѣщаетъ въ газетахъ статьи, въ которыхъ опровергаются намѣренія, приписываемыя Австріи. По мнѣнію Таллейрана, сохраненіе Австріи есть вопросъ общественнаго спасенія Европы. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ Меттерниха и Толстой идутъ рука объ руку. Они пишутъ одни и тѣ же бюллетени; они даютъ одни и тѣ же совѣты своимъ правительствамъ; они, наперерывъ, пускаютъ въ ходъ и Фуше и Таллейрана, особенно Фуше, который будетъ считать себя не имѣющимъ соперника и ничего не будетъ опасаться со стороны «епископа», когда отвѣдаетъ дипломатіи [2]).

Вокругъ нихъ составляется настоящій очагъ оппозиціи. Это уже не одни «друзья Англіи», какъ въ 1803, 1805 гг., скрывавшіеся, ограничивавшіеся тайной перепиской, дѣлами, походившими на шпіонство. Теперь это—все общество, весь вліятельный Парижъ имперіи. Эти люди встрѣчаются вездѣ, говорятъ вездѣ; невозможенъ ни обѣдъ, ни балъ, ни спектакль, гдѣ бы эти люди не находили другъ друга, не шептались на ухо, не понимали другъ друга съ полуслова. Изъ ихъ сообщеній иностранные дипломаты знаютъ, и навѣрняка, до какой степени порицали въ Парижѣ байоннское предпріятіе. Коварные пріемы Наполеона, миссія Савари смахивали на циническое вѣроломство, на западню. Передаются детали. «Фердинандъ только тогда рѣшился отправиться, когда Савари далъ ему свое честное слово, что онъ будетъ признанъ королемъ... Его насильно подвигали до самой Байонны». Толстой отмѣчаетъ «негодованіе, вызванное во всѣхъ сердцахъ испанской аферой» [3]). Изъ всѣхъ свѣдѣній, которыя онъ добываетъ для себя, онъ составляетъ спеціальный бюллетень. Въ числѣ наиболѣе негодующихъ, конечно, находится Таллейранъ, жаждущій отдѣлаться сразу отъ своихъ двусмысленныхъ отношеній съ Годоемъ, а особенно, отъ слишкомъ большого участія, которое онъ противъ собственнаго желанія принялъ въ этомъ дѣлѣ, и это тѣмъ болѣе,

[1]) Conversation avec Fouché, rapport du 23 juin 1808.

[2]) Rapports de Tolstoï, 9, 23 juin, 13 juillet 1808. — Oncken, *O. und P.*, t. II.—Rapport de Metternich, 23 juin et 1 juillet; de Brockhausen, 24 juillet 1808. Hassel.

[3]) Rapports de Tolstoï, 13, 17 mai 1808.

что онъ безстыдно обманулъ императора [1]). Онъ повторяетъ съ посланниками, но только еще болѣе умѣло и прямо, тотъ маневръ, который онъ употребилъ, послѣ венсенскаго дѣла, съ корреспондентами Антрега [2]). Послушать его, такъ онъ отъ всего отговаривалъ, все осуждалъ. «Послѣ кампаніи 1805 года у него явился планъ, пишетъ одинъ посланникъ, противиться всѣмъ доступнымъ ему вліяніемъ разрушительнымъ проектамъ Наполеона».

За Таллейраномъ слѣдуютъ «всѣ тѣ, которые имѣютъ что беречь, которые не усматриваютъ никакой устойчивости въ учрежденіяхъ, основанныхъ на развалинахъ». Послѣ «непопулярныхъ» войнъ 1806 и 1807 г. испанское предпріятіе даетъ этимъ фрондерамъ новые доводы. Они представляютъ его какъ неразумное въ своемъ принципѣ, «смѣшное и преступное въ своихъ средствахъ», какъ плодъ ненасытнаго честолюбія Наполеона, безпримѣрной его снисходительности къ жадности своихъ родственниковъ. Это, говорили они, уже не войны Франціи, даже не войны арміи; это—войны одного Наполеона. Бо́льшая часть націи, допустившая Брюмеръ и утвердившая его, «масса инертная и безъ всякой гибкости, какъ остатки потухшаго вулкана», эта масса начинаетъ мало по малу колебаться и содрогаться.

Это — серьезные признаки. Меттернихъ распознаетъ ихъ и указываетъ на нихъ. Онъ видитъ, что во Франціи образуются двѣ партіи: партія императора и людей чисто военныхъ, которымъ предстоитъ еще

[1]) «Откуда бы Вы, Ваше Величество, ни проявили свою волю, послѣдствія ея все равно наступятъ безошибочно» Таллейранъ Наполеону *30 апрѣля* 1808 г.—«Письмо, которое Вы, Ваше Величество, соблаговолили написать мнѣ 25 сего мѣсяца, было для меня новымъ поводомъ надѣяться и радоваться. Извѣщая меня, что *развязка* весьма близка, Ваше Величество, повидимому, позволяете мнѣ надѣяться, что все устроится въ Байоннѣ, и что Вы не вынуждены будете выйти изъ предѣловъ Франціи, чего я желаю отъ всего сердца». *30 апрѣля* 1808 г.—«Испанскія дѣла приковываютъ вниманіе всѣхъ, а не волнуютъ никого. Съ увѣренностью и любопытствомъ ожидаютъ, словно присутствуютъ на какомъ-то большомъ представленіи».—«Весь свѣтъ изумлялся тому, какой естественный ходъ получили событія, ходъ, столь счастливый, что надѣяться на большее было невозможно». *2 и 8 мая* 1808 г.—«Позволите ли Вы, Ваше Величество, поздравить васъ съ испанскими дѣлами, съ тѣмъ, что они въ существенномъ окончены вполнѣ, и что они окончены въ Байоннѣ, *чего я* такъ страстно *желалъ*? Я всегда питалъ надежду, что Вы, Ваше Величество, не покинете почву Франціи, и эта надежда, какъ мнѣ думается, соотвѣтствуетъ лучше, чѣмъ когда либо, обстоятельствамъ; сцены въ Бургосѣ и въ Мадридѣ, пожалуй, согласны съ политикой, но онѣ не согласны съ путешествіемъ Вашего Величества». *10 мая* 1808 г.

[2]) *Lectures historiques*, p. 145: *Talleyrand et les amis d'Antraigues*

пріобрѣтать; партія тѣхъ, которымъ грозятъ лишь потери. Онѣ «такъ противоположны другъ другу, какъ интересы Европы противоположны частнымъ планамъ императора». Отсюда вытекаетъ сближеніе между государствами, враждебными Франціи, и тѣми французами, которые враждебны Наполеону: дѣло Таллейрана найти себѣ дворы; дѣло Толстого, Меттерниха найти себѣ ходъ къ людямъ сегодняшней оппозиціи, которые, съ наступленіемъ кризиса, завтра будутъ министрами. «Таллейранъ, пишетъ Меттернихъ, можетъ быть или полезнымъ, или опаснымъ; въ настоящій моментъ онъ полезенъ... То, что составляло опасность, пока онъ дѣйствовалъ въ разрушительномъ направленіи, становится полезнымъ въ вожакѣ оппозиціи» [1]). Таллейранъ, черезъ Валансэ, ставитъ себя въ хорошія отношенія съ Лабрадоромъ, будущимъ министромъ Фердинанда, секретно работающимъ съ испанской роялистической партіей. Онъ часто посѣщаетъ племянника князя примаса, барона Дальберга, который былъ на хорошемъ счету при парижскомъ дворѣ, котораго, какъ это извѣстно, весьма усердно читали въ Петербургѣ [2]).

А между тѣмъ, какъ послѣдствіе безпокойства, общей небезопасности, опять устраиваются заговоры. Это броженіе представляетъ широкіе размѣры на Западѣ. Роялисты и англійскіе агенты суетятся въ Морбиганѣ. Ихъ замѣчаютъ даже въ Парижѣ. Получается доносъ на «анархическій»—читай: республиканскій—заговоръ, въ которомъ будто бы скомпрометированы «Мале, Гидаль и другіе генералы».—«Это уже не идеологія, а настоящая конспирація» [3]). Мале арестованъ. «Аресты здѣсь очень замѣтно участились», пишетъ Толстой.

Англичане, видя вскрывшуюся рану, принимаются за дѣло. Наполеонъ завоевалъ Португалію и вызвалъ безпорядки въ Испаніи, чтобы прогнать англичанъ съ материка: они станутъ на немъ твердой ногой, благодаря Португаліи, благодаря возмутившейся Испаніи. Не успѣлъ еще онъ выѣхать изъ Байонны, а французскія войска начали уже отступать, и самый страшный изъ его противниковъ, котораго испанская война поставила на его путя, и который долженъ былъ нанести ему роковой ударъ, Артуръ Веллеслей, будущій Веллингтонъ, сѣлъ 12 іюля на корабль, чтобы отправиться на полуостровъ.

---

[1]) Rapport de Metternich, 24 septembre 1808 et t. II.—Mémoire du 4 décembre 1808. Beer.—Rapport de Tolstoï, 17 mai 1808.—*Mémoires* de Pasquier, de M-me de Rémusat, de M-me de Chastenay.

[2]) Vitrolles, t. II, p. 25.—Arneth, *Wessenberg*, t. I, p. 95—96.

[3]) A Fouché, 11, 13, 15, 16 juin 1808. — Ernest Daudet, Guillon. — Rapport de Tolstoï, 13 juillet 1808.

Делегаты инсуррекціонной юнты, Матарозо и донъ Діего-де-Вега, были приняты въ Лондонѣ «съ распростертыми объятіями». Возстаніе было встрѣчено въ Лондонѣ взрывами энтузіазма. «До сихъ поръ, воскликнулъ Шериданъ, одинъ изъ вожаковъ оппозиціи виговъ, Наполеонъ мѣрялся только съ государями безъ достоинства, съ солдатами безъ храбрости, съ народами безъ патріотизма. Теперь онъ узнаетъ, что значитъ биться съ націей, которая вся воодушевлена противъ него одною и тою же ненавистью». Каннингъ отказался отъ всѣхъ другихъ диверсій, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на этой. Англія послала оружіе, денегъ, обѣщала ихъ еще больше. Графъ Мюнстеръ писалъ изъ Лондона послѣ одного разговора съ Каннингомъ [1]): «Англія думаетъ... что шансъ, который представляютъ испанскія дѣла, есть, быть можетъ, единственная надежда, которая остается Европѣ...» Англія секретно сообщаетъ объ этомъ въ Вѣну и Петербургъ. «Англія провозгласила миръ съ Испаніей... Она отправила армію, которая уже превышаетъ 30,000 человѣкъ, а въ скоромъ времени будетъ доведена до 50,000 воиновъ. Португалія послѣдовала примѣру Испаніи... Я надѣюсь, что буду имѣть возможность сообщить вамъ, что въ скоромъ времени армія Мюрата должна будетъ отступить передъ экспедиціей сэра Артура Веллеслея... Съ гой и другой стороны дѣло вступило въ такую фазу, что дальнѣйшее отступленіе невозможно... Небольшіе французскіе отряды не смогутъ устоять противъ численности окружающихъ ихъ массъ, а соединившись въ одну большую армію, они не смогутъ прокормить себя среди возставшаго народа...»

Испанія въ огнѣ. Возстаніе распространяется съ быстротою и силою, которыя превосходятъ всякое предвидѣніе [2]). Въ Сарагоссѣ, Палафоксъ, ставъ во главѣ возставшаго населенія, заставляетъ французовъ удалиться. Онъ бросаетъ вызовъ Наполеону и всей его знаменитой французской арміи. Въ Валенсіи триста французовъ, укрывшіеся въ цитадели, были перебиты. Въ Валладолидѣ одинъ испанецъ за то, что возражалъ противъ безполезнаго сопротивленія, былъ убитъ чернью, голову его посадили на пику и трупъ его тащили по улицамъ. Въ Бадахоцѣ, за отсутствіемъ французовъ, которыхъ можно было бы убивать, чернь убиваетъ испанскаго губернатора [3]).

Іосифъ долженъ былъ силой пробиваться къ своей псевдо-столицѣ. Чтобы привѣтствовать его, нашлось лишь нѣсколько эманципированныхъ

---

[1]) An comte Ernest Hardenberg, à Vienne. 5 août 1808. Hassel.

[2]) См. въ перепискѣ Толстого испанскіе бюллетени 4 іюня, 21 іюня и сл.

[3]) *Souvenir du général Paulin*, chap. XV.

буржуа, «просвѣщенныхъ» и малодушныхъ собственниковъ, которыхъ ужасалъ патріотическій разбой. Онъ вступаетъ въ Мадридъ 20 іюля: ему устроили торжественный кортежъ; народъ молчитъ, онъ почти враждебенъ. Получивъ первыя извѣстія объ этомъ, Наполеонъ чувствуетъ потребность показать престижъ. Бесьеръ разсѣялъ испанцевъ, дать ему орденъ Золотого руна! Сейчасъ онъ будетъ располагать 21,000 человѣкъ, «съ которыми завоюетъ всѣ Астурію и Галицію!»—«Единственный опасный пунктъ, гдѣ нуженъ быстрый успѣхъ, это—со стороны генерала Дюпона. 25,000 человѣкъ, находящіяся у него, гораздо больше чѣмъ достаточны, чтобы достигнуть большихъ результатовъ» [1]). 23 іюля, въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ писалъ эти строки, Дюпонъ сдался на капитуляцію въ Байленѣ. Молнія разразилась, но ударила по французамъ, рикошетируя. Эта капитуляція, скандальная новость со времени войнъ республики, по своимъ послѣдствіямъ оказалась хуже избіенія: французская армія обойдена, она складываетъ оружіе, проходитъ подъ игомъ Кавдинскаго ущелья. Эта новость внесла въ Португалію духъ возстанія, возбудила до безумія испанскую гордость.

Іосифъ уже не чувствовалъ себя въ безопасности въ Мадридѣ, и 29—31 іюля правительство его покинуло свою столицу. Армія, отрѣзанная въ Португаліи, отошла на другую сторону Эбро. «Чернь такъ враждебна, что мы не находимъ ни одного шпіона», пишетъ онъ императору. Впрочемъ онъ воздаетъ себѣ должное: «Я чувствую себя очень хорошо... Я очень спокоенъ, что касается меня лично... Никогда я не чувствовалъ въ большей степени, насколько выше событій стоитъ душа благородная и безупречная» [2]). Но онъ видитъ будущее въ очень темномъ цвѣтѣ. Онъ видитъ непрочность своего положенія. 11 августа, кастильскій совѣтъ, за мѣсяцъ раньше принесшій ему присягу, объявляетъ, что эта вынужденная присяга теряетъ всякую силу, равно какъ и отреченіе отъ престола Карла IV и Фердинанда. «Сдѣлавшись завоевателемъ этой страны посредствомъ ужасовъ войны, въ которой *каждый испанецъ* приметъ участіе, я долго буду предметомъ ужаса и отвращенія... Ваше Величество не можете составить себѣ ни малѣйшаго представленія о томъ, въ какой степени здѣсь ненавидятъ имя Вашего Величества». — «Нужно 200,000 французовъ, чтобы завоевать Испанію, и 100,000 эшафотовъ, чтобы поддерживать въ ней государя, обреченнаго царствовать надъ испанцами... Онъ можетъ удержаться на тронѣ лишь при томъ условіи, если онъ будетъ обращаться съ испанцами такъ, какъ они обращались съ

[1]) A Joseph, 17, 21 juillet 1808.
[2]) Joseph à Napoléon, 5, 8 août 1808.

подданными Монтецумы...» Онъ требуетъ, чтобы «его замѣнили», возвратили въ Неаполь [1]).

3 августа, въ Бордо, Наполеонъ узналъ «о страшной катастрофѣ, постигшей генерала Дюпона».—«Когда вы познакомитесь съ этимъ, волосы станутъ дыбомъ на вашей головѣ!» [2]). Онъ совсѣмъ не останавливается на вѣроятныхъ причинахъ событія: дурно задуманное предпріятіе, недостаточность приготовленій, спутанность приказовъ, хилость войскъ, ослабшихъ подъ палящимъ солнцемъ, африканскій климатъ. Дюпонъ, получившій недавно *большого орла* за дѣло подъ Фридландомъ, осужденъ, какъ Вильневъ въ 1805 году [3]). Наполеонъ чувствуетъ, что съ нимъ что-то начинается, какъ человѣкъ, который считалъ себя здоровымъ, вдругъ испытываетъ первый приступъ паралича: «предостереженіе». Онъ предвидитъ «громадный эффектъ» въ Испаніи, «очень серьезный» поворотъ, какой принимаютъ тамъ дѣла. Онъ приказываетъ сейчасъ же привести 80,000 человѣкъ Великой Арміи. «Дюпонъ опозорилъ наши знамена, пишетъ онъ Іосифу. Такія событія требуютъ моего присутствія въ Парижѣ. Германія, Польша, Италія, всѣ находятся въ связи... Вы будете имѣть 100,000 человѣкъ, и Испанія будетъ обратно завоевана осенью» [4]). Тогда какъ онъ подвигался къ Парижу, эхо Байленскаго удара раздалось въ Португаліи. Артуръ Веллеслей и его англичане высадились 6 августа. Страна радостно привѣтствуетъ ихъ. Жюно со своимъ отрядомъ, упавшимъ до 9000 человѣкъ, принужденъ передъ ними оставить Лиссабонъ, отступать черезъ возставшую страну къ враждебной Испаніи, преслѣдуемый 16.000 непріятелей. Онъ фатально подвигается къ катастрофѣ. Разбитый 21 августа при Вимейро, онъ 30 числа складываетъ оружіе при Цинтрѣ. Въ одинъ мѣсяцъ два французскихъ корпуса, два генерала имперіи капитулировали! Въ Европѣ произошло громадное волненіе. Конечно, дѣла эти маленькія; но вѣдь сраженія при Арколе были отнюдь не больше, и казалось, что Наполеонъ вновь начиналъ, только навыворотъ, итальянскую кампанію.

IV.

Побѣжденные, нетерпѣливо ждущіе возмездія, угнетенные, спѣшащіе свергнуть съ себя иго: династіи, для которыхъ тріумфъ Наполеона есть смерть, и для которыхъ его паденіе будетъ ихъ жизнью; союзники, то-

[1]) A Napoléon, 9, 14 août 1808.
[2]) A Davout, 23 août 1808: retrospective.
[3]) См. т. VI, стр. 378.—Въ защиту и даже апологію Дюпона написана книга: lieutenant-colonel Titeux, *le Général Dupont*, 3 vol. in 4°.
[4]) A Joseph, à Caulaincourt, 3, 5 août 1808.

ропящіеся отложиться, лишь только почувствовали, что держащія ихъ связи ослабли; государи, извлеченные изъ ничтожества, королевства, созданныя исключительно силою оружія; народы, не выкидывающіе мысли о возстаніи, жаждущіе независимости въ самой элементарной ея формѣ, но за то и самой безотлагательной, въ видѣ отъѣзда иностранцевъ, которые живутъ у нихъ и на ихъ счетъ; всѣ въ ожиданіи предварительныхъ признаковъ предсказанной и ожидаемой катастрофы;—вотъ та Европа, по которой распространялись съ поразительной быстротой испанскія и португальскія новости, раздуваемыя и истолковываемыя въ дурную сторону: отвратительная драма въ Байоннѣ, конфискованная корона, благородная нація, подающая великій примѣръ; французы, задержанные баррикадами и возставшими крестьянами, осаждающіе открытые города и отступающіе передъ шайками, кое какъ управляемыми и едва вооруженными; Испанія поглотила уже 100,000 французовъ; Польша, Италія опоражниваются; начинается частичная эвакуація Германіи [1]).

Это—своего рода новый свѣтъ, измѣняющій дѣла, перемѣняющій людей. Народы, даже дворы, равнодушные къ несчастьямъ французскихъ Бурбоновъ, не обращающіе вниманія на непріятности претендента съ его кочующимъ племенемъ дворянъ и племянниковъ, чувствуютъ жалость къ испанскимъ Бурбонамъ, потому что Наполеонъ отнимаетъ ихъ у ихъ народовъ, которые требуютъ ихъ. Высокое достоинство ссылки возстановляетъ ихъ отъ ихъ паденія; они продолжаютъ представлять собою великую идею, націю, несмотря даже на то, что отецъ, мать, любовникъ и сынъ, отдавая эту націю Наполеону, вмѣстѣ съ тѣмъ отдали и самихъ себя. Одиссея и этихъ другихъ маріонетокъ, посадка на корабль Браганцевъ, рисуется какъ «героическая картина народа, который свободу ставитъ выше всего, который, чтобы убѣжать отъ тиранна, оставляетъ тамъ свои могилы, свои храмы, всѣ свои воспоминанія» [2]). Узурпація Наполеона дѣлаютъ королей интересными. Что касается испанскаго возстанія, то оно съ перваго момента принимаетъ характеръ эпопеи. До какихъ бы громадныхъ размѣровъ ни доходила напыщенность и высокопарность кастильцевъ, Европа вѣритъ имъ и удивляется; такъ много мечтателей ищутъ героя, въ которомъ приняли бы осязательныя формы мучанія ихъ грезы о героизмѣ [3]). Достаточно Палафоксу появиться на своихъ сарагосскихъ баррикадахъ, среди своихъ монаховъ и своихъ разбойниковъ, среди своихъ религіозныхъ процессій и бѣшенныхъ бандъ, и онъ уже вызываетъ образы знаменитыхъ воиновъ эпохи Возрожденія, затмеваетъ Шаретта, Кателино, Боншана, которыхъ народы, не интересовавшіеся борьбой, вовсе не знали, и къ которымъ государи Европы относились не серьезно, потому что эти буйные и неполитичные вандейцы разстраивали ихъ расчеты.

[1]) См. въ LXXXIX томѣ сборн. «Русск. Истор. Общ.», бюллетени Толстого.

[2]) Michelet, *Dix-neuvième siècle*. t. III, p. 248—249.

[3]) Baumgarten, t. I, p. 290, note.

Въ Неаполѣ пожалѣли объ Іосифѣ: онъ вовсе не былъ злой; онъ имѣлъ щедрую руку и былъ щедръ на обѣщанія. Наконецъ, онъ ушелъ. Когда узнали, что онъ не воротится, онъ вдругъ прослылъ за великаго государя, принадлежавшаго къ знаменитому цвѣту государей восемнадцатаго вѣка. Это—«философъ на тронѣ», говорилъ о немъ генералъ Ламаркъ. Къ тому же, Калабрія находится въ состояніи эндемической войны, которая принимаетъ большіе размѣры, лишь только укрощеніе ослабѣваетъ или перемѣщается дальше. «Походная колонна не могла оставить солдата на пятьдесятъ шаговъ сзади себя, не рискуя его жизнью». Одинъ священникъ былъ обвиненъ въ убійствѣ француза. Онъ отвѣтилъ, что онъ застрѣлилъ его, чтобы увѣриться, вѣрно ли бьетъ его ружье. При отступленіяхъ принуждены приканчивать раненыхъ, чтобы избавить ихъ отъ кромсанія на куски и отъ костра. Между Реджіо, гдѣ держатся французы, и Сициліей, занятой англичанами, происходятъ схватки и жестокія неожиданныя нападенія. Англичане прочно держатся на этомъ островѣ, принявъ угрожающее положеніе, владѣя моремъ и побережьемъ, какъ они теперь владѣютъ ими въ Испаніи и Португаліи; поджидая случая для высадки, готовые продвинуться въ глубь страны, они приводятъ въ исполненіе всегда замышлявшійся планъ, постоянно неудававшійся во Франціи, во время войнъ съ Западомъ: это повтореніе Киберона они постоянно возобновляютъ и почти всегда удачно. Мюрату предстоитъ много дѣла съ защитой этого королевства, которое не защищаетъ себя. Но для этого дѣла онъ годится больше, чѣмъ Іосифъ, какимъ бы умнымъ ни считалъ себя этотъ послѣдній, какимъ бы просвѣщеннымъ ни называлъ себя, какіе бы ни окружали его «конституціоналисты», потерявшіе свое социальное положеніе и недовольные. «Король, замѣтилъ Наполеонъ, говоря объ Іосифѣ, всегда говоритъ о шарлатанствѣ командованія... Нѣтъ сомнѣнія, оно есть въ немъ; но есть также таланты, которые необходимы для командованія, и которыхъ недостаетъ королю: глазомѣръ, рѣшительность... Мюратъ—тупица, но въ немъ есть порывъ, смѣлость! Онъ только и дѣлалъ, что воевалъ всю свою жизнь. Мюратъ—тупица, но онъ герой!»

Итакъ, въ Неаполѣ война, каждый день царствованія предстоитъ снова завоевывать королевство. Наполеонъ присоединилъ Тоскану: это значитъ, предстоитъ поддерживать военную оккупацію, еще война, хотя и болѣе легкая [1]), благодаря покорности жителей. Въ Римѣ онъ обра-

[1]) Sénatus-consulte du 30 mai 1808.

щается къ тѣмъ же средствамъ: присоединеніе есть неизбѣжный конецъ всѣхъ королевствъ, какъ тѣхъ, которыя онъ оставилъ существовать, такъ и тѣхъ, которыя онъ создалъ. Здѣсь съ этихъ поръ онъ постоянно ошибается и относительно силы своихъ войскъ, которымъ есть предѣлъ, и относительно средствъ своего безоружнаго врага, которыя безконечны. Пій VII, *дуракъ* на тронѣ, но съ душою мученика, одинъ изъ тѣхъ нищихъ духомъ, которые теряютъ царства міра сего, и которые сразу поднимаются выше самыхъ могущественныхъ, когда злосчастье дѣлъ приведетъ ихъ къ ихъ истинному призванію, которое заключается въ политикѣ неба. Онъ съ достоинствомъ перенесъ ударъ. Оставшись только съ духовнымъ оружіемъ, онъ пользуется имъ. 22 мая онъ обращается съ предписаніемъ къ епископамъ странъ, присоединенныхъ къ имперіи: «Нельзя присягать на вѣрность и послушаніе самозванному правительству. Такая присяга была бы измѣной и вѣроломствомъ по отношенію къ законному государю». Нѣтъ чиновниковъ безъ измѣны, нѣтъ *Te Deum* безъ святотатства. Папа объявляетъ *гражданскій кодексъ* несовмѣстимымъ съ канонами церкви. Это—война, но это уже не неравная борьба противъ государя, добродушнаго по темпераменту и инертнаго по принципу. Папа, подъ властью завоевателя, осажденный въ своемъ дворцѣ, это уже не монархъ, безсильный монархъ государства, не имѣющаго средствъ. Онъ—только глава католичества; и, отрѣшившись отъ земли, которая сковывала его капитуляціями, онъ становится съ этихъ поръ неприступнымъ, неприкосновеннымъ. Онъ не будетъ уже вступать въ сдѣлки, ибо ему нечего ни беречь, ни щадить. Онъ обращается съ воззваніемъ объ этомъ къ громадному народу католиковъ въ собственной имперіи Наполеона, во всей Европѣ. Съ такимъ-то сопротивленіемъ нельзя не считаться въ такое время, когда народы волнуются, и когда наиболѣе волнующіеся народы суть народы именно наиболѣе ревностно преданные католичеству—Испанія, Португалія, Калабрія, Абруццы, Тироль, изъ котораго народное возстаніе перейдетъ на Германію. Испанскія дѣла заставятъ Наполеона оказать Риму нѣкоторую пощаду, но возстаніе испанцевъ, эта война съ крестомъ въ рукахъ, придастъ папѣ смѣлости и дастъ ему сознаніе новой силы, которою онъ располагаетъ. Послѣдній изъ государей Европы и самый пренебрегаемый, ибо онъ самый слабый, онъ явитъ себя міру и самому себѣ самымъ страшнымъ изъ народныхъ трибуновъ, тѣмъ, который распоряжается ихъ вѣчнымъ спасеніемъ.

Наполеонъ доходитъ до того, что дѣлаетъ правленіе такъ же невозможнымъ своему брату Людовику, какъ и Пію VII, и дѣлаетъ этого государя почти популярнымъ голландскимъ королемъ въ то самое время, когда помышляетъ лишить его трона по тѣмъ же побужденіямъ, что и

Пія VII, ибо Людовикъ отказывается царствовать сообразно его требованіямъ и его выгодамъ. Людовикъ можетъ быть королемъ, лишь слившись съ народомъ. Съ Голландіей, которая его подталкиваетъ, онъ сопротивляется кодексу Наполеона, приложенному цѣликомъ, безъ необходимыхъ приспособленій; противится присоединенію Флейссингена, набору рекрутъ, постройкѣ кораблей, наконецъ, блокадѣ и постоянному, незаконному вмѣшательству императорскихъ таможенныхъ чиновниковъ [1]). Наполеонъ закрываетъ голландцамъ французскую торговлю, послѣ того какъ онъ запретилъ торговлю съ Англіей. «Страданія страны, пишетъ Людовикъ, вовсе не привязывая ее къ Франціи, создаютъ прозелитовъ англичанамъ... Какъ во время гоненія на протестантовъ, мы увидимъ негоціантовъ, бѣгущихъ изъ своей родины»... [2]). Наполеонъ закрываетъ имъ Германію: напрасное стѣсненіе. Торговля идетъ въ подобномъ случаѣ путемъ обмана, все равно какъ кожа тѣла даетъ испарину подъ непроницаемой и тяжелой одеждой. Блокада уничтожается вслѣдствіе невозможности примѣнить ее, для нея нужна власть императора, непосредственная и суровая, съ стѣсненіями и принужденіями. Блокада повсюду колеблетъ эту власть.

Короли-префекты! какъ въ насмѣшку называютъ ихъ въ Парижѣ, въ посольствахъ. При каждомъ изъ нихъ, въ лицѣ своего дипломатическаго представителя, Наполеонъ имѣлъ опекуна, наблюдателя, полицейскаго, въ случаѣ нужды контръ-правительство. Состоящій въ Гаагѣ обреченъ на печальную корреспонденцію: жалобы разоренныхъ коммерсантовъ, іереміады короля-ипохондрика. Пишущій изъ Касселя имѣетъ работу болѣе веселую, хотя и не болѣе легкую. Это—дворъ веселящійся, хозяинъ его мотъ. Вестфалія въ рукахъ Іеронима представляетъ собой образъ Германіи, которую описалъ Вольтеръ: «старые замки, въ которыхъ веселятся», но старые замки, отдѣланные заново, съ новой мебелью съ позолоченными краями, украшенные роскошными аксессуарами, и въ этихъ замкахъ развлекаются въ духѣ, напоминающемъ версальскія прелести Людовика XV, какъ Пиго-Лебренъ, достойный хроникеръ этихъ празднествъ, напоминаетъ *Кандида*. Іеронимъ злоупотребляетъ своимъ положеніемъ, населеніе жалуется, налоги изсякаютъ; такъ какъ деньги перехватываетъ дворъ, то правительственныя казначейства и кассы арміи пусты. «Гессенцы и брауншвейгцы, воины по природѣ, не любятъ, чтобы съ ними обращались какъ съ побѣжденными... Вступленіе короля на тронъ ничего не измѣнило въ установившихся привычкахъ: несправедливые поборы съ горожанъ; драки у крестьянъ, стрѣльба по почтальонамъ, таможенные

[1]) Champagny à La Rochefoucauld, 19 juillet; La Rochefoucauld à Champagny, 11 août 1808; Napoléon à Louis, 17 août 1808. Rocquain, Ducasse.

[2]) Décrets de septembre 1808.—Louis à Napoléon, 28 septembre 1898.

чиновники, оскорбляющіе проѣзжающихъ, насилія французскихъ жандармовъ надъ вестфальскими гвардейцами, кровопролитныя схватки». Наполеонъ журитъ, бранитъ, угрожаетъ. Австрійскіе эмиссары легко работаютъ въ той странѣ, которую императоръ желалъ предложить Германіи какъ образецъ благодѣтельности своей системы. Недовольные выходцы изъ Пруссіи, организаторы вольныхъ отрядовъ, заговорщики находятъ здѣсь убѣжище, деньги, людей. Тутъ тѣ же столкновенія, что и въ Гаагѣ, съ тѣмъ различіемъ, что блокада не такъ стѣснительна, и что Наполеонъ имѣетъ неистощимый источникъ снисходительности къ Іерониму; что Іеронимъ меньше надоѣдаетъ ему стонами своихъ подданныхъ, и что самъ лично не обращаетъ на нихъ вниманія: Іеронимъ царствуетъ для себя и не имѣетъ намѣренія царствовать для нихъ. Можно ли быть вестфальцемъ? Мысль сдѣлаться нѣмцемъ никогда не придетъ въ голову этому молодому, пріятному человѣку, наибольшему парижанину изъ всѣхъ Бонапартовъ. Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ предупреждаетъ его держаться настороже: «Не воображайте, что Вестфалія будетъ помѣстьемъ. Мнѣ придется воевать, чтобы поддержать васъ, а я вижу, что въ итогѣ я получу дефицитъ въ моихъ силахъ, вмѣсто того, чтобы имѣть отъ васъ выгоду» [1]).

Глухая враждебность растетъ въ Рейнскомъ союзѣ. Одинъ агентъ пишетъ въ іюнѣ 1808 года: «Въ настоящій моментъ существуетъ цѣлый рядъ опасныхъ интригъ, который простирается отъ Теплица въ Богеміи до Вѣны, и отъ Вѣны до Лондона» [2]). Гентцъ служитъ связью ихъ, и волненіе распространяется въ Баваріи, въ Вюртембергѣ, даже въ Саксоніи. Въ Вѣнѣ госпожа де-Сталь, гдѣ она провела зиму и весну, направо и налѣво высказываетъ свое презрѣніе къ имперской Франціи и свои иллюзіи относительно Англіи. Принятая и привѣтствуемая какъ принцесса интеллигенціи, жертва энтузіазма, какъ вдохновенная и насмѣшливая истолковательница ненависти всей Европы, она собираетъ вокругъ себя всѣхъ ненавидящихъ Наполеона, а это все, что имѣетъ вѣсъ въ Вѣнѣ, въ обществѣ, въ которомъ хорошій тонъ немыслимъ внѣ «непримиримой ненависти» къ Франціи. Госпожа де-Сталь отдѣляетъ въ своихъ мысляхъ Наполеона, корсиканца, отъ своей Франціи, какъ она ее понимаетъ, отъ Франціи Неккера и Бенжаменъ Констана; но то, что она произноситъ противъ императора и имперіи, ея слушатели относятъ къ самой Франціи, Франціи всѣхъ временъ: Ришелье, Людовика XIV, Людовика XVI и къ Франціи республиканской, и они извлекаютъ свою пользу изъ этого живого памфлета, краснорѣчиваго, эпиграмматическаго.

[1]) A Jérôme, 4 janvier 1808. Lecestre.
[2]) *Corr. in.* t. VII.

Такимъ образомъ, Адэръ со стороны Англіи, Куракинъ, Поццо-ди-Борго со стороны Россіи и страшное недоразумѣніе, установившееся съ 1796 года въ Парижѣ, извращавшее понятія о мирѣ и о войнѣ, питавшееся этими изступленными сплетнями, сближаютъ въ силу единомыслія «друзей Англіи» и «друзей Россіи» въ Парижѣ съ «врагами Франціи» въ Вѣнѣ, Петербургѣ и Лондонѣ. Шлегель, угодникъ Коринны въ области интеллекта, служащій ей толмачомъ литературы и живой рѣчи Германіи, усиливаетъ салонныя бесѣды цѣлымъ рядомъ популярныхъ лекцій, на которыхъ толпится «общество». Госпожа де-Сталь нападаетъ на политику одного Наполеона. Шлегель доходитъ до основанія: онъ уже нападаетъ на литературу, французскій геній, «магистратуру» ума, весь великій вѣкъ въ его цѣломъ, и нападаетъ онъ на шедевръ: на *Phèdre* Расина. «Это была, говоритъ онъ, высокая для меня минута... Именно въ области интеллекта, недоступной грубой силѣ, на почвѣ мысли и поэзіи, нѣмцы, разъединенные столь многими способами, получаютъ сознаніе своего единства...» Они получаютъ его, конечно, подъ вліяніемъ ненависти къ наслѣдственному завоевателю, такъ же въ области духа, какъ и въ области матеріальной. Наполеонъ, который и не слушалъ и не понималъ голосовъ, исходившихъ изъ жалкой Пруссіи, патріотическое *De profundis* Фихте, здѣсь почувствовалъ себя затронутымъ: ударъ исходилъ со стороны *его* непріятельницы и мѣтилъ въ *его* литературу, въ *его* классическій театръ, въ одинъ изъ моральныхъ устоевъ его власти. Онъ разгнѣвался: «Госпожа де Сталь ведетъ правильную переписку съ нѣкіимъ Гентцемъ и вступила въ сношенія съ лондонской кликой и лондонскими смутьянами [1])... До настоящей минуты на нее смотрѣли какъ на безумную, но теперь она вступаетъ въ котерію, опасную для общественнаго спокойствія» [2]).

V.

Подозрѣнія и тревоги Наполеона относительно Австріи были вполнѣ основательны. «Именно въ 1809 году, писалъ Меттернихъ [3]), будутъ рѣшаться важные вопросы, и горе тѣмъ державамъ, которыя еще заслуживаютъ этого имени въ Европѣ, если онѣ отъ настоящей поры къ тому времени не столкуются относительно средствъ кооперації или защиты... Если бы Наполеонъ былъ всемогущъ, онъ не далъ бы намъ времени усилить наши средства. Онъ открываетъ намъ послѣднюю слабость своимъ

[1]) «Она встрѣтилась съ Гентцемъ въ Теплицѣ, и у нихъ завязалась больная дружба» Gautier.
[2]) A Fouché. 28 juin 1808. Lecestre.
[3]) 30 mars 1808; cf. rapport du 27 avril. Oncken, O. und P., t. II.

разсчитаннымъ поведеніемъ, котораго держится относительно Россіи и насъ въ такое время, когда противоположный конецъ Европы поглощаетъ большую часть его силъ». 12 мая императоръ Францъ рѣшаетъ, что всѣ мужчины, способные носить оружіе, будутъ призваны на нѣсколько недѣль для упражненій, чтобы, такимъ образомъ, пополнить недохватки арміи. 9 іюня онъ образуетъ *ландверъ*, въ который войдутъ всѣ мужчины отъ 18 до 25 лѣтъ, не состоящіе на дѣйствительной службѣ въ арміи. И что за языкъ, раньше неизвѣстный, особенно въ Австріи! Старая Европа, которая разучивается говорить по французски, принимается говорить по испански. Меттернихъ пишетъ 12 іюня 1808 года: «Всякое правительство всегда найдетъ, въ критическій моментъ, громадныя средства въ націи; его дѣло возбудить и особенно использовать эти средства. Одинъ единственный примѣръ твердости, хорошо направленный какимъ нибудь государемъ и поддержанный его народомъ, быть можетъ, остановилъ бы опустошительное шествіе Наполеона».

Первая необходимость для Наполеона, это—заставить разоружиться австрійцевъ, чтобы найти себѣ время раздавить испанцевъ и, какъ результатъ этого, подавить волненіе нѣмцевъ: «Австрія вооружается, пишетъ онъ Іерониму [1]); она отрицаетъ это; значитъ, она вооружается противъ насъ... Итакъ, нужно вооружиться... Наши войска соберутся въ Страсбургѣ, Майнцѣ, Везелѣ. Я обязываю Васъ, Ваше Величество держать свой контингентъ готовымъ. Если есть какое нибудь средство избѣжать войны, такъ это показать Австріи, что мы принимаемъ вызовъ, и что мы готовы». Шампаньи посылаетъ Меттерниху два очень спѣшныхъ [2]) письма, одно изъ Тулузы 27 іюля, другое изъ Бордо 30 іюля: «Или Австрія желаетъ войны, тогда ея вооруженія понятны, и мы будемъ воевать; или ее мутятъ совѣты враговъ континента... Всѣ гарантіи, какихъ вы можете желать, будутъ вамъ даны... Вамъ будутъ даны публичныя заявленія, если вы этого желаете. Они будутъ такого характера, что предположеніе нападенія со стороны Франціи будетъ очевиднымъ абсурдомъ. Но и вы, со своей стороны, остановите, отмѣните эти, очевидно, угрожающія мѣры... Я желаю скораго отвѣта на это письмо»...

Наполеонъ возвѣстилъ, что онъ пройдетъ черезъ Вандею, и онъ вовсе не желаетъ измѣнять предписаннаго маршрута. Но при двойной заботѣ: воевать въ Испаніи и отразить заранѣе обходное движеніе Австріи, онъ чувствовалъ потребность обратиться къ одному совѣтнику. Несмотря на подозрѣнія, для которыхъ уже было достаточно основаній, онъ призвалъ

[1]) 25 juillet; à Champagny, 25 juin; à Caulaincourt, 9 juillet 1808.

[2]) Они сообщены Россіи и приложены къ донесенію Толстого отъ 7 августа 1808 г.

къ себѣ въ Нантъ Таллейрана, человѣка находчиваго и также необходимаго пособника въ положеніи, которое требовало много умѣлости и много осторожности.

Таллейранъ, чтобы догнать императора, оставилъ «пріятныя эмоціи» въ Валансэ, гдѣ соединялись въ одно тонкое удовольствіе модныя свѣтскія «развлеченія» и «утѣшенія религіи: мадонны и гитары во всѣхъ углахъ сада»; легкіе пастушескіе танцы, въ которыхъ принцы могли принимать участіе, и публичныя молитвы, на которыхъ, по приказанію Таллейрана, присутствовалъ весь персоналъ замка, включая сюда офицеровъ гвардіи департамента и жандармовъ [1]). Посланіе Наполеона, быть можетъ, смущало его; но онъ устроился такъ, чтобы это путешествіе въ Нантъ говорило объ извѣстномъ довѣріи къ нему. «Благодаря этому новому знаку милости, говоритъ Меттернихъ, онъ пріобрѣлъ новую сферу дѣятельности». Свиданіе произошло въ Нантѣ, 9 августа, и Наполеонъ продолжалъ свой путь въ Парижъ, куда онъ желалъ прибыть на празднества 15 числа.

Шампаньи опередилъ его и 7 числа имѣлъ знаменательное свиданіе съ Меттернихомъ. Этотъ министръ, «запуганный до такой степени, что онъ не улыбался человѣку, находящемуся на линіи, отличной отъ той, которая была указана минутными прихотями его государя», принялъ австрійскаго посланника сердечно, даже тепло. Онъ увѣрялъ, что Франція должна столковаться съ Австріей, желая «видѣть ее. остающеюся первоклассной державой». Меттернихъ заключилъ изъ этого, что Наполеонъ желаетъ «внушить имъ страхъ» и, такимъ образомъ, замаскировать свои приготовленія противъ Испаніи; что Австрія должна дать всѣ форменныя удовлетворенія и отозвать свои войска отъ границъ, что дало бы возможность сосредоточить ихъ по эту сторону [2]). Онъ все разсказалъ Толстому, который тотчасъ же написалъ своему государю: «Изъ этого постороннему лучается большая польза для вѣнскаго двора: ему даютъ время извлечь всю возможную выгоду изъ благоразумныхъ мѣръ, которыя онъ предписалъ... Детали этого дѣла, признаки умѣренности, съ которою Наполеонъ ведетъ это дѣло до настоящей минуты, продолжаютъ доказывать, что только поведеніе простое и открытое, но твердое и рѣшительное, опирающееся на внушительную военную силу, можетъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе на этого государя. Всякая уступка вызываетъ въ немъ же-

[1]) *Mémoires*, t. I, p. 383.—«Я велю служить для нихъ обѣдню каждый день... Труднѣе будетъ добыть актеровъ. Впрочемъ тамъ найдется достаточно женщинъ, чтобы принцы могли танцовать, если это ихъ забавляетъ». *A Napoléon*, 31 mai 1808.

[2]) Metternich à Champagny, 3 août; rapport du 17 août; rapport de Tolstoï du 7 août 1808.

ланіе новыхъ жертвъ. Пусть Ваше Императорское Величество соблаговолитъ убѣдиться въ необходимости положить предѣлъ этимъ жертвамъ, которыя Вы приносите ему съ такою малою пользою для Вашего Величества».

Австрійцы пытаются дѣлать новыя предложенія въ Берлинѣ. Англичане опередили ихъ въ этомъ. Сношенія между Англіей и Пруссіей тайно возобновляются черезъ посредство ганноверскаго посланника въ Лондонѣ, Мюнстера. Лордъ Говеръ пишетъ Стадіону письмо, которое, говоритъ Каннингъ, «заключаетъ все то, что можетъ быть сказано о взаимномъ положеніи двухъ правительствъ». Одинъ тайный агентъ, Джонсонъ, отправляется въ Вѣну, какъ говорятъ, «съ самыми широкими полномочіями, чтобы согласиться дать Австріи рѣшительно все, чего она пожелаетъ, какъ только она приметъ дѣятельное участіе». Пруссіи извѣстно все, и съ 12 мая австрійскій дипломатическій агентъ ведетъ переговоры въ Кенигсбергѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гольтцемъ. Въ концѣ іюля посланъ въ Вѣну маіоръ Гетценъ [1]). И Брокгаузенъ, сообщая изъ Парижа объ испанскихъ злоключеніяхъ, прибавляетъ: «Итакъ, у насъ есть надежда, что, наконецъ, мы освободимся... Наполеонъ будетъ принужденъ отозвать свои войска изъ Германіи» [2]).

Шарнгорстъ пишетъ Штейну, 8 августа: онъ считаетъ необходимымъ продолжать съ Наполеономъ переговоры и, если нужно, даже заключить союзъ, «съ цѣлью такъ прикрыть свои тайныя мысли, чтобы онѣ были непроницаемы даже для этихъ мастеровъ въ лицемѣріи». 11 августа Штейнъ и Шарнгорстъ обращаются съ запиской къ королю, они доходятъ до того, что совѣтуютъ ему поставить Наполсону одинъ армейскій корпусъ; но «союзъ долженъ быть только покрываломъ, назначеніе котораго скрыть мѣры, которыя будутъ приняты для того, чтобы разорвать этотъ союзъ». Армейскій корпусъ будетъ такъ направленъ, чтобы онъ, когда наступитъ время, могъ соединиться съ австрійцами. Онъ составитъ ядро національнаго возстанія, которое будетъ опираться на союзныя войска. «Нужно распространять, возбуждать мятежныя идеи, объяснять всякому, какъ онъ можетъ вызвать или направить возстаніе». Это—измѣна, совершенная въ 1812 и 1813 году, обнаруживающаяся здѣсь въ состояніи задуманнаго плана и какъ тайный параграфъ, какъ секретная записка, обязующая не исполнять условія *союза*, который Пруссія намѣревается заключить.

[1]) Le roi à Goetzen, 23 juillet; Münster à Hardenberg, 5 août; Finkenstein au roi, 17 septembre 1808, de Vienne. Hassel.—Beer, liv. II, chap. IV: essais de coalition.

[2]) Rapport du 24 juillet 1808. Hassel.

Король проникся этими взглядами и сообразно съ этимъ написалъ 12 августа своему брату Вильгельму: «Критическое положеніе испанскихъ дѣлъ и планы противъ Австріи располагаютъ императора серьезно сблизиться съ нами». Какъ бы то ни было, такой случай требуетъ «принять рѣшеніе относительно нашей участи». Итакъ принцъ предложитъ союзъ наступательный и оборонительный. Въ замѣну за эвакуацію территоріи онъ обѣщаетъ вспомогательный корпусъ, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ можетъ быть употребленъ въ дѣло только въ Германіи; пусть бы Наполеонъ скинулъ часть контрибуціи и пришелъ бы къ соглашенію относительно сроковъ уплаты остальной части [1]). Если предложеніе будетъ принято, то пруссаки поймутъ изъ этого, что Наполеону нужно отозвать свои войска, что онъ находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и что въ случаѣ войны противъ Австріи измѣна совершится безъ опасности. Если же, наоборотъ, Наполеонъ откажетъ, то король, которому остается лишь рѣшиться на отчаянный поступокъ, сможетъ убѣдить Александра, «который не переставалъ совѣтовать самое тѣсное единеніе съ Франціей, что, во всякомъ случаѣ, ему больше ничего не оставалось дѣлать». 15 августа Штейнъ пишетъ князю Виттгенштейну, оберъ-гофмейстеру королевы: «Если императоръ не приметъ нашихъ предложеній... онъ докажетъ, что онъ рѣшился уничтожить насъ, и что мы должны ожидать всего. Ожесточеніе въ Германіи увеличивается съ каждымъ днемъ, и склоненъ совѣтовать поддерживать и распространять его въ народѣ; я очень желаю, чтобы были сохранены связи въ Гессенѣ и Вестфаліи... Испанскія событія производятъ громадную сенсацію и доказываютъ осязательнымъ образомъ то, чего должно было ожидать давно... Они показываютъ, до какой степени могутъ доходить лукавство и желаніе власти, а также, что можетъ сдѣлать нація, сильная и смѣлая... У насъ считаютъ войну съ Австріей почти неизбѣжной. Эта борьба рѣшитъ участь Европы, а слѣдовательно, и нашу...»

Военные Шарнгорстъ, Гнейзенау, Бойенъ совѣтовали, въ случаѣ нужды, рисковать всѣмъ. Шарнгорстъ вырабатываетъ планъ всеобщаго возстанія въ Германіи. 21 августа Штейнъ предлагаетъ вступить въ переговоры съ Австріей и Англіей. Онъ заканчиваетъ слѣдующей фразой, которая стала программой 1813 года: «Цѣлью войны должно быть освобожденіе Германіи германцами». Король отложилъ дѣло, ожидая возвращенія курьера изъ Парижа и отвѣта на предложенія мира, сдѣланныя Вильгельмомъ. Къ тому же, говорилъ Штейнъ, «онъ питаетъ лишь не-

[1]) Le roi au prince Guillaume, 12 août. Hassel.—Golz au prince Guillaume, 12 août 1808.

довѣріе къ своему народу и къ Австріи; онъ довѣряетъ только Россіи». Вотъ въ какомъ положеніи находилось дѣло въ Берлинѣ, когда тамъ узнали о возвращеніи Наполеона въ Парижъ, о Байленской капитуляціи и объ измѣнѣ испанскаго корпуса Романы, который былъ доставленъ Наполеономъ въ Данію и теперь перешелъ къ англичанамъ.

VI.

Наполеонъ принялъ дипломатическій корпусъ, 15 августа, въ Сенъ-Клу [1]). Меттернихъ помѣстился рядомъ съ Толстымъ, пріятный, улыбающійся, съ хлыщеватымъ видомъ, которому онъ умѣлъ вдругъ придать достоинство: «съ пудрой на свѣтлыхъ волосахъ... чтобы придать себѣ нѣсколько болѣе почтенный видъ; въ своемъ фракѣ мальтійскаго рыцаря, красномъ съ черными отворотами, со своими учтивыми манерами, со своимъ благородно непринужденнымъ обращеніемъ, важный баринъ въ своемъ крайнемъ изяществѣ» [2]). Послѣ нѣсколькихъ фразъ учтивости, Наполеонъ говоритъ тономъ, который обыкновенно «не предвѣщалъ наступленія бури»: «Хорошо, Австрія усиленно вооружается!» Меттернихъ оспаривалъ это: Австрія приводила въ исполненіе давно рѣшенныя, чисто оборонительныя мѣры. «Но кто нападаетъ на васъ, чтобы вамъ такъ заботиться о защитѣ?.. Австрія хочетъ войны съ нами, или она хочетъ запугать насъ... Вы заставите меня вооружить Рейнскій союзъ. Вы мѣшаете мнѣ вывести мои войска изъ Пруссіи и вернуть ихъ во Францію... Я вывожу изъ Германіи не менѣе 100,000 человѣкъ, чтобы послать ихъ въ Испанію. Я откровененъ, не скрываю своей политики, но вы заставляете меня обратиться къ сенату за разрѣшеніемъ для двухъ наборовъ солдатъ; вы разоряете себя, вы разоряете меня... Можетъ ли продолжаться такое состояніе? Оно должно привести насъ къ войнѣ противъ нашего желанія. На что же вы надѣетесь? Согласились вы съ Россіей?»—И, говоря это, онъ поворачивается къ Толстому, который, показывая видъ, что ничего не слышитъ, оставался невозмутимымъ, даже не пошевелилъ головою. Наполеонъ продолжаетъ: «Но, если предположить обратное, что вы можете сдѣлать противъ Франціи и Россіи, дѣйствующихъ сообща? Первая война съ Австріей будетъ войной на смерть; нужно, или чтобы вы, пришли въ Парижъ, или чтобы я завоевалъ вашу монархію... Знаете ли вы, чѣмъ это кончится? Императоръ Александръ объявитъ вамъ, чтобы вы пре-

[1]) Rapport de Metternich, 17 août. Oncken, *O. und P.*, t. II, annexes.—Rapport de Tolstoï, 18 août, et pièces jointes.—Rapport de Brockhausen, 18 août; lettre du prince Guillaume, 18 août 1808. Hassel.—Champagny à Andreossy, 17 août 1808.—Le récit de Metternich, *Mémoires*, t. I. p. 63, est arrangé.

[2]) *Mémoires de la duchesse d'Abrantès*, t. VIII, chap. XVII.

кратили ваши вооруженія. и вы сдѣлаете это. Тогда не вамъ только, а и Россіи я буду считать себя обязаннымъ за сохраненіе спокойствія въ Европѣ... Я уже не допущу васъ къ будущему рѣшенію столь многихъ вопросовъ, которые представляютъ для васъ интересъ... вы будете при этомъ лишь простыми зрителями...» И, повидимому, не замѣчая, что турецкій посланникъ вслушивается въ четырехъ шагахъ отъ него: «Мнѣ извѣстны истинныя побужденія вашего двора. Я хорошо знаю, что онъ еще не думаетъ напасть на меня, но вы хотите поставить себя въ такое положеніе, чтобы даже имѣть возможность вмѣшиваться въ турецкія дѣла, чтобы противодѣйствовать моимъ планамъ и планамъ Россіи. Еще вчера я включилъ бы васъ въ эти дѣла, сегодня вы должны отказаться отъ этого...» Онъ заключаетъ: «Если ваши намѣренія такъ миролюбивы, какъ вы это говорите, вы должны отмѣнить ваши мѣры...» Онъ много говорилъ объ интересахъ Австріи; потомъ, когда Меттернихъ замѣтилъ съ улыбкой: «Ни что не походитъ такъ мало на пререканія между двумя державами, какъ нашъ настоящій споръ», императоръ улыбнулся въ свою очередь.—«Вы также видите, какъ я спокоенъ». Разговоръ продолжался болѣе часа, «сначала въ выраженіяхъ довольно сильныхъ, а потомъ въ тонѣ болѣе смягченномъ».

«Одно слово вашего государя, говоритъ Шампаньи Толстому вечеромъ, и войны не будетъ». Толстой тонко возражаетъ: «Одного слова, которое вы и я могли бы сказать сообща Австріи, на мой взглядъ, было бы достаточно... Я не могу предположить, чтобы она пожелала когда нибудь воевать съ двумя державами сразу... Дѣло только въ томъ, чтобы придти къ полюбовному соглашенію. Ничто не могло бы больше успокоить Австрію, какъ эвакуація Пруссіи...»

Этотъ пріемъ въ Сенъ-Клу, а особенно намеки передъ лицомъ турецкаго посланника на раздѣлъ Турціи, произвели глубокое впечатлѣніе на общество. Биржа упала, и публика подумала, что война рѣшена. «Я не могу раздѣлять этого мнѣнія, писалъ Толстой... Все поведеніе императора Наполеона, принятое по отношенію къ Австріи, показываетъ намѣреніе добиться угрозами того, что обстоятельства еще не позволяютъ ему взять остріемъ меча. Онъ придалъ публичность этимъ угрозамъ, ибо для прикрытія громадныхъ, проектируемыхъ имъ вооруженій онъ долженъ былъ найти другой предлогъ, а не волненія въ Испаніи, которыя составляютъ истинную причину этихъ вооруженій».—«Во всякомъ случаѣ, нѣтъ надежды, прибавляетъ онъ въ письмѣ къ своему вѣнскому коллегѣ, Куракину, чтобы онъ когда нибудь простилъ Австріи. Если въ настоящій моментъ испанскія волненія задерживаютъ проявленія его злопамятства, то тѣмъ больше основанія опасаться, что въ будущемъ онъ

воспользуется первымъ благопріятнымъ поводомъ, чтобы разразиться этой злобой». Во всемъ этомъ дѣлѣ Толстой держалъ себя какъ хорошій австріецъ. «Я не упускаю ни одного случая послужить дѣлу, которое насъ такъ тѣсно связываетъ» [1]). Меттернихъ былъ убѣжденъ, что въ это время императоръ не желалъ войны. Дѣло шло о томъ, чтобы ловко отразить ударъ, чтобы произвести разрывъ съ достоинствомъ и воспользоваться тѣмъ, что Наполеонъ оказался въ необходимости удовольствоваться публичными объясненіями и показными мѣрами, съ цѣлью держать себя насторожѣ, поджидая первыхъ замѣшательствъ Франціи. Онъ судилъ вѣрно.

Наполеонъ, словно ораторъ, утѣшая себя тѣмъ, что онъ кое-что сдѣлалъ, ибо онъ произнесъ рѣчь, нимало не ожидалъ дѣйствительнаго разоруженія Австріи. Онъ вездѣ дѣлалъ кличъ, сзывая старыхъ солдатъ, потому что его испанская армія считала въ себѣ слишкомъ много новобранцевъ. Онъ призвалъ ветерановъ изъ Италіи, Голландіи, Вестфаліи. Онъ вернулъ части великой арміи. «Испанскія дѣла становятся серьезны, писалъ онъ 17 августа: англичане высадили болѣе 40,000 человѣкъ... Мнѣ нужны большія силы въ Испаніи. Я хочу ей нанести рѣшительный ударъ... Скоро я отправлюсь туда лично». Потомъ, 23 августа онъ пишетъ Коленкуру [2]): «Я призвалъ всѣ войска Рейнскаго союза, такъ что я могу выступить противъ Австріи съ 200,000 человѣкъ... *Однако*, я очень желалъ бы, чтобы императоръ поговорилъ съ Австріей, съ которой, впрочемъ, у меня нѣтъ никакого спорнаго вопроса... Нужно, чтобы князь Куракинъ... былъ уполномоченъ сказать, что Россія присоединитъ 100,000 человѣкъ къ моимъ войскамъ при первомъ неумѣстномъ движеніи австрійцевъ». Онъ прибавляетъ: «Я заключилъ мою конвенцію съ Пруссіей [3]), и, если, какъ я это думаю, у меня не будетъ никакихъ споровъ съ Австріей, Силезія и Берлинъ будутъ въ рукахъ Пруссіи раньше зимы»... Въ тотъ же день онъ извѣщаетъ Даву, которому довѣрилъ наблюдать за Германіей и сторожить Польшу: «Я увѣренъ въ Россіи, и это не позволяетъ мнѣ опасаться чего нибудь со стороны Австріи; *однако* нужно держать себя наготовѣ и смотрѣть въ оба глаза. Я намѣренъ эвакуировать Пруссію и выполнить Тильзитскій трактатъ. Я думаю, что конвенція будетъ подписана завтра или послѣзавтра, и раньше октября мѣсяца я придвину свои войска къ Рейну»... Такимъ образомъ, онъ не давалъ покоя своимъ намѣстникамъ, ободряя ихъ однихъ другими, въ

[1]) 16 août 1808. Beer, liv. II, chap. III.—Rapport de Finkenstein, de Vienne, 3 septembre 1808. Hassel.

[2]) Note pour le ministre de la Guerre; à Eugène, à Jérôme, à Louis 17 août; à Davout, 23 août, à Soult, 23 août 1808.

[3]) Она была подписана лишь 8 сентября, см. стр. 248.

такое время, когда онъ разоружалъ ихъ всѣхъ, беря довѣріемъ, беря престижемъ повсюду, пока еще Европа не увидѣла ясно и не разглядѣла тамъ эти длинные шпалеры войскъ, растянувшіяся на границахъ великой имперіи. Въ январѣ онъ покончилъ бы съ Испаніей; тогда, распоряжаясь этой страной, онъ опять сталъ бы хозяиномъ Германіи и заставилъ бы Австрію капитулировать, а это освободило бы его отъ необходимости ждать многаго отъ Россіи. Для достиженія этого дотолѣ было бы достаточно должнаго количества демонстрацій и угрозъ, чтобы сдерживать австрійцевъ. «До начала января мятежъ будетъ потушенъ вездѣ до послѣдней деревни», пишетъ онъ Іосифу и Людовику: «Я надѣюсь на полный миръ раньше января» [1]).

25 августа Меттернихъ заявилъ, что все будетъ поставлено на прежнее положеніе раньше перваго сентября. Онъ обѣщалъ даже признаніе новыхъ королей—испанскаго и неаполитанскаго. На это Наполеонъ сказалъ ему: «Я считаю все покончеинымъ» [2]). Черезъ четыре дня, 29 августа, онъ написалъ своимъ братьямъ Іерониму и Людовику: «Не поддастся исчисленію то, что можетъ произойти въ промежутокъ времени отъ настоящей поры до апрѣля... Мой долгъ, какъ и вашъ, предполагать, что всеобщая война будетъ весной...» [3]) Меттернихъ откладывалъ ее до лѣта 1809 года: онъ полагалъ, что отъ теперешней поры до того времени Наполеонъ не рѣшится перевести на Иннъ войска, которыя въ настоящій моментъ онъ отправлялъ въ Пиренеи. Фуше, Таллейранъ и, еще больше ихъ, общее утомленіе, тревога, вызванная преждевременными наборами, работали въ пользу мира. «Австрія достигла громадной цѣли. Она воспользовалась единственнымъ моментомъ, представившимся въ послѣднее время, чтобы перевязать свои раны, съ цѣлью выступить на европейскую сцену болѣе сильною и болѣе могущественною, чѣмъ когда бы то ни было». Такъ же думалъ и Толстой [4]).

Принцъ Вильгельмъ еще обсуждалъ конвенцію о союзѣ и эвакуаціи Пруссіи. [5]) Онъ надѣялся было внести въ нее нѣкоторыя смягченія, какъ одно обстоятельство опять поставило все подъ вопросъ. Письмо Штейна

[1]) A Louis, 17 août; à Joseph, 27 août 1808.

[2]) Rapport de Metternich, 26 août; Napoléon à Caulaincourt, 26 août 1808.—Rapports de Tolstoï, 1-er et 8 septembre 1808.

[3]) Cf lettre à Jérôme, 7 septembre 1808. «Намъ придется руководиться поведеніемъ Австріи. Рѣчи ея весьма миролюбивы, но вооруженія ея изобличаютъ ее во лжи».

[4]) Metternich à Stadion, 26 avril; rapport de Tolstoï, 8 septembre 1808.

[5]) См. выше стр. 198, 242.—Rapports du prince Guillaume, 12 août 1808. Hassel.

къ Виттгенштейну [1]), захваченное у одного прусскаго агента, асессора Коппе, арестованнаго по подозрѣнію въ шпіонствѣ, Сультъ отправилъ Наполеону. «Эти пруссаки—жалкіе и дрянные люди!» [2]). Но, какъ онъ ни разгнѣванъ языкомъ Штейна, какъ ни обезпокоенъ настроеніемъ духа, которое отражается въ немъ, онъ спѣшитъ воспользоваться этимъ, чтобы сжать оковы Пруссіи. Сначала унизить ее. «Я потребовалъ, чтобы онъ—Штейнъ—былъ прогнанъ изъ министерства, безъ чего Прусскій король не воротится къ себѣ». Онъ грозилъ разорвать Тильзитскій трактатъ, и принцъ Вильгельмъ покорился. Конвенція была подписана 8 сентября [3]).

Контрибуція Пруссіи была опредѣлена въ 140 милліоновъ франковъ. Франція будетъ занимать крѣпости Глогау, Кюстринъ и Штеттинъ до полной уплаты этого долга. Прусскія владѣнія будутъ эвакуированы, за исключеніемъ этихъ крѣпостей, черезъ сорокъ дней послѣ обмѣна ратификаціями. Прусскій король обязывается въ продолженіе десяти лѣтъ держать только 42,000 человѣкъ войска и не дѣлать въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ никакого экстреннаго набора милиціи, или гражданской стражи, или какого нибудь набора, могущаго увеличить эту силу. Наполеонъ обезпечиваетъ цѣлость Прусской территоріи, съ условіемъ, чтобы прусскій король оставался союзникомъ Франціи. Пруссія поставитъ 12,000 человѣкъ въ 1809 году, въ случаѣ войны между Австріей и Франціей; въ слѣдующіе годы это число будетъ увеличено до 16,000. Онъ признаетъ королей испанскаго и неаполитанскаго. Онъ обязывается не держать на своей службѣ ни одного подданнаго изъ территорій, уступленныхъ Франціи.

4 сентября Наполеонъ потребовалъ отъ сената преждевременнаго призыва рекрутъ. Чтобы поправить впечатлѣніе этой мѣры онъ развертываетъ громадную картину кажущагося могущества: 200,000 человѣкъ въ Германіи и Польшѣ, 100,000 человѣкъ въ Рейнскомъ союзѣ, 100,000 человѣкъ на Изонцо, 200,000 человѣкъ въ Испаніи. «Я увѣренъ въ чувствахъ Россіи... войны съ Австріей не будетъ, потому что я не желаю ея» [4]). «Я рѣшилъ подвинуть испанскія дѣла какъ можно скорѣе и уничтожить войска, которыя англичане высадили въ этой странѣ» [5]).

---

[1]) См. выше, стр. 246.

[2]) A Soult, 4 septembre 1808.

[3]) Napoléon à Soult, 10 septembre; rapport du prince Guillaume, 9 septembre; rapport de Tolstoï, septembre 1808; de Clercq, t. II, p. 270.

[4]) A Soult, à Stettin, 10 septembre 1808.

[5]) Message au Senat 4 septembre 1808.

Нѣсколько дней спустя узнали о капитуляціи Жюно подъ Цинтрой [1]). Въ то же время получается извѣстіе о новой революціи въ Константинополѣ, уже третьей въ этомъ году, о казняхъ въ столицѣ, о томъ, что вся имперія въ огнѣ, что всѣ народы возстали. «Эта катастрофа была ощутительна для меня», говоритъ Наполеонъ въ своемъ посланіи къ сенату; и только, но ничто не выдастъ яснѣе его безпокойства о дѣлѣ, въ которое онъ ввязался. Онъ воспрещаетъ себѣ говорить о Востокѣ. Противъ собственнаго желанія онъ постоянно возвращается къ рѣчи объ Австріи. Но какимъ тономъ теперь позволяютъ себѣ отвѣчать ему, и какъ все измѣнили эти прискорбныя событія, Байленъ и Цинтра: это—болидъ, нарушившій систему міра! «Понимаете ли вы что нибудь въ вооруженіяхъ Австріи! говоритъ онъ Толстому... Если она въ согласіи съ вами, или со мною, они не нужны ей; въ противномъ же случаѣ, къ чему они могутъ послужить?—Чтобы она могла избѣжать участи генерала Дюпона, отвѣчаетъ Толстой. Вы утверждаете, что его нужно разстрѣлять за то, что онъ не погибъ съ честью на полѣ битвы. То же самое и съ націями».

Свиданіе, столько разъ просимое, столько разъ откладывавшееся, становилось необходимымъ. Александръ согласился на него и назначилъ въ концѣ мѣсяца, въ Эрфуртѣ. Наполеонъ объявилъ свой отъѣздъ на 20 число. Онъ спѣшилъ снова повидаться съ царемъ. Но при какихъ условіяхъ, сколько потеряно почвы, какое попятное движеніе со времени Тильзита! Онъ уже не предлагалъ союза какъ великодушный побѣдитель, онъ искалъ его какъ союзникъ, находящійся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Наполеонъ разсчитывалъ на завоеваніе Испаніи, чтобы *со всѣмъ покончить* въ Европѣ, съ блокадой, съ вооруженіями Австріи, съ Польскимъ, Турецкимъ, Прусскимъ вопросами; и вотъ, чтобы только начать одно это испанское дѣло, нужно *все пріостановить* въ Европѣ, и вмѣсто того, чтобы изъ Тильзита извлечь пользу себѣ, приходится передать вожжи Александру. Арбитражъ Европы переходитъ къ царю.

Наполеонъ устраиваетъ это свиданіе какъ тонкій и совершенный знатокъ дѣла. На первомъ планѣ декораціи, сценичность обстановки, развлеченія. Тильзитъ съ его бревенчатымъ плотомъ, наспѣхъ сколоченнымъ военными понтонерами, представилъ только лобзаніе двухъ героевъ на другой день послѣ битвы. Это—картина военная. Нужно, чтобы Эрфуртъ показалъ вселенной двухъ владыкъ міра, держащихся рука за руку, какъ въ оперномъ апоѳеозѣ, изображающемъ освященіе мира. Туда

---

[1]) См. выше, стр. 233. Эта капитуляція стала извѣстна дипломатическому корпусу 16 сентября; bulletins de Tolstoï; rapport du 19 septembre; le prince Guillaume au roi, 15 septembre; rapport de Brockhausen, 16 septembre 1808.

созваны всѣ германскіе вассалы; не упущено ничего, что ослѣпляетъ глаза, что нѣжитъ чувственность. Наполеонъ привозитъ *свой* французскій театръ, свою трагическую труппу. Только такой спектакль кажется ему соотвѣтствующимъ тону и размѣрамъ его имперіи. «Но, за исключеніемъ двухъ или трехъ главныхъ персонажей (пишетъ Меттернихъ), больше цѣнили лица актрисъ, чѣмъ ихъ талантъ... Это поголовное ополченіе трагедіи есть любезность, стоящая очень дорого» [1]). *Летучій эскадронъ* для фойэ, а для галереи Корнель съ интересами государства:

Tous ces crimes d'Etat qu'on fait pour la couronne,
Le ciel nous en absout, alors qu'il nous la donne [2]).

«Это превосходно, говорилъ императоръ Таллейрану, и особенно для нѣмцевъ, которые все еще остаются съ тѣми же идеями и все еще говорятъ о смерти герцога Энгьенскаго: нужно развить ихъ мораль». Ради этой морали въ дѣйствіи, ради реабилитаціи Эттенгейма и Венсена, ради освященія Байонны и Валансэ, Таллейранъ долженъ былъ принять участіе въ этомъ путешествіи, и Наполеонъ приберегъ для него нѣкоторую роль, еще болѣе активную. Онъ позвалъ его и сообщилъ ему свой секретъ. Таллейранъ тоже имѣлъ одинъ секретъ, но онъ не довѣрилъ его императору. «Мы отправляемся въ Эрфуртъ, говоритъ Наполеонъ. Я хочу вернуться со свободой дѣлать въ Испаніи то, чего пожелаю. Я хочу быть увѣреннымъ, что Австрія будетъ волноваться и будетъ сдерживаема, и я не хочу войти въ опредѣленныя обязательства съ Россіей въ томъ, что касается дѣлъ Востока». Полу-договоры, неуловимые оттѣнки, обязательства, которыя можно сокращать по желанію, неожиданныя лазейки, потайныя двери позади всякой ширмы, — въ этомъ Таллейранъ превосходилъ многихъ, да и работа была соблазнительная для такого артиста, какъ онъ. Наполеонъ далъ прочитать ему переписку съ Россіей. Таллейранъ вывелъ изъ нея такое заключеніе: «Проекты войны въ Индіи, проекты раздѣла Оттоманской имперіи кажутся фантомами, введенными на сцену для того, чтобы занять вниманіе Россіи... Не было ни одного шага къ дѣлу...» Этотъ шагъ и предстоитъ сдѣлать: покончить съ Испаніей; потомъ повернуться противъ Австріи, покончить и съ ней, низвести ее на положеніе Пруссіи, и послѣ этого, когда русскій союзъ уже сослужитъ свою службу, Наполеонъ порѣшитъ съ Россіей и принудитъ ее къ покорности. Но для точки отправленія, для первой кампаніи, содѣйствіе Россіи было необходимо нужно. «Что эта коопе-

[1]) Metternich à Stadion, 23 septembre 1808.

[2]) «Небо отпускаетъ намъ всѣ государственныя преступленія, совершенныя ради царскаго вѣнца, въ то время, когда оно даруетъ намъ его».

рація была связана со множествомъ затрудненій, разсказываетъ Таллейранъ, это еще больше побуждало его добиться своей цѣли. Будучи весьма невысокаго мнѣнія объ императорѣ Александрѣ... онъ намѣревался сначала запугать его и затѣмъ дѣйствовать сразу на его тщеславіе и на его честолюбіе...»

Таллейранъ думалъ, что интересы Франціи, интересы Европы, его собственные интересы, которые онъ смѣшивалъ съ интересами общими, требовали, чтобы онъ помѣшалъ этому плану, исполненіе котораго возлагалъ на него Наполеонъ. Онъ давно уже такъ смотрѣлъ на этотъ предметъ, и время только укрѣпило его въ этомъ. Онъ чувствовалъ, что идетъ къ невозможному, что французская политика представляетъ страшный парадоксъ съ той поры, какъ онъ сталъ служить ей, съ 1797 года; онъ наблюдалъ шагъ за шагомъ, какъ это развивалось. Покорный, заинтересованный, охваченный ужасомъ во время Директоріи; очарованный на мигъ, а затѣмъ устрашенный во время Консульства; усиливаясь останавливать власти словомъ, удерживать ихъ совѣтомъ, составляя ноту за потой и записку за запиской, а затѣмъ постоянно увлекаемый побѣдой, принужденный лишь смягчать ея эффекты, выражать въ трактатахъ, депешахъ и инструкціяхъ послѣдствія и апологію той политики, звенья которой онъ считалъ неизбѣжными и катастрофу фатальной; онъ слѣдовалъ за ней своими хромыми ногами, *pede claudo*, но въ концѣ концовъ всегда слѣдовалъ за ней. Онъ не соглашался на большее, онъ отказывался остановить своего господина; онъ рѣшилъ возбудить на свой лалъ ходъ вещей, который рано или поздно долженъ былъ низвергнуть колосса, и при этомъ онъ старался, чтобы и Францію не слишкомъ расшатало, и чтобы его самого не очень придавило. Чтобы Европа восторжествовала, и чтобы этотъ тріумфъ не снесъ этихъ двухъ руинъ, онъ сдѣлаетъ Францію европейской и себя европейскимъ министромъ Франціи въ Европѣ и министромъ Европы во Франціи. Такимъ образомъ онъ будетъ подвигаться, не зная пока, какими путями, къ Вѣнскому конгрессу, который былъ увѣнчаніемъ его карьеры, его тріумфомъ государственнаго человѣка, но также крушеніемъ Французской имперіи, республиканской политики, политики границъ и главенства. Онъ достигъ этого, потому что онъ умѣлъ распознавать силу событій и потому что владѣлъ, какъ выражается его наставникъ Гонди, способностью «вмѣнять себѣ въ честь неизбѣжное, что составляетъ одно изъ самыхъ необходимыхъ качествъ для министра». Это то, что онъ называетъ «имѣть въ умѣ будущее».

Но эта привычка служить, презирая господина своего и обманывая его; эта манера вредить сегодняшнему правительству, чтобы подготовить

завтрашнее; отдѣлаться отъ одного правительства самому и отклонить отъ него страну для того, чтобы обезпечить подъ другимъ правительствомъ благо и страны и свое собственное; вредить политикѣ, которую будто бы защищаешь, чтобы содѣйствовать противополагаемой ей политикѣ заднихъ мыслей; это развязное неисполненіе прямыхъ и элементарныхъ обязанностей подъ предлогомъ высшей пользы, состоящей въ томъ, чтобы беречь Европу, чтобы ввести Францію въ европейское общество, чтобы повернуть ее отъ крайности къ здравому смыслу; это оправдываніе средствъ, пріучающее къ полной распущенности, ради цѣли, судьей о которой являешься только ты; эта безподобная смѣлость и самоувѣренность создавать себѣ государство на свой ладъ для самого себя, внѣ правительства, которое вамъ платитъ, и внѣ политики, которую вы будто бы примѣняете; эти доктрины, которыя Таллейранъ развивалъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ барскимъ нахальствомъ, несмотря на великія услуги, оказанныя имъ впослѣдствіи, не могутъ загладить мошеннической и предательскій характеръ того опаснаго пути, на который онъ тогда вступилъ.

По взгляду Таллейрана, первая глава въ той политикѣ, которую онъ съ настоящей поры будетъ противополагать политикѣ императора, это— воспрепятствовать болѣе тѣсному союзу между Франціей и Россіей; вторая глава, это — предупредить Австрію и спасти ее: оторвать союзника и спасти врага. Онъ нашелъ въ лицѣ Коленкура сотрудника тѣмъ болѣе дѣйствительнаго, что онъ былъ, казалося, болѣе искреннимъ. Опутанный цвѣтистыми фразами Александра, вышколенный Таллейраномъ, стѣснявшійся того и другого—ибо отъ него не отступали образы Эттенгейма; спѣшившій оправдаться передъ Александромъ, развязаться съ Таллейраномъ, этотъ посланникъ, благодаря обворожительности царя и вліянію бывшаго епископа, сталъ думать объ отношеніяхъ Франціи и Россіи, основываясь только на сужденіяхъ Александра, и о французской политикѣ, основываясь на сужденіяхъ Таллейрана. Къ тому же онъ былъ убѣжденъ и окончательно, до пожертвованія своей карьерой, въ искренности царя и въ твердомъ намѣреніи Европы уважать миръ Франціи съ границей по Рейну, какъ только Франція пожелаетъ удовольствоваться этимъ, и какъ только императоръ согласится признать это, успокоить Европу. «Судьбѣ Австріи, говоритъ Таллейранъ, угодно было, чтобы Коленкуръ внушилъ довѣріе императору Александру и самъ повѣрилъ въ меня. — Мои личныя связи съ Коленкуромъ, качествамъ котораго въ свое время должна быть воздана справедливость...» [1]). Коленкуръ могъ бы облегчить ему доступъ

[1]) Mémoires, t. I, p. 320, 401.

къ Александру, предъ которымъ, оправдывая Таллейрана, очистился бы самъ отъ Венсенскаго дѣла.

Таллейранъ хотѣлъ бы взять въ Эрфуртъ и Меттерниха. Наполеонъ не согласился на это. Таллейранъ тѣмъ болѣе настаивалъ на «крайней полезности присутствія императора Франца». На это Наполеонъ соглашался: онъ помѣстилъ бы Австрію въ кортежъ вассаловъ! Таллейранъ старался убѣдить Меттерниха, что умаленіе личности можетъ окупиться важностью роли. «Ничего, говорилъ онъ, не можетъ происходить въ Европѣ, чему австрійскій императоръ не былъ бы стѣсненіемъ или облегченіемъ. Я желалъ бы, въ теперешнемъ случаѣ, видѣть, чтобы императоръ Францъ прибылъ какъ стѣсненіе». И это *стѣсненіе* было бы благодѣтельнымъ; отсюда совѣтъ Таллейрана Меттерниху: «Дѣлать много коварныхъ и неясныхъ предложеній, стараясь получить взамѣнъ форменныя обѣщанія; ласкать самолюбіе Александра, льстить его высокомѣрному министру; побуждать Россію мѣшать нашимъ намѣреніямъ, обѣщать ей раздѣлъ и большую долю Турціи, гарантировать ей Финляндію...» Меттернихъ принимаетъ совѣтъ къ свѣдѣнію и, въ свою очередь, строитъ свой планъ, знаменитый планъ, который онъ лелѣетъ и который исполнитъ въ 1813 году, на конгрессѣ въ Прагѣ. «Если бы императоръ явился самъ лично среди Эрфуртскаго конгресса и сказалъ бы: «Я кладу 400,000 человѣкъ войска и весь мой народъ въ оружіи на чашку вѣсовъ справедливости... Я желаю только мира, но въ мирѣ желаю положенія вещей, сообразнаго съ достоинствомъ моей короны», онъ этимъ очень смутилъ бы сильнаго Наполеона и слабаго Александра [1]). Прежде всего условились бы относительно мира съ Англіей. Толстой, больше чѣмъ когда бы то ни было откровенничавшій съ Меттернихомъ, написалъ объ этомъ въ Петербургъ: «Желанія всѣхъ просвѣщенныхъ людей страны на этотъ счетъ одни и тѣ же. Всѣ желаютъ и совѣтуютъ всеобщій миръ. Къ нимъ принадлежитъ и Таллейранъ: его взгляды на этотъ вопросъ весьма опредѣленные». Сославшись на мучительный застой, который влечетъ за собой блокада, предложить Англіи компенсаціи, такъ какъ «нельзя больше надѣяться принудить ее силою къ миру». Компенсація эта, ее можно читать между строкъ, состоитъ въ томъ, чтобы самому «выпутаться изъ затруднительнаго положенія», «отказаться отъ дурно разсчитаннаго предпріятія» — Испаніи—и во всеобщемъ мирѣ найти очень благовидный для этого предлогъ [2]).

Такъ въ посольствахъ, въ Парижѣ, въ собственномъ кабинетѣ импе-

[1]) Rapports de Metternich, 14, 22, 23 septembre 1808.
[2]) Rapports et lettre particulière de Tolstoï, 8 septembre 1808.

ратора подготовляются переговоры, которые по собственной мысли императора должны произвести совсѣмъ противоположные результаты. «Приготовьте мнѣ, говоритъ онъ Таллейрану, такую конвенцію, чтобы она удовлетворила императора Александра; чтобы она особенно была направлена противъ Англіи, и чтобы я *былъ совсѣмъ свободенъ* въ остальномъ: я помогу вамъ: въ престижѣ не будетъ недостатка». *Быть совсѣмъ свободнымъ*, требуетъ императоръ; *стѣснить его*, думаетъ Таллейранъ. И Наполеонъ продолжаетъ: «Дорогой мой Таллейранъ... надо, чтобы вы были въ Эрфуртѣ на день или на два раньше меня... Вы хорошо знаете императора Александра; вы будете говорить съ нимъ языкомъ, который ему нравится. Вы ему скажете, что въ той полезности, какую нашъ союзъ можетъ имѣть для людей, видятъ одинъ изъ великихъ путей Провидѣнія... Мы оба молоды, намъ нечего спѣшить... Хорошо понятые интересы континента, семь милліоновъ грековъ, возвращенныхъ свободѣ... вотъ прекрасное поле, чтобы заниматься филантропіей; я даю вамъ на этотъ счетъ полномочіе; я только желаю, чтобы филантропія была отдаленная». Эти красивыя мечты назначены для славянина и мистика, *летучій эскадронъ* для *матеріалиста* [1]). *Homo duplex!* (*Двоедушный человѣкъ*!) Таллейранъ пригодится и для того и для другого дѣла. Онъ отправился 16-го. 18-го Наполеонъ въ приказѣ по арміи обратился съ воззваніемъ къ солдатамъ, въ которомъ читали: «Солдаты, я имѣю нужду въ васъ... Пройдемъ съ нашими побѣдоносными орлами до столбовъ Геркулеса; тамъ тоже мы должны отомстить за оскорбленія»... Онъ сѣлъ въ карету 23 сентября. Посмотримъ, въ какомъ настроеніи найдетъ онъ Александра.

VII.

Толстой, въ своихъ донесеніяхъ, представлялъ французскія дѣла въ самомъ тревожномъ видѣ. Его испанскіе бюллетени ничего не преувеличивали; но, по его донесеніямъ, выходило, что Франція во внутренней жизни двинулась назадъ къ сомнительнымъ временамъ 1803 и 1804 г.: та же глухая оппозиція, осужденіе предпріятій, желаніе мира, вѣра, что его желаетъ Европа, что даже Англія согласилась бы на него; короче— расположеніе и снисходительность по отношенію къ политикѣ Европы и, если Европа восторжествуетъ, къ гегемоніи Россіи. И въ то же время Россія идетъ къ огромной опасности, если она не принимаетъ мѣръ, если она покорно соглашается на блокаду, если она покидаетъ Австрію на произволъ судьбы: Россіи грозила бы участь Испаніи! Итакъ, пусть Рос-

[1]) Gourgaud, t. I, p. 529.

сія, пусть русскій народъ приготовляются. Враждебное отношеніе къ союзу, враждебное отношеніе къ браку, враждебное отношеніе къ Франціи: таковъ основной тонъ переписки этого посланника, питающаго отвращеніе къ своей миссіи. Во всякомъ случаѣ это отвращеніе не доходило до такой степени, чтобы пренебрегать средствами наблюдать, узнавать. Толстой возобновилъ связи Маркова, знакомства въ военномъ министерствѣ. Ни въ интимный періодъ во время Александра, такъ же, какъ и Павла, ни въ періодъ недовѣрія и вражды шпіоны не сидѣли сложа руки [1]).

Непосредственная опасность для русскихъ, главная тревога состояла въ томъ, какъ бы Наполеонъ не уничтожилъ окончательно Пруссію и не раздавилъ Австрію [2]). Совѣтники Александра не переставали повторять ему это. Къ нимъ присоединился Чарторыйскій и подалъ царю «очень конфиденціальную записку», въ которой съ первыхъ же строкъ высказывается по существу [3]): «Я думаю, что Ваши теперешнія отношенія съ французскимъ правительствомъ окончатся самымъ печальнымъ образомъ для Вашего Императорскаго Величества». Наполеонъ имѣетъ въ виду одну цѣль, установить свое главенство; Пруссія послужила ему, онъ ее разрушилъ; Испанія послужила ему, онъ собирается завоевывать ее, низложивъ короля, своего союзника. Онъ никогда не забудетъ, что Австрія могла погубить его, въ 1807 году. Когда онъ покончитъ съ Испаніей, онъ нападетъ на Австрію, расчленитъ ее на королевства Венгерское, Австрійское, Чешское, Польское, поставивъ ихъ подъ свою верховную власть. И когда Россія останется одна въ оборонительномъ положеніи, онъ станетъ задирать ее, требуя для французской арміи прохода въ Индію, какъ онъ вторгнулся въ Испанію, подъ предлогомъ овладѣнія Гибралтаромъ. Потомъ онъ напуститъ на нее турокъ, которыхъ до той поры будетъ держать въ рукахъ. Вторгнувшись въ Россію, къ тому же разоренную блокадой, онъ потребуетъ польскихъ провинцій, возстановитъ Польшу, объявитъ свободу крестьянъ, раздробитъ имперію на отдѣльныя королевства. «Что станется тогда съ Россіей? Какова будетъ участь Вашего Величества и всей Вашей семьи? Вспомните, что произошло въ Испаніи»

[1]) См. его донесенія 7, 13, 17 мая, 9, 21, 23 іюня, 25 іюля, 7 августа 1808 г. 23 іюня Толстой извѣщаетъ, что одинъ офицеръ генеральнаго штаба Г. предлагаетъ перейти на службу Россіи. «Онъ унесетъ съ собою карты, планы, записки и все, чѣмъ военная канцелярія обладаетъ по этой части относительно итальянскаго полуострова, Далмаціи, Албаніи и прилегающихъ странъ».

[2]) Martens, t. VI, p. 426.

[3]) Русское Историческое Общ., т. VI, стр. 372. Документъ этотъ носитъ дату 26 іюня, но, если это дата по русскому лѣтосчисленію,—а это вѣроятно— такъ тогда документъ надо относить къ 8 іюля.

© ГПИБ

Одно есть средство спастись: «Тайно прійти къ соглашенію съ Англіей, Австріей, Швеціей, разослать тайныхъ агентовъ во всѣ пункты, гдѣ они могутъ препятствовать проектамъ Наполеона»; вооружаться и все-таки «ничего не измѣнять въ нашихъ отношеніяхъ съ Франціей и все пустить въ ходъ, чтобы она не замѣтила нашихъ опасеній и нашихъ настоящихъ намѣреній».

Коленкуръ, побуждаемый Наполеономъ, торопилъ Александра дѣйствовать въ Вѣнѣ. Царь увертывался отъ вопроса, давая неясныя обѣщанія, льстя посланнику. Онъ приказалъ написать въ Вѣну, Куракину, не грозить, а просить почти какъ услуги, чтобы его не ставили въ необходимость дѣйствовать. «Развѣ заключенный мною Тильзитскій трактатъ не можетъ имѣть своихъ обязательствъ? Итакъ, мнѣ кажется, что самымъ благоразумнымъ рѣшеніемъ со стороны Австріи будетъ оставаться спокойной зрительницей борьбы... Австрія избавила бы меня отъ тяжелой необходимости выступить противъ нея, потому что я обязанъ дѣлать это лишь настолько, насколько она будетъ нападать» [1]).

Та же игра ведется въ Берлинѣ, гдѣ министры Фридриха-Вильгельма дѣлаютъ усилія, чтобы связать своего государя съ Австріей [2]), гдѣ король отказывается отъ этого отчаяннаго шага и проситъ у Александра разрѣшенія оказаться терпѣливымъ и приказанія отложить героизмъ до другого времени [3]). Александръ поддерживаетъ его и ободряетъ: «Воображать, что замѣшательство въ испанскихъ дѣлахъ оказывается для Австріи благопріятнымъ шансомъ, значитъ, на мой взглядъ, дурно разсчитывать. Соблаговолите, государь, вспомнить, что подъ очень слабымъ революціоннымъ правительствомъ Франція оказалась достаточно грозной, чтобы защищать себя противъ всѣхъ объединившихся противъ нея государствъ»... Что же сказать, когда «всѣ ея силы такъ чрезмѣрно возросли, и когда ими руководятъ таланты, дѣйствительность которыхъ было бы трудно отрицать?»

Въ этомъ заключается вся сущность его политики, политики въ одно и то же время простой и очень дальновидной, на русскій ладъ: сохранить неприкосновенной, съ ея рессурсами людей и съ ея вооруженіями, Австрію, лѣвое крыло будущей русской арміи противъ Запада, и сохранить то, что остается отъ Пруссіи, правое крыло этой арміи; сохранить ихъ въ своемъ распоряженіи до дня, отмѣченнаго Провидѣніемъ и вы-

[1]) Alexandre à Kourakine, juillet et 5 septembre 1808. Hassel.

[2]) Rapports du major Lucey, envoyé à Vienne; en particulier, 30 août 1808. Hassel.

[3]) Frédéric-Guillaume à Alexandre, 28 août; Alexandre à Frédéric-Guillaume, 12 septembre 1808. Bailleu.

званнаго ошибками Наполеона, и, всячески убѣждая ихъ покориться французскому императору и подчиняться постановленіямъ Тильзита, приготовить себѣ, при ихъ поддержкѣ, средства разорвать эти самыя постановленія, союзъ 1807 года. Въ ожиданіи событій, онъ извлечетъ изъ этого всю возможную пользу: послѣ Финляндіи, придунайскія княжества. Чтобы вырвать у Наполеона согласіе на завладѣніе ими, чтобы уяснить себѣ размѣры его затрудненій, онъ принимаетъ столько разъ откладывавшееся свиданіе. Но онъ не можетъ громко высказать свои побужденія, и онъ принужденъ такъ же тонко хитрить со своей семьей и со своимъ дворомъ, какъ съ Наполеономъ; такъ же уговаривать терпѣть русскихъ, какъ австрійцевъ и пруссаковъ.

Императрица-мать, которая по прежнему видитъ въ немъ дитя, по прежнему униженное, дрожащее, фатально повинующееся страшной мартовской ночи 1801 года [1]), еще не поняла этого характера, порывистаго и въ то же время сдержаннаго и послѣдовательнаго, подъ наружными признаками колебанія; этого искусства ускользать, опутывать противника, представляясь восхищеннымъ имъ; она боится непостоянства души, желанія нравиться во что бы то ни стало, боится если не обѣщанія, по крайней мѣрѣ, молчаливаго согласія на этотъ проектъ брака, мысль о которомъ неотступно преслѣдуетъ ее. Наконецъ, ее пугаетъ Эрфуртъ. Извѣстна ли ей исторія Франціи и знаменитое перонское свиданіе, Людовикъ XI, посаженный въ тюрьму Карломъ Смѣлымъ? Конечно, она знаетъ эпизоды болѣе свѣжіе. 6 сентября она посылаетъ своему сыну длинное, торжественное посланіе, «тревожное и печальное» [2]): —«Дорогой Александръ, эти строки разсудятъ меня съ вами передъ судомъ Всевышняго». Остановитесь у края пропасти; вы покидаете насъ ради свиданія съ Бонапартомъ и это «въ крѣпости, которая еще находится подъ его властью и охраняется его войсками». Она указываетъ ему на «Европу, покорившуюся декретамъ кровожаднаго тиранна, который управляетъ ею желѣзнымъ жезломъ»; русская торговля уничтожена, съѣстные припасы дорожаютъ, народъ голодаетъ; нѣтъ соли, грозитъ банкротство, противъ французовъ негодуютъ. Испанія сопротивляется; нужно, чтобы Бонапартъ покорилъ ее, «или чтобы онъ погибъ тамъ».—«Идолъ шатается», онъ нуждается въ Александрѣ, онъ плѣнитъ его: онъ никогда не дастъ вамъ Молдавіи и Валахіи. Это свиданіе «портитъ вашу репутацію и оставляетъ на ней непзгладимое пятно». Нація подумаетъ, что ваши приказы

[1]) См. т. VI, стр. 112.

[2]) Текстъ этихъ писемъ былъ обнародованъ въ «Русской Старинѣ», апрѣль 1899 г.

вырваны силой. Наполеонъ, это—человѣкъ способный на все, на другую Байонну, другой Венсенъ!..

Царь не могъ оставаться подъ такими подозрѣніями, и сынъ Павла меньше всякаго другого. По этому скорбному признанію своей матери онъ измѣряетъ грозящую ему опасность, страшное недовольство бояръ и арміи [1]). Онъ рѣшилъ бравировать ихъ, такъ какъ открыто высказать свою тайну, это значило бы разрушить свою политику. Но, хотя онъ подвергаетъ свою жизнь заговорамъ, хотя онъ рискуетъ испытать участь своего отца—а онъ не можетъ дѣлать себѣ иллюзій на этотъ счетъ—все-таки онъ желаетъ, по крайней мѣрѣ, передъ императрицей спасти честь своего ума и показать себя императоромъ. Онъ написалъ ей письмо, въ которомъ, по рѣдкому исключенію въ своей жизни, онъ открываетъ всѣ свои мысли. Это письмо свой прямой свѣтъ бросаетъ на будущее [2]); черезъ отраженіе оно освѣщаетъ прошлое. Если онъ велъ переговоры въ Тильзитѣ, то это по необходимости. Ведя переговоры, Россія должна была держать себя хорошо съ колоссомъ. «Нужно, чтобы Франція могла повѣрить, что ея политическіе интересы совпадаютъ съ интересами Россіи; какъ только у нея не будетъ этой вѣры, она будетъ видѣть въ Россіи лишь врага, и въ ея выгодахъ будетъ стараться уничтожить этого врага. Какое же другое средство могла имѣть Россія для сохраненія своего единенія съ Франціей, какъ не принять на нѣкоторое время ея планы и доказать ей, что она можетъ относиться безъ подозрѣнія къ ея видамъ и планамъ? Именно къ этому результату должны были направляться всѣ наши усилія, чтобы подышать свободно въ теченіе нѣкотораго времени и чтобы въ это драгоцѣнное время увеличить наши средства, наши силы. Но мы должны были работать въ глубочайшемъ молчаніи... Спасти Австрію и сохранить средства до дѣйствительнаго момента, когда она сможетъ употребить ихъ на пользу всеобщаго мира»... Спѣшить значило бы ри-

[1]) Нѣсколько недѣль спустя, обозрѣвая прошлое, де-Мэстръ пишетъ: «Императоръ знаетъ, что онъ неугоденъ всѣмъ безъ исключенія, и приближенные совѣтники его твердятъ ему, что его обвиняютъ въ недостаткѣ характера... Прибавьте къ этому презрѣніе къ нему его собственнаго народа, которое глубоко засѣло въ душу его величества, и вы увидите, что невозможно вообразить себѣ положенія болѣе опаснаго. Чтобы выйти изъ него, многіе не видятъ иного средства, кромѣ *азіатскаго якарства*. Я говорилъ объ этомъ не разъ; мнѣ кажется, мы не далеки отъ этого, лица, еще болѣе освѣдомленныя, то же вѣрятъ въ это». Адмиралъ Чичаговъ не вѣрилъ этому. Русскіе, полагалъ онъ, «неспособны совершить преступленіе ради пользы государства, а только ради своей личной выгоды». *Mémoires et correspondance*, 8 декабря 1808 г. Ср. выше, стр. 165.

[2]) См. выше, стр. 143. Тильзитъ.

сковать потерять все. «Слѣдуетъ ли изъ-за кратковременной неудачи, которую испыталъ Наполеонъ, разрушать все наше дѣло и подвести подъ подозрѣніе наши истинныя намѣренія?.. Если его неудачамъ суждено продолжаться, мы будемъ спокойно смотрѣть на его паденіе». Но часъ, кажется, не близокъ; Франція не пала; она выдержала моменты болѣе критическіе. И своей сестрѣ Екатеринѣ: «Бонапартъ утверждаетъ, что я просто—глупецъ. *Хорошо посмѣется тотъ, кто засмѣется послѣдній*, и я возлагаю на Бога всю мою надежду» [1]).

Онъ получаетъ такія же заклинанія отъ королевы прусской; это та же боязнь чудовища [2]): «Итакъ, вы идете, чтобы опять увидѣться съ Наполеономъ. Это—человѣкъ, который, я знаю это, въ васъ возбуждаетъ ужасъ, какъ во мнѣ... Заклинаю васъ... будьте осторожны съ этимъ искуснымъ лжецомъ... Не позвольте увлечь себя предпринять что нибудь противъ Австріи... Ради Бога не дѣлайте этого!.. Будьте великимъ, простите [3]) и подумайте о спасеніи Европы...» Александръ, должно быть, ухмылялся, хотя это льстило его человѣческому самолюбію и, быть можетъ, нѣсколько волновало его сердце. По пути въ Эрфуртъ онъ остановился, 8 сентября, у своихъ друзей. Онъ нашелъ ихъ въ Кенигсбергѣ. Они вмѣстѣ посѣтили Эйлауское поле битвы. Онъ успокоилъ ихъ насчетъ своихъ намѣреній; но онъ заклиналъ ихъ слушаться и быть безропотными. Его совѣты были разочарованіемъ для національной партіи, для пылкихъ патріотовъ, которые волнуясь страстно, судили только по внѣшнимъ признакамъ. Штейнъ понялъ: «Императоръ видитъ опасность, угрожающую Европѣ, писалъ онъ одному другу 23 сентября, и я думаю, что онъ согласился на свиданіе лишь для того, чтобы еще въ продолженіе нѣкотораго времени сохранить внѣшнее спокойствіе. Я не думаю, чтобы онъ напалъ на Австрію, когда она будетъ воевать съ Франціей».

Александръ покинулъ Кенигсбергъ 20 сентября; 21-го узнали о парижской конвенціи, а также о плачевныхъ результатахъ захвата Штейнова письма [4]). Фридрихъ-Вильгельмъ бѣжитъ къ царю: «Я еще не подписалъ гибельнаго трактата... Если Вы, Ваше Величество, не поддержите насъ, Пруссія пропала, вѣдь то, что теперь случилось, даетъ болѣе чѣмъ достаточное основаніе, чтобы сломать ей шею...» Александръ былъ въ ужасѣ. Русскіе, Румянцевъ, недолюбливавшіе Пруссію, обвиняли ее: «Это какое-то головокруженіе!» Пруссакамъ только оставалось сдаться на волю побѣдителя и, закрывъ глаза, ратификовать конвенцію. Это они и сдѣлали

[1]) Martens, t. XIII, p. 306.

[2]) La reine de Prusse à Alexandre 8 septembre 1808. Baillen.

[3]) Намекъ на договоръ въ Шенбрюннѣ, стр. 13, 20.

[4]) См. выше, стр. 247—248.

© ГПБ СПб

29 сентября; но въ то же время король позволилъ патріотамъ продолжать ихъ военныя приготовленія, ихъ воззванія къ націи, и 22 сентября Штейнъ написалъ къ Гетцену, который тайно велъ переговоры въ Вѣнѣ: «Поддерживайте ваши связи съ австрійцами; увѣряйте ихъ при всякомъ случаѣ, что мы расположены содѣйствовать спасенію Германіи, и что слухи, распространяемые французами, объ единеніи съ ними—ложь».

Фридрихъ-Вильгельмъ не былъ торжественнымъ гостемъ въ Эрфуртѣ. Францъ II воздержался явиться туда. Пруссія должна была быть представлена графомъ Гольтцемъ, Австрія барономъ Венсеномъ. Подъ вліяніемъ угрозы Пруссія является туда какъ союзница Наполеона противъ Австріи, находясь въ тайныхъ переговорахъ съ Австріей противъ Наполеона. Австрія разоружилась для формы. Она ведетъ тайно переговоры съ англійскимъ агентомъ и готовится вступить въ войну при первомъ затруднительномъ положеніи Наполеона, въ которомъ онъ окажется въ Испаніи. Россія не имѣетъ другой мысли, какъ отказаться отъ тильзитскихъ обѣщаній, не поддерживать Наполеона противъ Австріи или противъ Пруссіи, напротивъ, покровительствовать Пруссіи и изъ Австріи сдѣлать возможную союзницу противъ Франціи. Наконецъ, собственный довѣренный Наполеона Таллейранъ является съ обдуманнымъ планомъ измѣнить своему господину, оторвать Россію, покровительствовать Австріи и сблизить ихъ одну съ другой.

VIII.

28 сентября оба императора совершили свой торжественный въѣздъ въ Эрфуртъ. Городъ былъ переполненъ высочествами, царедворцами, военными. Короли, великіе герцоги, герцоги, князья Германіи официальной и Германіи ленной, протежируемой, зачисленной въ полки, пожалованной, падающей къ ногамъ. Производство новыхъ владѣтельныхъ дворянъ въ рамкахъ этой старой геральдической Европы со щитами, изъ которыхъ повыдерганы украшенія, съ потускнѣвшими цвѣтами и металлами на гербахъ, со львами падающими, проходящими, спящими и ползающими;—производство этихъ дворянъ даже самой несообразностью иностранныхъ именъ—Риволи, Ауэрштедскій, Вальми, Рагузскій—указываетъ на всемірную побѣду Республики и на всемірное господство французской имперіи: одни объясняютъ другимъ вѣчный антифонъ исторіи: какъ исчезаютъ династіи, и какъ онѣ снова начинаются [1]). Эти нѣмцы рукоплещутъ въ театрѣ ложамъ величествъ, паркету высочествъ, галлереѣ свѣтлостей, партеру превосходительствъ. Они поднимаютъ на банкетахъ свои стаканы. Въ сущности много народа, мало дѣла, и людей, которымъ, когда они нарушаютъ приказъ молчать, достаточно изумительной фразы Наполеона Максу-Іосифу [1]): «Молчать, король баварскій!» Это было бы еще ничего, если бы на тріумфѣ Наполеона не была такъ же представлена Германія интеллектуальная, которая въ этомъ униженномъ народѣ, въ этомъ порабощенномъ отечествѣ открывала тогда, такъ сказать, новый родникъ человѣческой мысли и человѣческой поэзіи. Величайшій геній Германіи и одинъ изъ самыхъ великихъ геніевъ человѣчества, Гете, явился туда съ выраженіемъ своего почтенія. Гете и широкіе уравновѣшенные умы, думавшіе подобно ему, считали, что Революція извращена своими виновниками, что она сужена, отлившись въ свою слишкомъ французскую форму; они смотрѣли на Наполеона какъ на завершителя Революціи въ томъ, что она имѣла разумнаго, справедливаго, европейскаго. Эти благоразумные люди воздали Кесарево Кесареви. Въ организованной силѣ они любовались проявленіемъ государственнаго генія человѣка. Они доказывали сами себѣ, какъ объясняютъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, историческую необходимость побѣды, примиряя покорность, которая была въ ихъ характерѣ, съ гордостью, которая была въ ихъ мысли. Гете фигурируетъ въ Эрфуртѣ лишь какъ *тайный совѣтникъ;* но тѣмъ не менѣе этотъ тайный совѣтникъ есть Гете. Фигура Гете доминируетъ въ собраніяхъ, возвышается надъ принцами, занимаетъ мѣсто возлѣ императора. Поэтъ по природѣ встрѣтилъ человѣка судьбы. Разсказываютъ, что во время римскаго завоеванія одинъ германецъ, «старикъ высокаго роста и наружности, которая говорила, что онъ занималъ важное положеніе въ своемъ народѣ», переѣхавъ черезъ Рейнъ въ небольшой лодкѣ, попросилъ позволенія посмотрѣть римскаго полководца. Онъ посмотрѣлъ на Тиберія и воскликнулъ, что ему кажется, что онъ видитъ божество, и что въ его жизни не было болѣе счастливаго дня [2]). «Его жизнь была жизнь полу-бога, который шелъ отъ битвы къ битвѣ, отъ побѣды къ побѣдѣ», сказалъ впослѣдствіи Гете о Наполеонѣ [3]).

[1]) См. т. I, стр. 36, обѣдъ изгнанниковъ-королей въ Вольтеровомъ «Кандидѣ».

[1]) *Mémoires de Moriolles*, p. 156.

[2]) Fustel de Coulanges. *l'Invasion germanique.*

[3]) Эккерманъ. *Разговоры съ Гете.* Гете, судя на разстояніи о великомъ человѣкѣ послѣ его паденія, остался въ этомъ отношеніи вѣрнымъ самому себѣ, какъ и тогда, когда онъ удивлялся ему въ Эрфуртѣ. «Я не ненавидѣлъ французовъ, хотя я благодарю Бога за то, что Онъ избавилъ насъ отъ нихъ. Какъ могъ я, для котораго варварство и цивилизація—важныя вещи, какъ могъ я ненавидѣть націю, одну изъ наиболѣе цивилизованныхъ націй въ мірѣ, которой я обязанъ столь значительной частью своего собственнаго раз-

«Прежде чѣмъ начать, я хочу, чтобы императоръ Александръ былъ ослѣпленъ зрѣлищемъ моего могущества!» говоритъ Наполеонъ Таллейрану. Солнце не ослѣпляетъ текущей воды, которая идетъ мимо, и на убѣгающихъ волнахъ которой оно отражается. Таковы славянскіе глаза. Таллейранъ *началъ* въ тотъ же вечеръ, какъ пріѣхалъ. Онъ получилъ пригласительную записку на чай отъ принцессы Турнъ и Таксисъ. Тамъ онъ встрѣтилъ императора Александра. Онъ находилъ его тамъ каждый вечеръ послѣ спектакля, стараясь не запугивать его, ведя самые легкіе разговоры, что служило самымъ вѣрнымъ средствомъ для перехода къ разговорамъ серьезнымъ въ тотъ день, когда Александръ почувствовалъ бы въ нихъ потребность и подалъ бы малѣйшій знакъ къ этому. Таллейранъ посѣщалъ также Венсена, котораго онъ зналъ уже давно и съ которымъ былъ въ очень довѣрчивыхъ отношеніяхъ въ Варшавѣ.

Два императора бесѣдовали съ глазу на глазъ, какъ этого желалъ Наполеонъ. Онъ успокоивалъ царя относительно Польши, не дѣлалъ никакихъ затрудненій относительно княжествъ. Они рѣшили отложить до другого времени «важный предметъ», раздѣлъ, и сдѣлать совмѣстную попытку въ Лондонѣ. Но, говоритъ Наполеонъ, никогда не укротятъ Англію, пока она будетъ надѣяться найти въ Вѣнѣ главную дѣйствующую силу пятой коалиціи. А между тѣмъ, вопреки заявленіямъ Меттерниха въ Парижѣ, Австрія отсрочиваетъ признаніе королей испанскаго и неаполитанскаго. Наполеонъ требуетъ отъ Александра совмѣстнаго дѣйствія въ Вѣнѣ, которое заставило бы Австрію объявить войну Англіи и открыто признать новыхъ королей. Онъ собственноручно написалъ часть проекта договора и передалъ Александру подъ величайшимъ секретомъ. Но русскіе повели дѣло такъ, чтобы австріецъ Венсенъ узналъ объ этомъ, и чтобы онъ предупредилъ Таллейрана. Таллейранъ съ этой поры держитъ себя настороже, и случай, котораго онъ поджидалъ, не замедлилъ представиться.

витія?. Національная ненависть—особенная ненависть...»—«Наполеонъ, вотъ это—человѣкъ... Въ молодости своей и пока могущество его возрастало, онъ пользовался этимъ непрерывнымъ внутреннимъ озареніемъ: тогда божественное покровительство, казалось, блюло его... Всегда ясный, всегда лучезарный, рѣшительный...» Писатель Кнебель, жившій въ Веймарѣ, одинъ изъ друзей и послѣдователей Гете, писалъ Гегелю 7 октября 1808 г., послѣ того, какъ видѣлъ Наполеона: «На лицѣ его запечатлѣна та смутная меланхолія, которая, по мнѣнію Аристотеля, составляетъ отличительный признакъ всѣхъ великихъ характеровъ, открываетъ не только мощный умъ, но и истинную доброту сердца... Короче сказать, великій человѣкъ приводитъ въ восторженное поклоненіе себѣ». Cherbuliez, *Profils étrangers.* — Lévy-Brühl, *l'Allemagne depuis Leibnitz.*

3 октября, послѣ спектакля у принцессы, Александръ казался менѣе оживленнымъ, чѣмъ обыкновенно: «Императоръ говорилъ съ вами эти дни? спросилъ онъ.—«Нѣтъ, государь». И Таллейранъ отважился произнести слѣдующія слова:—«Если бы я не увидѣлъ Венсена, я подумалъ бы, что эрфуртское свиданіе было только увеселительной прогулкой.—Что такое говоритъ Венсенъ?—Нѣчто очень разумное, государь, ибо онъ надѣется, что Вы, Ваше Величество, не позволите, чтобы Наполеонъ увлекъ Васъ принять угрожающія или, по крайней мѣрѣ, оскорбительныя мѣры по отношенію къ Австріи; и если Вы, Ваше Величество, позволите мнѣ сказать это, я желаю того же.—Я тоже желалъ бы; это очень трудно, потому что императоръ Наполеонъ, кажется мнѣ, настроенъ очень рѣшительно.—Но, государь, вы имѣете что возразить». И онъ намекаетъ на эти замѣчанія: они клонятся единственно къ тому, чтобы поставить Австрію внѣ договора о союзѣ между Россіей и Франціей, и чтобы вмѣсто того, чтобы устрашать императора Франца, успокоить его.

Разговоръ возобновился на слѣдующій день, Александръ позволялъ потихоньку толкать себя въ ту сторону, куда его клонило; Таллейранъ внесъ въ этотъ разговоръ немного патетическаго элемента, который не былъ свойственъ ему лично, но который не долженъ былъ не нравиться. «Государь, что Вамъ здѣсь дѣлать? Именно Вы должны спасти Европу, и Вы можете достигнуть этого лишь не уступая Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, его государь—нѣтъ; русскій государь цивилизованъ, его народъ—нѣтъ: стало быть русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа [1]). Рейнъ, Альпы, Пиренеи, это—завоеванія Франціи. Остальное есть завоеваніе императора; Франція не стоитъ за него». Остальное именно и представляло суть дѣла для Александра, потому что, взявъ это *остальное*, союзники были бы на Рейнѣ; они перешли бы его безнаказанно и, прорвавъ естественную границу, побѣдивъ Францію, обманувъ ее, дезорганизовавъ, развѣнчавъ, отбросили бы ее къ старымъ границамъ.

Александръ еще колебался. «Это Коленкуръ своимъ личнымъ вліяніемъ вызвалъ его рѣшеніе»: и это есть новое доказательство, говоритъ Меттернихъ, «безграничнаго вліянія, какое имѣлъ Таллейранъ на умъ Коленкура».—«Его поведеніе въ Эрфуртѣ, сообщаетъ Толстой, не можетъ оставлять никакого сомнѣнія относительно границъ его преданности вице-великому курфюрсту».

---

[1]) Ср. рѣчь г-жи де-Сталь, произнесенную передъ Александромъ: *Dix années d'exil*, 2-e partie, chap. XVII.—*Considérations*, t. II, p. 6, 32, 108,—Gautier, chap. XX.—Lettre à Alexandre, 8 juin 1815. *Revue de Paris*, 1 janvier 1897.

5 октября, Александръ, въ достаточной степени настроенный, чувствуя достаточную поддержку, имѣлъ продолжительную бесѣду съ Наполеономъ. «Я ничего не сдѣлалъ, разсказывалъ императоръ Таллейрану... Я подходилъ къ нему со всѣхъ сторонъ; но это—ограниченный умъ; я не подвинулся ни на шагъ.—Государь, я думаю, что Ваше Величество много сдѣлали съ тѣхъ поръ, какъ Вы здѣсь, потому что императоръ Александръ весь находится подъ дѣйствіемъ чаръ.—Онъ это показываетъ вамъ, онъ васъ обманываетъ. Если онъ такъ любитъ меня, почему же онъ не подписываетъ?» Наполеонъ судилъ вѣрно, и, тѣмъ не менѣе, онъ уступилъ: и онъ тоже былъ обманутъ, имѣя свои страсти и слабыя стороны, при помощи которыхъ Александръ держалъ его на удочкѣ. Это былъ бракъ. Въ театрѣ, во время представленія *Эдипа*, Александръ пожалъ руку Наполеона, когда декламировали слѣдующій стихъ:

L'amitié d'un grand homme et un bienfait de dieux!
(Дружба великаго человѣка есть благодѣяніе боговъ!).

И Наполеонъ могъ истолковать этотъ жестъ какъ ободреніе въ его желаніяхъ. Онъ рѣшился сдѣлать намекъ, когда они возвращались вмѣстѣ съ прогулки въ Веймаръ. Дружеское сообщеніе Александръ встрѣтилъ своей невыразимой и постоянной улыбкой, въ которой Наполеонъ прочиталъ согласіе. Тогда онъ поручилъ Таллейрану поставить яснѣе намеки. «Моя судьба настойчиво желаетъ этого, и спокойствіе Франціи требуетъ этого... Помните же, что не отъ моего имени нужно говорить ему, вы обращаетесь къ нему какъ французъ... Какъ французъ вы можете сказать ему все, что пожелаете. Іосифъ, Люсьенъ, вся моя семья представляютъ вамъ благодарную почву... Они не значатъ ничего для Франціи». Затѣмъ слѣдуетъ выходка, какія у него часто срывались съ языка, и которыя давали заглянуть въ сущность будущаго: «Даже мой сынъ—но это безполезно говорить—часто будетъ нуждаться быть моимъ сыномъ, чтобы спокойно наслѣдовать мнѣ».

Тогда для Таллейрана наступилъ часъ совершить свою измѣну. Онъ угождаетъ Александру съ такимъ искусствомъ, какъ никто на свѣтѣ не сдѣлалъ бы этого. «Сознаюсь, разсказываетъ онъ, изъ-за Европы я боялся еще одного союза между Франціей и Россіей. На мой взглядъ, нужно было достигнуть того, чтобы мысль о возможности этого союза была допущена въ достаточной степени, чтобы удовлетворить Наполеона, и того, чтобы она все таки, была обставлена, оговорками, которыя дѣлали бы союзъ труднымъ. Все искусство, которое я думалъ мнѣ понадобится для этого, оказалось ненужнымъ съ императоромъ Александромъ. Съ перваго слова онъ понялъ меня, и понялъ меня именно такъ, какъ я желалъ

быть понятымъ».—«Если бы дѣло шло только обо мнѣ, сказалъ онъ, я охотно далъ бы мое согласіе; но не оно одно должно быть достигнуто». И онъ говорилъ о своей матери: онъ попытается; онъ не отвѣчаетъ ни за что. Онъ хорошо зналъ, что императрица не согласится никогда; зналъ онъ также, что онъ нашелъ бы въ Парижѣ единомышленниковъ, которые работали бы, чтобы освободить его отъ этого кошмара. Таллейранъ еще разъ упредилъ его желанія.

Что касается Вепсена, то успокоенный, подготовленный Таллейраномъ, онъ получилъ аудіенцію у Александра. Онъ вышелъ отъ него «радостнымъ, какимъ только можно быть». Относительно всякаго намека на разоруженіе, котораго Наполеонъ требовалъ и по поводу котораго думалъ, что и Россія потребуетъ его, Александръ сказалъ ему: «Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣйствія, которыя предпринимаетъ какой нибудь иностранный государь».—«Австрія, прибавилъ онъ, не имѣетъ лучшаго друга чѣмъ я, и я считаю для себя обязательствомъ чести предохранить ее отъ всякаго вреда».

Александръ добивается уменьшенія прусскаго долга до 120 милліоновъ, вмѣсто 140, и нѣкоторыхъ отсрочекъ по платежамъ. Но Наполеонъ потребовалъ удаленія Штейна. Гольтцъ написалъ этому министру: «Оставьте, на время, вашъ постъ... Временно обреките себя на уединенную, по виду, жизнь, и вліяйте тайно съ мѣста вашего жительства... Наши дѣла идутъ дурно... Въ сущности, мы всѣмъ обязаны Россіи... Какого поведенія... держаться... если не этого—быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей, чтобы не быть поглощенными?..»

Когда императоры приняли рѣшенія, министры внесли ихъ въ статьи, которыя были подписаны 12 октября. Союзъ, направленный противъ Англіи, «общаго врага и врага континента», утвержденъ. Миръ съ Англіей будетъ заключенъ на *базѣ uti possidetis* въ вопросахъ, касающихся Франціи; на основаніи присоединенія Финляндіи, Молдавіи и Валахіи въ вопросахъ, касающихся Россіи. Наполеонъ отказывается отъ посредничества между Россіей и Портой. Онъ признаетъ Дунай границей Россіи. Признаются неприкосновенными остальныя части Турецкой имперіи, и какой бы то ни было вредъ можетъ быть ей нанесенъ или терпимъ не иначе какъ съ общаго согласія. Наполеонъ обѣщаетъ дѣйствовать заодно съ Россіей противъ Австріи, если Австрія будетъ поддерживать Порту, и Россія обѣщаетъ дѣйствовать заодно съ Франціей, если Австрія объявитъ ей войну. Конвенцію должны были держать въ тайнѣ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ. Рѣшили, что Румянцевъ отправится въ Парижъ, чтобы слѣдить тамъ за переговорами съ Англіей. Дѣйстви-

тельная цѣль его заключалась въ освобожденіи Россіи отъ блокады, въ освобожденіи ея отъ союза и въ пріобрѣтеніи для нея новыхъ выгодъ.

Въ тотъ же день два императора обратились къ англійскому королю съ открытымъ письмомъ, приглашая его къ миру. Александръ написалъ Францу: онъ ничего не предписывалъ, даже не совѣтовалъ; совсѣмъ наоборотъ: «Я испытываю большое удовольствіе при видѣ справедливости, какую Вы воздасте моимъ чувствамъ къ Вамъ; я прошу Васъ быть твердо убѣжденнымъ въ томъ участіи, какое я принимаю въ Вашемъ Величествѣ и въ *цѣлости* Вашей имперіи» [1]). Наполеонъ, недовольный Толстымъ, потребовалъ, чтобы онъ былъ замѣненъ другимъ. Александръ согласился на это и назначилъ Куракина, который былъ въ Вѣнѣ, гдѣ работалъ въ пользу сближенія Россіи и Австріи.

«Подписывали, закрывъ глаза, говоритъ одинъ свидѣтель, чтобы не заглядывать въ будущее». Императоры уѣхали 14 октября. Александръ опять проѣхалъ черезъ Кенигсбергъ и пригласилъ своихъ друзей прибыть въ Россію въ концѣ года. Таллейранъ возвратился, вступивъ въ обязательства съ Александромъ и ставши тайнымъ корреспондентомъ Россіи: этотъ *другъ* царя стоилъ, и въ сто разъ больше, таинственныхъ *друзей* Антрега, которые съ января 1806 года не писали ничего. Къ тому же царь предварительно и по императорски вознаградилъ его. Таллейранъ получилъ для своего племянника принцессу Доротею Курляндскую, несравненную герцогиню Дино, которая была красой его дома, восхищеніемъ его зрѣлыхъ лѣтъ, утѣхой его старости.

Для Наполеона онъ не увезъ изъ Эрфурта ничего, кромѣ позволенія снова завоевать въ Испаніи утраченное обаяніе и, какъ послѣдствіе этого, заставить Европу признать его поколебленное главенство. «Русскіе ненавидятъ васъ, говорилъ одинъ полякъ Даву; нѣмцы не любятъ васъ; фанатики испанцы возмущаются даже противъ благодѣяній, только одни поляки остаются и останутся съ вами и вслѣдствіе естественнаго тяготѣнія и по расчету» [2]).

Наполеонъ надѣялся нанести ударъ быстрый и глубокій. «Война могла бы быть покончена сразу, при помощи искуснаго маневра» [3]). Тогда при помощи быстраго поворота, болѣе смѣлаго и болѣе страшнаго, чѣмъ въ 1805 году, онъ обратился бы назадъ противъ Австріи и сразилъ бы ее этимъ страшнымъ ударомъ съ тыла. Пока что, онъ разоруживается и отодвигается назадъ. «Ваше Величество властны снять свои лагери и распустить свои войска по ихъ квартирамъ», писалъ онъ своимъ рейн-

[1]) 12 octobre 1808. Beer.
[2]) Davout à Napoléon, 22 septembre 1808. *Corr.*, t. II.
[3]) A Joseph, 13 octobre 1808.

скимъ союзникамъ. «Мое намѣреніе незамѣтно вывести войска на лѣвый берегъ Эльбы. Нечего бояться за Польшу. Я въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Россіей; я ничего не опасаюсь со стороны австрійцевъ, но, какъ бы ни стояло дѣло, я хочу все болѣе и болѣе сосредоточить свои войска» [1]).

По своемъ возвращеніи въ Парижъ, Таллейранъ подтверждаетъ Меттерниху то, что онъ говорилъ Венсену, то, что Венсенъ услышалъ изъ устъ самого Александра. Онъ прибавляетъ: «Со времени аустерлицкой битвы отношенія Александра къ Австріи не были болѣе благосклонны, только отъ васъ и отъ вашего посланника въ Петербургѣ будетъ зависѣть завязать съ Россіей такія же интимныя отношенія, какія существовали до этой эпохи. Только это соединеніе можетъ дать Европѣ независимость. Коленкуръ, совершенно преданный моей политической точкѣ зрѣнія, получилъ наставленія, чтобы содѣйствовать всѣмъ шагамъ, какіе будетъ дѣлать князь Шварценбергъ... Выгоды самой Франціи требуютъ, чтобы державы, могущія противиться Наполеону, объединились съ цѣлью противопоставить преграду его ненасытному честолюбію. Дѣло Наполеона уже не есть дѣло Франціи, наконецъ, Европа можетъ быть спасена не иначе какъ путемъ самаго интимнаго соединенія Австріи и Россіи» [2]).

Успокоенная, такимъ образомъ, Австрія продолжаетъ приготовляться къ тому случаю, который можетъ представить Испанія. Возобновляется переписка съ Лондономъ. Графъ Эрнестъ Гарденбергъ, кузенъ прусскаго министра, состоявшій ганноверскимъ представителемъ въ Вѣнѣ, слѣдитъ за дѣломъ съ Мюнстеромъ, состоящимъ въ Лондонѣ министромъ *in partibus* того же короля Георга, представлявшимъ интересы того же Ганновера. «Въ твердомъ убѣжденіи, въ какомъ находится вѣнскій дворъ, пишетъ Эрнестъ Гарденбергъ 11 октября, что война неизбѣжна, и, быть можетъ, въ предумышленномъ намѣреніи ухватиться за первый предлогъ и воспользоваться благопріятными обстоятельствами момента, чтобы начать эту войну, Австрія ищетъ сближенія съ Англіей и ея помощи...» Стадіонъ говоритъ ему это буквально: «Онъ хотѣлъ бы еще отдалить этотъ срокъ до весны»; но онъ уже считаетъ себя подготовленнымъ: 300,000 человѣкъ дѣйствительной арміи, 60,000 резервовъ, 20,000 венгерскаго подкрѣпленія. Стадіонъ предлагаетъ возобновить сдѣлку 1805 года относительно субсидій: полтора милліона фунтовъ для вступленія въ кампанію и четыре милліона ежегодно; Австрія желала бы начать съ 400,000 человѣкъ. Кромѣ того, Стадіонъ разсчитываетъ на 200,000 человѣкъ милиціи. «Въ октябрѣ я имѣлъ, черезъ герцога Портланда, первое извѣ-

[1]) A Jérôme, etc., 12 octobre; à Davout, 25 octobre 1808.
[2]) Metternich, mémoire du 4 décembre 1808. Beer.

стіе о намѣреніи Австріи вступить въ войну съ Франціей», отмѣчаетъ Мальмсбюри въ своемъ *Дневникѣ* [1]).

Въ Пруссіи патріоты держатъ себя насторожѣ, ружье къ ногѣ. «Составилось, писалъ Эрнестъ Гарденбергъ, общество изъ нѣсколькихъ лицъ, самыхъ выдающихся и самыхъ видныхъ... которыя раздѣлили между собою различныя провинціи, чтобы руководить тамъ всѣми дѣйствіями....» Ихъ цѣль «избавиться отъ ига и платежей».—«Государь зналъ и одобрилъ планъ цѣликомъ»; но изъ благоразумія онъ велъ дѣло такъ, что, казалось, не зналъ о немъ. Англичане были предупреждены. Такимъ образомъ, въ Лондонѣ начинаются секретные переговоры, между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ королевскій адъютантъ, которому было поручено устроеніе Силезіи, графъ Гетценъ, таинственно сносится съ австрійскимъ генераломъ Бубной [2]). «Общество, пишетъ Гарденбергъ 26 ноября, утѣшаетъ себя надеждой, что, не медля съ исполненіемъ своихъ агрессивныхъ плановъ противъ оставшихся въ Германіи французскихъ войскъ, оно сдѣлаетъ диверсію тѣмъ болѣе полезную для общаго дѣла и для дѣлъ испанскихъ, что она, быть можетъ, заставитъ Австрію сейчасъ же принять участіе въ войнѣ... Прусскій король, теперь менѣе стѣсненный, благодаря эвакуаціи его страны, рѣшился самъ стать впереди во время выполненія этихъ плановъ...» Планъ австрійцевъ состоялъ съ одной стороны въ томъ, чтобы завладѣть Баваріей, съ другой стороны въ томъ, чтобы атаковать Даву въ Саксоніи и затѣмъ, согласовавъ свои операціи съ дѣйствіями герцога Брауншвейгскаго и ландграфа Гессенскаго, увлечь народы Сѣверной Германіи. «Нужно, писалъ Штейнъ 27 октября Гетцену, продолжать поддерживать духъ публики, приготовлять все внутри, закупая оружіе, формируя переодѣтыхъ военныхъ, чтобы во время австрійской войны можно было успѣть разбить оковы». Былъ стиль и духъ Гильзита: они исчезли въ политическомъ романѣ. Послѣ этого насталъ стиль и духъ Эрфурта въ полномъ смыслѣ слова реальности: это—коалиція.

ГЛАВА V.

Испанская война. 1808—1809.

I.

Наполеонъ вступилъ въ Парижъ 19 октября. Онъ нашелъ тамъ тревогу, причины которой ему хотѣлось оставить неизслѣдованными. Онъ

[1]) Эрнестъ Гарденбергъ держалъ уже нити сношеній съ Берлиномъ. См. стр. 242 Correspondence avec Münster. Hassel.—Malmesbury, *Journal*.

[2]) Correspondence de Goetzen. Hassel.

замѣтилъ угрожающіе признаки, съ которыми ему хотѣлось не считаться. Онъ призывалъ 80,000 рекрутъ за 1806 и 1807 годы, и наборъ не подвигался. «На 747 рекрутъ департамента Объ дезертировало 485» [1]). Вездѣ и на всѣ вопросы даются одни и тѣ же отвѣты: подчиненіе Испаніи возстановитъ всѣ дѣла. Оно воротитъ преданность французамъ и снова дисциплинируетъ ихъ; оно разоружитъ австрійцевъ; оно рѣшитъ конфликтъ съ церковью; оно обезпечитъ блокаду и, такимъ образомъ, обезпечитъ капитуляцію Англіи; Россія снова сдѣлается просительницей, Европа снова станетъ послушной, и французскій миръ, миръ Великой Имперіи, снова будетъ царствовать въ мірѣ. Такъ съ 1792 года, со времени конца революціи, счастье людей и наступленіе справедливости постоянно откладываются назавтра за *днемъ*, долженствующимъ разрѣшить всѣ столкновенія. А этотъ *день* открываетъ лишь новое препятствіе: взять еще одну баррикаду, овладѣть еще одной Бастиліей, которая будетъ послѣдней. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, съ 1794 по 1808 годъ, надѣялись на конецъ войны: всегда остается одна цитадель, которую нужно взять приступомъ, одна страна, которую слѣдуетъ завоевать, одна граница, которую нужно защитить. Франція, чтобы пополнить, обезпечить, упрочить завоеваніе границъ, должна была воевать безъ конца. Выходя за края, она занимала Европу въ иллюзіи, что всякое новое завоеваніе укрѣпляло прежнія; что, заложивъ такой широкій фундаментъ, остается вывести верхъ, который надавливалъ бы на всю постройку. Теперь нужно перемѣнить иллюзію: столбы уходятъ въ землю и исчезаютъ, стѣны даютъ трещины, срубы скрипятъ; если поставить верхъ, онъ раздавитъ строеніе и ускоритъ паденіе; принуждены снова приняться даже за нижнія части строенія до контрфорсовъ включительно.

Великая армія поворачивалась фронтомъ къ Испаніи, проходя Францію подъ тріумфальными арками, среди пѣсенъ и празднествъ. Эта армія, увеличивавшая болѣе чѣмъ на 200,000 человѣкъ французскія силы, вступила въ Испанію подъ командой императора съ большей частью его самыхъ знаменитыхъ помощниковъ [2]): съ Ланномъ, Сультомъ, Бесьеромъ, Неемъ, Лефевромъ, Монсеемъ, Викторомъ. Еще ничто не противостояло имъ. Однако это не волнуетъ испанцевъ, и чѣмъ больше оказывается численный перевѣсъ на сторонѣ французовъ, тѣмъ больше проявляется у испанцевъ похвальба, самонадѣянность, вѣра, фанатизмъ. Роли перемѣнились съ 1792 года. Великая армія наводняетъ Испанію, какъ армія

[1]) A Clarke, 28 octobre.—Rapport de Brockhausen, 31 octobre 1808. Hassel.

[2]) Наполеонъ пробылъ въ Байоннѣ со 2-го до 4 ноября 1808 г., а 4-го вечеромъ прибылъ въ Витторію.

Фридриха Великаго, все еще знаменитая и имѣвшая репутацію непреодолимой, наводняла Шампань. Но это не то, что съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, въ 1792 году, когда французы рисковали какимъ нибудь Вальми; это—возбужденный терроръ, своего рода монашескій 93-й годъ, неистовствомъ превосходящій 93-й годъ якобинцевъ. Со своими мѣстными юнтами, съ возставшими коммунами, представляющими сразу инквизицію и революціонные трибуналы, Испанія въ нѣсколько недѣль была усѣяна вольными отрядами, гверильясами, палачами. Испанцы безъ артиллеріи, имѣя вмѣсто генераловъ предводителей шаекъ, къ страстному желанію независимости присоединяютъ ревность расы, ужасъ передъ святотатствомъ; монахи проповѣдуютъ убійство солдатъ Наполеона, нечестивыхъ и республиканцевъ, съ такою же горячностью, съ какою они проповѣдывали избіеніе солдатъ Людовика XIV, христіаннѣйшаго короля и старшаго сына Церкви [1]): это—иностранецъ, и, если онъ утверждаетъ, что онъ вѣруетъ въ того же Бога, онъ лжетъ и богохульствуетъ. Національная война принимаетъ характеръ аутодафе, національнаго культа. Испанскіе патріоты, не менѣе чѣмъ французскіе патріоты 1793 года, ни на мигъ не сомнѣваются въ своей окончательной побѣдѣ: Испанія напьется крови своего завоевателя, проглотитъ его обозы и его пушки, она отдастъ на съѣденіе коршунамъ мясо своихъ враговъ, которыхъ она повѣситъ, съ которыхъ сниметъ кожу. Они надѣются даже вторгнуться во Францію, туда внести свою ужасную месть, тамъ совершить великое очищеніе при помощи человѣческихъ жертвъ. Они неохотно принимаютъ помощь англичанъ, потому что эти союзники стѣснительны и подозрительны шайкамъ Палафокса и Кастаньоса, какъ недавно они были подозрительны и стѣснительны отрядамъ Шаретта.

5 ноября Наполеонъ былъ въ Витторіи: все, что могъ, онъ уничтожилъ или разсѣялъ, но какая польза отъ побѣды надъ врагомъ, который не подчиняется? Все смущаетъ его въ его побѣдѣ. Онъ подвигается впередъ, но онъ не чувствуетъ себя побѣдителемъ: непріятель окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Банды вновь формируются, слѣдуя за нимъ по пятамъ. Всякій домишко дѣлается крѣпостью. Нужно тратить силы на приступы, на смертоносныя осады, ослабляющія и безполезныя, вѣдь нельзя же осаждать и бомбардировать всѣ лачуги Испаніи. Нужно занимать всѣ тропинки, ставить посты на всѣхъ перекресткахъ, эскортировать всѣхъ курьеровъ, прикрывать всѣ обозы. Побѣдоносная, но разбрасывающаяся, чтобы охранять свои завоеванія, и «распоряжающаяся только той землей, которую топчутъ ноги ея солдатъ», французская армія истощается безъ конца; геній императора расходуется въ этой войнѣ внѣ стратегіи: таковъ вѣтеръ, дующій по сухой почвѣ, вздымающій передъ собой песокъ, скользящій по скаламъ, не встрѣчающій ни лѣса, въ которомъ онъ шумѣлъ бы, ни воды, на которой онъ поднималъ бы волны. Солдаты жалѣютъ о германскихъ стоянкахъ; императоръ напрасно ищетъ хорошихъ генераловъ въ духѣ нѣмцевъ, генераловъ гофъ-кригсрата, дающихъ битву, которую онъ всегда выигрываетъ, на дорогѣ къ столицѣ, которая всегда остается открытой. Онъ собрался убить быка рѣшительнымъ ударомъ, а ему приходится идти по гнѣздамъ ехиднъ, которыя убѣгаютъ, кусая людей въ ноги. Онъ видитъ, что истребляютъ по частямъ его огромную армію, изнуренную, тревожимую, безсильную. Это возстаніе цѣлаго народа дѣйствуетъ какъ лихорадка, которая гложетъ, разрушаетъ человѣка за человѣкомъ, этапъ за этапомъ, вдоль всѣхъ тропинокъ, въ госпиталяхъ всѣхъ городовъ, болѣе смертоносная и разрушительная, чѣмъ пушки: ни воды, ни крова, ни сна.

Къ этому возстанію Испаніи съ ея почвой, климатомъ, жителями прибавьте вялое сопротивленіе самого короля, возведеніе котораго на тронъ есть цѣль этой войны. Наполеонъ встрѣтилъ Іосифа въ Витторіи, и сразу они перестали понимать другъ друга. Іосифъ является какъ равный, хотя и странствующій король, Іаковъ II въ лагерѣ Людовика XIV. Но Наполеонъ смотритъ на него иначе. Война снова поставила все подъ вопросомъ; все, въ томъ числѣ декреты, присягу и договоры въ Байоннѣ. Наполеонъ былъ принужденъ снова завоевывать Испанію, Испанія будетъ его завоеваніемъ. Онъ можетъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, и Іосифъ, котораго онъ ведетъ съ собою въ числѣ эскорта, есть не болѣе какъ претендентъ; даже менѣе, одинъ изъ кандидатовъ въ свиту, одинъ изъ фигурантовъ кортежа. «Я нашелъ его дурнымъ, говорилъ Наполеонъ. Онъ хочетъ быть военнымъ, онъ сталъ совсѣмъ какъ король!» [1]). Къ тому же онъ хочетъ быть королемъ на испанскій образецъ, reynetto, особенно по отношенію къ Франціи. Наполеонъ рѣшилъ это совсѣмъ обратно: «Нужно, чтобы Испанія была французскою. Именно для Франціи я завоевалъ Испанію... Я французъ по всѣмъ моимъ привязанностямъ, какъ я французъ по долгу... Я имѣю въ виду только славу и силу Франціи... Мы не намѣрены повторить исторію Филиппа V...» И какъ разъ потому, что онъ хочетъ Испаніи французской, Испанія напрягается въ его тискахъ, сопротивляется, устраиваетъ заговоры, убиваетъ, желая оставаться испанской съ такимъ же фанатизмомъ, какъ революціонная

[2]) Saint-Simon, t. XIV, p. 430.

[1]) Conversation avec Roederer.

Франція съ энтузіазмомъ желала оставаться французской. Итакъ, Наполеонъ напрасно надѣется подчинить Испанію тѣмъ, что возродитъ ее.

Испанцы не желаютъ ни подчиняться иностранцу, ни позволить, чтобы ихъ возрожденіе совершилось благодаря завоеванію. Наполеонъ судитъ о нихъ по французски: онъ думаетъ овладѣть ими, отдѣляя дѣло народа отъ дѣла Бурбоновъ, дворянства и поповъ. Онъ отмѣняетъ господское право, декретируетъ равенство и единство суда, сокращаетъ число монастырей, упраздняетъ провинціальныя таможни. «Все это, что противилось вашему благосостоянію и вашему величію, я уничтожилъ; оковы, давившія народъ, я разбилъ; даю вамъ либеральную конституцію, вмѣсто абсолютной монархіи—монархію умѣренную и конституціонную»[1]). Испанцы такъ же принимаютъ эти реформы, какъ за двадцать лѣтъ передъ этимъ бельгійцы приняли реформы Іосифа II и его просвѣщеннаго правительства. Наполеонъ конфискуетъ, заключаетъ въ тюрьму, разитъ для примѣра прочимъ десять главныхъ виновниковъ измѣны. Остальнымъ полное прощеніе. Но амнистія такъ же мало привлекаетъ испанцевъ, какъ месть мало пугаетъ ихъ. Испанія возмущается противъ лѣкарствъ этого страшнаго врача, по мѣрѣ того какъ онъ все больше упорствуетъ спасти ее отъ болѣзней, отъ которыхъ она не хочетъ выздоровѣть или, по крайней мѣрѣ, не хочетъ вылѣчиться у него. Тогда онъ грозитъ. «Если всѣ мои усилія безполезны, и если вы не отвѣчаете на мое довѣріе, то мнѣ ничего больше не остается какъ обращаться съ вами какъ съ завоеванной провинціей и моего брата поставить на другой тронъ. Тогда я возложу на себя корону Испаніи». Правду говоря, это вовсе не то, что онъ думаетъ въ этотъ моментъ; но онъ хочетъ дать почувствовать Іосифу, что онъ коронуетъ его второй разъ; онъ хочетъ держать его въ зависимости и показать испанцамъ, что царствованіе его брата есть награда за ихъ подчиненіе. «Я былъ бы принужденъ управлять Испаніей, поставивъ въ ней столько вице-королей, сколько есть въ ней провинцій. Впрочемъ, я не отказываюсь уступить завоеванныя мною права королю»... Условіемъ этого онъ ставитъ присягу жителей Мадрида, присягу «не только на словахъ, но и въ сердцѣ». Пусть священники въ исповѣдальняхъ, коммерсанты въ своихъ конторахъ, законники на своей службѣ, пусть они наставляютъ народъ. «Тогда я откажусь отъ моего права завоевателя, я поставлю на тронъ короля» [2]).

Іосифъ протестуетъ противъ роли такого театральнаго лица, короля, отрѣшеннаго отъ мѣста, *права* котораго зависятъ сразу отъ добраго желанія его подданныхъ повиноваться ему и отъ того, выгодно ли его брату опять посадить его на какое нибудь мѣсто. «Государь, краска стыда заливаетъ мое лицо передъ моими мнимыми подданными. Я покорно прошу Ваше Величество принять мое отреченіе отъ всѣхъ правъ, данныхъ мнѣ Вами на испанскій тронъ. Я всегда предпочту честь и достоинство власти, купленной такою дорогою цѣною... Я опять становлюсь Вашимъ подданнымъ» [1]). Но ни Наполеонъ не желалъ взять Испанію въ управленіе, ни Іосифъ не желалъ отказаться отъ правленія испанцами. Имъ было достаточно, тому и другому, провозгласить свои права и потребовать ихъ себѣ: Наполеону—право завоеванія, Іосифу—право королевскаго достоинства; королевское достоинство, которое неприкосновенно; завоеваніе, которое шагъ за шагомъ отмѣняетъ и создаетъ всѣ права. «Страхъ показать, оставляя тронъ, больше слабости чѣмъ твердости духа, говоритъ одинъ другъ Іосифа [2]); желаніе не подвергать опасности участь небольшого числа испанцевъ, которые были преданы ему, наконецъ, быть можетъ, этотъ титулъ короля, отъ котораго трудно отказаться тому, кто носилъ его», дѣйствовали на Іосифа, и онъ держался своихъ «королевскихъ» правъ въ Мадридѣ, какъ въ Парижѣ онъ держался «своихъ республиканскихъ принциповъ». Два брата объяснились, и тотъ и другой еще разъ обманули себя той иллюзіей, что Іосифъ рожденъ для царствованія. Наполеонъ нуждался въ Іосифѣ, Іосифъ желалъ короны: тогда онъ согласился получить новую инвеституру; онъ подчинился, и Наполеонъ даровалъ ему всѣ почести, какихъ онъ пожелалъ. «Величество, говорилъ этотъ государь-философъ, чтобы блестѣть въ Испаніи всѣмъ своимъ блескомъ, должно быть вполнѣ испанскимъ... Кастильская гордость не можетъ согласиться на зависимость отъ императора; испанцы не такіе люди, чтобы терпѣть зависимость...» Вотъ и готовъ католическій король, съ орденомъ, съ дворомъ, съ раздавателями милостыни, съ грандами и съ Журданомъ, маршаломъ Франціи, солдатомъ революціи, побѣдителемъ подъ Флерюсомъ, фрондирующимъ имперію, республиканскимъ генераломъ въ золоченныхъ доспѣхахъ, какъ его государь остается гражданиномъ на тронѣ. Впрочемъ арміи никакой. Это армія Наполеона должна выигрывать битвы, поддерживать тронъ, а Наполеонъ не даетъ распоряжаться этой арміей ни Іосифу ни Журдану.

Среди заботъ, какія доставляетъ ему эта «непонятная» Испанія, которая не позволяетъ ни сковать себя, ни прельстить, съ конца Европы приходятъ тревожныя извѣстія. Пруссія, предоставленная самой себѣ,

[1]) Décrets de Madrid, 4 décembre, proclamation, 7 décembre 1808.
[2]) Allocution du 9 décembre. 1807.

[1]) A Napoléon, 8 décembre 1808. Ducasse.
[2]) Miot, t. II, chap. II.

хотя истекающая кровью и изувѣченная, приходитъ въ волненіе. Если бы Наполеонъ не презиралъ ея до такой степени, онъ заподозрилъ бы, что тамъ подготовляется вторая Испанія, и что растетъ болѣзнь, которая разстроитъ Великую Имперію [1]). Впрочемъ, и того, что онъ видитъ, достаточно, чтобы встревожить его. Вооружаются, волнуютъ народъ; образуется тайное общество, плохо опредѣленное, еще мало извѣстное, но съ самаго начала объявленное опаснымъ, *Союзъ добродѣтели—Tugendbund*. Оно имѣетъ своихъ довѣренныхъ вездѣ, въ университетахъ, въ томъ, что уцѣлѣло отъ арміи, среди встерановъ, среди мелкопомѣстнаго дворянства, среди буйной городской молодежи. «Штейнъ продолжаетъ оставаться на мѣстѣ. Должно быть, его поддерживаютъ иностранныя державы», пишетъ Даву, и онъ намекаетъ на имя Александра [2]). Сенъ-Марсанъ, родомъ савояръ, находящійся на службѣ у Франціи, одинъ изъ довѣренныхъ Таллейрана, посолъ въ Берлинѣ, очень извѣстный въ городскомъ «обществѣ», со своей стороны доноситъ на Штейна какъ на опаснаго революціонера; какъ на своего рода Мирабо, въ 1790 году, по перепискѣ одного сардинскаго агента. «Голова сумасшедшаго, гнѣздо ехидны», сказалъ ему одинъ прусакъ, генералъ Іоркъ, ультра-патріотъ на свой ладъ, проклинающій французовъ, но признающій только государственныя хитрости, измѣну по формѣ, все для государства, ничего для народа [3]). Наполеонъ, такъ сказать, стрѣляетъ наугадъ и 16 декабря изъ Мадрида подвергаетъ Штейна опалѣ. «Пусть этого господина выдадутъ какъ измѣнника и находящагося на службѣ у англичанъ... Если наши войска схватятъ Штейна, онъ будетъ разстрѣлянъ...» [4]).

А между тѣмъ Джонъ Муръ и его армія, идя изъ Португаліи, подвинулись до Саламанки. Въ этой войнѣ Наполеонъ считаетъ серьезнымъ противникомъ только англичанъ. Испанцевъ онъ ставитъ ни во что, считаетъ ихъ, какъ *феллаховъ*, *арабовъ*, въ лучшемъ случаѣ годными для того, чтобы держаться за прикрытіемъ домовъ. Когда англичане будутъ отброшены, Испанія покорится. И онъ разсчитываетъ отбросить англичанъ. «Я выгоню ихъ съ полуострова» [5]). Онъ считаетъ, что передъ нимъ хорошій случай, чтобы окружить ихъ и уничтожить. Онъ остаетъ Мадридъ 22 декабря и опять начинаетъ кампанію. Но нужно пройти черезъ горы: онъ находитъ тамъ холодъ, снѣгъ, ледъ. Затѣмъ вдругъ температура поднимается, оттепель, потоки выходятъ изъ береговъ, грязь послѣ гололедицы, падающіе погрязаютъ въ тинѣ. «Мы находились въ нѣсколькихъ шагахъ сзади императора, который шелъ пѣшкомъ, какъ мы... Солдаты совсѣмъ громко выражали самыя пагубныя намѣренія относительно личности императора, побуждая другъ друга выстрѣлить въ него изъ ружья и обвиняя себя въ трусости, что не дѣлаютъ этого. Онъ слышалъ все это такъ же хорошо, какъ и мы».—«Одинъ гвардейскій стрѣлокъ, здоровенный мужчина, говоритъ своимъ товарищамъ: «Я смѣлый человѣкъ, вы меня видѣли въ огнѣ! Я не хочу дезертировать; но это уже слишкомъ для меня». И онъ застрѣлился [1]). Сносный ночлегъ, хорошая порція вина и пищи, походъ впередъ, понятный имъ маневръ, отброшенные англичане, и они опять его, и тѣ самые, которые громко грозили смертью, привѣтствуютъ императора.

Это похоже на грозовыя тучи, которыя уходятъ, но предвѣщаютъ бурю! Во время своего похода, надѣясь отбросить англичанъ на побережье, Наполеонъ мечталъ о громадныхъ комбинаціяхъ, чтобы укротить ихъ правительство, или, вѣрнѣе, онъ убаюкиваетъ себя все тою же мечтою о громадныхъ морскихъ комбинаціяхъ: 75 кораблей, съ 32,000 человѣкъ, будутъ готовы въ Тулонѣ, подъ командою Гантома, выйти въ море 1 марта 1809 года. Будутъ устроены три лагеря, въ Булони, Брестѣ, въ Тулонѣ, которые наведутъ «ужасъ на Англію, потому что они будутъ грозить всѣмъ ея колоніямъ». 30,000 человѣкъ въ Булони, 30,000 во Флейссингенѣ, 30,000 въ Брестѣ, 30,000 въ Тулонѣ. Одна экспедиція отправилась бы въ Индію или Ямайку; другая въ Средиземное море, къ Египту или Сиріи... [2]). Но съ этимъ планомъ произошло то же самое, что и съ планомъ 1805 года: Джонъ Муръ ускользаетъ, а Австрія вооружается до послѣдней возможности. «Австрія становится съ каждымъ днемъ все глупѣе и глупѣе, и я убѣжденъ, что будетъ невозможно причинить вредъ Англіи, не заставивъ разоружиться эту державу» [3]). Какъ въ 1805 году, Австрія нарушитъ теченіе судьбы, и, чтобы Наполеонъ обезоружилъ ее, она заставитъ сначала разоружиться его самого и по отношенію къ англичанамъ и по отношенію къ испанцамъ, пріостановить войну съ Испаніей, подобно тому, какъ онъ снялъ булонскій ла-

[1]) «Эта раковая опухоль—Испанія». *Mémorial. Oeuvres*, t. XXXII, p. 276.

[2]) Davout, 23 novembre; comparez les lettres de Hardenberg de Vienne, 26 novembre 1808.

[3]) Cavaignac, t. I, chap. XVI.

[4]) A Champagny.—Note à la Prusse et aux confédéres du Rhin.— Champagny à Saint-Marsan, à Berlin; à Clérembault, à Koenigsberg, 26 décembre 1808. Stern.

[5]) Allocution du 9 décembre 1808. Bulletins, *Moniteur*, décembre 1808.

[1]) Gonneville.

[2]) Projet de lettre à Alexandre, 14 janvier; décret de Valladolid, 10 janvier; à Caulencourt, 6 février, 23 février; à Frédéric-Auguste de Saxe, 21 février 1809.

[3]) A Caulencourt, 6 février 1809, Albert Vandal.

герь; но на этотъ разъ безъ великой арміи, съ тѣхъ поръ такъ растянувшейся, что она должна разорваться, разбившись на части между Эльбой и Эбро.

II.

Меттернихъ велъ свою двойную игру въ Парижѣ, получая дружескія сообщенія отъ Таллейрана и Фуше, слѣдя за ихъ уловками, изслѣдуя стѣны, которыя, казалось ему, колеблются, беря чутьемъ, что будетъ обвалъ. Когда онъ убѣдился въ отчужденіи первѣйшихъ людей, въ ихъ убѣжденіи въ томъ, что Австрія, которой угрожаетъ Наполеонъ, необходима для спасенія Франціи; что, слѣдовательно, ничего не было бы легче, какъ взвалить отвѣтственность за войну на одного императора и еще больше лишить его популярности, онъ отправился въ Вѣну [1]). Тамъ онъ находитъ Стадіона рѣшившимся на войну. Онъ укрѣпилъ его въ его планѣ всею силою впечатлѣній, привезенныхъ имъ изъ Парижа. Онъ составилъ двѣ записки, помѣченныя 4 декабря, чтобы склонить императора. «Средства Франціи противъ насъ сократились на половину; средства, которыми мы можемъ располагать, въ случаѣ нападенія съ ея стороны, удвоились... Война противъ Испаніи открываетъ намъ большой секретъ, а именно, что Наполеонъ имѣетъ только одну армію. *Его великая армія*... Онъ можетъ теперь воевать противъ насъ съ 206,000 человѣкъ, изъ которыхъ 107,000 французовъ, и 59.000 человѣкъ войскъ Рейнскаго союза и другихъ союзниковъ... Силы Австріи, настолько низшія французскихъ до испанскаго возстанія, по меньшей мѣрѣ, будутъ равны имъ, въ первый періодъ борьбы...» Испанская война поглощаетъ императорскую гвардію. Въ Испаніи «честь, національное чувство, религія, интересъ денежный и коммерческій, всѣ эти могущественныя побудительныя причины объединили десять милліоновъ людей благородныхъ, смѣлыхъ, умѣренныхъ, выносливыхъ...» Во Франціи набираютъ рекрутъ не иначе какъ до срока, новобранцы 1810 года имѣютъ по семнадцати лѣтъ. «Это уже не нація ведетъ войну; настоящая война есть *война Наполеона*, это даже уже не война его арміи». Наконецъ, кажется, что представляются союзники внутри имперіи, «которые могутъ изображать націю, которые требуютъ нашей поддержки...»

---

[1]) Гентцъ пишетъ въ своемъ «Дневникѣ» въ 1809 г.: «Въ поведеніи графа Меттерниха въ Парижѣ несомнѣнно есть некрасивые и скользкіе отдѣльные поступки». Они всегда были: здѣсь начинается его игра, продолжается до 1813 г., и наконецъ онъ выигрываетъ партію. Instructions à Metternich, 23 décembre 1808.

Стадіонъ заключаетъ, что войну нужно сдѣлать народной, національной, какъ въ Испаніи, при помощи воззванія къ добровольцамъ, къ вольнымъ отрядамъ въ сѣверной Германіи, въ Тиролѣ, въ Италіи. Это была война, какую проповѣдывалъ Малле-дю-Панъ отъ 1793 по 1799-й годъ [1]): онъ умеръ слишкомъ рано. Европа поняла, наконецъ, причину «неслыханныхъ побѣдъ» французовъ и отдала себѣ отчетъ, что для побѣды надъ французами нужно было выдвигать противъ нихъ ихъ же средства: наступленіе, увлеченіе народовъ. Тогда были набросаны планы войны; Меттернихъ возвратился въ Парижъ, чтобы позаботиться о внутреннихъ союзникахъ. Его инструкціи предписывали ему выяснить намѣренія Таллейрана и намѣренія той «партіи», въ которой онъ считался за главу. Они высказывались «съ большой увѣренностью относительно поддержки, ждущей ту партію, которая заявила бы себя во Франціи противъ системы дѣйствій Наполеона». Если бы Таллейранъ позволилъ заглянуть въ свои планы «относительно одного будущаго наслѣдованія», то Меттернихъ увѣрилъ бы его, что Австрія, «вѣрная принципу не вмѣшиваться во внутреннія дѣла, могла бы только поддерживать дѣло возстановленія общаго спокойствія». Увѣрять въ желаніи мира, но, такъ какъ война становится неминуемой, повести дѣло такъ, чтобы «сдѣлать Наполеона зачинщикомъ; положеніе для него трудное въ то время, когда онъ совсѣмъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе. *Если война не входитъ въ его расчеты, то она должна существеннымъ образомъ войти въ наши*».

Стадіонъ снова пустился въ поиски за союзниками внѣшними. Возобновилась переписка съ Викторомъ-Эммануиломъ. Старались ослѣпить его видѣніемъ «грозной европейской лиги», которая возвратила бы ему его государство, даже позаботилась бы о большихъ приращеніяхъ для него въ Италіи. Его побуждали обратиться съ призывомъ къ народамъ Италіи; пробудить въ нихъ чувства свободы, національности. На Вессенберга была возложена аналогичная миссія въ Пруссіи: онъ возвѣститъ въ Германіи новое евангеліе: возстаніе народовъ, чтобы защищать свою независимость, свободу Германіи, свободу Европы!

Штейнъ зналъ, что онъ обреченъ на погибель. Онъ считался главой *Tugendbund'a* [2]). Онъ поспѣшилъ со своими мѣрами: 9 октября вышелъ указъ объ отмѣнѣ крѣпостного состоянія; 19 ноября указъ о городскомъ управленіи. 24 ноября, упреждая декретъ Наполеона, онъ подалъ въ отставку и подписалъ знаменитый циркуляръ, который сдѣлался его по-

---

[1]) Ср. т. IV, стр. 4.

[2]) О «Тугендбундѣ» и участіи, которое принималъ въ немъ Штейнъ, см. Stern. Fournier, *Skizzen*, p. 325.

литическимъ завѣщаніемъ и возвѣщалъ великія реформы: созданіе народнаго представительства, выкупъ барщины, уничтоженіе суда помѣщиковъ, все, что должно было быть въ Пруссіи ревлюціею, и сверхъ всего этого взывалъ къ душѣ, образованію, къ восторженности народа; къ серьезности и преданности государству у администраторовъ; къ отождествленію всякаго гражданина съ общественнымъ дѣломъ; взывалъ къ чувству долга вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ, къ чувству любви къ Богу, къ королю, къ отечеству! Онъ оставилъ Пруссію 5 декабря. Въ тотъ же день были эвакуированы прусскія владѣнія, за исключеніемъ трехъ крѣпостей, удержанныхъ Наполеономъ. Пруссія вздохнула и для того именно, чтобы возстать. Наступали времена, когда одинъ изъ прусскихъ министровъ писалъ королевѣ: «Если король будетъ еще дольше медлить дать рѣшеніе, согласное съ желаніемъ общества, которое громко высказывается за войну противъ Франціи, то неизбѣжно вспыхнетъ революція». Но король, подъ вліяніемъ угрозъ Даву, мало довѣряя Австріи, отложилъ всякое рѣшеніе вопроса на время послѣ свиданія, которое предстояло ему съ Александромъ. 27 декабря, онъ, въ обществѣ королевы, отправился въ Петербургъ.

Меттернихъ, по возвращеніи въ Парижъ 1 января, нашелъ тамъ Румянцева болѣе миролюбивнымъ, чѣмъ когда бы то ни было, съ его оффиціальнымъ языкомъ: зная, что за человѣкъ Наполеонъ, «не нужно давать ему никакого повода для недовольства и этимъ ограничивать всѣ свои политическія заботы». Меттернихъ выслушалъ и понялъ Румянцева, какъ слѣдовало понять его. Особенно онъ старался наблюдать парижское общество, міръ сановниковъ. Онъ увидѣлъ, что всѣ заинтересованные находятся въ тревогѣ; боятся, надѣются, безпокоятся». Мѣсяцемъ раньше жалѣли Австрію: «Одни относились къ ней съ высокомѣріемъ, другіе съ состраданіемъ. Высокомѣріе уступило мѣсто тревогѣ, состраданіе надеждѣ». Испанскія бюллетени становятся зловѣщими. «Таллейранъ, пишетъ Меттернихъ, согласенъ, что не нужно дозволять, чтобы Наполеонъ упредилъ насъ, если онъ рѣшился воевать съ нами». Меттернихъ же думаетъ, что онъ рѣшился; онъ заключаетъ: «Всякая демонстрація съ его стороны должна послужить поводомъ для самыхъ категорическихъ объясненій... Такимъ образомъ, инціативу воинственныхъ мѣръ мы уступаемъ Франціи» [1]).

Онъ находитъ, что вездѣ назрѣваетъ измѣна, что вездѣ начинаются заговоры: вокругъ Фуше, въ салонахъ примирившихся, среди уцѣлѣвшихъ конституціоналистовъ, въ посольствѣ у русскаго союзника, въ сенатѣ,

[1]) Rapports des 20 janvier et 1-er février 1809. Beer.

въ законодательномъ корпусѣ, среди духовенства. Таллейранъ постепенно снимаетъ съ себя маску. Онъ сильно порицаетъ поведеніе, какого держался Наполеонъ въ Байоннѣ: вездѣ повторяютъ его слова, которыя онъ, какъ онъ это утверждаетъ, сказалъ будто бы въ глаза императору: «Плутовство въ игрѣ!» И предупреждая возраженія Наполеона, онъ перебираетъ: «Пусть бы желали изгнать домъ Бурбоновъ; нѣтъ ничего проще, быть можетъ, нѣтъ ничего болѣе настоятельно нужнаго, чтобы упрочить Наполеоновскую династію; но къ чему столько хитрости, лукавства, вѣроломства? Испанія съ радостью пошла бы подъ скипетръ дома, который съ такой славой замѣщалъ тотъ домъ, который далъ Испаніи Филиппа V...» Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ въ салонѣ, гдѣ ведется тайная оппозиція, и гдѣ выставляются на показъ рабскія чувства, у госпожи Ремюза, въ присутствіи сановниковъ, царедворцевъ, агентовъ императора. Потомъ онъ усердно расточаетъ лесть передъ государемъ, котораго онъ злословитъ: онъ поздравляетъ его съ его побѣдами, со скорымъ успѣхомъ его плановъ въ Испаніи, которые онъ осуждаетъ, и онъ доноситъ ему о дурномъ духѣ законодательнаго корпуса [1]).

Именно къ этому времени относится его болѣе открытое сближеніе съ Фуше. Бывшій священникъ Готеривской конгрегаціи ораторіанцевъ, умъ взбалмошный въ свое время, охотно витавшій въ облакахъ, болѣе склонный къ интригамъ, чѣмъ опытный въ нихъ, пользовавшійся довѣріемъ Таллейрана и дружескимъ расположеніемъ Фуше, служилъ имъ посредникомъ. Они встрѣчались за обѣдомъ у госпожи Ремюза, у княгини Водемонъ; наконецъ, разъ вечеромъ Фуше появился у Таллейрана и подъ руку [2]) расхаживалъ съ нимъ по заламъ. И только и было шума, что объ этомъ сближеніи. И тотъ и другой были очень видными политиками, которые много дѣлаютъ, но которымъ всегда приписываютъ еще больше: все подразумѣваемое въ исторіи восходитъ своимъ началомъ къ этимъ классическимъ мастерамъ «дней» и заговоровъ. «Я вижу Таллейрана и его друга Фуше все такими же, писалъ Меттернихъ 17 января, они твердо рѣшили воспользоваться случаемъ, если этотъ случай представится, но они недостаточно смѣлы, чтобы вызвать его.. Они напоминаютъ путешественниковъ, которые, видя румпель въ рукахъ экстравагантнаго кормчаго... готовы овладѣть рулемъ... въ моментъ, когда первый толчокъ корабля опрокинетъ самого кормчаго» [3]).

[1]) A Napoléon, 8 décembre 1808. Bertrand.—Pasquier, t. I, p. 352, note.

[2]) Такимъ образомъ они войдутъ къ Людовику XVIII въ Сентъ-Уэнѣ, въ 1815 г.

[3]) Rapport du 11 janvier 1809. Beer.

Возникалъ вопросъ, о чемъ могли они говорить, такъ выставляя на видъ свое дружеское довѣріе; и такъ какъ оба они болтали со своими довѣренными людьми, то едва ли ошибались, думая, что они разсуждали о той гипотезѣ, о которой разсуждалъ весь Парижъ, всякій разъ, когда императоръ бывалъ на войнѣ: что произошло бы, если бы онъ былъ убитъ? Испанія была готова на всѣ средства убійства; между прочимъ говорили объ отравленіи [1]). Какъ во время Маренго, они искали *замѣстителя*, такого, который обезпечилъ бы пріобрѣтенное положеніе и пожалованные надѣлы. Теперь нуженъ король, но король изъ ихъ рукъ, замѣшанный, какъ и они, во всѣ «дѣла», до Брюмера и Венсена включительно. Они думали о Мюратѣ, считая его готовымъ все взять, годнымъ для всякаго дѣла, королемъ «съ капитуляціями», каковы были польскіе короли, котораго легко скомпрометировать и отъ котораго легко отдѣлаться, когда онъ сдѣлается стѣснительнымъ. «Фуше, разсказываетъ Паскье, всегда былъ въ очень интимныхъ отношеніяхъ съ Мюратомъ и считалъ себя способнымъ вертѣть имъ. Таллейранъ считалъ, что свергнуть его еще легче, чѣмъ поставить, и во всякомъ случаѣ былъ совершенно увѣренъ, что присутствіе Мюрата не долго стѣсняло бы его. Что касается госпожи Мюратъ, то она имѣла такое безмѣрное честолюбіе, что можно было заставить ее принять, что угодно. Не колебались извѣстить новаго неаполитанскаго короля, что онъ долженъ быть готовымъ прибыть по первому знаку». Но Савари держалъ себя настороже. Ла-Валеттъ наблюдалъ за почтамтомъ. Принцъ Евгеній приказалъ, говорятъ, арестовать въ Италіи одного курьера и перехватилъ корреспонденцію. Мать Наполеона была предупреждена и предупредила своего сына.

III.

Вотъ что узналъ Наполеонъ, или что онъ подозрѣвалъ, не подозрѣвая все же фальшивой игры Александра и разсчитывая по прежнему на Эрфуртскія обязательства. Въ Асторгѣ, 6 января онъ получилъ извѣстія, подтверждающія свѣдѣнія о вооруженіяхъ Австріи и объ открытіи смѣлаго замысла противъ него. Онъ сейчасъ же позаботился принять мѣры предосторожности противъ австрійцевъ [2]); но онъ все еще надѣялся разоружить ихъ, принудить ихъ къ своего рода ульмской капитуляціи, капитуляціи всей имперіи. 7 января, изъ Валладолида, онъ приказываетъ Коленкуру: «Скажите императору, что я имѣю 150,000 человѣкъ, чтобы выставить противъ Австріи, не считая неаполитанской

[1]) Lettre du roi de Prusse à Brockhausen, 3 décembre 1808. Hassel.

[2]) A Champagny, 8, 9 janvier 1809. Lecestre.

арміи; что я имѣю 150,000 человѣкъ на Рейнѣ и, кромѣ того 100,000 человѣкъ войскъ Рейнскаго союза; словомъ, что по первому сигналу я могу вступить въ Австрію съ 400,000 человѣкъ...»—«Австрійскій императоръ при малѣйшемъ враждебномъ движеніи скоро перестанетъ царствовать» [1]). Вотъ пугало, которымъ должна дѣйствовать Россія. «Я желаю, чтобы мы приняли, наконецъ, должный тонъ по отношенію къ Австріи. Я предлагалъ это въ Эрфуртѣ. Въ противномъ случаѣ мы ничего не могли бы рѣшить серьезно въ турецкихъ дѣлахъ». «Миръ съ Англіей будетъ невозможенъ, пока будетъ хоть самая незначительная вѣроятность возбужденія раздоровъ на континентѣ... Я предупреждаю, что война неизбѣжна, если Вы, Ваше Величество, и я не будемъ говорить съ Австріей языкомъ твердымъ и рѣшительнымъ...» — «Австрія станетъ передъ нами на колѣни, если мы сообща сдѣлаемъ твердый шагъ... Разоруженіе Австріи вотъ главное...»—«Если это невозможно, то нужно принудить ее силою: это—путь къ миру...» [2]).

Онъ не желаетъ, чтобы въ Петербургѣ и Вѣнѣ думали, что его удерживаютъ испанскія дѣла. Онъ объявляетъ декретомъ, что Испанія перестала сопротивляться, что дѣла тамъ окончены, что Іосифъ царствуетъ въ мирѣ: «Англичане бѣгутъ въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ».—«Испанскія дѣла больше не достойны моего вниманія послѣ того, какъ англичане возвратились на свои корабли...»—«Испанскія дѣла кончены...»—«Я готовъ двинуться на Австрію» [3]).

16 января онъ принимаетъ въ Валладолидѣ депутаціи, которыя привозятъ ему присягу, принесенную въ Мадридѣ 23 декабря при торжественной обстановкѣ, богослужебной и гражданской. Онъ составляетъ актъ и возвѣщаетъ о скоромъ прибытіи Іосифа въ Мадридъ. Онъ уступаетъ ему командованіе французской арміей. Онъ пишетъ ему: «У меня достаточно войска, чтобы, и не трогая моей испанской арміи, идти на Вѣну черезъ мѣсяцъ... Впрочемъ одно мое присутствіе въ Парижѣ повергнетъ Австрію въ прежнее ничтожество, и тогда я возвращусь раньше конца октября». Вѣдь онъ хорошо знаетъ, что онъ все оставляетъ нерѣшеннымъ, и что ничто не окончится безъ него. Потомъ онъ прибавляетъ: «Каково бы ни было число испанцевъ, нужно идти на нихъ прямо и съ твердой рѣшительностью. Они не въ состояніи удержаться. Не нужно ни

[1]) A Jérôme, 16 janvier 1809.

[2]) Projet de lettre à Alexandre envoyé, à titre d'instruction, à Caulaincourt. 14 janvier 1809. Vandal.

[3]) A Caulaincourt, 7, 14 janvier; à Champagny, 8 janvier; à Joseph. 9 janvier; à Champagny, 14 janvier 1809.

хитрить съ ними, ни маневрировать, а нужно преслѣдовать ихъ...» [1]). Однако онъ повернулся къ нимъ спиной, показавъ страшнымъ авторитетомъ своего примѣра, что его собственныя инструкціи были неисполнимы и для него самого и для его гвардіи. 16 января онъ отправляется въ Парижъ, «спѣша во всю конскую прыть, и днемъ и ночью». Вотъ онъ начинаетъ спускаться отъ кульминаціоннаго пункта своей карьеры. Наступило время, когда онъ долженъ будетъ отвѣтить самому себѣ, какъ двѣнадцать лѣтъ раньше онъ отвѣтилъ Директоріи: «То, что вы желаете, чтобы я сдѣлалъ, это—чудеса, и я не могу ихъ совершить» [2]).

22 января Іосифъ вступаетъ опять въ Мадридъ, король безъ правительства, безъ подданныхъ, находящійся подъ опекой дипломатовъ, подъ наблюденіемъ совѣтниковъ. На его пути инертный народъ, вокругъ него обезкураженные чиновники; его охрана—непослушные маршалы, повинующіеся только императору, который уже не командуетъ ими, и теперь каждый изъ нихъ заботится о своей пользѣ, о своемъ соперничествѣ, о своихъ интересахъ, бережетъ себя, не щадя другихъ. Солдатъ сбивается съ толку. «Самое ужасное, пишетъ Бюжо, такъ это мысль о томъ, что наши труды и наша кровь не послужатъ на пользу нашего отечества». Іосифъ пишетъ Наполеону: «Безъ капиталовъ, безъ контрибуціи, безъ денегъ, что могу я дѣлать?.. Если я долженъ быть оскорбляемъ въ моей столицѣ, если командиры, постоянно находящіеся передъ моими глазами, заставляютъ меня краснѣть въ присутствіи испанцевъ и лишаютъ меня средствъ приносить пользу... передо мною нѣтъ двухъ путей: я—испанскій король только силою Вашего оружія; я могъ бы сдѣлаться имъ при помощи любви испанцевъ; но для этого нужно, чтобы я правилъ по своему... Я буду королемъ, какимъ долженъ быть братъ и другъ Вашего Величества, или же я возвращусь въ Мортефонтенъ...» [3]). Отсюда слѣдуетъ выводъ: пусть Наполеонъ доставляетъ ему средства царствовать и пусть предоставитъ ему царствовать по своей волѣ. Онъ будетъ дѣлать жесты, а Наполеонъ будетъ выражать ихъ въ актахъ; Наполеонъ будетъ собирать деньги, Іосифъ будетъ расходовать ихъ; въ противномъ случаѣ онъ подаетъ въ отставку, и Наполеонъ проигрываетъ передъ лицомъ всей Европы, осужденный этимъ отреченіемъ короля, котораго онъ самъ поставилъ, короля совсѣмъ новаго!

Пріѣхавъ въ Парижъ 23 января, Наполеонъ находитъ тамъ только раздражающія новости. Личные враги вездѣ устраиваютъ заговоры противъ него, раздувая огонь: роялисты въ Вандеѣ, Поццо въ Вѣнѣ,

[1]) A Joseph, 16 janvier 1809.
[2]) A Talleyrand, 7 octobre 1797.—См. т.. V, ст. 212.
[3]) A Napoléon, 19 fevrier 1809.

Штейнъ въ Германіи, а въ Парижѣ Таллейранъ и Фуше. Онъ чувствуетъ измѣну, угадываетъ тайныя связи между Парижемъ и Вѣной, между Парижемъ и Неаполемъ. Онъ тщится принять жестокія мѣры противъ Мюрата. Однако, это уже второй разъ его зять суется въ его политику. Но онъ имѣетъ безконечное снисхожденіе къ своимъ сестрамъ. Онъ закрываетъ глаза и уши. Онъ предоставляетъ Мюратовъ ихъ алчности и Іосифа его іереміадамъ. Весь его гнѣвъ обрушивается на Таллейрана: несмотря на принятыя заботы, чтобы скомпрометировать его при помощи совѣтовъ, которыхъ онъ напоказъ требовалъ отъ него, при помощи нотъ, которыя онъ заказывалъ ему составлять, при помощи писемъ, которыя онъ писалъ ему, освѣдомляя его обо всемъ, довѣряя ему, почти какъ соучастнику; несмотря на визитъ въ Нантъ и на гостепріимство въ Валансэ, Таллейранъ ускользаетъ, обѣляетъ себя; больше того, онъ дерзаетъ обвинять!

28 января Наполеонъ принимаетъ его въ обществѣ Камбасереса и Декре. Онъ обращается къ нему съ язвительными словами; упрекаетъ его за его отпирательство отъ испанской экспедиціи, упрекаетъ его за Пресбургскій миръ: «Позорный трактатъ, продажное дѣло!» Онъ изливаетъ гнѣвъ свой въ самыхъ яростныхъ выраженіяхъ: «Вы воръ, подлецъ, человѣкъ безъ чести; вы въ Бога не вѣруете!» Таллейранъ въ продолженіе получаса времени невозмутимо выносилъ этотъ потокъ оскорбленій. Спустя два дня онъ былъ замѣненъ другимъ въ своей должности обергкамергера [1]). Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ не пошелъ дальше этого: ни Венсенна, ни даже ссылки въ Валансэ. Таковъ его темпераментъ: его гнѣвъ расточался на бурныя слова, на театральную вспышку. Онъ воспользовался гнѣвомъ противъ Таллейрана, какъ онъ пользовался имъ противъ короля прусскаго, испанскаго, противъ папы, какъ онъ хотѣлъ воспользоваться имъ противъ Австріи: смутить его, сразить, «превратить его въ ничтожество». Онъ ошибался: «Я сдѣлалъ грубую ошибку, говорилъ онъ послѣ; доведя его до той степени недовольства, въ которой онъ оказался, я долженъ былъ заточить его, или всегда держать его около себя. Онъ долженъ былъ пытаться отомстить за себя. Со своею гибкостью ума онъ не могъ не видѣть, что скоро выступятъ на сцену Бурбоны, что только они одни могли обезпечить ему его месть». Таллейранъ отдѣлывался терпѣніемъ и растилъ свою злобу, «все наблюдая, стараясь все знать, пытаясь, не очень компрометируя себя, увеличивать затрудненія и держа себя въ готовности, чтобы нанести послѣдніе удары». Чувствовалось презрѣніе въ пощадѣ, оказанной Наполео-

[1]) Rapport de Metternich, 2 février 1809.—Pasquier, Méneval.

© ГПИБ

номъ; въ ней обнаруживался излишекъ довѣрія Наполеона къ самому себѣ, а еще больше какой-то странный запасъ снисходительности по отношенію къ тѣмъ, которые въ началѣ послужили его счастью и содѣйствовали возведенію его на тронъ. Впрочемъ, Таллейранъ еще могъ бы быть полезнымъ. Наполеонъ держалъ его въ своемъ распоряженіи. Таллейранъ ничуть не былъ благодарнымъ ему за это. Онъ продолжалъ свои совѣты австрійцамъ и русскимъ.

Что касается Фуше, то расправу съ нимъ Наполеонъ отложилъ на другое время. Ему неудобно было нанести одинъ за другимъ два громкихъ удара, направленныхъ противъ двухъ самыхъ видныхъ своихъ слугъ, и, такимъ образомъ, показать Европѣ, что въ имперіи—измѣна. Общественное мнѣніе могло бы взволноваться; Фуше казался бы задѣтымъ рикошетомъ; это дало бы поводъ связать опалу Фуше съ опалой Таллейрана и устроить заговоръ, заявивъ о немъ во всеуслышаніе. Наконецъ, было бы неблагоразумно мѣнять министра полиціи передъ самымъ началомъ кампаніи. Императоръ оставилъ за собою право отставить Фуше, когда исчезнетъ основаніе опасаться его. Онъ разилъ недостаточно сильно и недостаточно быстро, и въ этомъ онъ скоро убѣдился.

Онъ открылъ противъ Австріи войну общественнаго мнѣнія, «кампанію прессы»; онъ присоединяетъ къ ней войну кредита: деньги, которыя дали бы въ займы Австріи, не будутъ уплачены; объ этомъ заявлено капиталистамъ Голландіи и Рейнскаго союза [1]). Онъ продолжалъ надѣяться, что Австрія при видѣ «французскихъ и русскихъ войскъ, готовыхъ нахлынуть на ея территорію, разоружится», и что онъ могъ бы повернуться противъ Испаніи, сдѣлать блокаду болѣе тѣсной; снова приступить къ великимъ планамъ противъ Англіи [2]). Онъ это внушаетъ Румянцеву, который оставляетъ Парижъ, Куракину, который пріѣзжаетъ туда и представляетъ свои вѣрительныя грамоты, 23 января. Онъ пишетъ Коленкуру [3]): «Чтобы выступить въ походъ съ Россіей, я позволилъ Австріи повысить тонъ. Пора положить этому конецъ. Нашъ союзъ становится презрительнымъ въ глазахъ Европы... Послѣдствія, которыя мы терпимъ въ Константинополѣ, такъ же позорны, какъ и вредны для нашихъ народовъ [4]). Нужно, чтобы Австрія отозвала своего интернунція изъ Константинополя и прекратила эту скандальную торговлю, которую

[1]) Rapport de Metternich, 25 janvier; à Champagny, 21 février; à Louis, 21 février 1809.

[2]) A Frédéric-Auguste, roi de Saxe, 21 février; à Caulaincourt 6 février 1809.

[3]) 23 février 1809. Lecestre.

[4]) Намекъ на новую дворцовую революцію, которая произошла въ пользу анти-французской партіи. Driault, chap. IX, p. 358.

она поддерживаетъ съ Англіей... На этихъ условіяхъ я ничего лучшаго и не желаю какъ гарантировать цѣлость Австріи противъ Россіи, и пусть Россія гарантируетъ ее противъ меня. Но, если эти средства безполезны, тогда надо выступить противъ нея, разоружить ее, или раздѣлить ее на три государства, поставивъ во главѣ ихъ по принцу изъ этого дома, или оставить ее неприкосновенной, но такъ, чтобы она не могла набирать войска больше 100,000 человѣкъ, и, поставивъ ее въ такое положеніе, заставить ее дѣйствовать съ нами совмѣстно противъ Порты и противъ Англіи».

Меттернихъ, прислушиваясь къ тому, что внушалъ ему Таллейранъ, раскрылъ эту игру: «Наполеонъ разсчитываетъ, что производимый имъ въ Европѣ шумъ испугаетъ насъ, и что мы присмиримъ» безъ сопротивленія; или же онъ не въ состояніи сдѣлать это, и тогда онъ желаетъ, безпокоя насъ, лишить насъ благопріятнаго момента; онъ считаетъ насъ неспособными дѣйствовать моральными средствами—обратиться къ народамъ. Но онъ не знаетъ настроенія умовъ въ Германіи и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя тамъ могутъ вызвать несчастное для него начало кампаніи; онъ не разбирался въ настроеніи умовъ во Франціи: на его попытки выставить Австрію въ смѣхотворномъ положеніи ему отвѣчаютъ слѣдующею простою мыслью: какъ держава, столь истощенная, можетъ до такой степени безпокоить столь могущественнаго властителя? Наконецъ. волнуя насъ, онъ желаетъ толкнуть насъ на мѣры, которыя онъ истолкуетъ какъ враждебныя, и которыя принудятъ Россію выполнить обязательства, которыя она приняла на себя противъ насъ [1]).

IV.

Александръ все больше и больше склоняется къ тому, чтобы отдѣлаться отъ этихъ обязательствъ. Онъ извлекъ изъ союза непосредственныя выгоды, которыхъ ожидалъ отъ него: онъ держалъ Финляндію, онъ собирался въ скоромъ времени занять княжества. Съ тѣхъ поръ Россіи было выгодно уйти въ себя, свести на ничто блокаду, Тильзитскій трактатъ, сохранить Австрію и Пруссію; и, дѣлая это, царь могъ бы отдаться реформамъ въ своей имперіи, заняться своимъ народомъ, постараться, привязывая его къ себѣ благодѣяніями, искать величія, которое стоило бы величія военнаго, искать такимъ образомъ той дѣйствительной силы, которая въ свое время позволила бы ему сказать въ Европѣ рѣшительное слово. Его министръ, Сперанскій, бывшій тогда въ большомъ фаворѣ, поддерживалъ его въ его намѣреніяхъ, которыя наружно и для тогдаш-

[1]) Rapports des 1-er, 2, 9, 17, 23 février 1809.

няго времени легко согласовались съ показнымъ союзомъ съ Франціей, съ офиціальнымъ удивленіемъ передъ Наполеономъ и съ подражаніемъ если не пріемамъ его, то, по крайней мырѣ, его правительственному методу. Всѣ эти соображенія требовали мира.

Александръ увѣщевалъ къ этому пруссаковъ, которые прибыли въ Петербургъ 7 января и оставалися тамъ до 21-го. Это былъ рядъ блестящихъ празднествъ, которыя отъ времени до времени прерывались ради короткаго отдыха въ видѣ интимныхъ встрѣчъ [1]). Къ этому присоединялись свидѣтельства дружбы, даже нѣжности со стороны императрицъ: публично выказывались любовь, уваженіе, и притомъ безъ примѣси малѣйшаго диссонанса жалости или покровительства. Такъ много было употреблено блеска въ парадныхъ почестяхъ, и столько было выказано интимной деликатности, что они могли приподнять и утѣшить этихъ несчастныхъ государей.

Это не вызвало въ Коленкурѣ ни малѣйшаго подозрѣнія: развѣ прусскій король, какъ и царь, не былъ союзникомъ императора? Вся эта предупредительность объяснялась мнимыми любовными отношеніями между Александромъ и королевой, этой бабьей сплетней, которая находила вѣру во всякомъ европейскомъ «обществѣ». Въ честь этой государыни Коленкуръ далъ балъ: «Великолѣпный, изящный, сообщала она; милый хозяинъ, безконечно вѣжливый, всякаго рода вниманіе».—«Король и я, сказалъ Александръ Коленкуру, мы говорили о политикѣ только два раза». Это Александръ сдѣлалъ, чтобы посовѣтовать покориться Франціи, Фридрихъ-Вильгельмъ обѣщалъ это. Царь и его друзья разстались со слезами на глазахъ: чувства привязанности возобновились; воспоминанія о Тильзитѣ изгладились, Потсдамскія воспоминанія подновились. Все было условлено, чтобы незамѣтнымъ образомъ перейти отъ общаго союза съ Наполеономъ къ общему союзу противъ него.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ отъѣзда Коленкуръ принялъ курьера изъ Валладолида отъ 14 января [2]), требовавшаго энергичнаго дѣйствія противъ Австріи. Александръ не могъ отказаться отъ попытки сдѣлать «кое-что». «Нота, писалъ онъ Румянцеву 10 февраля, составленная наилучшимъ образомъ, съ самыми сильными доказательствами, наиболѣе успокоительная для Австріи—богатая успокаивающими завѣреніями...», подъ угрозой отозвать посланника... «Совершенно входитъ въ наши интересы воспрепятствовать разрыву между Франціей и Австріей... Если нападетъ Австрія, то по даннымъ нами обязательствамъ мы должны объ-

[1]) Journal de la reine de Prusse. Bailleu.
[2]) См. выше, стр. 280.

явить ей войну. Если же это сдѣлаетъ Франція, тогда мы не обязаны ни къ чему, но наше положеніе остается почти такимъ же затруднительнымъ, и паденіе Австріи будетъ истиннымъ несчастьемъ, въ которомъ мы не можемъ не раскаяться». Это проходъ, черезъ который трудно переправиться. Тутъ нужны искусные люди, «которые обладаютъ всѣмъ нашимъ довѣріемъ къ нимъ и оправдываютъ его, какъ вы и князь Беневентскій» [1]).

Францъ II отправилъ въ Петербургъ князя Шварценберга, человѣка военнаго и дипломата, который занималъ важное положеніе при дворѣ, въ государствѣ и въ арміи, и который годился для этихъ сложныхъ миссій: человѣкъ, устроившій измѣну австрійцевъ въ 1812 году, заключившій перемиріе въ 1813 году, главнокомандующій во время нашествія въ 1814 году. Такъ сближаются люди будущей коалиціи въ то время, когда, какъ кажется, нити завязываются въ узелъ. Александръ принялъ Шварценберга 12 февраля. Онъ удивляется, сказалъ онъ, видя, что Австрія бросается въ эту неравную борьбу, тогда какъ она упустила случаи, гораздо болѣе благопріятные [2]). Онъ тщательно взвѣсилъ свои обязанности, онъ ихъ исполнитъ и присоединитъ свои войска къ французскимъ, если Австрія нападетъ первая. Наполеонъ и его армія, прибавилъ онъ, непобѣдимы; нужно выжидать случая, ничего не нужно ускорять: пробьетъ часъ благопріятный для мести. Если Австрія нападетъ, все пропало. Онъ показывалъ склонность къ тройной гарантіи: изъ Россіи, Австріи, Франціи. Императрица-мать совѣтовала австрійцамъ вести дѣло смѣло: «Походъ, задуманный спокойно и благоразумно, но выполненный быстро и самымъ энергичнымъ образомъ во всѣхъ деталяхъ, скоро произвелъ бы здѣсь самое благопріятное дѣйствіе» [3]).

Дѣло стояло только затѣмъ, чтобы осмѣлиться и чтобы быть побѣдителемъ: пусть только они хоть немного соблюдутъ тутъ форму, и имъ позволятъ осмѣлиться; пусть только они хоть немного побѣдятъ, имъ помогутъ довершить побѣду. Чтобы осмѣлиться, Австріи нужны были союзники и деньги. Союзниковъ она разсчитывала найти въ Пруссіи. «Общественное мнѣніе, а особенно въ арміи, всецѣло стоитъ за войну, писалъ австрійскій посланникъ Вессенбергъ [4]). Бѣдность и нужда таковы, что съ нетерпѣніемъ ждутъ часа мести. Но здѣсь еще царитъ опасеніе, что Австрія не начнетъ на самомъ дѣлѣ враждебныхъ дѣйствій. Эта неувѣ-

[1]) Albert Vandal, t. II, p. 39.
[2]) Намекъ на 1807 г. во время битвы при Эйлау. См. выше, стр. 111, 115.
[3]) Rapports de Scharzenberg. Beer.
[4]) Rapports de Wessenberg arrivé à Koenigsberg le 28 février 1809. Arneth.

ренность и неувѣренность въ намѣреніяхъ короля приводитъ ихъ въ состояніе, близкое къ отчаянію». Это, писалъ Сенъ-Марсанъ [1]), среди военныхъ и среди мелкаго дворянства «такое же головокружительное настроеніе, какое царствовало въ 1806 году...»

Денегъ Австрія ищетъ въ томъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ ихъ можно найти, въ Лондонѣ. Это составляетъ предметъ миссіи графа Валльмодена. Для вѣнскаго кабинета здѣсь представляется случай опредѣлить съ точностью свои виды на будущій миръ: реорганизовать Австрію, вернуть ей составъ и силу, которыми она владѣла до Пресбургскаго трактата, упразднить систему германскихъ государствъ, платящихъ дань Наполеону, т. е. упразднить Рейнскій союзъ; возстановить короля испанскаго, короля неаполитанскаго, папу, короля сардинскаго, курфюрста гессенскаго, герцога Брауншвейгскаго, наконецъ, возстановить прусское государство: «Всякая страна, провинція или территорія должна быть возвращена своему прежнему владѣтелю, и ни у кого изъ нихъ не отнимутъ прежнихъ владѣній». Съ Баваріею и Вюртембергомъ сначала будутъ обращаться какъ съ врагами; имъ дадутъ понять, что возстановленіе ихъ прежнихъ владѣній зависитъ отъ того, какъ они будутъ держать себя на войнѣ [2]).

Наполеонъ вооружался, но съ большими трудностями, чѣмъ онъ предполагалъ это. Наборъ подвигался плохо. Пришлось принуждать молодежь изъ прежняго дворянства, чтобы дѣлать изъ нихъ офицеровъ, вопреки ихъ волѣ. Это уже мѣра 1813 года. Ихъ берутъ даже въ лицеяхъ [3]). На бумагѣ армія кажется еще грозной; но это — армія новая, почти импровизованная; цѣлые полки составлены изъ новобранцевъ; на контингентъ 1809 года приходится 80,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 10,000 въ гвардію! Громадный наличный составъ, производящій иллюзію въ его письмахъ къ государямъ Рейнскаго союза, въ угрожающихъ рѣчахъ по адресу Австріи, достигнутъ благодаря иностранцамъ, итальянцамъ, батавцамъ, нѣмцамъ, безъ увлеченія, безъ патріотическихъ качествъ, съ отвращеніемъ служащихъ чужому дѣлу, тяготящихся повиноваться. Среди этихъ заботъ 19 февраля Наполеонъ получаетъ письмо отъ Іосифа [4]). Іосифъ отказывается царствовать, если онъ не царствуетъ самъ собою и для самого себя. Наполеонъ призываетъ Редерера, которому немного раньше онъ позволилъ отправиться въ Испанію, и читаетъ ему урокъ въ одномъ изъ тѣхъ грозныхъ монологовъ, съ какими онъ обращался къ посланникамъ, когда онъ, казалось, раздиралъ тучи и металъ молніи [1]). «Іосифъ хочетъ, чтобы его любили испанцы... Любовь королей, это—не нѣжности кормилицы... Любовь народовъ есть не что иное какъ уваженіе... Онъ хочетъ отправиться въ Мортефонтенъ. Но что такое Мортефонтенъ? Это—цѣна крови, которую я пролилъ въ Италіи... Онъ хочетъ подражать Таллейрану?.. Ему ли писать мнѣ языкомъ, какимъ говорятъ англичане... И пусть онъ не думаетъ, что онъ доберется до Мортефонтена; я арестую его на границѣ и отправлю въ какую нибудь крѣпостцу... У меня нѣтъ родственниковъ, если въ нихъ нѣтъ французской души... Если нужно, я усыновлю какого нибудь генерала, чтобы послать его въ Испанію... Я сдѣлаю себѣ семью за недостаткомъ моей собственной... Я умру очень молодымъ, если я не буду имѣть родного кровнаго сына, или если я не усыновлю кого нибудь. Я усыновлю ребенка, какого нибудь генерала, Бернадотта. Усыновилъ же я Мюрата. Ничто не остановитъ моей судьбы...»

Шампаньи начинаетъ классическій споръ съ Меттернихомъ по поводу вооруженій. Онъ посылаетъ въ Петербургъ дѣловые документы [2]). Но это служитъ лишь для проволочки времени, чтобы дать время арміи сосредоточиться, чтобы русскимъ дать время придти. «Я не считаю австрійцевъ настолько безразсудными, чтобы они начали дѣйствія, имѣя на флангахъ русскую армію» [3]). Вѣдь русскіе идутъ, онъ возвѣщаетъ это: вѣритъ ли онъ этому? 21 марта онъ пишетъ Коленкуру: «Я считаю важнымъ принять мѣры, чтобы русскія войска сдѣлали нѣкоторое движеніе...»—«Австрійскій министръ убѣжденъ, что Россія не сдѣлаетъ ничего, и что она останется нейтральной въ этой войнѣ, если бы она даже объявила ее... я не хочу напасть, пока не получу отъ васъ извѣстій... Долженъ ли результатъ нашего союза выразиться въ томъ, *что я одинъ стану воевать противъ всей Австріи?*... Пусть Австрія разоружится, и я удовлетворюсь... Въ Лондонѣ радуются... Вы хорошо понимаете, что я не боюсь ничего... Если императоръ желаетъ дѣйствовать, у него есть для этого средства... Вы уполномочены подписать всякій трактатъ или конвенцію, какую пожелаютъ предложить вамъ. Если Галиція будетъ завоевана, императоръ можетъ одну половину удержать, а другая половина можетъ быть отдана варшавскому герцогству». Слѣдуетъ собственноручное письмо къ Александру.

[1]) Rapports de mars 1809.
[2]) Instructions de Wallmoden, 24 janvier 1809. Oncken.
[3]) A Fouché, 31 décembre 1808. Lecestre.—A Clarke, 8 mars 1809.
[4]) См. выше, стр. 273, 282.

[1]) Conversation du 6 mars 1809.
[2]) Conversation du 2 mars; Napoléon à Champagny, 4 mars; Champagny à Metternich, 10 mars; conversation du 13 mars; rapport de Metternich, 16 mars 1809.
[3]) A Otto, à Munich, 4 mars; à Jérôme, 6 mars 1809.

Такимъ образомъ, черезъ девять лѣтъ послѣ Маренго и Гогенлиндена, и едва прошло четыре года послѣ Аустерлица, онъ опасался борьбы 1796 года, борьбы 1800 года, *воевать одному противъ всей Австріи*, и въ какихъ условіяхъ: Австрія изолирована, Франція наоборотъ окружена вассалами и союзниками. Вотъ что онъ долженъ былъ признать въ концѣ марта 1809 года, тогда какъ за мѣсяцъ раньше онъ грозилъ превратить австрійцевъ въ ничтожество и ихъ вооруженія называлъ *смѣшными* [1]). «Мнѣ она смѣшна!» Онъ довелъ свою побѣду лишь до такой степени, что сдѣлалъ войну болѣе трудной и, въ случаѣ неудачи, послѣдствія ея болѣе страшными! Такъ въ 1793 году положеніе было труднѣе и опасность больше послѣ завоеванія Бельгіи, Голландіи и лѣваго берега Рейна, чѣмъ на другой день послѣ Вальми; такъ было въ 1799 году, когда республика простиралась до Неаполя; такъ было въ 1805 году, въ глубинѣ Моравіи; въ 1807 году, въ глубинѣ Польши!

Александръ ничего не обѣщалъ, какъ вдругъ, 30 марта, Наполеонъ привелъ въ движеніе свою армію [2]). Меттернихъ пишетъ изъ Парижа, 3 апрѣля: «Въ первый разъ начинаетъ онъ громадную борьбу съ болѣе слабыми силами... Военныя средства одинаковы; настроеніе народовъ въ нашу пользу...» Пусть народы австрійской монархіи будутъ предупреждены о той участи, какая ждетъ ихъ, если они поддадутся: Богемія, низведенная на положеніе данницы, французскій маршалъ въ Вѣнѣ, раздѣлъ Венгріи. Будемъ же биться противъ Франціи ея собственнымъ оружіемъ и не зная отдыха: нѣтъ мѣста парламентерамъ! они приходятъ только для того, чтобы шпіонить; не нужно переговоровъ! они имѣютъ лишь одну цѣль, поколебать мужество. Настало наше время. «Какія были бы послѣдствія, если бы Аустерлицкая битва запоздала?» [3]).—«Война 1805 года была мало популярна во Франціи; война 1809 года еще менѣе популярна. Казна изрядно пуста», и Наполеонъ, располагавшій тогда всѣми силами, имѣетъ ихъ не больше половины. «Австрійское дѣло есть дѣло всѣхъ народовъ Германіи...» Пораженія подкапываютъ существованіе Наполеона: «Со времени Люневильскаго мира Франція уже не ведетъ войнъ. Ихъ ведетъ Наполеонъ...» [4]).

Роли перемѣнились. Въ то же время изъ Вѣны одинъ агентъ пишетъ: «Въ 1805 году война была правительственная, за нее не были ни армія, ни народъ. Въ 1809 году ея желаютъ правительство, армія и народъ». Австрія собираетъ 300,000 человѣкъ войска, они выступаютъ среди ра-

[1]) A Louis, 21 février; à Caulaincourt, 23 février 1809.
[2]) A Berthier, 30 mars 1809.
[3]) См. т. VI, стр. 417, 425.
[4]) Rapports du 3 mars et du 11 avril 1809.

достныхъ криковъ. Императрица раздаетъ знамена. Эта монархія не узнаваема: въ ней оказывается нація, отечество! Это вся Австрія провозглашаетъ *Moriamur pro rege nostro!*—кличъ венгерскихъ магнатовъ во время войны за австрійское наслѣдство. Жители Тироля возмущаются противъ баварцевъ. 6 апрѣля обнародовано воззваніе къ нѣмецкому народу; эрцгерцогъ Карлъ обращается со слѣдующей прокламаціей къ своимъ солдатамъ: «На васъ устремлены глаза всѣхъ тѣхъ, которые еще имѣютъ чувство чести и національной независимости... Свобода Европы ищетъ спасенія подъ вашими знаменами. Ваши побѣды сокрушатъ цѣпи вашихъ братьевъ въ Германіи» [1]). 14 апрѣля былъ подписанъ союзъ съ Англіей.

12 апрѣля австрійцы переправились черезъ Иннъ. Въ тотъ же вечеръ Наполеонъ былъ извѣщенъ объ этомъ по телеграфу. Онъ отправляется ночью. 14-го сенатъ выслушиваетъ докладъ Шампаньи, служащій манифестомъ о войнѣ; онъ вотируетъ наборъ 40,000 новобранцевъ, изъ которыхъ 20,000 причитается на 1810 годъ; говорятъ о мобилизаціи національныхъ гвардейцевъ. Правительство организовано, какъ оно было организовано въ предшествовавшія войны: Камбасересъ будетъ въ немъ конституціоннымъ регентомъ, Фуше министромъ двора. 15-го Наполеонъ находится въ Страсбургѣ; 17-го въ Донаувертѣ: военныя дѣйствія начались.

Новость распространяется по всей Германіи, словно пожаръ. Тайныя общества волнуются. «Война найдетъ Ваше Величество, если Вы не ищете войны», пишетъ Фридриху-Вильгельму одинъ изъ его совѣтниковъ, 5-го апрѣля. Вессенбергъ тайно сносится съ Гольтцемъ. Король, находясь въ крайности, съ отчаяніемъ обращается къ Россіи: упустить ли случай, или рисковать своей короной; потерять ли любовь своего народа, или принести этотъ народъ въ жертву безнадежной авантюрѣ? Онъ ждетъ спасенія отъ Александра [2]).

12-го апрѣля, принимая посланца Фридриха-Вильгельма, Шелера, Александръ говоритъ ему: «Я связанъ моими договорами; я исполню свои обязательства; я не могу подвергнуть Россію войнѣ изъ за того, что Пруссія навлечетъ на себя непріятности; но, если на нее нападутъ безъ основанія, я поддержу короля всѣми моими силами». Онъ узнаетъ одно за другимъ, что въ Швеціи вспыхнула революція: Густавъ IV былъ низложенъ съ трона, власть была ввѣрена дядѣ этого государя, герцогу Зюдерманскому; что прерваны переговоры съ турками, начатые въ Яссахъ,

[1]) Oncken, t. II, liv. VII, chap. II.
[2]) Frédéric-Guillaume à Alexandre, 24 mars 1809. Bailleu.

и что возобновляется война для завоеванія княжествъ. Вотъ сколько уловокъ предстоитъ ему, чтобы изворачиваться съ Коленкуромъ, чтобы не впутаться совсѣмъ въ дѣло. Во всякомъ случаѣ, зная, что война объявлена и начата Австріей, онъ издаетъ манифестъ. Потомъ онъ пишетъ Наполеону, съ довѣріемъ говоритъ ему о своихъ затрудненіяхъ: столько дѣлъ, которыя зовутъ его, и со всѣхъ сторонъ: въ Финляндіи, на Дунаѣ! Но онъ прибавляетъ: «Ваше Величество можете разсчитывать на меня... Мои средства не очень значительны, вѣдь я имѣю на рукахъ двѣ войны». Тутъ онъ не жалѣетъ красивыхъ словъ: «Что за бахвальство это обращеніе къ Германіи! И эрцгерцогъ, желающій мѣряться съ императоромъ Наполеономъ! Это—безуміе».—«Если бы я могъ безъ затрудненія оставить Петербургъ на два мѣсяца, какой хорошій случай для военнаго!.. Я ничего не буду дѣлать на половину... Впрочемъ я объяснился съ австрійцами» [1]).

Странное объясненіе. Онъ не можетъ, говоритъ онъ Шварценбергу, уклониться отъ участія въ дѣйствіяхъ противъ Австріи, потому что Австрія нападаетъ на Францію. Онъ обѣщалъ Наполеону сосредоточить свои войска на Галицкой границѣ; онъ сдѣлаетъ это, но вовсе не для того, чтобы завоевать эту провинцію для Наполеона, совсѣмъ напротивъ. «Онъ меня увѣрилъ, пишетъ Шварценбергъ, что ничего не будетъ забыто изъ того, что доступно воображенію человѣка, чтобы уклониться отъ нападенія на насъ... Онъ не могъ удержаться, чтобы не пожелать намъ успѣха... Его войско получитъ приказъ избѣгать, насколько возможно, всякаго столкновенія;... его выступленіе въ походъ будутъ старательно оттягивать» [2])... Онъ сдѣлалъ лучше. Союзъ обязывалъ его отозвать изъ Вѣны своего агента и отпустить Шварценберга; но Шварценбергъ былъ военный, и въ этомъ званіи онъ оставилъ его при себѣ, несмотря на войну. Тогда онъ поручилъ ему написать своему государю письмо, которое онъ пересмотрѣлъ и одобрилъ: въ немъ онъ заявлялъ, что, «предположивъ даже, что Россія была бы вынуждена произвести демонстраціи, эти демонстраціи были бы направлены противъ Галиціи, и что не нужно ихъ бояться, хотя бы русскія войска даже вступили въ это королевство» [3]). И онъ отправилъ въ главную квартиру Наполеона самаго хитраго изъ своихъ военныхъ и политическихъ наблюдателей, Чернышева, который зналъ Парижъ, изнанковую сторону правительства и арміи Наполеона, человѣка опытнаго въ шпіонствѣ, коварнаго врага

[1]) Alexandre à Napoléon, 22 avril 1809. Tatistchef.—Rapports de Caulaincourt, 22, 28 avril 1809.

[2]) Rapports de Schwarzenberg, 15 et 20 avril 1809.

[3]) Rapport de l'envoyé prussien Schladen, 2 mai 1809, après une confidence de Schwarzenberg. Ranke, t. IV, p. 182. Note.

Франціи, умѣющаго видѣть, умѣющаго слышать, умѣющаго заставить разговориться; вкрадчиваго, любезнаго, выхвалявшаго французовъ, высмѣивавшаго нѣмцевъ; слывшаго за образецъ свѣтскаго изящнаго времяпровожденія и военной фривольности. Такъ доживалъ свои дни русскій союзъ, и вотъ что оставалось въ 1809 году отъ тильзитскаго духа и отъ эрфуртскаго стиля.

ГЛАВА VI.

Кризисъ въ русскомъ союзѣ 1809 г.

I.

17 апрѣля Наполеонъ былъ въ Германіи, на территоріи нѣмецкихъ вассаловъ, командуя арміей, переполненной союзными германцами, подвигаясь впередъ не во главѣ французовъ, побѣдителей и завоевателей, а увлекая за собой громадныя войска, составленныя изъ побѣжденныхъ, образовавшихъ полки [1]). Какъ будутъ они, эти солдаты по принужденію, биться противъ своихъ соотечественниковъ за чужое имъ дѣло? Какъ будутъ руководить ими начальники, вчерашніе враги и сегодняшніе союзники? Въ Баваріи, контингентъ который былъ самый многочисленный, наслѣдный принцъ былъ враждебенъ. Французы съ тревогой спрашиваютъ себя: что сдерживало этихъ людей, что двигало ими, какъ не страхъ? А что, если страхъ измѣнится въ другую сторону? При малѣйшей неудачѣ половина арміи могла измѣнять на мѣстѣ. Это увидятъ въ 1813 году подъ Лейпцигомъ; этого боялись въ 1809 году. Ихъ связываетъ только побѣда, но эта побѣда отчасти зависитъ отъ ихъ послушанія. «Это былъ, говоритъ одинъ свидѣтель, неотвратимый случай, чтобы покончить съ Наполеономъ, если бы ружье оказалось въ рукахъ измѣнника или фанатика». Чтобы одержать побѣду съ такими войсками надъ Австріей, которая превратилась на время въ вооруженный народъ, для этого нужно было больше генія, чѣмъ сколько нужно было его въ Италіи и въ Моравіи въ 1796, 1800 и 1805 годахъ, когда роли были обратны: когда армія

[1]) Frédéric Masson, t. IV; de Martel, *Walcheren;* Hüffer, *Lombard*; Beer; Stern; Arneth, *Wessenberg*; Kleinschmidt, *Westphalie*; Goecke, *Westphalie*; *Berg*; Treitschke; Thimme, *Hanovre*; Pertz; Lanzac de Laborie, *Belgique*; Guillon, *Complots, Guerre d'Espagne*; Delacour, *Sarrazin.—Corr.* publiées par Ducasse, Klinckowstroem, Bailleu.—*Mémoires* de Pasquier, Méneval, Norvins, Villemain, Broglie, Roederer, Stendhal, Barante, Chaptal, Metternich, Talleyrand, M-me de Chastenay, Ségur, Jourdan, Thiébault, Marbot, Lejeune, Marmont, Saint-Chamans, Desvernois, Loewenstern, Sérurier, Macdonald, Gonneville, Bigarré, Welschinger, *Protocoles des conférences d'Altenbourg.*

© ЛГИБ

французовъ, воспламененныхъ своей революціей, бывшихъ въ восторгѣ отъ своей славы, вѣрившихъ въ свою непобѣдимость, разсѣивала эти полки нѣмцевъ, славянъ, венгерцевъ, сражавшихся по дисциплинѣ за политику, которой они не понимали.

Съ первыхъ встрѣчъ Наполеонъ не узналъ ни австрійскихъ генераловъ, ни ихъ солдатъ. 21, 22, 23 и 24 апрѣля произошли ожесточенныя сраженія подъ Экмюлемъ, подъ Регенсбургомъ: блестящія дѣла, но жестокія, ужасно кровопролитныя. «Мы должны были, сообщаетъ одинъ офицеръ, во имя жестокосердой любви къ побѣдѣ подавлять потребность оплакивать несчастье, что мы достигли побѣды лишь такою дорогою цѣною». Однимъ искуснымъ маневромъ уже не забирали толпы плѣнниковъ: австрійцы уже не сдавались.

Наполеонъ преувеличенно напрягаетъ свой голосъ, дѣлаетъ напыщеннымъ свой стиль: это—не бюллетени въ духѣ Цезаря, это—звучныя газетныя рекламы. Австрійцы упорствуютъ: онъ называетъ ихъ «сволочью», «вооруженными сборищами Ксеркса».—«Такъ какъ врагъ упорствуетъ, то нужно истребить его» [1]). Но, будучи побѣдителемъ 24-го, съ 27-го онъ готовится къ большей побѣдѣ. «Массена имѣетъ военные таланты, передъ которыми нужно повергаться на землю» [2]); онъ разбиваетъ австрійцевъ 3 мая у Эбельсберга. Такъ сказать, взрывая мину за миной и проходя между наваленныхъ грудами человѣческихъ труповъ, Наполеонъ подвигается къ Вѣнѣ, страстно желая рѣшительной битвы, страстно желая мира; вѣдь миръ удаляется отъ него, окончательная битва ускользаетъ отъ него, а между тѣмъ на флангахъ французской арміи его помощники даютъ бить себя, и по бокамъ этой арміи поднимаются народы.

Тироль надо считать своего рода Вандеей. Венгрія, которую Наполеонъ надѣялся возмутить, отказывается отъ его эмиссаровъ; даже въ Далмаціи и Истріи населеніе волнуется и поворачивается въ сторону Австріи. На сѣверѣ Германіи Іеронимъ, который имѣлъ за ней надзоръ, оказался такимъ же генераломъ, каковъ онъ былъ королемъ: онъ позволилъ, чтобы его атаковали прусскіе вольные отряды, чтобы его блокировали возмутившіеся крестьяне. 24 апрѣля, какъ только онъ обратился къ вестфальцамъ съ такой прокламаціей: «Солдаты, я всегда буду во главѣ васъ!», онъ видитъ свою столицу въ опасности, и тревога была такая внезапная, что королева спѣшитъ бѣжать, бѣжитъ до Франкфурта и останавливается лишь въ Страсбургѣ: полковникъ Дёрнбергъ, перешедшій на сторону коалиціи, имѣлъ планъ похитить среди замѣшательства королеву и выдать ее англичанамъ! Передъ настоятельной опасностью Іеронимъ обнаруживаетъ личное мужество, въ которомъ у него никогда не было недостатка, но это—мужество подчиненнаго, на котораго неожиданно напали на его посту, и который отбивается; это вовсе не хладнокровіе главы государства, вождя арміи. Дёрнбергъ уничтоженъ. Каттъ, старавшійся возмутить Стендаль и Магдебургъ, терпитъ неудачу. Но «возстаніе съ часу на часъ увеличивается, пишетъ королева Наполеону, оно охватываетъ все королевство». 29 апрѣля прусскій маіоръ Шилль, выйдя изъ Берлина, выступаетъ въ походъ во главѣ отряда партизановъ, увеличивающагося по пути, и угрожаетъ границамъ. Между тѣмъ австрійцы пошли на Варшаву, въ которую вступили 20 апрѣля, а русскіе, которые должны были преградить имъ путь и прикрыть Польшу, не появлялись.

Наполеонъ вездѣ приказываетъ грозить селамъ военной экзекуціей, брать заложниковъ [1]). Онъ продолжаетъ свой походъ: 11 мая онъ въ Шёнбрюннѣ; 13-го онъ вступаетъ въ Вѣну. 15-го онъ издаетъ прокламацію къ венгерцамъ, надѣясь увлечь ихъ, какъ онъ увлекъ поляковъ; но они остаются глухи. Иллюзіи повернулись противъ Франціи. За невозможностью соблазнить народы, Наполеонъ будетъ устрашать королей. Какъ въ Берлинѣ онъ подписалъ декретъ о блокадѣ, такъ онъ издаетъ 17 мая въ Шенбрюннѣ, въ самомъ дворцѣ наиболѣе католическаго изъ государей, среди самаго католическаго населенія Европы, декретъ, который онъ обдумывалъ нѣсколько мѣсяцевъ, и который послужитъ самымъ яркимъ примѣромъ, показывающимъ государямъ необходимость повиновенія. Онъ упраздняетъ даръ Карла Великаго: папа пересталъ царствовать [2]). «Владѣнія папы присоединены къ Французской имперіи»; они будутъ превращены въ департаменты, тамъ будетъ введенъ *Гражданскій кодексъ*; императоръ будетъ имѣть въ Римѣ дворецъ. 10 іюня эти приказы были приведены въ исполненіе. *Consummatum est!* сѣтуетъ Пій VII, и онъ обнародуетъ приготовленную имъ буллу объ отлученіи. Приказы Наполеона сочетаны такимъ образомъ, что папа долженъ будетъ попытаться бѣжать, что его арестуютъ, и что покушеніе это покажется послѣдствіемъ хода событій, во всякомъ случаѣ, покажется недоразумѣніемъ, какъ въ Раштаттѣ. Но, разъ папа будетъ взятъ, императорская полиція не выпуститъ его изъ рукъ. Изъ временъ Карла Великаго, ожившихъ въ VIII году, папство низвергается во времена Ногарета и Филиппа Краснваго.

[1]) *Bulletins de l'armée d'Allemagne*; proclamation du 24 avril; au roi de Saxe, à Otto, 21 avril 1809, à Lannes, 22 avril; à Eugène, 26 avril.

[2]) A Eugène, 30 avril. 1809.

[1]) Лефевру, относительно Зальцбургской и Тирольской областей, 29 апр.: Евгенію, 30 апрѣля: разстрѣлять епископа въ Удинэ.

[2]) Note à Champagny, en vue d'une communication au Senat.—Décret de Schoenbrünn; à Gaudin, 17 mai 1809.

Наполеонъ вѣритъ, наконецъ, что онъ будетъ имѣть битву, которая составитъ Аустерлицъ, Іену, Фридландъ кампаніи: онъ нанесетъ сокрушительный ударъ Австріи, согнетъ Германію, раздавитъ Пруссію, покоритъ Италію, снова поставитъ Россію въ подчиненное положеніе. Это не былъ ни Аустерлицъ, ни Іена, даже не Эйлау: дни Эсслингена и Асперна, 20—22 мая, неопредѣленные и кровопролитные, окончились неудачей, первой большей неудачей Наполеона: со своей усталой, сократившейся арміей онъ оказался запертымъ на одномъ изъ острововъ Дуная, и при этомъ ему грозила тройная опасность: нападеніе непріятельской арміи, возстаніе народовъ въ тылу его и наводненіе вокругъ него, вокругъ того низменнаго, размокшаго клочка земли, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ. Наполеону, союзнику Россіи, труднѣе оказалось въ 1809 году побѣждать однихъ только австрійцевъ, чѣмъ въ 1805 году австрійцевъ и русскихъ, бывшихъ въ союзѣ. Чѣмъ больше онъ трубилъ о своемъ презрѣніи къ «смѣшнымъ вооруженіямъ», къ австрійскому «сброду», чѣмъ больше онъ бахвалился, что разоружитъ Австрію, опять повергнетъ ее въ «позоръ 1805 года», превратитъ ее въ ничтожество, что скорѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, издастъ указъ о томъ, что ея императоры перестали царствовать, и что австрійское наслѣдство раздѣлено между его сотрудниками, тѣмъ глубже и гибельнѣе раздался во всей Европѣ отзвукъ его неуспѣха, его неудачи, его опасности. Послѣ Байлена и Цинтры—Аспернъ. Въ Испаніи его намѣстники капитулируютъ, какъ Макъ въ 1805 году; въ Германіи императоръ побитъ, какъ какой-нибудь австрійскій фельдмаршалъ или какой-нибудь герцогъ Брауншвейгскій! Таковъ лозунгъ момента.

Трескъ нигдѣ не ощущался съ большей силой, чѣмъ въ Берлинѣ. Возмущеніе Тироля, возстаніе Вестфаліи, предпріятіе Дёрнберга, а особенно предпріятіе Шилля сильно дѣйствовали на воображеніе. Штейнъ изъ своей ссылки въ Австріи воодушевляетъ своихъ друзей, отправляетъ эмиссаровъ. Совѣтники короля торопятъ его высказаться: никогда онъ не добьется мира съ Наполеономъ, говорили они ему. Гольтцъ заклинаетъ королеву возвратить короля въ Берлинъ, гдѣ бы онъ сталъ во главѣ національной партіи, «чтобы приподнять надежду при помощи приготовленій, возвѣстивъ опредѣленное рѣшеніе»; чтобы натянуть также «ослабшія правительственныя пружины, чтобы обуздывать партіи и особенно задоръ молодыхъ офицеровъ». Уцѣлѣвшіе остатки арміи грозили ускользнуть на войну, разбиться на части, полкъ за полкомъ, чтобы устремиться на французовъ, какъ солдаты Шилля: «Если король, заявляетъ Гольтцъ, будетъ еще колебаться принять рѣшеніе, котораго требуетъ общественное мнѣніе, и высказаться противъ Франціи, то неизбѣжно

вспыхнетъ революція» [1]). Волненіе становилось такимъ сильнымъ, что Сенъ-Марсанъ собирался было уѣхать изъ Берлина. Въ восточной Пруссіи дворяне отказываются платить назначенную для Франціи контрибуцію. Король не узнаетъ Пруссіи, онъ осуждаетъ поступокъ Шилля, осуждаетъ «*Союзъ добродѣтели*». И, однако, онъ чувствуетъ, что его увлекаютъ движеніе его народа, увѣщанія королевы, принцевъ, генераловъ. Онъ не трусъ, и его благоразуміе было поколеблено. Но что сдѣлаетъ царь? [2]) Ничего. Письмо Александра, помѣченное 19 мая, которое Фридрихъ-Вильгельмъ получилъ 26-го, замѣчательнымъ образомъ охлаждаетъ его: «Государь, я имѣю убѣжденіе, что Вы рѣшаете свою собственную гибель, Вы отнимаете у меня даже всякое средство воспрепятствовать этому...»

Когда Александръ писалъ эти строки, онъ былъ еще подъ впечатлѣніемъ битвы у Регенсбурга. Вступленіе австрійцевъ въ Варшаву придало ему увѣренности. Но вдругъ онъ узнаетъ, что Понятовскій и поляки, оставивъ австрійцевъ стоять лагеремъ въ завоеванной ими странѣ, смѣло бросились въ Галицію, что съ ихъ приближеніемъ шляхта бралась за оружіе, составляла изъ крестьянъ полки. Галиція предвѣщала Познанскія картины 1806 года, во время прибытія Мюрата. Приближеніе *польской арміи* вызывало непрерывныя овація, балы, смотры: Польша собиралась возродиться, на этотъ разъ освобожденная уже собственными руками. Волненіе переходило на русскіе округа. Въ Петербургѣ чувствуютъ больше чѣмъ изумленіе: чувствуютъ негодованіе, страхъ. «Общество», уже порицавшее царя за то, что онъ бездѣйствуетъ, что покидаетъ Австрію на произволъ судьбы, обвиняло Александра въ измѣнѣ національному дѣлу. Александръ началъ говорить противъ революціонной политики Наполеона въ Польшѣ. Коленкуръ, со своей стороны, упрекаетъ за медлительность, даже враждебность Россіи. Тогда Румянцевъ высказывается прямо: Франціи предстояло выбирать между союзомъ съ Россіей и возстановленіемъ Польши. «Я буду считать своею обязанностью сказать императору, моему государю: Пусть! откажемся отъ нашей системы; скорѣе пожертвуемъ послѣднимъ человѣкомъ, чѣмъ потерпимъ, чтобы расширились владѣнія поляковъ, ибо это есть покушеніе на наше существованіе» [3]). Съ того времени они рѣшились дѣйствовать, но совсѣмъ наперекоръ союзу: не изгнать австрійцевъ изъ Варшавы, а прогнать изъ Галиціи поляковъ, союзниковъ Наполеона, занять эту провинцію, хранить ее для Австріи и, такимъ образомъ, дать возможность употребить про-

[1]) Goltz à la reine, 5 mai.—Le roi à Goltz, 14 mai 1809; см. выше, стр. 278.
[2]) Frédéric-Guillaume à Alexandre, 12 mai 1809. Bailleu.
[3]) Rapport de Caulaincourt, 28 mai 1809.

тивъ Наполеона австрійскія войска, находящіяся въ Польшѣ. Отразивъ, такимъ образомъ, ближайшую опасность—возстановленіе Польши—Александръ позволитъ Австріи и Франціи сражаться между собою, истощать другъ друга, и приготовитъ прекрасное посредничество, которое сдѣлаетъ его вершителемъ дѣлъ. Это—Эрфуртъ наизнанку.

Пришла вѣсть объ Эсслингенѣ. Въ «обществѣ» ликованія, которыхъ вовсе не старались сдерживать. Александръ требовалъ официальной сдержанности отъ двора и отъ своихъ министровъ. Самъ онъ удваиваетъ свои ласки съ Коленкуромъ, выражая смѣшанное чувство соболѣзнованія и удивленія. Онъ оплакивалъ смерть Ланна: это—Байярдъ Имперіи! Онъ снисходительно позволилъ поволноваться своимъ нервамъ во время разсказа о геройскихъ бояхъ французовъ: «Всѣ эти люди съ душой, съ самолюбіемъ, съ честью; люблю я это!» Это были, въ слезливой и мистической формѣ, рѣчи Екатерины Великой къ эмигрантамъ, во время террора: вѣнки изъ лавра въ соединеніи съ кипарисомъ. Но ни одного казака!

Въ Вѣнѣ знали его и понимали, что послѣ того, какъ Александръ поможетъ имъ побѣдить, онъ возвратился бы къ нимъ, если бы они побѣдили. Русскіе, подвигавшіеся въ Галицію, были готовы, какъ будутъ готовы къ этому австрійцы въ 1813 году, перейти отъ роли безвредныхъ для врага союзниковъ Наполеона къ роли дѣйствительныхъ союзниковъ врага противъ Наполеона. Но было необходимо содѣйствіе Пруссіи для того, чтобы нанести ударъ, могущій вызвать всѣ эти движенія. Австрійцы думали, что ихъ успѣхъ подъ Эсслингеномъ и бездѣйствіе русскихъ дѣлаютъ ихъ достаточно сильными, чтобы они могли понудить прусскаго короля, не обезпечивая ему ничего. Онъ могъ бы уступить движеніямъ своего народа, и Австріи не пришлось бы брать на себя тягостную задачу возстановить прусскую монархію. Это составляло сущность миссіи, данной полковнику Штейгентешу, который 15 іюня прибылъ въ Кенигсбергъ и пробылъ тамъ по 18-е. «Дѣйствуйте круто съ королемъ и, если онъ не пожелаетъ рѣшиться, скомпрометируйте его!» говорилъ эрцгерцогъ Карлъ. Фридрихъ-Вильгельмъ не оказался въ дуракахъ въ этой классической игрѣ между нѣмецкими союзниками. «Мы скоро будемъ союзниками, сказалъ онъ Штейгентешу. Выиграйте еще одну битву, и союзъ готовъ!» Умы доходили до послѣдней степени возбужденія: «Я понесу въ другое мѣсто остатокъ моихъ силъ, чтобы послужить угнетенному германскому отечеству, пишетъ Блюхеръ 14 іюня. Но терпѣть это рабство, никогда!» Такъ какъ не удалось *поступить* съ королемъ *круто*, то Штейгентешъ *скомпрометировалъ* его. По пути чрезъ Берлинъ онъ отчасти довѣрилъ секретъ своей миссіи вестфальскому представителю Линдену, который поспѣшилъ тотчасъ сообщить объ этомъ Сенъ-Марсану и написать въ Кассель, графу Фюрстенштейну. Объ этомъ непремѣнно должны будутъ извѣстить Наполеона, тогда, конечно, Пруссія должна или выступить въ походъ, или погибнуть безъ борьбы; король долженъ будетъ стать во главѣ своего народа, или народъ объявитъ его низложеннымъ, если раньше этого Наполеонъ не объявитъ декретомъ, что король пересталъ царствовать [1]).

Итакъ, все сводилось къ тому, чтобы побѣдить. Если бы Австрія выиграла рѣшительную битву, тогда все рушилось бы: и русскій союзъ, и главенство надъ Пруссіей, и Рейнскій союзъ, и Итальянское королевство, и королевство Испанское. Шилль былъ убитъ 31 мая въ Штральзундѣ, которымъ онъ овладѣлъ, и изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать нѣмецкую Сарагоссу. Но возставшіе тирольцы отразили французовъ и баварцевъ 29 мая. Въ Рейнскомъ союзѣ все колебалось, все дрожало. Іеронимъ опасался прусскихъ вольныхъ отрядовъ, вестфальскихъ мятежниковъ, герцога Брауншвейгскаго и сидѣлъ дома, полагая свою славу въ томъ, чтобы свой народъ охранять отъ вторженія непріятелей и свою личность отъ потери трона. Онъ продолжалъ царствовать. Таковъ же Людовикъ въ Голландіи, гдѣ опасались высадки англичанъ. Въ Бельгіи подчиненіе исчезало вмѣстѣ со страхомъ.

Въ Парижѣ отчаянное предпріятіе Шилля произвело, быть можетъ, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ эхо Эсслингена: Германія поднималась и поднималась за свое собственное дѣло. Нашлись нѣмцы, которые сражались за Германію! Это была земля, сошедшая со своей орбиты, нѣчто, идущее противъ природы, какое-то знаменіе новыхъ и страшныхъ временъ! «Распространился слухъ, что императоръ сошелъ съ ума, и, хотя никто не думалъ этого въ точности, но никто не показывалъ удивленія... Съ нѣкотораго времени докторъ Пинель подготовлялъ докладъ объ этомъ неминуемомъ событіи и, забѣгая впередъ, изучалъ историковъ Александра». Англійскіе агенты чуяли возвращеніе важныхъ случаевъ, потрянныхъ въ 1793, 1799 годахъ и, должно быть, вновь возникшихъ послѣ заговора Жоржа. Императоръ былъ раненъ подъ Регенсбургомъ: сегодняшнее случайное авось, въ другой разъ, быть можетъ, окажется болѣе мѣткимъ; въ случаѣ нужды выстрѣлъ какого-нибудь фанатика изъ нѣмецкихъ вспомогательныхъ войскъ.

Наполеонъ настолько же былъ незастрахованъ отъ ранъ, насколько онъ пересталъ быть теперь непобѣдимымъ. Одинъ измѣнникъ, генералъ Сар-

[1]) Копія депешъ барона Линдена: *Corr. in.*, t. VII, p. 395 et suiv.—Докладъ французскаго консула въ Кенигсбергѣ отъ 30 мая о вооруженіяхъ, объ общественномъ духѣ, о ландверѣ, о *тугендбундѣ*. Stern.

разэнъ, послалъ въ англійское министерство слѣдующій совѣтъ: «Всѣ лучшія войска разбросаны въ Испаніи, Италіи и Германіи. Въ Булони и въ Бельгіи самые важные пункты охраняются рекрутами, неумѣющими зарядить своихъ ружей. Нужно сдѣлать высадку въ Булони. Въ Парижъ пришли бы черезъ Аббевиль, Амьенъ и Бове, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла» [1]).

Въ Португаліи, Сультъ, завладѣвъ 29 марта послѣ страшныхъ усилій Опорто, объявилъ себя генералъ-губернаторомъ Португаліи. Богатые и миролюбивые португальцы, которымъ надоѣло служить театромъ войны и ставкою мира; французскіе офицеры, уставшіе биться и желавшіе обогащаться; всякаго рода подозрительныя личности, жадныя, интриганы, спекулянты, банкиры, жиды задумали воспользоваться замѣшательствами Наполеона, чтобы освободиться, и, какъ онъ ставилъ королей, они думали дать себѣ короля, одного изъ его маршаловъ. Они помышляли о Сультѣ, который не мѣшалъ имъ: хотѣли устроить, чтобы высказалъ мольбы народъ, потомъ армія, и чтобы все представить на усмотрѣніе императору, подобно тому, какъ это было во Франціи въ VШ и IX годахъ съ учрежденіями брюмера и съ учрежденіями имперскими; императоръ, не видя никакого другого средства удержать Португалію въ своей зависимости, безропотно примирился бы съ фактомъ. Въ низахъ другой заговоръ, съ характеромъ государственной измѣны, устраиваетъ съ англичанами одинъ офицеръ, Аржантонъ, желающій предать имъ французскую армію. Потрясенная такими волненіями, эта армія дезорганизуется. Сультъ не мѣшаетъ наступленію событія, а это событіе есть высадка англичанъ 22 апрѣля. Веллеслей располагаетъ 30,000 человѣкъ, у Сульта едва 20,000. Онъ принужденъ отступить 12 мая, и это отступленіе, какъ всѣ отступленія въ этой войнѣ, становится полнымъ разгромомъ.

Въ Испаніи царитъ раздоръ между всѣми властями: между королемъ Іосифомъ и маршалами Наполеона; между Журданомъ, который хочетъ командовать именемъ короля, и Неемъ и Сультомъ, которые желаютъ повиноваться только императору и, въ ожиданіи приказовъ, соперничаютъ, противодѣйствуютъ другъ другу, наперерывъ отказываютъ одинъ другому въ поддержкѣ. Двѣ арміи враждуютъ одна съ другой, и обѣ враждебно относятся къ королю, котораго онѣ назначены защищать [2]). А Веллеслей идетъ на Мадридъ. Итакъ, въ одно и то же время неизбѣжны двѣ битвы: въ Испаніи и въ Германіи: одна, несомнѣнно, рѣшитъ вопросъ объ испанской монархіи, другая, быть можетъ, рѣшитъ вопросъ о существованіи имперіи.

[1]) Ср. т. VI, стр. 29, 41: планъ похода на Парижъ въ 1800 г.

[2]) О такомъ состояніи умовъ въ Испаніи, Roederer, t. IV, p. 114 et suiv.; t. III, p. 556 et suiv.; разговоры между генералами. См. Thiébault, t. IV, p. 333.

Наполеонъ употребляетъ все свое искусство стратега и организатора, чтобы подготовить эту битву. Никогда онъ не обнаруживалъ столько ума, упорства, методичности, изобрѣтательности, чтобы подготовить борьбу и чтобы все пріостановить вокругъ такимъ образомъ, чтобы, въ случаѣ выигрыша,—а въ немъ онъ былъ убѣжденъ,—побѣда произвела во всѣ концы свои самыя отдаленныя послѣдствія. Пусть все сразу будетъ пущено въ дѣло, все оплачивается результатами рѣшительнаго удара, который онъ собирается нанести. Въ то время, когда онъ позволяетъ своей арміи развлекаться и отдыхать въ Вѣнѣ, когда онъ умножаетъ празднества и балеты, желая дать своимъ солдатамъ и своимъ союзникамъ зрѣлище беззаботности [1]), онъ сосредоточивается, чтобы дѣйствовать. Въ то же время онъ даетъ знать вдаль, что онъ не потерялъ ни энергіи, ни желанія мести. Булла объ его отлученіи приходитъ въ Шёнбрюннъ. «Больше нѣтъ мѣста пощадѣ: это—буйно-помѣшанный, котораго нужно запереть! Арестуйте кардинала Пакку и другихъ приверженцевъ папы... Разстрѣливайте всѣхъ, которые стали бы противиться присоединенію» [2]). Эта ярость зависитъ не отъ одного лишь отлученія отъ церкви, въ которомъ, въ самомъ большомъ случаѣ, Наполеонъ могъ бы видѣть дерзость священника-фанатика. Истинная причина его горячности, это—разочарованіе, тревога, особенно возбуждаемыя Петербургомъ.

Несмотря на цвѣтистыя фразы Александра и на письменныя украшенія Коленкура, Наполеонъ видитъ ясно. Черезчуръ много словъ! «Комплименты и фразы, это не—арміи, а именно арміи требуются обстоятельствами». Онъ диктуетъ Шампаньи письмо для Коленкура, которое Шампаньи подписываетъ, и которое Коленкуръ сожжетъ [3]). Очарованіе исчезаетъ: союзъ еще не разорванъ, но трещина готова; кристаллъ пересталъ звенѣть. Во всякомъ случаѣ, Наполеону весьма нужно казаться союзникомъ Александра, и онъ собственными руками не станетъ разрушать то, что показывало его престижъ: «Императоръ не можетъ выказывать императору Александру довѣрія, котораго уже не чувствуетъ... Онъ ничего не говоритъ... но онъ уже не цѣнитъ союза съ Россіей... Сорокъ тысячъ человѣкъ, которыя Россія ввела бы въ великое герцогство, оказали бы истинную услугу

[1]) «Пребываніе въ Вѣнѣ для меня очаровательно... прелестныя женщины на каждомъ шагу... Можно слушать превосходную музыку... балеты въ итальянскомъ стилѣ» Stendhal. Lettres du 8 mai 1809. «Многіе изъ нашихъ отправлялись утѣшать множество молодыхъ женщинъ, покинутыхъ во время бѣгства безъ оглядки принцевъ и важныхъ сановниковъ, придворныхъ и военныхъ»... Lejeune, t. I, p. 318.—Cf. *Souvenirs de Loewenstern.*

[2]) A Murat, 17, 20 juin 1809. Lecestre.—Méneval, t. II, p. 271.

[3]) 2 іюня 1809. Vandal.

и, по крайней мѣрѣ, поддержали бы нѣкоторую иллюзію относительно призрака союза... Императоръ желаетъ, чтобы вы смотрѣли на ваши прежнія инструкціи какъ на потерявшія вовсе всякое значеніе... Держитесь прилично, кажитесь довольнымъ; но не давайте никакихъ обязательствъ и никоимъ образомъ не вмѣшивайтесь въ дѣла Россіи со Швеціей и Турціей... Пусть русскій дворъ по прежнему будетъ доволенъ вами, поскольку вы кажетесь довольнымъ имъ; даже именно потому, что императоръ уже не вѣритъ въ русскій союзъ, ему тѣмъ важнѣе, чтобы эта вѣра, въ которой онъ разочаровался, раздѣлялась всей Европой».

Довѣренный флигель-адъютантъ—это уже третій—прибылъ увѣрять Наполеона въ намѣреніяхъ царя, засвидѣтельствовать его добросовѣстность. Наполеонъ не сомнѣвался ни на минуту относительно миссіи этихъ довѣренныхъ своего союзника, которую имъ поручено исполнить въ его главной квартирѣ. Чернышевъ пустилъ тамъ въ ходъ утонченное искусство, которое скрывало если не на самую его миссію, по крайней мѣрѣ, его способность исполнить эту миссію. «Красивый, изящный, любезный, очень притворный, изысканно вѣжливый», онъ никогда не касался политики; казалось, его занимали только лошади, ухаживанье, женщины, успѣхомъ у которыхъ онъ видимо тщеславился. Скромность онъ простиралъ до того, что избѣгалъ подходить очень близко къ полю битвы, и такъ притворялся, что императоръ даже подтрунивалъ надъ его смѣлостью. Тонкая игра! изъ которой онъ впослѣдствіи извлекъ еще больше выгоды. Его товарищи и самъ онъ имѣли очень обширныя знакомства въ томъ, что оставалось отъ вѣнскаго общества, они ужинали, пили съ французскими офицерами, вызывали ихъ на разговоры, показывая равнодушіе къ военному дѣлу, держась какъ путешествующіе дворянчики, «вѣтрогоны»! Они высматривали, записывали, доносили, вывѣдывая слабыя стороны, моральные недостатки арміи. Они пришли посмотрѣть, какъ можно побѣдить Наполеона. Наполеонъ показалъ имъ, что онъ еще могъ повернуть и взять побѣду силою.

4 и 5 іюля подъ Ваграмомъ онъ разбилъ австрійцевъ; но, чтобы побить ихъ, онъ понесъ громадныя потери, не взявъ плѣнниковъ. Это была только «выигранная битва, которая сулила, что предстоитъ дать нѣсколько другихъ битвъ». Подъ Эйлау Наполеонъ узналъ, что такое сомнительная побѣда, подъ Эсслингеномъ онъ потерпѣлъ пораженіе, подъ Ваграмомъ онъ узналъ побѣду безполезную. Австрія вышла изъ нея и не раздавленною и не истощенною; Англія стояла наготовѣ, крѣпко держась за Португалію, захватывая Испанію; Россія, не принося пользы, грозила стать врагомъ. Польша, призываемая къ оружію и независимости, представлялась единственнымъ средствомъ, чтобы заставить сми-

риться Австрію и сдерживать Россію; но употреблять поляковъ и возстановлять Польшу, это значило ускорять разрывъ съ Александромъ; покинуть Польшу, это значило отдать русскимъ аванпосты великой арміи, окраины великой имперіи. Побѣда, наканунѣ болѣе нужная, чѣмъ когда бы то ни было раньше, сдѣлалась грозной для Наполеона своими послѣдствіями. Онъ доходилъ до того обманчиваго поворота своей исторіи, гдѣ самый успѣхъ средствъ, къ которымъ онъ обращался, долженъ былъ показать, что цѣль, которой онъ хочетъ достигнуть, есть парадоксъ. Очень легко объясняется тотъ фактъ, что, какъ бы ни полезнымъ казался ему миръ, онъ предпочелъ бы ему войну и бросился бы въ нее, чтобы, если можно такъ выразиться, отдохнуть отъ мира. Война пріостанавливала на время естественный ходъ вещей; она, казалось, задерживаетъ судьбу; она скрывала будущее; она заставляла войти въ себя воображеніе, которое всегда было воспламененнымъ и съ силой рвалось изъ своихъ границъ: этотъ геній, всегда волнующійся неизвѣстнымъ и жаждущій невозможнаго, война заставляла останавливаться на предметахъ близкихъ, точныхъ и опредѣленныхъ; она имѣла одну потребность: побѣждать; она имѣла одинъ предѣлъ: побѣду. Миръ, напротивъ, всегда ускользаетъ и вездѣ сразу. Это—неизвѣстность постоянная и безпредѣльная; какой-то туманный горизонтъ, скрытый и всегда убѣгающій. Отдыхъ въ одномъ, въ грезахъ, въ миражѣ всемірной имперіи.

День Ваграма опять поставилъ было подъ вопросъ всю имперію, всѣ завоеванія, все главенство, начиная съ 1795 года. Ваграмъ былъ побѣдой, но на другой день вся имперія оказалась въ необходимости опять взяться за неоконченныя дѣла, а поколѣнія скошенныхъ солдатъ исчезли безвозвратно.

Вотъ какая громадная разница во временахъ съ эпохи Аустерлица. Послѣ Іены Наполеонъ долженъ былъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ гоняться за миромъ, какъ онъ преслѣдовалъ остатки прусской арміи; послѣ Фридланда онъ долженъ былъ предложить миръ жестомъ великодушія; послѣ Ваграма онъ былъ счастливъ ухватиться за миръ. Онъ самъ не безъ грусти измѣряетъ упадокъ дѣлъ. «Во время Пресбургскаго мира, сообщалъ онъ нѣсколько недѣль спустя, дѣло шло не такъ. Императоръ пришелъ ко мнѣ въ мой моравскій лагерь, отдался на мою умѣренность, сейчасъ же отослалъ русскую армію, отказался отъ своего союза... Не было переговоровъ, потому что свиданіемъ было рѣшено все за исключеніемъ деталей...» [1]).

---

[1]) A Champagny, 22 août. 1809.

II.

Въ Вѣнѣ была партія унынія и мира: нѣкоторые уже послѣ Регенсбурга желали переговоровъ. Князь Іоганнъ Лихтенштейнъ, а по нему можно судить о мнѣніяхъ эрцгерцога Карла, выражалъ готовность отправиться въ главную квартиру Наполеона. Стадіонъ понималъ, что, если дѣло идетъ о переговорахъ, съ цѣлью ли вести эти переговоры искренно, съ цѣлью ли обмануть Наполеона, его присутствіе было бы помѣхой, какъ это недавно было въ Пруссіи съ Гарденбергомъ. Онъ открыто дѣйствовалъ въ пользу войны. Онъ подалъ въ отставку. Императоръ пока не принялъ ея. Во всякомъ случаѣ, Стадіонъ получилъ отпускъ, и Меттернихъ былъ призванъ замѣстить временно министра иностранныхъ дѣлъ. Это есть его вступленіе въ великія дѣла: отъ совѣтовъ и увѣдомленій онъ переходитъ къ дѣйствію. Онъ остается здѣсь прежнимъ человѣкомъ, и съ самаго начала, съ первыхъ совѣтовъ въ замкѣ Эрнстбрюннъ, въ которомъ Францъ II искалъ убѣжища, онъ обнаруживаетъ то соединеніе мягкости въ средствахъ съ твердостью въ планахъ, которое будетъ его характеристической чертой. Онъ считалъ, что партія не совсѣмъ проиграна; во всякомъ случаѣ, ее можно продолжать, и дѣло шло о томъ, чтобы затянуть переговоры, дождаться Пруссіи, Россіи, успѣховъ Веллеслея въ Испаніи, высадки англичанъ въ Голландіи и въ нижней Германіи, возстанія сѣверныхъ германцевъ, наконецъ, диверсіи, возможной со стороны турокъ. При видѣ неожиданной неподвижности Наполеона, вялости преслѣдованія; въ виду настроенія австрійской арміи, которая чувствовала себя побѣдительницей при Эсслингенѣ и вовсе не считала себя разгромленной подъ Ваграмомъ, несмотря на вопли людей миролюбивыхъ, мелочныхъ, несмотря на почти всеобщую нерѣшительность,—опять появлялась надежда: это опять была неудача въ австрійскомъ родѣ, и дѣло состояло въ томъ, чтобы повести переговоры, какъ въ 1797 году, между Леобеномъ и Кампо-Форміо, какъ въ 1800 году, послѣ перемирія при Маренго. Меттернихъ писалъ своей матери: «Миръ виситъ на ниточкѣ; положеніе человѣка, держащаго конецъ ея, ужасно, и оно было бы невыносимымъ, если бы наши средства не были такъ громадны, каковы они въ дѣйствительности. Я пишу вамъ о переговорахъ; я не буду писать вамъ о капитуляціи—вѣдь эту задачу могъ бы взять на себя всякій другой—если бы у насъ не было этихъ средствъ. Вы немедленно увидите армію въ 250,000 человѣкъ *линейныхъ войскъ*, поддерживающую мои переговоры... Если бы мы имѣли четверть моральныхъ силъ! О! Боже мой! Чего бы мы достигли!» [1]).

[1]) A sa mère, 25 juillet. 1809.

Князь Лихтенштейнъ отправляется въ главную французскую квартиру. «Его миссія, пишетъ Меттернихъ [1]), ограничивается двумя вопросами: желаетъ ли Наполеонъ мира? И что понимаетъ онъ подъ миромъ? Лихтенштейнъ не имѣетъ никакого иного полномочія, кромѣ одного: подписать полную неприкосновенность монархіи въ ея *statu quo ante bellum*» [2]). Лихтенштейнъ нашелъ Наполеона въ Цнаймѣ 12 іюля. Наполеонъ принялъ его въ очень дурномъ настроеніи духа: «Онъ не заключитъ мира съ Австріей. Онъ говорилъ только о раздѣлѣ монархіи, объ основаніи нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, составленныхъ изъ этихъ развалинъ, наконецъ, объ отреченіи императора Франца какъ объ единственномъ предварительномъ условіи, могущемъ заставить его вступить въ переговоры». Однако, его образъ дѣйствій противорѣчитъ этому страшному самохвальству. Послѣ весьма ожесточеннаго послѣдняго боя эрцгерцогъ Карлъ предложилъ перемиріе, и какъ разъ въ то самое время, когда Наполеонъ такъ гордо держалъ себя съ Лихтенштейномъ, онъ согласился на перемиріе. Это перемиріе, заключенное въ Цнаймѣ [3]), оставляло за нимъ широкую полосу территоріи; но оно позволяло Австріи оправиться, искать союзниковъ. Наполеонъ подписалъ, потому что онъ чувствовалъ невозможность использовать до конца свою побѣду, потому что онъ нуждался въ подкрѣпленіяхъ, потому что ему нужно было подкрѣпить свои фланги и поправить глупости, надѣланныя его братьями. Въ тотъ же самый день онъ писалъ морскому министру Декре [4]): «Мнѣ нужно много артиллеріи». Онъ призываетъ канонировъ береговой обороны, которыхъ замѣнятъ морскіе канониры. «Въ крайности, разоружите нѣсколько кораблей. Непремѣнно нужно, чтобы этотъ приказъ былъ исполненъ безъ замедленія, и чтобы ко мнѣ явились эти канониры». Это — мѣра изъ тѣхъ, которыя употребляются въ несчастныя времена, а для Наполеона это—мѣра крайняя: разоружать корабли, которые онъ вооружалъ съ такимъ стараніемъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ такъ много въ день, который послѣдуетъ непосредственно послѣ побѣды; употреблять для защиты французскихъ береговъ этихъ морскихъ артиллеристовъ, назначенныхъ для того, чтобы во всѣхъ странахъ міра внести тревогу на англійскіе берега! И три дня послѣ этого онъ дастъ приказы Кларку, такіе приказы, что они, такъ сказать, предчувствуютъ 1813 годъ, періодъ плейсвицкаго перемирія, между Баутценомъ и Дрезденомъ: «Важно, чтобы во время перемирія дороги были покрыты фран-

[1]) A Hudelist, 13 juillet. 1809. Arneth.
[2]) Precis sur la marche des négociations. Klinckowstrom. Notes.
[3]) Перемиріе въ Цнаймѣ, 12 іюля 1809 г.
[4]) A Decrès, 12 juillet 1809.

цузскими войсками, и чтобы армія усилилась въ размѣрахъ, превосходящихъ все, что можетъ получить непріятель» [1]).

Онъ возвратился въ Шенбрюннъ, гдѣ во второй разъ принялъ Лихтенштейна. «Къ его великому удивленію, Наполеонъ неожиданно измѣнилъ языкъ и сказалъ ему, что, несмотря на малое довѣріе, которое ему внушало поведеніе Австріи, онъ еще разъ пожелалъ согласиться на миръ». Онъ потребуетъ не больше жертвъ, чѣмъ онъ потребовалъ ихъ въ Пресбургѣ, и даже, если бы императоръ Францъ согласился отречься въ пользу эрцгерцога, герцога Вюрцбургскаго, «онъ возстановилъ бы имперію въ ея цѣлости». Францъ II не сталъ вникать въ эти разсужденія. Онъ ограничился тѣмъ, что извѣстилъ письмомъ отъ 18 іюля, что онъ назначилъ графа Меттерниха и Неджента своими уполномоченными. Наполеонъ назначилъ Шампаньи, который передалъ Меттерниху ноту, содержащую предварительныя условія Наполеона: 1) упраздненіе ландвера; 2) сокращеніе строевой арміи на половину ея теперешнихъ кадровъ; 3) удаленіе всѣхъ французовъ изъ австрійской службы [2]). Это было то разоруженіе, которое недавно Наполеонъ затѣвалъ предписать имъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Въ тотъ же день, 22 іюля, онъ написалъ Францу II: «Если четвертый мирный договоръ, который заступитъ мѣсто Кампо-Формійскаго, Люневильскаго и Пресбургскаго, можетъ, наконецъ, быть послѣднимъ, возстановить надолго спокойствіе на материкѣ и быть внѣ опасности отъ подстрекательствъ и интригъ Англіи, то я буду смотрѣть на этотъ моментъ, какъ на очень счастливый; вѣдь изъ четырехъ войнъ, которыя Ваше Величество вели съ Франціей, три послѣднія были излишни и были полезны и выгодны только для Англіи».

Въ этомъ письмѣ есть какой-то оттѣнокъ меланхоліи, какое-то скорбное чувство тщетности войны, своего рода пресыщеніе побѣдами. Когда Даву предложилъ преслѣдовать до конца, слышали, какъ Наполеонъ сказалъ: «Нѣтъ, достаточно пролито крови!» Онъ сравнивалъ Эсслингенъ съ Акрой, съ первыми, столь сомнительными, схватками у Арколе. Ланнъ былъ мертвъ, генералы падали. Наполеонъ находилъ утомленіе въ окружающихъ, въ самомъ себѣ. Послѣ Эсслингена, когда нѣкоторые совѣтовали эвакуировать Вѣну и перейти обратно черезъ Дунай, онъ сказалъ: «Это значитъ перенести войну на правый берегъ; слѣдовательно, я буду отступать, и дорогой, ведущей въ Страсбургъ, куда они, быть можетъ, будутъ меня заманивать» [3]). Австрія сопротивлялась, она отка-

[1]) 15 іюля 1809 г.

[2]) Napoléon à Champagny, 24 juillet, avec une note qui fut datée 22 juillet 1809.

[3]) Barante, t. I, p. 298.

зывалась отъ мира, весь этотъ шумъ о возставшихъ народахъ, неотступно преслѣдовавшій его, предвѣщалъ бурю. Послѣ Ваймскаго боя одно мгновеніе видѣли его радостнымъ; потомъ онъ возвратился въ Шенбрюннъ и заперся, говорили о немъ, работая съ Бертье, съ Маре, на самомъ же дѣлѣ, удаляясь отъ своей арміи, страдая какою-то непонятною болѣзнью, приступамъ которой онъ уже подвергался нѣсколько разъ, и которая возобновилась въ 1812 году, во время битвы при Бородинѣ: усталость, общее мозговое напряженіе, нервное возбужденіе, тоска, реакція на столь великую затрату мысли, воли, физической силы? По крайней мѣрѣ, въ средѣ окружающихъ его распространяется тревога. Письма, которыя онъ помѣчаетъ этими днями, не показываютъ ни упадка силъ, ни даже разсѣянности; но они выдаютъ глубокое страданіе, нетерпѣніе, раздраженіе, разбитое состояніе отъ чрезмѣрныхъ движеній, отъ ударовъ, наносимыхъ черезчуръ издалека, которые не достигаютъ намѣченной точки. Нужно ли думать о томъ, что мало пригодныхъ людей? Но кѣмъ ихъ пополнить? Нужно ли думать о противодѣйствіи хода вещей? Но кто овладѣетъ имъ, если столько побѣдъ остались тщетными, и если это противодѣйствіе даже усиливается вмѣстѣ съ успѣхомъ?

Его братья проматываютъ его деньги, берутъ у него людей и ничего не дѣлаютъ. Онъ не хочетъ писать Іосифу, не получая курьеровъ изъ Испаніи: «Я знаю, что я имѣю тамъ 200,000 человѣкъ подъ ружьемъ; это гораздо больше, чѣмъ сколько нужно, чтобы окончить дѣла Испаніи... Я боюсь, какъ бы англичане, выступивъ изъ Португаліи черезъ Абрантесъ, не застигли короля въ Мадридѣ... Я вижу мало людей, способныхъ вести все это дѣло... Не умѣютъ начальствовать въ этомъ королевствѣ!» [1]) Людовикъ, совсѣмъ не воинъ, сидитъ неподвижно въ Ахенѣ, подписываетъ декреты о торговлѣ, то есть, противъ блокады, бережетъ своихъ голландцевъ и дѣлаетъ Наполеона «посмѣшищемъ Европы». Наполеонъ пишетъ ему объ этомъ; то же пишетъ онъ и Іерониму, болѣе воинственному, хотя и не болѣе солдату, но вялому, предавшемуся своимъ удовольствіямъ, изображающему въ своей Вестфаліи Людовика XV и предоставляющему своему великому брату роль маршала Саксонскаго: «Я видѣлъ вашъ приказъ по войскамъ, который дѣлаетъ васъ посмѣшищемъ Германіи, Австріи и Франціи... Нужно днемъ и ночью быть на конѣ... или сидѣть въ своемъ гаремѣ... Вы воюете какъ какой-нибудь сатрапъ. О, Боже! Развѣ у меня научились вы этому?.. Вы всегда участвовали въ такой кампаніи, гдѣ не было врага...» [2]).

[1]) A Clarke, 8, 18 juillet. Conf. 12 juin 1809.

[2]) A Louis, 17 juillet; à Jérôme, 17, 25 juillet 1809. Rocquain, Lecestre.

Онъ старается «покончить» съ Тиролемъ. Онъ пишетъ Лефевру: «Если я заключилъ свое перемиріе, то это было сдѣлано главнымъ образомъ для того, чтобы подчинить Тироль. Я боюсь... какъ бы васъ не провела эта сволочь...» Нужно жечь, разстрѣливать. «Будьте страшны и дѣйствуйте такъ, чтобы можно было увести изъ Тироля часть вашихъ войскъ» [1]). Нужно было, чтобы онъ вездѣ присутствовалъ, и вездѣ со своей гвардіей! А между тѣмъ онъ дошелъ до того, что принужденъ пополнять эту гвардію новобранцами. По всему сѣверу онъ разбросалъ войска, которыя или даютъ себя бить, или отступаютъ, или не приходятъ. «Двадцать тысячъ человѣкъ, болѣе или менѣе хорошо пущенныхъ въ дѣло, могутъ измѣнить судьбу Европы!» пишетъ онъ Іерониму [2]). Наконецъ, въ Парижѣ общественное мнѣніе растерялось, печать вредитъ: Фуше не даетъ ей направленія [3]). Фуше позволяетъ *Gazette de France* намекать, что Пруссія сейчасъ объявитъ намъ войну, что Россія противъ насъ. Фуше работаетъ въ пользу мира сообразно своему плану, который состоитъ въ томъ, чтобы устрашать общество, и въ томъ, чтобы при помощи своихъ бюллетеней, въ которыхъ онъ предоставляетъ отражаться этому страху, довести императора до переговоровъ. Онъ такого приказа не получалъ, и Наполеонъ строго напоминаетъ ему объ этомъ. Вниманіе къ Александру, знаки интимности съ нимъ онъ простираетъ до того, что приказываетъ уничтожить на памятникахъ имя Аустерлица. Потомъ онъ чуетъ заговоръ, который онъ столько разъ подозрѣвалъ и никогда не открывалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что англичане настроили свои орудія по всей Европѣ. Ничто не дѣлается случайно само собою». Тѣ же извѣстія распространяются въ Германіи, въ Италіи, въ Парижѣ. Они проникаютъ за сторожевыя линіи на почтѣ и черезъ черные кабинеты, подобно тому, какъ англійскіе товары проскользаютъ черезъ пакгаузы и таможенную черту [4]).

Дѣйствіе Ваграма теряетъ силу вслѣдствіе самой продолжительности перемирія. Наполеонъ получаетъ подкрѣпленія людьми, лошадьми, но его смѣлое предпріятіе слабѣетъ. Разгадываютъ, что онъ желаетъ мира, что онъ нуждается въ немъ, и снова является въ нихъ смѣлость воевать. Австрія оказывается болѣе сильною и могущественною, чѣмъ она это думала. Начавъ переговоры для того, чтобы вздохнуть, она будетъ продолжать ихъ, чтобы снова стать на ноги. Она имѣетъ 260,000 человѣкъ, и они едва было не побѣдили. Если Наполеонъ принимаетъ *statu quo ante*, Австрія безъ колебаній подписывается подъ этимъ; но всякая территоріальная уступка подвергала бы опасности существованіе государства, и тогда лучше продолжать борьбу. Во всякомъ случаѣ, согласится ли Наполеонъ на *statu quo ante*, или Австрія будетъ заставлена уступить еще одинъ разъ, миръ будетъ только перемиріемъ, и Австрія будетъ искать въ немъ лишь средства жить, примѣняясь къ французской системѣ. «Только такимъ образомъ, быть можетъ, мы продолжимъ наше существованіе до дня общаго освобожденія. Безъ содѣйствія Россіи нельзя больше и думать свергнуть иго, которое давитъ всю Европу... Слѣдовательно, мы можемъ принять только одно рѣшеніе: нужно, чтобы мы сохранили силы для лучшихъ временъ, и чтобы мы для нашего спасенія работали средствами болѣе гибкими». Такъ думаетъ Меттернихъ и относительно конференціи, которыя откроются, и относительно времени, которое послѣдуетъ непосредственно за миромъ [1]). Императоръ Францъ не хочетъ и слышать ни о мирѣ съ территоріальной уступкой, ни о мирѣ съ разоруженіемъ. Онъ рѣшаетъ затянуть переговоры, чтобы выяснить намѣренія Наполеона, чтобы вывѣдать замыслы Россіи и чтобы подготовиться къ возобновленію борьбы. 20 іюля онъ пишетъ царю.

Фридрихъ-Вильгельмъ обращается къ Александру въ то же самое время, прося помощи и совѣта: Пруссія при послѣднихъ средствахъ, при послѣднемъ терпѣніи. Если Австрія будетъ уничтожена, тогда полное разрушеніе Пруссіи неизбѣжно. «Насколько дѣла представляли бы другое положеніе, если бы Вы, государь, нашли полезнымъ для своей имперіи отказаться отъ Вашей теперешней политической системы, заявивъ себя противъ Франціи!» Россія тогда владѣла бы болѣе увѣренно своими недавними завоеваніями,—и Фридрихъ-Вильгельмъ въ своемъ отчаяніи доходитъ до того, что прибавляетъ къ этому: «герцогство Варшавское совсѣмъ уже приготовлено для такого присоединенія», но онъ раздумалъ и вычеркнулъ слова, которыя обязывали его преждевременно. Маіоръ Шелеръ, который отправился съ этимъ письмомъ, прибавлялъ Фридрихъ-Вильгельмъ, можетъ дать императору объясненія о силахъ Пруссіи и «касательно всего, что относится къ этому предмету» [2]). Шелеръ отправился въ Петербургъ 24 іюля; въ тотъ же день, другой офицеръ, Кнезебекъ, отправился въ Вѣну съ аналогичной миссіей: Пруссія была склонна всту-

---

[1]) A Lefebvre, 26, 30 juillet 1809. Lecestre.

[2]) 25 juillet 1809. Lecestre.

[3]) A Clarke 19 mai; à Cambacérès, à Fouché, 20 mai. 27 juin, 24 juillet 1809.

[4]) A Fouché, 14, 16, 24 juillet; 17 août 1809. Lecestre.—Объ *махинаціяхъ* англичанъ см. т. VI, стр. 181, 303.

[1]) Mémoire du 25 juillet sur la continuation de la guerre; du 10 août, sur la paix; résolution impériale du 10 août 1809. Metternich, t. II.

[2]) A Alexandre, 24 juillet 1809. Bailleu.

пить въ войну, если бы Австрія обезпечила ей территоріальное возстановленіе въ качествѣ первоклассной державы.

Прусскіе министры очень разсчитывали на то, что они поднимутъ Сѣверную Германію, если устроятъ диверсію англичане. Англійскіе министры считали, что для этого наступило время. Освѣдомленные своими шпіонами, чувствуя поддержку въ своихъ парижскихъ *друзьяхъ*, полагая, что у нихъ есть сторонники англійскаго мира даже въ самомъ правительствѣ Наполеона; что по первому сигналу вспыхнетъ одно возстаніе въ Вандеѣ, другое въ Бельгіи; разсчитывая на Турцію, чтобы ударить въ тылъ французамъ, когда они вынуждены будутъ эвакуировать Далмацію; увѣренные въ дѣятельной и могущественной партіи въ Россіи; зная о слабости Людовика въ Голландіи и о расположеніи къ нему голландцевъ, о раздраженіи ганноверцевъ, брауншвейгцевъ и вестфальцевъ противъ французовъ и противъ Іеронима, они задумывали своего рода *контръ-блокаду*, систему экспедицій, высадокъ, возстаній на всѣхъ берегахъ, словомъ, встрѣчное предпріятіе противъ громаднаго морского плана, задуманнаго Наполеономъ въ 1805 году,—плана, за который онъ опять принимался столько разъ, и который долженъ былъ состоять въ ошеломляющемъ нападеніи во всѣхъ концахъ свѣта и въ пораженіи Англіи.

Въ маѣ мѣсяцѣ было сдѣлано распоряженіе вооружить тридцать семь линейныхъ кораблей, двѣсти военныхъ судовъ и четыреста транспортовъ. На нихъ можно было доставить 40,000 человѣкъ. Эта армія, высадившись въ Германіи, гдѣ она, по словамъ Штейна, могла бы быть поддержана приблизительно 50,000 пруссаковъ и брауншвейгцевъ [1]), могла бы произвести тамъ страшныя дѣйствія, потому что, по всей вѣроятности, она вызвала бы общее возстаніе. Но англійскій кабинетъ искалъ своихъ болѣе прямыхъ выгодъ и свою диверсію направилъ на тотъ пунктъ, откуда онъ, не взирая ни на что, хотѣлъ изгнать французовъ—на Антверпенъ. 30 іюля англичане высадились на островъ Вальшеренъ и осадили Флейссингенъ. Людовикъ получилъ извѣстіе объ этомъ 1 августа въ Ахенѣ. Онъ обнаружилъ больше присутствія духа, чѣмъ отъ него ожидали: онъ поспѣшилъ въ Амстердамъ, доставилъ на повозкахъ 6,000 человѣкъ и вернулъ всѣ войска, бывшія въ пути къ великой арміи. Но въ самомъ Антверпенѣ, въ окрестностяхъ его, ничего не было приготовлено. «Я былъ въ ужасѣ отъ слабости и ничтожества средствъ, принятыхъ для защиты Шельды [2])». И было извѣстіе, что герцогъ Брауншвейгскій съ 8,000 человѣкъ грозилъ голландской границѣ.

[1]) Письма Штейна, особенно, 27 іюля и 23 августа 1809 г. Pertz.
[2]) Louis à Napoléon, 2 et 9 août 1809. Rocquain.

Неожиданные удары посыпались теперь на Наполеона. Только что упомянутый ударъ произвелъ въ Парижѣ громадное дѣйствіе, и друзья мира, даже друзья Англіи были смущены имъ. Англичане осаждаютъ Флейссингенъ, угрожаютъ Антверпену, это вовсе не была *ихъ* Англія! Англичане въ Голландіи и Бельгіи въ то время, какъ великая армія находилась по ту сторону Вѣны, словно корабль, легшій въ дрейфъ: это значило возвратиться къ опаснымъ временамъ директоріи! Одинъ Фуше не потерялъ головы; но онъ считаетъ выгоднымъ для себя, чтобы заставить потерять ее всѣхъ остальныхъ, «организовать смертельную тоску» [1]), какъ въ былое время онъ организовалъ терроръ, и заставить Наполеона, Францію и Европу признать въ немъ необходимаго спасителя республики. Наполеона разбили, это еще разъ можетъ случиться съ нимъ; тогда Европа составитъ противъ него коалицію, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы податься къ Франціи съ остатками своей арміи, Голландія была бы завоевана, произошло бы вторженіе въ Бельгію, угрожали бы Парижу. Кто правилъ бы въ этотъ критическій моментъ? Кто сталъ бы вести переговоры съ врагомъ, если бы Наполеонъ былъ убитъ, если бы онъ былъ низвергнутъ, если бы непріятель отказался вести съ нимъ переговоры? Человѣкъ, который обладалъ бы въ эти дни властью, который далъ бы безопасность обществу, возвратилъ бы миръ французамъ, обезпечилъ бы пріобрѣтенную собственность и законы революціи, былъ бы господиномъ завтрашняго дня, онъ не только спасъ бы и свою личность, и свое имущество, и свои должности, но онъ достигъ бы первой степени въ государствѣ: всякая партія, всякій претендентъ должны были бы считаться съ нимъ. Таллейранъ былъ такимъ человѣкомъ въ 1814 году, Фуше въ 1815 году; съ 1809 года онъ задумалъ эту роль. Первое дѣло этого бывшаго комиссара конвента, какъ и всѣхъ подобныхъ ему, состояло въ томъ, чтобы собрать вооруженную силу и найти преданнаго генерала, достаточно честолюбиваго, чтобы онъ рѣшился на предпріятіе, въ достаточной степени «республиканца» по своей репутаціи, чтобы не пугать умѣренныхъ и чтобы привлечь на свою сторону революціонеровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не очень устойчиваго въ своемъ положеніи, чтобы было легко отъ него отдѣлаться, послѣ того какъ онъ сослужитъ свою службу.

Онъ думалъ, что онъ имѣетъ такого человѣка подъ рукой.—Бернадотта, всегда готоваго посподѣйствовать паденію своего господина и занять его мѣсто, въ званіи ли консула, или императора. Онъ вернулся въ Парижъ въ апрѣлѣ, вполнѣ заслуженной за свое болѣе чѣмъ подозрительное

[1]) Выраженіе Бальзака: *Une Ténébreuse affaire.*

поведеніе подъ Ваграмомъ, но пріобрѣлъ популярность благодаря этой самой опалѣ, какъ ни была она смягчена любезностями. Что касается вооруженной силы, то Фуше могъ найти ее только въ старомъ революціонномъ орудіи, въ національныхъ гвардейцахъ. И онъ принимается за дѣло, онъ, человѣкъ зловѣщихъ дней, смутьянъ, но смутьянъ страшный своими высокими и низкими дѣлами для общественнаго спасенія [1]).

29 іюля 1809 года, вечеромъ, узнали по телеграфу о прибытіи англійскаго флота къ Вальшерену и о приготовленіяхъ для высадки корпуса, опредѣляемаго въ 40,000 человѣкъ. Достовѣрно узнали объ этомъ 30-го. Въ правительствѣ паника, въ публикѣ страшное возбужденіе, не знающій удержу ажіотажъ: рента падаетъ съ 83 франковъ до 79. Министры и важные сановники имперіи составляютъ совѣтъ. Морской министръ Декре, очень взволнованный и очень возбужденный, убѣждаетъ своихъ товарищей дѣйствовать со всей энергіей. «Я говорилъ съ горячностью и съ тревогой, которыя, конечно, показались странными... Я дерзнулъ сказать: сдѣлаемъ то, что сдѣлалъ бы самъ императоръ, если бы онъ былъ здѣсь. За отсутствіемъ войскъ онъ послалъ бы массу гражданъ на берега рѣки. Я потребовалъ немедленнаго воззванія о призывѣ и быстрой отправки подъ стѣны Антверпена всѣхъ бывшихъ военныхъ, которые находятся въ департаментахъ, и которыхъ можно вооружить. Я потребовалъ, чтобы они отправлялись по мѣрѣ того, какъ ихъ наберется комплектъ для повозки... Я потребовалъ, чтобы немедленно набрали десять тысячъ парижскихъ рабочихъ, чтобы ихъ отправили со всею поспѣшностью... Я билъ тревогу о близости нашихъ опасностей... Я потребовалъ, чтобы вечеромъ же князь Понте-Корво отправился командовать на сушѣ и на морѣ».

Бернадоттъ былъ готовъ съ головы до ногъ. 3 августа онъ является къ военному министру Кларку, предлагая свои услуги и заявляя, что онъ готовъ сѣсть на коня. По приказу Кларка національные гвардейцы уже были мобилизованы въ сѣверныхъ департаментахъ. Фуше, который, конечно, предупредилъ Бернадотта, замѣщалъ тогда министра внутреннихъ дѣлъ, Крете, который былъ боленъ. Такимъ образомъ онъ располагаетъ префектами въ двоякомъ званіи, соединяя въ себѣ внутреннія дѣла и полицію. Онъ очень одобряетъ мѣры, предложенныя Декре; но онъ не столько дѣйствуетъ и исполняетъ, сколько выставляетъ на видъ приказы, касающіеся приготовленій. Онъ обращается къ мэрамъ Парижа съ циркуляромъ, въ которомъ находится слѣдующая фраза: «Докажемъ Европѣ, что, если геній Наполеона можетъ давать блескъ Франціи, его присутствіе не составляетъ необходимости для того, чтобы отразить непріятеля». Онъ изображаетъ собою генеральнаго прокурора національной защиты, онъ поднимаетъ горячку въ странѣ. Онъ волнуетъ даже тѣ окраины имперіи, гдѣ нѣтъ рѣшительно никакой опасности, Прованса, Дофине, Пьемонтъ. Но главнымъ образомъ онъ занимается Парижемъ, и именно тамъ раскрываетъ онъ свою смѣлость.

[1]) Сличите Директорію въ 1799 году, т. V, стр. 298, 353.

Когда столичный гарнизонъ присоединился къ Великой Арміи, Наполеонъ ввѣрилъ полицейскую службу національной гвардіи, набранной изъ среды зажиточныхъ буржуа и представлявшей численность приблизительно въ 6,000 человѣкъ. Фуше, ссылаясь на мнимые приказы императора, тайны которыхъ ему были извѣстны, предлагаетъ совѣту поднять это число до 12,000 человѣкъ. Совѣтъ нисколько не противится этому. Даже не заручившись согласіемъ Камбасереса, дѣйствительнаго вице-императора, Фуше поднимаетъ дѣйствительный составъ до 24,000, потомъ до 30,000 человѣкъ, организуетъ кадры и назначаетъ офицеровъ. Онъ избираетъ ихъ изъ среды богатой буржуазіи, враждебной императору. Тамъ были, говоритъ одинъ современникъ, близко видѣвшій дѣло, «люди горячіе, задорные, очень вредные, полные самолюбія». Они вооружаются на свой счетъ и очень быстро. Декре жаловался, что отправка парижанъ на сѣверъ происходила очень медленно. Фуше уклонился отъ разговора. «Мы не умѣемъ импровизовать эти важныя распоряженія», писалъ Декре императору. Фуше хотя и умѣлъ, но онъ не довѣрялъ своего секрета своимъ товарищамъ.

Кларкъ, который ненавидѣлъ его, одинъ изъ первыхъ сталъ подозрѣвать его. «Смотрите, говоритъ онъ Сегюру въ первыхъ числахъ сентября, Фуше вооружаетъ народъ, даже прислугу. Это ополченіе 93 года, которое онъ желаетъ имѣть подъ рукой. Онъ готовится играть важную роль... Тридцать тысячъ вооруженныхъ человѣкъ въ Парижѣ! Но тутъ нужно цѣлую армію, чтобы защищать насъ отъ этой гвардіи... И онъ назначаетъ въ ней офицеровъ... Его цѣль очевидна, это—измѣна! Но я наблюдаю за нимъ...» Въ совѣтѣ между министрами происходили діалоги, напоминавшіе діалоги комитета общественнаго спасенія и директоріи, наканунѣ фруктидора. «Есть только одинъ... якобинецъ, говоритъ Кларкъ, у котораго могла бы явиться мысль набрать и вооружить въ Парижѣ національную гвардію!—Есть, возразилъ Фуше, только одинъ иностранецъ, продавшійся англичанамъ, который могъ бы противиться образованію этой гвардіи!» Гюленъ, произведенный въ коменданты Парижа, заявилъ, что онъ уже не можетъ отвѣчать ни за что: «Мои патрули неожиданно встрѣчаютъ посты и неизвѣстные патрули. Неизвѣстно, граж-

дане ли это, или злоумышленники. Я буду обезоруживать ихъ, я буду стрѣлять по нимъ».

6 августа Наполеонъ получилъ, черезъ курьера отъ Кларка, извѣщеніе о прибытіи англійскаго флота. Ему приходилось не подавать виду, что онъ вѣритъ въ серьезную экспедицію на берега Германіи [1]); онъ зналъ лучше всякаго другого, какъ были недостаточны средства защиты Флейссингена и Антверпена [2]); хотя онъ и объявлялъ Флейссингенъ неприступнымъ, Антверпенъ внѣ всякой опасности; хотя Кларкъ только отчасти указывалъ ему на парижскія заботы, на принятыя тревожныя мѣры, онъ догадался объ опасности, онъ вообразилъ себѣ смятеніе умовъ. По приказамъ, которые онъ отправляетъ, видно сразу, насколько онъ озабоченъ, и въ какой необходимости онъ оказывается обратиться къ средствамъ опасныхъ дней, къ тѣмъ именно средствамъ, которыя Фуше пустилъ въ ходъ. Онъ посылаетъ Камбасересу декретъ о наборѣ 30,000 національныхъ гвардейцевъ, онъ приказываетъ формировать легіоны изъ «старыхъ солдатъ, которые пожелаютъ совершить эту кампанію, чтобы сражаться противъ англичанъ»; онъ взываетъ къ помощи генераловъ Республики, поглощенныхъ работой въ сенатѣ, Латуръ-Мобурга, Сулеса, д'Абовилля, Бернонвилля, Рампона; къ Шельдѣ онъ посылаетъ Келлермана, командующаго резервомъ въ Страсбургѣ [3]). Онъ приказываетъ составить адресъ, который ему пришлетъ сенатъ, и «который составитъ своего рода прокламацію... Министры побудятъ. Нужно сейчасъ же имѣть въ первой и второй линіи 80,000 человѣкъ и привести націю въ движеніе, чтобы она заявила себя, чтобы прежде всего отбить у англичанъ охоту къ этимъ экспедиціямъ, и чтобы они видѣли, что нація всегда готова взяться за оружіе; затѣмъ, чтобы отнять островъ Вальшеренъ, если онъ взятъ...» Онъ утверждаетъ избраніе Бернадотта для командованія этой «сѣверной арміей», образовавшейся невзначай, составленной изъ новобранцевъ, національныхъ гвардейцевъ, ветерановъ, за отсутствіемъ Бернадотта, или подъ его начальствомъ, Монсея или Серюрье. Онъ желаетъ, чтобы эта армія выступила на сцену и очень скоро, чтобы прогнать англичанъ и чтобы «благопріятствовать переговорамъ». Онъ утѣшаетъ себя надеждой, что, если англичане «возьмутъ Вальшеренъ и будутъ продолжать кампанію во Франціи ли, въ Голландіи ли», будетъ мѣсяцъ времени для подготовки, и что можетъ произойти какой нибудь благопріятный встрѣчный ударъ со стороны Испаніи: «Кажется, что лордъ Веллеслей вступилъ съ 25,000 человѣкъ въ Талаверу. Если это правда, то англичане, нуждаясь въ войскахъ для поддержанія этой испанской экспедиціи, не могутъ имѣть нужнаго количества людей, чтобы взять Вальшеренъ и сдѣлать значительную диверсію съ этой стороны..» Тѣмъ болѣе, что, если Іосифъ занялъ позицію, если Сультъ присоединился къ нему, онъ будетъ имѣть 100,000 человѣкъ. «Это былъ бы прекрасный случай дать урокъ англичанамъ, окончить войну...» [1]). Наполеонъ былъ доведенъ до необходимости размышлять подобнымъ образомъ, строить гипотезы за неимѣніемъ возможности дѣйствовать; воображать побѣду вдали, за невозможностью одержать ее около себя; строить предположенія, что тѣ диверсіи, которыя донимали его со всѣхъ сторонъ [2]), превратятся въ затрудненія для врага. Это значитъ, съ этой поры вслѣдствіе громадности поля битвы, безконечнаго увеличенія точекъ соприкосновенія, континентальная война, до сего времени такая точная, положительная, такая сосредоточенная въ его мысляхъ, ускользаетъ въ область грезъ, въ область спекулятивнаго мышленія, въ область химерическихъ проектовъ, подобно тому, какъ во всякое время война морская ускользала въ разбросанныя колоніи и въ безпредѣльность океановъ: новые признаки важныхъ перемѣнъ, которыя незамѣтно произошли въ условіяхъ мира и войны великой имперіи.

При внимательномъ чтеніи писемъ Іосифа получается мало надежды на удачу. Іосифъ пишетъ: «Маршалъ Сультъ выступаетъ на Плазенизу. Если онъ исполнитъ это движеніе, и если я побью англичанъ, то не спасется ни одинъ изъ нихъ». *Если...* но Ней отказывается идти по приказанію Іосифа и повиноваться Сульту; Журданъ, находясь въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ Кларкомъ, который затѣваетъ командовать изъ Парижа, требуетъ, чтобы его отозвали. «Маршалы дѣлятъ между собою провинціи... Все это кончится дурно и очень дурно», заключаетъ Іосифъ [3]). Бюллетень изъ Неаполя не много лучше: англичане пытались высадиться, но ихъ экспедиція должна была возвратиться въ Сицилію; но нужно отказаться отъ мысли завладѣть этимъ островомъ «до полнаго заключенія мира съ Австріей». Кромѣ того, Мюратъ долженъ быть въ со-

[1]) «Имъ достаточно работы въ Португаліи... Я тутъ ни одному слову не вѣрю».; à Jérôme, 25 juillet 1809.

[2]) «На о. Вальшеренъ должно быть 6000 человѣкъ... Я предполагаю, что... Я не знаю, что англичане могутъ сдѣлать... Флейссингена они не возьмутъ... Антверпенъ и его портъ безопасны отъ всякаго нападенія». A Clarke, 6 août. 1809. Rocquain, p. LXXXV et suiv. Notes.

[3]) A Clarke, à Cambacérès, 7, 8 août, à Kellermann, 7 août 1809.

[1]) A Clarke 7 août 1809.

[2]) См. разговоръ его съ Жомини: Sainte-Beuve, *Nouveaux Lundis*, t. XIII. Article *Jomini*, p. 103.

[3]) Joseph à Napoléon, 2, 18. 21. 23 juillet 1809.

стояніи занять Римъ. Тамъ нужно опасаться волненій, если война будетъ продолжаться [1]).

Дѣло въ томъ, что папа былъ арестованъ 6 іюля, похищенъ и направленъ на Гренобль, куда онъ прибылъ 23 числа среди изъявленія народомъ почтенія и жалости. Наполеонъ устроилъ дѣло такъ, чтобы это похищеніе произошло, и чтобы онъ могъ отречься отъ него [2]). «Я огорченъ, что арестовали папу, это—большое безразсудство», пишетъ онъ Фуше съ цѣлью, чтобы этотъ министръ повторялъ его слова въ Парижѣ. «Но, наконецъ, нѣтъ средства исправить это; что сдѣлано, то сдѣлано» [3]). Онъ сейчасъ же думаетъ извлечь изъ этого пользу. Онъ помѣститъ Пія VII «въ покояхъ Фонтенебло». Онъ призоветъ въ Парижъ кардиналовъ Франціи и Италіи, потому что они—его подданные. «Тамъ незамѣтнымъ образомъ кончится фанатизмъ папы». Временно онъ поселяетъ его въ Савонѣ. Событіе не вызвало никакого удивленія. «Присоединеніе Рима къ Французской имперіи, заточеніе папы казались дѣломъ простымъ и неважнымъ всѣмъ слугамъ имперіи. Равнымъ образомъ имъ казалось простымъ и неважнымъ быть отлученными отъ церкви и взять въ руки управленіе наслѣдіемъ апостола Петра» [4]). Это было антиподомъ Конкордата, разрушеніемъ религіознаго мира, и съ этой стороны это было также уходомъ назадъ за черту счастливыхъ временъ—все подалось назадъ, все снова было поставлено подъ вопросъ.

Столько побужденій желать мира. Вѣсти изъ Петербурга дѣлали его необходимымъ. Въ Галиціи Понятовскій и русскіе отряды едва не дошли до схватокъ: русскіе, союзники Наполеона, оспаривали у поляковъ, вспомогательнаго отряда Наполеона, города, которые тѣ занимали во имя французскаго императора. Ихъ тайный уговоръ съ австрійцами становился явнымъ. Въ Петербургѣ поговаривали о томъ, чтобы низложить Александра. Министры, увлекаемые движеніемъ, возвышали тонъ. Александръ заявляетъ Коленкуру, что онъ никогда не войдетъ въ сдѣлку по польскому вопросу: «Міръ недостаточно великъ, чтобы мы могли согласиться въ польскихъ дѣлахъ, разъ есть вопросъ о возстановленіи Польши тѣмъ или инымъ путемъ...»—«Я хочу во что бы то ни стало быть спокойнымъ». Румянцевъ составляетъ ноту, указывающую на заблужденія людей, которые «пишутъ на своемъ знамени имя Польши», и официально требующую гарантій [1]).

[1]) A Murat, 10, 13, 23 août 1809.

[2]) См. выше, стр. 295.

[3]) A Fouché, 18 juillet, 6 août; à Miollis, 10 août: 6, 10, 13 août 1809. Lecestre.

[4]) *Souvenirs du duc de Broglie*, t. I, p. 76.—Villemain, *Souvenirs*, t. I, p. 121. Такъ же думали солдаты и законовѣды германскаго императора Генриха IV и Филиппа Красиваго.

Чѣмъ ненадежнѣе становится русскій союзъ, тѣмъ больше привязывается Наполеонъ къ Варшавскому герцогству. Онъ желалъ бы усилить его. Онъ думалъ присоединить къ нему Галицію, которая возстала съ такимъ прекраснымъ порывомъ на призывъ Понятовскаго. Онъ понялъ, что это значило бы подвигать дѣло слишкомъ быстро и черезчуръ далеко; что русскіе не потерпѣли бы этого, они перешли бы на сторону Австріи, и что, такъ какъ Австрія не замирена, онъ долженъ, во что бы то ни стало, поддерживать наружные признаки союза. 12 августа онъ написалъ Коленкуру, чтобы тотъ предложилъ раздѣлъ Галиціи: четыре пятыхъ герцогству, остальное, приблизительно милліонъ душъ, русскимъ. Переговоры съ Австріей, конечно, оказались пріостановленными до отвѣта Александра. Наполеонъ намѣренъ повысить или понизить свои требованія, смотря потому, найдетъ ли онъ Александра благопріятно или враждебно относящимся къ разграбленію Австріи. Тѣмъ временемъ оставалось лишь дѣлать проволочки. «Избѣгайте показывать видъ, что вы спѣшите», говоритъ онъ Шампаньи, отправляя его на конференціи.

Потомъ онъ возвращается къ дѣламъ Голландіи, къ возстановленію обаянія, если оно тамъ было когда нибудь, и если оно расшатано тамъ, это неизбѣжно дастъ себя почувствовать въ Австріи и въ Россіи. Подробности доходятъ до него по частямъ, и мало по малу дѣло открывается во всей своей важности. Прежде всего замѣшательство въ правительствѣ: всѣ растерялись, потому что англичане высадились на голландскій берегъ! «Я вижу, что только Фуше сдѣлалъ то, что онъ могъ... Видъ, какой дали Франціи въ этихъ обстоятельствахъ, есть вѣчный позоръ...» Они забыли уроки Революціи: нужно было каждый день обнародовать бюллетени. «Обществу ничего не говорятъ!»—«Уже должно было бы имѣть въ Антверпенѣ 20,000 національныхъ гвардейцевъ!» [2]). Но онъ тотчасъ же раздумалъ: Таллейранъ въ Парижѣ, одинъ Фуше есть глава министерства, вотъ Бернадоттъ въ Бельгіи съ арміей, заговорщики встрѣтились, заговоръ готовъ! «Это—человѣкъ, которому мнѣ нельзя довѣряться, говоритъ онъ о Бернадоттѣ: онъ сносится съ парижскими интриганами!» Онъ отправляетъ Бесьера командовать національными гвардейцами. Онъ узнаетъ, что Камбасересъ далъ командованіе Людовику какъ имѣющему чинъ коннетабля. «Только я могу назначать командировъ, извѣщаетъ онъ великаго канцлера. Я жажду узнать, что эта анархія прошла» [3]).

[1]) Note du 26 juillet 1809.

[2]) A Clarke, 10 août; à Cambacérès, 11 août 1809.

[3]) A Clarke, 11 août; cf. 11 septembre 1809; à Cambacérès, 16 août; à Louis, 13 août 1809. Rocquain.

© ГПБ

По мѣрѣ того, какъ прибываютъ курьеры, онъ открываетъ сдѣланныя ошибки, упущенные случаи; онъ дѣлаетъ поправки, даетъ наставленія, но уже слишкомъ поздно. Онъ диктуетъ свои газетныя статьи. Онъ отнимаетъ дѣйствительное командованіе у Іеронима; учащаетъ приказы Кларку относительно защиты Флейссингена, представляя себѣ нападеніе на него на основаніи получаемыхъ имъ отрывочныхъ извѣстій [1]). Въ виду возобновленія войны, онъ приготовляетъ диверсіи: финансовое и даже политическое разрушеніе Австріи. Онъ приказываетъ фабриковать фальшивыя бумажныя деньги, подстрекаетъ къ возстанію венгерцевъ. Это— такое усложненіе пружинъ, запутанность, дрожаніе всей машины, подобія которымъ еще не видѣли, аналогичное положеніе увидятъ только въ 1813 году, во время Пражскаго конгресса. Въ 1809 году видятъ, какъ еще разъ можно все наладить, пока не назрѣла коалиція; въ 1813 году увидятъ, какъ все рушится, потому что коалиція готова. А между тѣмъ въ 1809 году только одинъ престижъ можетъ предохранить отъ коалиціи, и именно посредствомъ престижа Наполеонъ дѣйствуетъ въ это время, такъ какъ его побѣда недостаточна для этого. Въ эту критическую пору, самую грозную изъ всѣхъ, черезъ какія онъ проходилъ, онъ обнаруживаетъ богатство комбинацій, проницательность, искусство, которыя въ переговорахъ дѣлаютъ его равнымъ тому, чѣмъ онъ былъ на войнѣ въ дни, предшествовавшіе Аустерлицу и Ваграму.

III.

Конференціи открылись 18 августа, въ Альтенбургѣ, между Шампаньи, Меттернихомъ и генераломъ Неджентомъ. Наполеонъ находился въ Шёнбрюннѣ, императоръ Францъ въ замкѣ Дотисъ. Много знатныхъ особъ находилось въ постоянномъ движеніи между резиденціями императоровъ и маленькимъ городкомъ, въ которомъ вели переговоры дипломаты. Всѣ эти люди казались очень занятыми, въ дѣйствительности же они только желали показывать видъ, будто они что-то дѣлаютъ; а все ихъ дѣло состояло въ томъ, что они разжижали ноты, составляли протоколы и обмѣнивались вѣжливостями. Наполеонъ наблюдалъ, колеблясь вслѣдствіе противорѣчивыхъ извѣстій: газеты сообщали о неудачѣ въ Испаніи, о взятіи Флейссингена, объ опасности, грозящей Антверпену; потомъ говорили, что англичане и испанцы, 120,000 человѣкъ, разбиты въ Испаніи [2]). Онъ получилъ письмо отъ Александра, который говорилъ ему о «бывшей Польшѣ»; тотъ же курьеръ, Чернышевъ, привезъ письмо царя императору Францу [1]).

[1]) A Fouché, 16 août 1809.—Lettres à Clarke, 13 août et suiv.
[2]) Joseph à Napoléon, 7, 9 août 1809.

Это было письмо обезкураживающее. Соглашеніе между Австріей и Пруссіей не могло установиться. Миссія Кнезебека не удалась. Меттернихъ предугадывалъ растущее охлажденіе между Наполеономъ и Александромъ; онъ усматривалъ средство занять мѣсто Александра около Наполеона, чтобы успокаивать его, наблюдать за нимъ и въ концѣ концовъ обмануть его. Необходимость уступить Наполеону всю Галицію или часть ея смягчалась мыслью, что эта Галиція могла бы послужить разрушителемъ союза между Франціей и Россіей и рано или поздно представила бы Австріи случай сблизиться съ Александромъ. Прибавьте къ этому, что въ австрійской арміи появилась эпидемія; что ни Испанія, ни Голландія не дали того, чего отъ нихъ ожидали. Англичане не высадились въ Германіи. Францъ рѣшилъ послать къ Наполеону генерала Бубну съ письмомъ. Бубна, который выполнилъ не одну миссію въ такомъ родѣ, живалъ въ Парижѣ. Онъ имѣлъ тамъ большія знакомства; свободно говорилъ и писалъ по французски. «Подъ наружнымъ видомъ настоящаго военнаго, открытаго, даже немного грубаго, это былъ умъ замѣчательно тонкій, проницательный, хитрый и насмѣшливый» [2]).

Наполеонъ принялъ его 9 сентября [3]), и въ разговорѣ самомъ необыкновенномъ изъ тѣхъ, какіе ему приходилось вести, представляющемъ соединеніе солдатскихъ остротъ и тонкихъ намековъ, угрозъ и соблазновъ, онъ позволялъ усматривать нѣкоторый замыселъ, который Меттернихъ имѣлъ мудрость предчувствовать, позволялъ усматривать свою потребность въ союзникѣ и желаніе, чтобы Австрія могла сдѣлаться этимъ союзникомъ вмѣсто и намѣсто Россіи. Онъ повторилъ, и притомъ нѣсколько разъ, фразу, сказанную Лихтенштейну: «Если бы былъ одинъ императоръ, на добросовѣстность котораго я могъ бы положиться, каковъ, напримѣръ, великій герцогъ Вюрцбургскій или эрцгерцогъ Карлъ, я вернулъ бы цѣликомъ всю австрійскую монархію... Я хочу имѣть дѣло съ человѣкомъ, который былъ бы настолько благодарнымъ, чтобы оставилъ меня въ покоѣ въ продолженіе моей жизни. Говорятъ, что львы и слоны часто представляли поразительныя доказательства власти этого чувства надъ ихъ сердцемъ. Только вашъ государь не способенъ на это». Бубна протестуетъ; Наполеонъ напоминаетъ о Пресбургскомъ мирѣ. Бубна говоритъ о Тиролѣ

[1]) Alexandre à Napoléon, 21 août; à François 21 août; Napoléon à Champagny, 2 septembre 1809.
[2]) Souvenirs du duc de Broglie, t. I, p. 82.
[3]) Napoléon à Champagny, 10 et 15 septembre 1809; rapports de Bubna. Beer.

который его императоръ желаетъ возвратить: «Даже если бы австрійцы были въ Мецѣ, если бы имѣли въ своихъ рукахъ укрѣпленіе Сентъ-Круа, это предложеніе было бы непріемлемымъ: никогда Тироль не будетъ принадлежать австрійскому дому, потому что онъ раздѣляетъ Италію и Германію»... Бубна намекнулъ съ осторожностью на возможность союза:— «Австрійскій домъ никогда не желалъ этого. Мы два быка, желающіе спать съ Италіей и Германіей; пока австрійскій домъ будетъ держаться подобныхъ рѣчей, намъ невозможно будетъ столковаться»... Потомъ Наполеонъ продолжалъ: «Я не скажу ничего относительно Австріи; я понимаю, что ей все полезно; что Галиція не входитъ въ мои позиціи; что Тріестъ годится для меня лишь для того, чтобы уничтожить его; что для меня безразлично, будетъ ли Баварія имѣть однимъ милліономъ народонаселенія больше или меньше; что моя истинная выгода состоитъ въ томъ, чтобы или раздѣлить эти три короны (австрійскаго дома), или заключить союзъ съ царствующимъ домомъ. Но раздѣленіе трехъ коронъ требуетъ войны, а союзъ невозможенъ съ императоромъ Францемъ». Наполеонъ желаетъ мира, говоритъ онъ. Онъ возьметъ четыре милліона людей; онъ въ состояніи взять ихъ. Отступленіе англичанъ въ Голландіи ставитъ его въ прекрасное положеніе: эта экспедиція позволила ему набрать 200,000 человѣкъ, которые присоединятся къ его германской арміи!..

Курьеръ отъ Коленкура, прибывшій 12 сентября, представляетъ царя согласнымъ на раздѣлъ Галиціи; онъ не давалъ никакихъ объясненій относительно долей, изъ чего Наполеонъ заключалъ, что онъ могъ по своему усмотрѣнію сокращать долю въ пользу герцогства такъ же, какъ и долю въ пользу Россіи, и искать своихъ выгодъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были болѣе ясны. Онъ сейчасъ же написалъ Шампаньи [1]): «Сообщеніе Далмаціи съ итальянскимъ королевствомъ составляетъ главный интересъ Франціи. Иннфиртель (округъ въ низовьяхъ р. Инна), Зальцбургъ, верхняя Австрія, Богемія, Галиція ничто въ сравненіи съ этимъ главнымъ интересомъ. Мы не имѣемъ никакого интереса ни на Балтійскомъ морѣ, ни въ Польшѣ; но *мы очень желаемъ Средиземнаго моря*, мы очень желаемъ поддерживать независимость Турціи». Онъ говорилъ: *независимость*, а не *цѣлость*, потому что Россія собиралась ограбить эту имперію съ согласія Наполеона, взять Молдавію и Валахію. 15 сентября онъ отпустилъ Бубну съ письмомъ къ императору Францу: онъ позволялъ усматривать въ немъ намѣренія относительно союза. Потомъ онъ продиктовалъ для Шампаньи, чтобы тотъ 16 числа помѣстилъ въ протоколѣ слѣдующій *ультиматумъ*: взять 1,680,000 человѣкъ въ

[1]) 13 сентября 1809 г.

Крайнѣ, Каринтіи, Хорватіи, Истріи, Тріестѣ и все, что оставалось у Австріи на Адріатическомъ побережьѣ. Это обезпечивало Наполеону его проходы къ Балканскому полуострову. Онъ тамъ прочно утвердится въ то самое время, когда Россія подвинется къ Дунаю. Онъ потребовалъ 400,000 душъ въ Германіи, въ округѣ Инна, 200,000 въ Галиціи, «которую нужно раздѣлить между королемъ Саксонскимъ и Россіей». Письмо начиналось слѣдующими словами: «Надо ускорить переговоры, насколько это вамъ возможно».

Между тѣмъ, обезопасивъ себя со стороны англичанъ въ Вальшеренѣ, видя, что ихъ изнуряютъ болѣзни, находя, что въ Парижѣ единственный министръ, сохранившій присутствіе духа, Фуше, слишкомъ быстро поднялъ свой султанъ и опоясалъ свою саблю проконсула, и что съ удаленіемъ опасности революціонная обстановка дѣлается компрометирующей, Наполеонъ забылъ свои собственныя тревоги, свои нервныя распоряженія, свои воззванія къ обществу, свои наборы національныхъ гвардейцевъ; онъ взялъ дѣло опять въ свои руки и заявилъ, что все должно войти въ обычный порядокъ. Ему было полезно, чтобы отнынѣ эта тревога казалась безпредметной и неважной. Бернадоттъ издалъ приказъ по войскамъ, изъ котораго можно было заключить, что Наполеонъ располагалъ всего только 15,000 человѣкъ въ Голландіи. «Мнѣ выгодно убѣдить, что у меня тамъ 100,000!» Онъ придрался къ этой выходкѣ, чтобы отдѣлаться отъ Бернадотта, который, указавъ на неопытность императора, конечно, хотѣлъ выставить себя спасителемъ государства. «Соображенія его посредственны. Я никакъ не могъ положиться на него. Онъ всегда готовъ исполнять волю интригановъ. На войнѣ онъ такой же: ему не удалось повести дѣло такъ, чтобы я потерялъ Іенскую битву; онъ посредственно велъ себя подъ Ваграмомъ». Онъ написалъ Фуше, а предупрежденіе мѣтило въ двухъ: въ гражданскаго диктатора и въ его правую руку,—въ диктатора военнаго [1]). И словно это письмо было недостаточно ясно, на слѣдующій день онъ написалъ еще другое по тому же адресу: «Это—преступленіе со стороны генерала выдать секретъ своихъ силъ врагу и Европѣ. Мнѣ надоѣли интриганы, и я чувствую себя оскорбленнымъ тѣмъ, что человѣкъ, котораго я осыпалъ благодѣяніями, слушаетъ негодяевъ, которыхъ онъ знаетъ и цѣнитъ. Вы скажите ему, что онъ не видалъ ни одного человѣка, не получилъ ни одного письма, о которыхъ бы мнѣ не было извѣстно»...

Бубна возвратился къ своему государю, убѣжденный, что Наполеонъ желаетъ мира, докладывая, что всѣ окружающіе Наполеона желали мира,

[1]) A Fouché, 11 septembre 1809.

описывая французскую армію усталою, обезкураженною, нетерпѣливо ждущею конца войны. Рѣшительно австрійцы думали, что они имѣли передъ собою дѣло получше, чѣмъ рисковать своимъ существованіемъ ради независимости несуществующей Европы. Продолженіе войны было дѣло Европы; миръ былъ ея собственное дѣло. Они примирились съ этимъ, но они спорили относительно условій, въ частности относительно Адріатическаго моря. Они предпочитали отправить Наполеона въ Галицію, гдѣ всякая лачуга, которую онъ возьметъ, всякій полякъ, котораго онъ присоединитъ, станутъ помѣхой между нимъ и Россіей. На всякій случай, они занялись сочиненіемъ манифестовъ, и все наружно говорило о войнѣ [1]). Пріемъ игры совсѣмъ безполезный: Наполеонъ дѣйствовалъ такъ же.

Бубна прибылъ въ Шенбрюннъ 20 сентября вечеромъ [2]). Пріемъ, который нѣсколько дней раньше былъ любезнымъ, даже предупредительнымъ, замѣнился надменнымъ. «Что вы приносите, миръ или войну?—Это вамъ, государь, рѣшить». Онъ вручилъ Наполеону письмо отъ Франца. Наполеонъ взялъ его; прежде даже чѣмъ прочитать его онъ разразился упреками противъ австрійскихъ министровъ, которые обманываютъ своего государя. Онъ настаивалъ на расчлененіи монархіи, на томъ, что онъ находитъ необходимымъ раздѣлить три короны, на капитальномъ интересѣ, который онъ имѣетъ въ томъ, чтобы обезпечить присоединеніе Далмаціи къ своимъ итальянскимъ государствамъ. «Что, если бы онъ не воевалъ сейчасъ, онъ сталъ бы воевать ради этой цѣли». Бубна, когда онъ улучилъ мигъ, чтобы вставить словечко, объявилъ, что его государь не уступитъ ничего по этому пункту: «Тогда война неизбѣжна!» И своимъ обычнымъ жестомъ Наполеонъ бросилъ свою шляпу на землю, молча отошелъ въ амбразуру окна и какъ будто сталъ грезить: «Я желалъ положить предѣлъ побѣдамъ Франціи... Я буду принужденъ признать непреодолимыя рѣшенія судьбы, которая повлечетъ австрійскую монархію къ ея разрушенію. Пусть императоръ Францъ посовѣтуется со своими фельдмаршалами, со своими генералами; пусть онъ спроситъ у нихъ, возможно ли выбить меня отсюда... Четыре кампаніи были бы недостаточны для этого. Вы будете затягивать, потеряете пятнадцать дней, а, въ концѣ концовъ, вы примете мои условія... Вы не подозрѣваете грозящей вамъ опасности. Я нафабриковалъ на двѣсти милліоновъ банковыхъ билетовъ, которые я пущу въ оборотъ [3]). Если война возобновится, я перенесу фабрику сюда»...

[1]) Protocole de 21 septembre 1809. Welschinger.—François II à Napoléon, 20 septembre 1809. Klinckowstroem.

[2]) Rapports de Bubna, 21 septembre 1809. Beer.—Projet de lettre de Napoléon à François II.

[3]) Cf. à Fouché, 6 septembre 1809. Lecestre.

Въ концѣ концовъ онъ предлагаетъ австрійскому императору подписать перемиріе на шесть мѣсяцевъ и положиться на посредничество императора Александра.

Аудіенція продолжалась три часа. Наполеонъ прочиталъ письмо Франца и приготовилъ на него длинный отвѣтъ, который былъ не что иное, какъ его разговоръ съ Бубной, занесенный на бумагу [1]). Онъ написалъ Шампаньи: «Вы можете сказать Меттерниху, что, если императоръ согласенъ отречься отъ престола въ пользу великаго герцога Вюрцбургскаго, я отдамъ страну такою, какъ она есть съ ея теперешнею независимостью, и я заключу съ нимъ союзъ, который позволитъ установить дѣла континента». Онъ опять увидѣлъ Бубну, объявилъ, что онъ не поступится ничѣмъ изъ своихъ требованій, что онъ предоставилъ императору «честь объявить перемиріе прерваннымъ и дать зрѣлище невиданнаго безумія, предвѣщающее полное разореніе» [3]). Развѣ что подъ тѣмъ условіемъ, во всякомъ случаѣ, если императоръ отречется отъ престола и спасетъ такимъ образомъ цѣлость монархіи.

Это было самое вѣрное средство принудить Франца къ миру. Францъ непремѣнно хотѣлъ царствовать, изъ принципа, по склонности, вслѣдствіе своей душевной посредственности, изъ супружескаго послушанія. 24 сентября происходилъ семейный совѣтъ въ замкѣ Дотисъ. На немъ присутствовала императрица и говорила въ пользу мира. Послѣдній доводъ Наполеона взялъ верхъ. На другой день императоръ Францъ собралъ маршала Бельгарда, принца Іоганна Лихтенштейна и графа Стадіона. Бельгардъ и Лихтенштейнъ высказали свои доводы противъ войны, которую невозможно поддерживать. Для этого нужна была бы желѣзная воля, самоотреченіе и готовое ко всѣмъ испытаніямъ мужество, сказалъ Стадіонъ. Онъ рѣшительно потребовалъ, чтобы ему дали отставку. Лихтенштейнъ отправился въ Шенбрюннъ въ сообществѣ съ Бубной.

Наполеонъ принялъ его 27 сентября и оказалъ ему самый лучшій пріемъ. Онъ объявилъ, что Альтенбургскій конгрессъ «былъ не что иное, какъ фарсъ, придуманный для того, чтобы обмануть его, и что Меттернихъ дипломатическій жонглеръ»;—«что этотъ конгрессъ долженъ окончательно прекратиться». «Дипломаты не умѣютъ довести до конца такого дѣла, какъ настоящее; мы, солдаты, мы лучше понимаемъ другъ друга». Онъ потребовалъ, чтобы императоръ Францъ аккредитовалъ при немъ принца Лихтенштейна, и «въ двадцать четыре часа все будетъ устроено». Францъ соглашается на это. Императоръ назначилъ Маре своимъ пред-

[1]) A Maret, 23 septembre 1809: minute jointe.

[2]) 21 septembre 1809.

[3]) A Champagny, 22 septembre; à François II, à Maret, 23 septembre 1809.

ставителемъ, то есть, назначилъ его просто на просто для буквальной передачи своихъ словъ. Что касается Лихтенштейна, истаго дворянина, храбраго воина, убѣжденнаго поклонника стратегическаго генія Наполеона, то онъ не представлялъ себѣ, чтобы такой великій военный человѣкъ, такой большой воинъ, могъ быть опаснымъ дипломатомъ.

Конференціи сейчасъ же открылись въ Шенбрюннѣ, и послѣ третьей конференціи Наполеонъ призвалъ Шампаньи. Держа теперь австрійцевъ въ рукахъ, онъ сдѣлался съ ними строгъ. Дѣло въ томъ, что онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ потребность поскорѣе окончить это дѣло, пока не станетъ извѣстнымъ его затруднительное положеніе. Онъ все опасался, какъ бы какая-нибудь авантюра, подобная Вальшерену, какая-нибудь неудача въ Испаніи не обнаружила раздоровъ его генераловъ, его столкновеній съ братьями и того ничтожества, которое обнаруживалось въ великой арміи вездѣ, гдѣ его не было.

Только въ эти самые дни онъ узналъ о крайней тревогѣ въ Парижѣ, а также о томъ, насколько Фуше выполнилъ свои мѣропріятія. Онъ написалъ ему 24 числа [1]): «Вы даете мнѣ отчетъ, что вездѣ сформированы кадры національныхъ гвардейцевъ. Я знаю это и недоволенъ этимъ. Приложите всѣ ваши старанія, чтобы успокоить гражданъ, и чтобы народъ не былъ отвлекаемъ отъ своихъ обычныхъ занятій». 26-го онъ узнаетъ, что въ окрестностяхъ Парижа народъ занимаетъ караулы, какъ было во время революціи. «Какое-то помѣшательство охватываетъ Францію, тотчасъ пишетъ онъ Фуше. Постарайтесь все успокоить... Я считаю самымъ важнымъ дѣломъ уничтожить всѣ эти мѣры такъ, чтобы отъ нихъ не осталось и слѣда». Послѣ Фуше слѣдуетъ Бернадоттъ: «Если принцъ Понте-Корво находится въ добромъ здоровьѣ, пишетъ императоръ Кларку, и если онъ желаетъ служить, пошлите его въ Каталонію...» 30 сентября разразился гнѣвъ, и вышелъ строгій приказъ прекратить «все это движеніе».

Въ Тиролѣ продолжается крестьянская война; онъ приказываетъ продолжать войну террора противъ «этихъ бунтарей» [2]). Въ Италіи волнуются монахи съ того времени, какъ папа заточенъ въ Савонѣ. Наполеонъ, когда онъ будетъ въ силѣ, упразднитъ ихъ всѣхъ «безъ различія» [3]). Прусскій посланникъ ведетъ интриги въ Парижѣ. «Вы увидите, сообщаетъ Наполеонъ Фуше, какіе подлецы эти люди. Итакъ выгоните изъ Парижа это животное...» [4]).

[1]) Сличите письмо отъ 14 сент. 1809 г. къ Фуше объ ополченіи національной гвардіи въ Пьемонтѣ.

[2]) A Champagny, 28 septembre 1809. Lecestre.

[3]) A Gaudin, 26 septembre 1809.

[4]) 26 сентября 1809 г. Lecestre.

Въ Голландіи, по устраненіи тревоги, произведенной англичанами, снова возникаютъ всѣ трудности блокады. Въ это время, когда миръ готовъ, когда надо принудить Англію, Наполеонъ снова встрѣчаетъ препятствія, на которыя онъ вынужденъ былъ не обращать вниманія во время войны. «Вы не король и не умѣете быть имъ, пишетъ онъ Людовику [1]). Нужны четыре вещи, чтобы быть независимымъ въ Голландіи: финансы, армія, флотилія и флотъ и безусловное запрещеніе сообщаться съ Англіей. Безъ этого я никогда не буду имѣть мира... Я жалѣю, что далъ вамъ королевство, въ которомъ вы воспользовались *палладіумомъ* моего имени только для того, чтобы быть полезнымъ нашимъ врагамъ и причинять всевозможный вредъ системѣ и Франціи». Онъ не видитъ иного средства извлекать пользу изъ этой страны, кромѣ присоединенія ея къ имперіи. Съ этого времени онъ рѣшается на это, если только не будетъ отложено выполненіе этого рѣшенія. Постояннымъ вмѣшательствомъ своихъ агентовъ, своихъ генераловъ, своихъ таможенныхъ чиновниковъ въ дѣла королевства онъ довелъ терпѣніе Людовика до крайнихъ предѣловъ; онъ скоро вызоветъ его на какое-нибудь скандальное доказательство неблагодарности, если только раньше этого онъ не доведетъ его до отреченія отъ короны. Онъ пишетъ Шампаньи: «Голландія измѣнила общему дѣлу... Господинъ Ла-Рошфуко дастъ хорошенько понять голландскимъ министрамъ, что послѣдствіемъ ихъ великихъ и искусныхъ мѣръ будетъ потеря ихъ существованія» [2]).

То же самое съ ганзейскими городами. «Нѣтъ ничего болѣе выгоднаго для Франціи, какъ оставить эти города имперскими...» Онъ не дастъ ихъ ни Голландіи, ни Вестфаліи. «Я больше буду распоряжаться этими городами, если они будутъ находиться подъ моей непосредственной властью». Онъ будетъ ихъ *покровителемъ*. Отсюда до того, чтобы сдѣлаться ихъ государемъ и чтобы преобразовать ихъ въ департаменты, остается одинъ шагъ, который будетъ сдѣланъ скоро, если они будутъ сопротивляться блокадѣ [3]).

Наконецъ, Испанія: маршалы злоупотребляютъ своимъ положеніемъ; они доводятъ до отчаянія населеніе, которое возстаетъ. Король не имѣетъ ни власти, ни обаянія; онъ не можетъ защищать своихъ собственныхъ подданныхъ. Ней не повинуется ни Сульту, ни Журдану, то-есть, ни королю, ни императору. Іосифъ пишетъ своему брату 27 августа: «Когда какой нибудь маршалъ не повинуется мнѣ, когда Вы, Ваше Величество, знаете это и все-таки позволяете, чтобы онъ продолжалъ командовать своимъ кор-

[1]) 21 сентября 1809 г. Lecestre.

[2]) 11 октября 1809 г.

[3]) A Champagny, 26 septembre 1809.

© ГПИБ

пусомъ, то мнѣ не остается ничего другого, какъ идти на него съ войсками, которыя пожелаютъ повиноваться, или терпѣть позоръ и дезорганизацію арміи, или просить Ваше Величество дать командованіе Вашими войсками иному человѣку, чѣмъ я, и такъ какъ рѣшительно все королевское достоинство испанскаго короля заключается теперь въ командованіи французской арміей, то я прошу Ваше Величество принять мой форменный отказъ отъ испанскаго трона».— «Ничего не слышно о большихъ военныхъ движеніяхъ въ Мадридѣ», пишетъ Наполеонъ. Онъ жалуется, что его войска «лишены всего, потому что его генералы не имѣютъ никакой власти надъ провинціями и... что нужно, чтобы командиры провинцій имѣли въ своихъ рукахъ управленіе страной...» Онъ полагается почти на одного только Сульта, хотя въ лиссабонскомъ дѣлѣ онъ видитъ настоящій заговоръ: «Это было преступленіе, которое заставило меня, несмотря на всю мою привязанность къ вамъ, смотрѣть на васъ, какъ на виновнаго въ оскорбленіи величества». Но онъ прощаетъ въ память Аустерлица, за многія оказанныя заслуги, за тѣ, которыхъ онъ ждетъ отъ него. «Я предаю забвенію прошлое. Такъ какъ король неопытенъ въ военномъ дѣлѣ, то я желаю, чтобы до моего прибытія вы отвѣчали передо мной за событія...» Онъ назначаетъ его начальникомъ главнаго штаба испанской арміи. Это его отвѣтъ на жалобы Іосифа; что же касается *отставки*, то онъ подумаетъ, дастъ рѣшеніе, ознакомившись съ дѣломъ лично. «Я хочу самъ явиться въ Лиссабонъ, какъ можно скорѣе». Онъ опредѣляетъ формированіе этой новой испанской арміи. Какъ только будетъ подписанъ миръ, а онъ ждетъ этого со дня на день, онъ остановитъ движенія войскъ по направленію къ Германіи и погонитъ ихъ обратно къ Парижу. «Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы все это стянуть къ Испаніи, чтобы быстро покончить съ ней» [1]). Можетъ быть, по пути, онъ продолжитъ дѣло, начатое въ Голландіи, чтобы отобрать Вальшеренъ, если это еще не сдѣлано: «Тогда я надѣюсь самъ побывать тамъ...»

Такова изнанка Шенбрюннскихъ конференцій, и ею объясняется неожиданная развязка ихъ. Наполеонъ не хочетъ уже согласиться ни на какое облегченіе. Шампаньи диктуетъ или объявляетъ статьи, которыя австрійцы передаютъ въ Дотисъ. Статья о контрибуціи опять едва было не поставила все подъ вопросъ. Шампаньи требуетъ 134 милліона прежняго долга, который, по его мнѣнію, должно выплатить государство; онъ уступаетъ до ста милліоновъ, но больше ни за что. Лихтенштейнъ хочетъ отправиться къ императору Францу. Шампаньи заявляетъ, что императоръ Наполеонъ

[1]) A Clarke, 15 août, 3 octobre; à Soult, 26 septembre; à Clarke, 20, 27 septembre 1809. A Decrés 14 septembre 1809.

«посмотритъ на этотъ отъѣздъ какъ на прекращеніе переговоровъ, и что, разъ это сдѣлано, ничто не заставитъ его начать другіе переговоры; что въ тотъ же самый день онъ вступитъ во владѣніе всѣми занятыми провинціями, раздѣлитъ ихъ сообразно своимъ удобствамъ, водрузитъ своихъ орловъ, введетъ кодексъ Наполеона, отмѣнитъ феодальныя права и будетъ спокойно ожидать, какія мѣры приметъ прежній государь этихъ странъ, чтобы снова отобрать ихъ подъ свое владычество».—«Говорите ясно, приказываетъ Наполеонъ Шампаньи... Это значитъ смѣяться надъ вами и надо мною. Далѣе ожидать я не могу... Въ сущности переговоры дѣлаются смѣшными». Приближалась зима. Наполеонъ немного смягчается: требуетъ на 100,000—200,000 нѣмцевъ меньше въ округѣ Инна; 900.000 галичанъ вмѣсто 1,500,000 [1]).

Францъ, хватаясь за послѣднее средство, послалъ Бубну къ старому Тугуту. Бубна нашелъ, что бывшій «баронъ Войны», который презиралъ Кампо-Форміо и Люневиль, стамъ самымъ миролюбивымъ изъ людей [2]). Меттернихъ окончательно былъ призванъ въ министерство; императоръ собралъ большой совѣтъ. «Онъ согласенъ заплатить тридцать милліоновъ; если же для остальной суммы не добьются или полнаго прощенія или пріемлемыхъ измѣненій, то онъ приказываетъ прекратить переговоры». Бубна возвращается въ Вѣну съ этой инструкціей. Съ 8 по 13 октября конференціи дѣлаются болѣе частыми, болѣе бурными, встрѣчая помѣху въ угрозахъ отъѣздомъ. Шампаньи кончилъ тѣмъ, что сократилъ контрибуцію до 85 милліоновъ, съ уплатой по частямъ.

Въ то время какъ австрійцы отстаиваютъ свои интересы, Наполеонъ приготовляется къ отъѣзду, торопясь возвратиться въ Парижъ, возстановить тамъ покорность и довѣріе и отправиться въ Испанію. Онъ спѣшитъ также оставить Вѣну потому, что здѣсь онъ не чувствуетъ себя въ безопасности. Со всѣхъ сторонъ ему доносятъ о возрастающей ненависти населенія, объ опасности общаго возстанія, о фанатизмѣ молодежи. Онъ мало склоненъ вѣрить этому, видя въ этихъ сообщеніяхъ пустословіе идеологовъ, подстрекательство людей, любящихъ смуту. Происшествіе отрезвило его. 10 октября, во время смотра, одинъ юноша, почти ребенокъ, приближается къ нему. Его арестуютъ и находятъ, что онъ вооруженъ ножомъ. Онъ называетъ себя Фридрихомъ Штапсомъ, сыномъ Нюренбергскаго пастора. Ему 18 лѣтъ; у него нѣтъ никакихъ сообщниковъ, онъ самъ наединѣ задумалъ свой планъ: онъ хотѣлъ освободить свое отечество и Европу отъ тиранна, который угнетаетъ ихъ.

[1]) A Champagny, 6 octobre 1809.

[2]) Rapport de Bubna, 2 octobre 1809. Beer.

Наполеонъ допрашиваетъ его: «Что хотѣли вы сдѣлать этимъ ножомъ?—Убить васъ.—Вы помѣшанный или иллюминатъ.—Я не помѣшанный, я не знаю, что такое иллюминатъ.---Тогда вы больной.—Нѣтъ, я совершенно здоровъ.—Почему вы желали убить меня?—Потому что вы несчастье моего отечества. — Вы экзальтированная голова, я прощу васъ, дарую вамъ жизнь.—Я вовсе не желаю прощенія.—Если я оставлю вамъ жизнь, будете ли вы благодарны мнѣ за это?—Я все-таки убью васъ...» Таковы были въ прежнее время шуаны во Франціи, а теперь патріоты въ Испаніи. «Я не нашелъ въ немъ ни религіознаго фанатизма, ни фанатизма политическаго. Мнѣ не показалось, чтобы онъ хорошо зналъ, что такое былъ Брутъ... писалъ Наполеонъ Фуше... Было возможно, что тутъ ничего не было... Знайте это про себя, въ тайности, если объ этомъ не говорятъ... Вы хорошо понимаете, что нужно, чтобы изъ этого не дѣлали никакого вопроса...» [1]). Этотъ національный фанатизмъ смущалъ Наполеона; въ этой новой формѣ онъ не узнавалъ революціи. Съ какихъ это поръ стали въ Германіи истреблять «тирановъ»? Чего онъ хотѣлъ, этотъ нѣмецъ, о какомъ отечествѣ желалъ онъ говорить, и откуда появился этотъ убійца, который не имѣлъ понятія о Брутѣ? Штапсъ остался непоколебимымъ въ продолженіе трехдневнаго заключенія въ секретномъ отдѣленіи. Его повели на казнь. Онъ умеръ съ крикомъ: «Да здравствуетъ Германія! Смерть тиранну!» Значитъ, прощай «хорошіе германцы», какъ пришлось разстаться съ «хорошими германскими ночлегами».

При такихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ былъ подписанъ договоръ въ ночь съ 13 на 14 октября [2]). Австрія теряла 110,000 квадратныхъ километровъ и 3,500,000 душъ: Иннскій округъ и Зальцбургъ были уступлены Баваріи; часть Галиціи перешла къ герцогству Варшавскому; 400,000 душъ были присоединены къ Россіи [3]). Всѣ приморскія провинціи были отданы Франціи: Тріестъ, Крайна, часть Каринтіи, Хорватіи, Фіумэ, австрійская Истрія. Эти территоріи, присоединенныя къ Истріи, которая уже была французской, къ Далмаціи, къ Рагузѣ, составятъ семь провинцій «Иллирійскаго намѣстничества». Великая имперія простирается до Балканскаго полуострова. Францъ II признаетъ завоеваніе Португаліи, королевское достоинство Іосифа, Мюрата, присоединеніе Рима, всѣ перемѣны, которыя уже совершились или будутъ совершены въ Италіи. Онъ обязывается прекратить сношенія съ Англіей и вступить въ континентальную систему. Онъ обѣщаетъ сократить наличный составъ

[1]) 12 октября 1809 г.
[2]) Traité de Vienne. De Clercq, t. II, p. 293, 298.—Himly, t. I.
[3]) Traité de Lemberg, 19 mars 1810.

войскъ до 150,000 человѣкъ. Его монархія понизилась до 21 милліона жителей.

Наполеонъ покинулъ Шенбрюннъ 15 октября, послѣ того, какъ ратификовалъ договоръ. Францъ ратификовалъ его спустя нѣсколько дней, съ послѣднимъ протестомъ въ сердцѣ противъ статьи о милліонахъ. «Онъ сердится и негодуетъ только тогда, когда онъ долженъ давать деньги», писалъ Гентцъ. Меттернихъ принималъ договоръ только для того, чтобы обойти его, и миръ только для того, чтобы оправиться: для виду порвать съ Англіей, сблизиться съ Россіей, занявъ ея мѣсто въ Парижѣ, склонить голову передъ Наполеономъ, чтобы онъ позволилъ австрійцамъ жить, и, живя, поджидать случая уничтожить его. Такова была его политика, которую онъ задумалъ съ этой поры и которой терпѣливо слѣдовалъ съ пронырствомъ царедворца и съ упорствомъ заговорщика. «Имперія, сжатая словно въ тискахъ, не могла уже сдѣлать ни одного движенія... Но Наполеонъ переступилъ границу возможнаго... Я предвидѣлъ, что и онъ и его предпріятія не минуютъ внезапной гибели... Когда и какъ, это было для меня загадкой [1])...»

Въ пути Наполеонъ находилъ благопріятныя извѣстія: Тироль сдался подъ безжалостнымъ усмиреніемъ [2]), врагъ былъ отброшенъ въ Португаліи и въ Андалузіи; Пруссія была укрощена въ достаточной мѣрѣ, англичане эвакуировали Голландію. Не становится ли, наконецъ, блокада дѣйствительностью, не произведетъ ли она своихъ послѣдствій? Для этого было бы достаточно, думалъ Наполеонъ, нѣсколько мѣсяцевъ настойчивости и выдержки. Наполеонъ искалъ въ Испаніи средствъ для этого, потомъ въ Австріи; онъ возвращается въ Испанію: покончитъ ли онъ это дѣло въ этотъ разъ, и сдѣлаетъ ли его верховнымъ властителемъ континента его необъятная комбинація? Англичане еще держатся въ Португаліи, а Испанія еще не сдается: вся эта страшная война 1809 г. лишь возвращаетъ его къ условіямъ 1808 года, ко дню, послѣдовавшему за Байоннскимъ государственнымъ переворотомъ. Если онъ опять вступитъ въ Испанію, то другая чашка вѣсовъ, на другомъ концѣ Европы, грозитъ снова позвать его изъ Парижа въ Польшу. Русскій союзъ уже не что иное, какъ пустой призракъ: Наполеонъ подвергъ его испытанію и нашелъ въ немъ только разочарованіе, даже угрозу. И здѣсь Наполеонъ идетъ назадъ, по ту сторону Фридланда. Въ туманѣ онъ различаетъ нѣчто, что-то незнакомое, непонятное, политическое чудовище на взглядъ старой Франціи, Россію и Францію, которыя смежны, соперничаютъ изъ-за границъ. Вся теорія

[1]) *Mémoires*, t. I, p. 93—94.
[2]) Mémoires de Desvernois, p. 368.

© ГПИБ СПбГУ

русскаго союза, какъ нѣкогда теорія прусскаго союза, основывалась на дали, на раздѣленіи, на отсутствіи общихъ притязаній, и вотъ, чтобы добиться русскаго союза, чтобы заставить Россію принять континентальную систему, Наполеонъ дошелъ до центра Польши; чтобы обезпечить себѣ владычество надъ Средиземнымъ моремъ и сдѣлаться рѣшителемъ дѣлъ Востока, онъ вступилъ въ Балканскія страны: благодаря этимъ присоединеніямъ Франція становится державою славянскою, державою восточною. Между нею и Россіею выростаютъ всякія осложненія, всякаго рода ревность въ Восточномъ вопросѣ: Польша раздѣлена, нужно расчленить Турецкую имперію. Столько побѣдъ послужило лишь для того, чтобы умножить число затрудненій, и столькихъ побѣдъ можно было добиться лишь этой цѣной! Незамѣтно, подобно ползущей горѣ, Франція опускается на Германію, на Италію, обрушивается на славянъ, на мусульманъ, на грековъ. И, не думая поддерживать ея, Россія съ этихъ поръ тайно дѣлаетъ подкопы подъ нее.

Однако въ Парижѣ, по видимости, все вступаетъ въ обычный благопристойный видъ. Институтъ рѣшаетъ вопросъ, какой титулъ присудить Наполеону, *Августа* или *Германика*. Съ разсудительностью, равною чрезмѣрной гордости, которая его одушевляетъ, Наполеонъ отвѣчаетъ этимъ ученымъ и недогадливымъ царедворцамъ: «Августъ имѣлъ только одну битву при Акціумѣ, Германикъ могъ интересовать римлянъ только своими несчастіями...» Если былъ титулъ, котораго императоръ могъ желать, такъ это титулъ Цезаря! Но слишкомъ много мелкихъ государей обезчестили этотъ титулъ. «Титулъ императора есть слѣдующій: *Императоръ Французовъ*». Да и то еще: императоръ ли французовъ, глава этой громадной имперіи, гдѣ Франція кажется только провинціей. сжатой между громадными окраинами, гдѣ французская армія, со всѣхъ сторонъ наводненная вспомогательными войсками, тонетъ среди чужестранцевъ? Можетъ ли Наполеонъ царствовать для Франціи и посредствомъ Франціи, не разрушая либо Франціи имперіей, либо имперіи Франціей? Новая проблема, самая страшная изъ всѣхъ теперешнихъ проблемъ, которую выдвинулъ Вѣнскій миръ, и которую окончательно установитъ общій миръ, если только когда нибудь будетъ заключенъ такой миръ.

Еще разъ Наполеонъ явился побѣдителемъ [1]) во Францію. Парижъ устроилъ ему еще одинъ тріумфъ, надѣясь, что это былъ послѣдній. Публика знала очень мало про Эсслингенскій кризисъ; Ваграмъ казался славной битвой; миръ представлялся выгоднымъ. Рукоплещутъ. «Хотя Франція, говоритъ одинъ современникъ [2]), за свои побѣды заплатила своею кровью

[1]) A Fontainebleau, le 26 octobre 1809.
[2]) Chaptal, *Mes souvenirs sur Napoléon.*

и своею казною, она вовсе не была нечувствительна къ этимъ успѣхамъ. Національная гордость была польщена; извѣстіе о всякой побѣдѣ принималось съ энтузіазмомъ. Забывали о цѣнѣ побѣды, желая видѣть лишь благопріятный для французской славы результатъ. И Наполеонъ, возвращаясь съ ратнаго поля, казался примирившимся съ общественнымъ мнѣніемъ». Во всякомъ случаѣ. начинали понемножку повторять вездѣ то, что говорилось вокругъ вожаковъ, Таллейрана и Фуше, что это уже не была война Франціи, это была война императора. Совсѣмъ не понимали той необходимости, въ которую онъ, по его словамъ, былъ вовлеченъ, необходимости подчинить материкъ; требовали мира съ Англіей, мира, который постоянно обѣщаютъ съ 1797 года, который всякая война, предпринятая для его достиженія, неизбѣжно отодвигаетъ дальше, словно сама побѣда не могла бы имѣть другого результата, какъ только показать невозможность этого мира.

© ГПБ СОПАТ

КНИГА II.

Великая имперія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Австрійскій бракъ 1809—1810 гг.

I.

Только что Наполеонъ пріѣхалъ, какъ вся имперія оказалась на его рукахъ [1]). Ея исторія, эпическая въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, удивительно монотонна въ своихъ фазисахъ. Всякій договоръ воспроизводитъ картину предшествовавшихъ договоровъ; однако историкъ долженъ повторяться, какъ повторяются событія, въ противномъ случаѣ исчезнетъ связь и гармонія фактовъ. Желая избѣжать повтореній, историкъ могъ бы внушить читателю, что передъ нимъ не тѣ же событія, и вся исторія была бы извращена.

Самымъ неотложнымъ дѣломъ для императора, какъ въ 1797, 1801, 1805 и 1807 годахъ, было получить непосредственные результаты отъ своего договора, то есть, прижать англичанъ, не позволить, чтобы Вагрямъ и Вѣнскій трактатъ остались безплодными, подобно прежнимъ побѣдамъ и трактатамъ, и не дали иного результата кромѣ новой войны. А между тѣмъ Англія въ 1809 году была побѣждена не болѣе, чѣмъ въ 1807, 1805, 1800 годахъ: даже менѣе. Аустерлицъ рикошетнымъ ударомъ убилъ Питта, но Англія не была поколеблена. Она даже сдѣлала успѣхи, держа въ своихъ рукахъ всѣ моря, вторгаясь въ колоніи Испа-

[1]) Ouvrages de Frédéric Masson, t. IV, *Joséphine répudiée*, *Marie-Louise*: Henri Welschinger, *Divorce de Napoléon;* Ernouf, *Maret*; Madelin, *Fouché*, Treitschke; Stern.—*Corr.* publiées par Oscar Alix; Pingaud, Christian Schefer, *Bernadotte.* — *Mémoires* de Pasquier, Miot, Metternich, Suremain. — Rocquain, *Napoléon et le roi Louis.*

ніи, Франціи и Голландіи, превращая такимъ образомъ континентальную блокаду въ американскіе и индійскіе рынки для своихъ продуктовъ; прижимая и разоряя нейтральныхъ, утвердившись въ Сициліи, ставши неприступною въ Мальтѣ. Ея корабли бороздили Средиземное море, владычество надъ которымъ Наполеонъ постоянно предвѣщалъ французамъ. Она укрѣпилась въ Португаліи, оспаривала Испанію; удалялась при наступленіи французовъ, но подвигалась по ихъ слѣдамъ, когда какая-нибудь диверсія принуждала ихъ уходить въ другое мѣсто. Блокада, если бы она продолжалась, могла разорить ее, но раньше она грозила разорить союзниковъ Наполеона, довести народы до отчаянія, вызвать возмущеніе королей, лишить Францію континента.

Во всякомъ случаѣ, кабинетъ, въ которомъ уже возникли несогласія, сталъ расшатываться. Каннингъ и Кэстльри не соглашались относительно способа, какъ вести войну. Каннингъ разсчитывалъ на Испанію, на эту, такъ сказать, язву на ногахъ имперіи, могущую отравить ее своимъ ядомъ. Кэстльри склонялся къ системѣ, пригодность которой онъ выяснилъ въ 1813 году, и которая должна была сдѣлать его однимъ изъ распорядителей Европы: къ большой континентальной войнѣ при помощи непреодолимой коалиціи, коалиціи *четырехъ*, Англіи, Россіи, Австріи и Пруссіи. Вальшеренское дѣло, дурно поведенное, говорило противъ этой системы. Результатомъ былъ кризисъ и новый кабинетъ. Персеваль съ большимъ трудомъ составилъ въ сентябрѣ 1809 года очень посредственное министерство, которое казалось кратковременнымъ, которое просуществовало долго, но положеніе котораго въ парламентѣ оказалось очень труднымъ. Предстояли трудные годы. Иностранныя дѣла достались маркизу Веллеслею, возведенному въ пэры и сдѣланному виконтомъ Веллингтономъ послѣ Талаверы, брату главнокомандующаго испанской арміей, Артура Веллеслея. Это былъ онъ, непоколебимый воинъ, который, собственно говоря, давалъ силу министерству и поддерживалъ фортуну Англіи въ продолженіе этого долгаго кризиса. Англичане находили времена тяжелыми и ожиданіе дорого стоящимъ. Министры твердо рѣшили продолжать войну, но по временамъ страной овладѣвало крайнее утомленіе, выражавшееся въ упрекахъ, въ потерѣ бодрости духа, въ слѣдствіяхъ противъ генераловъ черезчуръ боязливыхъ и слишкомъ медлительныхъ. «Отчаяніе, говоритъ одинъ англійскій историкъ, заняло въ большинствѣ націи мѣсто первоначальнаго энтузіазма. Старый городъ (Сити) обратился даже съ петиціей, требующей эвакуаціи полуострова. Наполеонъ казался непобѣдимымъ». Веллингтонъ зауперямился, принялъ на себя всю отвѣтственность.—«Я убѣжденъ, говоритъ онъ, что честь и польза моей родины требуютъ, чтобы мы держались здѣсь твердо такъ долго, насколько это

© ГПИБ СОРАН

возможно, и, если Богу угодно, я останусь здѣсь» [1]). Таковъ онъ былъ позже при Ватерлоо. Такой характеръ, въ концѣ концовъ, стоилъ генія.

Такимъ образомъ все сводилось къ блокадѣ. Для Англіи вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы продолжать жить, для Наполеона въ томъ, чтобы покончить съ ней, чтобы сокрушить ее ударомъ тарана и начать приступъ, вѣдь Франція истощаетъ свои силы на эту гиперболическую осаду. По мѣрѣ того какъ Наполеонъ распростираетъ руки, онъ чувствуетъ, что онѣ нѣмѣютъ. Континентальная система была не что иное, какъ громаднѣйшій парадоксъ экономическій и политическій, установленный какимъ-то чудомъ и разрушающій себя самого своею продолжительностью. Контрабанда проникаетъ въ имперію, какъ она проникаетъ въ Южную Америку. Она проникала повсюду, въ Средиземное море при помощи грековъ, въ Атлантическій океанъ при помощи Соединенныхъ Штатовъ. Потребность въ англійскихъ продуктахъ и пристрастіе къ нимъ оставались столь сильными и обостренными вслѣдствіе запрета; прибыль при очень повышенныхъ цѣнахъ становилась такой большой, что всегда находились искатели приключеній, подвергавшіеся опасности изъ за нея. Даже самъ Наполеонъ не могъ запретить себѣ нарушать свои таможенныя заставы, раздавать *позволенія*, которыя составляли временную торговую привилегію, средство обогащать фаворитовъ, временно укрощать ропотъ. Подобно ему, король голландскій и русскій императоръ жаловали эти привилегіи своимъ подданнымъ. А между тѣмъ блокада могла производить свое дѣйствіе, только будучи строгой всегда и вездѣ.

Австрія присоединяется къ блокадѣ по принужденію. Она достаточно страдаетъ отъ нея, чтобы ея населеніе раздражалось изъ за блокады противъ Наполеона. Она примѣняетъ эту блокаду достаточно вяло, чтобы ея дѣйствіе почти уничтожалось. Она порвала съ Англіей только для формы: Штарембергъ былъ отозванъ изъ Лондона; Батурстъ покинулъ Вѣну, но Меттернихъ, прежде чѣмъ распрощаться съ этимъ англичаниномъ, позаботился сказать ему, что ничто не кончено, что борьба возобновится, что миръ заключенъ лишь для того, чтобы приготовить войну, и что Австрія воротитъ потерянныхъ ею жителей. Въ промежуточное время и въ ожиданіи событій, оба правительства останутся въ тайныхъ сношеніяхъ при посредствѣ графа Эрнеста Гарденберга, ганноверскаго посланника въ Вѣнѣ. Россія находится въ явной войнѣ съ Англіей, войнѣ странной, какъ та, которую она только что вела съ Австріей: войнѣ, въ которой вовсе не бьются, въ которой ищутъ всякихъ смягченій, въ которой оказываютъ другъ другу всѣ услуги, какія только могутъ. Въ Галиціи русскіе позанимали крѣпости, чтобы ихъ отдать австрійцамъ. Въ Англіи держатъ русскій флотъ подъ кажущимся секвестромъ, на самомъ же дѣлѣ въ запасѣ для лучшихъ временъ, и получается двоякая выгода: Россія сохраняетъ въ цѣлости свои корабли и своихъ моряковъ; Англія не встрѣчаетъ себѣ никакой помѣхи.

[1])-Green, t. II, p. 411.

Конечно, Наполеону приходится закрывать на это глаза, какъ онъ поступалъ во время Эсслингена. Хотя Россія не соблюдаетъ блокады, тѣмъ не менѣе, она содѣйствуетъ поддержанію ея въ качествѣ устрашающей мѣры. Наполеонъ принужденъ наровить Александру и на Востокѣ и въ Польшѣ, чтобы Александръ не напалъ ни на турокъ, ни на поляковъ. Союзъ остается необходимымъ, хотя онъ и принялъ совсѣмъ отрицательный характеръ. Но Наполеону предъявляется тѣмъ болѣе требованій, чѣмъ болѣе независимымъ чувствуетъ себя Александръ въ своихъ дѣлахъ. 19 сентября онъ подписалъ миръ со Швеціей; этотъ договоръ обезпечиваетъ за нимъ Финляндію. Вѣнскій трактатъ, къ которому онъ старался выказывать равнодушное отношеніе, положившись на добросовѣстность Наполеона, на *духъ союза*, вызываетъ въ немъ глубокое разочарованіе. Онъ считаетъ, что онъ плохо вознагражденъ за свою «лойяльность»: онъ ожидалъ большаго. Онъ говоритъ объ этомъ Коленкуру. Письмо Шампаньи къ Румянцеву, полученное въ ноябрѣ, немножко проясняетъ его чело. Шампаньи пишетъ: «Его Величество соглашается, чтобы слова Польша и поляки исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ сдѣлокъ, но даже изъ исторіи». Вотъ, говоритъ Александръ, «кое что въ *духѣ союза*». Но сейчасъ же онъ требуетъ больше: писаннаго обязательства, форменнаго акта, въ замѣнъ чего онъ забудетъ то, что онъ называлъ *своими жалобами*. Это, заявляетъ онъ Коленкуру, есть *ультиматумъ его дружбы*. Румянцевъ подчеркиваетъ этотъ языкъ. Финляндія присоединена; онъ думаетъ только о Польшѣ. «Поляки опьянѣли, говорилъ онъ, нужно отрезвить ихъ». Потомъ, возвращаясь къ своей привычной темѣ: «Императоръ Наполеонъ и вообще всѣ у васъ ошибаются относительно нашей страны... Думаютъ, что императоръ управляетъ деспотически, что достаточно одного простого указа, чтобы измѣнить общественное мнѣніе, или, по меньшей мѣрѣ, чтобы все рѣшить... Императрица Екатерина такъ хорошо знала эту страну, что она льстила всѣмъ мнѣніямъ»... Онъ заключаетъ, что нуженъ нѣкоторый хорошій договоръ въ очень скоромъ времени, въ достаточной степени широкій и ясный, чтобы «сдѣлать союзъ народнымъ» [1]).

[1]) Rapport de Caulaincourt, 22, 30 octobre 1809. Albert Vandal.

Исчезновеніе имени Польши? Румянцевъ и русскіе стараго закала понимали это просто на-просто въ смыслѣ раздѣла. Они опасаются за спокойствіе русскихъ литовскихъ провинцій отъ сосѣдства съ этимъ герцогствомъ Наполеона, въ которомъ говорятъ по польски, въ которомъ образуется польская армія, эта своего рода форма, въ которую отливаются національныя учрежденія. Они опасались бы этого даже въ томъ случаѣ, если бы герцогство перешло въ руки ихъ императора. Планы Александра всегда встрѣчали съ этой стороны критику и противорѣчіе. Александръ вовсе не отказался отъ этихъ плановъ, и, когда онъ требовалъ отъ Наполеона, чтобы тотъ поручился ему за исчезновеніе Польши изъ исторіи, онъ понималъ подъ этимъ исторію Наполеона и исторію Франціи. По отношенію къ себѣ самому онъ понималъ это совсѣмъ наоборотъ: Польша или должна быть поглощена Россіей, или, если онъ ее возстановитъ, она должна быть подъ его правленіемъ, въ качествѣ лишняго придатка, ростущаго на тѣлѣ его имперіи.

Онъ не скрывалъ отъ себя, что союзъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ задуманъ имъ, къ которому онъ такъ относился, приходилъ къ концу своему. Онъ не желалъ поддерживать его до такой степени, чтобы разорить Англію, и, особенно, чтобы еще ранѣе того разорить Россію. А между тѣмъ именно къ этому шло дѣло. Когда Наполеонъ повторялъ Александру: пусть Россія выдержитъ блокаду въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, и Англія развалится, онъ не понималъ или не хотѣлъ понять, что Россія, быть можетъ, развалилась бы первая, что русскіе банки закрыли бы свои кассы, что торговля пришла бы въ отчаянное положеніе [1]). Александръ думалъ, что разрывъ произошелъ бы до этого, и онъ начиналъ въ своей душѣ желать этого, подготовлять его обманнымъ образомъ. Онъ вспоминалъ одинъ за другимъ прежніе годы, возвращался опять къ честолюбивымъ замысламъ, похороненнымъ въ Тильзитѣ: возстановить Европу въ ея равновѣсіи, королей въ ихъ санѣ, народы въ ихъ правахъ, подъ русской гегемоніей.

Эти намѣренія привели его къ новому сближенію съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ [2]). Два друга юности считали себя болѣе разошедшимися, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Сначала Александръ уклонялся, оставаясь неуловимымъ, съ какой стороны ни подходилъ къ нему Чарторыйскій; потомъ онъ, казалось, сразу далъ понять свою мысль. Чарторыйскій сначала жаловался, что царь покинулъ его соотечественниковъ на произволъ судьбы. Онъ читалъ уже письмо Шампаньи: «Единственно въ угоду царю Польша лишена была всякой надежды. Царь до того простираетъ свое враждебное чувство, что требуетъ, чтобы не существовало въ исторіи самое имя Польши!..» Александръ оправдывается: «Его личныя чувства не измѣнились, но положеніе, занимаемое имъ, обязываетъ его къ этому, и всякій глава русской имперіи дѣйствовалъ бы точно такъ же». Чарторыйскій возвращается къ своей излюбленной темѣ: личной уніи польскаго королевства и русской имперіи, къ двумъ коронамъ на головѣ Александра. Тогда царь говоритъ, опустивъ глаза и не окончивъ фразы: «Если бы можно было, по крайней мѣрѣ, надѣяться на какой-нибудь поворотъ со стороны поляковъ...» Онъ опять говоритъ о гнусности раздѣловъ, источникѣ всѣхъ бѣдствій Европы. «Онъ видитъ возможность только отдѣльной организаціи...» Но Наполеонъ никогда не согласится на это: «Его излюбленная мысль состоитъ въ томъ, чтобы всегда имѣть вліяніе на поляковъ, властвовать надъ ними и пользоваться ими для своихъ плановъ». Въ то время какъ въ Петербургѣ онъ возвѣщаетъ, что изгладитъ имя Польши, черезъ своихъ эмиссаровъ онъ подаетъ полякамъ надежду, что возстановитъ Польшу. «Развѣ царь не поступаетъ такъ же? намекаетъ Чарторыйскій: развѣ не употребляетъ онъ противъ Наполеона его же собственнаго оружія?» Александръ въ заключеніе пробормоталъ: «Что, конечно, въ случаѣ войны съ Франціей, ему было бы кстати объявить себя польскимъ королемъ, чтобы расположить умы въ пользу своего дѣла». И съ этой поры онъ будетъ съ наслажденіемъ мечтать объ этомъ.

Изъ этого Варшавскаго герцогства, окраины и передового поста Великой Имперіи на славянской границѣ, Александръ сдѣлаетъ передовое укрѣпленіе Россіи на границѣ съ Германіей. Онъ обратитъ противъ Наполеона политику, которою Наполеонъ пользовался въ 1807 и 1808 году по отношенію къ полякамъ. Послѣ того какъ онъ заставитъ Наполеона покинуть ихъ на произволъ судьбы, выдать ихъ, совсѣмъ обезкуражить ихъ, онъ воспользуется ихъ разочарованіями; противополагая свое великодушіе коварству корсиканца, онъ позволитъ имъ надѣяться, если они придутъ къ нему, на возстановленіе ихъ отечества. Въ то время какъ онъ приготовляетъ эту приманку для поляковъ, чтобы оторвать ихъ отъ Франціи, онъ помогаетъ пруссакамъ жить подъ когтями Наполеона въ ожиданіи того часа, когда онъ поможетъ имъ освободиться отъ него.

Пруссаки, заключенные, находящіеся подъ наблюденіемъ высшей полиціи и подъ судебной опекой въ своей собственной странѣ, похожи на приговореннаго къ смерти, который бездѣйствуетъ въ ожиданіи отложенной казни. При малѣйшемъ движеніи съ ихъ стороны приговоръ бу-

[1]) См. донесеніе графа Брая, 15 апрѣля 1812, обозрѣніе прошлаго: положеніе въ 1810 и 1811 гг.

[2]) Conversations avec l'empereur, 12 novembre, 26 décembre 1809.—*Mémoires*, t. II.

детъ приведенъ въ исполненіе: они будутъ уничтожены. А между тѣмъ, контрибуціи истощаютъ ихъ; если пруссаки не будутъ выплачивать ихъ, Наполеонъ будетъ удерживать свой залогъ, крѣпости; а платя контрибуціи, они будутъ не въ состояніи поддерживать свою маленькую армію, покупать оружіе для своихъ резервистовъ, для ландвера. Вотъ въ чемъ заключается секретъ ихъ іереміадъ и секретъ требовательности Наполеона. Они отказываются платить, потому что они нуждаются въ своихъ деньгахъ, чтобы приготовиться къ реваншу, а Наполеонъ требуетъ уплаты, потому что это есть средство предотвратить ихъ заговоръ во время мира, отчаянные поступки во время войны. Со времени отъѣзда Штейна власть остается, такъ сказать, вакантною; все остановилось. Король и его смущенные совѣтники видятъ лишь одинъ выходъ, страшно опасный: успокаивать Наполеона, обманывая его, и добиться отсрочки въ платежахъ; благодаря этимъ отсрочкамъ позаботиться о тройномъ, со взаимными гарантіями, союзѣ съ Россіей и Франціей, такимъ образомъ, чтобы этотъ союзъ, составленный самимъ Наполеономъ, обратился въ двойной союзъ противъ Наполеона. Переговоры о немъ будутъ вестись подъ покровомъ его посланниковъ; его обманутъ, вступая въ союзъ съ нимъ, чтобы найти себѣ возможность измѣнить ему. Фридрихъ-Вильгельмъ посылаетъ къ Наполеону барона Круземарка съ письмомъ, помѣченнымъ 18 октября. Два дня спустя Александръ пріѣзжаетъ въ Кенигсбергъ. Онъ утверждаетъ короля въ этой политикѣ; совѣтуетъ ему во всемъ показывать видъ, что онъ относится съ полнымъ уваженіемъ къ французской системѣ.

Наполеона не проведутъ. Донесенія, которыя ему пишетъ Шампаньи, указываютъ ему на многолюдную, дѣятельную, окружающую короля партію, поддерживаемую большинствомъ страны, побуждающую къ войнѣ, и, несмотря на свою явную оппозицію официальной политикѣ, продолжающую пользоваться довѣріемъ государя. Король плачется на свою нищету; но онъ доводитъ свою армію до 42,000 человѣкъ и «безъ огласки и шума» приготовляетъ кадры для другой арміи. Именно для того, чтобы покрыть эти расходы, онъ пріостанавливаетъ взносъ контрибуціи, должной Франціи. Изъ 26 милліоновъ, причитающихся отъ мая по ноябрь, онъ вноситъ только 1.515,000 франковъ. Онъ увѣряетъ въ своемъ усердіи; онъ вмѣняетъ себѣ въ честь свое сопротивленіе требованіямъ Австріи. Но онъ отвергнулъ эти предложенія единственно потому, *что обстоятельства не казались ему благопріятными,* и заслуга «въ этомъ дѣлѣ проистекала менѣе изъ твердости и лойяльности короля, чѣмъ изъ событій войны, которыя не оставляли для него выбора рѣшенія, а также изъ вліянія Россіи». Наполеонъ строго даетъ это почувствовать Круземарку, когда тотъ пріѣхалъ въ Парижъ 1 ноября: «Для чего эти 42,000

человѣкъ? 6,000 гвардіи для васъ достаточно. Если король не можетъ платить мнѣ, пусть онъ уступитъ мнѣ одну провинцію; если это ему неудобно, пусть дастъ мнѣ свои помѣстья» [1]). Онъ держитъ короля его долгомъ, его залогами; онъ грозитъ ему экзекуціями, секвестрами, конфискаціями. Пруссаки кончатъ тѣмъ, что покорятся! Если они будутъ упорствовать, ему остается одно средство: раздѣлить ихъ на части, присоединить ихъ. И онъ фатально приходитъ къ этому какъ по отношенію къ врагамъ, такъ и по отношенію къ союзникамъ, по отношенію къ тѣмъ королямъ, которыхъ онъ унизилъ, и къ тѣмъ, которыхъ онъ воздвигъ собственными руками.

Въ Римѣ онъ рѣшаетъ легко, доставивъ себѣ удовольствіе въ одной изъ своихъ любимыхъ выдумокъ. 16 ноября онъ принимаетъ депутатовъ отъ римскихъ округовъ: «Мой умъ полонъ воспоминаній о вашихъ предкахъ. Французскіе короли, мои предшественники, оторвали васъ отъ территоріи имперіи и сдѣлали васъ ленниками вашихъ епископовъ. Но благо моихъ народовъ не позволяетъ больше никакого дробленія. Франція и вся Италія должны быть въ одной и той же системѣ. Но я не желаю, чтобы было внесено какое нибудь измѣненіе въ религію нашихъ отцовъ: старшій сынъ церкви, я вовсе не хочу выходить изъ ея лона... Вашъ епископъ есть духовный глава церкви, какъ я —императоръ ея. Я воздаю Божіе Богови и Кесарево Кесареви». Онъ будетъ посѣщать Римъ, онъ учредитъ тамъ дворъ, «болѣе блестящій и тратящій больше денегъ, чѣмъ дворъ папы». Тѣмъ временемъ, онъ требуетъ въ Парижъ кардиналовъ, которыхъ онъ желаетъ имѣть подъ рукой, чтобы посредствомъ ихъ давить на Пія VII. Папа, приведенный въ ничтожество въ дѣлахъ государственныхъ, отказывается отъ всякой уступки въ дѣлахъ Церкви и въ плѣненіи кажется болѣе неприступнымъ, чѣмъ въ Ватиканѣ. Нужно возвратить ему, по крайней мѣрѣ, тѣнь власти, чтобы онъ опять сталъ государемъ, осязаемымъ, уязвимымъ человѣкомъ. Кардиналы не будутъ ни такъ добродѣтельны, какъ онъ, ни такъ смиренны, ни, особенно, такъ безкорыстны. Если папа не пожелаетъ примиренія, то Наполеонъ заключитъ договоръ съ кардиналами и принудитъ папу принять его: онъ возстановитъ папу въ Авиньонѣ, какъ было во время зависимости, при короляхъ Франціи. Онъ дастъ ему дворецъ, два милліона, свое покровительство, будетъ держать его въ своей власти, а черезъ него и всю Церковь, которая сдѣлается сразу и его высшей полиціей и его тайной дипломатіей во всемъ католичествѣ [2]).

[1]) Napoléon à Frédéric-Guillaume, 6 novembre 1810.—Frédéric-Guillaume à Alexandre, 29 novembre 1809.

[2]) Exposé des motifs du sénatus-consulte avec les réunions des clubs romains, 17 février 1810.

Онъ услышалъ, что Швеція изъявила полную покорность: «Я не допущу никакой сдѣлки, если предварительно она не подпишется подъ мѣрами блокады». То же самое съ Гамбургомъ и ганзейскими городами. Онъ посылаетъ туда Рейнгарда, который проучитъ ихъ: они или подчинятся, или будутъ присоединены. Таково его намѣреніе, рѣшенное съ октября 1809 года [1]).

II.

Кризисъ въ союзахъ, еще болѣе острый и болѣе запутанный, распространяется на пожалованныя королевства. Какъ Директорія видѣла, что противъ Французской Республики возстали республики-сестры ея, которыя возникли по волѣ ея агентовъ, и въ которыхъ народы желали принадлежать сами себѣ [2]), такъ Наполеонъ видитъ, что короли его крови возстаютъ противъ его имперіи. Въ 1798 году народы считали себя самодержавными въ силу «Правъ человѣка», провозглашенныхъ Французской Республикой; короли считаютъ себя самодержавными Божіею милостію даже въ силу декретовъ, которыми они были поставлены. Семейные договоры не произвели тѣхъ послѣдствій, которыхъ ожидалъ отъ нихъ Наполеонъ. Вмѣсто того, чтобы укрѣплять континентальную систему, они подрываютъ ее; вмѣсто того, чтобы усиливать блокаду, они парализуютъ ее. Будучи королями, братья желаютъ царствовать, и имъ надо считаться со своими народами. Они пытаются сдѣлать національными свои короны и свою власть популярной, и они работаютъ противъ блокады, которая разоряетъ ихъ народы, которая дѣлаетъ невыносимымъ ихъ королевскій санъ. Они заявляютъ притязанія стать королями, и они начинаютъ переставать быть братьями. Создавая этихъ королей, Наполеонъ создавалъ себѣ столько же соперниковъ, припасалъ столько же враждебныхъ партій въ великой имперіи. «Не было ни одного намѣстника, говорилъ онъ впослѣдствіи, на котораго я могъ бы положиться; это были еще новые враги, требовавшіе моего вниманія... Это я съ этихъ поръ стѣснялъ ихъ, ставилъ ихъ въ опасное положеніе...» Онъ не можетъ дольше обманывать себя, несмотря на упорное пристрастіе къ «своей крови», къ своему клану. «Мнѣ слѣдовало, говорилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, назначать только генералъ-губернаторовъ и вице-королей» [3]). Онъ находится въ хорошемъ положеніи благодаря Евгенію въ Италіи. Онъ все больше и больше склоненъ продѣлать это въ другомъ мѣстѣ, и такое преобразова-

[1]) A d'Hauterive, 28 octobre 1809.—Lang, *Reinhard*, p. 364.
[2]) См. т. V, кн. II, гл. I: республики, обложенныя данью.
[3]) Rapport de Metternich, 8 septembre 1810.

ніе, возвѣщенное съ 1808 года, кажется неизбѣжнымъ въ Голландіи [1]). Дѣло въ томъ, что эта страна прямѣе входитъ въ сферу ею захватовъ, что она составляетъ первый таможенный постъ внѣ его границъ, и что безжалостное исполненіе блокады дѣлается ключомъ его системы. Людовикъ вслѣдствіе своихъ притязаній царствовать и привлечь къ себѣ «свой народъ», какъ онъ называетъ голландцевъ, дѣлаетъ изъ своего королевскаго дворца центръ ихъ національнаго сопротивленія, центръ коалиціи всѣхъ голландскихъ интересовъ противъ Великой Имперіи. «Голландія есть своего рода англійская провинція, недавно писалъ ему Наполеонъ... Вслѣдствіе обманныхъ и слабыхъ мѣръ, вы потеряли Голландію... Королевская служба состоитъ не въ томъ, чтобы жаловаться» [2]). Наполеонъ принялъ свое рѣшеніе: онъ поступитъ съ этимъ братомъ, какъ онъ поступилъ съ истинными королями, королями по рожденію или по избранію, португальскимъ, испанскимъ, прусскимъ, папою. Домъ Бонапартовъ перестанетъ царствовать въ Голландіи; бывшая до сего времени Батавская республика будетъ преобразована во французскіе департаменты.

Въ виду этого онъ требуетъ увеличенія вспомогательныхъ войскъ, 16,000 человѣкъ, 200 канонерскихъ лодокъ, репрессій противъ контрабанды, въ противномъ случаѣ онъ займетъ проходы солдатами, онъ будетъ захватывать англійскіе товары. Ла Рошфуко говоритъ съ королемъ Людовикомъ, какъ Делакруа говорилъ съ батавскими республиканцами, какъ Сенъ-Марсанъ говорилъ бы съ прусскимъ королемъ: «Я пришелъ къ общей системѣ, къ неисполненію декретовъ Его Величества, къ крайне предосудительному противодѣйствію Франціи во всѣхъ дѣлахъ, которыя устраиваются въ Гаагѣ; я замѣтилъ королю о необходимости вернуться къ тѣмъ принципамъ, которые одни могли спасти Голландію». Людовикъ возражаетъ, что, если бы онъ уступилъ въ принципѣ о верховной власти на сушѣ и морѣ, «онъ погибъ бы въ глазахъ своего народа; что его министры лишь исполняли его желанія; что говорить о нихъ значило нападать на него лично; что, если императоръ желаетъ присоединить Голландію, пусть скажетъ это сейчасъ же, ибо онъ вполнѣ ясно видитъ, что въ этомъ заключается цѣль всѣхъ предъявленныхъ ему требованій...» Людовикъ не скрываетъ «своего опасенія, какъ бы въ Голландіи не сочли его французомъ, какъ бы не посмотрѣли на него какъ на агента императора». Онъ пи-

[1]) См. выше, стр. 325. Napoléon à Louis, 27 mars 1808.
[2]) A Louis 17 juillet, 13 août 1809. Rocquain.—Ducasse, *les Rois frères*; rapports de La Rochefoucauld, ministre à la Haye.—Сравн. т. V. Голландія и Директорія. «Голландія снова становилась тѣмъ, чѣмъ она была прежде на самомъ дѣлѣ: англійской провинціей». La Revellière, *Justifications*, t. III, p. 135.

шетъ императору: «Уступить, это значитъ отречься... Я тысячу разъ предпочелъ бы, чтобы Вы, Ваше Величество, возложили эту корону на голову наслѣднаго принца».

Въ Вестфаліи на блокаду даже не обращаютъ вниманія. Іеронимъ предается развлеченіямъ, проживается, требуетъ денегъ, царствуетъ и управляетъ, не стѣсняя себя въ расходахъ. Наполеонъ устраиваетъ для него подъ титуломъ пословъ судебный совѣтъ изъ цензоровъ и изъ наблюдателей. Іеронимъ жалуется, гнѣвается. Онъ требуетъ, чтобы отозвали французскихъ агентовъ. Ихъ присутствіе есть скандалъ, несовмѣстимый съ его достоинствомъ! Императоръ не отвѣчаетъ на его письма. Іеронимъ находится въ фальшивомъ положеніи. Самодержавный ли государь онъ, или подданный? Онъ оканчиваетъ припѣвомъ общимъ всѣмъ братьямъ, но съ большей откровенностью, чѣмъ Іосифъ, и съ большимъ добродушіемъ, чѣмъ Людовикъ: «Нѣтъ сомнѣнія, я желаю имѣть народъ, которымъ бы я правилъ. Я сознаюсь Вашему Величеству, что я предпочелъ бы жить частнымъ человѣкомъ въ Вашей имперіи, чѣмъ быть тѣмъ, что я есмь, государемъ безъ націи... только Ваше имя, государь, дастъ мнѣ видимость власти...» Наполеонъ разрѣшаетъ ему пріѣхать въ Парижъ.

Въ Испаніи дѣла на короткое время поправляются. Іосифъ смогъ вступить въ августѣ въ Мадридъ и пышно отпраздновать это вступленіе, при полномъ равнодушіи испанцевъ. Но возстаніе, потухавшее подъ ногами французовъ, снова вспыхивало, когда они уходили. Французы похожи на моряковъ въ плаваніи, которые увѣрены только въ пространствѣ, занятомъ ихъ кораблями, а корабли ихъ, разсѣянные противоположными вѣтрами, лишены общаго направленія. «Всѣ, чьи разговоры о завоеваніи я слышалъ, единодушно утверждаютъ, пишетъ Редереръ императору [2]), что трудно, чтобы оно было довершено, пока общее командованіе различными корпусами арміи не будетъ исполняться съ большею точностью. Всѣ эти лица желали, чтобы Вы, Ваше Величество, въ скоромъ времени были въ состояніи снова взять на себя непосредственное командованіе. И хотя королю говорятъ, что онъ очень даже можетъ управлять Испаніей, они думаютъ, что только Вы, Ваше Величество, можете завоевать ее».

Именно такъ думалъ Наполеонъ, и онъ готовится къ этому. Послѣ 7 октября онъ изъ Шенбрюнна пишетъ Кларку: «Я намѣренъ собрать къ началу декабря 80,000 человѣкъ пѣхоты и отъ 15 до 16,000 кавалеристовъ, чтобы съ этими подкрѣпленіями вступить въ Испанію». И онъ отправляетъ въ Байонну свои походные экипажи [1]).

Однако онъ откладываетъ свой отъѣздъ, задержанный въ Парижѣ кризисомъ въ дѣлахъ, кризисомъ въ частной жизни, кризисомъ семейнымъ, кризисомъ въ правительствѣ, кризисомъ въ союзахъ, который своимъ отраженіемъ въ Европѣ и всякими послѣдствіями, которыя онъ влечетъ за собою, стоитъ цѣлой революціи въ системѣ имперіи.

[1]) Rapport de La Rochefoucauld, 28 octobre.—Louis à Napoléon, 27 octobre 1809.

[2]) Juillet 1809. Tome III, p. 548.

III.

Итакъ, чтобы извлечь изъ *континентальной системы* желанный результатъ, Наполеонъ долженъ былъ взять въ управленіе завоеванную Европу, послѣ того, какъ онъ устроилъ изъ нея громаднѣйшій кланъ корсиканскаго племени. Но и это есть лишь пожизненное средство. Онъ безпокоится о будущемъ. Что станется съ имперіей послѣ него въ этихъ слабыхъ, жадныхъ и соперничающихъ рукахъ? Та же необходимость, которая обязательна для него, если онъ желаетъ, чтобы имперія была силой, дѣлается еще болѣе обязательной, если онъ желаетъ, чтобы эта сила была продолжительной. Эта столько разъ откладывавшаяся проблема о наслѣдованіи имперіи, послѣ этой неудачи и этого разочарованія въ ленныхъ королевствахъ, допускаетъ лишь одно рѣшеніе: прямой наслѣдникъ. Остановившись на этомъ, Наполеонъ усматриваетъ всѣ вытекающія отсюда послѣдствія, онъ ищетъ для этого всѣхъ средствъ: онъ хочетъ, чтобы этотъ наслѣдникъ былъ единымъ распорядителемъ имперіи; онъ хочетъ освободить его отъ этихъ стѣснительныхъ и опасныхъ отростковъ, которыми онъ неосторожно снабдилъ имперію, которые угрожаютъ, если они будутъ расти, задушить ее своими чужеядными растеніями; если же они подвергнутся перерожденію, то они грозятъ отравить ее своимъ ядомъ. Въ его умѣ вдругъ возникаетъ планъ отобрать назадъ для своего кровнаго наслѣдника то, что онъ очень щедро дѣлилъ между соискателями своего наслѣдства; оставить послѣ себя вмѣсто несчастливо раздѣленной имперіи Карла Великаго единую Римскую имперію; вмѣсто дробленія Франціи на удѣлы между Людовикомъ Святымъ и разными Валуа централистическую политику Людовика XIV. «Я создалъ себѣ имперію, я хочу сохранить ее», говорилъ онъ одному эмиссару Люсьена. Нужды блокады заставили его взять въ опеку королевства своихъ братьевъ; созданіе династіи приведетъ его къ объединенію этихъ королевствъ со своей короной. *Континентальная система*, приведенная, въ 1806 году, въ

[1]) Восемьдесятъ пять тысячъ человѣкъ. A Clarke, 30 octobre 1809. До января 1810 года онъ все еще будетъ говорить, что онъ отправится туда. A Clarke, 21, 28 novembre, 15 décembre 1809; à Berthier, 30 janvier 1810.

© ГПИБ

комбинацію съ системой семейныхъ соглашеній, теперь будетъ приведена въ комбинацію съ *системой династической* [1]).

Во всякомъ случаѣ, неожиданно явившуюся идею онъ не оформилъ въ проектъ; онъ не шелъ къ этой цѣли по опредѣленному рѣшенію, путемъ послѣдовательныхъ и согласованныхъ движеній. Его поведеніе въ это критическое время, съ ноября 1809 по мартъ 1810 года, кажется неустойчивымъ, противорѣчивымъ. Нити путаются и рвутся; нужно отказаться отъ мысли привести въ связь слова и дѣйствія, нужно ограничиться ихъ классификаціей въ хронологическомъ порядкѣ; построить ихъ въ ряды, такъ сказать, по росту и по ротамъ. Дѣло въ томъ, что задняя мысль, преобладающая во всемъ планѣ, мысль о бракѣ, остается неточной и сомнительной до марта мѣсяца въ своемъ существенномъ пунктѣ, въ томъ, что касается выбора и согласія женщины. До этого момента все остальное находится въ бездѣйствіи: Наполеонъ не хочетъ и не можетъ ничего рѣшительнаго предпринять: онъ опасается открыть прежде времени свои намѣренія; рисковать промахомъ въ случаѣ отказа принцессы, къ которой посватается; рисковать вредными для брака скандалами, въ случаѣ возмущенія своихъ братьевъ. Итакъ онъ дѣлаетъ только наброски плана и не двигаясь ни взадъ, ни впередъ хлопочетъ только о полумѣрахъ. Наконецъ, и такое соображеніе оказываетъ здѣсь существенное вліяніе: покончить съ политикой клана, это—семейное дѣло, онъ не свободенъ и никогда не освободится ни отъ иллюзій, ни отъ братской угодливости, ни особенно отъ этого малодушія, недостойнаго такого государственнаго человѣка, если бы оно не показывало въ немъ человѣка—отъ боязни того, что будутъ говорить объ его племени, боязни увѣщаній матери, безумныхъ порывовъ Людовика, нервныхъ припадковъ своихъ сестеръ, проказъ и притворныхъ ласкъ Іеронима, осужденій Люсьена и неудовольствій Іосифа, старшаго!

Въ своемъ дворѣ, въ своемъ правительствѣ, въ странѣ онъ находилъ такое же противодѣйствіе себѣ, какое онъ встрѣчалъ въ Европѣ. Сановники и чиновники вели между собою рѣчи, когда они дерзали дѣлать это у себя наединѣ и при закрытыхъ дверяхъ, рѣчи, которыя совѣтники Іосифа нашептывали ему на ухо въ опасныя и ненадежныя времена Эсслингена и Ваграма [2]): «Короля уважаютъ во Франціи и очень любятъ въ сенатѣ,

[1]) Замѣна династической системой системы семейныхъ или клановыхъ договоровъ и совпаденіе замысловъ о бракѣ съ политикой отбиранія удѣловъ и отреченія отъ престоловъ съ декабря 1809 по мартъ 1810 съ замѣчательной убѣдительностью освѣщены Фредерикомъ Массономъ въ его: *Napoléon et sa famille*, t. V et VI.—Conversation avec Campi, 3 février 1810, t. V, p. 61.

[2]) Frédéric Masson, t. VI. Le royaume d'Espagne, p. 73.

который могъ бы послужить сборнымъ пунктомъ. Его въ высшей степени миролюбивый духъ могъ бы составить для него прекраснѣйшій шансъ. Франціи надоѣла война и даже большая часть завоеваній. Провозгласили бы миръ и освобожденіе нѣсколькихъ странъ, присоединенныхъ противъ ихъ воли; такимъ образомъ совершилось бы примиреніе внутреннее и внѣшнее, даже съ Англіей». Отъ этой угодливой покорности до тайнаго желанія, чтобы наступилъ этотъ день мира, непосредственно слѣдующій за слишкомъ опасными днями, оставался одинъ шагъ, и большинство сдѣлало его. Рѣчи Таллейрана, Фуше, ихъ довѣренныхъ, прежнихъ «друзей Англіи», новыхъ «друзей Россіи» находили странные и далекіе отзвуки. Говорили про себя, шептали на ухо своимъ закадычнымъ друзьямъ, что *онъ* шелъ къ пропасти и влекъ ихъ за собою слѣдомъ съ коронами, съ денежными сундуками, драгоцѣнностями и добычей. Самые смѣлые и самые догадливые, тѣ, которые хвастались знакомствами, кто водился съ докторами, люди, читавшіе спеціальныя книги, тихонько произносили слово: сумасшествіе; приводили случаи, разсуждали объ аналогичныхъ примѣрахъ, о горделивомъ помѣшательствѣ. «Хотите ли, говорилъ морской министръ, министръ утопій и разочарованій, Декре, «хотите, я скажу вамъ истину и открою вамъ будущее? Императоръ сошелъ съ ума, совсѣмъ сошелъ съ ума, и всѣхъ насъ, сколько насъ ни есть, онъ швырнетъ вверхъ ногами внизъ головою, и все это кончится страшной катастрофой» [1]). Если бы *онъ* не остановился, онъ погубилъ бы всѣхъ; отсюда вытекало тайное пожеланіе чтобы что нибудь остановило его: Европа, случайности жизни и самая естественная случайность у человѣка, который не щадилъ себя и въ такой сильной степени предавался приключеніямъ, смерть. Короче, желали видѣть себя свободными отъ его личности и сохранить выгоды отъ его царствованія. «Я считалъ съ тѣхъ поръ, писалъ одинъ изъ нихъ, что нѣтъ больше примиренія съ Наполеономъ. Мои услуги всегда были вѣрны ему, но не желанія мои» [2]).

Со времени похищенія папы духовенство становится враждебнымъ. Чтобы подчинить папу блокадѣ, Наполеонъ возмутилъ католиковъ; чтобы сдѣлать папу своимъ сотрудникомъ въ Европѣ, онъ оттолкнулъ отъ себя французовъ. Никакое дѣло не подвигалось безъ его личнаго участія въ немъ. Люди исчезали въ арміи. Гвардія была биткомъ набита новобранцами; да это уже была и не гвардія, разъ новички такъ скоро поступали въ нее. Потомъ изсякали самыя конскрипціи; жандармы рыскали по всѣмъ направленіямъ, розыскивая бѣглыхъ рекрутовъ. Молодыя поколѣнія, неся службу

[1]) Marmont, t. III, p. 336.—См. выше, стр. 299.

[2]) Рейнгардъ въ письмѣ къ Гете въ ноябрѣ 1809 г.

по принужденію и находя офицерскія мѣста занятыми, больше не поступали въ армію. Боевые запасы убывали. «Въ послѣдніе четыре года ихъ было израсходовано на сто милліоновъ, а замѣщеній было сдѣлано только на четыре милліона» [1]). Наполеонъ подумываетъ объ экономіи: о разоруженіяхъ въ Германіи, въ Италіи, въ Иллиріи, «въ виду того, что финансы его оказываются въ невозможности покрывать такіе расходы» [2]). Короче, имперія находится въ ненадежномъ состояніи: она пошатывается, нужно ее укрѣпить окончательно и нужно позаботиться о завтрашнемъ днѣ.

Противъ этихъ тайныхъ заговоровъ, противъ этого отщепенства лицъ, противъ потрясенія дѣлъ Наполеонъ видитъ только одно средство: волей-неволей сдѣлать людей союзниками въ дѣлѣ упроченія имперіи, при помощи того же интереса, который сдѣлалъ ихъ союзниками въ дѣлѣ основанія этой имперіи. Мотивы, которые привели его въ 1802 году къ тому, чтобы назначить себя пожизненнымъ консуломъ, въ 1804 году къ тому, чтобы назначить себя императоромъ, побуждаютъ его къ разводу и второму браку. Къ этому побуждали его и близкія къ нему лица: братья и сестры вслѣдствіе неизлѣчимой враждебности къ Жозефинѣ и вообще къ Богарне, а также и потому, что этотъ императорскій бракъ ввелъ бы ихъ въ семью императоровъ и королей, гдѣ они были еще лицами посторонними, выскочками, попавшими туда случайно, терпимыми изъ страха. Они утѣшали себя надеждою, что бракъ сдѣлаетъ миролюбивымъ Наполеона, отклонитъ его отъ новыхъ предпріятій, и что, пожелавъ основать свою династію, онъ предоставитъ каждому изъ нихъ спокойно основывать свою. Важные сановники, маршалы, министры думали то же самое. Наполеонъ хотѣлъ привязать ихъ къ своей системѣ; они желали прикрѣпить себя къ своимъ мѣстамъ и императора къ миру; то есть, они хотѣли пріобщить право на преемство своихъ мѣстъ къ праву на преемство его имперіи и постепенно подготовить себя къ тому, чтобы обходиться безъ него. Парижъ любитъ празднества, Франція жаждала покоя. Бракъ былъ бы популяренъ. Наполеонъ убѣдилъ себя, что въ этомъ новомъ обстоятельствѣ онъ еще разъ шелъ одной дорогой съ обществомъ и продолжалъ править Франціей такъ, какъ она желала, чтобы правили ею.

Также онъ убѣдилъ себя, что Европа видѣла бы въ этомъ свою гарантію. И онъ удивительно заблуждался на этотъ счетъ.

Послѣ того, какъ Наполеонъ сдѣлался императоромъ, благодаря революціи, послѣ того, какъ онъ употребилъ революціонныя силы для завоеванія трети континента и для преобладанія въ остальныхъ частяхъ,

[1]) A Clarke, 20 novembre 1809.
[2]) Aux ministres de la guerre, 18 décembre 1809.

онъ, чтобы сохранить свое главенство, считаетъ возможнымъ заинтересовать въ этомъ Европу, въ свою очередь, дѣлая изъ себя охранителя монархическаго строя. Такимъ образомъ, ему приходится на мѣсто Европы, побѣжденной французской революціей, поставить Европу, образующую конфедерацію вокругъ французской имперіи, съ цѣлью подавлять революціи, вышедшія, какъ вышла эта имперія, изъ французской революціи. Послѣ того какъ онъ низвергнулъ столько королей, послѣ того какъ онъ грозилъ низложеніемъ тѣмъ, которыхъ онъ удостоилъ терпѣть, онъ надѣется успокоить ихъ въ достаточной степени для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ поручителей ихъ униженія и ихъ паденія. Ошибка болѣе глубокая и болѣе пагубная, чѣмъ та, которая довела его до мысли посадить на троны своихъ братьевъ. Національныя революціи, вызванныя, провозглашенныя и распространенныя Франціей, продолжаютъ, вопреки всѣмъ видимостямъ, распоряжаться народами и королями. Подъ властью имперіи должны были быть союзы династическіе, какъ подъ властью директоріи были союзы республиканскіе. Государи не только не были сдерживаемы страхомъ передъ революціей отъ своего желанія реванша, но и были готовы воспользоваться національными революціями, чтобы вернуть потерянныя территоріи и силу. Интересъ, который Наполеонъ, достигши апогея, находилъ въ томъ, чтобы обуздать эту національную силу, вознесшую его до верха могущества, этотъ самый интересъ побуждалъ этихъ государей дать волю этой самой національной и народной силѣ съ тою цѣлью, чтобы сокрушить Наполеона.

Наполеонъ казался постарѣвшимъ, отяжелѣвшимъ, ожирѣвшимъ. Во всемъ его существѣ видно что-то остановившееся, почти какой-то стигматъ вырожденія. Величественный ростъ его генія, казалось, съ тѣхъ поръ пріостановился: онъ не изобрѣталъ новаго, онъ продолжался. Вмѣсто того, чтобы сливаться съ событіями, вмѣсто того, чтобы приспособлять свои планы къ ходу явленій, онъ создаетъ себѣ въ своихъ мысляхъ, какъ и въ своей политикѣ, нѣкоторый методъ, нѣкоторую *систему*. Вмѣсто того, чтобы замышлять и дѣйствовать сообразно реальнымъ условіямъ Европы, онъ началъ измышлять себѣ Европу сообразно своимъ желаніямъ и своимъ нуждамъ. Легкость, съ какой онъ обманывалъ себя относительно всеобщей угодливости его планамъ, чрезмѣрная иллюзія, что, взявъ себѣ жену изъ императорскаго или королевскаго дома, онъ измѣнитъ теченіе дѣлъ, судьбы революціи въ Европѣ, наконецъ, свою собственную судьбу, открываютъ въ немъ глубокое измѣненіе того здраваго смысла въ практическихъ дѣлахъ, который онъ доводилъ до величія, и который въ политикѣ былъ самымъ могущественнымъ его орудіемъ дѣйствія. Онъ думалъ, что достигнетъ своихъ цѣлей, если пойдетъ по

старымъ королевскимъ дорогамъ; выбоины старой Европы только мѣшали ему двигаться. Онъ восторжествовалъ надо всѣми, потому что онъ не похожъ на всѣхъ и выше ихъ. Съ этихъ поръ онъ опускается до обыкновеннаго уровня государей и становится монархомъ, какъ другіе. Такъ мѣсто Бонапарта сухощаваго, безпокойнаго, обаятельнаго, котораго міръ провозгласилъ безподобнымъ *человѣкомъ*, какого никто не зналъ, и какого міру не суждено опять увидѣть, мѣсто этого Бонапарта заняла маска классическаго Цезаря: медаль, выбитая штемпелемъ, взятымъ у великаго римскаго медальера, вмѣсто единственной въ мірѣ камеи, чуда искусства, сдѣланнаго рѣзцомъ безподобнаго артиста.

Предпріятіе, которое онъ обдумываетъ, двойное: расторгнуть первый бракъ и подготовить второй. Нужно было одновременно вести оба дѣла, чтобы народы сразу узнали и о разводѣ съ Жозефиной и о помолвкѣ Наполеона съ знаменитой принцессой. Разрывъ брака гражданскаго, болѣе сложная процедура отмѣны брака церковнаго — брака заключеннаго невзначай въ 1804 году [1])—это были дѣла внутреннія, семейныя, дѣла канцеляріи, консисторскаго суда, а также дѣло сердца, и оно не обошлось безъ глубокой печали. Въ одно и то же время борясь съ воспоминаніями юности и съ тонкостями церковнаго права—въ юридической части дѣла пользуясь помощью великаго канцлера Камбасереса, человѣка очень находчиваго, если не хитреца на всѣ лады; поддерживаемый въ задушевной сторонѣ кризиса Евгеніемъ, который въ этомъ обстоятельствѣ свою сыновнюю преданность императору простиралъ до великодушія, Наполеонъ былъ занятъ тѣмъ, чтобы обойти Александра и заставить его выйти изъ тумановъ: это было бы окончательное испытаніе союза между двумя имперіями и дружбы между двумя императорами.

Онъ окружаетъ всякими знаками благоволенія новаго царскаго посланника Куракина, старика, высокомнящаго о себѣ, слишкомъ посящагося со своимъ умомъ, родовитостью и свѣтскостью, человѣка тупого умомъ, неповоротливаго тѣломъ, смѣшного своею тучностью, тщеславящагося своими драгоцѣнностями, своимъ шитьемъ, своей неуклюжей и тяжелой парчевой одеждой; человѣка, въ такой же мѣрѣ щепетильнаго, какъ и легковѣрнаго, если кто умѣлъ льстить его слабостямъ; человѣка, представлявшаго собою «торжественное ничтожество», отъ котораго нечего было ожидать въ политикѣ, но который *писалъ*, и отъ котораго Наполеонъ ожидалъ, чтобы онъ *написалъ* въ пользу брака. 22 ноября Наполеонъ обратился черезъ Шампаньи съ частнымъ письмомъ къ Коленкуру. Шампаньи предписывалъ ему обратиться къ Александру со слѣ-

[1]) См. т. VI, стр. 330—331.

дующими словами: «Я имѣю основаніе думать, что императоръ, побуждаемый всей Франціей, собирается развестись. Могу ли я сообщить, что можно разсчитывать на вашу сестру?» [1]) Письмо еще не было отправлено, какъ пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга. Александръ ставилъ союзъ въ зависимость отъ письменнаго обѣщанія Наполеона никогда не возстановлять Польши, онъ не довольствовался словеснымъ заявленіемъ: «Его Величество соглашается, чтобы слова Польша и поляки исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ сдѣлокъ, но даже изъ исторіи». Онъ желалъ письменнаго обязательства. Это былъ, говорилъ онъ, *ультиматумъ* его дружбы.

Наполеонъ сразу распозналъ враждебное отношеніе: Александръ хотѣлъ раздѣлить два дѣла, которыя Наполеону выгодно было связать: окончательное упраздненіе Польши и руку великой княжны. Польское дѣло было въ его рукахъ средствомъ приневолить царя; но зато онъ рисковалъ быть обманутымъ, если бы онъ не велъ игру очень осторожно: затягивая дѣло съ бракомъ, Александръ заставилъ бы его уступить въ вопросѣ о Польшѣ, самъ ему не обѣщая ничего, а получивъ свою гарантію, онъ затѣмъ сумѣлъ бы увернуться отъ брачнаго вопроса, ссылаясь на предлогъ религіозный или семейный. Въ письмѣ Шампаньи къ Коленкуру Наполеонъ сейчасъ же прибавилъ слѣдующій *post-scriptum*: «Вы ни отъ чего не откажетесь, что будетъ имѣть цѣлью устранить всякую мысль о возстановленіи Польши». Но само собою подразумѣвается, что Коленкуръ одной рукой предложитъ проектъ о заключеніи брака, а другою проектъ договора о гарантіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, Наполеонъ считаетъ себя предупрежденнымъ. Онъ помышляетъ оградить себя мѣрами на случай отказа. Въ политикѣ, какъ на войнѣ, онъ всегда строилъ свои планы въ двойной гипотезѣ, и на тотъ случай, если бы Россія уклонилась, онъ уже имѣлъ мысль обратиться къ Австріи. Шампаньи въ разговорѣ съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Флоре, намекнулъ на личность эрцгерцогини Маріи-Луизы въ выраженіяхъ довольно знаменательныхъ, чтобы въ Вѣнѣ, если окажется нѣкоторая готовность, начали переговоры. Оказалось, что въ Вѣнѣ были расположены къ этому. Меттернихъ, имѣя съ этихъ поръ дѣла въ своихъ рукахъ, вносилъ въ нихъ свою удивительную дипломатическую гибкость, свою необыкновенную хитрость, свою свѣтскую ловкость, свою непринужденность въ высказываніи намековъ, свою прекрасную манеру держать себя въ неудачахъ, словомъ, свое почти дерзкое

[1]) Lettre de Champagny; rapports de Caulaincourt, 22, 30 octobre 1809 Vandal. См. выше, стр. 335.

искусство превратить военную неудачу въ политическій успѣхъ. Ему нужно было, во что бы то ни стало, выиграть время, чтобы подвести мины подъ имперію Наполеона или дать этой имперіи обрушиться вслѣдствіе своей собственной тяжести. Если бы для этого понадобилось пожертвовать эрцгерцогинею, то эрцгерцогиня была бы принесена въ жертву.

29 ноября онъ имѣлъ съ Лабордомъ, проживавшимъ въ Вѣнѣ для окончанія военныхъ дѣлъ, разговоръ, въ которомъ онъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Вѣрите ли вы, что императоръ имѣлъ когда нибудь дѣйствительное намѣреніе развестись съ императрицей?» Потомъ онъ намекнулъ, какъ бы исключительно отъ себя, на мысль о бракѣ: «Я посмотрѣлъ бы на это событіе какъ на истинное счастье для васъ и какъ на славу для времени моего министерства». Лабордъ поспѣшилъ дать отчетъ Шампаньи, и, немного времени спустя, все давало основаніе думать, что Флоре былъ предупрежденъ говорить въ такомъ же смыслѣ, если бы отъ него это потребовалось.

IV.

Наполеонъ еще не провозгласилъ мира и не возвѣстилъ о новыхъ присоединеніяхъ къ имперіи. Въ принципѣ онъ рѣшилъ присоединить Голландію. Онъ думаетъ еще отправиться въ Испанію [1]), хотя каждый день откладываетъ свой отъѣздъ. Но его польза требуетъ, чтобы Англія знала объ его экспедиціи, и чтобы Испанія чувствовала угрозу ея. Наконецъ, въ такую пору, когда онъ сватается въ Петербургѣ, онъ долженъ высказать публично свои чувства къ царю. Открытіе законодательнаго корпуса, назначенное на 3 декабря, дало ему случай объясниться по всѣмъ своимъ дѣламъ.

Онъ предписываетъ Шампаньи сказать Людовику: «Голландія не можетъ дальше существовать въ томъ положеніи, въ какомъ она находится». Она не имѣетъ ни арміи, ни флота, ни финансовъ. «Голландія есть рынокъ для Мааса, Шельды и Рейна, то есть, большихъ артерій имперіи... Голландія есть дополненіе имперіи... Только строгой блокадой можно принудить Англію къ миру; нужно, чтобы на берегахъ Голландіи полиція была устроена такъ же, какъ на берегахъ Нормандіи...» [2]). Письмо это не было отправлено: Наполеонъ хранилъ его въ запасѣ. Онъ предпочиталъ вести дѣло словесно. Онъ намекнулъ Людовику, чтобы онъ попросилъ разрѣшенія явиться въ Парижъ, что Людовикъ сейчасъ же и сдѣлалъ. Потомъ тѣмъ же перомъ, которымъ онъ написалъ Людовику разрѣшеніе оставить Гаагу, онъ написалъ Бесьеру, главнокомандующему сѣверной арміей: «Вы двигаетесь съ ненадлежащей рѣшительностью... Если король стѣсняетъ васъ, не слушайте его» [1]). Людовикъ отправился въ Парижъ 27 ноября. Фактически онъ пересталъ царствовать.

[1]) A Clarke, 21, 28 novembre; 5 décembre 1809; à Berthier 30 janvier 1810.

[2]) Сличите, т. IV, стр. 205 сл., комитетъ общественнаго спасенія и Голландія. Вѣдь это тѣ же самые доводы.

Онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ 1 декабря и останавливается у своей матери. 2-го Наполеонъ излагаетъ ему свои планы: «Голландія—совсѣмъ англійская колонія и болѣе враждебна Франціи, чѣмъ даже сама Англія... Я хочу поглотить Голландію». Людовику предстоитъ выбрать одну изъ слѣдующихъ компенсацій: жить или во Франціи въ качествѣ французскаго принца, или въ Германіи, получивъ королевство [2]). 3 декабря рѣшеніе императора было возвѣщено торжественнымъ образомъ. Это—одинъ изъ параграфовъ обширной программы, которую онъ развиваетъ въ своей рѣчи законодательному корпусу.

Прежде всего говорится о присоединеніяхъ, которыя уже приведены въ исполненіе: «Я присоединилъ Тоскану къ имперіи... Исторія показала мнѣ, какъ я долженъ былъ держать себя по отношенію къ Риму... Владѣнія Рима присоединены къ Франціи. Иллирійскія провинціи простираютъ до Савы границы моей Великой имперіи. Соприкасаясь съ Константинопольской имперіей, я буду находиться въ естественномъ положеніи, чтобы оберегать важнѣйшіе интересы моей короны въ Средиземномъ морѣ, въ Адріатикѣ и въ Левантѣ... Мой союзникъ и другъ, русскій императоръ, присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Валахію и одинъ округъ Галиціи. Я не завидую ничему, что можетъ служить ко благу этой имперіи. Мои чувства къ ея знаменитому государю согласуются съ моей политикой». Часть рѣчи, относившаяся къ Голландіи, представляла не что иное, какъ списокъ съ письма къ Шампаньи: «Голландія есть рынокъ главныхъ артерій моей имперіи. Измѣненія сдѣлаются необходимыми...» [3]). Онъ заканчиваетъ слѣдующей напыщенной угрозой по адресу испанцевъ и англичанъ: «Когда я покажусь по ту сторону Пиренеевъ, устрашенный Леопардъ броситься къ океану, чтобы избѣжать стыда, пораженія и смерти. Торжество моего оружія будетъ торжествомъ генія добра надъ геніемъ зла, торжествомъ скромности, порядка, морали надъ междоусобной войной, анархіей и пагубными страстями».

[1]) A Louis, 23 novembre; à Bessières, 20 novembre 1809. Lecestre.

[2]) Frédéric Masson, p. V. L'abdication de Louis.—Rocquain, Ducasse.

[3]) Сличите: *l'Exposé de la situation de l'empire. Moniteur* du 14 décembre 1809.

Оставалось превратить предостереженія въ дѣйствительныя мѣры. Наполеонъ принялъ Людовика 5 декабря и заявилъ ему, что онъ долженъ отречься, если не желаетъ увидѣть, какъ армія въ 40.000 человѣкъ вступитъ въ Голландію и произведетъ присоединеніе ея къ Великой имперіи. 6-го утромъ Людовикъ позвалъ къ себѣ Шампаньи [1]). Онъ «казался въ состояніи подавленности, близкой къ отчаянію. Это онъ оплакивалъ вовсе не свою участь». Онъ оплакивалъ Голландію, оплакивалъ, что она «упадетъ въ эти страшныя руки!» Чтобы спасти ее отчасти, онъ предлагаетъ уступить Франціи области, расположенныя на лѣвомъ берегу Мааса. Голландія будетъ расчленена, но она сохранитъ своего короля; что касается его, то Наполеонъ могъ бы вознаградить его великимъ герцогствомъ Бергъ. Въ то же время, по примѣру своего брата, Людовикъ хотѣлъ бы отдѣлаться отъ своей жены, развестись съ Гортензіей. Наполеонъ ничего не хотѣлъ слышать. Дѣло о разводѣ онъ отослалъ въ семейный совѣтъ, который отказалъ въ разрѣшеніи [2]). Что же касается Голландіи, то *отчетъ о состояніи дѣлъ* отъ 12 декабря повторилъ заявленіе изъ рѣчи, сказанной 3-го числа [3]). «Голландія есть въ дѣйствительности не что иное, какъ часть Франціи. Эту страну можно опредѣлить, сказавъ, что она образовалась изъ наносовъ Рейна, Мааса и Шельды... Пора, чтобы все вступило въ свой естественный порядокъ». 15-го Наполеонъ комментируетъ этотъ текстъ: «Я желаю присоединенія... Мнѣ нужно много побережья, чтобы воевать съ Англіей; итакъ, я хочу его до Везера».

Тонъ и стиль его отвѣтовъ на жалобы Людовика напоминаютъ отвѣты Сійэса батавскимъ депутатамъ въ 1795 году. Наполеонъ сдѣлалъ лучше: онъ сослался на этотъ прецедентъ [4]): «Мнѣ прискорбно видѣть, что въ Голландіи, подъ управленіемъ государя изъ моего дома французское имя подвергается позору... На что плачутся голландцы? Развѣ они не были завоеваны нашимъ оружіемъ? Развѣ они не обязаны своей независимостью благородству моихъ народовъ?.. Вы должны понимать, что я не отдѣляю себя отъ моихъ предшественниковъ, *и что отъ Хлодвига до Комитета Общественнаго Спасенія я считаю себя солидарнымъ во всемъ...*»—24 марта 1795 года Комитетъ Общественнаго Спасенія потребовалъ отъ батавскихъ республиканцевъ,—призванныхъ французской республикой къ независимости, но временно, въ періодъ завоеванія,—потребовалъ отъ нихъ «границы, идущей по Рейну и Ваалу до моря». Комитетъ былъ связанъ «рѣшеніями національнаго собранія», говорили члены народнаго конвента. Если бы Голландія не согласилась на это, съ ней поступили бы «какъ съ завоеванной страной» [1]). Голландія была необходима, чтобы укротить Англію. «Возьмемъ Голландію, говорилъ Дантонъ, и Карѳагенъ нашъ!» Надо было или поработить ее, или присоединить: «Устья Рейна и Мааса должны принадлежать мнѣ, продолжалъ Наполеонъ. Принципъ, что русло Рейна есть наша граница, есть основной принципъ. Я сознаюсь, что я не нахожу выгоды присоединять къ Франціи страны, лежащія на правомъ берегу Рейна, какъ не нахожу выгоды присоединять великое герцогство Бергъ и ганзейскіе города. Слѣдовательно, я могу оставить Голландіи правый берегъ Рейна»... Онъ требовалъ строгой блокады, четырнадцать кораблей, семь фрегатовъ, 25,000 человѣкъ, упраздненія голландскихъ маршаловъ, упраздненія дворянства, учрежденнаго Людовикомъ. Эти послѣдніе пункты составляли предметъ самолюбія, были особенно близки «королевскому» сердцу Людовика! Онъ хотѣлъ уѣхать, явиться среди «своего народа», организовать сопротивленіе. Какъ Іосифъ, въ 1808 году, онъ ищетъ поддержки въ Европѣ и обращается прямо къ царю, не чувствуя, до какой степени эти просьбы говорятъ о разстройствѣ въ настоящемъ времени и о неувѣренности въ судьбѣ имперіи въ будущемъ. Онъ вступаетъ въ сношенія съ русскимъ полковникомъ Горголіемъ, флигель-адъютантомъ Александра, прибывшимъ съ депешами. Онъ вручаетъ ему письмо для царя, прося «благосклонности, дружбы и поддержки всемогущаго Его Императорскаго Величества». Онъ изображаетъ ему дѣло такъ, что присоединеніе Голландіи «довершило бы независимость Англіи...»—«Голландія есть естественный складочный пунктъ для торговли Сѣвера и входитъ въ прямые интересы Вашего Величества» [2]). Наполеонъ не знаетъ объ этомъ поступкѣ, но онъ запретилъ Людовику возвращаться въ Голландію: «Несомнѣнно для того, пишетъ онъ ему 23 декабря, чтобы тамъ поднять противъ меня знамя бунта. Этого не будетъ». Онъ держитъ наслѣднаго принца въ качествѣ заложника, и, если Людовикъ бѣжитъ, «непремѣнно сейчасъ же будетъ декретировано присоединеніе.—Почему вы сами не отдадите меня подъ надзоръ вашей полиціи?—Это будетъ съ вами, какъ со всякимъ другимъ, когда я это прикажу», возражаетъ Наполеонъ.

---

[1]) Rapport de Champagny, 6 décembre 1809.

[2]) A Cambacérès, 22 décembre 1809. Lecestre.—Conseil de famille, 24 décembre. Masson.

[3]) *Moniteur* du 14 décembre, séance du Corps législatif du 12.

[4]) A Louis, 21 décembre 1809. Rocquain.—Сличите, т. IV, стр. 179, 180, 206, 208, 244, т. V, стр. 187, 256, 257.

[1]) Instructions à Reubell et Sieyès, 4 mai 1795.

[2]) 19 décembre 1809. Masson.

Людовикъ подчиняется на короткое время, и Наполеонъ смягчается. Между министрами начались форменные переговоры. Наполеонъ отступилъ передъ этимъ семейнымъ скандаломъ въ такое время, когда велъ переговоры о своемъ бракѣ. Онъ боялся тревоги, которую присоединеніе Голландіи могло бы внести въ среду поставленныхъ имъ государей. Затѣмъ была и такая задняя мысль: въ союзѣ съ Россіей онъ еще надѣялся разрушить Карѳагенъ, но, если бы Россія ускользнула отъ союза, пришлось бы измѣнить тактику, нужно было бы снова повернуться въ сторону Австріи, отказаться отъ большихъ насильственныхъ мѣръ противъ Англіи и стараться, какъ на другой день послѣ Люневилля, придти къ новому Амьенскому договору [1]). Голландія служила полезнымъ посредникомъ для вступленія въ переговоры съ Англіей. Открытая угроза присоединить эту страну, быть можетъ, думалъ онъ, устрашитъ англичанъ и заставитъ ихъ вступить въ переговоры; если же англичане откажутся отъ нихъ, Наполеонъ будетъ совсѣмъ готовъ устроить присоединеніе, отвѣтственность за него, онъ взваліть на нихъ, и оно ему будетъ необходимо для возобновленія борьбы. Такъ было съ Пьемонтомъ въ промежуточный періодъ между Люневиллемъ и Амьеномъ.

«Я не могу, пишетъ онъ Шампаньи 6 января 1810 года, оставить эту націю союзницей Англіи... Настаивайте на томъ, что для причиненія вреда Англіи необходимо обратиться ко всей той силѣ, какую далъ мнѣ Богъ...»—«Нужно, чтобы совѣтъ министровъ—голландскихъ—написалъ англійскому статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ письмо, которое будетъ отправлено съ тайнымъ агентомъ. Оно укажетъ на вредъ, могущій произойти для Англіи отъ присоединенія, и объяснитъ, что, если Англія желаетъ избѣжать замѣшательствъ въ Голландіи, она можетъ достигнуть этого, начавъ переговоры...» Людовикъ составилъ письмо для своихъ министровъ; Наполеонъ нашелъ его черезчуръ слабымъ, усилилъ его, и письмо было отправлено 12 января 1810 года. Потомъ, чтобы внушить страхъ англичанамъ и, особенно, чтобы быть въ состояніи подавить попытки сопротивленія, обнаруживавшіяся въ Голландіи, онъ приказываетъ Удино занять Бергъ-опъ-Цомъ и Бреду. Удино объявляетъ этотъ приказъ голландцамъ 14 января. Они сопротивляются. Наполеонъ грозитъ Людовику походомъ на Амстердамъ, декретомъ о присоединеніи: «Если бы онъ отсюда ушелъ, я присоединилъ бы страну» [2]). 20-го онъ издаетъ декретъ объ образованіи *Брабантской арміи*. «Всѣ области,

[1]) См. Pasquier, *Mémoires*, t. I, p. 389.

[2]) A Clarke, 18 janvier; à Champagny, 19 janvier; Louis à Clarke, 18 janvier. Rocquain.—Clarke à Oudinot, 24 janvier. Ducasse.—Note du 24 janvier. Masson.—Napoléon à Champagny, 27 janvier 1810. Lecestre.

расположенныя между Маасомъ, Шельдой и океаномъ, составятъ территорію этой арміи». Наконецъ, 24 января въ Гаагу отправляютъ ноту, цѣль которой привлечь Англію вступить въ переговоры или свалить на нее отвѣтственность за присоединеніе. «Его Императорское Величество имѣетъ намѣреніе отозвать къ себѣ принца своей крови, возведеннаго имъ на голландскій тронъ, занять французскими войсками всѣ рынки Голландіи и всѣ ея гавани». 25-го передавая эту ноту своимъ министрамъ, Людовикъ прибавляетъ: «Участь Голландіи зависитъ отъ англійскаго министерства». Удино приводитъ въ исполненіе эти приказы и вступаетъ во владѣніе страной между Маасомъ и Шельдой. 30 января въ *Moniteur*'ѣ обнародована слѣдующая нота по адресу Англіи: «Какъ однимъ изъ послѣдствій первой и второй коалиціи было расширеніе французскаго побережья до Шельды, такъ результатомъ вашихъ приказовъ кабинета 1807 года будетъ расширеніе побережья Франціи до Эльбы».

Взволнованный весь какъ есть своей тройной ипохондріей: болѣзненной, супружеской и королевской; принужденный отдавать по частямъ королевство, которое онъ желалъ бы сохранить, и держать жену, съ которой онъ желалъ бы разлучиться, Людовикъ понимаетъ, наконецъ, что нужно подчиниться и искать мировой сдѣлки.

Въ то время, какъ Людовикъ старался такимъ образомъ заставить обращаться съ собою какъ съ королемъ по рожденію, то есть, быть ограбленнымъ и лишеннымъ трона съ полнымъ соблюденіемъ формальностей, Іеронимъ, болѣе любимый и болѣе искусно пользующійся слабостями Наполеона, попрежнему заставляетъ обращаться съ собой какъ съ братомъ, то есть, давать ему вволю денегъ, земель и нѣмцевъ. Наполеонъ его, какъ и Людовика, призываетъ въ Парижъ. Онъ дѣлаетъ ему выговоръ за его долги и требуетъ отъ него записки о томъ, въ какомъ положеніи находится Вестфалія. Іеронимъ отвѣчаетъ ему 6 декабря 1809 года: «Королевство Вестфалія не можетъ держаться, если вмѣстѣ съ Ганноверомъ, Фульдой, Нассау и всѣми незначительными владѣніями, врѣзывающимися въ ея территорію, императоръ не дастъ ей какого нибудь рынка для ея торговли». Наполеонъ частью соглашается на это, но такъ, чтобы держать Іеронима и Вестфалію болѣе прикрѣпленными, чѣмъ прежде; чтобы сдѣлать его жизнь болѣе трудною и послушаніе необходимымъ; чтобы въ случаѣ неповиновенія сдѣлать себѣ легкой конфискацію. Онъ уступаетъ Ганноверъ за исключеніемъ 15,000 жителей и четырехъ съ половиною милліоновъ франковъ дохода, оставленныхъ имъ въ своемъ распоряженіи; онъ опредѣляетъ въ 16 милліоновъ недоплату контрибуціи и военный контингентъ въ 26,000 человѣкъ; да кромѣ того содержаніе до конца войны 18,500 человѣкъ французскихъ войскъ, понимая подъ этимъ, какъ

въ Голландіи со времени договора 1795 года: «жалованье, столъ и экипировку этихъ войскъ и заботу о всѣхъ ихъ нуждахъ». Іеронимъ подписывается, закрывъ глаза, подобно всѣмъ мотамъ, и отправляется возвѣстить хорошую новость вестфальскимъ владѣніямъ. Съ этой поры Вестфалія стала «державой», и въ королевствѣ продолжался карнавалъ [1]).

Что касается Іосифа, то Наполеонъ даже пересталъ писать ему. «Дѣло, которое я дѣлаю, нестерпимо, писалъ король... Если поведеніе императора имѣетъ цѣлью возбудить во мнѣ отвращеніе къ Испаніи, то его цѣль достигнута». И этотъ философъ прибавлялъ, помышляя, конечно, о Маркѣ Авреліи: «Я не нуждаюсь въ коронѣ, чтобы быть человѣкомъ, я чувствую себя достаточно великимъ, чтобы не желать становиться на ходули» [2]). Маркъ Аврелій командовалъ арміями, онъ умеръ отъ заботъ. Не простирая такъ далеко своего королевскаго стоицизма, Іосифъ рѣшился отправиться на завоеваніе Андалузіи. Истинное побужденіе къ этой экспедиціи заключалось въ томъ, чтобы избѣгнуть унизительной встрѣчи съ Наполеономъ. Но Наполеонъ именно въ это время окончательно отказался отъ возвращенія въ Испанію. Серьезными врагами тамъ онъ считалъ только англичанъ, и онъ воображалъ себѣ, что, отправляя туда Массену, а за нимъ Нея, поддерживаемаго Сультомъ, онъ быстро одержитъ надъ ними верхъ. Онъ былъ ослѣпленъ относительно капитальной важности этой войны, изъ которой онъ устранялъ свою личность и въ которую вкладывалъ свои средства. «Если испанская война будетъ продолжаться, говорилъ Веллингтонъ, то Европа спасена». Такъ какъ Наполеонъ желалъ руководить операціями, оставаясь въ Парижѣ, и такъ какъ Іосифъ, будучи неспособнымъ, отказывался отъ роли вице-короля, то Наполеонъ возвращается къ плану, который онъ недавно задумалъ, и который состоялъ въ томъ, чтобы расчленить это королевство, часть его присоединить къ Франціи, а остальною частью управлять при посредствѣ своихъ маршаловъ. Это было единственное средство, думалъ онъ, быстро покончить съ войной и, въ случаѣ нужды, довести Іосифа до отреченія отъ короны. Короче онъ собирался подготовить въ Испаніи то, что онъ приводилъ въ исполненіе въ Голландіи [3]).

V.

Всѣ эти важныя дѣла составляли предметъ заботъ среди празднествъ, дававшихся въ честь королей саксонскаго и вюртембергскаго. Празднества эти занимали публику, а присутствіе государей давало иное направленіе

[1]) Traité du 14 janvier 1810. De Clercq.
[2]) Joseph à la reine Julie, 8 novembre 1809.
[3]) A Champagny, 28 janvier 1810.

слухамъ, ходившимъ относительно брака. Говорили о помолвкѣ съ принцессой саксонской. На самомъ дѣлѣ Наполеонъ все еще отдавалъ предпочтеніе Россіи. Онъ послалъ царю свою рѣчь отъ 3 декабря. Онъ прибавилъ къ ней слѣдующій совѣтъ, продиктованный имъ Шампаньи, который передалъ его Коленкуру [1]): «Пусть считаютъ минуты, вѣдь, *такъ какъ все это есть политическая афера*, императоръ спѣшитъ обезпечить свои важные интересы потомствомъ». Если для Наполеона нѣтъ великой княжны, для царя нѣтъ гарантій противъ возстановленія Польши. Дѣло стоитъ такъ, что нужно или согласиться, или отказаться сейчасъ же безъ обиняковъ. «Императоръ желаетъ знать безусловно раньше конца января, на что ему разсчитывать». Письма Коленкура объясняютъ причину этого, такъ сказать, брачнаго ультиматума: они не говорятъ ни одного слова о бракѣ, за то они говорятъ объ упрекахъ, о затрудненіяхъ, о неблагородной щепетильности въ вопросахъ о придунайскихъ княжествахъ и Галиціи [2]). Примирительный духъ поведенія Наполеонъ простираетъ до той степени, какая нужна, чтобы показать пылъ его желанія. Онъ посылаетъ въ Петербургъ *отчетъ о положеніи дѣлъ*, читанный 12 декабря Монталиве въ Законодательномъ корпусѣ. Александръ найдетъ въ немъ слѣдующую фразу: «Его Величество никогда не имѣлъ намѣренія возстановить Польшу». Но недовѣріе растетъ.

Разводъ былъ объявленъ 15 декабря, въ Тюильри, съ той торжественною важностью, какой Наполеонъ обставлялъ всѣ свои официальные акты. Начался процессъ передъ консисторскимъ судомъ. Періодъ неопредѣленнаго положенія не могъ быть продолжительнымъ. Наполеонъ все больше и больше думаетъ о томъ, какъ бы устроить себѣ отступленіе, и чтобы оно было готово на случай надобности. Представляется подходящій для этого случай. Австрійскій посланникъ, князь Шварценбергъ, пріѣхалъ въ Парижъ; Флоре получилъ свои распоряженія. Онъ искусно открывается Семонвиллю, извѣстному политическому своднѣ и докладчику по характеру. Словно, чтобы придать пикантности этому дѣлу, они встрѣтились на одномъ собраніи у Жозефины, которое было однимъ изъ послѣднихъ, данныхъ ею въ Тюильри. «Ну, сказалъ Флоре, начиная разговоръ тихимъ голосомъ, итакъ дѣло рѣшено?..—Кажется, отвѣчаетъ Семонвилль: дѣло сдѣлано, потому что вы сами не хотѣли сдѣлать его.—Кто сказалъ вамъ это?—Право, такъ думаютъ. Развѣ это было не такъ?—Почему нѣтъ?—Правда ли, что вы были расположены дать намъ одну изъ вашихъ эрцгерцогинь?—Да.—Кто? Вы, въ добрый часъ, но вашъ послан-

[1]) 12 décembre 1809. Albert Vandal, t. II, p. 194.
[2]) Note à Champagny, 17 décembre. Lecestre.—A Caulaincourt, 17 décembre 1809.

никъ?—Я отвѣчаю за него.—И Меттернихъ?—Безъ затрудненія.— И императоръ?—Не менѣе легко.—И теща, которая ненавидитъ насъ?—Вы не знаете ея; это—честолюбивая женщина, ее склонятъ, когда и какъ пожелаютъ». Лабордъ, по возвращеніи въ Парижъ, увидѣлъ Шварценберга и шепнулъ ему «быть готовымъ ко всякимъ событіямъ». Богарне, Жозефина больше другихъ, враждебны русскимъ: Жозефина уступаетъ мѣсто, но, чтобы это было, по меньшей мѣрѣ, для другой Маріи Антуанетты; ея предубѣжденія стараго двора и стараго режима обнаруживаются даже въ этой катастрофѣ ея судьбы. Графиня Меттернихъ пріѣхала въ Парижъ. 2 января она была приглашена въ Мальмезонъ, и голландская королева встрѣтила ее слѣдующими словами: «Вы знаете, мы всѣ австрійцы въ душѣ, но вы никогда не могли бы догадаться, что мой братъ имѣлъ смѣлость посовѣтовать императору попросить руку вашей эрцгерцогини». Жозефина вмѣшивается въ разговоръ и настоятельно говоритъ: «Нужно намъ постараться устроить это дѣло»; въ этомъ заключается единственное средство спасти Австрію и избѣжать схизмы! Графиня сейчасъ же сообщаетъ это своему супругу [1]).

Меттернихъ уже принялся за своего повелителя. 25 декабря онъ написалъ Шварценбергу: «Если произойдетъ разводъ, то возможно, что у васъ будутъ вывѣдывать относительно брачнаго союза съ австрійскимъ домомъ... Я знаю одну партію въ Парижѣ, которая будетъ дѣйствовать очень прямо въ пользу этой идеи: это—партія, которая съ давняго времени желаетъ положить конецъ потрясеніямъ Европы». Если Наполеонъ дѣлаетъ какой нибудь авансъ Австріи, значитъ, что онъ временно не помышляетъ объ ея разрушеніи. «Императоръ, нашъ августѣйшій повелитель, доказалъ во всѣхъ случаяхъ, что спасеніе государства есть главный изъ его принциповъ». Онъ уполномачиваетъ Шварценберга принять предложенія, какія будутъ ему сдѣланы, подъ условіемъ, чтобы въ бракѣ ничто не противорѣчило предписаніямъ религіи. Этотъ бракъ, который обезпечивалъ существованіе Австріи, разорвалъ бы русскій союзъ. «Я смотрю на это дѣло какъ на самое важное, какое можетъ занимать Европу въ настоящій моментъ», пишетъ Меттернихъ графинѣ [2]).

Между тѣмъ Наполеонъ, не получая никакого извѣстія изъ Петербурга, серьезно волнуется тѣми затрудненіями, относительно которыхъ онъ показывалъ видъ, что придаетъ имъ мало значенія: возрастомъ великой княжны, ея религіей. 9 января епархіальный консисторскій судъ объявляетъ недѣйствительнымъ церковный бракъ съ Жозефиной. Это рѣше-

[1]) La comtesse Metternich à son mari, 3 janvier 1810.

[2]) Cf. rapport d'ensemble à François II, 17 janvier 1811, rétrospectif.—Metternich à sa femme, à Schwarzenberg, 27 janvier 1810.

ніе устраняетъ всякое принципіальное препятствіе къ австрійскому браку. Во всякомъ случаѣ Наполеонъ слишкомъ далеко ушелъ съ Россіей, чтобы отступить назадъ. Онъ предоставляетъ Александру заботу рѣшить это дѣло.

VI

Александръ обманываетъ себя надеждой перехитрить Наполеона: онъ упорно продолжаетъ раздѣлять два дѣла, которыя Наполеонъ старался связать, Польшу и бракъ. Румянцевъ, имѣющій въ виду только Польшу, пользуется настроеніемъ, въ которомъ видитъ Коленкура, чтобы представить ему проектъ конвенціи, содержащей слѣдующую фразу: «Польское королевство никогда не будетъ возстановлено». Коленкуръ имѣлъ инструкцію «не отказываться ни отъ чего» въ этомъ вопросѣ, и онъ согласился; но съ тѣмъ же курьеромъ онъ получилъ приказъ попросить руку великой княжны [1]). Онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы обратиться къ царю со своей просьбой. 28 декабря онъ обѣдалъ во дворцѣ. При выходѣ изъ за стола царь долго разговаривалъ съ нимъ, показывая всѣ знаки довѣрія. Коленкуръ произнесъ знаменательныя слова, Александръ, весь улыбающійся, увернулся отъ отвѣта, ссылаясь на то, что ему необходимо посовѣтоваться со своей матерью, а ея не было въ Петербургѣ. Онъ зналъ отвращеніе этой государыни, онъ предвидѣлъ скандалъ своей семьи и своего двора. Онъ предупреждаетъ этотъ скандалъ. «Что вы думаете, говоритъ онъ великому князю Константину, объ этомъ фатѣ Коленкурѣ, который осмѣливается говорить здѣсь мнѣ о брачномъ союзѣ своего государя съ моей сестрой?—Что я думаю объ этомъ? отвѣтилъ великій князь. Я не думаю, чтобы въ нашей семьѣ были мерзавки, вотъ мое мнѣніе» [2]). Отсутствіе императрицы-матери оказалось очень кстати. Александръ вступилъ въ переписку съ нею, и курьеры проводили время между Тверью и Петербургомъ. Онъ безъ сопротивленія согласился затягивать дѣло, ссылаясь на чувство и религію. Онъ подготовляетъ отказъ, но поведетъ это дѣло такъ, что Коленкуръ кончитъ тѣмъ, что подпишетъ договоръ относительно Польши, и что Наполеонъ, горя нетерпѣніемъ, ратификуетъ его. Если Александру удастся этотъ тонкій маневръ, то онъ будетъ имѣть двойной успѣхъ, который возвыситъ его въ глазахъ его двора и въ глазахъ Европы. Роли перемѣнятся. Наполеонъ будетъ низведенъ къ роли мало лестнаго персонажа—претендента, котораго устранили, выскочки, которому вѣжливо отказали; Россія получитъ свою гарантію относительно Польши и не дастъ великой княжны. Конвенція была подписана 4 января 1810 года.

[1]) См. выше, стр. 349, инструкція 22 ноября 1809 г.

[2]) *Mémoires du comte de Moriolles*, p. 255.

Это значило дѣлать расчеты, не принимая въ соображеніе проницательности Наполеона и хитрости Меттерниха. Наполеонъ, получивъ донесеніе отъ Коленкура 27 января, проникъ игру Александра и измѣнилъ свою. Александръ желаетъ тянуть «со своимъ отказомъ» въ бракѣ, Наполеонъ будетъ тянуть «со своимъ отказомъ» въ ратификаціи, и въ этотъ промежутокъ времени онъ добудетъ себѣ принцессу, которая въ вопросѣ о происхожденіи не уступитъ великой княжнѣ, даже наоборотъ, и представитъ то преимущество, что не возбудитъ никакого религіознаго затрудненія. Съ этого времени нужно, говорилъ онъ, показывать видъ, что вовсе не испытали отказа со стороны Россіи и представлять австрійскій бракъ не какъ прискорбный выходъ, а какъ политическій успѣхъ.

28 января самыя важныя особы имперіи собрались въ Тюильри, и императоръ предложилъ на обсужденіе свой бракъ, какъ если бы ровно ничего не было предпринято, и какъ если бы, въ виду важныхъ государственныхъ интересовъ, шло дѣло о выборѣ будущей французской императрицы. За исключеніемъ Таллейрана, всѣ подававшіе мнѣніе не знали обратной стороны игры. Ихъ мнѣнія, составленныя совсѣмъ на угадъ или корыстныя, представляютъ мало значенія. Никто не осмѣлился предложить француженку: слишкомъ низкое происхожденіе. Но иностранки, словно на классическомъ совѣтѣ Агасфера:

> Всякая имѣла свою партію и могущественные голоса за себя.
> (Chacune avait sa brigue et de puissants suffrages).

Лебренъ, герцогъ Пьяценцкій, былъ сравнительно скроменъ, высказался за саксонку и собралъ, говорятъ, до трехъ голосовъ, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ ему. Былъ поставленъ конкурсъ между Россіей и Австріей. Мюратъ въ качествѣ революціоннаго неаполитанскаго короля, находясь въ конфликтѣ съ королемъ Сициліи и его женой, страшной Маріей-Каролиной, сестрой Маріи-Антуанетты, бабушкой эрцгерцогини Маріи-Луизы, высказался противъ австріячки. Онъ опасался возврата къ старому режиму, къ старому этикету, опасался реакціи придворной и государственной противъ «новыхъ королей». «Новые сановники», наоборотъ, склонялись къ Австріи, имѣя убѣжденіе, что бракъ этотъ укрѣпитъ миръ; что возобновленіе союза 1756 года съ Австріей, черезчуръ ослабѣвшей, чтобы быть страшной, но достаточно сильной, чтобы быть полезной, отклонитъ императора отъ дальнихъ экспедицій на Востокъ къ Индіи, куда его увлекъ бы брачный русскій союзъ. Въ этомъ смыслѣ высказывались принцъ Евгеній и Марс. Фуше, что касается его лично, хранилъ мало пристрастія къ воспоминаніямъ 21 января и 16 октября 1793 года. Онъ воображалъ себѣ, что эрцгерцогинѣ, племянницѣ Маріи-Антуанетты, они понравятся не больше, чѣмъ самому ему. Отранте и его герцогство ничего не изгладили. Быть можетъ, этотъ безпринципный человѣкъ вѣрилъ въ либерализмъ Александра, во вліяніе «добродѣтельнаго» Лагарпа, въ расположеніе царя къ прежнимъ якобинцамъ и террористамъ, ставшимъ либералами, къ пріемамъ его государственной полиціи? Важный Камбасересъ, вѣроятно, про себя волновался нѣкоторыми мыслями подобнаго же характера. Эта разсудительная особа высказала мнѣніе, что война неизбѣжна съ той монархіей, у которой императоръ не попроситъ для себя императрицы, и онъ рѣшилъ, что въ этомъ случаѣ лучше имѣть противъ себя Австрію, чѣмъ Россію. Кто-то осмѣлился сдѣлать такое замѣчаніе: «Австрія уже не великая держава». — «Ясно, что вы не были подъ Ваграмомъ», прервалъ его императоръ, позволявшій до этого говорить все. Таллейранъ путался въ разглагольствованіяхъ: онъ былъ преимущественно глава той австрійской «партіи», на которую разсчитывалъ Меттернихъ, и его политика клонила его въ эту сторону; но, со времени Эрфурта, онъ обязался служить Александру; онъ *писалъ* этому императору; его постоянно донимала нужда въ деньгахъ; онъ получалъ ихъ, и онъ требовалъ ихъ еще больше [1]). Онъ берегъ Австрію, берегъ Россію, берегъ свое собственное будущее. Наполеонъ явно склонялся въ сторону Австріи. Таллейранъ считалъ неблагоразумнымъ противорѣчить ему. Быть можетъ къ тому же, способствуя этому брачному союзу, онъ оказалъ бы услугу Александру, котораго онъ избавилъ бы отъ тягостнаго сватовства, и Меттерниху, которому помогъ бы въ его планахъ. Распространился слухъ, что на совѣтѣ Австрія взяла перевѣсъ.

6 февраля императоръ уже не сомнѣвался относительно намѣреній Александра. Въ этотъ день онъ прочиталъ донесенія Коленкура съ датой 15 и 21 января: Россія «затягивала съ отказомъ» великой княжны и услаждала себя надеждой заполучить потихоньку договоръ относительно Польши! Онъ принялъ свои встрѣчныя мѣры и не терялъ ни часу времени. Въ тотъ же день у Шварценберга официально просили руки эрцгерцогини. Этотъ министръ оказался предусмотрительнымъ: онъ заявилъ свою готовность сейчасъ же дать подпись, съ условіемъ, чтобы потомъ ее ратификовалъ его повелитель. Въ то же время Наполеонъ обращается къ Россіи. Ему вѣжливо отказали, какъ офицеру, выслужившемуся изъ рядовыхъ; ему дали почувствовать неприличіе его притязанія и несообразность неравнаго брака. Онъ отвѣтилъ по-солдатски, какъ Цезарь, который почести своего ложа предназначалъ дочери какого-нибудь варвара-

---

[1]) См. его письмо 25 сентября 1810 г., напечатанное Boudreau въ *Débats*, 28 mai 1898.

скиѳа или какого-то неизвѣстнаго сармата, и который, найдя принцессу высшаго достоинства, отказывается отъ невѣсты по нуждѣ. «Вы дадите знать, пишетъ онъ Шампаньи, что голоса раздѣлились между принцессами русскими и австрійскими... Что императоръ замѣтилъ, что принцесса Анна еще не опредѣлилась; что иногда у дѣвушекъ проходитъ два года отъ первыхъ признаковъ брачной возмужалости до зрѣлости; что оставаться три года безъ надежды имѣть дѣтей противорѣчитъ намѣреніямъ императора; что съ другой стороны десятидневный [1]) срокъ истекъ 16 числа, и что 21 не было никакого отвѣта; что въ Эрфуртѣ былъ вопросъ о великой княжнѣ Аннѣ, но что его величество считаетъ себя въ достаточной степени свободнымъ отъ обязательства, потому что онъ никогда не имѣлъ его...» Это относительно великой княжны, а вотъ это относительно Польши и договора, подписаннаго Коленкуромъ. Мѣтя прямо въ планъ, который лелѣялъ Александръ,—объявить себя польскимъ королемъ: «Я не могу сказать, что *польское королевство никогда не будетъ возстановлено*, потому что это значило бы сказать, что, если когда-нибудь литовцы или кто-нибудь другой пожелали бы возстановить его, я долженъ былъ бы отправить войска, чтобы противодѣйствовать этому». Онъ приказываетъ составить новую конвенцію, которою онъ обязывался бы не давать «никакой помощи, ни содѣйствія какой нибудь державѣ или какому нибудь внутреннему возстанію, если бы оно было направлено къ возстановленію польскаго королевства...» [2]). Продиктовавъ эти ноты, онъ прибавилъ къ нимъ слѣдующую замѣтку: «Прошу васъ, прежде чѣмъ ляжете спать, отправьте курьера въ Россію... Завтра вечеромъ, когда приложите подпись съ княземъ Шварценбергомъ, вы отправите второго курьера, чтобы сообщить, что я рѣшилъ вопросъ въ пользу австріячки. Завтра вы явитесь къ моему выходу. Принесите мнѣ контрактъ Людовика XVI и его историческое описаніе. Напишите сегодня вечеромъ князю Шварценбергу, чтобы назначить ему свиданіе завтра въ полдень» [3]).

«Все это—политическая афера» [4]). Онъ велъ эту аферу, какъ военную операцію, какъ осаду какой нибудь столицы, какъ иной Аустерлицъ: чтобы раздѣлить австрійцевъ съ русскими, принудить Александра къ отступленію, наскоро покончить дѣло съ Австріей и однимъ поворотомъ ошеломить и повергнуть въ прахъ пруссаковъ. Въ тотъ же день, 6 февраля, онъ посылаетъ имъ слѣдующій ультиматумъ: или платить по

[1]) Потребованный Александромъ, чтобы дать утвердительный отвѣтъ.

[2]) A Champagny, 6 février; *Corr.* t. XX, № 16, 178. Voir, en note, les textes des deux conventions, 4 janvier et 9 février 1810.

[3]) A Champagny, 6 février 1810.

[4]) Champagny à Caulaincourt, 13 décembre 1809. См. выше, стр. 357.

четыре милліона въ мѣсяцъ, начиная съ 1 января 1810 года, или же уступить Глогау и часть Силезіи [1]). Для него важно, въ самомъ дѣлѣ, подчинить ихъ или обобрать раньше, чѣмъ Александръ найдетъ время посовѣтовать имъ сопротивляться и предложить имъ свою поддержку.

7 февраля былъ подписанъ брачный контрактъ. Наполеонъ самъ опредѣлилъ, станцію за станціей, движеніе курьеровъ изъ Парижа въ Вѣну и изъ Вѣны въ Парижъ: привозъ контракта 13-го, ратификація 14-го, возвращеніе курьера въ Парижъ 21-го; отъѣздъ Бертье 22-го; 28-го или 29-го официальное сватовство къ эрцгерцогинѣ; 2 марта обрученіе по довѣренности; «принцесса пробудетъ масляницу въ Вѣнѣ и выѣдетъ изъ Вѣны 7-го, въ первый день великаго поста». Въ Парижъ она прибудетъ около 26-го.

VII.

Какъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, Наполеонъ добивался полныхъ послѣдствій. Этотъ бракъ господствовалъ надъ всей политикой, и вся политика почувствовала это на себѣ: съ одной стороны мягкость въ отношеніи къ Голландіи, съ другой стороны строгость въ отношеніи къ Испаніи. Дѣло въ томъ, что въ виду возможнаго мира съ Англіей было несообразно сейчасъ же упразднить Голландію, и что въ виду того же мира нужно было обезпечить за собой господствующее положеніе въ Испаніи и Германіи; заблаговременно связать Австрію; прочно установить *statu quo*, чтобы, основываясь на немъ, вести переговоры, или, если договоръ объ общемъ мирѣ не состоится, чтобы заставить Австрію обезпечить это statu quo.

Такимъ образомъ, 8 февраля Испанія была раздѣлена на большіе округа между маршалами; вездѣ, гдѣ установились маршалы, съ нею будутъ обращаться какъ со страною завоеванною. 21 февраля Каталонія почти что присоединена: водрузятъ «французскій и каталонскій флагъ вмѣсто испанскаго», «не допустятъ никакого сообщенія между жителями и королемъ; ни королю, ни его министрамъ нечего дѣлать въ Каталоніи... Есть части Арагоніи, которыя необходимы для безопасности Франціи... Слѣдовательно, возможно, что моя выгода и выгоды Франціи не будутъ совпадать съ выгодами мадридскихъ министровъ» [3]). Небрежность этого правительства «непостижима». Рѣшительно Испанія черезчуръ обременительна. Есть одна компенсація, и о ней помышляли во времена Карла IV: добиться уступки земель до Эбро. Онъ подготовляетъ присоединеніе ихъ. Какъ при-

[1]) A Champagny 6 février 1810.

[2]) A Champagny, 7 février 1810.

[3]) A Berthier, 8, 21 février; à Clarke, 10 février 1810.

нудить къ этому Іосифа? Онъ не видитъ другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя онъ употребляетъ въ Голландіи: возбудить въ немъ отвращеніе къ царствованію, принудить его къ отреченію отъ трона, потому что Іосифъ не охотнѣе Людовика согласится на «расчлененіе своего королевства». Тогда Наполеонъ пожалѣлъ о Байоннской комедіи: выродившіеся Бурбоны оказывались болѣе угодливыми, чѣмъ эти Бонапарты, которымъ ихъ недавнее королевское достоинство вскружило головы. Онъ помышляетъ опять вступить въ сношенія съ принцемъ Астурійскимъ, скучавшимъ въ плѣненіи въ Валансэ. На что не согласится этотъ принцъ, чтобы возвратить себѣ корону? Комбинація, намѣченная въ Мадридѣ [1]), относительно брака Фердинанда съ дочерью Люсьена, опять приходитъ на мысль императору. Онъ призываетъ въ Парижъ эту Шарлотту, которую, одно время, хотѣли выдать замужъ за Фердинанда. Эта комбинація была бы выгодна еще и тѣмъ, что, отдѣлавшись отъ Испаніи, онъ могъ бы въ случаѣ войны съ Россіей—которую съ этихъ поръ надо предвидѣть—отозвать свою армію. Испанія стоила 300 милліоновъ, она поглощаетъ 200,000 человѣкъ, и вотъ Іосифъ оказывается въ такомъ же положеніи, какъ Людовикъ.

Людовикъ защищается, то попадая въ западню, то обнаруживая хитрость, всегда упорствуя и относясь съ непреодолимымъ отвращеніемъ къ мысли «перестать царствовать», словно какой нибудь Бурбонъ, или Браганцъ, или просто герцогъ Брауншвейгскій. У него срываются съ языка слова поразительной ясности, если имѣть въ виду его ипохондрію: «До сихъ поръ вовсе не было Западной имперіи. Она, вѣроятно, скоро возникнетъ...» [2]).

Процедуры и терпѣнье Шампаньи были на исходѣ. Наполеонъ обратился къ Фуше. Фуше выжидалъ случая, желая заставить императора забыть недовольство, въ которое онъ его привелъ излишкомъ своего усердія, а также своимъ возвращеніемъ лѣтомъ 1809 года къ энергіи времени конвента. Ему нужно было, во что бы то ни стало, опять сдѣлать себя необходимымъ, сдѣлаться популярнымъ, и средство къ этому, съ приближеніемъ брака, состояло въ томъ, чтобы доставить Франціи миръ и императору досугъ дать имперіи династію. Таллейранъ слылъ за сторонника австрійцевъ. Фуше съ давняго времени остановилъ свой выборъ на Англіи. Этотъ полицейскій, очень проницательный, большой мастеръ устраивать заговоры, знающій всѣ интриги, потому онъ приложилъ къ нимъ свои руки, всѣ факціи, потому что вертѣлъ ими, всегда считалъ

[1]) См. выше, стр. 178, 194.
[2]) A Napoléon, 4 février 1810. Rocquain.

себя тонкимъ дипломатомъ и всю жизнь мечталъ о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, убѣжденный, что будетъ имѣть успѣхъ на этомъ посту благодаря своимъ коварнымъ пріемамъ, и увѣренный, что, если онъ успѣетъ, онъ отдѣлается навсегда отъ вѣчнаго соперника, ставшаго случайнымъ союзникомъ, отъ Таллейрана. Дипломатія, думалъ онъ, есть не что иное, какъ предразсудокъ котеріи. Онъ ошибался на этотъ счетъ, и всякій разъ, когда онъ дѣлалъ попытки на этомъ пути, онъ позволялъ обманывать себя, какъ онъ обманывалъ эмигрантовъ и якобинцевъ, обольщая ихъ ихъ же собственными иллюзіями. Его иллюзія заключалась въ вѣрѣ въ миролюбивый духъ англичанъ, правительства и націи; онъ воображалъ себѣ, что они безкорыстны; онъ вбилъ себѣ въ голову, что одинъ только Наполеонъ принудилъ ихъ нарушить Амьенскій миръ; онъ убѣдилъ себя, что, успокоивъ ихъ, отказавшись отъ блокады, можно заставить ихъ уступить въ вопросахъ о Рейнѣ, Германіи, быть можетъ, Италіи. Его агенты въ Англіи сообщали ему объ этомъ, потому что онъ желалъ видѣть это, и въ свою очередь онъ вноситъ это въ свои полицейскіе бюллетени, чтобы убѣдить въ этомъ Наполеона. Съ января 1810 г. онъ содержалъ въ Лондонѣ эмиссаромъ при маркизѣ Веллеслеѣ бывшаго эмигранта Фагана, которому было поручено вывѣдать мнѣнія англійскаго министерства. Потомъ онъ дѣлалъ другія попытки при помощи интригана и спекулянта Уврара и при помощи лондонскихъ банкировъ.

Онъ видѣлся съ Людовикомъ 4 января и выслушалъ нѣкоторыя его признанія. Ему нетрудно было проникнуть тайну переговоровъ, которые должны были начаться при посредствѣ этого государя и его голландскихъ министровъ. Онъ далъ волю своему воображенію: онъ видитъ себя примирителемъ императорской семьи, Наполеона и Людовика, примирителемъ всего свѣта, Англіи и Великой имперіи.

Пока это происходитъ, Людовикъ сдѣлался больнымъ, или притворился таковымъ. Шампаньи продолжалъ переговоры съ голландскими министрами. Казалось, что вернулись ко временамъ батавской республики. Это былъ тотъ же тонъ, почти тѣ же фразы: «Если желаютъ войти въ какую-нибудь сдѣлку, то нужно заключить ее немедленно, потому что не въ этотъ, такъ въ слѣдующій моментъ я примусь за декретъ о присоединеніи». 22 февраля [1]) появилась въ *Moniteur*'ѣ замѣтка въ этомъ смыслѣ. Людовикъ сдался. «Я только что увидѣлъ замѣтку... Я прошу Ваше Величество покончить эти голландскія дѣла, приказавъ своему министру иностранныхъ дѣлъ редактировать условія, желательныя для Вашего Величества». На-

[1]) A Champagny, 17, 22 février; Louis à Napoléon, 22 février 1810. Rocquain.

полеонъ писалъ ему въ началѣ переговоровъ: «Я думаю, что Вы, Ваше Величество, принимаете на себя обязательства, которыхъ не можете исполнить, и что присоединеніе Голландіи только отсрочено» [1]). Онъ всегда думалъ о немъ, но онъ имѣлъ свои побужденія для отсрочки. Съ этого времени былъ принятъ договоръ относительно линіи Ваала, и Людовикъ остался временнымъ королемъ урѣзаннаго королевства [2]).

Не сомнѣваясь болѣе относительно брака, и словно увѣренный съ этихъ поръ въ потомствѣ, Наполеонъ опредѣляетъ для него титулы, званія и владѣнія. 30-го января появляется сенатское рѣшеніе *относительно государственнаго содержанія для членовъ царствующаго дома*. Нужно сравнить его съ сенатскимъ рѣшеніемъ отъ 18 мая 1804 года, составляющимъ *органическій законъ* имперіи, чтобы представить себѣ разницу временъ. Въ 1804 году прямое наслѣдованіе составляетъ лишь гипотезу. Текстъ относительно усыновленія и наслѣдованія трона по непрямой линіи—VII глава: *объ императорскомъ домѣ*, есть главная статья. Въ 1810 году, главную статью составляетъ глава IV: *О вдовьей долѣ императрицы и объ удѣлахъ французскихъ принцевъ*. «Удѣлы полагаются: 1) младшимъ принцамъ, родившимся отъ царствующаго императора или родившимся отъ императора или его наслѣдника послѣ ихъ смерти; 2) мужскимъ потомкамъ этихъ принцевъ». Нѣтъ уже вопроса о побочныхъ линіяхъ. Что касается наслѣдника императора, то сенатское рѣшеніе отъ 17 февраля постановляетъ: «Онъ носитъ титулъ и регаліи Римскаго короля».

Это сенатское рѣшеніе утверждаетъ окончательно присоединеніе римскихъ владѣній и тѣмъ самымъ утверждаетъ подчиненіе папы и кардиналовъ имперіи. Изложеніе мотивовъ объявляетъ присоединеніе необходимымъ: «Оно указывается исторіей, совѣтуется политикой, требуется геніемъ... Императоръ соберетъ части, которыя очень долгое время оставались отдѣленными отъ Западной имперіи; онъ будетъ царствовать на Тибрѣ, какъ онъ царствуетъ на Сенѣ. Онъ сдѣлаетъ Римъ одною изъ столицъ великой имперіи». Наполеонъ желаетъ принудить Пія VII дать присягу, «какъ присягали папы Карлу Великому и его предшественникамъ» [3]). Онъ желаетъ папства во Франціи; онъ переноситъ туда всѣ предметы, необходимые для обрядовъ религіи, желаетъ сосредоточить въ Парижѣ управленіе духовными католическими дѣлами. Желая низвести папу на степень важнаго сановника, что-то въ родѣ архіепископа, великаго инквизитора, главнаго консисторскаго судіи и главнаго католи-

[1]) 21 декабря 1810 г.
[2]) Договоръ былъ подписанъ 16 марта 1810 г. De Clercq, t. II. p. 328.
[3]) Note, *Corr.*, t. XX, p. 169.

ческаго духовника въ имперіи, въ это же самое время онъ возвѣщаетъ ему органическія статьи этого новаго конкордата,—декретъ, объявляющій «эдиктъ Людовика XIV относительно декларацiи французскаго духовенства въ мартѣ 1682 года... основнымъ закономъ имперіи» [1]). Наконецъ, 16 февраля былъ подписанъ въ Парижѣ договоръ, учредившій въ пожизненную бенефицію князя-примаса Рейнскаго союза *великое герцогство Франкфуртское*, которое послѣ смерти Дальберга, назначеннаго на это мѣсто, перейдетъ къ принцу Евгенію, и ничто не выдаетъ съ большей ясностью, чѣмъ этотъ договоръ, намѣреній Наполеона относительно будущаго, ничто не отмѣчаетъ съ большей выразительностью связи между совершившимся присоединеніемъ Рима, постановленнымъ присоединеніемъ территорій между Шельдой и Маасомъ, проектированнымъ присоединеніемъ Голландіи и проектированнымъ присоединеніемъ Испаніи по Эбро. Въ мысляхъ Наполеона, итальянское королевство должно будетъ достаться второму сыну отъ его будущаго брака. Въ ожиданіи появленія этого наслѣдника принцъ Евгеній «будетъ заботиться о нашихъ народахъ Италіи и будетъ управлять ими» [2]).

Вотъ тѣ заботы, которыми развлекался Наполеонъ, въ ожиданіи своей помолвки. Вѣнскій курьеръ возвратился въ назначенный срокъ: пріѣхавъ въ Вѣну 15-го—вмѣсто 13-го, онъ прибылъ назадъ въ Парижъ 23 февраля. Наполеонъ сейчасъ же написалъ своей матери, королю Іосифу, Францу II и эрцгерцогинѣ: «Кузина моя! блестящія качества, которыми отличается ваша особа, возбудили въ насъ желаніе служить вамъ и оказать почетъ»... Бертье отправился въ Вѣну, и императоръ отдался заботамъ о придворномъ штатѣ императрицы: старое дворянство очень пошло въ гору, было отпущено много орденскихъ лентъ со звѣздами и алмазами для прежнихъ якобинцевъ: въ *штатъ* вокругъ Рогана, перваго духовника—воспоминаніе, непріятное для племянницы Маріи Антуанетты — видятъ князя Альдобрандини, г-жъ Мортмартъ, Талуе, Буилье, Бригодъ, и въ этихъ, такъ сказать, рамкахъ новыхъ дворянъ: Бассано, Монтебелло, Ровиго, Дюшатель. Ольмюцкимъ плѣнникамъ, посланникамъ Дантона въ 1793 году, Маре, Семонвиллю и Бернонвиллю дали святого Стефана или Леопольда со звѣздами въ 300,000 ливровъ, «петличный шнурокъ и эполеты», «чтобы дать доказательство партіи умѣренныхъ якобинцевъ или конституціоналистовъ, писалъ одинъ человѣкъ, близко стоявшій къ дѣлу, что прошлое забыто, чтобы засвидѣтельствовать хорошія воспоминанія». Потомъ Шампаньи составилъ циркуляръ французскимъ послан-

[1]) Décret du 25 février 1810.
[2]) Message au Sénat, 1-er mars 1810.

никамъ: «Вы скажете въ немъ, приказывалъ императоръ [1]), что однимъ изъ главныхъ средствъ, которымъ пользовались англичане, чтобы возжечь континентальную войну, служило предположеніе, что въ мои намѣренія входило ниспроверженіе династій. Ничто не казалось мнѣ болѣе способнымъ утишить тревоги какъ попросить руки австрійской эрцгерцогини»...

Въ Вѣнѣ, въ салонахъ стариннаго дворянства, въ обществѣ, которое часто посѣщали и въ которомъ интриговали русскіе, много толковали о скандалѣ. Противъ этого насилія надъ гинекеемъ негодовали, какъ противъ крайней революціонной грубости; горевали о принесеніи въ жертву этой Ифигеніи двора и государства. Приходятъ въ «нѣмое оцѣпенѣніе», когда узнаютъ эту новость; раздаются крики ужаса, когда осмѣливаются говорить объ этомъ предметѣ [2]). Фактъ, что съ 1792 года старая Европа не видѣла подобнаго дива, ни чего нибудь болѣе способнаго вскружить пустыя головы. «Жалуются, сообщаетъ одна умная женщина, временно находившаяся тогда при дворѣ, жалуются на неприличіе и низость этого брачнаго союза, который первую принцессу въ свѣтѣ отдаетъ во власть *самаго гнуснаго узурпатора*. Это—сплошныя проклятія и подавленныя рыданія. Одни думаютъ, что *чудовище* подло, что скоро оно сдѣлается слабоумнымъ, ибо съ нимъ приключаются эпилептическіе припадки». Молодая принцесса умретъ отъ отчаянія! Наполеонъ сойдетъ съ ума отъ гордости! Небо, конечно, разразится громами, и бездна поглотитъ этого современнаго Навуходоносора. Правнучка Маріи Терезіи будетъ замѣнять на постели удачника солдата маленькую креолку Жозефину, бывшую фаворитку Барраса! Эрцгерцогиня, невѣстка полукрестьянки корсиканской Летиціи, золовка мѣщанки жены Іосифа, жены Людовика, бывшей вдовы Леклеркъ, и «жены Мюрата»! Послѣ размышленій, сторону Наполеона принимаетъ раньше другихъ императоръ, выслушивая въ словахъ Меттерниха рѣчи мудраго Улисса:

S'il la voit tarder,
Lui-même à haute voix viendra la demander.
Nous sommes seuls encore: hâter-vous de répandre
Les pleurs que vous arrache un intérêt si tendre;
Pleurez ce sang, pleurez; ou plutôt, sans pâlir,
Considérez... l'honneur qui doit en resaillir...
Voyez tout l'Hellespont blanchissant sous nos rames... [3])

[1]) A Champagny, 26 février 1810. Lecestre.

[2]) *Mémoires de la comtesse Potocka.*—См. т. I, стр. 4.

[3]) Если онъ замѣтитъ, что она медлитъ, онъ самъ явится громко требовать ея выдачи. Пока мы еще одни, спѣшите излить слезы, которыя у васъ исторгаетъ столь нѣжное участіе; оплакивайте, оплакивайте эту кровь; или скорѣе, не блѣднѣя, вообразите... какая честь возникнетъ изъ этого событія...

Францъ видитъ, что Россія смущена, что Австріи обезпечена жизнь, что восточный вопросъ опять открытъ къ ея выгодѣ, и онъ перестаетъ проливать слезы. Общество подражаетъ главѣ. Такимъ образомъ, трагедія оканчивается танцами, какъ это подобаетъ странѣ, въ которой Моцартъ сочинилъ *Волшебную флейту*. «Австрія, сказалъ старый князь де-Линь, приноситъ красивую телку въ жертву минотавру». И всѣ разсуждали, какъ эта милая полька, графиня Потоцкая: «Было бы забавно отправиться теперь въ Парижъ *посмотрѣть этотъ блестящій мезальянсъ*». И стали торопиться туда. Кто не могъ явиться туда, тотъ довольствовался тѣмъ, что стоялъ въ рядахъ публики, когда между ними проѣзжала императорская карета, въ которой Бертье везъ «призъ» Наполеона, и предавался символическому зрѣлищу этого похищенія Европы новымъ Юпитеромъ.

Въ то время, какъ невѣста императора медленно подвигалась къ Франціи, Наполеонъ прерывалъ вечерніе рабочіе часы одной изъ самыхъ экстравагантныхъ водевильныхъ интермедій [1]). Одинъ англійскій агентъ, ручавшійся, что увезетъ Фердинанда изъ Валансэ, былъ арестованъ полиціей. Наполеонъ и Фуше возымѣли мысль воспользоваться его именемъ и бумагами и отправить подъ этимъ видомъ шпіона, который вызоветъ Фердинанда «на разговоръ» и убѣдится въ его чувствахъ относительно императора. Эти чувства оказываются такими, какихъ Наполеонъ можетъ желать. Принцъ поздравляетъ его съ бракомъ и пишетъ ему: «Мое главное желаніе заключается въ томъ, чтобы сдѣлаться усыновленнымъ сыномъ Его Величества» и для достиженія этого жениться на принцессѣ императорской крови. Если Іосифъ будетъ черезчуръ показывать свое упрямство, то Наполеонъ теперь имѣетъ кѣмъ замѣнить его: въ Валансэ Фердинандъ вздыхаетъ о помолвкѣ, а въ Парижѣ у матери Наполеона находится дочь Люсьена, Шарлотта Бонапартъ, невѣста, которой можно располагать.

28 марта, Марія-Луиза совершила свой въѣздъ въ Компьенъ, и на другой день весь дворъ сообщалъ на ухо, что она упала... въ объятья своего супруга, не обождавъ даже освященія своего предварительнаго вѣнскаго брака. Наполеонъ, обладая историческимъ очеркомъ королевскихъ браковъ, набросаннымъ Маре, могъ сослаться на знаменитые прецеденты Генриха IV и Филиппа V, Маріи Медичи, которою овладѣли во время проѣзда, и Елизаветы Фарнезе, схваченной въ гостинницѣ, во время перепряжки ло-

Смотрите, весь Геллеспонтъ побѣлѣлъ отъ пѣны, взбиваемой нашими веслами... (Расинъ, *Ифигенія*).

[1]) Léon Grassilier, *Aventuriers politiques sous le Consulat et l'Empire, le Baron de Koli.*

шадей. Люди изъ общества, мало освѣдомленные объ этихъ пріемахъ, не свѣдущіе въ исторіи этихъ нетерпѣливыхъ королей и этихъ послушныхъ принцессъ, нашли, что Наполеонъ поступилъ слишкомъ по-гусарски, какъ въ Египтѣ. и что онъ смѣшалъ эрцгерцогиню съ m-me Фурнесъ [1]). Марія-Луиза, настоящая вѣнка по темпераменту и добродушный ребенокъ подъ діадемой, постаралась успокоить чувствительныя сердца. Она не позволила имъ долго стенать о своей мнимой жертвѣ. Она обнаружила такую же угодливость, принимая изъ рукъ своего августѣйшаго отца и при офиціальномъ посредничествѣ Меттерниха республиканскаго генерала Бонапарта въ законные мужья, какую пять лѣтъ спустя, еще при жизни этого супруга, обнаружила, принимая «придворнымъ кавалеромъ» и замѣстителемъ супруга австрійскаго генерала Нейпперга, относясь съ такою же любовною покорностью къ мезальянсу, какъ и къ адюльтеру.

Наполеонъ казался сіяющимъ среди пышныхъ и блестящихъ празднествъ. Онъ отдавался, быть можетъ, нѣсколько излишнимъ воспоминаніямъ о томъ, каковъ былъ его исходный пунктъ, и забывалъ, какими славными путями привелъ онъ въ свой дворецъ эту беззаботную, дородную и пустую австріячку, вспоминалъ свою тогдашнюю радость: «Мой бракъ съ Жозефиной былъ для меня въ прошломъ тѣмъ, чѣмъ оказывается для меня бракъ съ эрцгерцогиней», говоритъ онъ въ минуту сердечнаго изліянія [2]). Иллюминованный Парижъ привѣтствовалъ его радостными криками. Пожеланія стекаются со всей Франціи, выраженія лести приходятъ со всей Европы, за исключеніемъ Петербурга и Лондона. Англичане выходили изъ себя. Курьеръ. везшій въ Парижъ окончательный отказъ великой княжны, встрѣтился въ дорогѣ съ курьеромъ, который везъ въ Россію извѣстіе объ австрійскомъ бракѣ. Александръ не будетъ больше обманывать меня, думалъ Наполеонъ. Его долженъ былъ обманывать, и болѣе жестокимъ образомъ, его новый партнеръ по игрѣ въ союзы, посредникъ по обрученію, брачный опекунъ, суфлеръ новой политики, Меттернихъ, пріѣхавшій въ Парижъ, чтобы присутствовать на празднествахъ; самый старательный, самый льстивый изъ знатныхъ царедворцевъ: грубо услужливый; старающійся доказать Наполеону, что, если не было ничего выше стараго французскаго дворянства для службы при дворѣ. то ничто не превосходило стариннаго дворянства Священной имперіи въ цинизмѣ политическаго раболѣпства и въ гиперболѣ лести. Въ день брака, въ Тюильри, былъ данъ обѣдъ дипломатическому корпусу. Публика толпилась подъ окнами. Меттернихъ, играя съ этого времени

[1]) Ségur, t. I, p. 425.

[2]) A Campi, 10 avril 1810. Masson.

роль домашняго посланника, всталъ и, предоставивъ своимъ коллегамъ почести этикета, во время тостовъ, открылъ окно, поднялъ свой стаканъ передъ толпой и воскликнулъ: «За римскаго короля!» Такъ вотъ какъ, когда Римъ былъ конфискованъ, когда святой престолъ находился подъ секвестромъ, а папа въ тюрьмѣ, этотъ нѣмецъ, посланникъ государя, называющагося апостолическимъ, ставившаго себя въ позу защитника вѣры и возстановителя «принциповъ», этотъ нѣмецъ, въ присутствіи толпы, которая меньше чѣмъ за двадцать лѣтъ до этого видѣла, какъ воздвигали эшафотъ для Людовика XVI, и какъ проѣзжала телѣга съ Маріей-Антуанеттой, провозгласилъ отъ имени вѣрующихъ этотъ кощунственный тостъ, и отъ имени монархистовъ тостъ за оскорбленіе величества. Въ немъ было что-то подлое, сказалъ Гизо.

VIII.

Но больше всего заключался дипломатъ и самаго рѣдкаго типа въ этомъ молодомъ романическомъ нѣмцѣ, съ небрежными манерами денди, будуарномъ щеголѣ, придворномъ любовникѣ, который кружитъ головы королевамъ и носитъ браслеты изъ волосъ [1]), который занимается вычисленіями въ то время, когда, повидимому, онъ весь поглощенъ удовольствіемъ, который обдумываетъ, когда кажется, что онъ слушаетъ, который нисколько не сомнѣвается въ превосходствѣ своихъ «принциповъ», не стѣсняется пользоваться любовью женщинъ и тщеславіемъ мужчинъ, чтобы распоряжаться ими для своихъ цѣлей, не испытывая угрызеній совѣсти,—что я говорю?!—даже не чувствуя лжи, когда онъ лжетъ, у котораго мѣсто всякой совѣсти занимаетъ самодовольство, утонченное, невозмутимое и неограниченное. «Положеніе посланника Вашего Величества въ Парижѣ, писалъ Наполеонъ Францу черезъ три дня послѣ брака [2]), теперь то, которое занималъ русскій посланникъ передъ послѣдней войной». Онъ приглашается на всѣ торжества, занимаетъ первое мѣсто и находится въ интимной дружбѣ. Съ нимъ Наполеонъ дѣлается безпечнымъ: это—безпечность счастливаго человѣка, представляющая также нѣкоторыя черты легкаго опьяненія чувствами, пріятнаго веселья, граничащаго съ усталостью, которая замѣчается у него съ этихъ поръ и обнаруживается въ нѣкоторой говорливости, менѣе осторожной и менѣе направляемой въ извѣстную сторону, чѣмъ обыкновенно, въ легкости вы-

[1]) Я видѣлъ его въ 1810 г. въ Сенъ-Клу, разсказываетъ Стендаль, когда онъ носилъ браслетъ изъ волосъ К... М... (Каролины Мюратъ), которая была тогда такъ красива». См. въ моихъ Essais d'histoire et de critique этюдъ, озаглавленный «Меттернихъ».—Frédéric Masson, t. V, p. 8.

[2]) 4 апрѣля 1810 г.

давать свои проекты, въ вѣрѣ въ свой геній, въ свое счастье, переходящей въ увѣренность въ подчиненіи, въ благоразуміи, въ отсутствіи его высокихъ дарованій у другихъ людей [1]).

Меттернихъ умѣлъ вкрадываться въ довѣріе и нравиться, а Наполеонъ нуждался въ Австріи. Русскіе пришли въ оцѣненѣніе, сообщалось изъ Петербурга, отъ блестящаго и грознаго отбоя, которымъ Наполеонъ отразилъ ихъ атаку. Они понимали, что Наполеонъ будетъ шагъ за шагомъ отступать назадъ въ дѣлахъ Польши, разъ они устранили приманку бракомъ. «Я нахожу смѣшными жалобы русскихъ, сказалъ онъ [2]). Я не могъ ратификовать акта, который составляли, не соблюдая никакого уваженія, и который имѣлъ цѣлью не гарантіи получить, а восторжествовать надо мной, заставляя меня сказать нѣчто нелѣпое». Несмотря на смягченія, вносимыя Шампаньи въ корреспонденцію, тонъ ея съ этихъ поръ таковъ: недовѣріе, упреки, столкновеніе по поводу Польши, разрывъ, неизбѣжная война, рано ли, поздно ли.

Александръ имѣетъ на этотъ счетъ такое же сильное и такое же ясное убѣжденіе, какъ и Наполеонъ. Онъ относится съ большою твердостью къ глубокой неудачѣ, которую испытываетъ; но съ этого времени онъ употребляетъ другія мѣры; становится враждебнымъ; не соблюдаетъ почтенія по отношенію къ Наполеону; говоритъ любезности французскому посланнику лишь для того, чтобы прикрывать свои намѣренія и свои дѣйствія. При этомъ нѣтъ никакой угрозы противъ Австріи. Австрія освобождаетъ его отъ затрудненія, и это служитъ еще однимъ поводомъ, чтобы щадить ее, и, помирившись съ Вѣной, онъ покажетъ Наполеону, какъ мало значатъ въ политикѣ эти браки, которые онъ, будучи выскочкой, такъ высоко цѣнитъ и такъ ими тщеславится. Алопеусъ, одинъ изъ «самыхъ проницательныхъ» агентовъ Александра, получаетъ для виду миссію въ Неаполь. Эта миссія говоритъ, повидимому, о прочности согласія съ Наполеономъ [3]). Но Алопеусъ поѣдетъ черезъ Вѣну, это — естественный путь; онъ остановится въ Вѣнѣ, найдетъ въ ней Поццо, строящаго тамъ козни противъ Наполеона съ пыломъ своей корсиканской ненависти; онъ увидитъ тамъ друзей Россіи, которыхъ много въ салонахъ, при дворѣ, въ кабинетѣ; онъ увидитъ министровъ: «Если ваша политика, скажетъ онъ имъ, имѣетъ цѣлью возвратить вашей имперіи путемъ переговоровъ часть могущества, которую она потеряла... Его Величество не найдетъ въ этомъ ничего несогласнаго съ его интересами... Почти всѣ изъ числа потерянныхъ провинцій, возвращенія которыхъ можетъ желать Австрія, могутъ снова вернуться подъ ея владычество, не задѣвая прямыхъ интересовъ Его Величества. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ для Россіи, если *Нидерланды*, или *Миланъ*, или государство Венеціанское, Тироль, Зальцбургъ, только что уступленная часть Австріи, если Тріестъ, Фіуме, побережье будутъ желанной цѣлью и даже будутъ вновь пріобрѣтены императоромъ Францемъ и его преемниками? Единственное руководящее правило для петербургскаго кабинета въ этомъ случаѣ заключалось бы въ томъ, чтобы оставаться вѣрнымъ мудрому принципу равновѣсія и не допускать усиленія, которое было бы безвозмездно для Россіи...» Такимъ образомъ, ставился вопросъ не о Вѣнскомъ только мирѣ, даже не о Пресбургскомъ, а о Люневильскомъ, о Кампо-Формійскомъ. Алопеусъ возстановлялъ дѣло съ того момента, къ которому оно было приведено его предшественникомъ Анштеттомъ въ октябрѣ 1803 г. [1]).

Такимъ образомъ, первымъ результатомъ этого брака, который, по мнѣнію глубокомысленныхъ политиковъ, долженъ былъ разсорить Австрію съ Россіею, наоборотъ, было то, что онъ сблизилъ ихъ. Меттернихъ судилъ вѣрно, и событія оправдали его расчетъ скорѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать этого. Александръ заискиваетъ у австрійцевъ; Наполеонъ привлекаетъ ихъ. Онъ не вѣритъ въ скорый разрывъ между нимъ и Александромъ; онъ даже обманываетъ себя надеждой устранить его; но и для того, чтобы оберегать себя противъ Россіи, какъ и для того, чтобы воевать съ ней, ему нужна Австрія. Именно, благодаря этому, онъ фатально придетъ къ возобновленію той политики съ Австріей противъ Россіи, которую онъ примѣнялъ съ 1807 года съ Россіей противъ Австріи. Это происходитъ всегда въ виду той же самой цѣли, которую онъ ставитъ себѣ со времени Кампо-Форміо: принудить Англію къ миру, и при помощи того же средства, т. е. коализовавъ континентъ противъ Англіи.

Предложенія, сдѣланныя въ Лондонѣ эмиссаромъ голландскихъ министровъ, Лабушеромъ, совсѣмъ не имѣли удачи [2]). Англійское правительство, отвѣтилъ Веллеслей, не дѣлаетъ различія между присоединеніемъ Голландіи къ имперіи и зависимостью этого королевства отъ Франціи. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ антагонизму не было конца [3]). «Англія за то, что не поспѣшила съ миромъ, потеряла Неаполь, Испанію, Португалію и рынокъ Тріестъ. Очевидно, что, если она будетъ медлить съ заключеніемъ мира, она потеряетъ Голландію, ганзейскіе города и съ трудомъ будетъ удерживать Сицилію». Гиперболическая угроза 1803 года осуществилась: упорство англичанъ породило Западную имперію. Но ан-

[1]) Доклады Меттерниха въ апрѣлѣ и маѣ 1810 года.
[2]) A Champagny, 16 mars 1810.
[3]) Instructions d'Alopeus, 31 mars, 12 avril 1810. Albert Vandal.

[1]) Ср. т. VI, стр. 272.
[2]) Rocquain, correspondance de mars-avril 1810.
[3]) См. т. VI, стр. 171, 207—212.

© ГПИБ СПбАН

гличане убѣждены, что ихъ твердость разрушитъ эту имперію, и что, потрясая ее на окраинахъ, бастіонъ за бастіономъ, они взорвутъ ея укрѣпленія. «Если бы мы потребовали у Наполеона его первую французскую крѣпость, что сказалъ бы онъ на это?» отвѣтилъ Веллеслей Фагану, когда этотъ агентъ Фуше говорилъ ему объ Испаніи. Во всякомъ случаѣ, Веллеслей согласился составить ноту, съ которой Фаганъ снялъ копію, и въ которой Веллеслей соглашался выслушать всякое предложеніе, включавшее вопросъ о союзникахъ, особенно объ Испаніи [1]). Фуше, продолжая переговоры, подавалъ черезъ Увраря мысль о союзѣ съ Соединенными Штатами и объ основаніи имперіи въ Южной Америкѣ для Фердинанда VII [2]).

Наполеонъ вовсе не подозрѣвалъ этой интриги и, если бы имѣлъ это подозрѣніе, оборвалъ бы дѣло сразу. «Очень важно, писалъ онъ Людовику 20 марта, чтобы Лабушеръ не имѣлъ... никакого официальнаго званія, и чтобы ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ показать никакой подписанной бумаги, никакого документа съ извѣстнымъ почеркомъ». Этой миссіей Лабушеръ могъ освѣтить два существенныхъ пункта: Англія не съ большей искренностью помышляла о мирѣ, чѣмъ въ 1803 и въ 1806 году; присоединеніе Голландіи, необходимое для блокады, вовсе не дѣлало бы при нынѣшнемъ положеніи вещей миръ болѣе труднымъ, а при помощи войны, оно позволило бы заставить съ большей легкостью принять его. Договоръ 16 марта [3]) откладывалъ это присоединеніе до болѣе полнаго изслѣдованія дѣла. Наполеонъ, теперь уже освѣдомленный, считалъ этотъ договоръ недѣйствительнымъ и рѣшилъ присоединеніе. Такъ какъ его извѣщали о тревогѣ, о расположеніи голландцевъ къ возмущенію, то онъ пожелалъ убѣдиться въ этомъ самолично; пожелалъ также рѣшить окончательно мѣры, нужныя для болѣе тѣсной и болѣе дѣйствительной блокады; желалъ посѣтить верфи, проконтролировать вооруженія кораблей, которыя онъ приказалъ, и которыя должны были дать свои результаты въ 1812 году [4]); наконецъ, онъ желалъ довести Людовика до того, чтобы тотъ или отрекся отъ престола, или заставилъ низложить себя съ престола. Кромѣ того, онъ желалъ представить новую императрицу бывшимъ австрійскимъ Нидерландамъ и, такимъ образомъ, санкціонировать окончательное присоединеніе этой страны къ Франціи.

Онъ отправился 29 апрѣля. 5 мая онъ встрѣчаетъ Людовика, при-

[1]) 10 mars 1810. Madelin, chap. XX.

[2]) Notes du 15 avril 1810, remises par Labouchère et Baring. Madelin, chap. XX.

[3]) См. выше, стр. 366.

[4]) Cf. lettres à Clarke, de Bruges, 20 mai; à Murat, 19 mai; à Decrès, 20 mai 1810.

бывшаго въ Антверпенъ, чтобы привѣтствовать его, и Людовикъ, совершенно случайно, раскрываетъ ему интригу Фуше и миссію Фагана и Увраря, думая, что Наполеону это извѣстно. Агентъ Фуше и агентъ Людовика сталкивались въ Лондонѣ, въ Бельгіи, въ Голландіи; они встрѣчались въ однѣхъ и тѣхъ же переднихъ, въ однихъ и тѣхъ же проходахъ; все направлялось къ лорду Веллеслею, все проходило черезъ банкъ Беринга и Гопе. Увраръ вырвалъ у Лабушера его тайну, довѣривъ ему часть своей. Наполеонъ, столь настаивавшій на секретномъ характерѣ миссіи Лабушера, видитъ себя запутаннымъ въ дѣло гораздо больше, чѣмъ это ему подобало, видитъ себя въ опасности, что Англія дерзко отвергнетъ предложенія, чуждымъ которымъ не могли считать его, вѣдь эти предложенія исходили съ одной стороны отъ его брата, голландскаго короля, а съ другой стороны отъ человѣка, который больше всякаго другого считался обладающимъ довѣріемъ и тайнами своего господина, и который долженъ былъ охранять его жизнь и съ большой дальновидностью строить закулисныя махинаціи, отъ министра полиціи и императорскаго маккіавелизма, герцога Отрантскаго. Эти лондонскіе переговоры оказываются своего рода дипломатическимъ Вальшереномъ, и Наполеонъ, который былъ близокъ къ тому, чтобы понять Вальшеренъ какъ государственную измѣну, здѣсь сразу видитъ преступленіе въ оскорбленіи величества. Фуше желалъ править самъ, объявлять войну и заключать миръ по своей фантазіи и, конечно, къ своей выгодѣ. Одинокимъ ли онъ былъ въ этой интригѣ, въ этомъ, быть можетъ, заговорѣ? Нужно ли видѣть здѣсь послѣдствіе заговора 1808 года? Тотъ заговоръ повлекъ за собой опалу Таллейрана. Наступила очередь Фуше.

Наполеонъ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Но онъ обождалъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, пока уляжется его гнѣвъ, чтобы собрать себѣ доказательства, чтобы быть въ состояніи подавить уликами виновнаго. Онъ предписалъ розыскать переписку Фуше съ Увраромъ и отдать этого финансиста подъ надзоръ. «Вы должны, писалъ онъ Людовику 12 мая, выразить мое крайнее неудовольствіе Лабушеру». Миссія была прервана, агентъ отвергнутъ, и Наполеонъ занесъ въ счетъ Людовика еще одну обиду.

Съ этого времени Наполеонъ не даетъ ему покоя: накладываетъ руку на всѣ его таможни; приказываетъ Удино не давать «никакого отчета ни королю, ни голландскимъ министрамъ» [1]). Онъ требуетъ девяти кораблей, обѣщанныхъ по договору отъ 16 марта; въ противномъ случаѣ этотъ договоръ будетъ недѣйствителенъ. И такъ какъ Людовикъ протестуетъ, то Наполеонъ отвѣчаетъ ему: «Всѣ знаютъ, что, не будь меня... вы ничто...

[1]) A Oudinot, 12 mai 1810.

Людовикъ, вы не желаете долго царствовать... Государствами управляютъ разумъ и политика, а не ѣдкая и испорченная пасока» [1]). 23 числа подъ предлогомъ, что провинились передъ посольскимъ кучеромъ, былъ отозванъ посланникъ. Вергюэль, голландскій посланникъ въ Парижѣ, получаетъ приказъ удалиться оттуда въ двадцать четыре часа. Эти строгости должны были подстрекнуть Людовика на какую-нибудь сумасбродную выходку. Требовательность французскихъ войскъ, вторженіе въ страну, занятіе всѣхъ береговъ, всѣхъ стратегическихъ пунктовъ должны были возбудить народъ къ нѣкоторому мятежу: Наполеонъ принялъ бы это къ свѣдѣнію. Людовикъ пожелалъ собственнаго паденія и голландская нація собственной конфискаціи. И первое и вторая устраивались тѣми же пріемами, какими два года раньше совершились въ Байоннѣ катастрофа Бурбоновъ и вторженіе въ Испанію.

Гнѣвъ Наполеона удвоился, когда по его возвращеніи второго іюня въ Сенъ-Клу неожиданно пролитый свѣтъ на подпольныя лондонскія дѣла позволилъ усмотрѣть въ нихъ руку Таллейрана. Наполеонъ допрашивалъ Фуше: «Вы считаете себя очень хитрымъ, а вы вовсе не такой. Таллейранъ, вотъ кто хитрецъ, и въ нынѣшнемъ случаѣ онъ игралъ вами, какъ ребенкомъ, онъ сдѣлалъ васъ своимъ орудіемъ». Фуше не вынесъ такой ироніи. Задѣтый въ своемъ самолюбіи макіавелиста, онъ открылся. Вовсе не отрицая переписки, заведенной черезъ Уврара, онъ даже хвастался ею какъ услугой, оказанной отечеству и императору. Наполеонъ предложилъ Фуше вручить ему корреспонденцію Уврара, при помощи Ровиго онъ арестовалъ этого политическаго Тюркаре въ квартирѣ одной пріятной женщины, у которой они оба часто бывали. Они встрѣчались тамъ подъ предлогомъ устройства семейныхъ дѣлъ. Эти семейныя дѣла привели Уврара въ государственную тюрьму, а Ровиго на постъ министра полиціи 3 іюня 1810 года. Фуше, отставленный отъ этого мѣста, получилъ въ вознагражденіе римское губернаторство съ чрезвычайными полномочіями. Онъ сейчасъ же написалъ Маре, которому было поручено привести въ исполненіе эти декреты: «Его Величество иногда хвалилъ мой умъ. Его Величество былъ очень снисходителенъ: мой умъ не важенъ. Энергія моего духа, вотъ что стоитъ ума. *Императоръ не знаетъ, чего она стоитъ, онъ судилъ о ней на основаніи правилъ, и онъ ошибался; въ одинъ прекрасный день событія откроютъ ему ее*».

[1]) Louis à Napoléon, 16 mai. Napoléon à Louis, 20 mai 1810. Rocquain.— О здоровьѣ Людовика, котораго Наполеонъ такъ грубо толкалъ въ политику, см.: Frédéric Masson, t. V, p. 213, 329.

Затѣмъ онъ уединился въ своемъ замкѣ Ферьеръ. Наполеонъ требовалъ бумагъ. Фуше утверждалъ, будто сжегъ ихъ. Фактъ то, что префектъ полиціи Дюбуа вдвоемъ съ Реалемъ произвели обыскъ и ничего не нашли. Наполеонъ выходилъ изъ терпѣнія. Онъ лишилъ Фуше римскаго губернаторства.

Бумаги Лабушера, которыя смогли захватить въ разныхъ мѣстахъ, слова Уврара, признанія Фагана открыли размѣры заговора, а покрывавшая его тайна дѣлала его еще болѣе непроницаемымъ. Увраръ обманывалъ Фуше, Фуше обманывалъ Уврара. Два завѣдомые довѣренные Таллейрана, Лабори, подозрѣваемый съ 1801 года въ числѣ *друзей Англіи*, и Монтронъ, столько же извѣстный своими мѣткими словами, какъ и своимъ успѣхомъ у женщинъ, пріятный собесѣдникъ, извѣстный развратникъ, политикъ болѣе чѣмъ сомнительнаго характера, главный маклеръ во всѣхъ подозрительныхъ дѣлахъ, впавшій въ немилость вслѣдствіе опалы своего господина и сосланный въ Антверпенъ,—интриговали за кулисами, и всѣ эти люди наперерывъ обманывали Наполеона и измѣняли ему. Монтронъ, увезенный изъ Антверпена, былъ посаженъ въ одну изъ крѣпостей.

Фуше струсилъ. Онъ убѣжалъ въ Италію со своей семьей, со своими процентными бумагами и... «уничтоженными» документами. Вспоминая, что въ своей молодости онъ былъ ученикомъ Жанъ-Жака Руссо и подобно всѣмъ поддавался чувствамъ... во время террора, онъ написалъ Маре 11 іюля изъ Милана: «Вы, у котораго есть дѣти, не забывайте объ одномъ несчастномъ отцѣ!.. Скажите мнѣ одно слово утѣшенія... Вѣрьте въ благодарность сердца, которое никогда не закрывалось передъ горемъ». Онъ слишкомъ хорошо зналъ обычаи императорской полиціи, чтобы не опасаться нѣкоторыхъ непріятныхъ встрѣчъ или какого-нибудь препятствія въ пути: ни итальянскія дороги не казались ему безопасными, ни гостинницы, дающими достаточную защиту, будь онѣ велико-герцогскія или королевскія.

Онъ надумалъ отправиться въ Англію и нанялъ бригъ *Эльзу*, который долженъ былъ доставить его туда. Морская болѣзнь сдѣлала то, чего не могли сдѣлать ни угрозы Наполеона, ни заклятія Маре, ни настоятельныя просьбы Ровиго, ни обыски Бертье, Реаля и Дюбуа. Фуше высадился со своими «уничтоженными» бумагами и отослалъ шкатулку императору. Такимъ способомъ онъ добился, такъ сказать, перемирія и отправился въ свое сенаторское имѣніе въ департаментѣ Эксъ, гдѣ выжидалъ событій [1]). И такими же смѣшанными со слезами чернилами, ко-

[1]) Napoléon à Champagny, 29 juin; à Fouché, à Savary. 1-er juillet 1810. Lecestre.

© ГПИБ

торыми онъ написалъ бы Робеспьеру отпирательство, если бы 9 термидора приняло оборотъ въ пользу жреца *Верховнаго существа*, онъ писалъ Элизѣ, которая помогала его жизни въ Тосканѣ и его отъѣзду [1]): «Мои душевныя силы не выдержали, когда я увидѣлъ, что императоръ обращается со мною какъ съ невѣрнымъ министромъ... Какъ! сказалъ я, сущность вещей измѣнилась? Значитъ, добродѣтель и преданность суть преступленія? Лучше было бы лишить меня жизни, чѣмъ дѣлать ее для меня невыносимою».

Фуше, уволенный отъ службы, обратился въ бѣгство. Людовикъ, загнанный въ свои послѣдніе окопы, 1-го іюля отрекся отъ короны и исчезъ. Люсьенъ, самый умный и самый безкорыстный изъ братьевъ, испыталъ за свой отказъ отъ даровъ Наполеона ту же участь, которую другіе испытывали за то, что домогались этихъ даровъ. Онъ съ благороднымъ упорствомъ отказывается развестись со своей женой. Не чувствуя себя безопаснымъ въ Римѣ, онъ садится 7 августа на корабль и отправляется въ изгнаніе. Друзья Іосифа, Міо, убѣждаютъ его подать въ отставку: «Пользуйтесь случаемъ, чтобы въ глазахъ Европы поставить особнякомъ ваше дѣло»... Въ великой имперіи дѣлается невозможнымъ жить самымъ близкимъ людямъ Наполеона, самымъ извѣстнымъ его слугамъ! Новые короли, новые герцоги эмигрируютъ! По всей Европѣ былъ слышенъ этотъ глухой трескъ, какъ если бы на другой день послѣ свадьбы рухнули праздничные подмостки. Чтобы увеличить шумъ, конфискуется книга г-жи де-Сталь *Германія*, и литературная героиня со станціи на станцію ссылается въ Коппе [2]).

Между тѣмъ 9 іюля императоръ декретировалъ присоединеніе Голландіи къ имперіи.

Такъ заканчивается дѣло, начатое Комитетомъ Общественнаго Спасенія, и доводы, которые Шампаньи представляетъ императору въ *изложеніи мотивовъ*, совсѣмъ тѣ же, которые Комитетъ въ III году подробно развивалъ Конвенту: «Голландія какъ бы вытекаетъ изъ французской территоріи, она есть дополненіе имперіи. Чтобы владѣть всѣмъ Рейномъ, Вашему Величеству нужно было дойти до Зюдерзе. Такимъ образомъ, всѣ рѣки, берущія начало во Франціи, или омывающія границу, будутъ принадлежать ей до моря» [3]). Наполеонъ занялъ Любекъ, Лауенбургъ, Гамбургъ, весь лѣвый берегъ Эльбы до Бремена и Ольденбургъ, это—

[1]) De Lyon, 24 août 1810. Masson.

[2]) Августъ—сентябрь 1810 г.

[3]) Rapport de Cambacérès; планъ Сійэса въ мартѣ 1795 г., см. т. IV, стр. 199, 206.

предисловіе къ присоединенію [1]). Послѣ этого онъ отдастъ приказъ относительно громадныхъ построекъ и вооруженій кораблей: онъ желаетъ, чтобы къ 1812 году ихъ было отъ 110 до 115 [2]).

IX.

Это—срокъ, который онъ назначаетъ для послѣдняго напора противъ Англіи, если отъ сего дня къ тому времени, какъ на это онъ разсчитываетъ, блокада не заставитъ ее просить пощады. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы Александръ напалъ на него, особенно раньше этого срока. Онъ находится въ такомъ же положеніи къ этой русской войнѣ въ перспективѣ, въ какомъ онъ находился лѣтомъ 1808 года къ войнѣ австрійской, несравненно болѣе близкой и грозной, чѣмъ онъ желалъ. Онъ старается использовать этотъ промежутокъ мира съ Александромъ, но онъ очень занимается возможными противъ него союзниками, Австріей, Пруссіей, Швеціей. Онъ говоритъ объ этомъ Меттерниху, который слушаетъ и уклоняется отъ отвѣта, пользуясь нуждой Наполеона въ Австріи, чтобы получить отъ него возможность поправить ея положеніе. Гарденбергъ совѣтуетъ своему королю держаться такой же политики: сближаться съ Наполеономъ, быть рабски почтительнымъ, льстить, подчиняться, насколько нужно будетъ; вести переговоры, ползая на колѣняхъ, повергаясь въ прахъ; усыпить его, добиться, чтобы онъ уступилъ въ вопросѣ о контрибуціи, и на тѣ деньги, которыя не будутъ ему уплачены, возстановить армію, приготовиться ко дню возмездія, имѣя съ собой Россію и зовя къ себѣ Австрію.

Фридрихъ-Вильгельмъ, слѣдуя совѣтамъ Александра, вернулся въ Берлинъ 22 декабря 1809 г. и былъ принятъ своимъ народомъ, словно отецъ, возвращающійся изъ ссылки въ свою семью. По пути слѣдованія короля было больше слезъ чѣмъ радостныхъ криковъ, и это дѣлало манифестацію еще болѣе многозначительной. Волненіе охватило представителя Наполеона, Сенъ-Марсана. Прусскій король нашелъ въ немъ легко вѣрящаго наперсника, убѣжденнаго защитника [3]). Фридрихъ-Вильгельмъ, положа руку на сердце, увѣрялъ въ своихъ чувствахъ къ Наполеону, и Сенъ-Марсанъ, слегка наклонившись, со слезами на глазахъ при видѣ такого несчастья, такого достоинства, такой искренности, выслушалъ это съ сокрушеннымъ сердцемъ и взялся быть поручителемъ. Король при-

[1]) Ordre du 18 août 1810.

[2]) A Decrès, 16 juillet; à Eugène, 19 juillet; à Decrès, 22 juillet; à Lebrun, lieutenant général en Hollande, 22 juillet 1810.

[3]) Король этотъ выразилъ еще въ 1821 г. за это благодарность въ письмѣ къ Виктору Эммануилу, королю сардинскому. Treitschke, t. I, p. 352, note.

© РНБ

нялъ его 24 декабря: «Только великодушію императора обязанъ я тѣмъ счастьемъ, что даетъ мнѣ сегодняшній день; вѣдь послѣ несчастной войны 1806 года только отъ Его Величества зависѣло не возвратить мнѣ никакой доли моихъ владѣній. Я надѣюсь, что доказалъ ему на дѣлѣ свою благодарность и свою привязанность, противясь всѣмъ мѣрамъ, какія принималъ австрійскій домъ, чтобы привлечь меня къ своему дѣлу». Сенъ-Марсанъ изображалъ его «чистосердечнымъ и лойяльнымъ», *возмущеннымъ* мелочными интригами экзальтированныхъ головъ. Онъ представлялъ также Гарденберга очень желающимъ снова попасть въ милость: «Онъ употребитъ, намекали его друзья, всѣ свои усилія, чтобы добиться отъ Его Величества императора и короля допущенія Пруссіи въ Рейнскій союзъ» [1]).

Въ подтвержденіе этого обращенія Сенъ-Марсанъ передалъ Шампаньи одно письмо Гарденберга къ Шарнгорсту: «Каковы бы ни были мнѣнія, которыя тогда взяли верхъ... обстоятельства совсѣмъ измѣнили ихъ. Они побуждаютъ насъ пристать безо всякихъ оговорокъ къ французской системѣ... Только отъ одного Наполеона зависитъ наше спасеніе» [2]). Гарденбергъ подтвердилъ это своими словами въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ. «На какую, говорилъ онъ, можемъ мы надѣяться прочную и истинную поддержку кромѣ Франціи?.. Если бы когда нибудь вспыхнула война между Россіей и Франціей, и Пруссія пристала бы къ первой, то результатомъ этого была бы гибель Пруссіи и арміи, которую Россія могла бы послать для ея поддержки». Наполеону было кстати, если не вѣрить, то, по крайней мѣрѣ, допускать это. Онъ не воспротивился возвращенію Гарденберга къ дѣламъ, и Гарденбергъ былъ назначенъ канцлеромъ 4 іюня 1810 года. Меттернихъ въ Вѣнѣ, Гарденбергъ въ Берлинѣ, вотъ кто лѣтомъ 1810 года былъ призванъ управлять Австріей и Пруссіей, двое непримиримыхъ враговъ Наполеона, два союзника 1813 года. Съ этихъ поръ они заботятся о союзѣ между собой и съ Россіей, оба стараясь найти въ показномъ согласіи съ Наполеономъ лишь средство обмануть его и уничтожить, когда это позволятъ событія, которыхъ они ждутъ, которыя они вызовутъ, которыя они подпольнымъ путемъ подготовятъ со всей силой своей страсти.

Аналогичныя соображенія, та же сила обстоятельствъ, заставили императора, совсѣмъ противъ своей воли, принять комбинацію, которая, не причиняя прямымъ путемъ вреда его политикѣ, тѣмъ не менѣе способствовала его паденію. Шведскій король Густавъ IV отрекся отъ престола въ 1809 году; его дядя и преемникъ Карлъ XIII, слабый тѣломъ и духомъ, не имѣлъ дѣтей. Предполагаемый наслѣдникъ, принцъ Аугустенбургскій, умеръ 18 мая 1810 года. Шведы пустились на поиски короля. Они искали новаго рода, энергичнаго, съ престижемъ, и они обратились туда, гдѣ ихъ было изобиліе. За недостаткомъ принца изъ семьи Бонапарта, они помышляли о какомъ нибудь маршалѣ: такъ португальцы имѣли въ виду Сульта, поляки Мюрата. Бернадоттъ представлялъ то преимущество, что былъ въ свойствѣ съ императорской семьей. Они избрали Бернадотта, потому что онъ имѣлъ репутацію блестящаго военнаго, искуснаго политика, и потому что про него потихоньку говорили, что онъ не разъ бывалъ кандидатомъ одной могущественной партіи на то, чтобы наслѣдовать консульство, былъ соперникомъ Наполеона, потому что Наполеонъ сдѣлалъ его принцемъ, когда самъ сдѣлался императоромъ. Бернадоттъ на своихъ портретахъ казался имъ славнымъ, величественнымъ, воинственнымъ. Его хроника была одна изъ самыхъ богатыхъ громкими подвигами въ исторіи республики и имперіи. Они отправили къ нему эмиссара. Это нимало не удивило Бернадотта. Республиканецъ въ 1792 году, якобинецъ въ 1793, фруктидорьянецъ въ 1797, удовлетворенный республиканецъ во время консульства, республиканецъ *недовольный* и фрондирующій въ періодъ имперіи, принцъ Понте-Корво чувствовалъ себя на высотѣ какого угодно дѣла, готовымъ для какого угодно положенія и былъ вполнѣ расположенъ принять послѣдній ударъ — сдѣлаться монархомъ. Заговорщикъ, чтобы сдѣлаться консуломъ, оппонентъ изъ-за того, что не сдѣлался императоромъ, онъ считалъ для себя самымъ остроумнымъ возмездіемъ стать королемъ, и какимъ королемъ! королемъ безъ Наполеона, не будучи его ленникомъ, королемъ неограниченнымъ, больше королемъ, чѣмъ короли-братья, королемъ избраннымъ, королемъ старинной монархіи, подобно Саксонскому дому въ Польшѣ, и сразу возвыситься своей увѣнчанной головой надъ своими бывшими товарищами по оружію. А голова эта вовсе не напоминала Мюрата, героя, но безмозглаго, которому корона кружила голову, и котораго ступени къ трону приводили въ обморокъ. Бернадоттъ никогда не шалѣлъ ни отъ высокомнѣнія о самомъ себѣ, ни отъ своихъ удачъ. Въ этомъ отношеніи онъ заявилъ себя выше, и здѣсь онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ по существу, чистымъ гасконцемъ изъ гасконцевъ, рожденнымъ по сосѣдству съ замкомъ Генриха IV и отданнымъ на вскормленіе по сосѣдству съ жилищемъ Артаньяна [1]).

Разсказываютъ, будто фраза: «Онъ не осмѣлится», произнесенная въ

[1]) Rapports de Saint-Marsan, 17 avril, 1-er, 8, 9 mai; Hardenberg à Saint-Marsan, 5 mai 1810. Stern; Hüffer, p. 437 et suiv.; Oncken, t. II, p. 470 et suiv.; Ranke, t. IV, p. 216 et suiv.

[2]) Rapports de Metternich, 9 juillet, 5 septembre 1810.—Rapports de Langerbielke. Oscar Alix.—О дѣлѣ съ Евгеніемъ, Frédéric-Masson, t. V, p. 24.

[1]) Изъ «Трехъ Мушкатеровъ» (?). *Перев.*

Тюильри, заставила Бернадотта дать согласіе. Для этого достаточно было предложенія, разъ оно показалось ему серьезнымъ. Но онъ желалъ свести свои счеты съ императоромъ, а также доставить себѣ прониче-ское удовольствіе поговорить съ нимъ въ послѣдній разъ въ качествѣ подчиненнаго. Наполеонъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, какъ появлялись новые короли, которыхъ онъ не ставилъ. Тѣ, которые выходили изъ его чернильницы, которыхъ онъ порождалъ росчеркомъ своего пера, уходили отъ него, бунтовали, страстно желая царствовать самостоятельно и для самихъ себя; что же будетъ такое этотъ король, который даже не былъ назначенъ имъ? Постоянный соперникъ во Франціи, онъ весьма легко сдѣлается противникомъ въ Европѣ. Наполеонъ щадилъ Таллей-рана, онъ терпѣлъ Фуше, потому что предпочиталъ имѣть ихъ обоихъ внутри государства, въ своихъ когтяхъ и въ когтяхъ своей полиціи, чѣмъ внѣ страны. Бернадоттъ собирался ускользнуть и не какъ эми-грантъ, а какъ неприкосновенное и священное высочество. Интриги съ его стороны будутъ впредь лишь «политикой», и агенты его заговоровъ будутъ прикрываться неприкосновенностью дипломатовъ, аккредитован-ныхъ при всѣхъ дворахъ. Одинъ мигъ онъ подумалъ было дать шведамъ Евгенія, въ которомъ онъ былъ увѣренъ. Но Евгеній отказался по ре-лигіознымъ причинамъ. Тогда онъ предоставилъ дѣло естественному ходу, рѣшивъ, что сопротивляясь онъ рискуетъ оттолкнуть отъ себя Швецію, что соглашаясь онъ имѣетъ шансы привлечь ее къ блокадѣ и привязать Бернадотта къ французскому союзу. Для всего свѣта это былъ бы фран-цузскій маршалъ на тронѣ, то есть, было бы больше однимъ королев-ствомъ, зависящимъ отъ Великой имперіи [1]). 21 августа 1810 года Шведскій сеймъ назначилъ Бернадотта наслѣднымъ принцемъ. Наполеонъ дозволилъ маршалу принять это назначеніе. Въ жалованной грамотѣ онъ хотѣлъ было прибавить слова: «Эта грамота даетъ вамъ право сдѣлаться шведомъ... Лично вы не можете идти съ оружіемъ противъ Франціи». Онъ вычеркнулъ эти слова, и грамота была послана безо всякихъ ого-ворокъ [1]). Бернадоттъ, какъ короли-братья, но болѣе свободно—вѣдь На-полеонъ не могъ низложить его декрстомъ—а также болѣе справедливо — вѣдь Наполеонъ не облекалъ его властью—будетъ стремиться къ одной цѣли: унаслѣдовать шведскую корону, хранить ее, царствовать и сдѣ-латься родоначальникомъ королей; для достиженія этого быть полезнымъ, благодѣтельнымъ, популярнымъ. Первой задачей будетъ смягчить, потомъ отмѣнить блокаду; словомъ, освободиться отъ опеки и отъ французскаго союза. Обѣ цѣли толкаютъ его въ сторону Россіи.

[1]) A Champagny, 9 septembre; à Charles XIII, 6 septembre; à Bernadotte, 10 septembre 1810. Lecestre.

Съ этого времени Александръ становится врагомъ, сначала ковар-нымъ и тайнымъ, потомъ открытымъ, затѣмъ ожесточеннымъ, сильно не-годующимъ, сильнымъ противникомъ, будущимъ главой континентальной коалиціи противъ Наполеона. Тильзитскій союзъ не составилъ эпохи, еще того менѣе онъ остановилъ или повернулъ въ сторону ходъ этой исторіи; онъ былъ лишь интермедіей. Подъ покровомъ этого притворнаго союза Наполеонъ и Александръ продолжали преслѣдовать свои прежнія цѣли, которыя привели ихъ къ войнѣ въ 1805 году, которыя опять привели ихъ къ тому же въ 1812 году. Тильзитская система рушится вслѣдствіе того, что ее вызвало, вслѣдствіе блокады. Наполеонъ желалъ довести ее до конца, Александръ хотѣлъ обойти ее. Въ теоріи союзъ основывался на слѣдующихъ трехъ предположеніяхъ: Россія и Франція имѣютъ тожествен-ные интересы, одного и того же врага и вовсе не имѣютъ общихъ гра-ницъ. А между тѣмъ, само слѣдствіе союза—*континентальная блокада* поставила ихъ интересы въ антагонизмъ, слила экономическіе интересы Россіи съ таковыми же интересами Англіи; безпрерывное расширеніе фран-цузской имперіи сближаетъ ихъ границы. Эти результаты проявились въ 1810 году. Россія принуждена выбирать между Наполеономъ, который порабощаетъ ея политику и разоряетъ ея торговлю, и Англіей, которая обогащаетъ ее и доставитъ ей главенство на континентѣ. Выборъ Але-ксандра, естественно, падетъ на Англію. Наполеонъ присоединилъ, за-воевалъ нѣмцевъ, образовалъ изъ нихъ полки, устроилъ союзы. Онъ дер-житъ Пруссію въ порабощеніи и Австрію въ зависимости; но ради до-стиженія этого онъ, шагая по ихъ тѣламъ, доходитъ до Вислы и упи-рается въ русскія границы. И подобно тому, какъ онъ оказался вынуж-деннымъ сковать Голландію, потомъ завладѣть ею, чтобы удерживать за собой Бельгію, какъ онъ оказался вынужденнымъ разрушить, возстано-вить и поработить Германію, чтобы удержать лѣвый берегъ Рейна, рас-членить и отбросить дальше Пруссію, потомъ Австрію, чтобы сохранить господство надъ Германіей: такъ онъ приходитъ къ слѣдующему безсмыслен-ному, но въ высшей степени логическому заключенію не только отно-сительно континентальной блокады, которая есть не что иное, какъ сред-ство, но и относительно зарожденія начальной политики, завершеніемъ которой оказывается Западная имперія: «Французская имперія, которую онъ создалъ при помощи столькихъ побѣдъ, неизбѣжно будетъ расчле-нена съ его смертью, и скипетръ Европы перейдетъ въ руки какого-нибудь царя, если онъ не отброситъ русскихъ за Днѣпръ и не возста-новитъ польскаго трона, *естественнаго оплота имперіи*» [1]).

[1]) Dictées de Sainte-Hélène.

Александръ, естественно, дѣйствуетъ въ противномъ направленіи, и та же логика побуждаетъ его сбросить Наполеона съ этого передняго поста, склонить на свою сторону часовыхъ, то-есть, поляковъ, затѣмъ вступить въ товарищество съ Германіей при помощи Штейна и патріотовъ; обезпечить себя со стороны Пруссіи, приласкать Швецію, вступить въ соглашеніе съ Австріей; короче, возобновить коалицію; и первой задачей, какъ у Австріи въ 1809 году, оказывается задача привести себя въ возможность упредить нападеніе со стороны Наполеона. Съ августа 1810 года вырисовываются его планы, начинаются его приготовленія. Онъ разсчитываетъ, что Наполеонъ, прежде чѣмъ заняться Россіей, пожелаетъ покончить дѣло съ Испаніей. Онъ отправитъ туда великую армію, онъ отправится туда самъ. Французы уйдутъ изъ Германіи. Аванпосты мало по малу опустѣютъ. Окраины высохнутъ, какъ руки больного, у котораго кровь будетъ плохо притекать къ пораженному органу. Когда у Даву останется лишь главный штабъ позади сѣти авангардныхъ карауловъ, тогда пробьетъ часъ вступить въ Польшу, поднять Германію, лестью склонить къ себѣ Пруссію, увлечь Австрію и двинуться на Одеръ, на Эльбу, прежде чѣмъ Наполеонъ найдетъ время придти на помощь, особенно, прежде чѣмъ онъ найдетъ возможность собрать новую армію [1]).

Такъ, роковымъ образомъ, два вчерашнихъ союзника, подъ вліяніемъ всей силы тяготѣнія ихъ политики, поворачиваютъ къ войнѣ. Каждому изъ нихъ желательно отнять у другого главенство. У Александра дѣйствуетъ убѣжденіе, что союзъ разоряетъ его имперію [2]), уменьшаетъ его обаяніе, подвергаетъ опасности его будущее, угрожаетъ его безопасности, быть можетъ, даже его жизни, вслѣдствіе раздраженія, до котораго можетъ довести русскихъ излишняя снисходительность ихъ государя къ *тиранну Европы*; на Александра дѣйствуетъ его возрастающая антипатія, его «отвращеніе» къ системѣ, которая связываетъ его, унижаетъ, и въ которой онъ желаетъ видѣть уже лишь насилія, послѣ того какъ онъ исчерпалъ ея выгоды; наконецъ, здѣсь дѣйствуетъ его стремленіе привести въ согласіе свое личное злопамятство, свое тщеславіе русскаго самодержца со смутнымъ возвратомъ высокихъ и великодушныхъ мыслей своей юности о возвращеніи достоинства народамъ, о возстановленіи троновъ, о водвореніи права въ Европѣ, о Россіи, обезпечивающей это право, о «великомъ планѣ объединенія всѣхъ славянъ» [3]), освящающемъ это право. На Наполеона дѣйствуетъ охватившая его цѣликомъ мысль, что Англія дошла до края своихъ средствъ и своего упорства; что совсѣмъ приблизилось къ своему концу колоссальное поворотное движеніе, предусмотрѣнное Керсеномъ въ январѣ 1793 года, когда вспыхнула война, указанное Сійэсомъ въ 1795 году послѣ завоеванія Фландріи, Голландіи и Рейна. Это вопросъ лишь недѣль [1]). Пусть Россія на эти нѣсколько недѣль строго закроетъ свои порты для англійскихъ товаровъ, пусть Пруссія и Швеція послѣдуютъ ея примѣру—и блокада станетъ дѣйствительностью. Достаточно осуществить ее на минуту, чтобы шатающаяся Англія пала, и чтобы ее задушила собственная тяжесть. Она погибнетъ въ банкротствѣ и соціальной революціи. Но въ тотъ мигъ, когда всѣ условія, за исключеніемъ одного, именно того, которое завершаетъ дѣйствіе остальныхъ, кажутся исполненными, въ этотъ мигъ обнаружится основной парадоксъ системы, вслѣдствіе невозможности исполнить это послѣднее условіе и нанести тотъ окончательный ударъ, безъ котораго ничто не будетъ сдѣлано, и для котораго все было приспособлено. Нужно было, чтобы Европа подчинилась; это такъ и есть, за исключеніемъ нѣсколькихъ утесовъ въ Испаніи, одного скалистаго берега въ Португаліи. Нужно было, чтобы Россія была соучастницей. Она не можетъ быть ею, не уничтожая себя, и она отказывается отъ этого. Нужно было, чтобы перестали существовать нейтральные. Наполеонъ декретируетъ, что ихъ больше нѣтъ; но Россія, возвысившись въ Европѣ благодаря своей защитѣ морского нейтралитета и вспомнивъ, послѣ кратковременнаго затменія памяти, что *лига нейтральныхъ* 1780 года была первымъ выраженіемъ и остается основнымъ пунктомъ ея европейской политики, Россія возмущается противъ этого приказа, который для нея есть приказъ о самоубійствѣ.

Въ этой войнѣ, театромъ которой будетъ Европа, въ которой всѣ народы Европы, вооружившись одни противъ другихъ, вступятъ въ борьбу, силы, моральныя условія этихъ народовъ составляютъ существенный факторъ въ подготовляющемся кризисѣ и въ исторіи остаются главнымъ объясненіемъ этого событія. Итакъ, понаблюдаемъ поближе въ этой Европѣ 1810 года удивительный урожай, собранный имперіей на почвѣ, вспаханной арміями республики.

---

[1]) Albert Vandal, t. II, chap. X et XI, p. 434—438.—Fournier, t. II, p. 34,

[2]) Объ отчаянномъ положеніи финансовъ и промышленности въ Россіи въ 1810—1811 г. вслѣдствіе войны съ Англіей, см. rapport de Bray, 15 août 1811.

[3]) Собственноручная замѣтка Александра, апрѣль 1812 г. Martens, t. XI, p. 159.

[1]) A Champagny, 13 octobre, 4 novembre 1810.

ГЛАВА II.

Франція и Европа 1810 г.

I.

Наполеонъ находится «на вершинѣ дѣлъ человѣческихъ»; Франція въ апогеѣ своего мірового могущества. Здѣсь-то и слѣдуетъ остановиться, чтобы опредѣлить свою точку зрѣнія, чтобы посмотрѣть на великую имперію въ ея перспективѣ, вспомнить ея начало, показать, къ чему она привела. то-есть, показать причины и слѣдствія событій, изложенныхъ въ этомъ трудѣ. Среди этого громаднаго прилива и отлива событій 1810 годъ обозначаетъ пору, когда море открыто, когда море *разстилается* и притомъ въ яркій день. Это было время, когда Наполеонъ думалъ, что онъ можетъ остановиться, ибо вся Европа, за исключеніемъ Англіи, была побѣждена, если не подчинена. Онъ остается во Франціи, живя въ ней дольше, чѣмъ когда бы то ни было въ свое царствованіе. Въ его правительствѣ, въ его дворѣ, въ его интимномъ быту все приходитъ въ кропотливый и пышный порядокъ [1]). Современники могутъ воображать, что остановился ходъ вещей, и что рокъ связанъ Франціей. Но «ничто, говоритъ мудрецъ, не существуетъ прочно, ни въ нашемъ бытіи, ни въ бытіи предметовъ: и мы, и наши сужденія, и все, подлежащее смерти, безпрерывно движется плавно и гладко»... [2]).

Волна идетъ издалека, изъ глубины всей французской исторіи, удесятеренная волной французской революціи, и все здѣсь связывается: границы временъ Цезаря по конституціи III года; императоръ въ республикѣ, присяга 1804 года: «Я клянусь сохранять цѣлость территоріи республики». Для сохраненія этой территоріи Наполеонъ возводитъ въ систему то, что было сдѣлано комитетомъ, директоріей и имъ самимъ для пріобрѣтенія ея. Франція продолжаетъ быть завоевательной арміей, раскинувшейся лагеремъ по Европѣ; Европа продолжаетъ оставаться покорной, занятой войсками, раздѣленной на военные округа. Великая Имперія есть лишь огромное напряженіе, стремящееся придать этому огромному мѣропріятію какую-нибудь окончательную и правильную форму, фиксировать карту Европы, подобно тому, какъ въ прекратившей свою жизнь исторіи мы фиксируемъ карту римской имперіи, *pax romana*.

Представленіе о великой имперіи вполнѣ римское, какъ и о республикѣ, изъ которой она выходитъ. Она напоминаетъ римскую имперію, потому что

[1]) Frédéric Masson, *Napoléon chez lui*.

[2]) Montaigne, livre II, Chap. XII. *Apologie pour Raimond Sebond*.

ихъ условія аналогичны, потому что мѣсто ихъ дѣйствія одно и то же, и потому что комбинаціи управленія людьми ограничены; но великая имперія ведетъ свое начало отъ Рима, проходя черезъ Карла Великаго [1]). Это—имперія Карла Великаго пространствомъ, границами, *марками*, разнородностью элементовъ, удивительнымъ хаосомъ націй и племенъ, чрезмѣрною верховною властью императора, раздачей территорій какой-то іерархіи вассаловъ, намѣстниками, которые возводятся въ короли, прежними королями, которые становятся намѣстниками, смѣшеніемъ важныхъ придворныхъ чиновъ и важныхъ государственныхъ должностей, и находящимся на заднемъ планѣ громаднымъ вмѣстилищемъ людей, Восточной имперіей, Россіей, греко-славянскимъ міромъ, который грозитъ излиться на Европу и затопить ее. Это—имперія Діоклетіана своей администраціей, сводами законовъ, всѣмъ правительственнымъ механизмомъ, иностранными вспомогательными войсками, полками, составленными изъ иностранцевъ, военными пограничными территоріями, и затѣмъ, кромѣ этого, невѣдомыми лѣсами и безконечными равнинами скиѳовъ, сарматовъ и славянъ. Карлъ Великій даетъ идеалъ легендарный, Діоклетіанъ являетъ дѣйствительное положеніе, орудія государственности. Послѣ Брюмера Наполеонъ говоритъ: «Я—Цезарь». Во время коронованія: «Я—Карлъ Великій» [2]). Послѣ 1810 года: «Я — римскій императоръ... Вы, которые знаете исторію, развѣ васъ не поражаетъ это сходство моего правленія съ правленіемъ Діоклетіана; эти сжатыя нити сѣти, которую я простираю такъ далеко, эти глаза императора, которые вездѣсущи, этотъ *гражданскій авторитетъ*, который я сумѣлъ сохранить во всей силѣ въ имперіи совсѣмъ воинскаго характера» [3]).

Эта правительственная власть кажется устроенной по его образу, согласно расчетамъ его честолюбія, сообразно съ характеромъ его генія. Дѣйствительно, она удивительно примѣняется къ нему, но еще лучше приспособляется она къ условіямъ управленія тогдашней Франціей. Съ этой точки зрѣнія про нее нельзя сказать того, что было сказано про правительственную власть Карла Великаго: что она «была устроена для него

[1]) См. въ моемъ этюдѣ о Монтескье, какое понятіе составляли себѣ въ XVIII в. о Карлѣ Великомъ, стр. 157—160.—Guizot, *Histoire de France*, t. I: Charlemagne et son gouvernement.—Fustel de Coulanges, t. VI: de la continuité de l'Empire romain en Occident.—Ср. выше, стр. 45—46.

[2]) И еще въ 1810 г. Exposé du sénatusc-onsulte du 17 février sur la réunion de Rome.

[3]) Villemain, *Souvenirs*, chap. XIV: conversation avec Narbonne.—Дюрюи въ своей *Histoire des Romains* далъ удивительную картину этой имперіи.—Taine, *Régime moderne*, t. I, liv. II, chap. III, paragraphe 4: comparaison entre le gouvernement de Dioclétien et celui de Napoléon. См. т. VI. стр. 186, 297, 298.

и постольку, поскольку онъ участвовалъ въ ней», ни того, что говорилось про правительственную власть Фридриха Великаго, которая. будучи устроена лично имъ самимъ, могла быть управляема только руками этого великаго человѣка и сдѣлалась причиной общаго разстройства государства [1]), когда онъ пересталъ заводить этотъ механизмъ. Правительственная власть Наполеона такими тѣсными узами связывается со всѣми учрежденіями прежняго французскаго государства, она такъ непосредственно удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ новаго государства, что въ ней отожествились самыя разнообразныя власти [2]). Поочередно ею пользовались при старшей линіи Бурбоновъ для контръ-революціи и при ихъ младшей линіи для парламентской революціи; во время новаго Бонапарта—для возвращенія къ имперіалистической демократіи, при республикѣ—для утвержденія господства республиканской демократіи надъ старыми династическими партіями. При самыхъ разнообразныхъ двигательныхъ силахъ и механикахъ почти сто лѣтъ работала эта могущественная машина: ее отдѣлывали заново, перекрашивали, чинили при каждой революціи, приспособляли къ новымъ открытіямъ, переходя отъ силы падающей воды къ силѣ пара, отъ каменнаго угля къ керосину и электричеству, но всегда сохраняя ея колеса, ея пружины, ея передачу движенія.

Если смотрѣть изъ такой дали на дѣло Наполеона, если судить о немъ по его продолжительности, тогда государственный человѣкъ въ немъ, *статскій*, какъ любилъ онъ выражаться, оказывается чрезвычайно выше человѣка военнаго. Воинъ совершилъ чудеса, но онъ самъ на себѣ испыталъ всю тщету ихъ: какъ ни велико было его счастье, онъ увидѣлъ его катастрофу, и эта катастрофа произошла на бранномъ полѣ. Этотъ побѣдитель былъ побѣжденъ, и изъ двадцати двухъ лѣтъ военной карьеры пораженія послѣднихъ трехъ лѣтъ уничтожили побѣды девятнадцати остальныхъ лѣтъ. Напротивъ, дѣло законодателя и администратора продолжало существовать. Наполеонъ больше создалъ чиновниковъ, чѣмъ полководцевъ; его намѣстники часто позволяли побивать себя, когда онъ не командовалъ ими. Чиновники управляли Франціей послѣ него въ продолженіе цѣлаго поколѣнія. Они пережили три революціи и подъ тремя режимами наполняли собой магистратуру, государственный совѣтъ, законодательныя собранія. Они дали школу, и издалека они еще управляютъ посредствомъ регламентовъ и архивовъ.

Конечно, Франція не свободна въ 1810 году, но кто жалѣетъ о

[1]) См. т. I, стр. 373 гл.

[2]) См. т. I, кн. II, гл. I: традиціи, Франція, народъ и правительство.

свободѣ за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые злоупотребляли ею, которые попирали ее ради своей выгоды, которые искажали ее, чтобы служить себѣ, или которые не сумѣли ни утвердить ее въ законахъ, ни уважать ее ни въ себѣ, ни въ своихъ противникахъ, ни сдѣлать ее государственнымъ учрежденіемъ, ни сдѣлать изъ нея благо націи? Кто можетъ сказать, что онъ былъ свободенъ и въ какое время? Для людей, религіозно-исповѣдующихъ свободу, она гораздо больше предметъ надежды, чѣмъ сожалѣнія. Масса довольна тѣмъ, чего она такъ страстно и упорно желала отъ 1792 по 1800 годъ: гражданской свободой и блескомъ республики. Имъ она все принесла въ жертву, она еще не устала наслаждаться ими. Національная гордость и политическое рабство! Конвентъ и его комитеты обучили этому французскій народъ. Гордый своей революціей, еще болѣе счастливый тѣмъ, что онъ вышелъ изъ нея, французскій народъ считаетъ себя самымъ просвѣщеннымъ въ мірѣ, свѣточемъ народовъ, владыкой міра, и это тоже есть въ высшей степени римское пониманіе свободы.

Къ тому же народъ чувствуетъ себя благоденствующимъ. Континентальная блокада не непопулярна во Франціи. Исконное соперничество съ Англіей, вѣковая ненависть къ англичанамъ позволяли выносить большія лишенія во время революціонной блокады; теперь же Франція страдаетъ мало и получаетъ много выгодъ. Невыгоды падаютъ на присоединенные народы и на союзниковъ. Франція пользуется только выгодами. Спеціальныя разрѣшенія служатъ источникомъ ажіо, спекуляцій, крупныхъ аферъ [1]). Товарами, которыхъ была лишена страна, народъ пользовался рѣдко, такъ какъ онъ еще не зналъ дешеваго сахара и кофе. Богатые платятъ дороже, но они богаче. Основывается промышленность и обѣщаетъ въ будущемъ совсѣмъ новый періодъ богатства. Поднимается пользующееся покровительствомъ земледѣліе. Система, даже запретительная, не была какимъ-то новшествомъ. Республика никогда не знала никакой другой системы. Для большинства потребителей она кажется неизбѣжнымъ зломъ, а производителямъ благодѣяніемъ [2]).

Быть въ войнѣ съ Англіей вошло въ привычку. Должны же будутъ англичане уступить наконецъ, и изъ-за этого идетъ ожесточенная борьба.

[1]) A Montalivet, 16 juillet, Lecestre; décret du 5 août; à LeBrun, 29 août 1810. Cf. LumBroso, chap. IX.

[2]) См. Chaptal, *Souvenirs*, 2-e part., chap. II.—Pasquier, *Mémoires*, t. I, chap. XI.—LumBroso, *Napoléone I et l'Inghiltera:* l'industrie française et le blocus continental; chap. IX: jugements sur le système continental: favorables p. 322—334; défavorables p. 335 et suiv.—Thiers, t. VIII, p. 130; t. XII, p. 55 et suiv.; 188.

Народъ вноситъ столько ослѣпленія въ эту борьбу, сколько исторія вноситъ въ нее политическаго фатализма. Къ тому же послѣ Іены ничто не кажется невозможнымъ; послѣ Тильзита коалиція казалась разрушенной; послѣ брака континентальный миръ казался обезпеченнымъ навсегда. Война потеряла свой грозный характеръ прежнихъ временъ, который изъ Франціи, ощетинившейся штыками противъ иностранцевъ, дѣлалъ страну, подверженную всѣмъ ужасамъ нашествія, добычею ея же собственнаго правительства. Правительство даетъ безопасность. Иностранцы уже не переходятъ черезъ границу, да и граница находится уже не въ двадцати дняхъ перехода отъ Парижа; это разстояніе надо считать недѣльными, почти мѣсячными переходами отъ Одера или отъ Вислы, чтобы достигнуть Рейна. Нашествіе казалось такъ же далекимъ и съ этой поры такимъ же невозможнымъ, какъ терроръ. Война, которая продолжается, это есть война пограничная или полицейская, война государства, война профессіональной арміи, ограниченной и какъ бы сосланной на окраины: въ Португалію, въ Испанію, въ Калабрію. Наборъ продолжаетъ обезлюживать народъ; но бывшее дворянство поступаетъ на службу, это для него—карьера; буржуа получаютъ ходъ и занимаютъ мѣста въ администраціи; крестьяне, мелкій людъ въ городахъ несутъ службу, составляя пѣхоту; но въ глазахъ этихъ людей суроваго воспитанія это не составляетъ новой тяжести: они несутъ ее молча. Кто изъ нихъ остался не убитымъ, тѣ видятъ въ службѣ часто еще повышеніе въ чинахъ и будущность; для тѣхъ, кто остался у семейнаго очага, она даетъ повышеніе заработной платы и богатыхъ невѣстъ. Фуражъ продается дорого, снабженіе свѣжими лошадьми есть національная промышленность, и продажа ихъ служитъ для крестьянства нѣкоторымъ смягченіемъ реквизиціи людей. Бойко идетъ торговля сукнами, кожами. Поставки на армію самая доходная торговля; банкиры военнаго министерства и ихъ командитеры наживаютъ состоянія.

«Періодъ времени между концомъ 1810 и серединой 1812 года самый спокойный, какой мы имѣли со времени консульства», сообщаетъ самый основательный и самый освѣдомленный изъ современниковъ. И безподобный бытописатель вѣка, Сенъ-Симонъ новой Франціи: «Никогда, въ самые великіе дни монархіи, французская аристократія не была ни такой богатой, ни такой блестящей» [1]).

Если желаютъ понять характеръ популярности, которою пользовались тогда Наполеонъ и его правительство въ народныхъ массахъ,

[1]) Pasquier, t. I, chap. XX. — Balzac, *la Paix du ménage*. — Тревога въ февралѣ 1811 г. не волновала народъ, см. далѣе, гл. III, § 3.

пусть вспомнятъ два факта: первый, что эта популярность, поколебленная на мигъ злополучными событіями, затѣмъ сейчасъ же возобновилась и въ теченіе болѣе полувѣка оставалась національной традиціей и именно въ той части націи, на которую война ложилась наибольшею тяжестью, то-есть, въ крестьянствѣ; другой фактъ тотъ, что сторонники имперіи возобновили, послѣ 1815 года, союзъ съ республиканцами и либералами и объединились съ ними въ іюльской революціи. Такимъ образомъ имперія оставалась живой и въ своихъ причинахъ и въ своихъ послѣдствіяхъ. Кто хочетъ выяснить себѣ это, тому достаточно прочитать разсказчиковъ и поэтовъ, которые отражаютъ и выражаютъ народную душу, и которые дѣлаются великими и, въ свою очередь, популярными лишь благодаря этому отраженію и выраженію: таковъ Бальзакъ, изображающій могучія страсти, иллюзіи самоотверженія, инстинкты массы и наивный культъ походовъ; таковъ Беранже, изображающій народныя воспоминанія, ненависть къ дворянству, къ попамъ, духъ нечестія, смѣсь благородства при освобожденіи націй и простодушнаго имперіализма. Таковъ, наконецъ, Викторъ Гюго [1]), поскольку это касается воинскаго эпоса и національнаго величія.

Оппозиція, вѣдь, въ имперіи есть и даже страшная на свой ладъ, хотя еще скрытая и глухая, она существуетъ не среди тѣхъ, которые могли бы жаловаться на имперію; она ютится въ средѣ тѣхъ, которые получаютъ пользу отъ имперіи, которыхъ имперія осыпала всѣми благами: ее составляютъ высокіе чины въ арміи, придворные сановники, сенаторы, сословіе чиновниковъ, а особенно, занимающіе самыя высокія мѣста въ іерархической лѣстницѣ. Она показываетъ общую наклонность не къ тому, чтобы вызвать перемѣну царствованія, а къ тому, чтобы, предвидя эту перемѣну, готовиться къ ней, въ случаѣ надобности прислужиться къ ней ради сохраненія своихъ чиновъ, своихъ надѣловъ, своихъ должностей. Здѣсь-то и обнаруживается уязвимый пунктъ системы, ея скрытый порокъ, который есть не что иное, какъ изнанка ея могущества.

Администрація безлична, она анонимна, она атеистична въ дѣлѣ управленія. Работникъ государства такъ тѣсно связанъ съ машиной, что онъ продолжаетъ свою работу, какъ машина свое движеніе, кто бы ни былъ начальникъ, каково бы ни было имя на вывѣскѣ. При помощи мѣстъ Наполеонъ удовлетворилъ правительственныхъ республиканцевъ, сдѣлавшихся самой сильной поддержкой его царствованія, его статскими со

[1]) *Le Médecin de campagne, le Colonel Chabert, la Cousine Bette, Une Ténébreuse Affaire, Un Ménage de garçon*: les fournisseurs, les intendants, les commis, l'administré, caractère de Bridau le Père, etc.

вѣтниками, его избранными префектами, основой его судебнаго сословія [1]). Но Наполеонъ со времени коронованія и все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ онъ перестаетъ быть императоромъ республиканскимъ, отклоняясь, подобно другимъ, въ сторону самодержавія, потому ли, что считаетъ ихъ мало послушными, или для того, чтобы привлечь ихъ къ себѣ, онъ охотнѣе призываетъ бывшихъ роялистовъ или прежнихъ агентовъ монархіи на мѣста въ префектуры, въ финансы, въ таможни, въ законодательный корпусъ, въ уцѣлѣвшія мѣстныя собранія, которыя находятся въ его распоряженіи. Одно судебное вѣдомство остается обезпеченнымъ за брюмерьянцами, несмотря на то, что въ 1807 году на время была отмѣнена несмѣняемость судей.

Наполеонъ поступаетъ въ этомъ случаѣ съ этими роялистами такъ, какъ поступилъ Генрихъ IV послѣ своей мессы съ бывшими членами Лиги и іезуитами. Положеніе его оказалось не лучше положенія Генриха IV. Этотъ персоналъ, введенный въ кадры, подвигалъ императорское правительство къ старому режиму гораздо больше нравами и привычками, чѣмъ законами, и этимъ самымъ давленіемъ незамѣтно расшатывалъ его. Этимъ агентамъ не хватаетъ пыла членовъ конвента, суроваго напряженія республиканцевъ со II до IV года; ничто не привязываетъ ихъ къ республикѣ и ещё меньше къ революціи, а слѣдовательно, и къ вышедшему изъ нихъ императору. Наоборотъ, ихъ выгода состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать сношенія съ представителями отжившихъ порядковъ, изъ рядовъ которыхъ они вышли, чтобы облегчать имъ возвращеніе, чтобы содѣйствовать своевременнымъ обращеніямъ, при помощи личныхъ сближеній, при помощи угожденій, подготовляющихъ измѣну. «Пожалованные орденами и богатые они будутъ пытаться уйти отъ меня, говорилъ Наполеонъ... Они не побѣгутъ такъ быстро, чтобы я не смогъ настигнуть ихъ». Опасность для него состояла не въ уходѣ ихъ. Наоборотъ, ихъ политикой было оставаться на мѣстахъ, требовать ихъ до послѣдняго, получать ихъ до пресыщенія. Пока Наполеонъ будетъ самымъ сильнымъ и самымъ щедрымъ, они не пошевельнутся; пусть только онъ падетъ, они позволятъ удалить его, перемѣнивъ только цвѣтъ ливреи, совсѣмъ готовые, чтобы стоять шпалерами при проходѣ новаго государя. Извлекши изъ императорскаго режима все, что изъ него они могли извлечь, они будутъ озабочены пуще всего тѣмъ, чтобы сохранить подъ новымъ режимомъ пріобрѣтенныя званія и богатства. Такимъ образомъ, они остаются на мѣстахъ «въ качествѣ почетной стражи», въ виду неизвѣстности и завтрашняго дня. Одинъ естественный шагъ приведетъ этихъ

[1]) Thibaudeau, Jeambon Saint-André, Merlin. Ср. т. IV, стр. 126—129.

бывшихъ монархистовъ къ королевству. Къ 1810 году основа администраціи измѣняется въ этомъ направленіи такъ, что, когда произойдетъ катастрофа съ имперіей въ 1814 году, достаточно будетъ отставить вѣрныхъ имперіи префектовъ, дать новымъ или вторично получившимъ власть строгія приказанія, чтобы подъ давленіемъ Парижа перемѣна образа правленія, элементы котораго были налажены, совершилась безъ напряженія и какъ бы безъ перехода. До 1806 года королевская реставрація могла бы возбудить противъ себя всѣ интересы страны, всѣ страсти людей, которые въ этой централизованной странѣ были у власти: она встрѣтила бы только препятствія. Начиная съ 1810 года, она будетъ встрѣчать лишь содѣйствія. Бурбоновъ совсѣмъ не знаютъ, не знаютъ даже имени этихъ государей, но, пусть только пораженіе устранитъ препятствія на ихъ пути, пусть они появятся, и всѣ почтовыя станціи и постоялые дворы, всѣ пружины государственнаго механизма будутъ къ ихъ услугамъ, и они оснуются при всеобщемъ содѣйствіи такъ, какъ будто это рѣшительно никому неизвѣстно. Наполеонъ занялъ постель Людовика XIV: Людовикъ XVIII найдетъ для себя готовой постель Наполеона.

Это не было ни непокорностью, ни даже ослушаніемъ; это была предательская склонность обходиться безъ императора, тайно желать его исчезновенія, соображаться съ его исчезновеніемъ. Въ довершеніе всего говорилось, онъ одинъ своими войнами, своими притязаніями на всемірную монархію, своимъ ожесточеніемъ противъ Англіи грозилъ своему собственному дѣлу: онъ самъ былъ единственный *непобѣдимый* изъ враговъ; онъ одинъ былъ бы отвѣтственъ за свое паденіе, и было важно, чтобы ни страна, ни особенно тѣ, кто былъ назначенъ править ею, не потерпѣли отъ этого паденія. Этимъ объясняется нѣкая замѣчательная тенденція, издавна проникшая въ мысли королей-братьевъ, маршаловъ, важныхъ сановниковъ, Таллейрана, Іосифа, Мюрата, Бернадотта, Фуше: тенденція, шагъ за шагомъ все ширившаяся отъ высокихъ чиновъ, высокихъ должностныхъ лицъ до супрефектовъ, податныхъ контролеровъ, отъ двора до фиска, отъ банкировъ до собственниковъ, отъ *друзей* Англіи и отъ *друзей* Россіи до простыхъ друзей порядка и общественныхъ суммъ: смотрѣть на пріобрѣтенныя имущества, на императорскія щедроты какъ на свое собственное наслѣдство, какъ на плату—часто чрезмѣрную—за ихъ услуги, какъ на благо, которое имъ досталось благодаря простому случаю ихъ рожденія, а слѣдовательно, не требовало отъ нихъ ни обязательствъ, ни благодарности. Преобладающей заботой было беречь то, что имъ принадлежало, и пользоваться, наконецъ, щедротами и благодѣяніями имперіи, какъ въ 1800 году масса новыхъ собственниковъ и новыхъ богачей желала пользоваться революціей и національными имуще-

ствами. Короче: миръ въ ограниченной имперіи и *имперія безъ императора.*

Окидывая взоромъ великую имперію, ея присоединенія, ея вассаловъ, ея союзниковъ, увидятъ аналогичное настроеніе въ европейскихъ націяхъ, не только угнетаемыхъ имперіей, но также, и даже въ большей степени, въ тѣхъ народахъ, которые призваны къ бытію имперіей, и которые, возникая, разбиваютъ ту форму, въ которую они отлиты ею.

Изъ всѣхъ народовъ, присоединенныхъ, принятыхъ въ союзники или порабощенныхъ, швейцарцы самые терпѣливые и самые нейтральные; бельгійцы— самые несговорчивые; голландцы—самые упрямые; итальянцы— самые ярые сепаратисты; испанцы— самые непримиримые; одни поляки— горячо преданные; лѣвобережные нѣмцы—самые усердные; правобережные нѣмцы—самые покорные, но въ душѣ враждебные; пруссаки—самые злобные. За этой линіей вліяніе въ это время едва замѣчалось, не дѣйствовало прямо, равнялось нулю, или было отрицательнымъ.

II.

Швейцарія служила проходомъ, который слѣдовало занять и держать въ своихъ рукахъ. Она жила смирно и до блокады благоденствовала. Національный духъ, угнетенный Директоріей въ 1798 году, сохранился неповрежденнымъ, достаточно сильнымъ, чтобы сдѣлать опаснымъ присоединеніе, которое вслѣдствіе вѣрности страны оказывалось безполезнымъ. Государственный организмъ этой республики окрѣпъ во время *посредничества* императора. Она пребывала въ мирѣ: Франція обезпечивала ей независимость и безопасность [1]). Она поставляла 20,000 человѣкъ въ четырехъ полкахъ и одномъ депо на содержаніи Франціи; но во время стараго порядка она держала 12,000 человѣкъ на службѣ короля, и эта служба въ нѣсколькихъ кантонахъ составляла нѣкоторую карьеру. Нельзя сказать, чтобы швейцарцы желали укрѣпленія Великой Имперіи, не съ большимъ правомъ можно сказать, чтобы они страстно желали паденія ея. Они ждали его, не возставая; они обрадовались ему. и главною причиною этого была *блокада,* которая стѣсняла ихъ промышленность; но въ этой радости они не доходили до излишествъ, такъ какъ изъ всѣхъ европейцевъ, находившихся подъ французскимъ главенствомъ, они пользовались наибольшей заботливостью, ихъ рѣже требовали изъ предѣловъ ихъ страны. Дѣло стояло совсѣмъ иначе въ странахъ, присоединенныхъ къ имперіи, какъ въ Женевѣ или въ Валлисѣ, гдѣ свирѣпствовали наборы; особенно въ Женевѣ, которая потеряла свою

[1]) Трактаты и конвенціи 27 сентября 1803 г.

автономію. Эта маленькая кальвинистическая и индивидуалистическая республика говорила по французски лишь для того, чтобы показать свое враждебное отношеніе къ Франціи: она завоевала интеллектуально французскую республику благодаря Руссо; совсѣмъ матеріальный реваншъ Наполеона казался ей невыносимымъ.

Консульство явилось благодѣяніемъ для бельгійцевъ [1]): оно освободило ихъ отъ директоріи, отъ воровского арріергарда, отъ отсталыхъ революціи. Они были благодарны Наполеону за все то зло, котораго онъ не дѣлалъ; они были благодарны ему за утвержденіе порядка, за возстановленіе религіи, за обезпеченіе собственности. Новые законы, гражданскій кодексъ, удовлетворяли старую партію реформъ, буржуазію. Старое дворянство оставалось враждебнымъ, крестьянство упрямилось. То, что дѣлало имперію популярной во Франціи, было для здѣшнихъ крестьянъ безразличнымъ, когда оно не было для нихъ ненавистнымъ. Слава не уменьшала имъ тяжести наборовъ. Они не имѣли охоты ни биться, ни платить налоги въ зачетъ французовъ. Они оставались слишкомъ бельгійцами, привязанными къ своимъ преданіямъ, помнящими свои обычаи, желающими вернуть свою независимость, свои провинціальныя вольности. Единство мучило ихъ. Разрывъ между Наполеономъ и папою нигдѣ не чувствовался такъ живо, какъ въ этой странѣ, гдѣ католичество сохранило всю свою силу, было связано съ жизнью народа безчисленными братствами. Это были тѣ же бельгійцы, которые возстали противъ Іосифа II, потому что этотъ императоръ желалъ принудить ихъ къ порядкамъ «просвѣщенія». Режимъ Іосифа былъ лишь абрисомъ наполеоновскаго. Наполеонъ исполнилъ то, что Іосифъ неясно проектировалъ. Впрочемъ бельгійцы имѣли пользу отъ его бдительной администраціи, отъ улучшенія путей сообщенія, но блокада стѣсняла ихъ дѣятельность. Антверпенъ, предназначенный стать первымъ портомъ на Ла-Маншѣ, оставался портомъ инертнымъ, переполненнымъ порожними кораблями, назначенными для нападенія на Англію. Бельгійцы желали конца кризиса, который предоставилъ бы ихъ самимъ себѣ. Они очень мало помышляли объ Австріи; почти всѣ думали о независимой Бельгіи, что составляло мечту ихъ отъ 1789 по 1792 годъ, во время Дюмурье: о бельгійскихъ соединенныхъ штатахъ. Они созрѣли для вторженія; они видѣли въ немъ освобожденіе.

То же самое, и съ большимъ правомъ, представляетъ Голландія. И однако, въ этой самой странѣ законы имперіи, запечатлѣнные духомъ равенства, хотя они и менѣе новы и кажутся менѣе необходимыми, чѣмъ въ дру-

[1]) Ср. т. I, стр. 108: Іосифъ II.

© ГПИБ СОРАН

гихъ мѣстахъ, не минуютъ улучшить условія жизни. Франція бросаетъ сѣмена прогресса, которыя взойдутъ послѣ того, какъ ея арміи перестанутъ топтать почву. Пока это еще не пришло, самое очевидное послѣдствіе директоріальной верховной власти и наполеоновскаго владычества заключается въ разрывѣ дружественныхъ традицій, долго существовавшихъ между голландцами и французами, въ уничтоженіи памяти о Генрихѣ IV, въ пробужденіи воспоминаній о Людовикѣ XIV, и въ томъ, что на великую націю распространилась вражда, которая въ былое время простиралась на великаго короля. Были и другія послѣдствія! Упраздненіе федеративнаго строя, раздѣленіе страны на департаменты, единая и централизованная власть, навязанная государственными переворотами директоріи и доведенная до своего предѣла Наполеономъ, разбили старую форму, въ которую отлилось нидерландское государство, и вышколили для монархическаго правленія народы, которые такъ долго были вѣрны своей республиканской олигархіи и своимъ провинціальнымъ вольностямъ. Сдѣлать возможнымъ установленіе въ Голландіи враждебной Франціи монархіи и преобразовать все голландское государство въ *оплотъ*, въ былое время задуманный противъ Людовика XIV, вотъ что приготовляется съ 1795 года, что возвѣщается въ 1810 году, что будетъ сдѣлано въ 1814 году безъ усилія и съ согласія самихъ же голландцевъ. Ходъ событій склоняетъ къ англійскому главенству ту націю, которую Франція держитъ скованною и разоряетъ, принужлая ее силою вступить въ коалицію противъ Англіи. Англичане, отъ которыхъ они столько выстрадали ради дѣла Франціи, покажутся имъ освободителями, когда они прогонятъ французовъ.

III.

Въ Италіи существуютъ три владычества: французскіе департаменты, королевство итальянское, королевство неаполитанское; кромѣ того, включенныя въ нихъ территоріи: княжество Элизы, Беневентъ, Понте-Корво. Въ дѣйствительности вездѣ господствуетъ Франція: она царствуетъ черезъ подставныхъ лицъ тамъ, гдѣ она не правитъ непосредственно. Важная новость въ томъ, что Италія перестала быть лишь географическимъ терминомъ: есть «итальянское королевство»; это королевство имѣетъ свои границы, открытыя для итальянцевъ.

Итальянцы, хотя и находятся подъ надзоромъ чужеземной полиціи и на иностранной службѣ, вращаются въ Италіи, чувствуютъ тамъ, что они у себя: они имѣютъ отечество уже не только въ книгахъ и на словахъ; они въ немъ еще не свободные граждане и не хозяева, но они

знаютъ его, они осязаютъ его въ почвѣ, которую топчутъ ихъ ноги, въ воздухѣ, которымъ они дышутъ. Французскіе департаменты—Римъ, Тоскана, Пьемонтъ—управляются по французски, французскими законами, французскими префектами и агентами. Въ итальянскомъ королевствѣ, гдѣ назначенъ вице-королемъ Евгеній, существуетъ то же управленіе, дѣйствующее черезъ посредство итальянцевъ, и почти то же самое происходитъ у Мюрата, въ Неаполѣ. Итакъ, въ этой странѣ, которая недавно дробилась на части и была изрѣзана стѣнами, существуетъ единство законовъ; единство соціальнаго представленія, единство представленія политическаго, тожество образа правленія, сходство администраціи. Наполеонъ воспитываетъ ихъ для національнаго единства; онъ образуетъ изъ нихъ кадры, создаетъ изъ нихъ органы; онъ заинтересовываетъ въ этомъ весь народъ при помощи своего гражданскаго кодекса. Онъ исполняетъ планъ, набросанный имъ въ 1797 году: мало-по-малу уничтожить мѣстное соперничество, создать, освободить, воспитать единую національную душу. «Мое желаніе,—говорилъ онъ на островѣ святой Елены,—было, чтобы послѣ моей смерти вся Италія объединилась въ одно королевство, имѣя своей столицей Римъ, и чтобы его государемъ былъ мой второй сынъ».

Вся Италія принадлежала Наполеону, и вслѣдствіе этого факта она дѣйствительно была единая. Сближеніе людей благодаря военной службѣ въ одной и той же арміи, въ великой арміи, въ которой они были вспомогательными войсками, если они не были въ ней по конскрипціи, и въ которой они образуютъ одно изъ ея крыльевъ; сближеніе классовъ благодаря равнымъ законамъ; возстановленіе античныхъ памятниковъ; римскія традиціи, разбужепныя и возвеличенныя; открытые пути, безопасность гражданской жизни, лучшее правосудіе, просвѣщенная администрація; меньше злоупотребленій и незаконныхъ поборовъ; порядокъ, громадныя общественныя работы, орудія благосостоянія:—вотъ что наблюдалось при проѣздѣ по департаментамъ въ королевствѣ и въ меньшей степени, хотя впрочемъ въ степени очень внушительной, въ Неаполѣ. «Рабство украшалось», говоритъ Ботта. Обращаюсь за справками къ одному современнику, попавшему въ опалу во время имперіи, котораго нельзя заподозрить ни въ угодливости Наполеону, ни въ суевѣрномъ преклоненіи передъ революціей, ни во враждебности къ павшимъ монархіямъ, но который обладалъ чутьемъ къ величію исторіи и въ высокой степени инстинктомъ понималъ величіе французской исторіи, къ Шатобріану: «Эти новыя королевства военной династіи, говоритъ онъ по поводу Неаполя, воскресили жизнь въ странахъ, гдѣ раньше замѣчалась болѣзненная вялость дряхлой расы. Казалось, возвратились Робертъ Гвискаръ, Виль-

© ГПНТБ

гельмъ Желѣзная Рука, Рожеръ и Танкредъ... [1]) Мы принесли въ Римъ зародышъ администраціи, которой тамъ не было. Римъ, ставшій главнымъ городомъ тибрскаго департамента, былъ упорядоченъ превосходнѣйшимъ образомъ... Французы, проходя черезъ Римъ, оставили въ немъ свои принципы: именно это происходитъ всегда, когда завоеваніе сдѣлано народомъ, который въ цивилизаціи ушелъ дальше, чѣмъ народъ, подвергшійся этому завоеванію... Наполеонъ великъ тѣмъ, что онъ совершеннымъ образомъ оживилъ, просвѣтилъ Италію и правилъ ею».

Но, естественно, такое преобразованіе ведетъ къ мысли о *risorgimento* (возрожденіи), которая назрѣваетъ въ тайныхъ обществахъ, у карбонаріевъ, въ массонскихъ ложахъ: съ 1797 года все, что было въ Италіи ведущаго свое начало прямо отъ французской революціи, отождествляло себя съ ея духомъ, воспламенялось любовью къ единству Италіи. Эта страсть принимаетъ опредѣленную форму. Италія существуетъ: дѣло итальянцевъ завладѣть ею. Мысль подаетъ Франція, французы осуществили ее; но эта идея направляется противъ французовъ и ихъ господства, и эта партія, вполнѣ національная, стремится изгнать французовъ изъ Италіи, какъ недавно изгнали нѣмцевъ!

Италія для итальянцевъ! *Имперія безъ императора* французской оппозиціи. Это значитъ сохранить благія стороны наполеоновскаго владычества, свергнувъ съ себя иностранное главенство. Какъ во Франціи находится много выскочекъ, надѣленныхъ Наполеономъ бенефиціями и пожалованіями, которые втайнѣ желаютъ такой развязки, и которые, когда наступитъ часъ, посодѣйствуютъ ей къ своей выгодѣ, такъ въ Италіи, въ противоположность лояльному Евгенію и осторожной Элизѣ, есть зять императора, солдатъ республики, ставшій королемъ милостью императора, помышляющій о такой измѣнѣ, чтобы ея размѣръ и ея возвышенные мотивы придали нѣкоторый видъ завоевательной авантюры:—желающій объединить разрозненныя части государства, собрать силы націи и довершить единство, сдѣлавшись итальянскимъ королемъ.

Мюратъ, ревнивый къ своей независимости, по крайней мѣрѣ, изъ-за своего военнаго тщеславія, относится не шутя къ своему царствованію и къ своей коронѣ: считаетъ себя предназначеннымъ судьбою для возрожденія Италіи и считаетъ Италію необходимой для своей славы. Генуэзецъ Магелла, креатура Саличетти и его замѣститель въ министерствѣ полиціи, заговорщикъ во власти, какъ во Франціи Фуше, съ которымъ онъ, кажется, соперничаетъ, льститъ этой невысказавшейся страсти, волнуетъ своими національными утопіями эту романическую и пустую голову, и съ этой поры Мюратъ не разстается со своей мечтой, которая сдѣлаетъ его измѣнникомъ своему отечеству по рожденію, героической жертвой и игрушкой отечества, которое онъ избралъ себѣ. Озабоченный, слишкомъ преждевременно—со времени брака—враждебностью, которую онъ приписываетъ австрійскому дому по отношенію къ *его* дому, онъ старается обезопасить себя самостоятельно и, чтобы добиться гарантій, предлагаетъ залогъ. Онъ пускается въ подозрительныя интриги. Вильямъ Бентинкъ, англійскій проконсулъ въ Сициліи, обманываетъ его, и, съ цѣлью погубить его, будетъ поддерживать его въ иллюзіи, будто бы Англія, изъ признательности за его измѣну, признаетъ *его* королевское достоинство, будетъ способствовать его гегемоніи въ Италіи; таковы во Франціи *друзья Англіи*, которые воображали, будто при помощи этой самой измѣны получатъ конституціонную монархію и границы республики: *имперію безъ императора!*

Таково же было желаніе Іосифа, если бы честолюбіе не толкало его дальше: сдѣлаться императоромъ этой самой имперіи. Хитрые друзья побуждали его оставить Испанію, которая отвергаетъ его: всю отвѣтственность за катастрофу онъ свалитъ на императора; его будутъ считать непризнаннымъ совѣтникомъ, жертвой политики; въ своемъ пышномъ уединеніи онъ будетъ дожидаться своего реванша, реванша философа,—своего времени, времени мира; настоящее будетъ пріятнымъ, будущее интереснымъ. Но Іосифъ не можетъ разстаться со своимъ королевскимъ достоинствомъ; испанцы, въ его глазахъ,—заблуждающіеся подданные, въ которыхъ только Наполеонъ и его маршалы поддерживаютъ враждебное настроеніе. Беременность Маріи-Луизы уменьшаетъ его шансы наслѣдовать имперію. Наконецъ, онъ пригвожденъ къ трону своимъ глубокимъ тщеславіемъ. Онъ грозитъ отреченіемъ, когда воображаетъ, что его угроза обезоружитъ Наполеона. Онъ сердится и цѣпляется за корону, когда воображаетъ, что Наполеонъ желаетъ его, какъ Людовика, довести до отреченія. «Я могу оставаться здѣсь лишь постольку, поскольку я буду въ состояніи дѣлать добро для испанской націи, служа политикѣ императора», и онъ остается, мѣшая политикѣ императора, ненавидимый или презираемый испанцами [1]).

Испанія, убогая, неистовствующая, со своей нищетой идей и неимѣніемъ войска, безъ мыслителей, безъ поэтовъ, продолжаетъ защищать свою суровую изолированность, свои скалы, свою инквизицію, въ войнѣ,

[1]) Онъ прибавляетъ: «Кромѣ рыцарства», это выраженіе самого автора. У Мюрата было, по крайней мѣрѣ, столько же *рыцарства* въ душѣ, какъ и у этихъ знаменитыхъ норманновъ, да было и еще кое-что, перешедшее къ нему отъ революціи.

[1]) *Mémoires de Miot.*—Joseph à Napoléon, 7 septembre 1800. Ducasse.

© ГПИБ

слава которой остается безымянною, какъ ея жестокіе герои. Для французовъ это—неслыханная эпопея разбойничества и рыцарства. Скачка, ночью, среди засадъ; для попавшихся—муки, сдираніе кожи, смерть въ смрадной грязи. Если доберутся до мѣста, находятъ старинные мрачные замки, внутри разрисованные золотомъ, роскошные обѣды, балы; по выходѣ ихъ ждутъ пустыни, усѣянныя костями, оазисы, ключи воды, бьющіе веселыми снопами, въ бассейнахъ, въ тѣни лимонныхъ и кипарисныхъ деревьевъ; бесѣдки изъ виноградныхъ лозъ, померанцовыя деревья, круглый годъ цвѣтущія и дающія плоды; женщины у оконъ, наслаждающіяся стыдомъ французовъ, если они побѣждены, завлекающія ихъ улыбками, если они побѣдители; Аріостовы сцены приключеній Роланда у сарацынъ, наслажденія мусульманской Сициліи и радушной Палестины; религія и фанатизмъ во всемъ, до разврата включительно; кровожадные монахи; попы-палачи; женщины, которыя отдаются изъ чувственности, и которыя изъ патріотизма выдаютъ своихъ любовниковъ; чернь терроризированная и терроризирующая; жестокосердыя мегеры, позорныя непристойныя пытки; дикія изнасилованія, избіенія, вѣшанія, поджоги; ужасающее соединеніе Донъ-Кихота и Монтлюка, *romancero* Сида и «Tragiques» Агриппы Обинье [1]).

Испанцы боролись, чтобы остаться самими собою: война нимало не измѣнила ихъ. Они подаютъ великій примѣръ, но они не извлекаютъ изъ него пользы. Они не сумѣли найти пути, который отъ завоеванной независимости ведетъ къ національному величію. Ихъ ненависть къ французамъ была безплодна, какъ ихъ скалы, убійственна, какъ ихъ болота.

Не то, чтобы это было дуновеніе, которое пронеслось надъ ними, не коснувшись ихъ. Во время борьбы образуется меньшинство изъ либеральныхъ патріотовъ, на подобіе жирондистовъ 1792 года. Но эта партія, которой въ продолженіе многихъ лѣтъ суждено было давать лишь жертвы, порождала сначала только мечтателей. Таковы ораторы кортесовъ, которые собираются въ Кадиксѣ въ 1810 году и вырабатываютъ конституцію, объявленную въ 1812 году. Въ своей работѣ они вдохновляются французской конституціей 1791 года, примѣняя ее впрочемъ боязливо и весьма по-испански въ пунктѣ о религіи: свобода совѣсти исключена. Эта конституція, представлявшая всѣ недостатки той, которая служила для нея образцомъ, осталась знаменитой въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, она сохранила обаяніе утопіи тѣхъ героическихъ временъ, въ которыя она родилась.

[1]) *Souvenirs* d'Espinchal, Parquin, Rocca, Gonneville, Lejeune, Thiébault, Marbot, Pepe; lettres de Bugeaud; propos de Lassal, dans Roederer.

Въ прочемъ Испанія—военная машина противъ иностранцевъ. Ничто не успокаивало испанцевъ, ничѣмъ нельзя было привлечь ихъ къ себѣ. Хорошіе управители, гуманные, честные, просвѣщенные, какъ Сюше въ Арагоніи, могли вызывать уваженіе къ человѣку; они нисколько не ослабили отвращенія къ народу-завоевателю. Ими владѣетъ, двигаетъ, ихъ соединяетъ одно страстное желаніе: изгнать французовъ, такъ же изгнать казнокрадовъ-маршаловъ, какъ и обременительный дворъ Іосифа, жалкаго короля и проклинаемыхъ солдатъ, заодно осуждая императора, его брата и французскую націю. Революціонный приливъ похожъ на приливъ океана, гонимый западнымъ вѣтромъ противъ громадныхъ береговыхъ утесовъ: онъ вздувается огромными волнами, бросается на приступъ, разбивается о каменную стѣну; снова падаетъ, превращенный въ пѣну, обрушивается на себя самого и поглощаетъ несчастныхъ моряковъ, которыхъ онъ унесъ съ собой, когда несся на приступъ неприступнаго утеса.

Нужно перенестись на другой конецъ имперіи, чтобы найти страну, гдѣ дѣйствіе Франціи сказывалось бы просто, непосредственно, благодѣтельнымъ, либеральнымъ образомъ, такъ, какъ это должна была задумать Франція,—въ Польшу, или, вѣрнѣе, въ герцогство Варшавское [1]). Дѣло въ томъ, что Наполеонъ снова принялся тамъ за дѣло національнаго возрожденія, прерванное въ 1791 году [2]). Конституціонный статутъ 22 іюля 1807 года, дополненный гражданскимъ кодексомъ въ маѣ 1808 года, есть конституція 3 мая 1791 года, приспособленная къ новымъ потребностямъ и передѣланная въ духѣ «учрежденій» имперіи. Въ соціальной области сдѣланъ громадный шагъ: уничтожено крѣпостное состояніе, и чтобы постепенно поднять народъ отъ вольноотпущенныхъ до положенія свободнаго собственника и гражданина, введены равенство классовъ и гласность суда. Въ области политики: наслѣдственный герцогъ, съ министрами, отвѣтственными и образующими государственный совѣтъ; законодательный корпусъ, избираемый шляхетствомъ и городами; сенатъ, назначаемый герцогомъ; вотированіе налоговъ и обсужденіе законовъ. Въ арміи: открытое производство въ чины и доступъ всѣмъ къ орденамъ и почестямъ. Но, хотя Наполеонъ пытается воскресить Польшу, онъ не можетъ извлечь ея изъ гроба въ состояніи иномъ, чѣмъ то, въ какомъ она была погребена. Варшавское герцогство есть лишь отломокъ отъ Польши, расчлененной въ 1793 году, разорванной на части въ 1795 году. Польша приходитъ въ себя со всѣмъ мужествомъ и благородными химерами, помогавшими ей такъ долго за-

[1]) Bignon, Rambaud; Bonnefons, *Saxe; Corr. de Davout.*
[2]) См. т. II, стр. 92 и сл., 378 сл.

щищать свою жизнь, но также со всѣми факціями, соперничествами, которыя погубили ее и предали въ руки ея враговъ. Продолжается прежняя борьба законодателей-патріотовъ 1791 года, гражданъ-героевъ, великаго четырехлѣтняго сейма, теперь сторонниковъ Франціи и реформъ во французскомъ духѣ, противъ тарговицкихъ конфедератовъ 1792 г., аристократовъ русской партіи. Эти магнаты, пишетъ Даву, желали «нашего содѣйствія лишь для того, чтобы вернуть свое деспотическое вліяніе; они никогда не любили насъ». Реформы задѣвали ихъ въ ихъ богатствѣ, въ ихъ гордости. «Мелкая шляхта, которой нечего терять при перемѣнахъ, значеніе и имущественныя блага которой могутъ только выиграть отъ нихъ, буржуа, который всего ждетъ отъ французскихъ принциповъ и ничего отъ благородства магнатовъ, составляютъ массу другой партіи: нѣтъ недостатка въ людяхъ предпріимчивыхъ и просвѣщенныхъ. Можно было бы опасаться лишь экзальтаціи этой партіи. Этотъ классъ оказывается единственнымъ орудіемъ, которое можетъ служить планамъ Франціи: онъ стремится образовать единый народъ. Его интересы находятся въ согласіи съ нашими» [1]).

Людей много. Денегъ нѣтъ: *блокада* дѣлаетъ безплодной земледѣліе, уничтожаетъ торговлю хлѣбомъ, единственные источники богатства. Двадцать незаплаченныхъ милліоновъ, двадцать милліоновъ годового дефицита. Потомъ не хватаетъ времени. Герцогство есть лишь часть оправы, охватывающей имперію; эта часть тяжеловѣсна, и, находясь на самомъ краю ея, она опрокинется при первомъ толчкѣ рычага. Наполеонъ только и сдѣлалъ, что прошелся по Польшѣ. Какъ у комитета общественнаго спасенія, какъ у директоріи, у Наполеона его сочувствіе къ Польшѣ всегда подчинялось интересамъ его политики въ Россіи, въ Австріи, въ Пруссіи. Во всякомъ случаѣ, онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ два предшествующія правительства, и онъ сдѣлалъ достаточно, чтобы его вліяніе было глубоко, и чтобы его вмѣшательство оставило прочные слѣды. Нигдѣ наполеоновская легенда не осталась болѣе популярной и болѣе живучей. Это—рѣдкая нація между всѣми тѣми, которыя занимали французскія войска отъ 1792 по 1813 годъ, въ которой они оставили лишь великія воспоминанія безъ горечи и посѣяли лишь благодарность; нація, въ которой отнюдь не желали, въ 1810 году, ни паденія Франціи, ни уменьшенія ея могущества, и въ которой въ памяти людской ни Францію не отдѣляли отъ Наполеона, ни имперію отъ императора.

Это была бы единственная нація, если бы не Иллирія, эта другая окраина въ славянской странѣ. Въ Польшѣ французское главенство раз-

[1]) Davout, 9 octobre 1808.

будило великій народъ, повергнутый на землю, изувѣченный, измученный. Здѣсь оно призываетъ къ жизни народы, которымъ исторія не оставила другихъ воспоминаній, кромѣ воспоминаній о государяхъ, извлекавшихъ изъ нихъ пользу безъ ума и безъ справедливости. Законы—гражданскій кодексъ—справедливые судьи, бдительная администрація; проложенныя дороги, потоки, задерживаемые плотинами, рѣчки, исправленныя въ ихъ руслахъ; школы, религіозная терпимость; все неизвѣданное, все благодѣяніе просвѣщеннаго правительства, вотъ что принесло имъ, подъ побужденіемъ императора, французское правленіе Мармона. Поэтому, говоритъ одинъ недавній изслѣдователь этихъ странъ, его имя попадается вездѣ. Нѣтъ ни города ни деревни, въ которыхъ бы не было улицы или площади Мармона. «Онъ сѣлъ на коня», разсказываютъ крестьяне, «и сказалъ: «Чтобы были проложены дороги!» И когда онъ сошелъ съ коня, дороги были готовы!» [1])

IV.

Нигдѣ въ гражданскомъ обществѣ революція не была болѣе дѣйствительной, болѣе прочной, не привела къ болѣе полной революціи въ управленіи людьми, какъ на лѣвомъ берегу Рейна: она едва было не повлекла за собою даже преобразованія національности, и это было въ существенной части дѣломъ консульства и имперіи [2]). Конвентъ завоевалъ и присоединилъ землю; Наполеонъ ассимилировалъ и пріобрѣлъ расположеніе людей. Онъ далъ имъ не только римскій миръ, миръ имперіи, но далъ французское отечество. Тѣ привязанности къ Франціи, которыя уцѣлѣли въ этихъ странахъ, обязаны этимъ высшей администраціи, имперскимъ префектамъ, вышедшимъ изъ революціи, каковъ Жамбонъ Сентъ-Андре въ Майнцѣ [3]); справедливой юстиціи; порядку въ собираніи налоговъ, уничтоженію помѣщичьяго строя, доступной всѣмъ собственности, словомъ,—гражданскому кодексу; религіозной терпимости; поощренію промышленности, процвѣтанію земледѣлія благодаря военнымъ поставкамъ; большому количеству рынковъ, открытыхъ для труда, для честолюбія въ арміи, въ вѣдомствѣ судебномъ, таможенномъ; всѣмъ выгодамъ, какія доставляло людямъ, говорящимъ на двухъ языкахъ, постоянное расширеніе великой имперіи на счетъ нѣмецкой территоріи; наконецъ, тутъ

[1]) Pisani, *la Dalmatie.*—René Millet, *les Balkans.*—Charles Diehl.

[2]) Ernest Denis, *l'Allemagne.* — Rambaud, *l'Allemagne sous Napoléon.* — Perthes, Hüffer, Häusser.—Bockenheimer, *Mainz.*—Hesse, *Bonn.*—Сравните, т. I, стр. 343; т. IV, стр. 119; т. V, стр. 138; т. VI, стр. 258.

[3]) Sainte-Beuve, *Nouveaux Lundis*, t. VIII.—Puymaigre, *Souvenirs.*—Beugnot, *Mémoires.*

дѣйствовали честь и выгоды союза съ великимъ счастливымъ народомъ, распоряжающимся дѣлами, имѣющимъ самое просвѣщенное на континентѣ правительство, самую славную армію, дѣйствовала гордость служить великому человѣку и раздѣлять славу первой въ мірѣ націи. «Образъ правленія, пишетъ одинъ нѣмецъ [1]), былъ суровый и твердый; тѣмъ не менѣе прирейнцы жили объединенные въ одно счастливое цѣлое, и благодаря величинѣ ихъ страны, благодаря взаимной дѣятельности, они легко удовлетворяли своимъ нуждамъ; они имѣли либеральную конституцію и положеніе равное съ другими; любезное и въ то же время либеральное обращеніе французовъ они находили болѣе пріятнымъ, чѣмъ жесткій и педантичный тонъ своихъ нѣмецкихъ соплеменниковъ. Они вовсе не чувствовали или чувствовали въ очень слабой степени ту нищету, которою Наполеонъ наполнялъ Европу, потому что ихъ территорія служила складочнымъ мѣстомъ, гдѣ Франція хранила свою добычу. Они видѣли, что въ ихъ собственной странѣ употребляются и расходуются не только совокупность ихъ собственныхъ налоговъ, но и значительныя суммы, притекающія со всей имперіи».

Департаменты лѣваго берега Рейна въ имперіи Наполеона были тѣмъ, чѣмъ былъ Эльзасъ при старомъ порядкѣ по отношенію къ Рейнской лигѣ, только Эльзасъ болѣе обширный по отношенію къ Рейнской лигѣ очень расширенной. Жители прирейнскихъ областей въ глазахъ Наполеона суть французы, и онъ обращается съ ними какъ съ таковыми; нѣмцы праваго берега суть иностранцы. Онъ правитъ, желая слить первыхъ съ Франціей, а вторыхъ подчинить французской политикѣ. Хотя онъ и властвуетъ на обоихъ берегахъ Рейна, все-таки Рейнъ есть астава политическая, таможенная, полицейская и цензурная. Движеніе съ одного берега на другой затруднительно. Здѣсь Наполеонъ не помышляетъ, какъ въ Италіи, о сліяніи народностей. Его Германія будетъ оставаться раздробленной и конфедеративной. Его политика есть лишь продолженіе и расширеніе политики прежнихъ королей и комитета общественнаго спасенія. Если, подобно этому комитету, работу котораго онъ продолжалъ въ Германіи такъ же, какъ повсюду въ Европѣ, если онъ упрощаетъ карту и приготовляетъ единство, то онъ дѣлаетъ это дѣло, не зная его послѣдствій: видитъ въ немъ лишь средство царствовать и способъ завершить послѣдствія Вестфальскаго мира [2]).

Въ переустроенной такимъ образомъ, согласно «свѣточамъ вѣка», Германіи, наполеоновскія монархіи назначены сдѣлаться очагами фран-

[1]) Boost, *Was waren die Rheinländer*. (*Revue critique*).

[2]) Ср. т. I, стр. 223, 319; т. IV, стр. 170, 172, 229; т. V, стр. 214.

цузскаго вліянія, образцами для государей, центрами сближенія для народовъ, главнымъ штабомъ для Рейнскаго союза. Онѣ составляютъ переходную ступень между присоединеніемъ и вассальнымъ положеніемъ, и Наполеонъ внесъ туда все то, что онъ считалъ возможнымъ внести изъ французской революціи въ законы, изъ французской имперіи въ правительства. «Нужно, писалъ онъ Іерониму, чтобы ваши народы пользовались нѣкоторой *свободой*, равенствомъ, благосостояніемъ, которыя неизвѣстны народамъ Германіи, и чтобы это *либеральное* правительство такъ или иначе произвело перемѣны, наиболѣе благодѣтельныя для системы Рейнскаго союза и могущества вашей монархіи».—«Чего съ нетерпѣніемъ желаютъ германскіе народы, такъ это того, чтобы люди вовсе незнатные и талантливые имѣли равное право на уваженіе (правительства) и на должности, чтобы цѣликомъ были упразднены всякій видъ крѣпостничества и промежуточныя узы между сувереномъ и послѣднимъ классомъ народа... Такое управленіе глубоко тронетъ Германію» [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, для нѣмцевъ Вестфаліи и Гессена самою хорошею новостью было слышать обнародованіе и видѣть осуществленіе къ ихъ выгодѣ такихъ статей, какъ слѣдующія: «Равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ и свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ; упраздняется всякое крѣпостное состояніе, какого бы то ни было характера и подъ чьей бы то ни было властью. Система налоговъ будетъ одна и та же для всѣхъ частей королевства. Дворянство остается... въ своихъ титулахъ, но не даетъ ни исключительнаго права на какую-нибудь службу или высшій чинъ и не освобождаетъ отъ какой бы то ни было общественной повинности. Наполеоновскій кодексъ будетъ гражданскимъ закономъ королевства... Судопроизводство будетъ публичное, и судъ присяжныхъ будетъ примѣняться въ дѣлахъ уголовныхъ». Даже конскрипція показалась имъ матеріальнымъ и моральнымъ облегченіемъ сравнительно съ вербовкой при помощи палокъ: рекруты поступали въ вестфальскіе полки на службу къ своему собственному королю; они находили болѣе почетнымъ и выгоднымъ сражаться вмѣстѣ съ «Великой Арміей», чѣмъ идти на убой, чтобы добыть своимъ государямъ нѣсколько мѣшковъ фунтовъ стерлинговъ. «Рѣдко какая страна, говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ, получала такіе хорошіе законы, какъ это эфемерное королевство». При этомъ хорошіе министры, умные и неподкупные: вышед-

[1]) Napoléon à Jérôme, 15 novembre 1807: constitution du royaume.—Ducasse, *les Rois frères*.—Kleinschmidt, *Westfalen*.—Goecke, *Westphalen, Berg*.—Thimme, *Hannover*. Darmstaedter, *Frankfurt*.—Perthes, Haüsser.—*Mémoires* de Thiébault, de Norvins, du roi Jérôme, de Beugnot.—Lang, *Reinhart*.

© ГПИБ

шіе изъ революціи французы; нѣмцы, воспитанные въ школѣ просвѣщеннаго деспотизма. Но, каково бы то ни было реальное благодѣяніе этого порядка управленія, каковы бы ни были—а они казались безграничными—покорность народовъ, раболѣпство дворянъ и буржуа, все пропадало, все портилось по причинѣ слѣдующихъ двухъ недостатковъ, связанныхъ не съ образомъ правленія, а съ обстоятельствами: Наполеонъ требовалъ слишкомъ много людей, лошадей и пушекъ; король Іеронимъ требовалъ черезчуръ много денегъ, былъ мотъ, распутникъ и истощалъ государство на постройки, камергеровъ, любовницъ, на архитектурныя украшенія и маскарады. Сдѣлавъ этого пріятнаго и жизнерадостнаго морского офицера нѣмецкимъ королемъ, Наполеонъ отдалъ его въ жертву всѣмъ излишествамъ старой княжеской Германіи. Этотъ король становится главнымъ препятствіемъ успѣху своего правительства и прочности своего королевства.

Отсюда происходитъ у народовъ сначала инстинктивное, потомъ, мало-по-малу, сознательное желаніе избавиться отъ иностранной эксплоатаціи, при полномъ сохраненіи выгодъ иностраннаго правленія. Вестфальское королевство, задуманное съ цѣлью привести Германію къ французскому главенству, въ дѣйствительности работаетъ для пробужденія нѣмецкаго духа и для того, чтобы бросить въ него надежду или иллюзію какой-то лучшей Германіи, которая соединяла бы благодѣтельныя стороны завоеванія съ достоинствомъ и пріятностью отечества.

Великое герцогство Бергъ, учрежденное для Мюрата, пожалованное сыну Людовика и Гортензіи, есть просто миньятюра Вестфальскаго королевства. Старые дворяне, хотя и раболѣпные, меньше всѣхъ другихъ довольны имъ; евреи больше всѣхъ не могутъ имъ нахвалиться. Генрихъ Гейне, бывшій тогда въ школѣ, въ Дюссельдорфѣ, оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ своихъ поэмахъ неизгладимое впечатлѣніе этихъ лѣтъ [1]): «Дочь одного кузнеца въ окрестности, сдѣлавшись герцогиней, разсказывала моей матери, что ея мужъ выигралъ много битвъ, что онъ скоро получитъ повышеніе и достигнетъ степени короля... Вотъ моя мать и мечтала для меня о самой блестящей военной карьерѣ, желала посвятить меня на службу императору». Когда Ганноверъ былъ присоединенъ отчасти къ Вестфаліи, онъ подпалъ подъ тотъ же режимъ. Этотъ режимъ былъ въ немъ болѣе суровъ, потому что *блокада* въ немъ должна была быть болѣе строгой. То же самое было въ департаментахъ, образованныхъ въ Нижней Германіи и на Эльбѣ въ декабрѣ 1810 года: таможенные и военные посты; владычество казалось тамъ невыносимымъ для народа.

[1]) Holzhausen, *Heine und Napoleon*.

Наполеонъ только о томъ и думалъ, какъ бы подчинить ихъ; онъ не помышлялъ привлечь ихъ къ себѣ.

Въ государствахъ Рейнскаго союза, въ которыхъ остались нѣмецкія династіи, наблюдаются тѣ же признаки, что въ Вестфаліи и въ великомъ герцогствѣ Бергъ [1]). Вассальные короли предаются тѣмъ же расчетамъ, и еще съ большей легкостью, которымъ предаются короли-братья: сохранить корону и земли, освобождаясь отъ императорскаго ига. Наполеонъ мало вмѣшивается въ ихъ правленіе, только бы они поставляли свои контингенты войскъ. Во всякомъ случаѣ, онъ желалъ бы видѣть, чтобы они приняли мало-по-малу тотъ порядокъ правленія, который онъ организуетъ въ Вестфаліи; желалъ бы сдѣлать кодексъ Наполеона гражданскимъ закономъ всей Германіи [2]). Мало-по-малу его идеи проникаютъ въ Баварію, особенно подъ управленіемъ Монжела. Германія лучше, или, если угодно, менѣе дурно управляется, и въ этомъ случаѣ вліяетъ примѣръ Франціи. Самая выгода государей требуетъ улучшать свои правительства, подобно тому, какъ улучшаютъ свои почвы, чтобы получить съ нихъ большій сборъ [3]).

Къ тому же имъ надо считаться со своими народами. Съ этой поры въ Германіи есть германцы, и это не самая незначительная странность французскаго главенства, что оно открыло это самимъ же нѣмцамъ, безъ всякаго сомнѣнія, безъ вѣдома Наполеона и противъ всѣхъ его расчетовъ. Его ошибка относительно ихъ вовсе не была у него ошибкой личной, и, если онъ судилъ о нихъ съ меньшей проницательностью, чѣмъ объ итальянцахъ, такъ это потому, что онъ совсѣмъ не зналъ ихъ лично и удовлетворялся въ этомъ случаѣ донесеніями дипломатовъ, общепринятымъ во Франціи мнѣніемъ. Дальбергъ, самый низкопоклонный изъ всѣхъ, «князь-примасъ» и послѣдній оставшійся въ живыхъ изъ церковныхъ князей, пожелалъ, чтобы Рейнскій союзъ сдѣлался новой Германіей. — «Вздоръ! сказалъ Наполеонъ, я сразу оборвалъ эти увлеченія въ сторону: Господинъ аббатъ, я довѣрю вамъ одну тайну. Въ Германіи слабые желали бы покровительства противъ сильныхъ. Сильные желаютъ править по своей фантазіи; а такъ какъ я не желаю никакой федераціи, кромѣ федераціи людей и денегъ, и такъ какъ дать мнѣ то и другое могутъ сильные, а не слабые, то я оставляю въ покоѣ первыхъ, и вторымъ остается устраиваться, какъ они смогутъ» [4]).— «Рейнскій союзъ, пишетъ Шатобріанъ, смотрѣвшій съ самаго высокаго и отдаленнаго пункта,

[1]) Bonnefons, *Saxe*.—Eckart, *Mongelas*.—Perthes.
[2]) A Champagny, 31 octobre 1807.—Ср. т. I, стр. 343.
[4]) Metternich, *Mémoires*, t. I, p. 58.

© ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СОЮЗ

это—дѣло, не доведенное до конца, требовавшее много времени... Оно вдругъ выродилось въ умѣ того, кто его задумалъ... Отъ глубокой комбинаціи осталась лишь машина для пополненія казны и солдатъ... Сборщикъ податей и наборщикъ рекрутъ заняли мѣсто великаго человѣка» [1]).

Но, какъ ни матерьяльно это произведеніе, оно продолжаетъ существовать и далеко простираетъ свои послѣдствія. Наполеонъ работаетъ надъ матеріаломъ «податнымъ» и надъ пушечнымъ мясомъ, но этотъ матеріалъ есть человѣческая плоть, человѣческій трудъ, и напряженіе производитъ совѣсть и душу. Земля разворочена глыбами, вспахана, вскопана, разрыхлена, и изъ ея жидкой массы выходитъ человѣкъ. Наполеонъ собираетъ въ кучи, обрабатываетъ глину Священной имперіи. Онъ объединяетъ въ сплошныя группы нѣмцевъ, раздѣленныхъ на столько графствъ, баронствъ, аббатствъ, рыцарскихъ земельныхъ владѣній. Между этими существами, рожденными отъ одной и той же крови, не было никакой связи сердца и ума. Путемъ общей военной службы онъ научаетъ ихъ познать самихъ себя: они открываютъ въ себѣ разрозненныхъ членовъ одной великой націи. Своимъ страшнымъ толчкомъ, своими оглушительными звуками трубъ и призывнымъ боемъ своихъ барабановъ онъ заставляетъ этихъ нѣмцевъ, укрывшихся въ своихъ жилищахъ, выйти изъ переулковъ ихъ городовъ и собраться на площади, уйти изъ лачугъ, изъ поселковъ и сбѣжаться на широкую дорогу. Упраздняя множество границъ, устраивая эти стратегическіе пути, онъ думалъ открыть только дороги къ казармамъ:—онъ открываетъ дорогу къ отечеству. Этому огромному, неопредѣленному и аморфному существу онъ далъ зачаточные органы, которые притягиваютъ къ себѣ жизнь, сосредоточиваютъ ее и даютъ ей опредѣленныя формы. «Эта страна, говорила г-жа де-Сталь, походитъ на мѣсто пребыванія какого-нибудь великаго народа, давно покинувшаго это мѣсто». Наполеонъ освобождаетъ эти народы изъ заточенія въ ихъ собственной странѣ, гдѣ ихъ погребли ихъ государи. И по этому тѣлу, выведенному изъ летаргіи, проходитъ дуновеніе жизни: этотъ духъ жизни носился надъ Германіей [2]).

Германія интеллектуальная и художественная,—поколѣніе, которое соединяло въ себѣ Канта, Гете и Бетховена, эту троицу германскаго генія, и возлѣ нихъ Шиллера, Гердера, Фихте,—приносятъ этому народу рѣчи и пѣсни, которыя доходятъ до самаго сердца. Кантъ открываетъ ему достоинство человѣка; Фихте достоинство гражданина. Одинъ съ жаромъ говоритъ ему: «Ты мыслишь, слѣдовательно, ты существуешь!» Другой:

[1]) *Mémoires d'outre-tombe.* Сравните со столь ограниченнымъ и мало политическимъ сужденіемъ Тьера: Thiers, t. VI, p. 480.

[2]) Ср. т. I, стр. 334 сл.; т. V, стр. 269.

«Ты великій народъ, и ты плачешь». Всѣ призываютъ его къ бытію: «Въ началѣ, пишетъ Гете въ прологѣ своего «Фауста», въ началѣ было слово; я сказалъ бы скорѣе: въ началѣ была мысль... Нѣтъ... нужно было бы сказать: въ началѣ была сила... Но разумъ озаряетъ меня, и я восклицаю, просвѣтленный: въ началѣ было дѣйствіе».

Права и достоинство человѣка—Руссо ихъ проповѣдывалъ міру; несокрушимая сила воли, необходимость дѣйствія—великій примѣръ ихъ есть французская революція. Великая нація, потому что она—прежде всего нація. Вотъ что разглядѣли, наконецъ, нѣмцы подъ шпорами покорителя, подъ бичомъ завоевателя и подъ лошадиными подковами иностранца. Какъ французы сливали права человѣка съ правами французовъ, свои собственныя завоеванія съ завоеваніями человѣчества и, такимъ образомъ, въ войнѣ сугубо прославили себя; такъ нѣмцы переходятъ безъ промежуточной ступени отъ космополитизма, въ которомъ они растворялись, къ патріотическому эгоизму, въ которомъ они будутъ кристаллизоваться. «Станемъ-те объединяться, поучаетъ Фихте. Патріотъ желаетъ, чтобы высшая цѣль человѣчества сначала была достигнута націей, въ которой онъ есть часть... Въ нашъ вѣкъ эта цѣль можетъ быть достигнута лишь посредствомъ науки... Будемъ-те нѣмцами, и изъ за этого мы не перестанемъ быть космополитами, потому что въ глазахъ философа Германія представляетъ собою человѣчество». И Арндтъ, болѣе простой и болѣе понятный, не прикрываясь идеями объ абсолютномъ: «Первая причина всѣхъ нашихъ бѣдствій есть недостатокъ единства. Единство рождается изъ противодѣйствія завоеванію. Мавры вызвали единство Испаніи, англичане единство Франціи. Французы вызовутъ единство Германіи» [1]).

Какъ ни яростно они проклинаютъ этого страшнаго зодчаго, но они не отказываются отъ него, потому что онъ, думая, что онъ работаетъ для самого себя, собираетъ камни для ихъ очага. «Королевство вестфальское, говоритъ Гете, хотя его творецъ и не помышлялъ объ этомъ, было первой попыткой возсозданія Германіи, высвободившейся отъ германской имперіи». «Тотъ, говорилъ Іоганъ Мюллеръ, историкъ-министръ земскимъ чинамъ вестфальскихъ владѣній [2]), тотъ, вокругъ котораго люди безмолвствовали, потому что Богъ отдалъ людей въ его руки, тотъ видитъ въ Германіи защиту Юга и Запада, охрану европейской цивилизаціи. Чтобы слить ее со своей политикой, онъ далъ Германіи новую силу: далъ ей свои законы, образецъ своихъ войскъ, самыхъ благородныхъ представителей, и вмѣсто наемныхъ солдатъ далъ ей вооруженныхъ гражданъ для

[1]) Levy Brühl.—Подробности у Oncken, t. II, liv. VII; chap. 1.

[2]) 22 августа 1808 г.

защиты земли. Изъ двадцати отдѣльныхъ странъ онъ образовалъ одну имперію. Могъ ли онъ сдѣлать больше?» Гегель, который въ онѣмеченной Пруссіи долженъ былъ открыть послѣдній моментъ развитія *идеи* въ формѣ государства, привѣтствуетъ въ Наполеонѣ «нашего великаго учителя общественнаго права». Выгнанный изъ своего дома французскими солдатами, этотъ мыслитель останавливается, чтобы проѣздомъ посмотрѣть на «необыкновеннаго человѣка, которому нельзя не удивляться»... на «душу міра!» «Въ его чертахъ, пишетъ Гейне, читали: Ты не будешь имѣть другого бога, кромѣ меня... и тысячи народныхъ голосовъ кричали:—Да здравствуетъ императоръ!»

Они ожидали отъ Наполеона, что онъ будетъ ихнимъ Карломъ Великимъ, и вотъ почему они привѣтствовали его восклицаніями. Они видятъ, что онъ есть только Хлодвигъ франковъ, и они осуждаютъ его. Но то, что онъ возбудилъ въ нихъ, съ этого времени они держатся за это, они отнимутъ это у него, будутъ отстаивать противъ него. Права человѣка суть права нѣмца: вотъ какой урокъ они вынесли изъ французской революціи. Германія, освобожденная отъ своихъ путъ, принадлежитъ германцамъ, таковъ, по ихъ мнѣнію, результатъ наполеоновской революціи. Они чувствуютъ свою силу. Не имѣя возможности использовать ее открыто, они дѣйствуютъ подкопами, заговорами. Карбонаризмъ въ Италіи, «Союзъ добродѣтели» въ Германіи [1]), масонскія общества въ той и другой странѣ суть и надолго формы революціоннаго духа, распространеннаго Франціей, и духъ этотъ съ яростью обращается противъ Франціи. Воздѣйствіе французской революціи видно даже въ этомъ странномъ рикошетѣ, въ возстаніи Германіи, порожденномъ независимостью, вскормленномъ враждой къ господству иностранцевъ, экзальтированномъ идеей прославленія отечества.

Такимъ образомъ въ государяхъ Германіи видно желаніе свергнуть иго и раздѣлить между собою наслѣдство Наполеона; въ народахъ видно желаніе изгнать иностранцевъ и сохранить завоеванныя права, довершить національное единство; въ тѣхъ и другихъ то, что мало-по-малу сблизитъ и объединитъ ихъ, на короткій часъ, ненасытное желаніе государей съ патріотическимъ самоотверженіемъ народа: *имперія безъ императора!* Прибавьте страсти, которыя къ ненависти присоединяютъ энтузіазмъ; возрастающее обнищаніе, обременительность службы, которыя безпрерывно раздражаютъ людей. Поголовное возстаніе нѣмцевъ въ тылу французской арміи въ случаѣ пораженія ея будетъ возвѣщено, въ концѣ

[1]) Къ сказанному въ этихъ строкахъ: Fournier, *Studien*, Stern, *Abhandlungen*.

1811 года, почти неизбѣжной опасностью всякимъ наблюдателемъ, который умѣетъ видѣть и смѣетъ говорить. У самого Іеронима открываются глаза, и онъ пишетъ своему брату почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, въ которыхъ въ первое время великой войны, въ концѣ 1792 г. Дюмурье писалъ исполнительному комитету [1]): «Броженіе дошло до крайняго предѣла: питаютъ надежды самыя смѣлыя и съ энтузіазмомъ поддерживаютъ ихъ, ставятъ передъ собой примѣръ Испаніи, и, если разразится война, вся страна отъ Рейна по Одеръ будетъ очагомъ всеобщаго возстанія. Причина заключается... не въ одной лишь ненависти къ Франціи; она гораздо скорѣе заключается въ бѣдствіяхъ времени, въ полномъ разореніи всѣхъ классовъ... Нужно опасаться взрывовъ отчаянія народовъ, которымъ болѣе нечего терять, потому что у нихъ все взято».

V.

Все, что скрипѣло раньше, давало трещины [2]), рухнуло вслѣдствіе страшнаго толчка, сообщеннаго Наполеономъ Пруссіи. Онъ принуждалъ Пруссію къ возрожденію, если она желала продолжать жить. Французская революція показала ей, какъ иная страна сосредоточивается сама въ себѣ, какъ она защищаетъ и возстановляетъ себя. Революція дала ей скорѣе примѣръ, чѣмъ форму, чтобы она отлилась въ нее. Вдохновеніе пришло изъ Франціи, форма для отливки была добыта изъ самой почвы Пруссіи. Прусскіе реформаторы очень скоро поняли—и это, былъ ихъ, быть можетъ, самый глубокій взглядъ—поняли, какъ духъ французской революціи могъ производить, смотря по странѣ, дѣла слишкомъ отличныя отъ тѣхъ, которыя революція совершила во Франціи, и какъ духъ этотъ, распространяясь по Европѣ, естественно долженъ былъ поднимать противъ французскаго владычества націи, побѣжденныя и завоеванныя французскимъ оружіемъ.

«Французская революція, сказалъ Гарденбергъ, дала Франціи, средя бурныхъ и кровавыхъ сценъ, нежданный подъемъ... Составилась иллюзія, будто можно было бы болѣе успѣшно сопротивляться революціи, связавъ себя болѣе тѣсными узами со старой организаціей, безжалостно преслѣдуя новые принципы... Такова, въ самомъ дѣлѣ, сила этихъ принциповъ, они такъ широко признаны и распространены, что государство, которое откажется принять ихъ, будетъ осуждено на то, чтобы или подчиниться имъ, или погибнуть... Демократическіе принципы въ монархи-

[1]) Jérôme à Napoléon, 5 décembre 1811.—Denis, p. 297.—Ducasse, p. 381 et suiv. Ср. т. III, стр. 219, 260; т. IV, стр. 186.

[2]) Ср. т. I, кн. III, гл. VII. Cavaignac, *Formation de la Prusse contemporaine*.—Ranke, Hüffer, Oncken, Treitschke, Levy-Brühl.

ческомъ правительствѣ, такъ мнѣ представляется формула, приспособленная къ духу времени». Это есть формула прусскаго государства, установленнаго реформаторами въ 1808 году. Впрочемъ, они представляютъ ту характерную особенность, что самые великіе изъ нихъ—не пруссаки: Штейнъ чистый германецъ изъ сердца старой Германіи; Гарденбергъ и Шарнгорстъ—ганноверцы. Гнейзенау—саксонецъ. Этотъ фактъ въ достаточной степени показываетъ, какъ всѣ живыя силы Германіи обращаются въ это время къ Пруссіи, и какъ реформа Пруссіи стремится сдѣлать изъ этой монархіи господствующее германское государство. Штейнъ поднялъ націю и склонилъ ее въ сторону Германіи. Шарнгорстъ образуетъ изъ этой націи армію, авангардъ и кадры арміи германской. Гарденбергъ возстановилъ государство и политику, государство — типъ современнаго нѣмецкаго государства, руководящую политику свободной Германіи.

Все дѣло Шарнгорста и Гнейзенау выражается слѣдующими словами: поголовное ополченіе народа, превращеннаго въ солдатъ: призваніе къ оружію всей молодежи, и, если это будетъ возможно, призваніе къ чинамъ всѣхъ людей интеллигентныхъ и всѣхъ самоотверженныхъ.

Во внутреннихъ реформахъ національныхъ и государственныхъ, сквозь множество попятныхъ движеній и отклоненій въ сторону, различаютъ два періода: періодъ Штейна, оканчивающійся въ декабрѣ 1808 г. отставкой этого министра; періодъ Гарденберга, который изъ потайного совѣтника, которымъ онъ продолжалъ оставаться, становится канцлеромъ и quasi-диктаторомъ въ 1810 году.

Работа Штейна есть главнымъ образомъ работа моральнаго возрожденія. Онъ больше дѣйствовалъ своими планами, чѣмъ своими мѣрами: но его планы суть тѣ, изъ которыхъ родилась современная Германія. Онъ поставилъ принципъ и далъ первый примѣръ, въ королевскихъ помѣстьяхъ, уничтоженія помѣщичьяго строя управленія: принципъ и примѣръ свободнаго человѣка, обрабатывающаго свободную землю, становящуюся вслѣдствіе этого самаго труда отечествомъ, человѣка-гражданина, привязаннаго къ государству и королю. Онъ старается развить администрацію отвѣтственную и въ то же время энергичную, въ городскихъ общинахъ *self gouvernment* (самоуправленіе). Но его освобожденіе земли и человѣка есть неполное, боязливое, несвязное: если внизу его лѣстницы находится крестьянинъ, гражданинъ и патріотъ, то наверху ея продолжаетъ оставаться дворянинъ со своимъ дворянскимъ имѣніемъ, со связанными съ нимъ политическими, административными и военными преимуществами, мировой судья, лейтенантъ, первый слуга короля. Дѣло, пропи-

[1]) См. выше, стр. 172, 243, 244, 247, 259, 265, 268, 274, 277, 338, 413, 414.

танное аристократической децентрализаціей, вполнѣ дѣло традиціи и эволюціи: хотя Штейнъ выкраиваетъ его изъ германской націи, но живую модель для себя онъ беретъ въ Англіи.

Далеко не то представляетъ собой дѣло и, особенно, соціальныя идеи Гарденберга. Своимъ знаменитымъ указомъ отъ 27 октября 1810 года относительно фискальной реформы, со всѣми его добавленіями и исполнительными регламентами; своимъ указомъ отъ 14 сентября 1811 года относительно аграрной реформы, наконецъ, своимъ великимъ проектомъ отъ 20 іюня 1812 года относительно административной реформы Гарденбергъ начинаетъ съ существеннаго соціальную революцію посредствомъ государства, какую Тюрго проектировалъ во время монархіи, какую Бонапартъ задумалъ и совершилъ во время своего консульства. Эта реформа есть въ такой же мѣрѣ экономическая, какъ и гражданская: она должна освободить индивидуальный трудъ отъ всякихъ путъ, уничтожить привилегіи дворянскихъ владѣній, организовать независимую мелкую собственность, въ администраціи на мѣсто олигархіи мелкихъ дворянъ и буржуа поставить централизованную власть. Наконецъ, чтобы довершить дѣло, въ согласіи съ Гумбольдтомъ, ученымъ, призваннымъ къ политикѣ, работаетъ берлинскій университетъ, привилегированная корпорація, учрежденная государствомъ, думающая и дѣйствующая въ пользу государства, но свободная въ своей мысли, независимая въ своемъ трудѣ, объединяющая и дисциплинирующая умы подобно тому, какъ военная служба объединяетъ и дисциплинируетъ людей, органъ національнаго духа, не отдѣляющій изслѣдованій научныхъ отъ изслѣдованій общественнаго блага, сливающій въ одно культъ истины и культъ отечества, видящій въ государствѣ воплощеніе абсолютнаго такъ, что разумъ государственный (raison d'État) осуществляетъ чистый разумъ, что *право идеальное* сливается съ правомъ германскимъ, что исторія приходитъ къ заключенію о гегемоніи правъ Германіи надъ сосѣдними странами. Наконецъ, ученые будутъ возвѣщать всѣмъ германцамъ *Разсужденіе о методѣ* въ то самое время, какъ философы будутъ возвѣщать имъ *Рѣчи къ націи*.

Гарденбергъ былъ государственный человѣкъ по профессіи, царедворецъ, умъ гибкій, искусный, хорошій публицистъ, но съ умомъ болѣе широкимъ, чѣмъ глубокимъ, особенно по внѣшности; очаровывающій, смышленный, хитрый какъ дипломатъ по воспитанію, искусство котораго состоитъ въ томъ, чтобы въ своихъ разнообразныхъ роляхъ говорить въ каждомъ случаѣ сообразно съ моментомъ. Въ 1806 и 1807 году онъ говорилъ языкомъ революціи, такимъ, какой Наполеонъ примѣнялъ въ своемъ консульскомъ катехизисѣ; онъ былъ тогда демократомъ и цезарьянцемъ, какъ онъ былъ философомъ и гуманистомъ во время стараго

режима, и «добродѣтельнымъ», когда это требовалось во время республики: точно такъ же онъ становится легитимистомъ и реакціонеромъ въ 1814 году; въ сущности, онъ всю свою жизнь оставался настоящимъ человѣкомъ общества и въ душѣ былъ соучастникомъ дѣлежа. Онъ сдѣлался канцлеромъ королевства и остался имъ. Первый уполномоченный на Вѣнскомъ конгрессѣ, онъ не переставалъ подниматься въ почестяхъ, по мѣрѣ того, какъ Штейнъ уходилъ въ уединеніе и приходилъ въ забвеніе. Онъ умеръ княземъ. Но, по мѣрѣ того, какъ Пруссія возвышалась въ Германіи, и какъ Германія возвышалась въ мірѣ, величины становились обратными: фигура Штейна поднялась: въ настоящее время она властно царитъ надъ всѣми другими.

Штейнъ только прошелъ чрезъ правительство: диктаторъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ 1808 году, случайный свитскій дипломатъ въ 1814 году. Герцогъ Викторъ Брольи видѣлъ его въ Коппе, въ 1816 году. «Это былъ, говоритъ онъ, нѣмецъ высокаго роста, сильнаго и крѣпкаго тѣлосложенія, съ багровымъ цвѣтомъ лица, съ живымъ взглядомъ, съ рѣзкой и отрывистой рѣчью. Его взоръ, его языкъ дышали негодованіемъ противъ нѣмецкихъ государей, и противъ незначительныхъ, и противъ важныхъ, желавшихъ возстановить послѣ побѣды абсолютную власть, не исполнить своего слова, измѣнить обѣщаніямъ, даннымъ своему народу, и лишь для себя воспользоваться плодами борьбы, которой они не начинали и не продолжали. Онъ выражался крайне презрительно о своемъ государѣ, о прусскомъ дворѣ, о нѣмецкой бюрократіи». «Это, сообщаетъ г-жа Сталь, видѣвшаяся съ нимъ въ Петербургѣ, въ 1812 году, человѣкъ античнаго характера, который живетъ лишь надеждой увидѣть свое отечество освобожденнымъ». Изо всѣхъ государственныхъ людей великаго кризиса отъ 1807 по 1813 годъ онъ былъ наибольшимъ выразителемъ будущей Германіи. Бисмаркъ, чтобы сдѣлаться германцемъ, дожидался, чтобы Пруссія сдѣлалась распорядительницей Германіи. Штейнъ всегда былъ германцемъ, даже находясь на прусской службѣ. Что я говорю? Онъ связалъ себя съ Пруссіей единственно для того, чтобы привязать ее къ Германіи, сдѣлать ее агентомъ освобожденія, а потомъ возрожденія Германіи: чтобы освободить ее сначала отъ чужестраннаго главенства, а потомъ отъ внутреннихъ раздоровъ, чтобы избавить ее сначала отъ Наполеона, а затѣмъ отъ господства частныхъ интересовъ, и это составляло преобладающую мысль, придавало истинную цѣльность его жизни.

Онъ былъ предтечей. Онъ задумалъ великіе планы, подготовилъ ихъ; нанесъ рѣшительные удары и сообщилъ импульсы, которые дѣйствовали долго. Съ 1808 года онъ возлагалъ всю надежду на чувства народа и будилъ ихъ. Онъ мечталъ перестроить Германію въ могущественную им-

перію. Чтобы достигнуть этого, онъ готовъ былъ бы «растереть своимъ сапогомъ принцевъ и королей». Онъ предсказалъ паденіе наполеоновской имперіи и предсказалъ, что эта имперія будетъ ниспровергнута напоромъ націй. Онъ находилъ послѣднее средство въ томъ, въ чемъ усматривали главную опасность: онъ понималъ, что національныя революціи были бы для спасенія независимости народовъ единственнымъ специфическимъ средствомъ противъ французской революціи, и что будущія большія государства, подобно консульской и имперіалистической Франціи, были бы тѣ, которыя вышли бы изъ національной революціи и сдѣлались бы національными. Это значило дойти до причинъ коренныхъ. Прибавьте къ этому, что онъ былъ дурно понятъ своими сотрудниками и не признанъ своимъ государемъ, что онъ умеръ въ горечи отъ своей опалы, будучи почти такимъ же изгнанникомъ въ монархической Европѣ 1815 года, какъ въ Европѣ имперіалистической 1810 года.

Удивленіе народовъ не останавливается на работникахъ трудолюбивыхъ, часто нерѣшительныхъ и колеблющихся, которые, въ тѣни, идя ощупью, вырабатывали практическія реформы и редактировали благодѣтельные законы;—оно направляется и останавливаетси на людяхъ, которые въ критическіе моменты произнесли историческое слово, сдѣлали жестъ, достойный рѣзца скульптора, и въ которыхъ, посредствомъ поэзіи, драмы, живописи, ваянія, могутъ олицетворяться великія событія, которыя народъ представляетъ совершившимися такъ, какъ это нравится его упрощающему пониманію. Таковъ случай Штейна и объясненіе его заднимъ числомъ помѣчаемой славы послѣ 1870 года.

Если Пруссія 1810 года была чревата грядущей Германіей, то она была крайне анти-французской страной Европы. Нигдѣ не желали такъ страстно паденія Наполеона, только бы воспользоваться его работой объединенія въ Германіи, чтобы укрѣпить эту страну и сдѣлать изъ нея грозный оплотъ противъ Франціи, отброшенной за Рейнъ, быть можетъ, за Вогезы.

VI.

Эти изумительные отвѣтные удары революціи во Франціи замѣчаются даже въ Россіи. Война и дипломатія отклонили Александра отъ его прежнихъ политическихъ воззрѣній. Онъ любилъ свободу, какъ Наполеонъ трагедію, и какъ другіе любятъ музыку: виртуозъ въ вопросахъ человѣколюбія, онъ наслаждался разглагольствованіями передъ официальными профессорами гармоніи, молчащими и смущенными, передъ пѣвцами, распростершимися въ прахѣ, и передъ галереей большихъ кокетокъ искусствомъ и умомъ, млѣющихъ отъ удивленія. Онъ находилъ для себя

удовольствіе въ совѣщаніяхъ о конституціонномъ правленіи, какъ дилетанты находятъ удовольствіе въ духовныхъ концертахъ. Но по окончаніи концерта, онъ, не стѣсняясь и сразу, возвращался къ государственнымъ дѣламъ, и въ сущности, въ меланхолическихъ безпрерывныхъ мечтаніяхъ, среди лелѣемыхъ надеждъ, онъ игралъ свою игру, состоявшую въ томъ, чтобы по очереди очаровывать Наполеона, освобожденныхъ германцевъ, французскихъ роялистовъ и конституціоналистовъ.

Когда послѣ Тильзита царствовалъ миръ, и временно прервалась эпоха величія, наступило время возвратиться къ свободнымъ искусствамъ. Чарторыйскому повѣрялись первыя грезы: возстановленіе Польши и переустройство Европы; Сперанскому была довѣрена эта интермедія,—реформа русскаго общества и государства. Въ этой новой причудѣ Александра онъ игралъ роль органиста большого органа. Но хотя Александръ придавалъ этому, кажется, не больше значенія, чѣмъ знатный любитель оказываетъ чести суровому и скучному учителю контрапункта и фуги, который занимаетъ и скоро наполняетъ его досуги, Сперанскій отдался своей работѣ съ глубокой серьезностью. Этотъ поповичъ, собственными силами поднявшійся до высшихъ ступеней бюрократической іерархіи, не былъ ни глубокомысленнымъ политикомъ, ни революціонеромъ: онъ не игралъ въ политику дворянина, возвратившагося изъ Англіи и чванящагося знаніемъ Монтескье. Конечно, онъ читалъ *Духъ законовъ*, и въ его планахъ реформы замѣтно больше французскаго вліянія, чѣмъ теоретической англоманіи. Въ немъ совсѣмъ нѣтъ сантиментальной и литературной стороны *комитета общественнаго спасенія* 1801 года [1]). Сперанскій внесъ въ дѣло опытность, упорство, взгляды важнаго канцеляриста, вышедшаго изъ интендантствъ Тюрго. Онъ желалъ «принять рѣшительныя мѣры, добиться своего», подвести фундаментъ подъ самодержавіе. У него было чутье соціальныхъ реформъ; онъ мечталъ о гражданской свободѣ, о равенствѣ передъ судомъ, онъ желалъ поставить систему кодексовъ на мѣсто хаоса безсвязныхъ указовъ; желалъ болѣе доступной собственности, регламентаціи дворянскихъ привилегій, установленія средняго класса, составленнаго изъ городскихъ торговцевъ и свободныхъ крестьянъ; наконецъ, онъ желалъ въ будущемъ постепеннаго упраздненія крѣпостного состоянія [2]). Всѣ эти реформы должны были идти сверху. Царь предполагался ихъ иниціаторомъ и попечителемъ. Что касается нѣкоторой конституціи—ибо Сперанскій не могъ бы быть ни человѣкомъ своего времени, ни занимать свое мѣсто государственнаго планостроителя, если бы

[1]) См. т. VI, стр. 246.

[2]) См. выше, стр. 401: реформы въ герцогствѣ Варшавскомъ.

онъ не выработалъ нѣкоторой конституціи,—то онъ вдохновлялся больше конституціей VIII года съ ея консуломъ и ея государственнымъ совѣтомъ, чѣмъ Англіей съ ея палатою лордовъ, ея палатой общинъ и ея парламентскими прецедентами.

Сила и вліяніе Сперанскаго достигли своего апогея лѣтомъ 1809 года. Петербургъ наполнялся комитетами и комиссіями. Все возвѣщало «грозную гражданскую битву, главнокомандующимъ въ которой былъ Сперанскій, имѣвшій за себя всю привлекательность и всю неизвѣданность генія...» Русскіе—сторонники стараго уклада—вопили: Александръ впадалъ въ идеологію! Послѣ обаянія корсиканца, внушенія «сына священника, того, кто относится здѣсь къ послѣднему классу свободныхъ людей». Наполеонъ втянулъ его въ блокаду, которая разоряла Россію. Сперанскій компрометировалъ его въ *сектахъ*, которыя могли развратить его [1]). Подъ той или иной формой всегда французское зло. Настоящіе призраки, химерическія опасенія. Это значило не распознать въ Александрѣ политическаго артиста, котораго его удивительный инстинктъ всегда приводилъ послѣ чрезмѣрныхъ увлеченій къ вѣрному пониманію выгодъ своей имперіи, нуждъ русскаго правленія.

Тѣ же побужденія, то же осторожное отношеніе къ боярамъ, къ людямъ богатымъ, къ своимъ офицерамъ и къ своему двору, которыя склоняли его порвать съ блокадой и французскимъ союзомъ, побуждали его разрушить планы Сперанскаго и поступить съ виновникомъ ихъ какъ съ государственнымъ преступникомъ. Этотъ «бѣдный семинаристъ» всѣхъ тревожилъ, никому не давалъ покоя. *Блокада* истощала ихъ доходы, реформы Сперанскаго грозили ихъ привилегіямъ, ихъ надѣламъ, ихъ почестямъ и всѣмъ выгодамъ искони заведенныхъ злоупотребленій. Павелъ дѣйствовалъ только порывами, Александръ грозилъ обратиться къ системѣ. Александръ прямымъ путемъ шелъ къ исполненію противъ него въ настоящемъ того приговора, который русскіе, сторонники стараго уклада, обращаясь къ минувшей исторіи, выставили противъ его памяти: «Чуждый національнаго духа... онъ грезилъ о равенствѣ всѣхъ исповѣданій, о равенствѣ церквей, онъ грезилъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая могла бы сказать ему, что польское королевство было бы равносильно подчиненію и порабощенію молодого русскаго народа» [2]). Мнимое правленіе «разумности и справедливости!» Оно не нужно было въ такой мѣрѣ, что оно несчастнаго Павла довело до офиціальной апоплексіи. Этотъ урокъ никогда не выходилъ изъ ума Александра.

[1]) Л. Толстой.—Жозефъ де Местръ.—Гр. Воронцовъ.

[2]) Pobiedonostzef, *Panégyrique d'Alexandre III*.

«Несмотря на недостойныхъ министровъ, которыми онъ былъ окруженъ, пишетъ Семенъ Воронцовъ, онъ слѣдовалъ лишь тому, что ему внушали честь и истинные интересы русскаго народа».

Броженіе, которое обнаруживается въ Россіи противъ блокады и противъ Наполеоновской гегемоніи, подъ вліяніемъ возмутившихся чувствъ выгоды и національной гордости, выдаетъ себя требованіями опалы для французскихъ идей и для сторонниковъ Франціи. Это броженіе ниспровергаетъ Сперанскаго не столько потому, что считалось, что онъ вдохновляется французскимъ духомъ—говорилось о его перепискѣ съ Таллейраномъ!—сколько потому, что его реформы предполагали бы продолжительный миръ и искренній союзъ съ Наполеономъ. Таковъ былъ въ Россіи очень сомнительный и кратковременный отзвукъ французской революціи: усиленіе національнаго, узко-русскаго духа и въ направленіи самомъ противоположномъ духу Запада.

Совсѣмъ обратное наблюдается въ христіанскихъ странахъ, находящихся подъ турецкимъ владычествомъ, а именно потому, что Франція не имѣла тамъ домогательствъ, и что, возбуждая тамъ, какъ вездѣ, національный духъ, французское вліяніе не обращало его противъ Франціи. Въ Молдавіи, въ Валахіи воспоминаніе о великомъ императорѣ остается связаннымъ съ пробужденіемъ національнаго сознанія [1]). «Наполеонъ, пишетъ одинъ румынскій историкъ, есть первый иностранецъ, о которомъ бытописатели страны долго говорили... Въ обществѣ его имя господствовало надо всѣмъ, и рѣчи объ его великихъ дѣлахъ отклоняли всякую другую тему разговора. Не подозрѣвая этого, благодаря лишь своему существованію въ мірѣ, онъ дѣйствуетъ здѣсь на воображеніе, на мысль и на поведеніе бояръ, и онъ былъ первый, который, не желая этого и ничего не зная объ этомъ, очищалъ на время ихъ духъ, ставя передъ ихъ глазами тотъ идеалъ, который на одну секунду озарилъ ихъ: отечество, независимость». Наполеонъ далъ имъ идею національнаго правительства; Франція научила ихъ читать, писать, прославлять свое отечество, которое они любили инстинктивно, не опредѣляя его, не умѣя говорить о немъ.

Такъ же болѣе глубоко и болѣе непосредственно было вліяніе, произведенное въ Греціи или, вѣрнѣе, въ странахъ, порабощенныхъ Турціи, которыя въ былое время носили это великое имя [2]). Удивленіе народовъ сливаетъ воедино въ этомъ первомъ трепетаніи революцію, Наполеона, Францію. «До этого, говоритъ одинъ грекъ, народы не сознавали

[1]) Éliade, *De l'Influence française sur l'esprit public en Roumanie*,—T. D. Ghika.—Xénopol, *Histoire des Roumains*.

[2]) Bikélas, Gervinus, Rodocanachi.

сами себя». Война за независимость показываетъ, что это сознаніе пробудилось, и показываетъ, до какой степени примѣръ и слава «франковъ» мало-по-малу проникли его.

Наполеонъ вліялъ даже на мусульманъ, у которыхъ онъ вдохновлялъ подражателей. Онъ воодушевляетъ тамъ не націю, а человѣка — вотъ кого онъ будитъ: блестящій проходимецъ, который въ Абукирѣ помѣрялся съ корсиканцемъ, считаетъ за наивысшую славу стать Наполеономъ Ислама: Магоммедъ-Али [1]).

Слѣдовало бы поговорить въ заключеніе объ Австріи и объ Англіи. Но въ Австріи ничего не происходитъ. Это—страна въ свѣтѣ, въ которой въ это время вліяніе французской революціи было наименьшее: національное возстаніе въ Тиролѣ противъ Баваріи, скорѣе еще возстаніе за вѣрность, чѣмъ за независимость; нѣсколько глухихъ движеній въ Венгріи. Чехія едва пробуждается отъ оцѣпенѣнія, въ которое ее погрузили жестокіе удары предшествовавшаго вѣка и усыпительное вліяніе іезуитовъ; вѣнская полиція обязываетъ безмолвствовать; іезуиты, вылущивая совѣсть, внушали забыть отечество. Чехи слышатъ рѣчи о Наполеонѣ лишь для того, чтобы узнать, что имъ грозитъ какое-то присоединеніе къ Баваріи, отталкивающее ихъ еще больше, чѣмъ сліяніе съ австрійской имперіей, потому что въ имперіи они сохраняютъ свою *корону*, нѣкоторое названіе независимости, если не хартію, а Бавaрія еще болѣе нѣмецкое государство.

Что касается Англіи, море ударяетъ въ ея берега, распространяется по нимъ или разбивается о нихъ: островъ не потрясенъ въ своихъ основаніяхъ, даже поверхность его не приведена въ разстройство. Изъ наслѣдства союзниковъ Франціи Англія устроила себѣ колоніальныя владѣнія: искусные преемники лорда Клива. Корнваллисъ, Веллеслей, лордъ Минто выкроили ей имперію въ Индіи: блокада обезпечиваетъ ей монополію на то, что остается дѣйствительнаго въ морской торговлѣ; ея флоты всюду разносятъ ужасъ британскаго деспотизма, и тамъ, гдѣ Англія не царитъ при помощи силы, она царитъ тамъ при помощи контрабанды. Въ своихъ банкахъ она накопляетъ громадные капиталы; земледѣліе процвѣтаетъ; промышленность продолжаетъ развиваться; крупные собственники увеличиваютъ свои владѣнія; богатые богатѣютъ; бѣдные бѣднѣютъ; заработная плата уменьшается; въ одинъ годъ дурного сбора урожая блокада причиняетъ голодъ; но страдать приходится только простому народу, а простой народъ принимается въ Англіи во вниманіе не больше, чѣмъ народъ ирландскій. Болѣе аристократическая, болѣе вы-

[1]) Родился въ 1769 г., какъ и Наполеонъ.

сокомѣрная, чѣмъ когда бы то ни было, и болѣе упорная въ своей конституціонной ревности, въ гордости своими неподражаемыми учрежденіями, Англія заявляетъ себя большей противницей реформъ, чѣмъ какою она когда нибудь бывала. Нельзя больше говорить ни о реформѣ парламентской, ни объ эманципаціи католиковъ, ни объ улучшеніи участи бѣдняковъ: все прервано и вслѣдствіе войны, которая дѣластъ необходимымъ напряженіе силъ, и вслѣдствіе отказа привилегированныхъ, пользующихся выгодами этой самой войны. При имперіи, такъ же, какъ при республикѣ, борьба противъ французской революціи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ остановку всякаго соціальнаго прогресса. Только національное чувство усиливается, преобладаетъ, властное, суровое, неумолимое, суживающееся съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ того. какъ Англія дѣлается, повидимому, защитницей Европы, кажется, что она все больше замыкается сама въ себѣ. Она остается душой коалиціи, но это—душа замкнутая, корыстная, расчетливая, заботящаяся только объ одномъ величіи въ мірѣ—о своемъ, словомъ, болѣе дерзкая и могущественная островитянка, чѣмъ въ какую бы то ни было другую эпоху своей исторіи.

Далекая отъ того, чтобы на нее оказывала воздѣйствіе Франція своими идеями, своими принципами, это она дѣйствуетъ на Францію съ начала революціи. Тамъ она имѣла учениковъ, тамъ она владѣла партіей. Своимъ упорнымъ сопротивленіемъ она служитъ какъ ферментъ, который консульство поднялъ въ Великую Имперію также она будетъ ферментомъ, который уничтожитъ эту имперію. Когда будетъ заключенъ миръ, англійскій миръ, когда Франція будетъ отброшена, цѣль достигнута, это опять Англія своими парламентскими учрежденіями, своими модами, своей литературой, своей философіей будетъ руководить французскимъ духомъ, будетъ служить образцомъ для правительства и идеальнымъ типомъ для оппозиціи «Война за освобожденіе» отъ Испаніи до Пруссіи, отъ Италіи до Германіи послужитъ для Англіи самою вѣрною изъ политическихъ спекуляцій и самымъ вѣрнымъ изъ помѣщеній капитала въ финансовомъ отношеніи. Доставляя народамъ Европы средства для защиты ихъ собственнаго дѣла, она употребляетъ ихъ на службу себѣ самой; это громадное національное возстаніе оно обращаетъ въ выгоды своего торговаго главенства и своего политическаго вліянія. Она обезпечиваетъ себѣ его славу и его выгоды. Комбинація одновременно величественная и практическая, превращающая субсидіи въ колоссальный заемъ, состоящій изъ людей, и дѣлающая наемниковъ изъ людей освобожденныхъ. Въ то время, какъ Франція, сплачивая народы для разоренія Англіи при помощи континентальной блокады, возмущаетъ ихъ противъ себя и на самомъ дѣлѣ работаетъ только для ихъ независимости, Англія,

вербуя ихъ для разоренія французской имперіи, представляется работающей для ихъ независимости, а работаетъ только для себя самой.

VI.

Франція насчитываетъ сто тридцать департаментовъ [1]); никогда она не достигала такого территоріальнаго расширенія; никогда она не получала такихъ большихъ выгодъ отъ своихъ союзовъ; никогда также ея воздѣйствіе на міръ не было ни столь широкимъ, ни столь глубокимъ, не только благодаря главенству ея политики, но и благодаря распространенію ея законовъ и ея духа: гражданскихъ законовъ о равенствѣ между людьми, то есть, объ основныхъ условіяхъ демократіи; духа независимости народовъ, стремящихся сплотиться сообразно своимъ преданіямъ и сообразно своимъ общимъ намѣреніямъ, то есть, основного условія національности. Вся Европа девятнадцатаго вѣка вышла изъ этихъ условій, и весь девятнадцатый вѣкъ былъ наполненъ этими трудными родами народовъ. Франція ничего не сберегла для себя. Достаточно обратить вниманіе на линію границъ: это созданіе націй, непріязненное въ своемъ начальномъ ростѣ, сдѣлалось пагубнымъ для нея въ своемъ развитіи. Въ 1814 году тѣ же самыя силы подвинули Францію назадъ, которыя урѣзали ея границы въ 1870 году. И однако, хотя все совершилось противъ нея, все вышло изъ нея.

«Человѣкъ, отмѣченный рокомъ, захватываетъ не занятыя націи, объединяетъ ихъ въ своей желѣзной рукѣ и ведетъ ихъ къ своей цѣли», писалъ де-Местръ въ 1808 году. *Къ своей цѣли*, въ этихъ словахъ видна настоящая зрительная иллюзія. Слѣдовало бы сказать: *къ ихъ цѣли*. Соединяя ихъ, онъ толкнулъ ихъ на собственные ихъ пути и ввелъ ихъ въ ихъ собственную исторію. Въ свои дни великаго озаренія и отдаленныхъ открытій онъ произнесъ слѣдующія глубокомысленныя слова: «Могущество народа слагается изъ его исторіи». Онъ подчинялся слѣдующимъ правиламъ: «Принципъ французской власти состоитъ въ томъ, чтобы управлять народами при помощи ихъ привычекъ, ихъ обычаевъ...» «Управлять людьми такъ, какъ большинство желаетъ, чтобы имъ управляли» [2]).

Онъ понялъ это по отношенію къ французамъ; онъ сдѣлалъ это пружиной всего своего могущества, и это было его геніальнымъ поступкомъ. Онъ вовсе не понялъ, что другія націи Европы желали, подобно фран-

[1]) Эта цифра была достигнута въ декабрѣ 1810 г. вслѣдствіе присоединенія земель въ сѣверной Германіи, 32-е военное раздѣленіе, см. далѣе, гл. III, § 2.

[2]) Изъ рѣчи швейцарцамъ 1803 г.—Roederer, t. III, p. 334, 446.—*Corr.*, № 5, 293, 14 janvier 1801.

цузамъ, управляться ради самихъ себя, сообразно своимъ нравамъ, своимъ исконнымъ обычаямъ, своимъ собственнымъ выгодамъ.

Наполеонъ сплачиваетъ ихъ, управляетъ всѣми этими народами не съ цѣлью образовать изъ нихъ новую систему стараго свѣта: это гордое притязаніе онъ возымѣлъ лишь позже, и мысль объ этомъ явилась у него лишь впослѣдствіи, на островѣ святой Елены, когда онъ въ ссылкѣ возвращался къ прошлому. На самомъ дѣлѣ онъ продолжалъ войну, начавшуюся въ 1792 году, и его война произвела естественныя послѣдствія войны, хотя она и прерывалась изумительно плодотворными перемиріями. Она изнурила, разорила, обезсилила, довела народы до отчаянія. Она подняла противъ Наполеона и противъ Франціи всѣ интересы, всѣ потребности и самыя благородныя страсти людей: любовь къ домашнему очагу, къ дѣтямъ, къ отечеству, которыя объединяютъ людей въ общество и въ этомъ обществѣ образуютъ націи.

Въ мысляхъ императора, Великая Имперія есть не что иное, какъ коалиція противъ Англіи; *континентальная блокада* есть лишь ея военная машина. Машина поставлена въ 1810 году, но она трещитъ и портится: всякій ударъ, который она наноситъ, потрясаетъ ее въ ея основаніяхъ; ея собственная тяжесть вгоняетъ ее въ землю и вредитъ ея равновѣсію. А между тѣмъ, если она грозитъ рухнуть, это зависитъ не отъ недостатка въ устройствѣ ея колеснаго прибора, не отъ какой-нибудь случайности во время ея работы; это зависитъ отъ самой ея структуры: она превосходитъ размѣры человѣческой работы. Наполеонъ выходитъ за предѣлы того, чѣмъ можетъ править одинъ человѣкъ, за предѣлы того, что можетъ вытерпѣть нація. Великая Имперія можетъ управляться только делегатами; только намѣстники могутъ вести войну, принявшую черезчуръ громадные размѣры; армія, непомѣрно растянутая въ своихъ кадрахъ, но опустѣвшая въ своихъ рядахъ, можетъ пополняться только вспомогательными войсками; пружина изнашивается. Все то, что сдѣлало работу успѣшной, изсякаетъ, исчезаетъ, то есть, сосредоточеніе всѣхъ властей, государственной и военной, въ рукахъ одного человѣка, обладающаго геніемъ управленія и геніемъ войны; порывъ народа, который, совершая нашествія, думаетъ, что онъ продолжаетъ защищать себя, и который, дѣлая завоеванія, думаетъ, что онъ освобождаетъ людей. Франція революціонная, душа императорскихъ армій, растворяется въ этихъ космополитическихъ арміяхъ; Франція утопаетъ въ своихъ завоеваніяхъ. Причины возвышенія кладутъ начало причинамъ паденія. Наполеонъ, вслѣдствіе самаго проявленія своего генія, становится орудіемъ катастрофы, какъ онъ былъ орудіемъ величія. Въ этомъ смыслѣ онъ, по истинѣ, есть человѣкъ, обреченный рокомъ.

Такимъ образомъ, хотя Великая Имперія составила дѣйствительно, такъ сказать, естественную эпоху въ современной исторіи, но она сдѣлалась ею вопреки императору и въ ущербъ Франціи. Французская революція вдохнула душу человѣка, сначала душу индивидуальную въ эти племена людей, разсѣянныя или включенныя среди другихъ, превращенныя въ числовые знаки, въ статистическія выраженія, въ машины труда и стрѣльбы, въ мясо для приплода и въ мясо для пушекъ. Чтобы сдѣлать эти души національными, достаточно собрать людей въ королевства, конфедераціи и казармы, что и дѣлаетъ Наполеонъ. Наступилъ день, когда онъ всѣхъ ихъ распредѣлилъ по полкамъ въ единой великой арміи. Это было истинное великое *переселеніе народовъ*, но дѣйствительно противоположное нашествію варваровъ, потому что варвары вторгнулись въ Римскую имперію, здѣсь же эта Европа сама въ себя вторгалась и сама себя отвоевывала, выгоняя Имперію [1]).

Итакъ, неужели Наполеонъ не имѣлъ другихъ средствъ, помимо этого страшнаго средства, состоящаго въ томъ, чтобы постоянно завоевывать и изъ каждаго завоеванія извлекать средства для новаго завоеванія? Возможно, и это предполагаютъ, когда изслѣдуютъ общія причины ненависти современниковъ и болѣе поздняго удивленія народовъ къ его личности и къ его творенію. Они благодарны ему, они прославляютъ его за то, что онъ вопреки себѣ и вопреки имъ—*invitus invitos*—вызвалъ ихъ независимость, открылъ путь ихъ величію; они упрекаютъ его за то, что онъ поработилъ ихъ и эксплоатировалъ къ выгодѣ чужой націи. Такимъ образомъ ихъ энтузіазмъ къ французской революціи въ 1789 году и ихъ возмущеніе противъ французскихъ республиканцевъ, распространявшихъ эту революцію, путемъ французскихъ завоеваній, къ выгодѣ и во славу Франціи; ихъ продолжительное возмущеніе противъ имперіи, организовавшей эту революцію и ея завоеванія, и ихъ послѣдующее почтеніе къ Наполеону примиряются въ ихъ единомъ помышленіи: они стремятся къ независимости и національной революціи, они относятся враждебно къ главенству чужого народа, они питаютъ наслѣдственную ненависть и ревность къ французскому народу. Такъ образуются и затягиваются тѣ узлы, которымъ даютъ названіе судьбы, и которые сдѣлали Наполеона, какъ онъ говорилъ, солидарнымъ съ Людовикомъ XIV и Комитетомъ Общественнаго Спасенія [2]).

Не будемъ отдѣлываться суетными и безсодержательными словами. Это не Наполеонъ, становясь императоромъ, поднялъ народы противъ

[1]) Fustel de Coulanges, la Cité antique, t. V, chap. II, part. IV.

[2]) «Отъ Хлодвига и до комитета общественнаго спасенія я считаю себя солидарнымъ во всемъ». A Louis, 21 décembre 1809. Rocquain.

французской революціи и противъ Франціи, это сталось потому, что, будучи французскимъ императоромъ, онъ довершилъ, довелъ до гиперболы и освятилъ въ своей личности завоеванія революціи и главенство Франціи надъ народами Европы.

Чувствовалъ ли онъ это? Размышляя о своихъ необычайныхъ приключеніяхъ и разбирая себя въ исторической перспективѣ, онъ говорилъ на островѣ святой Елены: «Собираніе германцевъ требовало бо́льшей медлительности (чѣмъ собираніе итальянцевъ); вотъ почему я лишь упрощалъ ихъ чудовищную сложность... Конечно, если бы волею неба я родился нѣмецкимъ принцемъ..., я непремѣнно управлялъ бы тридцатью милліонами объединенныхъ германцевъ; и если бы когда-нибудь они меня избрали и провозгласили, то они никогда не покинули бы меня... Любой государь, который искренно отдастся дѣлу народовъ, окажется во главѣ всей Европы и будетъ въ состояніи испробовать все, чего пожелаетъ» [1]). Если бы онъ былъ германскимъ императоромъ и итальянскимъ королемъ, если бы онъ воскресилъ Карла Великаго и Барбароссу, завоевалъ Германію ея старыя границы и возстановилъ обаяніе Священной Имперіи, если бы онъ сдѣлалъ Италію единой, отъ Сициліи до Альпъ, и морской державой, царицей Адріатическаго моря, владычицей Средиземнаго моря, съ Римомъ столицей; если бы онъ привелъ въ движеніе хаотическій Востокъ, изгналъ турокъ, возстановилъ въ своемъ лицѣ Константина въ Константинополѣ, въ то же самое время какъ Діоклетіана въ Римѣ; если бы онъ обработалъ земли славянъ и возстановилъ великую Польшу того времени, когда поляки владѣли Москвой и соприкасались съ Чернымъ моремъ... въ такомъ случаѣ я, конечно, вижу германскую имперію, итальянское королевство, восточную имперію, имперію славянъ. А что же Франція и ея революція, ея традиціи, ея интересы, ея пожеланія и цѣлый рядъ ея историческихъ событій?

Вездѣ, гдѣ прошла, подъ чьимъ бы то ни было начальствомъ, французская революція, отъ ноября 1792 по октябрь 1812 года, ея духъ, ея душа, ея геній возстановляли народы, подвергшіеся нашествію, противъ вторгавшихся армій, и принципы, распространявшіеся Франціей, брали верхъ лишь по мѣрѣ того, какъ уходили назадъ ея арміи. Причина этого заключается въ томъ, что послѣ того, какъ ея войска совершали революцію, французская власть желала сдѣлать изъ нея дѣло французское, обратить ее въ могущество и блескъ французской республики въ мірѣ. Наполеонъ, даже выходя изъ границъ, какъ онъ поступилъ въ 1810 году, оставался глубоко французскимъ императоромъ.

[1]) Extraits du *Mémorial*.—*Corr.*, t. XXXII, p. 304—306.

Великая Имперія оставалась чрезмѣрнымъ орудіемъ политическаго, экономическаго и національнаго главенства Франціи надъ Европою, сокрушающимъ и душащимъ самую Францію. Вотъ почему Великая Имперія—возвышеніе и великолѣпіе французскаго могущества,—казалась народамъ чудовищемъ и Левіаѳаномъ; вотъ почему она становилась европейскимъ національнымъ тѣмъ болѣе невыносимой, чѣмъ больше онѣ сознавали свои интересы, свои исконныя преданія, свои наслѣдственныя страсти, и вотъ почему онѣ по очереди, будучи освобождаемы Франціей и освобождаясь отъ Франціи, за это почитали Наполеона и еще не простили французовъ. Наполеонъ былъ мертвъ, его уже не опасались; а Франція продолжала жить и могла возвратиться назадъ. Отсюда вытекаютъ эти странныя, на первый взглядъ противорѣчивыя и такъ тѣсно связанныя въ своихъ корняхъ послѣдствія: ненависть къ Франціи, наступающая за паденіемъ имперіи; удивленіе, даже благодарность по отношенію къ Наполеону, котораго поочередно проклинали, почитали, вызывали его образъ, и который принималъ все большіе размѣры въ воображеніи народовъ, по мѣрѣ того какъ они съ болѣе дальняго разстоянія смотрѣли на то, какъ онъ врывается въ ихъ исторію, въ то же самое время они гордились тѣмъ, что прогнали его изъ своего отечества. Таково бываетъ въ блескѣ горизонта, въ концѣ лѣтняго дня солнце, подъ которымъ изнемогаютъ люди, и зрѣютъ нивы.

ГЛАВА III.

Русская война 1810—1812 гг.

I.

Съ августа 1810 года Александръ въ величайшей тайнѣ готовился къ наступательнымъ дѣйствіямъ [1]). Русскіе корпуса незамѣтно приближаются къ границѣ и сосредоточиваются. Не позже февраля 1811 года онъ соберется съ силами: будетъ имѣть 230,000 человѣкъ, готовыхъ къ

[1]) Alexandre à Czartoryski 6 janvier, 12 février 1811. *Mémoires*, liv. II. См. выше, стр. 384.—Albert Vandal, Ernouf, *Maret*; Frédéric Masson, t. VI, *Marie-Louise*; Duncker; Bernhardi, Zinkeisen, Oncken, *O. und P.*; Stern, Bignon, Botta, Helfert, *Murat*, *Marie-Caroline*; Guillon, *Complots militaires;* commandant Margueron, *Campagne de Russie*; Girod de l'Ain, *Général Foy*; Pingaud; Schefer, *Bernadotte*; d'Ideville, *Bugeaud*.—*Mémoires* de Joseph, de Metternich, Jourdan, Miot, Desvernois, Pasquier.—*Corr.* de Davout, de Lagerbielke, par Oscar Alix.

походу, и, ударивъ, опрокинетъ 50—60,000 человѣкъ, которыхъ Наполеонъ держитъ по ту сторону Рейна, 95,000 нѣмцевъ, находящихся въ Рейнскомъ союзѣ, которые не будутъ сопротивляться. До этого времени онъ будетъ занимать Наполеона медленно подвигающимися переговорами, прерывая ихъ неумѣстными и праздными препирательствами. Распоряжаясь уже отчасти придунайскими княжествами, онъ завладѣетъ ими окончательно; они послужатъ ему добавочнымъ элементомъ въ его комбинаціяхъ. Тогда онъ застигнетъ Наполеона врасплохъ *ультиматумомъ* и неожиданно нападетъ на него. Онъ предполагаетъ увлечь поляковъ, призвать Европу къ оружію и возобновить великій планъ—отбросить назадъ Францію, возстановить монархію и русское главенство на континентѣ,—задуманный имъ съ 1804 года и прерванный жестокими ударами меча подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ. Чтобы привлечь на свою сторону поляковъ, онъ разсчитываетъ на ихъ раздоры, на ихъ неистощимую податливость на политическую иллюзію, на ихъ химеру возстановить свое отечество, на чарующее дѣйствіе обѣщаній независимости, обѣщаній, которыхъ онъ надаетъ имъ въ избыткѣ. Если поляки предадутся Россіи, тогда авангосты наполеоновской имперіи взяты.

Съ момента вступленія въ Германію Александръ находитъ союзника, пылающаго местью, ту Пруссію, которую Наполеонъ сохранилъ лишь для того, чтобы предать ее пыткамъ и тюрьмѣ, чтобы ее разорить и поработить. Король трепещетъ при мысли о преждевременномъ взрывѣ, могущемъ открыть великій заговоръ его политики и разрушить работу возрожденія, вооруженіе націи, тайно приготовленное его министрами. Но возсозданная и преобразованная армія горитъ желаніемъ выступить въ походъ; нація имѣетъ своихъ начальниковъ, своихъ вожаковъ; она созрѣла для возстанія; она охвачена пламенными чувствами; если нужно будетъ, она принудитъ дѣйствовать своего короля. Александръ знаетъ это. «Французскіе гарнизоны на Одерѣ, окруженные повстанцами, не будутъ въ состояніи помѣшать регулярнымъ прусскимъ войскамъ соединиться съ массами русскаго войска».

Бернадоттъ, господствуя надъ Помераніей, обезпечиваетъ эти движенія съ фланговъ. Первое правило искусства царствовать состоитъ, согласно старому методу, въ томъ, чтобы расширять границы своего царства. Бернадоттъ, только что избранный Швеціей, уже думалъ увеличить Норвегіею свою будущую монархію. Въ это время были въ Европѣ только два властителя, раздававшіе царства и людей: Наполеонъ и Александръ. Норвегія принадлежала Даніи, а Данія была союзницей Франціи. Ничего нельзя было ожидать отъ Наполеона, который хотѣлъ сохранить это маленькое государство и этого вѣрнаго союзника. Александръ, благодаря Наполеону, захватилъ Финляндію у шведовъ, и онъ ищетъ случая для примиренія. Онъ приготовлялся къ разрыву съ Наполеономъ. Завлечь Бернадотта и заручиться его содѣйствіемъ было первой его мыслью. Наполеонъ далъ ему для этого поводъ: онъ просилъ у него содѣйствія, чтобы привлечь Швецію къ блокадѣ [1]). На привезенное Чернышевымъ письмо Александръ набросалъ пачерно отвѣтъ въ красивой формѣ и поручилъ Чернышеву доставить его въ Парижъ, проѣхавъ черезъ Стокгольмъ. Чернышевъ прибылъ туда въ первыхъ числахъ декабря [2]). Достаточно было ему улыбнуться, чтобы быть понятымъ. Бернадоттъ далъ свое честное слово—уже не маршала французскаго, а шведскаго наслѣдника престола—«никогда не быть противъ Россіи». Александръ полагаетъ, что Бернадоттъ вовсе не будетъ стѣснять его: нейтральный въ началѣ войны, союзникъ, если Россія возьметъ верхъ въ ней, онъ не только вовсе не станетъ содѣйствовать континентальной блокадѣ, но и будетъ даже парализовать ее. «Чернышевъ, говоритъ одинъ русскій документъ, исполнилъ цѣль своей миссіи съ полнымъ успѣхомъ... Отчетъ, представленный имъ Его Императорскому Величеству... свидѣтельствуетъ, что уже въ это время рѣшеніе Бернадотта было твердо принято; что съ этой поры онъ рѣшилъ порвать всякую связь съ Франціей и съ полнымъ довѣріемъ положиться на добросовѣстность и покровительство императора Александра» [3]).

Защищенный такимъ образомъ справа, Александръ будетъ въ состояніи маневрировать болѣе свободно на своемъ лѣвомъ крылѣ. Почва здѣсь болѣе скользкая, представляетъ больше трудностей, но Александръ знаетъ ее удивительно, и онъ приготовилъ себѣ пути. Австрія будетъ тайной соумышленницей, поскольку Россія будетъ держаться данныхъ ей обѣщаній; она будетъ соумышленницей открытой въ то время, когда Россія будетъ въ состояніи уступить ей земли на Востокѣ или въ Италіи. Уже въ 1809 году, когда, повидимому, Александръ былъ цѣликомъ въ союзѣ съ Франціей, а Францъ II совсѣмъ въ войнѣ съ нею, два императора согласно дѣйствовали противъ Наполеона. Игра сама собою снова завязывается на той точкѣ, на которой она остановилась. Вѣнскій посланникъ Шуваловъ снова поднялъ разговоръ, начатый Алопеусомъ [4]). Онъ предлагаетъ «любую часть Турціи, за исключеніемъ придунайскихъ княжествъ». Къ концѣ года Александръ казался расположеннымъ отдать имъ Молдавію и Валахію по Серетъ и даже Сербію, взамѣнъ чего

[1]) Napoléon à Alexandre, 23 octobre 1810.
[2]) Rapport de Tchernichef, Stockholm, 7 décembre 1810.
[3]) *Aperçu des transactions.—Русское Истор. Общество*, т. XXI.
[4]) См. выше, стр. 372.—Доклады Шувалова у Мартенса.

австрійцы должны были позволить ему сдѣлаться польскимъ королемъ и отдать ему Галицію [1]). Австрійцы выслушали, поняли и промолчали. Ихъ молчаніе, долженствовавшее успокоить Наполеона въ тогдашнее время, заставляло Александра увеличивать свои предложенія. Александръ былъ увѣренъ, что Австрія вовсе не будетъ противодѣйствовать ему: въ ожиданіи пока онъ побѣдитъ, она, по меньшей мѣрѣ, отплатитъ ему такой же услугой, какую онъ оказалъ ей въ 1809 году.

Дѣло въ томъ, что въ Вѣнѣ все общество, вся придворная партія, всѣ государственные люди, Меттернихъ—первый, кто задумалъ планъ и подписалъ контрактъ—смотрѣли на бракъ 1810 года не иначе, какъ на величественное представленіе для отвода глазъ Они мечтаютъ загладить этотъ скандалъ передъ Европой. Они не только поджидаютъ случая для этого, они даже налаживаютъ его. Императоръ «нутромъ преданъ государству»: первый разъ онъ пожертвовалъ своею дочерью ради спасенія своей монархіи, которая была завоевана, и которой угрожалъ раздѣлъ; онъ пожертвуетъ ею второй разъ ради славы и усиленія этой самой монархіи, опять ставшей завоевательницей. Ифигенія двора и государства, въ 1810 году. готова перемѣнить костюмъ и сцену, перейти отъ роли наивныхъ дѣвушекъ къ ролямъ вдовъ и полу-вдовъ и исполнить роль Андромахи въ вѣнской балетной оперѣ. Императоръ Францъ—это пишетъ одинъ изъ агентовъ Наполеона—ничего не забылъ: «Онъ не упустилъ изъ виду ни Нидерландовъ, ни Милана, ни Германской имперіи, ни пышнаго титула римскаго императора», ни Венеціанской области, ни Адріатическихъ провинцій. Армія требуетъ войны и еще разъ считаетъ себя въ силахъ помѣряться съ французами. Послушать иныхъ офицеровъ, пишетъ французскій посланникъ Отто, можно подумать, что «эрцгерцогъ Карлъ по ошибкѣ не учредилъ своей главной квартиры въ Сенъ-Клу, не присоединилъ къ монархіи Ломбардію, Эльзасъ и Лотарингію». Они неизбѣжно подадутъ голосъ за союзъ съ Россіей, который будетъ льстить ихъ страстямъ и сохранитъ для нихъ въ Нидерландахъ или въ Италіи столь много прекрасныхъ выгодъ.

Царь не сомнѣвается въ возстаніи германскихъ народовъ. Достаточно явиться въ оружіи, показаться болѣе сильнымъ, обѣщать имъ независимость и позволить имъ понадѣяться на возстановленіе имперіи. Русскіе дипломаты стараются около незначительныхъ дворовъ. Они дѣлаютъ это тайно, безъ официальныхъ инструкцій, такъ чтобы ихъ правительство, во всякомъ случаѣ, могло отречься отъ нихъ.

---

[1]) Alexandre à François II, 8—28 février 1811. — A Czartorysky 12 février 1811.

Голландія ожидаетъ только сигнала и критическаго момента Что касается англичанъ, они всегда находятся настороже, готовы оплачивать войну, какъ только Европа рѣшитъ вновь начать ее. Александръ всегда заботился о томъ, чтобы не оставлять ихъ въ покоѣ, представлять имъ свои *ультиматумы*, свое объявленіе войны какъ нѣкую необходимость времени, средство дожидаться лучшихъ обстоятельствъ. Начались переговоры въ величайшей тайнѣ. Александръ хотѣлъ дѣйствительно успокоить англичанъ и дать имъ нѣкое обезпеченіе. Согласно постановленнымъ планамъ и принятымъ имъ мѣрамъ противъ Наполеона, онъ издалъ, 31 декабря 1810 года, указъ, которымъ онъ поражалъ произведенія Франціи, идущія сухимъ путемъ, и давалъ свободный доступъ товарамъ, доставляемымъ моремъ нейтральными кораблями. Это значило разорвать блокаду и протянуть руку Англіи [1]).

Любезный Коленкуръ. озабоченный тѣмъ, чтобы загладить впечатлѣнія, произведенныя бракомъ, вездѣ видитъ только лойяльность, желаніе нравиться, любовь къ миру. Онъ вѣритъ этому и пишетъ объ этомъ въ Парижъ. Таллейранъ въ сношеніяхъ съ молодымъ Нессельроде, составлявшимъ все посольство, въ которомъ Куракинъ есть лишь подставное громкое имя, распространяетъ тѣ же иллюзіи. Александръ можетъ разсчитывать на сопротивленіе Испаніи, на возрастающія трудности правительства великой имперіи, на разбросанность силъ Наполеона, на диверсіи одной вліятельной партіи въ Парижѣ, между приближенными, даже между совѣтниками императора. Александру хорошо служили; онъ былъ замѣчательно освѣдомленъ.

Князь Александръ Чернышевъ проводилъ свою жизнь въ разъѣздахъ по дорогамъ изъ Петербурга въ Парижъ и изъ Парижа въ Петербургъ въ качествѣ курьера по очень интимнымъ дѣламъ двора и государственнымъ, привозя императору собственноручныя письма царя и его льстивыя слова. Этотъ молодой двадцатипятилѣтній славянинъ пользовался всѣмъ довѣріемъ своего государя, и онъ заслуживалъ его, умѣя притворяться и высматривать, вызывать на разговоръ и молчать; онъ пріобрѣлъ если не довѣріе, по крайней мѣрѣ, расположеніе Наполеона, который находилъ его сговорчивымъ, скромнымъ, внимательно слушающимъ, точнымъ докладчикомъ, флигель-адъютантомъ для разговоровъ; но, внѣ этой службы, онъ считалъ его незначительнымъ, однимъ изъ тѣхъ штабныхъ вѣтроголовъ, однимъ изъ тѣхъ канцелярскихъ франтовъ, которые во всякое время умѣли льстить прихотямъ Александра. Подъ самою легкомысленъ-

---

[1]) Объ экономическомъ положеніи Россіи. донесеніе Брая, 15 августа 1812 г., обзоръ прошлаго.

ною наружностью Чернышевъ скрывалъ безмѣрное честолюбіе, безграничное тщеславіе. Его мать, урожденная Ланская, фрейлина Екатерины Великой, взяла для него образцомъ Потемкина, сдѣлала изъ него совершеннаго царедворца, настоящаго салоннаго кавалера, съ той утонченностью, которая имѣла притязаніе ничѣмъ не хвастаться, развѣ только искусствомъ нравиться. Безъ всякой политической аффектаціи въ своемъ поведеніи; очень искусный въ свѣтскихъ маневрахъ, онъ работаетъ ради свѣта, и въ свѣтѣ же онъ прячется отъ любопытныхъ. Онъ сбиваетъ ихъ съ толку своимъ поведеніемъ щеголя, своей болтовней, легкомысліемъ своихъ словъ, своимъ самодовольствомъ развратника и чрезвычайной важностью, которую онъ, повидимому, придавалъ своимъ любовнымъ похожденіямъ [1]). Едва выйдя изъ коляски, онъ только и былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы привести себя въ порядокъ, нарядиться, уничтожить всякій слѣдъ усталости отъ путешествія и бѣгать по будуарамъ. Лобъ, покрытый завитыми въ кольца волосами, очень замѣтныя брови, глаза миндалинами, какъ у китайца, глубокосидящіе, смотрящіе съ лаской, немножко калмыцкій носъ; красивый ротъ съ выгнутыми словно лукъ губами; небольшіе бакенбарды; красивый человѣкъ, ушедшій въ себя, на все смотрящій разсѣянно вслѣдствіе единственной заботы о своей обворожительности. Стянутый въ своемъ платьѣ, съ таліей, *какъ у осы*, онъ носилъ шляпу съ плюмажемъ, съ той манерой «иностранца», которую Меттернихъ ввелъ въ моду. У женщинъ закружились головы: *торжественный пріемъ!* писала одна изъ нихъ. Никто не употреблялъ столько искусства и лукавства, чтобы сойти за пустого человѣка. Его карета стояла у воротъ одной актрисы, извѣстной своей податливостью, а въ это время онъ занимался своими дѣлами, которыя состояли вовсе не въ томъ только, чтобы кружить головы. Съ большимъ искусствомъ онъ пользовался для нихъ своими салонными успѣхами. «Извѣстно, говоритъ одна современница, что онъ былъ у ногъ одной женщины, мужъ которой зналъ самыя сокровенныя тайны императора» [2]). Но императоръ не относился къ нему съ серьезностью.

[1]) См. выше, стр. 302. Чернышевъ въ Вѣнѣ въ 1809 г.

[2]) Та ли это личность, которую Чернышевъ въ своихъ донесеніяхъ отъ 17 іюня и 17 іюля 1811 г. обозначаетъ словами M-me D.? (Русское Историческое общество, т. XXI, стр. 175, 190). Женщина, знакомая съ политикой и съ военными, которая давала свѣдѣнія и совѣты, между прочимъ «говорить и дѣйствовать съ большой твердостью», и съ которою «онъ имѣлъ часто случай видѣться». О Чернышевѣ, *Mémoires*, de Pasquier, de Marbot, de la duchesse d'Abrantès. Портретъ его въ собраніи тридцати девяти портретовъ Луи де Сентъ-Обена, изданныхъ великимъ княземъ Николаемъ.

Ни союзъ, ни сердечныя изліянія и объятія не прекратили сношеній русскаго посольства съ «военными канцеляріями» [1]). Чернышевъ бережетъ и совершенствуетъ машину, и ему удается добыть самыя секретныя свѣдѣнія: отчетныя вѣдомости, которыя Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе читать каждый день, «настольную книгу королей», говорилъ онъ, и которую Чернышевъ нашелъ средство перехватывать между военными канцеляріями и кабинетомъ императора. День за днемъ это бюллетень о болѣзни, которая разъѣдаетъ имперію, объ Испаніи. Это секретныя сообщенія недовольныхъ; неосторожныя слова, которыя въ присутствіи царскаго довѣреннаго срываются съ языка у иныхъ, допущенныхъ къ дружескому сообщенію съ императоромъ; преждевременныя предложенія другихъ, измѣна, которая вкрадывается подъ формой совѣтовъ. «Недовольство всеобщее и сильно проявленное, но отъ него нельзя ожидать никакого прямого дѣйствія, потому что опасеніе и страхъ, внушаемые силой, которою можетъ располагать Наполеонъ, покрываютъ всѣ его несправедливыя дѣйствія... При такомъ положеніи вещей, глаза всѣхъ обращены къ Россіи, она единственная держава, которая была бы въ состояніи... послужить преградой этому разрушительному потоку...» Жомини — который въ 1813 году перейдетъ къ союзникамъ—уже думалъ объ измѣнѣ: дѣло не удается, такъ какъ Наполеонъ упредилъ ударъ, назначивъ Жомини бригаднымъ генераломъ и призвавъ его въ Парижъ, подъ свой близкій надзоръ. «Стеченіе обстоятельствъ и неожиданныхъ событій, пишетъ Чернышевъ, лишаетъ насъ этого достойнаго человѣка, который болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, могъ бы быть намъ полезнымъ» [2]). Онъ видитъ Таллейрана, который «выражается вообще какъ истинный другъ Россіи» и совѣтуетъ заключить миръ съ турками. Чернышевъ дѣлаетъ заключеніе, что слѣдуетъ отдѣлаться отъ этой неудобной войны «во что бы то ни стало», для того, чтобы можно было «нанести самый гибельный ударъ интересамъ Наполеона», «неожиданно вступить въ Варшавское герцогство [3]), провозгласить себя польскимъ королемъ и обратить противъ самого же императора Наполеона всѣ средства, приготовленныя имъ въ этой странѣ для войны противъ насъ».

Таковы намѣренія, средства, орудія Александра въ послѣдніе мѣсяцы 1810 и въ первые мѣсяцы 1811 года. Ни Фридрихъ II, ни Наполеонъ,

[1]) «Свѣдѣнія, которыя добываетъ въ военной канцеляріи графъ Нессельроде». Чернышевъ, 10 мая 1811 года.—Cf. Pingaud, *d'Autraigues*, p. 231.—Albert Vandal, t. III, chap. IX et XI.—Sur Talleyrand, *id.*, chap. 1.

[2]) Cf. avec toutes les atténuations, Saint-Beuve, *Nouveaux Lundis*, t. XIII: article *Jomini*, p. 113—114.

[3]) Rapport du 9—21 avril 1811.

въ своихъ самыхъ вѣроломныхъ наступательныхъ проектахъ, никогда не задумывали, изъ такого далека, въ такой тайнѣ и такъ макіавелистически законченнаго плана болѣе страшной атаки. Тѣмъ не менѣе этотъ планъ рушится или, вѣрнѣе, откладывается. Дѣло въ томъ, что поляки, на которыхъ разсчитываетъ Александръ, что они сдадутъ первую дверь, отказываются отъ той роли, которую онъ имъ предназначаетъ, и что тѣ же самые поляки предупредили Наполеона. Достаточно предупредить его, чтобы разрушить великій маневръ, внезапный ходъ и эффектъ неожиданности.

II.

Наполеонъ ничего не подозрѣвалъ до первыхъ дней декабря. Отъ сентября по ноябрь его видятъ всецѣло занятымъ блокадой. «Это очень сложная система, изъ которой я извлекаю самые удачные результаты, благодаря оккупаціи огромнаго побережья, Мекленбурга, ганзейскихъ городовъ и главныхъ портовъ Германіи. Англія дѣйствительно находится въ послѣдней крайности, у меня же чрезмѣрное изобиліе товаровъ, которые мнѣ необходимо экспортировать». Англійскіе товары «будутъ преслѣдоваться и изгоняться изъ континента...» [1]) Всѣ должны подчиниться этому, до Швейцаріи включительно. Военная сила принудитъ къ этому народы, и командующій этой силой Даву будетъ сдѣланъ главнымъ таможеннымъ чиновникомъ имперіи. Въ этой огромной операціи Россія составляетъ одно изъ крылъ арміи, то, которое довершаетъ обложеніе на этомъ громадномъ пространствѣ, и которое въ то же время своею главною частью, находящеюся на второй линіи, нѣкоторымъ образомъ, поддерживаетъ это обложеніе, на всемъ Балтійскомъ побережьи, на всей пограничной линіи съ Польшей и Германіей. Пусть только она держится, и Пруссія будетъ держаться; пусть она подѣйствуетъ на Швецію, и Швеція уступитъ; съ ней все можно довести до конца.

Для Пруссіи это вопросъ жизни или смерти. «Зло, причиняемое этими мѣрами Англіи, громадно, если онѣ будутъ примѣняться серьезнымъ образомъ. Я требую, чтобы на трехъ заставахъ, на Вислѣ, Одерѣ и Эльбѣ, не дозволяли транзита въ прусскія владѣнія никакихъ англійскихъ или колоніальныхъ товаровъ...; въ противномъ случаѣ я вступлю въ Пруссію; у меня нѣтъ другого средства воевать съ Англіей; этотъ же способъ дѣйствителенъ...» Шестьсотъ кораблей, которые не могли войти въ Мекленбургъ, разгрузились дальше; нужно, чтобы Пруссія арестовала эти

[1]) A Eugène, 19 septembre; à Jérôme, 3 octobre; à Clarke, 4 octobre; à Eugène, 6 octobre 1810.

товары: «Если грузъ этихъ шестисотъ кораблей, пришедшихъ въ Пруссію, не будетъ конфискованъ, то я пошлю конфисковать его». А что, если корабли, не принятые въ Пруссіи, дойдутъ до Россіи? Наполеонъ сейчасъ же написалъ объ этомъ Александру: «Если Вы, Ваше Величество, допустите ихъ, то война будетъ еще продолжаться; если Ваше Величество секвеструете ихъ... страшный ударъ поразитъ Англію... Отъ Вашего Величества зависитъ имѣть миръ или затянуть войну». — «Англія будетъ принуждена просить мира, если Россія не откроетъ ей своихъ портовъ» [1]).

Онъ обращается со все болѣе и болѣе настоятельными увѣщаніями къ Чернышеву, во время его пріѣздовъ въ Парижъ; Шампаньи посылаетъ ноту за нотой Куракину, курьера за курьеромъ къ Коленкуру. Дѣло идетъ о томъ, чтобы сдавить горло хрипящаго противника, чтобы нанести смертельный ударъ! Но все связано. Это хорошо извѣстно Наполеону. Достаточно одной трещины, чтобы въ нее провалилась вся система. Англичанъ предстоитъ изгонять изъ Сициліи и Португаліи; Корфу предстоитъ защищать. «Если въ одинъ злосчастный день англичане завладѣютъ Корфу, то Адріатическое море будетъ потеряно навсегда...» Наполеонъ понимаетъ, до какой степени блокада угнетаетъ народы: [2]) «Наконецъ, говорилъ онъ шведскому представителю, неужели вы думаете, что я-то, я не страдаю? Что Франція, Бордо, Германія не страдаютъ? Но вѣдь именно поэтому нужно довершить морской миръ во что бы то ни стало... Да... Швеція есть единственная причина переживаемаго мною кризиса. Швеція сдѣлала мнѣ больше зла, чѣмъ пять коалицій вмѣстѣ. Но теперь, предоставленная сообщенію съ остальной Европой, она пользуется этимъ, чтобы торговать съ Англіей... Ахъ! милостивый государь, времени, еще времени, я слишкомъ много потерялъ его... Выбирайте! Стрѣльба изъ пушекъ по англичанамъ, приближающимся къ вашимъ берегамъ, или конфискація ихъ товаровъ въ Швеціи, или война съ Франціей... Я могу напасть на васъ при помощи русскихъ, при помощи датчанъ; я могу конфисковать у континента всѣ ваши корабли, и я сдѣлаю это, если черезъ пятнадцать дней вы не будете въ войнѣ съ Англіей...»

Итакъ, пусть Александръ дѣйствуетъ, пусть онъ угрожаетъ, пусть блокируетъ, и сѣверъ покорится. Разъ сѣверъ покоренъ, Англія рушится. Наполеонъ еще надѣется на это, и, надѣясь на это, онъ рисуетъ себѣ эту картину, вычисляетъ послѣдствія. Это есть возвратъ къ мечтаніямъ о слѣдующемъ днѣ послѣ Амьенскаго мира. Это громадная *армада*, по прежнему заказанная, по прежнему находящаяся въ верфяхъ, или бло-

[1]) A Champagny, 13, 19 octobre; à Alexandre, 23 octobre 1810.

[2]) A Eugène, 6 octobre; à Murat, 4 novembre 1810.—Rapport de l'envoyé suédois Lagerbielke, 26 octobre 1810. Oscar Alix.

кированная въ портахъ, которая выступитъ, наконецъ, въ 1812 или въ 1813 году, потому что всякій протекающій мѣсяцъ отдаляетъ событіе вмѣсто того, чтобы приближать его. Въ октябрѣ Наполеонъ отправляетъ одного агента въ Египетъ и въ Сирію: миссія на годъ времени, чтобы все высмотрѣть, все изучить [1]). 17 сентября онъ писалъ Декре: «Когда я буду имѣть средства доставить въ Египетъ, напримѣръ, пять дивизій линейныхъ войскъ... 40,000 человѣкъ, 500 повозокъ, 2000 лошадей?.. Прошу васъ приготовить докладъ мнѣ, въ какомъ положеніи можемъ мы надѣяться оказаться въ 1812 году. Я думаю, что въ августѣ 1812 года я буду имѣть... 104 линейныхъ корабля. Если эти 104 корабля будутъ поддержаны транспортнымъ флотомъ Шельды, поднимающимъ 42,000 человѣкъ...; транспортнымъ флотомъ Средиземнаго моря, поднимающимъ 40,000 человѣкъ; Булонской флотиліей, могущей поднять 60,000 человѣкъ; флотиліей, находящейся противъ Сициліи, могущей поднять 20,000 человѣкъ; транспортнымъ флотомъ въ Шербургѣ, могущимъ поднять 20,000 человѣкъ; наконецъ, транспортными кораблями, взятыми въ Голландіи, эскортируемыми эскадрами тексельской и маасской, что составитъ 200,000 человѣкъ, то англичане окажутся въ положеніи очень различномъ отъ того, въ которомъ они находятся въ настоящее время. Это мой планъ кампаніи на 1812 годъ!..»

Но въ настоящее время англичане держатся въ Португаліи. Наполеонъ послалъ противъ нихъ Массену. Этотъ маршалъ только 19 сентября имѣлъ возможность атаковать ихъ; 27 числа, при Бюзако, онъ заставилъ Веллингтона податься за свои укрѣпленныя линіи у Торресъ-Ведрасъ, гдѣ тотъ припасъ для себя грозное убѣжище: 168 верковъ, 383 пушки и свободное море для подвоза провіанта. Массена оказывается въ затруднительномъ положеніи и требуетъ отъ Наполеона подкрѣпленій, которыхъ тотъ уже не можетъ прислать ему: если онъ ихъ не получитъ, это будетъ отступленіе и при отвратительныхъ условіяхъ, отступленіе по Испаніи, опустошенной, возставшей, ожесточенной [2]). Все идетъ тамъ отъ дурного къ худшему. Іосифъ по прежнему подаетъ въ отставку, по прежнему ноетъ, по прежнему остается, грозитъ уединиться въ Мортефонтенѣ и въ концѣ концовъ рѣшаетъ потребовать свои паспорта въ Неаполь, гдѣ онъ охотно основался бы на мѣсто Мюрата и своей сестры Каролины [3]). Чтобы вознаградить себя, также чтобы ихъ сохранить, Наполеонъ думаетъ присоединить земли по Эбро, и послѣдствіемъ этого являются переговоры, которые приводятъ лишь къ тому,

[1]) A Champagny, 13, 14 octobre 1810.
[2]) Это отступленіе началось 13 ноября.
[3]) A Champagny, 9 septembre 1810.

что обостряютъ кризисъ между двумя правительствами, антагонизмъ между двумя братьями. Доведенный до отчаянія, Наполеонъ готовъ толкнуть Іосифа въ объятья кортесовъ. Такъ какъ Іосифъ вѣритъ въ возможность расположить къ себѣ испанцевъ, то пусть онъ царствуетъ надъ ними съ ихъ согласія. «Борьба благопріятствуетъ только англичанамъ!» Императоръ могъ бы тогда отказаться даже отъ линіи Эбро; онъ поручился бы за цѣлость Испаніи; онъ нашелъ бы выгоднымъ «освободить лучшую часть своихъ войскъ и покончить съ войной, которая могла бы стоить еще много крови» [1]). Если Іосифъ согласится, и если кортесы провозгласятъ его, тогда Наполеонъ выйдетъ изъ запутаннаго положенія: если Іосифъ откажется, тогда Наполеонъ будетъ свободенъ отъ обязательствъ; если кортесы отвергнутъ Іосифа, Наполеонъ отвернется отъ него и вступитъ въ переговоры съ Фердинандомъ. Но это значитъ плохо знать Іосифа. Этотъ либералъ не допускалъ никакого контроля національнаго собранія. Онъ объявилъ себя сердечнымъ избранникомъ испанцевъ: по его титулъ государя, властвующаго по божескому праву, не позволялъ ему совѣщаться съ ними. Онъ увернулся отъ предложенія и продолжалъ требовать своего «перемѣщенія» въ Неаполь.

Другія заботы, и болѣе настоятельныя, отвлекали вниманіе Наполеона отъ этой съ той поры невыносимой Испаніи. 11 ноября онъ принялъ курьера отъ Коленкура: Александръ отказывался принуждать нейтральныхъ къ блокадѣ. Наполеонъ не считалъ себя въ силахъ порвать съ Александромъ. Онъ очень желалъ сохранить видимость союза и подъ этимъ прикрытіемъ найти средства обойтись безъ него. Онъ уже придумалъ эти средства: принудить Пруссію, принудить Швецію закрыть англичанамъ Балтійское побережье и своими собственными силами упразднить торговлю нейтральныхъ, такъ какъ Александръ вовсе не соглашался препятствовать тамъ этой торговлѣ. Ганзейскіе города фактически заняты съ весны; Наполеонъ объявитъ ихъ нераздѣльной частью имперіи: поставитъ въ нихъ своихъ префектовъ, своихъ таможенныхъ чиновниковъ и, какъ санкцію, превотальные суды, висѣлицы, наводящую ужасъ жандармерію Даву [2]).

Тѣмъ временемъ, въ первыхъ числахъ декабря, онъ узнаетъ черезъ вѣрныхъ поляковъ, что Россія вооружается очень серьезно; что она занята составленіемъ себѣ партіи въ Польшѣ, что она возбуждаетъ тамъ волненія, измѣну Франціи. 5 числа онъ приказываетъ Шампаньи: «Напишите герцогу Виченцкому—Коленкуру,—что русскіе возводятъ много

[1]) A Champagny, 3 novembre; à Laforest, ambassadeur à Madrid, 7 novembre 1810.—Frédéric Masson, t. VI, p. 149 et suiv.
[2]) Davout à Friant, 10 novembre 1810.

укрѣпленій на Двинѣ и даже на Днѣстрѣ; необходимо, чтобы онъ зорко слѣдилъ за этимъ... Заключивъ миръ съ Портою, не желаютъ ли они заключить миръ съ Англіей и нарушить, такимъ образомъ, Тильзитскій трактатъ?.. Это немедленно послужило бы поводомъ къ войнѣ...» Онъ требуетъ въ тотъ же день отчетностей о войскахъ русскихъ, австрійскихъ, о войскахъ Рейнскаго союза. Потомъ онъ ускоряетъ дѣйствія и, сообразно со своимъ всегдашнимъ методомъ, занимаетъ позиціи. Шампаньи представляетъ ему докладъ относительно присоединенія ганзейскихъ городовъ, который онъ пересматриваетъ и собственноручно исправляетъ. 10-го онъ возвѣщаетъ сенату: «Такъ какъ мнѣ стали необходимы новыя гарантіи, то присоединеніе къ имперіи устьевъ Шельды, Мааса, Рейна, Эмса, Везера и Эльбы» оказалось важнѣйшей изъ нихъ. 13 декабря сенатское постановленіе возвѣщаетъ присоединеніе Голландіи, департамента Эмсъ въ великомъ герцогствѣ Бергъ, трехъ департаментовъ Везера, нижней Эльбы и сѣвернаго департамента въ Вестфаліи, Лауенбурга, Ольденбурга, Бремена, Любека и Гамбурга. Другимъ сенатскимъ постановленіемъ присоединяется Валлисъ, путь въ Италію. Третье постановленіе приказываетъ набрать 120,000 рекрутъ. Ольденбургскій герцогъ—дядя Александра; Наполеонъ позаботится вознаградить его. Онъ приказываетъ написать въ этомъ смыслѣ въ Петербургъ 14 числа, 17-го декабря онъ разрываетъ договоръ съ Іеронимомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Іеронимъ не исполнялъ его. 24-го онъ рѣшаетъ присоединить Тессинъ, чтобы довершить присоединеніе Валлиса. Эти мѣры сливаютъ въ одно союзныя государства и подвластныхъ союзниковъ, Швейцарію и Рейнскій союзъ, съ братьями-королями: у Людовика отнята Голландія, великое герцогство Бергъ отдано сыну этого короля и раздѣлено, Ганноверъ данъ Іерониму и отнятъ назадъ.

Это еще лишь мѣры ранней предусмотрительности противъ отдаленныхъ угрозъ. Наполеонъ не зналъ всей величины опасности.

24 декабря онъ говоритъ генералу Фоа, прибывшему съ посланіемъ отъ Массены: «Я призвалъ 120,000 рекрутъ, я могъ бы обойтись безъ нихъ: это просто мѣра предосторожности. Въ настоящее время нѣтъ никакой вѣроятности войны на материкѣ. Императоръ Александръ желаетъ мира; русская нація, хотя многіе въ ней наши враги, желаетъ мира, но возможно, что она вступитъ въ войну, не желая этого: таково свойство націй дѣлать нелѣпости. Если, напримѣръ, Россія сблизится съ Англіей, я тотчасъ-же объявлю ей войну».

Указъ отъ 31 декабря 1810 года далъ ему доказательство этого сближенія. Наполеонъ убѣдился, и это было вовсе не трудно, что эта мѣра не была и не могла быть отвѣтомъ на рекрутскій наборъ 13 декабря и на

присоединенія, произведенныя въ тотъ же день: слѣдовательно, это была мѣра заранѣе обдуманная, очень вѣроятно, бывшая послѣдствіемъ другихъ мѣръ, о которыхъ онъ не зналъ, и гарантіей соглашенія, которое устраивалось скрытно. Тогда онъ нашелъ необходимымъ въ свою очередь приняться за вооруженіе. Онъ произвелъ дозволенный сенатомъ наборъ рекрутъ и сталъ на показъ «говорить о Польшѣ», покровительствовать многочисленнымъ полякамъ, мятежнымъ и безпокойнымъ, находившимся въ Парижѣ. Они сплачивались вокругъ госпожи Валевской: «Она привезла съ собой маленькаго ребенка, который будто бы появился на свѣтъ благодаря частымъ поѣздкамъ, которыя она совершала изъ Вѣны въ Шёнбрюннъ; и потому ребенокъ дѣлается предметомъ чрезвычайной заботливости».

3 января 1811 года, еще не зная объ указѣ, Наполеонъ составилъ себѣ «Книжку о Великой Арміи» и набросалъ въ ней планъ реорганизаціи, которая была имъ постановлена 10 числа: генеральный штабъ долженъ былъ собраться въ Майнцѣ 15 февраля. Даву, который долго прожилъ въ Парижѣ, отправился въ Германію. Онъ увезъ регламентъ относительно организаціи присоединенныхъ странъ, и мало-по-малу, незамѣтными переправами, Наполеонъ началъ усиливать эту германскую армію, бывшую на стражѣ блокады, авангардъ великой арміи [1]). «Отъѣздъ маршала Даву, пишетъ Чернышевъ 21 февраля, тоже произвелъ очень большую сенсацію; на него посмотрѣли здѣсь какъ на предвозвѣстника войны: положительно извѣстно, что черезъ Рейнъ, въ Везель, переправлено 200 пушекъ».—«Если бы я пожелалъ напасть, кто могъ бы помѣшать мнѣ, говорилъ въ маѣ Александръ Лористону. Уже два мѣсяца какъ я готовъ». Помѣшала наступленію быстрота мѣръ Наполеона, предупрежденнаго поляками, что Александръ замышлялъ неожиданное нападеніе. Ударъ не удался. Чернышевъ писалъ: «Несмотря на признаніе, что война съ нами въ настоящее время невыгодна для Наполеона, все-таки, все, что дошло до его свѣдѣнія о нашихъ вооруженіяхъ, побудило его серьезно выполнить свои» [2]).

Гревога была сильная, опасность большая [3]). Всмотритесь въ нихъ внимательно, это цѣликомъ исторія 1813 года, которую Александръ та-

[1]) A Clarke, 3 janvier; à Lacuée, 11 janvier; à Davout 21 janvier; Davout à Clarke, 11 janvier 1811.

[2]) Rapport du 10 mai 1811.

[3]) «Онъ почувствовалъ, насколько рѣшителенъ для него теперешній моментъ, если мы быстро рѣшимся атаковать его, и что, если онъ не выгадаетъ времени, онъ будетъ вынужденъ отказаться отъ завоеванія Испаніи; или, если мы его захватимъ врасплохъ, ему придется выдержать невыгодную для него войну съ нами». Чернышевъ 10 мая 1811 г.

кимъ образомъ превосхищая приготовлялъ заранѣе. Но это былъ 1813 годъ преждевременный, безъ злополучій Москвы, безъ снѣга и безъ уничтоженія великой арміи. Наполеонъ имѣлъ время повернуть фронтъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которымъ никогда не нужно давать этого времени. Испанія принудила его очистить Германію. Чтобы остановить Александра, чтобы затѣмъ отбросить его назадъ и принудить къ покорному союзу, Наполеонъ долженъ былъ со всѣхъ концовъ западной Европы собрать своихъ разбросанныхъ французовъ и въ ихъ рядахъ помѣстить космополитическія вспомогательныя войска.

Операція эта требуетъ мѣсяцевъ времени, громадныхъ и кропотливыхъ приготовленій, тонкихъ политическихъ комбинацій. Въ эти мѣсяцы онъ употребитъ столько искусства, чтобы удержать Александра въ нерѣшительности, сколько употребилъ его Александръ, чтобы застигнуть Наполеона врасплохъ въ послѣдніе мѣсяцы 1810 года. Уходя въ подробности этой колоссальной войны, Наполеонъ постарается скрыть отъ самого себя свое безсиліе отвратить ее и постарается закрывать глаза на окончательную безплодность этого чудовищнаго напряженія.

Такимъ образомъ, все вѣчно надо начинать сначала. Наполеонъ всегда находится въ томъ положеніи, какое было на слѣдующій день за Аустерлицомъ, на другой день послѣ Фридланда. Пусть онъ дойдетъ до Петербурга, пусть онъ дойдетъ до Москвы, нужно будетъ опять начинать съ Тильзита, а Тильзитъ ничего не довелъ до конца. Наполеонъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ планѣ коализовать Европу противъ Англіи. Больше ли онъ успѣетъ въ блокадѣ Англіи, когда онъ будетъ единымъ господиномъ Европы? Подчиняется ли Бельгія блокадѣ больше, чѣмъ Голландія? Больше ли подчиняется блокадѣ Голландія съ тѣхъ поръ, какъ ее обратили во французскіе департаменты? И то же самое происходитъ на всѣхъ побережьяхъ отъ Адріатическаго до Балтійскаго. Внутри Франціи онъ долженъ напрягать всѣ пружины.

Онъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы удовлетворяться гипотезами, которыми тщеславились и еще обыкновенно тщеславятся историки, передѣлывающіе битвы, возобновляющіе переговоры, останавливающіе революціи, опредѣляющіе страсти народовъ, распоряжающіеся королями однимъ росчеркомъ пера на листѣ своей неисписанной бумаги. Наполеонъ работалъ надъ Европой слишкомъ живой, и онъ не иначе могъ заставить слушать себя какъ только пушечными выстрѣлами. Онъ хорошо зналъ, что Франція дорожила главенствомъ надъ старымъ свѣтомъ, и что со всѣмъ тѣмъ она не желала ни признать условія главенства, ни считаться съ его послѣдствіями, то есть, со всеобщимъ завоеваніемъ народовъ и съ континентальной блокадой. Онъ зналъ, что Европа никогда не принимала этого

главенства, что она всегда замышляла свергнуть его; зналъ, что плотина, прорванная въ одномъ мѣстѣ, затрещитъ вездѣ, и что тогда наступитъ потопъ; зналъ, что, если онъ въ какомъ нибудь мѣстѣ подастся назадъ, Европа сейчасъ же подвинется впередъ; онъ зналъ, что для того, чтобы удержать ее, у него не будетъ другого средства кромѣ того, которымъ она была отброшена назадъ и затѣмъ сдерживаема: это средство побѣждать ее, и что, если бы онъ не побивалъ ея, если бы онъ былъ побѣжденъ, Франція не простила бы ему паденія своего величія и потери своихъ границъ 1801 года.

III.

Наполеонъ переживалъ трудные дни, быть можетъ, самые трудные въ своей жизни. Вокругъ него «унылыя, вытянутыя лица, сердца, сжавшіяся отъ боли и страха, въ угрюмомъ молчаніи ожидавшія конца своихъ бѣдъ» послѣ страшнаго ваграмскаго кровопусканія, гверильясовъ, пытокъ, кошмара испанской войны, а теперь, быть можетъ, предстоитъ повторить Эйлау и Фридландъ! «Мѣсто обаянія, мѣсто чувства благодарности за возстановленный порядокъ, за національную славу, поднятую на такую высоту, заняли усталое послушаніе, потребность покоя, нѣмая злоба за такое количество жертвъ... Ему не были неизвѣстны чувства Франціи... Эти мысли осаждали его. По ночамъ его томили продолжительныя безсонницы, цѣлые часы проводилъ онъ на канапе, отдаваясь своимъ размышленіямъ. Кончалось тѣмъ, что они одолѣвали его, и онъ засыпалъ тяжелымъ сномъ. Его здоровье далеко не было хорошимъ, хотя онъ не былъ боленъ. Его ноги иногда отекали; онъ чувствовалъ потребность утомлять себя охотой или скачкой верхомъ» [1]). Одинъ день онъ до того потерялъ бодрость духа, что сказалъ или, вѣрнѣе, пробормоталъ въ присутствіи Чернышева, «что, если англичане еще продержатся нѣсколько времени, онъ не знаетъ уже, ни что станется, ни что ему дѣлать». *Бремя имперіи*! говоритъ Сегюръ. Онъ чувствовалъ, какъ оно одолѣваетъ. Это было время беременности Маріи-Луизы, и вся его надежда имѣть наслѣдника была этимъ растревожена. Не будетъ ли раздавленъ имперіей императорскій ребенокъ? «Да, говорилъ онъ впослѣдствіи, я былъ радъ появленію на свѣтъ Римскаго короля, но тогда во мнѣ не было самоувѣренности» [2]).

Континентъ, какъ Австрія и Россія въ 1805 году, какъ одна Австрія въ 1809 году, еще разъ отрываетъ его отъ великой иллюзіи относи-

[1]) Baraute, t. I, p. 331.—Ségur, t. III, p. 455.—Tchernichef, 21 avril, 10 mai 1811.

[2]) Gourgaud, t. I, p. 55.

тельно морскихъ экспедицій. Онъ отодвигаетъ ихъ на задній планъ, но, какъ только онъ находитъ минуту досуга, его воображеніе переносится къ этимъ отдаленнымъ надеждамъ. Онъ откладываетъ ихъ до 1812, потомъ до 1813, затѣмъ до 1814 года: но тогда: «Могущество моихъ народовъ таково, что черезъ четыре года я буду имѣть болѣе ста линейныхъ кораблей и двѣсти фрегатовъ». Флоты не будутъ выходить, но они всегда будутъ готовы къ выходу, будутъ «имѣть угрожающій видъ».—«Необходимо утомить англичанъ».—«Сицилію я назначаю для Средиземнаго флота и Ирландію для флота Шельды», экспедиціи въ Индію... «Если въ 1812 году обстоятельства будутъ благопріятны, то, располагая частью моихъ испанскихъ войскъ, я разсчитываю совершить экспедицію въ Сицилію или въ Египетъ...» [1])—«Составьте мнѣ докладъ относительно типа корабля, наиболѣе пригоднаго, чтобы подняться по Нилу и чтобы войти въ озера около Абукира».

Располагать частью испанскихъ войскъ! Но какъ? Иногда онъ еще помышляетъ нанести сильный ударъ, отдѣлаться отъ англичанъ; отдѣлаться отъ Іосифа, доведя его до крайности, принудивъ его къ отреченію; отдѣлаться отъ Испаніи, предоставивъ ее кортесамъ, возвративъ ее Фердинанду, который въ качествѣ гарантіи отдастъ ему провинціи вплоть до Эбро. Эти планы, которые онъ уже обдумывалъ раньше [2]), снова овладѣваютъ имъ, и больше всего онъ чувствуетъ безотлагательность слѣдующей необходимости: призвать назадъ войска, возвратить ихъ Великой Арміи. Тройная экспедиція: Сюше въ Арагонію и Каталонію, Массены въ Португалію, Сульта въ Андалузію, неудалась. Массена отступаетъ съ 13 ноября, «умирая отъ голода». «Сультъ, ослабленный на половину; взывающій о помощи... принужденъ стать въ оборонительное положеніе». Наполеонъ изъ Парижа командуетъ намѣстниками, которые не повинуются и пререкаются между собою, завидуютъ другъ другу, обвиняютъ другъ друга въ безсиліи, въ нерадѣніи, отчаиваются, чувствуя нелѣпость предпріятія, полную безполезность его, считая себя принесенными въ жертву. Только Сюше въ Каталоніи «даетъ тамъ, сообщаетъ одинъ современникъ, наиболѣе достойный памяти примѣръ, но къ несчастью ему подражаютъ самымъ дурнымъ образомъ. Его военное и административное искусство могло завоевать сразу самые сильные города и самыя озлоблен-

[1]) Allocution aux électeurs du Finistère, 3 mars; à Decrès, 8, 10 mars 1811.

[2]) См. выше, стр. 363—364. 369. 435.—Frédéric Masson, t. VI; Baumgarten; Girod de l'Ain, *Général Foy;* Rousseau, *Suchet*; *Mémoires* du roi Joseph, de Miot, Jourdan, Marmont, *Relations de Tchernichef*; *Bulletins de Kourakine*; Guillon. *Guerre d'Espagne.*

ныя сердца его противниковъ». Объ этомъ дѣлѣ говорятъ въ Парижѣ не иначе, какъ съ «отчаяніемъ», отчаиваясь больше всего увидѣть конецъ его.

Императоръ раздѣлялъ эту неловкость, это всеобщее отвращеніе. «Ему случалось нагромождать на своемъ столѣ депеши въ продолженіе двухъ или трехъ дней, зная напередъ, что въ нихъ онъ не найдетъ ничего, кромѣ досадныхъ извѣстій» [1]). Потомъ онъ заставлялъ какого-нибудь секретаря читать ихъ и резюмировать. Онъ составилъ новый планъ, который онъ довѣрилъ генералу Фоа. Онъ ждалъ отъ этого плана пораженія англичанъ, которыхъ онъ считалъ единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ. Какъ только уйдутъ англичане, Испанія покорится. Но онъ не будетъ съ настойчивостью навязывать испанцамъ конституцію, которой они не желали, государя, который вовсе не умѣлъ управлять ими. Успѣхъ, который онъ приписываетъ себѣ въ Голландіи, удачный опытъ Сюше въ Каталоніи склоняютъ его къ присоединенію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части Испаніи. «Я не желаю уже короля въ этой странѣ, говоритъ онъ Чернышеву: я желаю быть хозяиномъ въ Кадиксѣ такъ же, какъ въ Бордо». Послѣ 9 ноября 1810 года Шампаньи пишетъ Лафоресту: «Испанія принадлежитъ императору». Однако, Наполеонъ колеблется объявить декретомъ, что Іосифъ пересталъ царствовать. Кажется, что фразами, какъ выше упомянутая, постоянными предостереженіями онъ хотѣлъ свалить на него свою вину, принудить его, какъ Людовика, къ какому нибудь отчаянному поступку, который, при бѣгствѣ короля, оправдывалъ бы декретъ о частичномъ присоединеніи и договоръ съ Фердинандомъ. Шампаньи заявляетъ королевѣ Юліи, что, если король оставитъ свое командованіе и покинетъ свой тронъ «безъ позволенія», онъ будетъ арестованъ въ Байоннѣ: онъ можетъ отречься отъ престола, но по формѣ. «Вотъ, пишетъ 18 января Шампаньи Лафоресту, вотъ секретныя инструкціи императора. Императоръ возьметъ въ Испаніи то, что ему понравится, то есть, возьметъ ли онъ все теченіе Эбро, или обезпечитъ за собою портъ Ферроль, это важное дѣло будетъ опредѣляться только интересами Франціи и ходомъ обстоятельствъ. Испанскій народъ своимъ поведеніемъ не заслуживаетъ никакого уваженія... Король вестфальскій, какъ король испанскій, долго велъ переговоры съ кабинетомъ, лишь угрожая ему своимъ уходомъ. Это окончилось только съ даннымъ ему отвѣтомъ, чтобы онъ послалъ полномочіе для переговоровъ о новомъ вступленіи во владѣніе королевствомъ. Этотъ отвѣтъ заставилъ поблѣднѣть короля и прекратилъ навсегда его смѣшныя угрозы... Голландскій король

[1]) Barante, t. I, p. 333.

© ГПНТБ СО РАН

при малѣйшемъ противорѣчіи только и говорилъ, что покинетъ тронъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его поймали на словѣ, онъ находится въ отчаяніи».

Для поддержки пускаются въ дѣло всякаго рода инсинуаціи, печать и полиція. Такова, напримѣръ, вымышленная корреспонденція изъ Арагоніи, напечатанная въ *Moniteur'*ѣ отъ 18 января: «Настроеніе умовъ мѣняется каждый день; вліяніе англичанъ гаснетъ; жители этой провинціи, а также округовъ Центральнаго, Южнаго и Сѣвернаго громко требуютъ присоединенія ихъ къ имперіи». 26 февраля: «Испанія есть завоеваніе императора; онъ рѣшилъ поступать съ ней какъ съ таковой». Таковъ, напримѣръ, *Политическій меморіалъ лѣвой арміи*, издающійся въ Бадахоцѣ, который 25, 28 декабря и 1 января 1811 года печатаетъ мнимыя депеши, будто бы отобранныя у одного французскаго курьера: въ нихъ находятъ ноту Шампаньи, отъ 1-го октября, требующую отреченія Іосифа отъ престола; разговоръ Таллейрана съ испанскимъ посланникомъ, разговоръ, въ которомъ онъ этому представителю Іосифа открываетъ планы императора относительно присоединенія. Эти статьи, въ которыхъ многіе признаки выдаютъ ихъ подложность, ходятъ по рукамъ въ Испаніи, и нѣтъ мѣста другимъ вопросамъ. Французскій посланникъ Лафорестъ, кажется, посвященъ въ дѣло. Говорятъ о возведеніи Мадрида во второклассную столицу Великой Имперіи, подобно Риму, Амстердаму, Милану: «указываютъ испанцамъ на блестящія мѣста сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта, префектовъ», которыя императоръ будетъ имъ раздавать такъ же, какъ итальянцамъ, нѣмцамъ, голландцамъ. Іосифъ пишетъ письма одно за другимъ своему брату, своей женѣ; увеличиваетъ число эмиссаровъ. Въ мартѣ Лафорестъ сообщаетъ ему декреты касательно присоединенія Каталоніи: эта провинція составитъ четыре департамента; префекты и подпрефекты уже находятся въ пути!

Вдругъ наступаетъ затишье [1]). Вечеромъ 29 марта курьеръ возвѣщаетъ о рожденіи Римскаго короля. 8 апрѣля пріѣзжаетъ одинъ генералъ съ письмомъ императора: «Прошу Васъ быть однимъ изъ воспріемниковъ Вашего племянника». Это былъ приказъ и въ то же время почетное побужденіе оставить Мадридъ. Іосифъ, прибывъ въ Парижъ 15 мая, удаляется въ Мортефонтенъ. Это путешествіе очень походитъ на то, которое совершилъ Людовикъ годъ тому назадъ, во время австрійскаго брака. Наполеонъ 1-го іюня, черезъ Бертье, предложилъ Іосифу субсидію, по 100,000 франковъ въ мѣсяцъ, номинальное командованіе арміей, которая будетъ подъ исключительнымъ управленіемъ императора, такъ какъ Испанія остается раздѣленною на большіе военные округа и лѣвый берегъ Эбро какъ бы присоединеннымъ. Ожидалъ ли отъ этого Наполеонъ отреченія? Колебался ли онъ, сдался ли онъ въ послѣдній мигъ и какъ всегда передъ обаяніемъ своего старшаго брата? Думалъ ли онъ, что въ связи съ очень грозной войной, самой обширной, какія только онъ предпринималъ, эта перемѣна царствованія въ Испаніи была бы очень большимъ осложненіемъ, и что было бы зловѣщимъ набатомъ въ такую пору покидать на произволъ судьбы учрежденное имъ королевство, когда предстояло коализовать Европу; что, возстановляя Фердинанда, онъ отрекался бы отъ престола, по меньшей мѣрѣ въ такой же степени, какъ самъ Іосифъ, и что такой поступокъ, будучи совершенъ тріумфаторомъ, говорилъ бы о благоразуміи и великодушіи, а при тогдашнихъ условіяхъ указывалъ бы на затруднительное положеніе, почти на страхъ? Во всякомъ случаѣ вышло, что Іосифъ вовсе не отрекся отъ трона, и что Наполеонъ отказался принуждать его къ этому. «Желаніе избѣгнуть принужденія, пишетъ одно изъ довѣренныхъ лицъ Іосифа; очарованіе, которое, несмотря на самыя тяжелыя испытанія, еще производила на него одна тѣнь верховной власти, и, быть можетъ, больше этого любовная связь, въ которую онъ вступилъ въ Мадридѣ, побудили его снова отправиться на полуостровъ».

Наполеонъ откладываетъ на время испанскія дѣла изъ за похода на Россію, какъ онъ отложилъ ихъ въ 1809 году изъ за похода на Австрію: онъ оставилъ на полуостровѣ непрочнаго короля, армію въ затруднительномъ положеніи, одни лишь сомнѣнія и все въ нерѣшительномъ состояніи, какъ управленіе, такъ и войну.

IV.

Бережность, выражаясь болѣе точно, угодливость роднѣ пространно обнаруживается въ этихъ полумѣрахъ; но и требованія политики вносили сюда свое содѣйствіе, и это доказывается тѣмъ, что въ Пруссіи, гдѣ его не сдерживали ни привязанности сердца, ни предубѣжденія сана, онъ поступаетъ точно такъ же, давая собственными руками возможность жить той монархіи, которую наканунѣ онъ грозилъ уничтожить. Блокада или смерть! Онъ объявляетъ это Мекленбургу: за эту цѣну «онъ сохранитъ свою независимость; если онъ будетъ дѣйствовать иначе, онъ не сохранитъ ея». Наполеонъ объявляетъ Швеціи, что касается Помераніи, ея владѣнія въ Германіи: «Мои войска скоро вступятъ въ провинцію такъ же, какъ мои таможенные чиновники». И онъ прибавляетъ: «Почти то же самое должно быть съ Пруссіей... Берлинскій декретъ долженъ быть исполненъ... Безъ этого условія нѣтъ мира» [1]). Для него было не менѣе

[1]) Miot, t. III, p. 240.

[1]) A Champagny, 25 mars 1811.

важно помѣшать Пруссіи сговориться съ Россіей. Трактатъ и Даву, держащій въ своихъ рукахъ гарантіи и наблюдающій за исполненіемъ, показались Наполеону достаточнымъ средствомъ, и онъ занялся принужденіемъ къ этому пруссаковъ.

Пущенныя въ ходъ хитрости до такой степени походятъ на тѣ, которыя въ это самое время должны были довести Іосифа до бѣгства или до отреченія, что нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что ихъ устроила одна и та же рука. Въ числѣ агентовъ Савари былъ одинъ *писатель*, готовый на все и въ самомъ дѣлѣ занимавшійся всѣмъ, за исключеніемъ хорошихъ стиховъ и своего показного ремесла—ремесла поэта, господинъ Эсменаръ, членъ литературной секціи Института, замѣнявшей тогда Французскую академію. «Вчера приходилъ ко мнѣ господинъ Эсменаръ», писалъ шведскій посланникъ [1]). «Онъ литературный цензоръ, прикомандированный къ министерству общей полиціи, и пользуется довѣріемъ герцога Ровиго...» По приказанію, прислушиваясь къ внушеніямъ канцелярскихъ служителей Шампаньи, пользуясь документами, тонъ и стиль которыхъ скрашивали эти апокрифы, онъ сочинилъ мнимый докладъ Шампаньи и мнимыя инструкціи Сенъ-Марсану. Въ нихъ разбирается возможность соглашенія между Пруссіей и Россіей: «Заявленія безусловной преданности, даже предложеніе наступательнаго союза должны отклонить недовѣріе Вашего Величества», говорилъ мнимый Шампаньи. Но «при первомъ сигналѣ новой войны противъ Россіи, войска Вашего Величества переправятся черезъ Эльбу и пойдутъ на Берлинъ, будь онъ другъ, или врагъ. Что можетъ предложить намъ прусскій король какъ другъ?.. Отъ тридцати до сорока тысячъ дурно расположенныхъ къ намъ людей... Какъ врагъ?.. Ваше Величество, располагая Глогау, Кюстриномъ, Штеттиномъ, даже не будетъ имѣть нужды оставлять Парижъ для того, чтобы страхъ прогналъ берлинскій дворъ на ту сторону Вислы». Съ королевствомъ будетъ поступлено какъ съ завоеванной страной. Силезія, Бранденбургъ послужатъ приманкой и вознагражденіемъ союзникамъ императора. «Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что союзъ, предложенный берлинскимъ дворомъ, безполезный во время мира, становится тягостнымъ, если предположить войну съ Россіей». А между тѣмъ, Пруссія «цѣликомъ окружена территоріей или союзниками Вашего Величества... недоплаченные 70 милліоновъ контрибуціоннаго долга поглотятъ назначеніе ея рессурсовъ... Ея порты будутъ закрыты нашими таможенными чиновниками...» Ничего нѣтъ изумительнаго въ этомъ планѣ, появив-

[1]) 10 juillet 1810.—Oscar Alix, Stern, Henri Welchinger, Barante, Ranke, Cavaignac, Duncker.

шемся на другой день послѣ присоединенія Голландіи, и вполнѣ правдоподобны тѣ мѣры, которыя, собственно говоря, упреждаютъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ мѣры, предписанныя Даву 14-го ноября 1811 года [1]). Такимъ образомъ все было скомбинировано, чтобы повергнуть пруссаковъ въ тревогу, въ ужасъ, чтобы отнять у нихъ послѣднюю иллюзію, предложеніе союза; чтобы показать имъ, что Наполеонъ видитъ больше выгоды въ ихъ погибели чѣмъ въ ихъ сохраненіи; чтобы толкнуть ихъ на какой-нибудь отчаянный поступокъ, который предалъ бы ихъ его мстительности, или, вѣрнѣе, повергнуть ихъ къ его ногамъ съ просьбой о пощадѣ. Во всякомъ случаѣ апокрифъ, такъ хорошо придуманный, чтобы обмануть читателя, могъ произвести скандалъ: предосторожность, самая элементарная предосторожность, была достаточна, чтобы отразить заранѣе ударъ. Документъ былъ помѣченъ заднимъ числомъ, 16-го ноября 1810 года, а между тѣмъ онъ ссылался на событія, послѣдовавшія послѣ этой даты, что давало возможность отречься отъ этого документа.

Приготовленный такимъ образомъ онъ былъ отданъ обыкновеннымъ маклерамъ посольства, которые пустили его въ оборотъ. Прусскій агентъ Круземаркъ купилъ его за 6000 франковъ, собственноручно снялъ съ него копію и отправилъ его въ Берлинъ въ послѣднихъ числахъ февраля или въ первыхъ числахъ марта [2]). Въ это же время отправили въ Берлинъ видъ *ультиматума*, продиктованнаго Наполеономъ Шампаньи, и въ поддержку его приказъ приготовить, «никому не довѣряя секрета», проектъ осаднаго обоза, достаточнаго, чтобы осадить Шпандау, чтобы взять Кольбергъ, чтобы повести осаду Нейсе; приказъ Даву устроить сильное укрѣпленіе на Эльбѣ, предпочтительно въ Гамбургѣ, «такъ какъ необходима точка опоры противъ Англіи, Даніи, Пруссіи» [3]).

Гарденбергъ получилъ мнимый документъ 7-го марта. Онъ нашелъ въ немъ «столько истинныхъ и вѣроятныхъ обстоятельствъ», что пришелъ отъ нихъ въ страхъ. Нѣкоторыя «ложныя данныя», которыя вызвали въ немъ сомнѣніе въ подлинности, только на половину успокоили его. Въ сущности, документъ произвелъ свое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ предупрежденія и предостереженія. Пруссія предприняла рядъ реформъ, изъ которыхъ она должна выйти возрожденной и спасенной. Болѣе всего было важно не пріостанавливать реформъ. Сенъ-Марсанъ представляетъ ихъ безвредными для Франціи. Гарденбергъ рѣшилъ повидаться съ нимъ: «Государственный канцлеръ, баронъ Гарденбергъ, а слѣдова-

[1]) Napoléon à Davout, 14 novembre 1811, см. дальше, стр. 463.

[2]) Другая копія была продана Чернышеву, донесеніе 15 іюля 1811 г.

[3]) A Lariboisière, 11 mars; à Davout, 13 mars; à Champagny, 25 mars 1811.

тельно и все министерство, очень замѣтно высказался за союзъ съ Франціей, писалъ Сенъ-Марсанъ. Онъ часто говоритъ со мной о своемъ сильномъ желаніи видѣть возобновленіе полнаго довѣрія къ Пруссіи со стороны Франціи и о необходимости для возстановленія страны, чтобы въ этомъ была убѣждена вся Европа...» Гарденбергъ намекалъ на мысль о прямомъ союзѣ, даже на вступленіе въ Рейнскій союзъ.—«Король, говоритъ этотъ канцлеръ, твердо рѣшилъ никогда не отдѣлять своего дѣла отъ дѣла Франціи и оставаться всецѣло и вѣрно преданнымъ императору... Король желаетъ всецѣло союза съ Франціей не только на случай разрыва съ Россіей, но также изъ принципа и съ общей точки зрѣнія» [1]). Гатцфельдъ отправился въ Парижъ, получивъ миссію поздравить императора съ рожденіемъ Римскаго короля. Гарденбергъ сумѣлъ убѣдить его, что они были въ согласіи. Гатцфельдъ, обязанный Наполеону жизнью, былъ лойяленъ, когда взывалъ къ его великодушію, и онъ говорилъ не только устами, когда повторялъ слѣдующую фразу изъ своихъ инструкцій: «Пусть онъ забудетъ наши вины; да будетъ ему угодно привязать къ себѣ Пруссію способомъ, достойнымъ его величія,—посредствомъ благодарности» [2]).

Шарнгорстъ, партія военная и патріотическая совѣтовали союзъ съ Россіей, искренній и исключительный [3]). Это составляло тайное желаніе короля и основу политики Гарденберга. Но въ это время между Россіей и Пруссіей сталъ вырисовываться пунктъ разногласія: Польша, которая разсорила ихъ въ 1794 году, которая грозила разсорить ихъ въ 1813 г. Слухи о русскомъ присоединеніи тревожили Берлинъ. Если бы Александръ возстановилъ Польшу, если бы онъ взялъ Варшавское герцогство, составленное изъ Прусскаго наслѣдства въ 1807 году, гдѣ нашла бы Пруссія свою компенсацію? Очень хитрый Гарденбергъ льстилъ себя надеждою довести русскихъ до отказа отъ Польши, вслѣдствіе двойного опасенія увидѣть пруссаковъ перешедшими къ французамъ и заставить Наполеона обезпечить пруссакамъ цѣлость ихъ территоріи изъ опасенія увидѣть ихъ перешедшими къ русскимъ. Союзъ съ Франціей позволилъ бы имъ жить и дожидаться случая, чтобы передаться Россіи. Въ этомъ случаѣ возстановленіе старой прусской Польши послужило бы имъ платой за ихъ измѣну Франціи. Эти расчеты совсѣмъ не оправдывали словъ Сенъ-Марсана: «король искренень и лойяленъ»; канцлеръ «очень стоекъ во французской системѣ»; но они вполнѣ согласовались съ прецедентами, съ характеромъ короля, съ пріемами Гарденберга; наконецъ, событія показали, что расчеты эти были благоразумны и основательны, потому что они осуще-

[1]) Rapports de Saint-Marsan, 19—24 mars 1811.
[2]) Hardenberg à Hatzfeld, 30 mars 1811, Ranke.
[3]) Mémoire du 13 mai 1811.

ствились два года спустя, и потому что изъ нихъ вытекло возсозданіе Пруссіи. Съ такой задней мыслью Гарденбергъ совѣтовалъ союзъ съ Франціей. Король, согласно своимъ вкусамъ и пріемамъ своей дипломатіи, высказался за оба союза сразу: повидимости ввѣриться Наполеону, сберегать себя для Россіи: бракъ по принужденію съ тайнымъ обязательствомъ похищенія и развода.

Гарденбергъ составилъ проектъ конвенціи съ Наполеономъ. 12 мая король сообщилъ его царю съ великимъ прискорбіемъ о печальномъ времени, которое принуждаетъ его къ такимъ тяжелымъ обязательствамъ. Но, говорилъ онъ: «статьи, относительно которыхъ я вступаю въ переговоры съ Франціей, не будутъ клониться противъ Россіи. Мнѣ нѣтъ нужды говорить, что она не будетъ названа...»—«Если бы Вы, Ваше Величество, имѣли на своей сторонѣ Австрію, если бы Вы относились безкорыстно къ Варшавѣ, если бы войска Вашего Величества оказались около нашихъ владѣній и въ возможности поддержать меня, я не колебался бы на какую стать сторону, Вы, Ваше Величество, конечно, увидѣли бы меня бьющимся о бокъ съ Вами...»

Два дня спустя, 14 мая, этотъ проектъ конвенціи былъ отправленъ въ Парижъ. Гарденбергъ скомбинировалъ его съ замѣчательной предусмотрительностью. Пруссія предлагала вспомогательный корпусъ, подчиненный главнокомандующему изъ пруссаковъ. Онъ употреблялся бы предпочтительно для защиты Пруссіи и границъ ея, но по непосредственнымъ приказамъ императора; за что императору благоугодно было бы отказаться—въ интересахъ самого союза—отъ той статьи конвенціи 8 сентября 1808 г., которая ограничивала военныя силы Пруссіи; возвратить Глогау, совсѣмъ простить военную контрибуцію, гарантировать цѣлость Пруссіи и, въ случаѣ войны, объявить нейтральной Силезію. Для Пруссіи это была свобода усилить свою армію и притомъ съ позволенія самого Наполеона, въ дѣйствительности съ его помощью, такъ какъ онъ прощалъ долги. Это значило припасти этой арміи условія, въ которыхъ она оказалась въ декабрѣ 1812 года, когда командиръ вспомогательнаго прусскаго корпуса перешелъ на сторону русскихъ. Достаточно было вспомнить Наполеону 1805 годъ, чтобы разгадать игру своихъ вѣчныхъ сѣверныхъ *друзей*, вѣчно составлявшихъ заговоры противъ него. Онъ не попался на эту уловку: «Напишите господину Сенъ-Марсану, что онъ дался въ обманъ Пруссіи», приказываетъ онъ Шампаньи 8, 11 апрѣля. Но онъ добился отъ Пруссіи того, чего онъ желалъ добиться отъ нея. Онъ узналъ средство укротить ее. Проектъ договора онъ оставилъ безъ движенія, ожидая событій, которыя заставили бы его пустить этотъ проектъ въ ходъ.

© ГПИБ

V.

Дѣло было въ томъ, что волей-неволей Александръ возвращается къ миру, въ который не вѣритъ, который приноситъ и сладость и горечь, и отъ приготовленнаго ультиматума онъ снова бросается къ препирательствамъ, которыми наполнилъ письмо, отправленное Наполеону 25 марта. Наполеонъ получилъ его 10 апрѣля изъ рукъ Чернышева. Онъ его читалъ, комментировалъ, обсуждалъ фразу за фразой. «Вотъ такъ союзъ! Вы конфискуете все, что идетъ отъ меня, и я дѣлаю то же со своей стороны. Этотъ союзъ гораздо болѣе походитъ на настоящее военное положеніе... Александръ отозвалъ войска съ Дуная, чтобы отправить ихъ на границу герцогства Варшавскаго. «Что вы сказали бы, если бы въ настоящее время я вывелъ свои войска изъ Испаніи, чтобы послать ихъ въ Сѣверную Германію?... Александръ намекаетъ на новое соглашеніе, въ которое былъ бы включенъ торговый договоръ, и которое создавало бы своего рода равновѣсіе за присоединеніе Ольденбурга посредствомъ герцогства Варшавскаго: чего же онъ желаетъ? Данцига? «Какъ вы хотите, чтобы я отдалъ вамъ единственную крѣпость, которая въ случаѣ войны противъ васъ служила бы базой всѣхъ моихъ операцій на Вислѣ?... Герцогство Варшавское за Ольденбургъ! это было бы безуміе... Какъ подѣйствовала бы на поляковъ уступка одной пяди ихъ территоріи въ такую пору, когда Россія намъ угрожаетъ; ежедневно мнѣ повторяютъ со всѣхъ сторонъ, что вы намѣрены вторгнуться въ герцогство...» «Я желаю мира, мнѣ выгодно желать его; даю мое честное слово, только бы вы сами не начали первые, не нападать на васъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ; *для меня выжиданіе есть выигрышъ;* у меня сдѣланъ подсчетъ; это задержитъ мои морскіе планы и будетъ мнѣ стоить денегъ». Тогда онъ показываетъ свое страшилище: 300,000 французовъ въ октябрѣ да 95,000 войскъ Рейнскаго союза; 600,000 человѣкъ въ 1812 году; къ концу четырехъ лѣтъ, отъ 8 до 900,000 человѣкъ. «Я увеличу корпусъ Даву до 100,000 человѣкъ...» Я составлю «огромную, колоссальную армію, которая будетъ вооружена больше чѣмъ 800 орудій...»

«Я ни въ чемъ не жалуюсь на Россію, я не хочу ничего», писалъ онъ Коленкуру. Но Коленкуръ находится подъ обаяніемъ фразъ, онъ ослѣпленъ, какъ Сенъ-Марсанъ въ Берлинѣ. Наполеонъ рѣшилъ замѣнить его Лористономъ, который, впрочемъ, не обнаружитъ ни больше твердости во взглядахъ, ни больше проницательности. Шампаньи, министръ русскаго союза, не вноситъ больше энергіи, чтобы разсѣять чары. Наполеонъ призываетъ

[1]) Relation de Tchernichef, 17 juin 1811.

къ иностраннымъ дѣламъ Маре, герцога Бассано, который вполнѣ будетъ принадлежать ему, только ему, на все будетъ смотрѣть сквозь очки императора, все писать подъ его диктовку, все слушать его ушами [1]). Этотъ довѣренный министръ Наполеона исповѣдывалъ по отношенію къ своему государю культъ преклоненія. Приказы императора были для него изреченіями оракула. Онъ не допускалъ, чтобы Наполеонъ могъ ошибаться въ своихъ расчетахъ, потерпѣть неудачу въ своихъ предпріятіяхъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ императоромъ онъ заботился не столько о томъ, чтобы научить его своими совѣтами, сколько о томъ, чтобы запомнить его выраженія и буквально воспроизводить ихъ въ своихъ диктовкахъ, когда онъ вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ [2]). Впрочемъ это былъ наиболѣе искренно преданный изъ слугъ и съ большимъ здравымъ смысломъ, когда онъ не чувствовалъ на себѣ дѣйствія чаръ [3]).

При тогдашнихъ обстоятельствахъ Маре представлялъ замѣтное преимущество. Онъ слылъ за человѣка, расположеннаго къ полякамъ; поляки слушали его; ихъ воображеніе, ихъ увѣренность, ихъ усердіе придавали словамъ Маре недостававшую имъ твердость и сглаживали недомолвки. Это было отвѣтомъ на авансы, сдѣланные въ Варшавѣ агентами Александра. Царь приманивалъ поляковъ польскимъ королевствомъ, въ которомъ онъ былъ бы королемъ; Наполеонъ приманиваетъ ихъ Польшей для поляковъ, которой онъ былъ бы покровителемъ и поручителемъ. Съ 1-го іюня Даву будетъ готовъ встрѣтить наступающихъ: при первой атакѣ онъ отступитъ на Одеръ, уведя съ собою польскую армію, присоединивъ къ себѣ саксонскую армію, 150,000 человѣкъ, съ которыми онъ выдержитъ первый ударъ. Между тѣмъ какъ онъ будетъ удерживать русскихъ на почтительномъ разстояніи, съ Рейна и изъ Италіи подойдутъ корпуса великой арміи, и Наполеонъ, гоня передъ собою русскихъ, преподастъ имъ такой же урокъ, какъ австрійцамъ въ 1809 году. Но достаточно однихъ толковъ объ этомъ, которые онъ возбуждаетъ, чтобы удержать Александра: мѣсяцъ іюнь прошелъ, нападеніе не было произведено. Партія была отложена.

Чернышевъ не считалъ ее проигранной. Онъ не поддался запугиваніямъ Наполеона. Его шпіоны и его друзья давали ему весьма точныя сообщенія о затрудненіяхъ императора. Онъ упорно держался своего мнѣнія: не давать Наполеону времени выйдти изъ этихъ затрудненій и напасть на

[1]) Приказъ Лористону выѣхать 1-го апрѣля; Маре назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ 17 апрѣля 1811 г.

[2]) Viel-Castel, *Souvenirs.* (*Le Correspondant*).

[3]) Ernouf, *Maret, duc de Bassano.*

него: въ противномъ случаѣ, «усыпить его, заставить его направить новыя усилія на Испанію, что, дѣлая его менѣе страшнымъ, позволило бы намъ дождаться, пока онъ цѣликомъ уйдетъ въ эту новую борьбу, и тогда воспользоваться этой диверсіей» [1]). Словомъ, повторить игру Австріи лѣтомъ 1808 года, хорошо разсчитавъ, что на этотъ разъ русскіе не дадутъ ему времени явиться достаточно быстро изъ Мадрида на Одеръ или на Вислу, и хорошо также зная, что онъ не отыщетъ тамъ 200,000 человѣкъ, поглощенныхъ въ Испаніи.

Какъ ни благоразумны были эти совѣты, Александръ вовсе не послѣдовалъ имъ. Думалъ ли онъ, что событія не повторяются два раза съ тожественной точностью, что Наполеонъ получилъ урокъ и не дастъ поймать себя на эту игру 1808 года? Онъ вовсе не отказывался отъ войны, но онъ сталъ замышлять ее по новому плану, безконечно болѣе глубокому и болѣе страшному для Наполеона. Подъ вліяніемъ нѣмца Пфюля и нѣкоторыхъ старыхъ русскихъ, которымъ національный инстинктъ служилъ вмѣсто генія, онъ пишетъ прусскому королю 26 и 28 мая: «Не видя никакого средства быстро явиться съ береговъ Нѣмана на Одеръ прежде, чѣмъ... придутъ туда французы... вынужденный обстоятельствами, я принимаю новую систему войны. Пусть Ваше Величество броситъ взглядъ на Испанію!.. Система, сдѣлавшая Веллингтона побѣдоноснымъ, состоящая въ истощеніи французскихъ войскъ, вотъ та система, которой я рѣшился слѣдовать... Избѣгать большихъ битвъ, устраивая очень длинныя операціонныя линіи, имѣя въ виду отступательныя движенія, приводящія къ укрѣпленнымъ лагерямъ» [2]). Онъ старается склонить къ этому Фридриха-Вильгельма: «Мысль сражаться противъ васъ ужасна для меня!.. Что касается Австріи, то я нахожу, что не имѣть ея противъ себя это уже много, и, если обстоятельства сложатся хорошо, есть полное основаніе надѣяться, что она сама приметъ участіе въ борьбѣ».

Принужденный отказаться отъ преимуществъ нападенія врасплохъ, которое имѣло всѣ выгоды наступательныхъ дѣйствій и нашествія, Александръ, хотя и затѣваетъ свою коалицію, наружно приметъ видъ гонимаго за правое дѣло, представитъ собою жертву наполеоновскаго честолюбія, изобразитъ изъ себя защитника Европы, мира и справедливости. Подъ покровомъ русской зимы его приготовленія прошли незамѣченными. Ему легко будетъ спутать даты, утверждать, что Наполеонъ былъ зачинщикомъ, вѣдь Наполеонъ только очень открыто можетъ усиливать себя въ Германіи, а къ тому же онъ тщеславится этимъ. Александръ не теряетъ надежды обмануть самого Наполеона. Навѣрно онъ обманетъ общественное мнѣніе въ Европѣ, особенно общественное мнѣніе во Франціи, гдѣ оно, какъ ему извѣстно, враждебно относится къ новой войнѣ, гдѣ оно, какъ ему извѣстно, подчиняется русскимъ фантасмагоріямъ, и гдѣ онъ для приведенія въ дѣйствіе машины располагаетъ такимъ искреннимъ препараторомъ, какъ Коленкуръ, такимъ ловкимъ фокусникомъ, какъ Талейранъ. Коленкуръ отозванъ: Александръ внушаетъ ему урокъ, который Коленкуръ будетъ повторять всему Парижу, и который, соотвѣтствуя всеобщимъ пожеланіямъ и сужденіямъ, изъ легенды превратится въ историческій фактъ. Графъ Брай, баварскій уполномоченный въ Россіи и очень открыто расположенный къ французской системѣ, уже подготовилъ почву. Онъ находится проѣздомъ въ Парижѣ, и, въ совершенствѣ вышколенный въ Россіи, онъ ручается за добросовѣстность Александра [1]). Такимъ образомъ царь убѣдитъ и современниковъ и историковъ, что одинъ Наполеонъ желалъ войны и подготовлялъ ее.

Эту войну Наполеонъ считалъ фатальной, онъ думалъ это, онъ говорилъ это, но никто уже не вѣрилъ ему. Онъ боролся противъ своей собственной судьбы, онъ защищался противъ потомства въ драматическомъ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Коленкуромъ, когда этотъ посланникъ возвратился въ Парижъ въ первыхъ числахъ іюня 1811 года.

Коленкуръ видитъ своего государя увлеченнымъ въ непомѣрно опасное приключеніе, въ которомъ онъ встрѣтится лицомъ къ лицу со страстями людей и съ силами природы. Онъ отказывается признать необходимость этого приключенія; онъ не можетъ допустить, чтобы столь великая французская слава, чтобы столь великій французскій геній непремѣнно должны были придти къ такому безвыходному положенію, къ пропасти. Наконецъ, онъ вѣритъ въ добродѣтель, въ добросовѣстность, въ мирныя намѣренія, въ безкорыстіе Александра.—«Александръ лицемѣръ, воскликнулъ Наполеонъ; онъ вооружается, чтобы воевать со мной». И Наполеонъ говоритъ вѣрно. Коленкуръ защищаетъ невиновность Александра и лойяльность его намѣреній: «Вами играютъ русскіе и Александръ, возражаетъ Наполеонъ. Даву и Раппъ лучше освѣдомляли меня о ходѣ дѣлъ. Не думаютъ ли русскіе повелѣвать мною?—Нѣтъ.—Однако, вѣдь это значитъ приказывать мнѣ, требовать, чтобы я очистилъ Данцигъ въ угоду прихоти Александра... Скоро я долженъ буду просить у него позволенія на парадный разводъ въ Майнцѣ?—Нѣтъ, но парадный разводъ въ Данцигѣ оскорбляетъ его.—

[1]) Rapport du 17 juin 1811.

[2]) Онъ напишетъ Пфюлю 12 декабря 1813 г. «Это вы придумали планъ, послѣдствіемъ коего, при помощи Провидѣнія, было спасеніе Россіи и Европы». Пфюль въ 1806 году перешелъ съ прусской службы въ русскую.

[1]) Rapport du 5 juillet 1811, rétrospectif. Conversation avec Maret en mai.

Русскіе сдѣлались очень высокомѣрны: что они... желаютъ воевать со мною?—Нѣтъ, ни воевать, ни предписывать законы, но они не желаютъ допускать этого по отношенію къ себѣ.—Русскіе желаютъ распоряжаться мною, какъ во время Екатерины они распоряжались своимъ польскимъ королемъ? Я—не Людовикъ XV; французскій народъ не потерпитъ такого униженія». Коленкуръ излагаетъ нѣкоторый планъ: нужно выбирать между Россіей и Польшей: пожертвовавъ Польшей, можно привлечь Россію. «Какое рѣшеніе вы приняли бы? говоритъ императоръ. — Союзъ, благоразуміе и миръ.—Миръ! Нужно, чтобы миръ былъ продолжительный и почетный. Я не желаю мира, который разоряетъ мою торговлю, подобно Амьенскому миру. Чтобы миръ былъ возможенъ, и чтобы онъ былъ продолжителенъ, нужно, чтобы Англія была убѣждена, что она не найдетъ союзника на континентѣ [1]).

Это приводитъ ихъ къ разговору о войнѣ. Коленкуръ возражаетъ, указывая на рѣшительность Александра, на патріотизмъ русскихъ, на климатъ. «Въ Россіи, говоритъ онъ, нисколько не заблуждаются въ признаніи генія противника и его чудовищныхъ средствъ, знаютъ, что будутъ имѣть дѣло съ великимъ одержателемъ побѣдъ, но знаютъ также, что ихъ родина обширна, что она даетъ просторъ, чтобы отступить и уступать мѣсто; знаютъ, государь, что завлечь васъ вовнутрь страны и удалить васъ отъ Франціи и отъ вашихъ ресурсовъ, это уже значитъ сражаться противъ васъ въ выгодныхъ условіяхъ. Ваше Величество не можете присутствовать вездѣ: удары будутъ наносить только тамъ, гдѣ васъ не будетъ». Это будутъ совѣтовать Бернадоттъ въ 1812 и Моро въ 1813 году. «Это будетъ война не на одинъ день. Черезъ нѣкоторое время Ваше Величество окажетесь въ необходимости возвратиться во Францію, и всѣ выгоды перейдутъ тогда на другую сторону. Къ тому же надо считаться съ зимой, съ суровымъ климатомъ, а болѣе всего съ принятымъ рѣшеніемъ никогда не покориться...» Именно съ этимъ Наполеонъ не согласенъ. Онъ перечисляетъ свои силы: со всѣхъ сторонъ горизонта онъ призываетъ народы, изъ которыхъ онъ составилъ полки: ломбардцевъ Евгенія, неаполитанцевъ Мюрата, испанцевъ и португальцевъ, Мармона съ его хорватами, восемнадцать контингентовъ германскаго союза, Даву и ганноверцевъ, Понятовскаго и поляковъ; онъ дѣлаетъ имъ смотръ, считаетъ ихъ, отправляетъ ихъ въ походъ, приказываетъ идти въ атаку и видитъ себя побѣдителемъ. «Ба! битва расправится съ прекрасными намѣреніями вашего друга Александра и съ его укрѣпленіями изъ песка... Онъ фальшивъ и слабъ.—Онъ упоренъ, возражаетъ Коленкуръ, онъ легко уступаетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ; но въ то же время онъ набрасываетъ себѣ планъ, отъ котораго онъ не отступитъ.—Онъ фальшивъ, повторяетъ императоръ; у него лукавый характеръ... Онъ честолюбивъ; желая войны, онъ имѣетъ скрытую цѣль». Наполеонъ вспоминаетъ данныя имъ Александру обѣщанія: Молдавію, Валахію, раздѣлъ Турціи; онъ вспоминаетъ присоединенную Финляндію, триста тысячъ поляковъ, взятыхъ у Австріи. «Да, отвѣчаетъ Коленкуръ, но эти приманки не помѣшали ему увидѣть, что Ваше Величество послѣ этого времени поставили новыя руководящія идеи для перемѣнъ въ Польшѣ, то-есть, у него.—Вы бредите, какъ онъ. Я сдѣлалъ перемѣны только вдали отъ его границъ. Итакъ, каковы же эти перемѣны въ Европѣ, которыя такъ пугаютъ его? Что нужно Россіи, которая находится на краю свѣта? Именно порицаемыя вами мѣропріятія отнимутъ у англичанъ всякую надежду и принудятъ ихъ къ миру».

Это значило возстановить то положеніе вещей, которое было на другой день послѣ Амьенскаго мира и наканунѣ Аустерлица. Тогда возникалъ вопросъ о Голландіи и Италіи, эвакуаціи которыхъ требовала Россія. Весь результатъ шести лѣтъ войны, Іены, Фридланда, Ваграма, состоялъ въ перенесеніи спора въ Польшу, но вопросъ остается тотъ же. Нужно было взять Голландію, чтобы сохранить Бельгію; потрясти и поработить Германію, чтобы сохранить лѣвый берегъ Рейна; овладѣть Неаполемъ, присоединить Римъ, чтобы сохранить Пьемонтъ, Ломбардію, Венецію; завоевать Испанію, чтобы имѣть возможность побѣдить Австрію, и завоевать Польшу, чтобы имѣть возможность подчинить Испанію; нужно было раздавить Пруссію, чтобы обезпечить одинъ изъ фланговъ имперіи, поработить Австрію, чтобы обезпечить другой флангъ. Наполеонъ говоритъ себѣ, что, если онъ покинетъ Польшу на произволъ судьбы, русскіе подвинутся впередъ въ Германіи; что пруссаки, видя его отступленіе, что испанцы, считая его въ опасности, вновь станутъ наступать; что Австрія будетъ сначала скрываться, а потомъ она выскажется, что ему нужно будетъ призвать войска изъ Италіи, и что, когда Италія будетъ эвакуирована, Средиземное море будетъ принадлежать англичанамъ: коалиція возстановится сама собою, исторія пойдетъ понятнымъ ходомъ; послѣ эвакуаціи Польши потребуютъ эвакуаціи Германіи; послѣ Германіи эвакуаціи Италіи и Голландіи; послѣ Италіи, Германіи и Голландіи эвакуаціи Бельгіи и лѣваго берега Рейна, то есть, осуществленія тайныхъ плановъ Александра въ 1804 году, которые въ дѣйствительности будутъ актами коалиціи въ 1813 и 1814 годахъ.

16 іюня, открывая сессію законодательнаго корпуса, Наполеонъ произнесъ слѣдующія слова: «Эта борьба противъ Карѳагена, которая, каза-

[1]) Albert Vandal, t. III, chap. V, d'après les notes de Caulaincourt, t. VI, p. 272.

лось, должна была рѣшиться въ битвахъ на океанѣ или по ту сторону морей, теперь должна будетъ рѣшиться на равнинахъ Испаніи. Когда Англія будетъ истощена, когда, наконецъ, она почувствуетъ тѣ бѣдствія, которыя въ продолженіе двадцати лѣтъ она изливала на континентъ съ такою жестокостью, когда половина ея семей покроется траурной вуалью, ударъ грома положитъ конецъ дѣламъ полуострова, судьбѣ его армій и отомститъ за Европу и Азію, окончивъ эту вторую пуническую войну». Эта рѣчь, напоминавшая манифесты конвента, казалось, возвѣщала, что приближались времена, предсказанныя пророками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе ихъ она отодвигала въ неопредѣленность завтрашняго дня. Что означала эта очень избитая метафора о громовомъ ударѣ, который всему положитъ конецъ? Отливъ великой арміи въ Испанію послѣ обезоруженія Россіи? Вторженіе въ Англію, сдѣлавшееся возможнымъ благодаря разсѣянію англійскихъ флотовъ, поглощенію англійскихъ армій въ Испаніи и покорности Россіи? Можетъ быть и то и другое. 19 іюня императоръ пишетъ Декре: «Съ давняго времени я бесѣдовалъ съ вами о планѣ войны, принятомъ мною противъ англичанъ. Обстоятельства испанской войны дѣлаютъ осуществленіе этихъ проектовъ еще болѣе необходимымъ».— Слѣдуетъ вѣчный и всегда химерическій планъ относительно армады: 54,000 человѣкъ и 3,000 лошадей посадить на корабли въ сентябрѣ 1811 года, 70,000 человѣкъ и 5,000 лошадей въ 1812 году; 100,000 человѣкъ и 7,000 лошадей въ Антверпенѣ, въ Булони, въ Шербургѣ въ 1813 году [1]). Но это лишь маневръ второстепенный; на первомъ планѣ стоитъ Россія. Рѣчи принимаютъ рѣзкій характеръ. Лористонъ съ момента своего пріѣзда заговоренъ цвѣтистыми фразами; подобно Коленкуру. Наполеонъ приказываетъ написать ему 5 іюня: «Такъ какъ императоръ Александръ сказалъ, что уже два мѣсяца какъ онъ готовъ, то было совсѣмъ просто отвѣтить ему:—Если уже два мѣсяца какъ вы готовы, а это въ такой обширной имперіи предполагаетъ, что эти движенія были приказаны четыре мѣсяца тому назадъ, поэтому не осуждайте, что теперь, когда вы готовы, готовятся».

Чувствовалась гроза. 15 августа, на пріемѣ дипломатическаго корпуса, Наполеонъ обращается къ Куракину съ одной изъ тѣхъ язвительныхъ рѣчей, которыя у него, обыкновенно, предшествовали его *quos ego*, его ультиматумамъ о разоруженіи или объявленіямъ войны. Сюжетомъ онъ беретъ попятное движеніе русскихъ къ Дунаю и говоритъ сначала фамильярно: «Любезный другъ, если васъ побили, такъ это потому, что вамъ не доставало войскъ, а не доставало ихъ потому, что изъ дунай-

[1]) A Decres, 25 juillet, 9 août 1811.

ской арміи вы пять дивизій отправили въ польскую армію... Я не такъ глупъ, чтобы повѣрить, что это Ольденбургъ занимаетъ васъ... Изъ за Ольденбурга не бьются. Къ тому же я предложилъ удовлетвореніе полное и совершенное... Я ясно вижу, что дѣло идетъ о Польшѣ; я начинаю думать, что это вы желаете овладѣть ею... Не утѣшайте себя надеждой, что я когда нибудь вознагражу царя на счетъ Варшавы. Нѣтъ, хотя бы ваши войска расположились лагеремъ на Монмартскихъ высотахъ, я не уступлю вамъ ни одной пяди варшавской земли: я гарантировалъ ея цѣлость... Я не знаю, побью ли я васъ, но мы будемъ биться. Вы разсчитываете на союзниковъ; гдѣ они? Австрія, у которой вы отняли 200,000 душъ въ Галиціи, Пруссія, у которой вы отняли Бѣлостокскій округъ, Швеція, которую вы наполовину уничтожили, взявъ у нея Финляндію? Всѣ эти обиды не могутъ быть забыты, за всѣ эти оскорбленія должно расплатиться: вы имѣете континентъ противъ васъ».

Эти угрозы смѣняются грозной выставкой рекрутъ и батальоновъ. Всѣ сравниваютъ эти угрозы съ рѣчами, обращенными въ 1803 году къ Витворту, затѣмъ, въ аналогичномъ случаѣ, къ Меттерниху [1]) 15 августа 1808 года. Нужно было знать, сколько театральной трагедіи заключала въ себѣ эта бурная выходка, и, особенно, нужно было знать, по какую сторону станетъ Европа. Чернышевъ, благодаря безнаказанности, которою онъ пользуется, удваиваетъ свои махинаціи и пускаетъ въ ходъ всѣхъ своихъ агентовъ. Какъ *другъ изъ Парижа*, какъ *сынъ друга Антрега*, наканунѣ аустерлицкой битвы, онъ имѣетъ ключи отъ секретныхъ ящиковъ, у него есть *люди, внимательно смотрящіе* на разбросанныя на столахъ бумаги. Часть за частью онъ разбираетъ «машину» Наполеона. Онъ указываетъ, что странѣ надоѣло терять столько человѣческой крови: Республика истощила финансы страны; Наполеонъ истощилъ самое пополненіе людей. У него оказывается 40,000 человѣкъ, уклоняющихся отъ военной службы, цѣлый армейскій корпусъ! Война приводитъ всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Наполеонъ вывелъ изъ терпѣнія духовенство и собралъ соборъ, отъ котораго онъ не знаетъ какъ отдѣлаться... [2]). Онъ говоритъ о томъ, чтобы коализовать континентъ, но его собственныя королевства уходятъ изъ его рукъ: онъ холоденъ, почти въ ссорѣ съ Мюратомъ и Каролиной, и ходятъ слухи о секвестрѣ этого королевства, подобно секвестру Испаніи, о конфискаціи, какъ въ Голландіи. Съ Бернадоттомъ онъ находится въ такихъ объясненіяхъ, которыя предшествуютъ разрыву. Онъ льститъ себя надеждой нанести въ Испаніи

[1]) Донесеніе Чернышева 17 авг. 1811 г. См. выше, стр. 244.
[2]) Объ этомъ соборѣ см. d'Haussonville. Pasquier. Henri Welchinger.

© ГПБ СПбАН

рѣшительный ударъ въ продолженіе зимы. Но армія, тревожимая партизанами, принуждена разбрасываться, чтобы добывать себѣ провіантъ, и, разбрасываясь, она увеличиваетъ число пунктовъ нападенія. А что, если это—средство отвлечь вниманіе Россіи и захватить ее врасплохъ весною? Но «онъ очень боится долгаго отсутствія, не имѣя болѣе, со времени отставки Фуше, человѣка съ достаточно сильнымъ характеромъ, чтобы предупреждать и выдерживать бурю...». Фактъ, что Фуше получилъ разрѣшеніе опять быть поближе къ Парижу.

Наполеонъ жалуется на Таллейрана и продолжаетъ держать его: «Вы дьявольскій человѣкъ, говоритъ онъ ему, я не могу удержаться, чтобы не любить васъ». И онъ посвящаетъ его въ свои дѣла. Таллейранъ, который нашептываетъ Нессельроде, внушаетъ ему совѣты, которые, быть можетъ, подъ тѣмъ же побужденіемъ давали *друзья* Антрега въ 1804 и 1805 годахъ: согласіе между Петербургомъ и Вѣною, чтобы спасти Европу [1]). *Друзья* Чернышева утверждаютъ ему, что нечего больше вести переговоры съ Наполеономъ; что Россія должна на скорую руку устроить миръ съ турками: «Эти лица смотрѣли на этотъ миръ какъ на единственное средство, которое, давая намъ болѣе грозное положеніе, чѣмъ когда бы то ни было, быть можетъ, будетъ въ состояніи обуздать честолюбіе Наполеона...» Сводя къ одному свои собственныя предположенія съ мнѣніями *этихъ* просвѣщенныхъ *лицъ*, Чернышевъ приходитъ къ заключенію, что надо вездѣ и во всемъ дѣлать противное Наполеону: «Постоянно изучать его надежды и его планы... сбивать его съ толку во всѣхъ его расчетахъ». Наполеонъ желаетъ скорой войны: отнынѣ отдалять ее. Онъ желаетъ войны короткой и приготовляется нанести страшный ударъ: уклоняться отъ ударовъ, позволять ему наносить напрасные удары и затягивать войну, «всегда имѣть значительные резервы не въ далекомъ разстояніи отъ арміи»; принудить Наполеона отказаться отъ задуманныхъ имъ заранѣе плановъ; «довести его до истощенія недостаткомъ военныхъ припасовъ и трудностью получать подкрѣпленія или заставить его предпринять нѣкоторыя ошибочныя операціи, которыя также приведутъ его къ погибели» [2]).

VI.

Чернышевъ былъ даже очень точно освѣдомленъ и касательно Швеціи, съ которою обмѣниваются нотами и требованіями паспортовъ, и относительно Неаполя, гдѣ безъ Каролины все приняло бы скандальный

[1]) См. т. VI, стр. 313.

[2]) Донесенія Чернышева 17 іюня; императору и Румянцеву 17 іюля: 17 авг., 19 сент., 22 окт. 1811 г.

оборотъ. Бернадоттъ, сдѣлавшись наслѣднымъ принцемъ, препирается съ Алкье, посланникомъ Наполеона, словно какой нибудь командиръ армейскаго корпуса, спорящій съ какимъ нибудь префектомъ: Алкье обращается къ нему свысока, будучи представителемъ императора, а Бернадоттъ ведетъ себя еще болѣе горделиво, потому что онъ шведскій государь: право занимать высшее мѣсто, обидчивость, сплетни, оскорбительныя слова, передававшіяся отъ одного къ другому, были бы только смѣшны, если бы они не были предисловіемъ къ отпаденію.

Въ Неаполѣ измѣна подготовляется исподволь. Мюратъ не соблюдаетъ блокады. Онъ раздаетъ мѣста неаполитанцамъ. Что касается гражданскихъ и военныхъ колонистовъ, которыхъ Наполеонъ въ изобиліи распространилъ по этой странѣ, то Мюратъ желаетъ, чтобы они тамъ «натурализовались», иначе говоря, чтобы они, существуя насчетъ его королевства, служили ему. Онъ декретируетъ это 17 іюня, и въ тотъ же день на корабляхъ и крѣпостяхъ онъ замѣняетъ французскій флагъ флагомъ неаполитанскимъ. Наполеонъ отвѣчаетъ ему, какъ онъ отвѣчалъ Людовику, какъ онъ не смѣетъ отвѣчать Іосифу [1]): «Въ виду нашего декрета отъ 30 марта 1806 года, гласящаго, что Неаполитанское королевство составляетъ часть Великой имперіи; въ виду того, что правящій государь есть французъ и важный имперскій сановникъ, и что онъ былъ поставленъ и поддержанъ на тронѣ лишь благодаря усиліямъ нашего народа... Всѣ французскіе граждане суть граждане королевства Обѣихъ Сицилій; королевскій декретъ съ датой 14 іюня къ нимъ не примѣнимъ». Гренье, командующаго южно-итальянскимъ обсерваціоннымъ корпусомъ, обязываютъ «отдавать приказы всѣмъ французамъ, какова бы ни была оппозиція неаполитанскаго короля»; онъ займетъ Гаэту. «Король неаполитанскій, кажется, отдается внушеніямъ враговъ Франція. Я уже показывалъ ему, насколько его поведеніе безумно». Гренье войдетъ въ соглашеніе съ посломъ Наполеона, Дюраномъ, чтобы «вывести короля изъ ложнаго положенія, въ которомъ онъ находится. Если Мюратъ будетъ продолжать удаляться отъ того, что ему предписываютъ благодарность и его обязанности, то его побудятъ къ этому суровымъ образомъ». Маре пишетъ Дюрану: «Если король будетъ упорно отстранять французовъ отъ должностей, замѣщать ихъ неаполитанцами, требовать, чтобы они натурализовались: вы не должны колебаться заявить, что въ такомъ случаѣ вамъ приказано удалиться, даже не откланявшись» [2]).

«Внушенія враговъ Франціи», которымъ Мюратъ внимаетъ съ черезъ-

[1]) Frédéric Masson: t. VI: Murat.

[2]) A Clarke, 6 juillet 1811, Maret à Durant. Masson.

© ГПИБ

чуръ большой охотой, извѣстны [1]): это—химера стать свободнымъ королемъ Италіи, *far da sè* (справиться съ дѣлами самому), какъ сами итальянцы; это—вносящій разстройство и мрачный заговоръ, который устраиваетъ министръ полиціи и заговоровъ, Магелла, собирающій въ немъ *карбонаріевъ*, которымъ онъ обѣщаетъ республику, папскихъ приверженцевъ, которымъ онъ позволяетъ надѣяться на возстановленіе папы. Масонскія ложи и конгрегаціи работаютъ здѣсь въ согласіи, Меттернихъ и англичанинъ Бентинкъ стоятъ здѣсь бокъ о бокъ, оба работая для противоположныхъ цѣлей, но при помощи одного и того же средства, крушенія французскаго господства: Меттернихъ желаетъ поставить вмѣсто него господство австрійское, Бентинкъ желаетъ воздвигнуть англійскую гегемонію и торговую монополію Англіи на руинахъ блокады. Бентинкъ принимается за итальянскихъ патріотовъ, за унитаріевъ, приманивая ихъ той иллюзіей, что Англія посмотрѣла бы съ радостью на установленіе ими націи независимой, даже революціонной. Меттернихъ оставляетъ для себя партизановъ и кліентовъ прежнихъ династій, и, хотя онъ помышляетъ отнять у Святаго Престола легатства, онъ убѣждаетъ духовенство въ своихъ желаніяхъ возстановить папство въ Римѣ. Происки Бурбоновъ походятъ на разбойничество, постоянно свирѣпствующее въ Калабріи, какъ итальянскіе происки Бентинка походятъ на національную революцію, почти на анархію. Мюратъ въ своемъ королевскомъ тщеславіи служитъ орудіемъ тѣхъ и другихъ. Онъ думаетъ, что дѣйствуетъ въ свою пользу, въ дѣйствительности онъ дѣйствуетъ для того, чтобы привести въ Италію австрійскихъ сбировъ и англійскихъ торговыхъ маклеровъ. Въ своемъ самообольщеніи онъ тѣшитъ себя надеждой, что Австрія «признаетъ» его титулъ и дастъ ему монархическое освященіе. Онъ лукавитъ съ Бентинкомъ, надѣясь обезпечить себѣ содѣйствіе англичанъ, масонскихъ ложъ и революціи. Онъ непрочь бы имѣть за себя русскихъ, домогаясь, какъ нѣкогда Людовикъ, любезностей, обѣщаній и, если это нужно, союза съ Александромъ.

Королина «сдѣлалась душою французскаго или наполеоновскаго сопротивленія противъ неаполитанской партіи», рьяно желая царствовать, желая получить для себя ту власть, которая была ея приданымъ, и которою Мюратъ владѣлъ только благодаря ей, ея женской милости. Въ ея жилахъ текла кровь Бонапартовъ, она любила верховную власть, и ей нравилось «вліять на правленіе посредствомъ любовниковъ, которыхъ она выбирала себѣ». Она строила ковы противъ короля, она писала Наполеону или приказывала писать ему: Магелла нашелъ средство довести ее

[1]) См. выше, стр. 398—399.

до молчанія, затѣмъ сдѣлать ее сообщницей: средство въ духѣ Фуше. Онъ овладѣваетъ ею при помощи ея слабой стороны, ея любовниковъ: добылъ ея любовныя письма и грозитъ ей скандаломъ сначала въ Неаполѣ, потомъ въ Парижѣ, что было бы еще хуже [1]). Съ этихъ поръ она молчитъ; но, такъ какъ она не измѣнится ни во вкусахъ ни въ характерѣ, поэтому фатально бросится въ заговоръ, бросившись сначала въ руки заговорщиковъ: она желаетъ власти, она будетъ искать ее сообща съ Мюратомъ, пользуясь Италіей, Австріей, Англіей. Она считаетъ, что она имѣетъ право на политическую угодливость Меттерниха, между тѣмъ какъ онъ угождаетъ ей лишь какъ свѣтскій человѣкъ. Будетъ моментъ, когда ее увидятъ болѣе жадной и болѣе рѣшительной въ дѣлѣ измѣны, чѣмъ ея супругъ. Дѣло въ томъ, что Мюратъ вовсе не имѣетъ королевской благодати; онъ не *рожденъ*, какъ Бонапарты, онъ возведенъ, онъ *сошелъ* за короля, и онъ остается въ душѣ солдатомъ. Онъ увѣряетъ въ своихъ намѣреніяхъ, и, когда онъ это дѣлаетъ, онъ вѣритъ въ нихъ, какъ во всѣ присяги, которыя онъ давалъ съ 1791 года. «До моего послѣдняго издыханія я останусь тѣмъ, чѣмъ былъ всегда, вашимъ вѣрнѣйшимъ другомъ, пишетъ онъ императору... [2]). Достаточно одного слова, и неаполитанскій король перестанетъ составлять какое-либо препятствіе...» Онъ повторяетъ это окружающимъ его: «Будучи неаполитанскимъ королемъ, я былъ, есмь и всегда буду первымъ гренадеромъ императора, моего шурина и всегдашняго моего государя...» [3]). При первомъ звукѣ горниста въ этомъ ленникѣ, полумятежникѣ, пробудится кавалерійскій генералъ. Наполеонъ знаетъ объ этомъ. Онъ будетъ нуждаться въ немъ въ великой войнѣ, которая подготовляется, и, страшно выбранивъ его и достаточно погрозивъ, не для того, чтобы вызвать страхъ, но чтобы нанести спеси его скорбленіе, котораго не забыть, онъ успокаивается, щадитъ, закрываетъ глаза, и въ ожиданіи войны онъ оставляетъ Мюрата царствовать, то есть, устраивать козни и заговоры.

Съ энергіей, напоминающей времена Булонскаго лагеря, подготовляетъ Наполеонъ эту войну, которая, думаетъ онъ, будетъ послѣдней [4]). Онъ устраиваетъ столь грозную армію, что одинъ внѣшній видъ ея долженъ былъ бы принудить Россію сдаться, въ открытомъ полѣ, ружье къ ногѣ. Это было бы для него самое желательное рѣшеніе, то, къ которому онъ старался принудить Пруссію въ 1806 году, Австрію въ 1809 году, вѣдь

[1]) Наполеонъ говорилъ объ ней Гурго: «Ахъ, несчастная: ею всегда руководила любовь!»

[2]) 20 juillet 1811. Masson.

[3]) *Mémoires de Desvernois.*

[4]) Commandant Marguesron, *Campagne de Russie.*

съ этой поры не существовали бы ни русская армія ни русская политика. Въ противномъ случаѣ, а это наиболѣе вѣроятно, онъ будетъ въ состояніи въ нѣсколько недѣль уничтожить русскихъ. Переговоры между Парижемъ и Петербургомъ лѣтомъ и осенью 1811 года были не чѣмъ инымъ, какъ игрой въ политическія тѣни; никто не относился къ нимъ серьезно, ни государи, распоряжавшіеся этимъ представленіемъ, ни министры, которые двигали маріонетками, ни публика, которая смотрѣла на проходящіе сзади экрана нѣмые и безъ жестовъ силуэты. Тысячи людей двигались съ запада на востокъ, съ юга на сѣверъ въ Великой имперіи, съ востока на западъ въ Русской имперіи, къ Вислѣ и Нѣману, которые сдѣлались спорными линіями, какъ ими были Рейнъ и Дунай со времени Цезаря до Карла Великаго, до Людовика XIV и до Республики.

Меттернихъ уже цѣлые мѣсяцы предвидѣлъ эти обстоятельства, съ этихъ поръ неизбѣжныя, и привелъ въ зрѣлость свой планъ. Дѣло шло о томъ, чтобы прежде всего сохранить Австрію и возобновить прежнюю игру подпольныхъ заговоровъ, парализовать «чудовищный планъ Наполеона» для порабощенія континента. Такъ какъ Австрія не можетъ воспрепятствовать войнѣ между Франціей и Россіей, то для нея всѣ вопросы сводятся «къ невозможности участвовать въ будущей войнѣ въ качествѣ союзницы Россіи, къ желанію только въ случаѣ крайней необходимости сдѣлаться помощницей Франціи». Вотъ какъ тянутъ дѣло австрійцы съ Наполеономъ, который вовсе ихъ не торопилъ, съ Александромъ, который очень налегалъ на нихъ, наконецъ съ Пруссіей, которая заискивала у нихъ [1]).

VII.

Во время шквала Пруссія продолжала лавировать между встрѣчныхъ вѣтровъ и опасныхъ теченій, одинаково боясь погибнуть въ открытомъ морѣ и разбиться о мысъ, пытаясь пристать къ берегу. Перенеситесь мысленно къ переговорамъ 1805 года, это дастъ ключъ къ переговорамъ 1811 года: это — тѣ же самыя перипетіи опять начинаются, въ болѣе суровомъ видѣ, между Пруссіей, которая расчленена, находится въ отчаянномъ положеніи; между всемогущей Франціей, которая ее осаждаетъ; между Россіей, на которую остается вся надежда на спасеніе и удовлетвореніе, но которая идетъ очень издалека, очень медленно, подобно вспомогательнымъ арміямъ, которыя приходятъ лишь на другой день послѣ пораженія, когда голодъ заставилъ крѣпость капитулировать.

[1]) Rapports de Metternich, 17 février, 26 mars, 25 avril, 21 novembre 1811, et résolutions impériales, 25 avril et 28 novembre 1811.

Шаригорстъ отправляется съ порученіемъ въ Петербургъ подъ чужимъ именемъ, окольными путями. Король пишетъ царю: «Что наиболѣе важно, такъ это хорошо столковаться относительно приготовленій и относительно плана операцій...[1]). Въ прочемъ, я попрежнему буду представляться окончательно преданнымъ системѣ Наполеона: всѣ мои явныя дѣянія и языкъ моего правительства будутъ въ такомъ духѣ... Хорошо было бы, если бы между нашими агентами былъ даже нѣкоторый оттѣнокъ недовѣрія и холодности... Я обязываюсь не принимать ничьей стороны, кромѣ вашей, въ случаѣ войны между Россіей и Франціей» [2]). Гарденбергъ расточаетъ противоположныя увѣренія передъ Сенъ-Марсаномъ: «Король больше всего желаетъ мира. Если къ несчастью должна будетъ возникнуть война, онъ желаетъ отдать всѣ свои средства въ распоряженіе Его Величества Императора и дѣйствовать съ нимъ заодно» [3]). Въ это же самое время черезъ графа Гарденберга вѣнскаго, черезъ ганноверца Омптеду они возобновляютъ сношенія съ англичанами, которые предлагаютъ субсидіи.

Наполеонъ понялъ ихъ игру [4]), освѣдомленный о хитрости, при помощи которой они обходятъ военную конвенцію: о постоянномъ передвиженіи рекрутъ черезъ казармы, объ усиленномъ обученіи, понялъ, наконецъ, по ихъ собственному сознанію, что въ четырнадцать дней они могли бы имѣть въ своемъ распоряженіи сто тысячъ человѣкъ. Они говорятъ это, чтобы придать цѣны своему союзу и внушить къ себѣ больше уваженія. Пріемъ неблагоразумный. 13 сентября Наполеонъ далъ знать Круземарку черезъ Маре въ Парижѣ, черезъ Сенъ-Марсана въ Берлинѣ, что, если въ казармахъ, въ крѣпостяхъ не будутъ пріостановлены вооруженія, онъ изъ этого сдѣлаетъ заключеніе, что Пруссія связана съ Россіей. Въ такомъ случаѣ Сенъ-Марсанъ уѣдетъ, и Даву вступитъ въ Берлинъ съ 150.000 человѣкъ [5]). «Если непосредственнымъ послѣдствіемъ этого будетъ уничтоженіе Пруссіи, она можетъ тогда пенять только на себя... Пруссія будетъ тогда жертвой непреодолимаго рока, и она покорится своей участи». Потомъ, думая, что въ достаточной степени напугалъ ихъ, онъ выказываетъ готовность вести переговоры о союзѣ и уполномачиваетъ Сенъ-Марсана вступить въ эти переговоры [6]).

[1]) Instruction du 29 juillet 1811. Duncker.
[2]) Frédéric-Guillaume à Alexandre, 16 juillet 1811. Bailleu.
[3]) Rapport de Saint-Marsan, 27 août 1811.
[4]) По донесеніямъ консула Лефевра и полиціи Даву.
[5]) Napoléon à Davout, 14 septembre 1811.
[6]) Instructions à Saint-Marsan, 22 octobre 1811.

© ГПИБ СОРАН

Наполеонъ ставитъ въ нихъ два условія: строгая блокада и сокращеніе прусской арміи. «Если Его Величество окажется въ необходимости воевать, для этого ему достаточно будетъ собственныхъ силъ, и онъ не нуждается въ прусской арміи... Итакъ, надо успѣть вывести прусскій кабинетъ изъ заблужденія этой воинской маніи, могущей довести короля до превращенія всѣхъ своихъ подданныхъ въ солдатъ». Конференціи начались 29 октября. Наполеонъ намѣревался подписать договоръ только наканунѣ войны, и онъ затягивалъ переговоры. Ему было достаточно держать пруссаковъ подъ угрозой и скомпрометировать ихъ передъ Россіею.

Пока это происходитъ, 4 ноября они получили извѣстіе о возвращеніи Шарнгорста, получили также текстъ конвенціи, подписанной имъ въ Петербургѣ 17 октября. Конвенція эта предусматриваетъ случай, когда Пруссія была бы вынуждена вступить въ союзъ съ Франціей, и имѣетъ цѣлью избѣжать дѣйствительныхъ враждебныхъ дѣйствій между Пруссіей и Россіей, т. е., имѣетъ цѣлью выговорить на бумагѣ то, что совершилось на дѣлѣ въ 1812 году [1]). Въ это самое время русскій уполномоченный въ Берлинѣ представилъ Гарденбергу проектъ договора, исправленный собственною рукою царя. Это былъ секретнѣйшій союзъ наступательный и оборонительный: оба союзника будутъ взаимно помогать другъ другу всѣми своими силами. Всякое движеніе французовъ впередъ черезъ Пруссію будетъ разсматриваться какъ объявленіе войны. Миръ будетъ заключенъ не иначе, какъ сообща. Гарденбергъ высказался за союзъ съ Россіей и за англійскія субсидіи [2]). Фридрихъ-Вильгельмъ не отваживался на какое-нибудь рѣшеніе. Этотъ «добродѣтельный» государь былъ двоедушенъ. «Право, писалъ одинъ англичанинъ, надо обладать испытаннымъ терпѣніемъ, чтобы желать спасти человѣка, который имѣетъ такъ мало охоты быть выведеннымъ изъ дурного положенія, въ которомъ онъ находится». Колеблясь между союзами и честными словами, онъ игралъ договорами съ Франціей, какъ Людовикъ XVI игралъ присягами промежду парижскихъ факцій, факцій эмигрантовъ, роялистовъ, конституціоналистовъ, своихъ офиціальныхъ министровъ, своихъ министровъ тайныхъ и королей Европы. Онъ отложилъ союзъ съ Россіей и приказалъ продолжать переговоры съ Сенъ-Марсаномъ. Конечно, Александръ не вторгнется въ его страну: военная конвенція, подписанная Шарнгорстомъ 17 октября, сводила войну между ними къ простымъ разводамъ, какъ было у русскихъ и австрійцевъ въ 1809 году. Итакъ, онъ старался обезпечить себя противъ вторженія французовъ, припасая для себя готовый путь къ измѣнѣ.

[1]) Martens, t. VII, p. 23 et suiv.

[2]) Mémoire au roi; résolution royale, 4 novembre 1811.

Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ довести до конца дѣло съ Наполеономъ, онъ старался добиться нѣкоторыхъ разъясненій, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ поощреній со стороны Вѣны. Онъ отправилъ туда Шарнгорста, который въ величайшей тайнѣ видѣлся съ Меттернихомъ. Но Меттернихъ, державшій въ выжидательномъ положеніи русскихъ эмиссаровъ, отказался вступить въ какое бы то ни было обязательство съ пруссаками. Онъ ограничился тѣмъ, что далъ имъ одинъ совѣтъ, самый вѣроломный въ свѣтѣ: сблизиться съ Россіей. Это значило отдать ихъ въ руки Наполеона, если бы Наполеонъ оказался побѣдителемъ; съ другой стороны, это значило усилить коалицію, сдѣлать болѣе равносильной, стало быть, болѣе сомнительной борьбу, въ которой Австрія старалась бы остаться нейтральной, чтобы предписать миръ, чтобы получать выгоды отъ обѣихъ партій, или чтобы перейти къ тому, кто больше предлагаетъ, и у кого больше шансовъ быть побѣдителемъ.

Наполеонъ отправился 22 сентября осматривать берега въ Булони, въ Антверпенѣ, въ Голландіи. За нимъ слѣдовали курьеры изъ Берлина. Письма Даву, который хорошо исполнялъ полицейскую службу, успѣли убѣдить его и въ болѣе или менѣе угодливомъ ослѣпленіи Сенъ-Марсана и въ прусскомъ двоедушіи. «Нужно, пишетъ онъ 21 октября Маре, чтобы искренность прусскаго короля была полная, и чтобы Его Величество могъ быть такъ же спокоенъ относительно Пруссіи, какъ онъ спокоенъ относительно Баваріи и Вестфаліи, а это возможно не иначе, какъ если Пруссія откажется отъ своихъ старыхъ иллюзій, если она займетъ надлежащее ей мѣсто...» [1]). Наполеонъ требуетъ, чтобы Блюхеръ былъ уволенъ отъ службы; онъ приказываетъ замѣстить Сенъ-Марсана кѣмъ-нибудь изъ военныхъ; потомъ, едва вернувшись въ Сенъ-Клу—14 ноября—онъ пишетъ Даву: «Другъ мой, было бы кстати, если бы вы на дальше указанныхъ основаніяхъ представили мнѣ проектъ движенія, для исполненія его въ томъ случаѣ, если бы Пруссія оказалась недобросовѣстной... Будетъ легко... окружить всѣ ихъ гарнизоны между Одеромъ и Вислой, прежде чѣмъ они замѣтятъ это...» Даву составляетъ свой планъ, который есть не что иное, какъ планъ, съ котораго услужливый Эсменаръ, какъ говорятъ, набросалъ свое «страшилище». «Можно надѣяться, писалъ маршалъ, что послѣдуетъ полная дезорганизація, и что никто въ Пруссіи не будетъ знать ни того, что ему дѣлать, ни что дѣлается, такъ какъ всѣ курьеры будутъ перехвачены» [2]).

[1]) A Maret, 2, 5 novembre 1811.

[2]) Napoléon à Davout, 14 novembre; Davout à l'impereur, 25 novembre 1811.

Наполеонъ нисколько не торопился, имѣя въ виду время года. Извѣстія съ Востока заставили его призадуматься. «Русскіе одержали большіе успѣхи надъ турками, которые вели себя какъ безсмысленныя животныя. Я вижу, что вотъ вотъ будетъ заключенъ миръ» [1]). Онъ сейчасъ ускорилъ переговоры въ Берлинѣ, желая этотъ разъ довести ихъ до конца. 24 декабря Сенъ-Марсанъ представилъ свой проектъ договора, замаскированный ультиматумъ. Пруссаки еще защищались, изворачивались цѣлый мѣсяцъ, надѣясь на какого-нибудь курьера изъ Вѣны, на какое-нибудь внушеніе изъ Петербурга; но Шарнгорстъ возвратился изъ Вѣны съ пустыми руками; Александръ болѣе не писалъ, раздраженный тѣмъ отказомъ, какой встрѣтилъ его проектъ. Сенъ-Марсанъ пустилъ въ ходъ страшилище Даву. По совѣту Ансильона, король 15 января 1812 года принимаетъ свое рѣшеніе. Отвращеніе и страхъ, вызываемые въ немъ поступками патріотовъ, ихъ союзами, ихъ тайными обществами, ихъ непослушаніемъ, повліяли на его рѣшеніе, быть можетъ, въ такой же степени, какъ угрозы Наполеона. Во всякомъ случаѣ, когда насталъ моментъ сдаться, онъ пожелалъ забросить кое-какіе спасительные канаты: онъ приказалъ предупредить австрійцевъ, и 31 января 1812 года онъ написалъ Александру: «Я посылаю къ Вашему Императорскому Величеству полковника Кнезебека... Онъ изложитъ Вамъ съ полной откровенностью мои мысли и мои желанія...» Онъ приносилъ себя въ жертву миру, который необходимъ, говорилъ онъ, «чтобы не подвергать опасности *великой цѣли*—спасенія Европы, которое Вы, Ваше Величество, всегда предлагали...». И онъ заканчиваетъ слѣдующими словами, въ которыхъ заключалась вся инструкція Кнезебеку: «Ничто не можетъ сравняться съ нѣжной дружбой и съ глубокимъ почтеніемъ, *которыя я не перестану питать*, государь, *каковы бы ни были обстоятельства*... [2]).

Пора было. Наполеонъ приходилъ въ нетерпѣніе. 6 февраля 1812 г. онъ приказалъ Ларибуазьеру, командующему артиллеріей великой арміи, приготовить въ величайшемъ секретѣ осадные парки для Шпандау или Кольберга: «Начальникъ генеральнаго штаба не знаетъ объ этомъ; секретъ извѣстенъ только вамъ... Пусть никто не читаетъ этого письма...». И Даву 8-го числа: «Отъ 20 по 30 февраля вашъ корпусъ долженъ быть въ полномъ движеніи...»; 21 числа Бертье: «Другъ мой, прикажите князю Экмюльскому немедленно начать свое движеніе...». Военная экзекуція Пруссіи предполагалась первой операціей войны; но великая война послѣдовала бы тотчасъ же послѣ наступленія оттепели. 22-го Маре далъ

[1]) A Davout. 14 novembre; rapport de Tchernichef, 18 décembre 1811

[2]) Ср. выше, переговоры о союзѣ въ 1806 г., стр. 20, 37, 41.

Круземарку двадцать четыре часа для подписанія. 24 числа были заключены договоры [1]); договоръ явный: оборонительный союзъ и блокада, гарантія цѣлости обоюдныхъ территорій; договоръ тайный: союзъ наступательный и оборонительный во *всякой* войнѣ въ Европѣ; секретная конвенція на случай войны между Франціей и Россіей: Пруссія выставитъ вспомогательный корпусъ въ 20,000 человѣкъ, назначенный, преимущественно, для защиты прусскихъ провинцій.

Въ тотъ же день Наполеонъ сдѣлалъ это извѣстнымъ Чернышеву. Полиція Савари въ концѣ-концовъ обратила вниманіе на продѣлки этого образцоваго флигель-адъютанта. Чернышевъ замѣтилъ, выражаясь жаргономъ людей его «профессіи», если не его общества, что за нимъ *слѣдили*, и что ему грозилъ *провалъ*. Онъ поспѣшилъ уѣхать, предавъ огню всѣ компрометирующія бумаги. Онъ вовсе не подозрѣвалъ, что вѣтеръ, подувъ назадъ въ каминѣ, занесъ подъ коверъ комнаты нѣсколько полусожженныхъ лоскутковъ, которые откроютъ его плутни и выдадутъ его сообщниковъ.

2 марта договоръ доставленъ въ Берлинъ; 3-го черезъ Берлинъ проѣхалъ Чернышевъ, по пути въ Петербургъ; 5-го были даны ратификаціи, и Гарденбергъ все дѣло сообщилъ русскому посланнику Ливену. Интриги русскихъ были предотвращены; «поведеніе короля и министерства было образцовое», сообщалъ Сенъ-Марсанъ [2]). Открыто были приняты мѣры противъ «патріотовъ». Гнейзенау уволенъ отъ поста военнаго министра. Повидимому, всѣ послушно пресмыкались; въ дѣйствительности все подкрадывалось къ измѣнѣ. Гнейзенау покинулъ Берлинъ, но съ тайнымъ порученіемъ въ Австрію, Россію, Швецію, Данію, Англію: подготовить путь для чисто разрушительной политики противъ только что подписаннаго союза; отправился миссіонеромъ германскаго возстанія за независимость, такъ же какъ дипломатія Гарденберга относительно возстановленія Пруссіи. Вмѣстѣ съ этимъ для командованія вспомогательнымъ корпусомъ король призвалъ, давъ ему «свое полное довѣріе» и полномочія, генерала Йорка, человѣка, который меньше чѣмъ черезъ годъ долженъ былъ нарушить договоръ, перейдя на сторону Россіи. 31-го марта Фридрихъ-Вильгельмъ писалъ императору Александру: «Если вспыхнетъ война, мы будемъ причинять другъ другу зло только въ случаѣ суровой необходимости. Мы всегда будемъ вспоминать, что мы находимся въ *согласіи*, что *въ одинъ прекрасный день мы должны снова сдѣлаться союзниками*, и хотя будемъ уступать непреодолимой судьбѣ,

[1]) De Clercq, t. II, p. 354 et suiv.

[2]) Rapport de Saint-Marsan. 3 mars 1812.

мы будемъ сохранять свободу и искренность нашихъ чувствъ. Да, государь, будьте увѣрены въ моихъ чувствахъ, они останутся тѣ же... вмѣняя себѣ, государь, въ честь *навсегда* оставаться Вашего Величества *добрымъ братомъ, другомъ и союзникомъ сердцемъ и душою...*».

Пруссія подписала съ поникшей головой, подъ угрозами пушекъ Даву; она грубо разорветъ этотъ договоръ, подъ угрозами русскихъ пушекъ. Измѣна Австріи должна произойти медленнѣе и болѣе извилистыми путями; это значитъ, что союзъ ея былъ болѣе коварный и также болѣе запутывающій; что Наполеону выгодно было вѣрить австрійцамъ, что ему нужно было привязать ихъ къ себѣ, что онъ льстилъ себя надеждой, будто у него есть залогъ въ лицѣ Маріи Луизы, талисманъ въ лицѣ Римскаго короля: «Я увѣренъ въ Австріи», писалъ онъ 14 ноября Даву. Шварценбергъ возвратился на свой посольскій постъ, имѣя инструкціи Меттерниха: союзъ безъ обязательствъ, а съ выгодами. Наполеонъ принялъ его 17 октября, и тонъ, какого онъ держался съ нимъ, могъ удовлетворить Меттерниха. Прежде всего онъ заявилъ ему, какъ недавно пруссакамъ, что союзъ былъ бы для него вовсе безполезенъ; потомъ онъ потребовалъ вспомогательный корпусъ отъ 40 до 50,000 человѣкъ, который на его правой сторонѣ дополнялъ бы 20,000 пруссаковъ, которыхъ онъ требовалъ тогда въ Берлинѣ. Онъ откровенничаетъ относительно «послѣдствій войны».—«Онъ смотритъ, докладываетъ Шварценбергъ, на Молдавію и Валахію, а также на Сербію, какъ на австрійскія провинціи; на Дунай, какъ на наши воды... Австрія можетъ, если она пожелаетъ, сохранить всю Галицію. Иллирія должна рано или поздно вернуться къ Австріи; ей необходимъ портъ Тріестъ...» Во всякомъ случаѣ, это было бы вопросомъ обмѣна, т. е. военной добычи. Тутъ есть одинъ призъ, который, вполнѣ естественно, представляется Австріи: «Вопросъ о Силезіи былъ бы рѣшенъ при малѣйшей ошибкѣ, допущенной Пруссіей... Силезія есть единственная провинція, которая могла бы округлить Австрію», и даже если Пруссія не совершитъ никакого преступленія, императоръ все-таки дастъ Силезію Австріи, подъ условіемъ только заплатить Пруссіи какимъ-нибудь другимъ кускомъ.

Событія сами собою направляются къ исполненію плана, тонко задуманнаго министромъ Франца II: съ самаго начала аукціонъ шелъ по желанію. Спустя короткое время, послѣ того какъ эти предложенія были сдѣланы въ Парижѣ, Александръ подступалъ къ вѣнскому посланнику со слѣдующими странными дружескими сообщеніями: «Слушайте, генералъ, но пусть это останется совсѣмъ между нами. Нужно раздѣлить Пруссію на три части: одна часть между Россіей и Вислой, другая—между Вислой и Одеромъ... наконецъ, Силезія... Если король и его министерство будутъ прочны въ ихъ дружескихъ намѣреніяхъ относительно меня, я не желаю ничего лучшаго; я—личный другъ короля; но критическое положеніе—вы знаете, что французы находятся не дальше трехъ переходовъ отъ Берлина—не даетъ мнѣ увѣренности въ постоянствѣ его министерства...» Эта Силезія, о которой всегда сожалѣли со времени завоеванія ея Фридрихомъ II, должна была вернуться къ нимъ изъ чьихъ бы то ни было рукъ, и Меттернихъ думалъ вести игру навѣрняка. Его намѣреніемъ, сообщаетъ одно изъ довѣренныхъ лицъ, «было беречь себя, чтобы впослѣдствіи быть въ состояніи успѣшно сопротивляться планамъ Франціи и служить средоточіемъ для сближенія тѣмъ, кто пожелалъ бы содѣйствовать этой цѣли». Если бы, въ ожиданіи событій и въ видѣ выдачи впередъ части наслѣдства, Наполеонъ уступилъ имъ Иллирію, то это также было бы пріобрѣтеніемъ для успѣха великаго дѣла; и если бы это великое дѣло не удалось, то Австрія только за единственную заслугу — за предоставленіе Наполеону свободы отбросить русскихъ и прогнать пруссаковъ,—получила бы Молдавію, Валахію, Сербію и Силезію. Столько земель и столько прекрасныхъ шансовъ на будущее, конечно, стоили того, чтобы поставить на карту армейскій корпусъ, годящійся для помощи Наполеону, или, въ случаѣ надобности, для того, чтобы биться противъ него, и который какъ разъ занималъ бы то «фланговое положеніе», которое Меттернихъ издавна намѣтилъ для Австріи.

14 марта 1812 года былъ подписанъ въ Парижѣ договоръ, приносящій меньше того, на что подавалъ надежду Наполеонъ, но позволяющій ожидать еще многаго [1]): согласіе, союзъ, обоюдная гарантія территорій; гарантія цѣлости Оттоманской имперіи: вспомогательный корпусъ въ 30,000 человѣкъ. Если бы Польское королевство было возстановлено, Наполеонъ обезпечивалъ Австріи Галицію; но, если бы Австрія уступила ему Галицію, онъ заплатилъ бы ей Иллиріей, и если бы война была удачна, онъ присоединилъ бы къ этому другія выгоды, подъ которыми подразумѣвались Силезія и придунайскія княжества.

«Графъ Меттернихъ, писалъ 28 марта Эрнестъ Гарденбергъ, вѣнскій еще можетъ быть чистъ, и въ такомъ случаѣ то, что онъ дѣлаетъ въ настоящій моментъ, было бы верхомъ глубокомысленной политики... Всѣ опасности, говоритъ онъ, могли быть предотвращены не иначе какъ при помощи договора о союзѣ, подъ покровомъ котораго Австрія можетъ увеличить свою армію до какой пожелаетъ численности... Положительно, это увеличеніе совершится... Эту армію составляютъ 120,000 человѣкъ, готовыхъ вступить на театръ военныхъ дѣйствій...; но на этомъ не оста-

[1]) De Clerq, t. II, p. 369 et suiv.

вятся, чтобы впослѣдствіи быть въ состояніи имѣть вліяніе въ дѣлахъ, и чтобы къ концу борьбы быть готовымъ на всякій случай»... Эти дружескія сообщенія были предназначены для Англіи. Что касается Россіи, Меттерних сообщилъ договоръ Штаккельбергу. Нужда, говоритъ онъ ему, потребовала союза, но, не взирая на это, «Россія и Австрія попрежнему могутъ входить въ тайныя соглашенія относительно своихъ политическихъ намѣреній»... Вспомогательный корпусъ будетъ дѣйствовать только со стороны Буковины. Онъ не будетъ увеличенъ ни въ какомъ случаѣ. «Какія гарантіи даете вы намъ, что это обѣщаніе будетъ дѣйствительно исполнено? спросилъ Штаккельбергъ.—Эти гарантіи, отвѣтилъ австріецъ, заключались бы въ интересахъ самой австрійской монархіи, если бы ихъ не было въ добросовѣстности государя, во имя котораго я говорю въ эту минуту» [1]).

VIII.

Таковы были союзы, заключенные Наполеономъ весною 1812 года. Онъ желалъ бы включить въ нихъ другія страны: Польшу, Швецію, Турцію, пресловутый барьеръ Европы отъ Балтійскаго до Чернаго моря, вѣдь неизбѣжность войны противъ Россіи привела его къ старымъ планамъ, которые по необходимости были придуманы Комитетомъ Общественнаго Спасенія [2]), и которые онъ тщетно старался привести въ исполненіе. Онъ слишкомъ поздно взялся за турокъ: они были въ переговорахъ съ Александромъ, и ихъ твердость скоро должна была избавить ихъ отъ русскихъ [3]). Точно такъ же слишкомъ поздно и черезчуръ свысока взялся онъ за Швецію. Такъ какъ его политика требовала принудить всю сѣверную Германію къ строгой блокадѣ, то 19 января 1812 года онъ приказалъ Даву занять Померанію. Это значило прервать переговоры съ Бернадоттомъ и дать ему предлогъ, котораго онъ желалъ, чтобы броситься въ объятія Россіи. Въ Польшѣ онъ имѣлъ за себя иллюзіи аристократіи легковѣрной, отважной, воинственной, расточающей свое довѣріе и свою кровь. Онъ думаетъ до глубины взбудоражить эту страну и такъ возбудить ее, чтобы волненіе захватило русскую Польшу. Онъ подготовляетъ условія, способныя «доставить», по меньшей мѣрѣ, возвѣстить «Польшѣ возстановленіе ея какъ націи», сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ, устроитъ тамъ *конфедерацію* по шаблону и согласно бывшимъ примѣрамъ пресловутой *Барской конфедераціи*. Составится комитетъ, чтобы

[1]) Rapport de Stackelberg, 28 avril 1812. Martens.

[2]) См. т. IV, стр. 188 и сл.

[3]) Они заключили договоръ 28 мая 1812 г. Русскіе очистили придунайскія княжества, кромѣ Бессарабіи, см. далѣе, стр. 478.

«дать сильный импульсъ націи»; чтобы вновь установить, опять привести въ движеніе всю механику польскихъ революцій, петицій, эмиссаровъ, постановленія парламентовъ подъ угрозами оружія и среди заговоровъ [1]). Это тонкое дѣло онъ хотѣлъ довѣрить Таллейрану, который въ 1807 году обнаружилъ замѣчательныя способности въ управленіи Варшавою. Но Таллейранъ, видя, что надвигается гроза, не желалъ оставить Парижъ, гдѣ въ одинъ прекрасный день должна была наступить всеобщая развязка, чтобы отправиться на аванпосты и подвергать себя риску быть потопленнымъ первою волной. Потомъ, при его отношеніяхъ съ Александромъ, при его бережномъ обращеніи съ Вѣной, это было порученіе очень компрометирующее. Наполеонъ обратился къ Таллейрану второго разряда, къ малинскому архіепископу, Прадту, духовнику бога Марса, какъ его называли, котораго онъ считалъ способнымъ вертѣть польскими вѣтрогонами и котораго находилъ болѣе надежнымъ, чѣмъ Таллейранъ, въ чемъ онъ ошибался.

Оставалась Испанія. Тамъ искалъ убѣжища Массена, выгнанный изъ Португаліи. 8 апрѣля вся армія перешла черезъ границу. Англичане были хозяевами Португаліи. «Одинъ только Сюше былъ бы хорошъ для его дѣла, говорилъ Наполеонъ... Всѣ желаютъ заниматься своими дѣлами, но не моими»... Онъ отозвалъ Массену и замѣнилъ его 10 мая Мармономъ.

А между тѣмъ кадикскіе національные кортесы, то есть, испанскіе кортесы, возставшіе противъ Іосифа и воюющіе противъ Наполеона [2]), оканчивали свое дѣло: 18 марта они вотировали сводъ конституціи, которую вырабатывали въ продолженіе болѣе года. Наполеонъ возвратился къ плану, задуманному въ 1811 году: къ нѣкоторому соглашенію между Іосифомъ и испанскими либералами. «Испанія... очень устала... писалъ 15 марта Маре Лафоресту. Кортесы думаютъ, какъ вся нація... Ихъ ненависть къ Франціи уравновѣшивается ихъ ненавистью къ Англіи... Итакъ, кажется, что, если король имѣетъ средства... или снестись съ регентствомъ, или сдѣлать предложенія кортесамъ, то могло бы устроиться соглашеніе... Кортесы смогутъ самостоятельно предложить королю принять конституцію, которую они редактировали, и признать новую династію... Если бы произошло нѣкоторое соглашеніе, Его Величество не дѣлалъ бы затрудненій признать цѣлость Испаніи и цѣликомъ отозвать свои войска, какъ только было бы возстановлено спокойствіе». Король могъ бы также созвать наполеоновскіе кортесы; результатъ былъ бы тотъ же, а средство было бы лучше.

[1]) Instructions à de Pradt, 28 mai 1812.

[2]) См. выше, стр. 435, 440, 442.—Baumgarten, Gervinus.

Но Іосифъ въ этомъ пунктѣ оставался непоколебимымъ: его *право* никакъ не мирилось съ капитуляціей; его характеръ не допускалъ ни замѣчаній какого-нибудь посланника, ни контроля какого-нибудь собранія. «Надѣть на себя мантію, сдѣланную для удрученія королевскаго достоинства въ лицѣ и подъ именемъ Фердинанда VII, это значитъ рисковать завести конституціонный безпорядокъ на мѣсто анархіи мятежниковъ», отвѣтилъ онъ. Онъ думалъ, что Наполеонъ намѣревался этой хитростью лишь занять испанцевъ до той поры, когда положеніе Европы позволило бы ему «разрубить гордіевъ узелъ». А между тѣмъ Іосифъ хотѣлъ сохранить за собою власть давать всѣ приказы, потому что онъ желалъ быть королемъ; но, въ дѣйствительности, онъ не желалъ давать никакихъ приказовъ, потому что его характеръ управленія состоялъ въ томъ, что онъ все откладывалъ, на всѣхъ жаловался и плакался на событія. Наполеонъ принужденъ былъ не замѣчать, и онъ отвернулся въ сторону.

Какъ послѣднее средство, онъ ввѣрилъ Іосифу главное командованіе всѣми своими войсками въ Испаніи, съ Журданомъ начальникомъ генеральнаго штаба [1]), и далъ «полную свободу дѣйствій» Мармону. Это значило утвердить декретомъ кутерьму, за невозможностью уничтожить ее. «Король не дѣйствуетъ, пишетъ Маре [2]); онъ стѣсняетъ и не помогаетъ. Вице-король дѣйствовалъ бы болѣе рѣшительно и болѣе полезно... По окончаніи настоящаго предпріятія на сѣверѣ, если по лѣности или по инерціи король не очень испортитъ дѣла, Его Величество скоро возьметъ верхъ надъ Испаніей и англичанами»... «Громовой ударъ» произошелъ бы вслѣдствіе возвратнаго удара изъ Петербурга или Москвы, и Наполеонъ учитывалъ послѣдствія этого великаго удара, для котораго онъ желалъ объединить всѣ силы Великой Имперіи. Въ Испаніи, говорили англичане, вотъ гдѣ Англія освободитъ Европу; въ Россіи—вотъ гдѣ Наполеонъ готовился побѣдить Испанію.

Эта экспедиція, которая должна была все закончить, казалось, снова поставила все подъ вопросъ. Въ Парижѣ, гдѣ грозилъ голодъ, гдѣ продовольственный кризисъ усиливался кризисомъ денежнымъ, съ возрастающей тревогой смотрѣли на наступленіе весны года, столь чреватаго случайностями. Наполеонъ щедрою рукою устраивалъ празднества, но, что онъ ни дѣлалъ, появлялись зловѣщіе признаки. Открытіе шпіоновъ Чернышева подняло тревогу, обнаруживъ сокровенную рану, которую считали давно залѣченною. Прибавьте открытую борьбу съ духовенствомъ, которая въ

[1]) Rapport de Laforest, 11 avril.—Napoléon à Berthier, 16 mars, 3 avril 1812.

[2]) 23 мая 1812 г.

Бельгіи приводила народъ къ непослушанію. Тюрьмы наполнялись. Къ недовольству новыми наборами, къ общей тревогѣ экспедиціей, размѣры которой превосходили все, что только знала Франція, и которые, несмотря на приписываемую императору непогрѣшимость, казались чрезвычайными, ко всему этому при дворѣ, въ правительствѣ присоединялись опасенія болѣе разумныя, гипотезы болѣе ужасныя. «Наполеонъ, писалъ одинъ очень хорошо освѣдомленный агентъ [1]), сдѣлался болѣе недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, чѣмъ когда бы то ни было; никто уже не дерзаетъ говорить съ нимъ откровенно; никто не знаетъ по настоящему суть его мыслей; всѣ боятся его; никто его не любитъ: почти всѣ согласно говорятъ, что, пока онъ будетъ жить, нельзя ожидать ни мира, ни благополучія»... Въ арміи снова составляются заговоры. Особенно наблюдается какая-то склонность махнуть на все рукой, какая-то легкая вѣра въ злополучіе, которыя можно было подмѣтить въ 1809 году, во время Вальшеренскаго дѣла, и которыя обнаружились изумительнымъ образомъ во время заговора Мале. Императоръ оставитъ позади себя если не людей заинтересованныхъ въ его погибели, то, по меньшей мѣрѣ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы приноровиться къ ней. Что будетъ завтра? «Это-то и составляло, сообщаетъ Таллейранъ, занимавшій первое мѣсто въ ряду этихъ людей, это-то и составляло серьезный предметъ размышленій у всѣхъ истыхъ французовъ: предаваться этимъ размышленіямъ было долгомъ для тѣхъ, кого обстоятельства, или, если угодно, ихъ честолюбіе, уже призывали, въ другія эпохи, вліять на судьбу страны. Это именно есть то, что я считалъ себя въ правѣ дѣлать уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и, по мѣрѣ того, какъ я видѣлъ приближеніе страшной развязки, я изслѣдовалъ и разсчитывалъ съ большимъ вниманіемъ и стараніемъ тѣ средства, которыя могли остаться намъ. Это не значило ни измѣнять Наполеону ни устраивать заговоръ противъ него... Противъ него никогда не было опасныхъ заговорщиковъ, кромѣ него самого... Во всю свою жизнь я устраивалъ заговоры только въ тѣ эпохи, когда я имѣлъ соучастникомъ большинство Франціи» [2])... Но онъ подготовлялъ это соучастіе.

Въ то время какъ Наполеонъ, чтобы объяснить свое предпріятіе, чтобы расположить къ нему общественное мнѣніе, указывалъ на притязанія Россіи на всемірное господство, пугалъ Францію нашествіемъ казаковъ, и когда его публицисты, съ цѣлью поддержать его, ссылались на мнимое *завѣщаніе Петра Великаго*, въ это время Таллейранъ и его довѣрен-

[1]) Tchernichef, 18 décembre 1811.

[2]) *Mémoires*, t. II, p. 32—34, 134—135.

ныя лица опять принялись за тайные происки, разработанные когда-то *друзьями* Антрега и *друзьями* Англіи, показывали Франціи, очень расположенной вѣрить этому, на Европу, готовую подтвердить ей миръ Люневильскій и Амьенскій; указывали на Наполеона, подъ вліяніемъ безумной гордости отвергающаго этотъ миръ, который ему оставалось лишь взять; показывали, что Наполеонъ такимъ образомъ отдѣляетъ свою политику отъ политики Франціи: что онъ не думаетъ сохранять, помышляя лишь о расширеніяхъ; что онъ до того идетъ наперекоръ здравому смыслу, противъ природы вещей, что это ослѣпленіе столь сильнаго ума не иначе можно было объяснять какъ только рокомъ, который тяготѣлъ надъ нимъ, а черезъ него надъ міромъ. Такъ миролюбивая и либеральная Англія была принуждена имъ къ войнѣ въ 1803 году, кроткая и миролюбивая Австрія въ 1805 году, въ 1806 году несчастная Пруссія, съ тѣхъ поръ преслѣдуемая, прискорбный примѣръ злоупотребленія силой, изъ классическаго друга, изъ естественной союзницы Франціи въ 1792, въ 1795 году сдѣлавшаяся ея жертвой; таковы злополучные испанскіе Бурбоны и благородная испанская нація; и, особенно, таковъ лояльный и рыцарственный Александръ, ослѣпленный въ Тильзитѣ, обманутый въ Эрфуртѣ, увлекаемый въ войну вопреки своему желанію [1]). Въ этомъ заключается источникъ легенды, что, если Александръ будетъ побѣдителемъ, Франціи достаточно будетъ броситься въ его объятія, чтобы быть счастливой, благоденствующей, чтобы избавиться отъ чудовища, быть свободной, сохраняя свою Рейнскую границу, и чтобы увидѣть конецъ столькимъ несчастьямъ, чтобы увидѣть желанный покой, ей нужно было бы лишь предоставить всѣмъ свободу дѣйствій, включая сюда англичанъ; всѣмъ, за исключеніемъ, разумѣется, одного Наполеона.

Слѣдуя своей обыкновенной тактикѣ, и точно такъ же, какъ онъ поступилъ въ 1803 году съ Витвортомъ, въ 1806 году съ Убрилемъ, Наполеонъ, насколько могъ, тянулъ дѣло съ открытымъ разрывомъ, задерживая Куракина нотами, контръ-нотами, отсрочивая выдачу паспортовъ, и другими дипломатическими мѣрами. 1-го мая былъ гильотинированъ Мишель, агентъ Чернышева, тотъ, который выдалъ ему отчетъ о состояніи арміи. 8-го Наполеонъ принялъ префекта полиціи, Паскье. Этотъ чиновникъ высказываетъ ему свои опасенія мятежей изъ-за продовольствія. Наполеонъ, казалось, смотрѣлъ на это дѣло такъ, что опасность почти устранена. «Наступаетъ уборка хлѣбовъ, черезъ пятнадцать дней конецъ вашимъ опасеніямъ». Потомъ, походивъ нѣкоторое время въ молчаніи, съ заложенными за спину руками, онъ вдругъ подошелъ къ Паскье: «Да, нѣтъ сомнѣнія, есть правда въ томъ, что вы говорите. Вотъ и еще одно затрудненіе въ придачу ко всѣмъ тѣмъ, которыя я долженъ встрѣтить въ предпріятіи, самомъ большомъ и самомъ трудномъ, за какія я принимался до сихъ поръ; но *нужно же кончить то, что начато*. Прощайте, господинъ префектъ».

9 мая онъ отправился въ Дрезденъ, и, бросившись съ этой поры въ предпріятіе, онъ видѣлъ въ ежедневной работѣ лишь первый планъ, шествіе войскъ, работу точную, кропотливую, методическую, съ прочнымъ фундаментомъ, съ опредѣленною цѣлью, которая успокаивала его. Шествіе къ пропасти, съ лошадьми и экипажами; шоссе, покрытыя, насколько хватаетъ глазъ, кавалеристами, артиллеристами, громадными обозами, безконечными колоннами пѣхотинцевъ, поглощали его мысль. Шествіе останавливалось на этапахъ, и, какъ деревья мѣшаютъ видѣть лѣсъ, такъ постоянное движеніе людей, скотины, машинъ скрывало ту пропасть, въ которую они должны были провалиться. Потомъ въ часы облегченія, въ промежутокъ времени между положительными вычисленіями, прояснялся горизонтъ, куда постоянно влекло его воображеніе, всегда опережая его, какъ бы далеко ни ушелъ онъ.

Онъ разсчитывалъ привести въ разстройство русскую армію на Нѣманѣ, потомъ онъ занялся бы Польшей. Въ одну, двѣ кампаніи? Этого онъ еще не зналъ. Изъ Москвы онъ властвовалъ бы надъ Чернымъ моремъ и разрѣшилъ бы Восточный вопросъ. «День, когда мнѣ попалъ на глаза Боссюэ, говорилъ онъ Нарбонну, и когда я прочелъ въ его *Discours sur l'histoire universelle* то, что онъ великолѣпно говоритъ о завоеваніяхъ Александра, и то, что онъ говоритъ о Цезарѣ, какъ тотъ, *оказавшись побѣдителемъ при Фарсалѣ, сталъ виденъ въ одинъ мигъ всему свѣту*, мнѣ показалось, что завѣса храма разорвалась сверху до низу, и что я видѣлъ шествіе боговъ: это видѣніе уже не покидало меня... Мы поведемъ васъ дальше того, куда доходилъ Маркъ-Аврелій... Наши передовыя укрѣпленія мы выдвинемъ не на Дунай только, но на Нѣманъ, на Волгу, Москву, и мы отдалимъ на двѣсти лѣтъ фатальность нашествія сѣверянъ...»—«Наконецъ, этотъ путь есть путь въ Индію. Александръ отправился изъ такой же дали, какъ Мо-

[1]) У историковъ опять можно найти упорные отголоски этихъ слуховъ, такъ ловко распущенныхъ тогда. Сличите признанія Александра, его письма въ февралѣ 1811 г., его 240,000, готовыхъ перейти въ наступленіе, и «кое какія окончательныя работы», которыя приписываетъ ему Ланфрэ, приготовленія Наполеона «въ величайшей тайнѣ», чтобы захватить царя врасплохъ, между тѣмъ какъ «онъ добросовѣстно принялъ послѣдствія войны съ Англіей» (Lanfrey, t. IV, p. 277, 330). И Александръ въ изложеніи Тьера, будто бы онъ опасался, что «самыя мягкія формы не могутъ устранить разрыва, а потому рѣшился принять нѣкоторыя мѣры военной предосторожности, отнюдь не угрожающія, но дѣйствительныя». Thiers, т. XII, стр. 451.—Ср. выше, стр. 425, 450.

сква, чтобы добраться до Ганга... Черезъ оконечность Европы долженъ зайти я въ тылъ Азіи, чтобы тамъ нанести ударъ Англіи... Вамъ извѣстна миссія генерала Гардана и миссія Жобера въ Персіи... [1]). Вообразите, что Москва взята, Россія сломлена, что царь примирился или скончался вслѣдствіе какого-нибудь дворцоваго заговора: скажите мнѣ, развѣ для французской арміи и союзниковъ, отправившихся я изъ Тифлиса, невозможенъ доступъ къ Гангу, къ которому достаточно прикосновенія французской шпаги, чтобы обрушить во всей Индіи эти подмостки меркантильнаго величія. Это была бы гигантская экспедиція девятнадцатаго вѣка. Такимъ способомъ Франція однимъ и тѣмъ же ударомъ завоевала бы независимость Запада и свободу морей... и я устроилъ бы Никейскій соборъ въ Галліи!» [2]).

IX.

Въ этой борьбѣ романца и славянина, возобновителя имперіи Діоклетіана и вѣроятнаго наслѣдника византійскаго трона, химера, легендарные подвиги, величіе предпріятія находятся на сторонѣ романца, точнаго и положительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, чрезмѣрнаго въ своихъ замыслахъ; послѣдовательная упорная политика положительныхъ и прочныхъ результатовъ принадлежитъ греку, съ льстивыми словами, со взоромъ устремленнымъ въ даль, который, повидимому, погрузился въ грёзы о человѣчествѣ, но который, въ самомъ дѣлѣ, превратитъ въ русскую дѣйствительность ту гегемонію надъ старымъ свѣтомъ, изъ которой Наполеонъ сдѣлалъ только французскую утопію.

Передъ французскимъ посланникомъ, не освободившимся отъ иллюзій до конца, Александръ продолжалъ жесты и языкъ, которые два года спустя должны были очаровать въ Парижѣ столь многихъ французовъ. Онъ еще разъ пригласилъ Лористона на интимный обѣдъ. Онъ собрался, говорилъ онъ, предпринять «объѣздъ», осмотрѣть свои войска, и онъ намѣренъ скоро возвратиться, всегда готовый къ союзу, если союзъ не потребовалъ бы ничего противнаго чести: онъ разставался «съ искреннимъ желаніемъ не воевать». Государь, который приготовилъ было страшный сюрпризъ въ декабрѣ 1810 года, еще объявлялъ себя «другомъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ Наполеона»; но онъ не могъ болѣе вѣрить Наполеону, говорилъ онъ, и потеря этой вѣры насквозь пронзила его сердце: «На его глазахъ навертывались слезы», пишетъ простодушный вояка

[1]) См. выше, стр. 113, 128.

[2]) Villemain, *Souvenirs contemporains.* — Voir Sainte-Beuve, *Causeries du Lundi*, t. XI, 1868, notes et pièces, p. 482. — Conversationa vec Caulaincourt. Vandal, t. III, p. 340.

Лористонъ. Это было 10 апрѣля, а 13-го Александръ сообщилъ Чарторыйскому, что онъ надѣется дойти до Вислы и вступить въ Варшаву. «Разрывъ съ Франціей казался неизбѣжнымъ... Если начнется война, здѣсь рѣшили не складывать оружія». 21 апрѣля онъ отправился въ Вильну [1]).

«Швеція, говорилъ онъ за немного дней до того, заключила съ нами наступательный и оборонительный союзъ. Наслѣдникъ горитъ желаніемъ сдѣлаться противникомъ Наполеона, противъ котораго онъ имѣетъ старую личную злобу, и, идя по пути Густава-Адольфа, онъ желаетъ одного: быть полезнымъ тому дѣлу, которое есть дѣло угнетенной Европы». Бернадоттъ принялъ свое рѣшеніе, и это было то, къ которому его приводили расчеты его честолюбія, его злопамятство, интересы его будущаго трона: Наполеонъ вторгнулся въ Померанію; Наполеонъ требовалъ блокады, то есть, разоренія и войны съ англичанами; Наполеонъ никогда не доставилъ бы Норвегіи: Наполеонъ-побѣдитель стремился бы покорить Бернадотта, если бы онъ не сталъ обращаться съ нимъ какъ со своимъ братомъ и не лишилъ бы трона! Александръ доставилъ бы Норвегію, способствовалъ бы примиренію съ Англіей, призналъ бы наслѣдство шведской короны: призналъ бы, быть можетъ, больше, если бы понадобился для Европы человѣкъ умный, большой рубака, представительный воинъ, краснорѣчивый бахвалъ, чтобы возвратить свободу французамъ, возвративъ ее сначала Европѣ. Онъ отправилъ въ Петербургъ графа Левентьельма (Loewenthjelm) съ письмомъ, помѣченнымъ 6 февраля: «Берега Средиземнаго моря, Голландіи и Балтійскаго моря присоединены одинъ за другимъ, внутренняя часть Германіи окружена... данники-монархи запуганы... Среди этой всеобщей печали взоры людей обращаются къ Вашему Величеству; люди уже подняли глаза и смотрятъ на Васъ, государь, съ вѣрою и надеждою». Это значило говорить прилично, въ стилѣ новаго союза. Левентьельмъ совершаетъ чудеса въ Петербургѣ, гдѣ онъ сдѣлался послѣдователемъ русской системы. Въ Стокгольмѣ Бернадоттъ наставлялъ русскаго посланника Сухтелена и сразу столковался съ Чернышевымъ, который умѣлъ разговаривать съ французами, недовольными Имперіей [2]).

Договоръ былъ подписанъ 5 апрѣля: союзъ наступательный и оборонительный; интимное согласіе относительно *независимости Сѣвера*, находящейся въ опасности «вслѣдствіе честолюбивыхъ и завоевательныхъ

[1]) Lauriston à Maret, 11 avril 1812. Albert Vandal.—Alexandre à Czartoryski, 13 avril 1812. *Mémoires.*

[2]) *Aperçu des transactions,* etc.—Suchtelen, 30 mars. 10 avril 1812. Martens.

плановъ Франціи»; взаимная гарантія территорій; армейскій корпусъ, составленный изъ 30,000 шведовъ и 20,000 русскихъ; затѣмъ, «такъ какъ Бернадоттъ не можетъ произвести диверсію—съ цѣлью разстроить операціи французской арміи въ Германіи—пока онъ будетъ имѣть за спиной Норвегію», поэтому присоединеніе Норвегіи къ Швеціи, путемъ ли переговоровъ, или путемъ военнаго дѣйствія Россіи, будетъ *предшествовать* диверсіи.

Бернадоттъ уже усматривалъ «три или четыре трона», которыми можно располагать, вакантные или которые предстояло воздвигнуть, и въ числѣ ихъ самый блестящій изъ всѣхъ троновъ. Италія могла годиться для эрцгерцога Карла, что привлекло бы Австрію къ комбинаціи: Понте-Корво во Франціи! Онъ хвастался, что онъ «настраиваетъ» Александра. Онъ доносилъ ему о преступныхъ замыслахъ Наполеона, о замыслахъ парижскихъ *иллюминатовъ* (?), которые отправляли убійцъ въ Россію, эти очень короткія, въ его вкусѣ, письма о Парижѣ доносили о проектахъ относительно Азіи, похода на Гангъ и Дели, черезъ Персію и Испагань; что Наполеонъ «возитъ съ собой по Германіи коронаціонныя принадлежности». Потомъ эти совѣты, болѣе вѣроломные и болѣе страшные, чѣмъ самый союзъ, совѣты товарища по оружію, какъ бы сроднившагося съ войной, пережившаго интимную жизнь войны: Наполеонъ боленъ; впрочемъ, «только въ одномъ случаѣ можно бы поймать его въ оплошности, это когда онъ бываетъ хорошо побитъ; тогда онъ теряется, и, если бы сумѣли воспользоваться этимъ, онъ былъ бы способенъ все бросить или приказать убить себя». Чтобы побить его, нужно избѣгать нападать на него въ строю, нужно нападать на тѣхъ, кто его правая рука. «Въ случаѣ войны Россіи противъ Франціи, выгода Россіи состоитъ въ томъ, чтобы затягивать войну, такъ какъ она можетъ дѣлать это, а Наполеонъ нѣтъ; нужно избѣгать большихъ битвъ... безпокоить фланги непріятеля; этимъ принуждать его отдѣлять отряды и утомлять его маршами и контръ-маршами, это самое непріятное для французскаго солдата, и въ такомъ случаѣ онъ больше всего поддается противнику. Пусть будетъ много казаковъ и вездѣ.. При малѣйшемъ успѣхѣ, будь это хоть удача на аванпостахъ, слѣдуетъ выпускать прокламаціи, производящія впечатлѣніе на общество... Въ случаѣ неудачи нужна настойчивость... Пусть даже отступятъ за Неву, лишь бы быть упорнымъ; все поправится, и Наполеонъ кончитъ съ Александромъ, какъ Карлъ XII кончилъ съ Петромъ I».

Въ Стокгольмѣ жилъ одинъ англійскій дипломатъ, Торнтонъ, подъ псевдонимомъ капитана Томсона. Онъ видѣлся съ Сухтеленомъ. Онъ былъ въ восхищеніи отъ Бернадотта: ему не довѣряли въ Лондонѣ, говорилъ

онъ, «по теперь я хорошо вижу, что онъ не похожъ на другихъ французовъ». Александру очень нравились эти открытія англійскаго агента. Онъ отвѣтилъ на нихъ инструкціей Сухтелену, собственноручно написанной имъ по-французски, изъ которой хорошо видно, какъ онъ понималъ великую войну за свободу Европы: «Великій планъ объединенія славянъ, чтобы сдѣлать диверсію противъ Австріи и Адріатическихъ французскихъ владѣній» [1]): вооруженіе дезертировъ нѣмецкихъ, славянскихъ: большія морскія вооруженія въ моряхъ Адріатическомъ и Балтійскомъ: серьезная атака въ Португаліи и въ Испаніи въ то время, какъ Наполеонъ вступитъ въ дѣло между Вислой и Нѣманомъ: диверсія на Неаполь: блокада Корфу: безпокоить всѣ берега: экспедиціи въ Зеландію и въ Данію. «Война, которая скоро вспыхнетъ, есть война за независимость націй... Роль Англіи заключается въ содѣйствіи войнѣ морскими вооруженіями и въ доставленіи *денежныхъ средствъ*». Онъ будетъ готовъ подписать, говорилъ онъ, какъ только будетъ заключенъ мирный договоръ между Швеціей и Англіей. Эти двойные переговоры происходятъ въ Швеціи и приводятъ къ Эребрскимъ трактатамъ [2]).

Со стороны Пруссіи Александръ ожидалъ событій. Несмотря на всѣ тайныя обязательства Фридриха-Вильгельма, онъ принялъ въ очень дурную сторону его союзъ съ Наполеономъ, и Кнезебекъ вернулся изъ Петербурга безъ тайныхъ гарантій, за которыми онъ ѣздилъ туда, привезъ только слѣдующія слова въ письмѣ царя, отъ 13 марта: «Вотъ мы и враги, государь!.. Можете ли Вы вѣрить, что Васъ оставятъ существовать, разъ Россія будетъ побита?... Повѣрьте, что моя дружба окончится лишь съ моею жизнью». Письмо короля отъ 31 марта успокоивало его: «Мы будемъ причинять другъ другу лишь то зло, котораго потребуетъ крайняя необходимость... другъ и союзникъ сердцемъ и душою». Александръ разсчитывалъ на настроеніе духа прусскаго общества, на настроеніе арміи и въ частности на генерала Іорка [3]).

Онъ возлагалъ тѣ же надежды, и съ большимъ правомъ, на австрійскій корпусъ, которымъ командовалъ Шварценбергъ. Меттернихъ поручился Штаккельбергу, что этотъ корпусъ никогда не перейдетъ за 30,000 человѣкъ, и что Россіи нечего опасаться его. Лебцельтернъ, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, получилъ инструкцію, помѣченную 25 апрѣля, самую секретную, относительно которой имѣлъ приказъ, использовавъ ее, сжечь ее. Онъ долженъ былъ сказать и сказалъ Але-

[1]) Dépêche à Suchtelen, 24 avril, 1812. Martens.

[2]) Англія и Швеція заключаютъ миръ.—Англія и Россія—союзъ въ Эребро, 18 іюля 1812 г. См. далѣе, § 11, стр. 487.

[3]) См. выше, стр. 465.

ксандру: «Наша полная пассивность будетъ зависѣть отъ положенія, котораго будетъ держаться по отношенію къ намъ Россія... Россіи нечего опасаться, если она не дастъ намъ никакого повода выйти изъ пассивности». 22 іюня Меттернихъ предложилъ своему государю опредѣлить въ глубочайшей тайнѣ маневры совсѣмъ мнимой войны: инструкціи въ этомъ смыслѣ должны быть даны вспомогательному корпусу, который оперировалъ въ Галиціи и въ Трансильваніи. Императоръ Францъ одобрилъ ихъ, и такъ было сдѣлано. Ради формы Штакельбергъ покинулъ Вѣну, а Лебцельтернъ Петербургъ; но обѣ арміи оперировали такъ, какъ если бы онѣ дѣйствовали заодно, и секретныя сношенія никогда не прекращались между двумя дворами.

Наконецъ, послѣ многихъ переговоровъ, по турецкому обычаю, 28 мая въ Бухарестѣ былъ заключенъ Восточный миръ: Александръ сохранялъ Бессарабію, эвакуировалъ Молдавію и Валахію и выводилъ свои войска. У него было искушеніе употребить ихъ для «вооруженія всѣхъ народовъ *славянскаго* племени. воздѣйствовать такимъ образомъ на населеніе Венгріи, также сдерживать вѣнскій кабинетъ, поставивъ его въ невозможность дѣйствовать заодно съ Наполеономъ; словомъ, произвести на востокѣ австрійской монархіи большое политическое и военное сотрясеніе, послѣдствія котораго распространились бы на Иллирійскія провинціи, на сѣверъ Италіи, Тироль, и даже на Швейцарію. Этотъ планъ доходилъ до признанія возможности создать *славянское* королевство...» Въ противодѣйствіе непомѣрнымъ планамъ Наполеона это былъ такой же обширный и далеко хватающій планъ. Но для этого нуженъ былъ союзъ съ турками, и было мало вѣроятности, что Бухарестскій миръ достаточно удовлетворилъ ихъ, чтобы они сами старались поднять сербовъ, албанцевъ и черногорцевъ. Ихъ нейтралитетъ казался болѣе полезнымъ и менѣе затруднительнымъ. Александръ согласился на него и тѣмъ охотнѣе, что Австрія успокоивала его. Въ такомъ случаѣ. къ чему эта обширная диверсія съ безконечными послѣдствіями? Благоразумные русскіе — конечно, тѣ самые, которые опасались созданія Польскаго королевства и возстановленія польской націи, — указывали на опасность «бросать въ среду славянскихъ племенъ идеи независимости и политической федераціи, которыя, рано ли поздно ли, окончились бы созданіемъ серьезныхъ затрудненій для самой же Россіи». Лучше держать ихъ въ зависимости, подъ покровительствомъ и въ разъединеніи. Наконецъ, дунайская армія была необходима, чтобы сражаться противъ Великой Арміи, и *великій славянскій планъ* Александра исчезъ, чтобы занять мѣсто рядомъ съ *огромнымъ* морскимъ *планомъ* Наполеона [1]).

[1]) *Русское Истор. Общество*, т. VI.—Переписка Чернышева, т. XXI. — *Aperçu des transaction*.

18 мая Александръ принялъ Нарбонна, посланнаго Наполеономъ, и сказалъ ему: «Первый я не обнажу шпаги... я рѣшительно остаюсь на моей границѣ... Русскій народъ не изъ тѣхъ, которые отступаютъ передъ опасностью», и, показывая на картѣ окраины своей имперіи въ Азіи, около Берингова пролива: «Если императоръ Наполеонъ рѣшилъ воевать, и если Фортуна не будетъ благопріятствовать справедливому дѣлу, ему придется идти вотъ до этого мѣста, чтобы найти миръ». Онъ говорилъ это спокойно, твердо, и вокругъ него Нарбоннъ видѣлъ «достоинство безъ хвастовства», твердую, глубокую рѣшительность, ни слѣда бахвальства, бывшаго наканунѣ Аустерлица. Царь отказался принять Лористона. Но 24 іюня, узнавъ, что Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, онъ отправилъ къ нему генерала Балашова съ письмомъ отъ 25 числа, заключавшимъ слѣдующія слова: «Пусть Ваше Величество согласится вывести свои войска изъ русской территоріи, я посмотрю на происшедшее, какъ будто его не было»; и съ слѣдующей устной инструкціей, которую царь воспроизвелъ въ манифестѣ къ своему народу: — Онъ обязуется честью не заводить переговоровъ о мирѣ до того дня, въ который русская земля будетъ совсѣмъ очищена отъ присутствія врага.

Когда была снята узда съ устъ, когда была сброшена маска, въ Петербургѣ послѣдовалъ взрывъ ненависти, ревности, презрѣнія къ Франціи. Все, что было въ Европѣ дѣйствовавшаго противъ Наполеона, сбѣжалось, призванное къ этому двору или просто привлеченное взрывомъ Наполеонъ привлекъ въ свои ряды королей, Александръ привлечетъ народы. Онъ переговаривается о союзѣ съ Хозе Бермудецомъ, делегатомъ Національныхъ Испанскихъ Кортесовъ [1]). Составляются анти-французскіе генеральный штабъ, тайная канцелярія, агентство прозелитизма, чтобы встряхнуть народы Европы,—прозелитизма, столь же страшнаго, но еще болѣе коварнаго, чѣмъ прозелитизмъ якобинцевъ. Вокругъ временщика на часъ, шведа Армфельдта, который донесъ на Сперанскаго и погубилъ его собираются: великій изгнанникъ Штейнъ, англійскіе агенты, агенты неаполитанскихъ Бурбоновъ, потомъ корреспонденты, ожесточенные враги Наполеона, великой націи и французской революціи — соединенныхъ въ одно, такіе, какъ вчерашній Антрегъ и какъ съ этого времени Поццо. Говорятъ о томъ, чтобы призвать на выручку даже инвалидовъ измѣны и заговора, Дюмурье и прежде всего этого Дюмурье-удачника, этого Дюмурье какъ бы коронованнаго, Бернадотта, котораго въ 1797 г. союзники были бы расположены приговорить къ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Бернонвиллемъ, и для котораго теперь они воздвигаютъ тронъ. Поднять Польшу

[1]) Договоръ былъ подписанъ 20 іюля 1812 г.

приманкой независимости, Германію приманкой величія, Францію приманкой свободы при «естественныхъ границахъ», Испанію приманкой свободнаго правительства и освобожденія отъ иностранцевъ; для этого всѣ работаютъ съ одинаковымъ рвеніемъ отъ имени Александра, одни съ вѣроломствомъ, другіе съ наивностью. Они требуютъ поддержки его руки, они увѣщеваютъ его къ крестовому походу, какъ въ 1791 году французскіе эмигранты въ Пильницѣ увѣщевали чешскаго и венгерскаго короля и короля прусскаго раздавить постыдную (*l'infâme*) французскую революцію. Но ходъ вещей измѣнился въ обратную сторону; французская эмиграція въ 1791 году шла противъ теченія вѣка: эта эмиграція аристократическая, кастовая, анти-національная, вооружающая иностранцевъ противъ независимости французскаго народа, потонула въ водоворотѣ. Эмиграція, которая окружала Александра, была существенно національная: каждый изъ этихъ эмигрантовъ говорилъ за свой народъ, и всѣ вмѣстѣ разжигали столько національныхъ революцій ради независимости и свободы, сколько они представляли различныхъ народовъ. Ихъ дѣйствіе должно было быть ужасное: ихъ подхватило теченіемъ и вѣтромъ. Подобно французской революціи, революція, проповѣдывавшаяся этими эмигрантами, имѣла тотъ двойной характеръ, который составлялъ обаяніе и могущество французской революціи: ея обаяніе составляла космополитическая программа, совершенно идеальная, которая позволила бы коализовать разные народы въ одной и той же войнѣ; ея могущество заключалось въ патріотическомъ и національномъ планѣ у каждаго изъ союзниковъ.

X.

Въ то время, какъ Александръ, преображенный въ освободителя народовъ, держалъ въ Вильнѣ этотъ необычайный конгрессъ порабощенныхъ націй, Наполеонъ, ставшій императоромъ республики благодаря еще болѣе странному преображенію, держалъ въ Дрезденѣ полный съѣздъ монарховъ и повторялъ пышное зрѣлище, которое было устроено себѣ во Франкфуртѣ и въ Майнцѣ въ 1792 году, наканунѣ вторженія во Францію тѣми самыми нѣмцами, которые тогда со всѣхъ областей Германіи приводили къ новому Карлу Великому свои отряды наемниковъ. Прибывъ 17 мая, онъ принялъ императора, своего тестя, союзника на пергаментѣ, таящаго измѣну въ душѣ, и прусскаго короля, вѣрнаго друга на словахъ, вѣроломнаго въ сердцѣ. Ихъ министры, Меттернихъ и Гарденбергъ, хотя еще недовѣряющіе одинъ другому, однако сблизившіеся благодаря подготовляемой ими эволюціи, видятся, столковываются и съ этихъ поръ будутъ въ постоянной перепискѣ. Члены Рейнскаго союза, баварцы и вюртембержцы, въ особенности, принимаютъ свои мѣры предосторожности по отношенію къ Россіи [1]). Они почтительны, они раболѣпны; но Наполеонъ предугадываетъ измѣну въ сердцѣ королей, предчувствуетъ возмущеніе у народовъ. Конечно, на его взглядъ Германія не Испанія: «Если бы произошло движеніе въ Германіи, оно окончилось бы, быть можетъ, въ нашу пользу и противъ незначительныхъ государей» [2]); но онъ чувствуетъ, что есть что-то прогнившее въ этой наполеоновской Германіи, и что надо подводить фундаментъ [3]). Временами ему была замѣтна непрочность его системы. Противорѣчія, въ которыхъ онъ запутывается, смущаютъ его мысль, прямую и логическую. На него находитъ словно туманное воспоминаніе о минувшихъ войнахъ, нѣкоторое пробужденіе загубленныхъ силъ, какое-то трепетаніе прежняго вдохновенія. Онъ непрочь бы снова пустить въ дѣло страшную революціонную машину, которую Александръ собирается повернуть противъ него. Въ инструкціи, которую онъ 28-го мая диктуетъ Прадту, и въ которой онъ набрасываетъ планъ возстановленія Польши, находятъ слѣдующее мѣсто: «Русскіе не могутъ занять громадную страну: нужно завести соумышленниковъ въ ихъ тылу, устроить очаги возстанія повсюду, гдѣ они не будутъ въ большомъ количествѣ, наконецъ, надо поставить ихъ въ положеніе, подобное тому, въ какомъ находилась французская армія въ Испаніи и республиканская армія во время Вандеи и возстанія шауановъ... Нужно, чтобы заволновалась вся Польша, и чтобы вся она цѣликомъ возстала...» Потомъ, сейчасъ же оказывается гиря, которую онъ прицѣпилъ себѣ къ ногѣ, и которая задерживаетъ его. «Единственныя мѣры осторожности, которыя нужно соблюдать, это— мѣры, относящіяся къ провинціямъ, которыя остаются еще австрійскими. Должно избѣгать раздражать союзника, который идетъ впереди этихъ операцій...» То, что Наполеонъ предписывалъ относительно Польши, Александръ и его агенты устраивали это по всей Германіи, въ Голландіи, въ Италіи и даже въ Иллиріи.

Нарбоннъ представилъ свой докладъ 26 мая. Наполеонъ отправился въ путь 28 мая. Собраніе королей было распущено, каждый возвратился въ свою столицу дожидаться событія, которое могло либо освободить его отъ невыносимаго союзника, либо подчинить его всѣмъ прихотямъ деспота. 22 іюня онъ обратился изъ Вилковиска со своей прокламаціей

[1]) Martens, t. VII, p. 48—51, 123, 125.

[2]) A Davout, 2 décembre 1811.

[3]) Эти впечатлѣнія, тогда довольно смутныя, снова оживаютъ въ его разговорахъ на о. св. Елены и въ частности въ мнимыхъ инструкціяхъ Прадту, состряпанныхъ впослѣдствіи и помѣченныхъ 18 апрѣля 1812 г.—*Mémorial*, t. VII.

къ Великой Арміи: «Россія увлечена рокомъ; ея судьба должна свершиться... Миръ, который мы заключимъ, принесетъ съ собою гарантію и положитъ предѣлъ пагубному вліянію, которое Россія производитъ уже пятьдесятъ лѣтъ на дѣла Европы...» Судьба совершалась, не только судьба Россіи, но также и французской революціи... Вопреки столькимъ усиліямъ дипломатіи и войнъ, чтобы измѣнить ходъ роковыхъ событій, чтобы привлечь Пруссію, потомъ сразить ее; чтобы побѣдить Россію, потомъ привлечь ее; чтобы купить Австрію, потомъ подчинить ее, Наполеонъ пришелъ къ тому, что предвидѣлъ комитетъ общественнаго спасенія III года, къ чему неизбѣжно было придти, къ коалиціи континента противъ Англіи и Россіи: «Пусть Англія и Россія вступятъ въ союзъ, писалъ этотъ комитетъ въ 1795 году, онѣ будутъ объявлены врагами націй; общее сопротивленіе восторжествуетъ надъ ихъ замыслами» [1]).

24 іюня 400,000 человѣкъ переправились черезъ Нѣманъ. Въ этомъ числѣ 160,000 французовъ. Великая Армія, со своими резервами и со своими крылами, насчитывала 1,187,000 человѣкъ, между которыми 337,000 иностранцевъ, нѣмцевъ и итальянцевъ; 850,000 французовъ со всей имперіи, прирейнцевъ, бельгійцевъ, голландцевъ, 10,000 швейцарцевъ, испанцевъ, португальцевъ, иллирійцевъ и хорватовъ. Эта армія выступала гордой и полной упованій [2]). Это была не испанская война: достаточно было одного этого слова, чтобы возвратить солдатамъ самоувѣренность, офицерамъ пылъ. Россія представлялась имъ продолженіемъ германскихъ странъ, громадной Польшей, и, пользуясь лучшимъ временемъ года, они думали придти ко второму Фридланду. Русскіе солдаты обнаружатъ свою стойкость, но надъ ними возьмутъ верхъ, и, разбивъ армію, предпишутъ миръ въ Петербургѣ или Москвѣ. Имъ кажется, что съ Наполеономъ все возможно. «Его всегдашней цѣлью, говоритъ одинъ офицеръ, было заключить поскорѣе славный миръ... Случай, счастье не оказывали никакого вліянія на наши удивительные успѣхи; геній Наполеона, его мудрость, его заботливая и дѣятельная предусмотрительность все подготовляли, все комбинировали...» — «Бѣдный Александръ! пишетъ другой. Конечно, нельзя относиться съ презрѣніемъ къ русской арміи; многолюдный народъ, на который нападаютъ у его домашняго очага, подчиняется не легко, это доказываетъ намъ Испанія; но чего не доведетъ до цѣли великій Наполеонъ?» Молодые думали, что дойдутъ до Азіи. «—Что вы хотите,

[1]) Ср. т. IV, стр. 275. Наказъ комитета Бартелеми 26 іюня 1795 г.

[2]) *Mémoires* de Ségur, Lejeune, Fantin des Odoards, Fezensac, Marbot, Castellane, Planat, Pouget, Lahure, Rochechouart, Suremain, Loewenstern, comtesse Potocka, Faber du Faur, etc.—Théry, *Napoléon en Russie* (*Revue de Paris*).—Verestchagine, *Napoléon I-er en Russie*.

чтобы я принесъ вамъ изъ Индіи?» говорилъ одинъ французъ полькѣ —«Изъ Москвы или изъ Петербурга?» возразила она. — «Ахъ! возможно, что мы пройдемъ черезъ нихъ, но я думаю, что вы предпочтете какую-нибудь болѣе рѣдкостную добычу. Мы отдали честь пирамидамъ, было бы справедливо теперь пойти посмотрѣть немножко, что дѣлаютъ наши заморскіе соперники».—«Поживъ радостной жизнью, разсказываетъ Кастеллянъ, я ожидалъ, что или тотчасъ же сдѣлаюсь жертвой ядра, или получу витые эполеты...» Никто не воображалъ того, что они нашли: пустыню, какую-то Испанію безъ конца, плоскую, угрюмую, ненаселенную, еще болѣе зловѣщую и болѣе пагубную, чѣмъ та. Наполеонъ вооружилъ противъ Россіи весь континентъ, но это вооруженіе было лишь огромнымъ страшилищемъ. Военная машина, колоссальная и тонкая, расхлябалась, какъ только прикоснулась къ русской почвѣ. Эта блестящая армія несла съ собой голодъ и горячку; позади себя она не оставляла въ резервѣ ничего, кромѣ измѣны.

Ничего не было приготовлено при выступленіи противъ лѣта, при возвращеніи противъ зимы. Ничто не устояло противъ неожиданнаго зноя, противъ внезапнаго сѣвернаго зноя, угнетающаго человѣка на рыхлой и горячей почвѣ; противъ дождя, размывавшаго землю, затоплявшаго дороги, на которыхъ колеса обматывались размякшей травой, на которыхъ повозки застрявали въ грязи. Лошади гибнутъ отъ работы, рогатый скотъ дохнетъ отъ недостатка свѣжаго корма. Люди заражаются дизентеріей. Наполеонъ сдѣлалъ расчеты, не принявъ во вниманіе черезмѣрныхъ крайностей климата Россіи, особенно, не принявъ во вниманіе національнаго характера русскаго народа. Произошло то, чего онъ ожидалъ меньше всего: онъ разсчитывалъ побивать въ строю организованныя арміи и жить на счетъ страны. Арміи ускользали, отказываясь отъ битвы, и чтобы ихъ найти, нужно было слѣдомъ за ними углубляться въ страну, которая отказывала въ пропитаніи [1])

Сейчасъ же послѣдовало разочарованіе. 24 іюня переправились черезъ Нѣманъ; послѣ 30-го одинъ офицеръ пишетъ своему другу: «Уже два дня мы безъ хлѣба. Безпрерывный дождь окончательно изнуряетъ наши войска и нашихъ лошадей... Количество лошадей, гибнущихъ отъ усталости и изнуренія, превосходитъ все, что можно вообразить, такъ что опасаются, пожалуй, придется оставить сзади половину артиллеріи. Только довѣріе, внушаемое императоромъ, поддерживаетъ бодрость войскъ...» 26 іюня пишетъ Кастеллянъ, бывшій членомъ придворнаго императорскаго штата: «Я обѣдалъ на кладбищѣ съ Мортемаромъ и Шабрилланомъ. Мы

[1]) См. выше, стр. 450, совѣты Пфюля.

съ большимъ трудомъ достали хлѣба, но милости одного изъ дворецкихъ императора. Многіе полки не имѣютъ хлѣба уже пять дней...» Непріятель всегда ускользаетъ, равнина ширится безгранично, французовъ утомляетъ и безпокоитъ эта война съ природой, это вторженіе въ пустое пространство. Старые генералы ропщутъ, докладываетъ Плана; они желали бы остановиться; они боятся, что Наполеонъ увлечется желаніемъ вступить въ Москву. Всего не хватаетъ; даже жидовъ. Одинъ офицеръ, Фантенъ, который ихъ не любитъ, находитъ, что въ этихъ областяхъ есть нѣчто худшее, чѣмъ быть одолѣваемымъ жидами, это—полное отсутствіе ихъ. «Жиды, столь жадные, столь сговорчивые, столь умные, исчезли, и съ ними исчезла самая дорогая для насъ помощь». Свирѣпствуютъ грабежи, влекущіе за собой разстройство дисциплины. Солдаты воруютъ офицерскую провизію. Если офицеръ пожалуется, солдатъ отвѣчаетъ ему, какъ тотъ уланъ, котораго слышалъ Кастеллянъ, «что очень легко говорить это ему, который ѣстъ за генеральскимъ столомъ; а что онъ, уланъ, вотъ восьмой день не отвѣдывалъ хлѣба!» Повозки загромождали дороги. Императоръ приказываетъ сжечь коляску Нарбонна, которую онъ замѣчаетъ на своемъ пути. Когда императоръ проѣхалъ, Нарбоннъ даетъ десять луидоровъ солдатамъ, и они тушатъ зажженный ими огонь.

Наполеонъ думалъ найти Литву подъ ружьемъ, русскую Польшу возставшей. Онъ видитъ ее съ жадными надеждами, грезящей о свободѣ, но благоразумной, нерѣшительной: магнаты дорожили своими имѣніями и мало вѣрили французскимъ посуламъ. Нуженъ былъ великій и знаменательный примѣръ, чтобы увлечь ихъ. Наполеонъ давалъ лишь примѣръ нерѣшительности; онъ не посмѣлъ сдѣлать изъ Варшавскаго герцогства очагъ, который воспламенилъ бы всю Польшу. Онъ сохранялъ за собою право распоряжаться польскими землями для заключенія мира, воспользовавшись польской кровью для побѣды. Такъ же осторожно поступала Польша. Она привѣтствуетъ французовъ, но только что потухли огни празднествъ, еще наканунѣ данныхъ Александру въ Вильнѣ. «Эти поляки очень разнятся отъ познанскихъ поляковъ!» говоритъ Наполеонъ. Что особенно разнится, такъ это—времена: люди состарились съ 1806 г., и послѣ Тильзита, послѣ Эрфурта многія иллюзіи разсѣялись.

Въ мрачной и безлюдной Вильнѣ, 1-го іюля, императоръ принялъ Балашова, посланника Александра. Трагическое собесѣдованіе. Кажется, что Наполеонъ приводитъ аргументы противъ самого себя и старается ослѣпить себя своею собственною фантасмагоріей [1]). «Я имѣю въ три раза больше силъ, чѣмъ вы. Я знаю такъ же, какъ вы, и, быть можетъ,

[1]) Донесеніе Балашова. Татищевъ.

даже лучше васъ, сколько вы имѣете войска». Послѣ этой фанфаронады въ итальянскомъ духѣ слѣдуютъ оскорбленія во вкусѣ древнихъ: «Императору Александру даютъ очень дурные совѣты. Какъ ему не стыдно приближать къ своей персонѣ людей презрѣнныхъ: какого-то Армфельдта, человѣка испорченнаго, интригана, преступника, гибнущаго отъ распутства, вѣдь онъ извѣстенъ лишь своими преступленіями, онъ врагъ Россіи; какого-то Штейна, котораго, словно негодяя, изгнали изъ его родины, зложелателя, осужденнаго на смерть, голова котораго оцѣнена; какого-то Беннигсена, обладающаго, говорятъ, нѣкоторыми военными талантами, которыхъ я въ немъ не знаю, но обагрившаго свои руки въ крови своего государя... Людей, готовыхъ затянуть веревку, могущую лишить его жизни, которые свободно входятъ въ его кабинетъ, которыхъ онъ принимаетъ одинъ на одинъ... Они приведутъ его къ пропасти... Вамъ не стыдно? Со времени Петра I-го, съ того времени, какъ Россія стала европейской державой, никогда непріятель не вступалъ въ ваши предѣлы, и вотъ я въ Вильнѣ! Я завоевалъ цѣлую провинцію безъ выстрѣла...» Онъ судитъ, разглагольствуетъ, поноситъ, вызываетъ. Они отказываютъ ему въ *его* битвѣ, въ *его* Аустерлицѣ: глупцы, бездарные, трусы! Онъ не понимаетъ ихъ. Армфельдтъ предлагаетъ, Беннигсенъ обсуждаетъ, Пфюль возражаетъ, и всѣ упускаютъ свое время.—«Ваше Величество, отвѣчаетъ Балашовъ, какъ только онъ можетъ вставить слово, осмѣлюсь форменно предсказать, что Вы предпринимаете страшную войну. Это будетъ война съ цѣлой націей, представляющей грозную массу. Русскій солдатъ рѣшителенъ, и народъ привязанъ къ отечеству и преданъ своему государю.—Нѣтъ, милостивый государь! Россія не желаетъ войны... Я не могу не одолѣть... Я дойду даже до пустынь вашихъ. Я готовъ сдѣлать двѣ или три кампаніи.—А мы четыре, пять, быть можетъ, больше. — Я имѣю 550,000 человѣкъ по ту сторону Вислы... Я присоединю Пруссію»... Онъ заключаетъ, предлагая переговоры, конечно, какой-нибудь другой Тильзитъ. За обѣдомъ онъ поддразниваетъ русскаго вопросами, на которые Балашовъ отвѣчаетъ сначала сдержанно и твердо, потомъ, задѣтый въ своей чести, онъ отражаетъ удары и отражаетъ ихъ мѣтко.—Что такое Москва? Большая деревня... Сколько церквей?—Больше двухсотъ сорока.—Почему такъ много?—Нашъ народъ набоженъ.—Ба! въ наше время нѣтъ набожности. — Извините, государь. Быть можетъ, нѣтъ уже набожности въ Германіи и въ Италіи, но она еще есть въ Испаніи и въ Россіи». При имени Испаніи наступаетъ молчаніе. Наполеонъ продолжаетъ: «Какая дорога ведетъ въ Москву?—Какъ французы говорятъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ русскіе говорятъ: въ Москву идетъ по какой кто хочетъ дорогѣ: Карлъ XII шелъ черезъ Полтаву...»

Наполеонъ вручилъ Балашову письмо для Александра, помѣченное 1-мъ іюля. Пятнадцать дней ждалъ онъ отвѣта, который не пришелъ. Онъ узналъ тогда о собраніи польскаго сейма въ Варшавѣ 1-го іюля и о взрывахъ энтузіазма, которыми встрѣтили провозглашеніе старымъ Чарторыйскимъ *возстановленія Польши*. Но Прадтъ, конечно, изъ желанія угодить императору и вслѣдствіе воспоминаній о брюмерѣ, рѣшилъ, что наилучшіе парламенты, это—самые молчаливые, и что самыя плодотворныя сессіи, это—самыя кратковременныя. Онъ прервалъ польскія оваціи и послѣ двухъ засѣданій объявилъ сеймъ закрытымъ. Когда депутація отъ сейма появилась въ Вильнѣ, ожидая услышать изъ устъ императора подтвержденіе словъ Чарторыйскаго, Наполеонъ вспомнилъ, что онъ—союзникъ Австріи, и что вотъ ужъ пятьдесятъ лѣтъ всякій миръ съ сѣверомъ заключался на счетъ Польши. Слова: *Польша существуетъ*, не были произнесены. «Нужно, писалъ онъ Прадту, чтобы она доказала, что она осталась живой и цѣльной, что она можетъ существовать какъ независимая нація... что ея объединенныя силы достаточны для того, чтобы охранять себя, что, если она возстановитъ свое существованіе, она сумѣетъ сохранить его... что пусть эти мысли будутъ мыслями конфедераціи и всѣхъ польскихъ провинцій...» Ничего нельзя было лучше придумать, чтобы парализовать порывъ русскихъ поляковъ, чтобы умѣрить порывъ варшавяковъ. Къ неизбѣжному унынію, которое вызывалъ этотъ языкъ, присоединились неловкости, смѣхотворныя выходки, надменность Прадта, интригана, хвастуна, духовнаго и канцелярскаго *проныры*; автора плохихъ брошюръ, публициста, великаго сѣятеля хорошихъ словъ, геніальнаго политика за дессертомъ и передъ каминомъ, показавшаго, до чего можетъ доходить въ дѣлахъ глупость остроумнаго человѣка, и какой вздоръ кроется подъ лоскомъ говорливаго собесѣдника.

Наполеонъ уѣхалъ изъ Вильны 16 іюля, оставивъ въ ней Маре для пріема курьеровъ и управленія иностранными дѣлами Великой имперіи при этомъ чрезмѣрномъ перемѣщеніи центра ея тяжести. «Ни одинъ иностранный дипломатическій агентъ не долженъ оставаться въ Вильнѣ», приказывалъ ему Наполеонъ черезъ нѣсколько дней, 29 іюля. Но больше всѣхъ заинтересованный въ нарушеніи этого приказа прусскій агентъ нашелъ средство обмануть Бертье и обойти запрещеніе. Онъ прибылъ, нужно было его принять; вѣдь это былъ союзникъ! За нимъ другіе, не считая адъютантовъ Шварценберга. Вотъ какимъ образомъ, къ своему великому огорченію и къ величайшему вреду для императора, Маре, имѣвшій порученіе волновать и вооружать Литву и содержать большой черный кабинетъ для корреспонденцій всей страны, видитъ себя окруженнымъ Круземаркомъ и «другими менѣе почетными шпіонами», если выражаться языкомъ Вольтера о посланникахъ.

XI.

Александръ заключилъ свой союзъ съ Англіей 18 іюля въ Эребро. Въ немъ раскрылся новый человѣкъ, «лучшая сторона его *я*», какъ сказали бы его новые курители фиміама, нѣмецкіе философы или идеологи, германизирующіе во всей Европѣ. Наполеонъ вознесъ его на гору и показалъ ему царства земныя: Александръ отвратилъ взоръ свой, но не руки. Онъ сказалъ Наполеону: «Отойди, искуситель!» Но онъ хранилъ соблазнъ, заключавшійся во владычествѣ надъ Европой и въ любви освобожденныхъ имъ европейцевъ. Онъ будетъ завоевателемъ, но изъ чистаго великодушія: онъ осуждаетъ «макіавелистическіе уроки» безпринципнаго корсиканца. Онъ «сорвалъ маску» съ порочнаго шарлатанства. Наполеонъ наткнулся на «совѣсть», и его расчеты спутались! Александръ вѣритъ въ это, для него это—тріумфъ, это окружаетъ его лучами; онъ вливаетъ свою вѣру въ сердца англичанъ, нѣмцевъ, нѣкоторыхъ французовъ, которые остаются въ Россіи, гонимые Наполеономъ, плѣненные чарами его завтрашняго побѣдителя. Этотъ новый образъ Александра, съ ореоломъ генія, съ глазами влажными отъ слезъ о человѣчествѣ, со свѣтящимся туманомъ, скрывающимъ его задушевныя мысли, эти люди распространятъ по Европѣ и подготовятъ великую иллюзію 1814 года, за которой послѣдуетъ великое разочарованіе 1820 года. Такимъ онъ показался госпожѣ Сталь, когда она проѣзжала черезъ Россію, отправляясь въ Швецію: «Дверь открылась, и императоръ удостоилъ меня чести, подойдя ко мнѣ съ разговоромъ. Что прежде всего поразило меня въ немъ, такъ это такое впечатлѣніе доброты и достоинства, что эти два качества кажутся нераздѣльными. Точно такъ же я была очень тронута благородной простотой, съ какой онъ касался вопросовъ о важныхъ интересахъ Европы съ первыхъ же фразъ, съ которыми ему угодно было обратиться ко мнѣ... *Есть геній въ добродѣтели*... Императоръ говорилъ мнѣ съ восторгомъ о своемъ народѣ... Онъ выразилъ мнѣ желаніе... улучшить участь крестьянъ...—Ваше Величество, сказала я ему, *вашъ характеръ есть конституція для вашей имперіи*, и ваша совѣсть есть ея гарантія» [1]).

Эти слова въ устахъ дочери Неккера, бывшей другомъ Бенжамена Констана, сторонницей «учредительнаго собранія» 1791 года и III года, всегда волнующейся изъ-за свободы, такія слова, сказанныя на другой день послѣ ссылки Сперанскаго, показываютъ, до какой степени перемѣна впечатлѣній зависитъ отъ перемѣны декорацій, и какъ мало значатъ

[1]) *Dix années d'exil*, chap. XVIII.—Ср. т. VI. стр. 192.

принципы у тѣхъ, которые наиболѣе гордятся ими, когда бываетъ затронуто ихъ самолюбіе. Александръ льстилъ ей въ томъ, въ чемъ Наполеонъ оскорблялъ ее: онъ, казалось, пріобщалъ ее къ своей славѣ, и она удивлялась ему всею силою ненависти, которая ослѣпляла ее относительно Наполеона.—Бонапартъ приводилъ ее въ смущеніе, Александръ приводитъ ее въ восторгъ. Своими красивыми императорскими руками, тѣми руками, которыя ласкала Екатерина Великая, августѣйшими и бѣлыми, онъ посвящаетъ ее въ музы коалиціи. Коринна въ Зимнемъ дворцѣ! Онъ говоритъ съ ней о «важныхъ интересахъ Европы». Онъ говоритъ съ ней, «какъ это могли бы сдѣлать государственные люди Англіи». И весь его дворъ подражаетъ его примѣру. Если либеральничаютъ по приказу, то гостепріимство оказываютъ отъ чистаго сердца, и самое широкое на свѣтѣ. Они привѣтствуютъ въ ней врага Наполеона, безжалостную хулительницу его имперіи. Она встрѣчаетъ Штейна и читаетъ ему одну главу изъ своей книги *de l'Allemagne*, опальной, какъ и они оба. При такомъ ослѣпленіи сама собой, въ этой зеркальной галереѣ, гдѣ они прохаживались, она дошла до того, что ставила Петра Великаго выше Ришелье, который «правилъ только тираннически внутри, коварно внѣ». Она хвалитъ Бернадотта, превозноситъ Моро, этихъ героевъ свободы, которые одни только способны поразить страшилище и показать міру ничтожность Наполеона!

Такъ какъ роли перемѣнились, то извратили смыслъ словъ. Во дворцахъ и въ канцеляріяхъ только и было рѣчи, что о независимости Европы и о свободѣ народовъ. Это была модная музыка: всѣ бѣжали въ оперу. Бояре плакали отъ восторга словно при взятіи новой Бастиліи [1]). Все освѣщалось новымъ свѣтиломъ, которое восходило надъ міромъ. Друзья Англіи проснулись друзьями рода человѣческаго; друзья человѣчества почувствовали себя превращенными въ друзей Англіи. «Я увидѣла, сообщаетъ госпожа Сталь, что на Невѣ развѣвается англійскій флагъ, знакъ свободы... Черезъ десять лѣтъ, во время которыхъ успѣхи и неудачи всегда видѣли англичанъ вѣрными путеводителю ихъ политики — *совѣсти*—они возвратились, наконецъ, въ страну, которая первая освободилась отъ всемірной монархіи. Ихъ акцентъ, ихъ простота, ихъ гордость,—все будило въ душѣ чувство *подлиннаго* во всемъ, которое Наполеонъ имѣлъ искусство заглушить... Музыканты графа Орлова сыграли намъ англійскій *God save the king*; мы апплодировали этому *національному гимну всѣхъ европейцевъ*, потому что въ Европѣ теперь есть только два вида людей: тѣ, которые служатъ тиранніи, и тѣ, которые умѣютъ ненавидѣть ее». Чехи оставались неизвѣстными, ирландцевъ ни-

[1]) Ср. т. II, стр. 9, 13.

когда не ставили въ счетъ, поляки уже перестали имѣть какое нибудь значеніе въ глазахъ этихъ освободителей. Коалиціонная риторика такая же лживая, какъ риторика революціоннаго космополитизма; искаженіе идей, извращеніе словъ, мѣняющіяся туманныя картины: обманъ вѣчныхъ химерическихъ мечтателей объ идеалахъ и человѣчествѣ, служеніе вѣчнымъ обманщикамъ людей и созидателямъ имперій.

Опутавъ такъ гирляндами госпожу Сталь, настроивъ лиру на этотъ діапазонъ, Александръ этимъ обезпечилъ себѣ обаяніе надо всей большой партіей во Франціи, надъ недовольными, надъ впавшими въ немилость и надъ тѣми, кто былъ осыпанъ милостями, которые всѣ съ этого времени заинтересованы въ паденіи своего хозяина. Эта партія имѣла Таллейрана тайнымъ министромъ; ей нужны были шпага и султанъ. Александръ нашелъ ихъ въ лицѣ Бернадотта. Госпожа Сталь желала этого во время консульства. Его друзья и она начинали думать о коронѣ для него. Этотъ величественный, храбрый и хитрый гасконецъ пропзводилъ на нихъ внушительное впечатлѣніе, не пугая ихъ.

Александръ принялъ его въ Або, въ Финляндіи, въ послѣднихъ числахъ августа. Ихъ тайныя мысли сходились, они легко столковались относительно предлоговъ. Въ борьбѣ, которую Александръ предпринималъ противъ Наполеона, и которая, съ его стороны, была борьбой безпощадной, онъ вполнѣ естественно переносился къ своимъ проектамъ 1804 г., которые были его первой мыслью и оставались господствующей мыслью его царствованія: уничтожить въ Европѣ дѣло французской революціи, французскую гегемонію замѣнить русской, низложить Наполеона, отбросить Францію назадъ и при помощи нѣкотораго удивительнаго искуснаго пріема, бывшаго все-таки подъ силу его искусству, сдѣлаться очарователемъ, — что я говорю?! — идоломъ этой уменьшенной, сокращенной Франціи, поставить тамъ государя по своему образу, который оставался бы его намѣстникомъ, избѣгать Бурбоновъ, которые держали себя очень надменно въ дѣлахъ съ императорами, недавно получившими это достоинство; порвать съ требованіями *легитимизма* въ то самое время, когда онъ разрушилъ бы революцію, и все это подъ личиной либерализма [1]). При раздѣлѣ Великой имперіи онъ такимъ образомъ выкроилъ бы себѣ двѣ Польши, одну, въ которой онъ былъ бы королемъ, другую во Франціи, которой онъ былъ бы покровителемъ; прибавьте спасенную имъ Пруссію, король которой былъ бы низведенъ до роли русскаго адъютанта и августѣйшаго стража воротъ имперіи. Это была комбинація не изъ заурядныхъ. Въ ней Бернадоттъ находилъ для себя

[1]) Ср. т. VI, стр. 248, 319—323, 341.

© ЕТИБ

роль, которая была не изъ второстепенныхъ, это была роль французскаго короля въ силу единодушнаго признанія его французскимъ народомъ и благодатію императора всея Россіи. 30-го августа они подписали второй договоръ, который доводилъ до 35,000 человѣкъ русскій корпусъ, обѣщанный Швеціи; за неимѣніемъ Норвегіи, если бы въ ней отказала Данія, Бернадоттъ получилъ бы Зеландію. Со своей стороны, онъ признавалъ за Россіей право на расширеніе до Вислы. Затѣмъ, секретнымъ параграфомъ, они обѣщали другъ другу помощь отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ человѣкъ въ случаѣ чьего-нибудь нападенія. Устроивъ это, Александръ возвращается въ Петербургъ и отправляетъ въ Швецію госпожу Сталь, убѣжденную, что союзъ есть ея произведеніе, и рѣшившую вести противъ Наполеона войну краснорѣчіемъ и поддерживать въ Бернадоттѣ духъ коалиціи, а это будетъ небезполезно, потому что Наполеонъ подвигается впередъ, и одно время можно было повѣрить, что еще разъ онъ останется побѣдителемъ [1]).

Однако, совершается дѣло спасенія Россіи; но странное явленіе: ни дворъ, ни правительство, ни императоръ, ни генералы, ни войска не служатъ истиннымъ орудіемъ этого спасенія. Россія спасена русскимъ народомъ, она не сомнѣвается въ этомъ, но она совсѣмъ не понимаетъ этого. У этого народа родилось сознаніе своей національности вслѣдствіе нашествія татаръ-мусульманъ и поляковъ-католиковъ, вслѣдствіе похода тѣхъ и другихъ на Москву, святой городъ православія. Прошли вѣка, осуществится ли легенда, увидятъ ли опять освобожденіе? Русскіе вовсе не знали себя; да и ихъ не знали. Госпожа Сталь поняла ихъ интуитивно, и это было чертой геніальности: «Этотъ народъ обладаетъ запасомъ національной доблести, который удивитъ міръ».—«Что за нація, писалъ одинъ русскій, сторонникъ стараго уклада, послѣ того, какъ событіе исполнилось, какъ се мало знали не только иностранцы, но даже свое собственное правительство, которое думаетъ, что мы нуждаемся въ нѣмцахъ, и что безъ финновъ, эстонцевъ, ливонцевъ, курляндцевъ, пруссаковъ и вюртембержцевъ, которые наполняютъ дворъ и всѣ департаменты, Россія погибла бы!» [2]).

Когда увидѣли, что армія выступила, чтобы напасть на Наполеона и французовъ, въ душахъ ощущалась большая пустота: казалось, что съ нею уходило сердце государства; вспоминали 1805 и 1807 годы [3]). И чтобы

[1]) Gautier, chap. XXI.

[2]) Письмо Воронцова изъ Лондона въ ноябрѣ 1812 г. *Архивъ кн. Воронцова*, т. VIII.

[3]) Этотъ трепетъ русскаго сердца, эта тревожная игра воображенія, эта глубокая безсознательная вѣра въ неизвѣстное и возмущеніе противъ

защитить эту армію, чтобы укрыть ее въ случаѣ пораженія, нѣтъ ни убѣжищъ, ни укрѣпленій, ни заставъ: деревянные города, разбросанныя хижины бѣдныхъ невѣжественныхъ людей, безоружныхъ, разсѣянныхъ здѣсь и тамъ, запуганныхъ. Эти-то бѣдняки и были именно тѣми людьми, которые охранили армію, сберегли ее для Россіи и поставили между нею и завоевателемъ костеръ изъ своихъ хижинъ, огненный барьеръ изъ своихъ деревянныхъ городовъ. Война дикая, война при помощи пожаровъ, война посредствомъ добровольнаго саморазрушенія: жгутъ свои жилища, свои амбары, свой сборъ съ полей; уничтожаютъ свою скотину, выселяются въ нуждѣ; бѣгутъ передъ непріятелемъ, отдавая ему землю, города, убогое наслѣдство предковъ, церкви, едва успѣвая спасти святыя иконы! Война отчаянія, въ которой человѣку, который есть все, все можетъ, надъ всѣмъ превозмогаетъ, противопоставляютъ только пустое пространство необъятной страны, ничтожество разсѣявшагося народа. Ее олицетворяютъ два странныхъ и неожиданныхъ типа героевъ въ странѣ Суворова и въ вѣкъ наступательныхъ дѣйствій: одинъ фанатикъ, который сжигаетъ Москву,—Ростопчинъ; другой мистикъ, который отступаетъ передъ волной, ожидая, что рука Божія обрушитъ на фараона разверзшіяся воды Чермнаго моря,—Кутузовъ. Русскихъ пугали Наполеономъ, его арміей, этимъ вторымъ Аттилой, этимъ другимъ Тимуромъ, чудовищнымъ, жестокимъ, сатанинскимъ, влекущимъ за собой орды нечестивыхъ иконоборцевъ, поругателей надъ монастырями, осквернителей церквей. Они видятъ «стада скота, гонимаго солдатами, длинныя вереницы повозокъ, нагруженныхъ съѣстными припасами», слѣдующія за колоннами войскъ, которыя разбѣгаются, грабятъ, усѣиваютъ свой путь трупами, «напоминая скорѣе переселеніе кочевниковъ, чѣмъ походъ первой въ мірѣ арміи, которую ведетъ самый великій полководецъ своего вѣка» [1]).—«Я старался, пишетъ Растопчинъ, предостерегать народъ противъ вѣроломныхъ внушеній и пріучилъ его презирать французовъ, обѣщая ему легкую побѣду при помощи стойкости и смѣлости... Я вполнѣ успѣлъ внушить крестьянину презрѣніе къ французскому солдату... Вы восхваляете мой патріотизмъ! Но сколько людей превзошло меня! Крестьяне, которые сами жгли свои дома...» Они жгутъ также дворцы, національная война сопровождается возстаніемъ простонародья, и патріотизмъ разнуздываетъ свирѣпаго звѣря. «Партизаны, казаки истребляли все, что встрѣчали, то нападая открыто, то при помощи хитрости и измѣны». Фанатизмъ политическій разжигался фанатизмомъ религіознымъ. «Маго-

разсудочнаго сомнѣнія и опыта удивительно изображены Л. Толстымъ, въ «Войнѣ и мирѣ».

[1]) Faber du Faur.—На правомъ берегу Западной Двины, 25 іюля 1812 г.

мета меньше любили и меньше повиновались ему, чѣмъ мнѣ, и все это достигалось словами, большимъ шарлатанствомъ и безо всякой суровости...» [1]). Включите сюда избіеніе, жертву брошенную толпѣ и страшный конецъ Верещагина. Россія воспроизводитъ въ своихъ національныхъ особенностяхъ одновременно Столѣтнюю войну и Республиканскую войну во Франціи. Весь геній французскихъ воителей былъ приведенъ тутъ въ смущеніе, а между тѣмъ это былъ тотъ же геній, двигавшій людьми: привязанность человѣка къ землѣ, вѣра въ родное небо, куда будутъ восходить души умершихъ героевъ, вѣра эта еще больше, чѣмъ почтеніе къ землѣ, въ которой будутъ покоиться ихъ тѣла; вѣра въ Бога, котораго они носятъ въ своихъ сердцахъ; для французовъ, недавно Бога замѣняли отечество и революція, а здѣсь царь олицетворяетъ этого бога: великое таинство народныхъ искупленій.

Циклъ начался національнымъ сопротивленіемъ французовъ; онъ заканчивается національнымъ сопротивленіемъ русскихъ. Національный духъ продолжалъ всѣмъ руководить и все одушевлять: онъ привелъ французовъ въ Москву; по ихъ слѣдамъ онъ приведетъ русскихъ въ Парижъ. Въ началѣ августа адмиралъ Чичаговъ писалъ Александру: «Опытъ показалъ, что Наполеонъ, послѣдовательно восторжествовавшій во всѣхъ войнахъ, которыя вели кабинеты и министерства, непремѣнно поддавался во всѣхъ тѣхъ войнахъ, которыя были національны... А пріемъ, съ какимъ Вы, Ваше Величество, беретесь за войну, наэлектризовывая духъ подданныхъ, только и желающихъ обожать Ваше Величество, и дѣлая ихъ добровольными участниками этой цѣли, дѣлаетъ войну національной, и, слѣдовательно, противопоставляетъ своему врагу непобѣдимую силу... На каждомъ шагу Наполеонъ встрѣчаетъ обратное тому, чего онъ ждетъ. Онъ долженъ опасаться углубляться внутрь, и, однако, онъ увлеченъ туда, такъ сказать, вопреки самому себѣ».

Эта стратегія, совсѣмъ обратная принятой, тогда не была понята ни русской арміей, ни горожанами, ни придворными. Александръ долженъ былъ безропотно согласиться на битву ради чести оружія, и Кутузовъ предложилъ эту битву на московской дорогѣ, понимая, что, хотя «неизбѣжный ходъ событій» клонился къ тому, чтобы французская армія погибла въ своемъ тріумфѣ, все-таки, послѣ столькихъ жертвъ онъ не могъ отдать непріятелямъ Москву, не попытавшись защитить ее: народъ подумалъ бы, что ему измѣнили, и весь его энтузіазмъ исчезъ бы.

Наконецъ-то! Наполеонъ получитъ *свою* битву. 1-го сентября онъ увидѣлъ, что русскіе предлагали ее. 2-го онъ узналъ, что Мармонъ далъ

[1]) Письмо Ростопчина, 28 апрѣля 1813 г. *Архивъ кн. Воронцова*, т. VIII.

побить себя 22 іюля при Арапилѣ, что Мадридъ былъ потерянъ, Іосифъ отступаетъ. Большой успѣхъ у воротъ Москвы возстановитъ все. Битва произошла 6 сентября, самая ожесточенная, самая кровопролитная изъ всѣхъ, какія были даны съ начала войны: своего рода Эйлау, въ пыли и въ солнечныхъ лучахъ, болѣе убійственное, чѣмъ то, и совсѣмъ столь же неопредѣленное. Знаменательный день сошелъ за французскую побѣду, лишь благодаря отступленію русскихъ, а русскіе, отступая, увлекали французовъ къ пропасти. Кутузовъ своимъ отступленіемъ сохранялъ свою армію, Наполеонъ, подвигаясь впередъ, губилъ свою. 14 сентября Кутузовъ вышелъ изъ Москвы; тотчасъ же Ростопчинъ предалъ ее огню.

Французы подвигались впередъ, страстно желая достигнуть города, въ которомъ они найдутъ богатство и удовольствія, восточный привалъ на пути въ Индію, при входѣ въ страну наслажденій и чудесъ. «Я предпочелъ бы Петербургъ, пишетъ одинъ офицеръ, потому что тамъ находится тронъ царей, и потому что Наполеонъ освятилъ обычай предписывать миръ во дворцѣ своего врага; но мнѣ возражаютъ, что Москва есть истинная столица Россіи, самый богатый городъ... Я думаю, къ тому же, что намъ не слѣдуетъ очень удаляться отъ турецкихъ провинцій: вѣдь послѣ хорошаго договора о союзѣ съ Александромъ, который волей-неволей, подобно другимъ, будетъ втянутъ въ нашу свиту, намъ нужно въ ближайшемъ году отправиться въ Константинополь, а оттуда въ Индію. Великая армія не иначе возвратится во Францію, какъ нагрузивъ себя голкондскими алмазами и кашемирскими тканями!»

Они шли въ Москву, какъ въ обѣтованную землю. «Всякій разъ, когда мы поднимались на верхушку какой нибудь возвышенности, наши глаза искали этой цѣли въ клубахъ дыма и пыли, которые, находясь передъ нами, помрачали горизонтъ. И вотъ вдругъ крикъ, поднятый опередившими насъ колоннами, возвѣстилъ, что появилось то, чего такъ желали. Тѣснятся, спѣшатъ, и скоро безчисленные голоса начинаютъ кричать: «Москва! Москва!», какъ наша Египетская армія кричала: «Θивы! Θивы!», замѣтивъ пустынныя развалины стовратнаго города, какъ когда-то крестоносцы кричали «Іерусалимъ! Іерусалимъ!» при видѣ святого города...» Москва дѣйствительно святой городъ, но она свята только для русскихъ: наши солдаты ничѣмъ не походили на крестоносцевъ, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ, которые мечтали очистить храмы и изгнать невѣрныхъ. Кастелланъ простодушно отмѣчаетъ это: «Въ понедѣльникъ, 14 сентября, мы вступили въ Москву. Наша радость, что мы находимся въ этой столицѣ, чрезмѣрна...—15 *сентября*: пожаръ Москвы дѣлаетъ большіе успѣхи...» Они воображали себѣ нѣкую азіятскую Капую, они находятъ «длинныя груды развалинъ и пепла». Геркуланумъ и Помпея,

еще теплые отъ вулкана, но уже опустѣвшіе. «Добиравшихся до нѣкоторыхъ кварталовъ, пощаженныхъ пламенемъ, поражало царившее тамъ гробовое молчаніе. Ни души на улицахъ, ни души въ храмахъ. Все мертво. Только шумъ вашихъ шаговъ глухо раздается въ этихъ дворцахъ безъ мебели и безъ обитателей». Населены только тѣ улицы, гдѣ идетъ грабежъ. Все въ изобиліи и во всемъ недостатокъ.

Однако жъ императоръ дѣлаетъ смотры, подписываетъ декреты, занимается парижскими актерами, устраиваетъ себѣ зрѣлище власти. Генералы жалуются. «Они доходили до того, что называли его сумасшедшимъ и говорили, что онъ хотѣлъ погубить насъ всѣхъ до послѣдняго». Какъ только начинаютъ говорить о выходѣ, опять появляется довѣріе. «Погода теперь великолѣпная, пишетъ одинъ военный; осенью во Франціи не бываетъ неба болѣе голубого, солнца болѣе теплаго, воздуха болѣе мягкаго: но зима, говорятъ, является здѣсь очень неожиданно. Впрочемъ, наши размышленія не оставляютъ въ насъ ни малѣйшаго безпокойства: Наполеонъ здѣсь». И какой-то другой: «Разсчитываютъ очень скоро выступить. Говорятъ о походѣ въ Индію. Мы такъ довѣряемъ, что не разсуждаемъ, возможенъ ли успѣхъ такого предпріятія, а разсуждаемъ о числѣ мѣсяцевъ, необходимыхъ для похода, о времени, которое нужно, чтобы письма пришли во Францію. Мы привыкли къ непогрѣшимости императора...»

Но Наполеонъ чувствовалъ, что эта непогрѣшимость покинула его. Онъ дожидался переговоровъ, какъ онъ дожидался битвы. Обыкновенно бывало, что послѣ большой побѣды—а онъ считалъ такой побѣдой пресловутый день Бородина—переговорщики являлись на аванпосты. Между тѣмъ никто не приходилъ. 20 сентября онъ рѣшилъ написать царю письмо, которое лучше всякаго другого свидѣтельства показываетъ, въ какое глубокое разстройство повергла его эта война не по правиламъ. Недавно онъ жаловался посланнику Александра, что русскіе противъ всѣхъ правилъ не предложили ему генеральнаго сраженія, въ которомъ онъ уничтожилъ бы ихъ. Въ этотъ разъ онъ жалуется самому Александру на опустошеніе, дѣлающее ему невозможнымъ пребываніе въ завоеванной странѣ. «Красивый и великолѣпный городъ Москва больше не существуетъ. Ростопчинъ сжегъ ее... Такого образа дѣйствій держались, начиная со Смоленска, что обратило въ нищихъ сто тысячъ семействъ... Гуманность, польза Вашего Величества и польза этого большого города требовали, чтобы Москва была ввѣрена мнѣ на храненіе, кѣдь русская армія оставляла ее безъ защиты: нужно было оставить тамъ администрацію, судей и гражданскую стражу. Такъ поступали въ Вѣнѣ два раза, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ... Я воюю съ Вашимъ Величествомъ безъ злобы. Записка отъ Вашего Величества до или послѣ послѣдней битвы остановила бы мой походъ, и я даже согласился бы пожертвовать Вашему Величеству выгодой вступленія въ Москву...»

XII.

«Не бывать миру съ Наполеономъ! воскликнулъ Александръ при извѣстіи о вступленіи французовъ въ Кремль. Онъ или я, я или онъ! Мы не можемъ больше царствовать вмѣстѣ!» Письмо Наполеона отъ 20 сентября онъ принялъ за чистое «бахвальство».—«Москва, покинутая всѣми, такой она досталась въ руки непріятеля, писалъ онъ Бернадотту 1-го октября. Это—жестокая потеря, я признаю это. Но, по крайней мѣрѣ, она дастъ мнѣ поводъ представить цѣлой Европѣ наибольшее доказательство, какое я могу предложить, моей рѣшимости выдерживать борьбу противъ ея притѣснителя, вѣдь послѣ этой раны всѣ другія суть лишь царапины... *Я и народъ, во главѣ котораго я имѣю честь находиться*, твердо рѣшили упорствовать и скорѣе похоронить себя въ развалинахъ имперіи, чѣмъ помириться съ современнымъ Аттилой». Это были для Александра его великіе дни, его дни великодушія. Онъ представлялъ народъ: великое и простое вдохновеніе, одушевлявшее тогда Россію, въ свою очередь, преображаетъ его. «Самое лучшее это то, пишетъ Воронцовъ, что императоръ, видимо, раздѣляетъ чувства своей храброй и благородной націи... Когда русскій императоръ вторитъ національному чувству въ національномъ дѣлѣ..., этотъ императоръ есть самый могущественный монархъ въ мірѣ...»

Итакъ, это—безпощадная война; Александръ все принесетъ ей въ жертву, даже Петербургъ; но, если онъ успѣетъ сокрушить Наполеона, изгнать его, онъ не остановится на границѣ Великой Имперіи. Онъ обратитъ противъ Наполеона коалицію, и онъ уже озабоченъ тѣмъ, чтобы закрѣпить связи. Онъ отправляетъ въ Лондонъ князя Ливена: «Я не заключу мира, говоритъ онъ ему, пока не отброшу врага за напи границы, хотя бы я вынужденъ былъ, раньше чѣмъ достигнуть этого, отступить за Казань. Пока я буду защищать русскую территорію, я прошу отъ Англіи только снарядовъ и оружія. Когда же при помощи Провидѣнія я выгоню врага изъ нашихъ предѣловъ, я на этомъ не остановлюсь и только тогда войду въ соглашеніе съ Англіей относительно болѣе дѣйствительной помощи, которой я попрошу у нея, чтобы достигнуть освобожденія Европы отъ французскаго ига». Ливенъ поѣхалъ черезъ Стокгольмъ, гдѣ онъ нашелъ Бернадотта ободреннымъ пожаромъ. высчитывающимъ несчастія французовъ, наученнымъ госпожей Сталь, уже заранѣе «просвѣтленнымъ» духомъ коалиціи, поистинѣ его коснu-

лась королевская благодать, онъ замышлялъ ограбить королей [1]). Александръ обѣщалъ ему Норвегію; но и онъ уже не хотѣлъ остановиться на этомъ; ему нуженъ былъ Копенгагенъ. Датскій король заслуживалъ этого наказанія своимъ вѣроломствомъ по отношенію къ Европѣ, своей преступной вѣрностью Наполеону. «Исторія, говоритъ онъ со своей гасконской напыщенностью, воспитанной директоріальной риторикой, напишетъ страницы про Наполеона и томы про Александра. Скажите императору, что я все тотъ же и всегда буду такимъ, какимъ онъ видѣлъ меня въ Або...»

Александръ приказалъ сообщить Австріи и Пруссіи о своихъ непоколебимыхъ рѣшеніяхъ и о силахъ, которыя ему доставила преданность его народа [2]). «Императоръ, писалъ отъ его имени Ливенъ австрійцамъ, хочетъ обезпечить на прочныхъ основаніяхъ независимость и благополучіе своей имперіи, и онъ вовсе не думаетъ, что успѣетъ въ этомъ, если Пруссія и Австрія не займутъ снова мѣста въ ряду независимыхъ государствъ. Съ этой точки зрѣнія его выгоды суть ваши выгоды». И Пруссіи: «Соединитесь съ Австріей, чтобы содѣйствовать этой великой цѣли... Рѣшеніе присоединиться къ врагамъ Россіи, принятое прусскимъ королемъ, императоръ простилъ въ сердцѣ; онъ ничего лучшаго и не желаетъ, какъ изгладить воспоминаніе объ этомъ, и если бы какое нибудь изъ королевствъ, воздвигнутыхъ рукою Наполеона, могло быть уничтожено, то Россія заявляетъ, что воспользуется этой добычей не для себя, а для своихъ союзниковъ. Покажите Австріи наши общіе интересы; представьте ей паденіе императора Наполеона и свободу Европы какъ непосредственный результатъ вашей измѣны дѣлу Франціи...» Въ Берлинѣ умѣли читать, какъ и въ Вѣнѣ: королевства, которыя предстояло грабить, это были Саксонія въ пользу Пруссіи, королевство Итальянское въ пользу Австріи. Алопеусъ подлинными словами сказалъ это въ Вѣнѣ. Александръ вскорѣ говоритъ это очень ясно прусскому полковнику Бойену, укрывшемуся въ Россіи: «Если онъ—прусскій король — согласится на это, я ему гарантирую не только всѣ его теперешнія владѣнія, но я даю обязательство не положить оружія, пока онъ не вступитъ во владѣніе всѣми своими провинціями, которыя онъ потерялъ *въ Германіи*, или пока онъ не будетъ вознагражденъ какимъ нибудь инымъ образомъ, именно Саксоніей, которая кажется мнѣ подходящей для этого». Что касается измѣны вспомогательнаго прусскаго корпуса, эмиссары ее подготовляли. Послѣ 22 сентября русскій генералъ

[1]) Донесеніе Ливена, 17 ноября 1812 г.

[2]) Донесенія Шелера, въ концѣ сентября.—Письмо Ливена въ Вѣну и въ Берлинъ, 2 окт. 1812 г.—Oncken, *O. und P.*

Эссенъ, который былъ командиромъ въ Ригѣ, написалъ Йорку, и начавшаяся переписка продолжалась.

Гарденбергъ получилъ, черезъ небольшой промежутокъ времени, письмо Ливена и письмо Меттерниха отъ 5 октября: «Я не раздѣляю и никогда не буду раздѣлять интересы нашихъ двухъ странъ». Ничто невозможно безъ Австріи, говоритъ Фридрихъ-Вильгельмъ, «но, если Австрія будетъ помогать намъ, я не поколеблюсь перемѣнить систему и собрать всѣ наши средства, чтобы попытаться возвратить нашу независимость и стряхнуть чужеземное иго» [1]).

Въ то время какъ громадная и тонкая основа ткани Наполеона рвалась нитка за ниткой, когда все держалось исключительно обаяніемъ его силы и реальной силой его арміи, эта армія распадалась въ Москвѣ, и это обаяніе испытало самый неожиданный, самый смѣшной и въ то же время самый гибельный ударъ. Александръ видѣлъ, что его власть, вышедшая изъ заговоровъ и убійства, освящается и укрѣпляется національной любовью; видно было, что могущество Наполеона, основанное на народномъ признаніи, въ одно злосчастное утро подвергнется опасности въ одномъ изъ тѣхъ казарменныхъ приключеній, въ какихъ погибъ не одинъ русскій монархъ: мелодраматическій эпизодъ, вносящій дисгармонію въ эту огромную трагедію [2]).

Всѣ предыдущія кампаніи оставляли въ Парижѣ нѣкоторый осадокъ безпокойства. Эта кампанія оставляла мучительную тревогу. «Я говорю вамъ, что это — пропащій человѣкъ», заявлялъ морской министръ Декре префекту полиціи Паскье. Многіе опасались катастрофы; иные, какъ Таллейранъ и его довѣренные, льстили себя надеждой, что Наполеонъ не воротится, и что Европа, разъ мѣсто очищено, старыя учрежденія отвергнуты, стала бы дѣйствовать къ величайшему спокойствію французскаго народа и къ наибольшему благополучію облагодѣтельствованныхъ наслѣдниковъ имперіи. Въ іюлѣ произошло что-то въ родѣ военнаго заговора, въ связи съ англійскимъ шпіонствомъ, въ Тулонѣ: былъ образованъ комитетъ, чтобы поднять Югъ, какъ въ 1793 году, и предать арсеналъ. Удайся дѣло въ Тулонѣ, сдалась бы Марсель, затѣмъ пришелъ бы Бернадоттъ съ арміей, и весь югъ двинулся бы на столицу! Въ это время въ одной изъ парижскихъ лѣчебницъ находился политическій арестантъ, Малэ, бывшій генералъ, исключенный изъ арміи въ 1807 году, выпущенный, потомъ снова взятый въ 1809 году, предававшійся заговорамъ и вносившій въ свои затѣи ту смѣлость и ту

[1]) Донесеніе Зичи, 29 октября 1812 г.

[2]) *Mémoires* de Pasquier. de Miot. — Guillon, *les Complots militaires.* — Lenôtre.

простоту, которыя дѣлаютъ заговорщиковъ страшными. Въ 1809 году, во время Эсслингена онъ намѣревался ускользнуть въ одинъ изъ торжественныхъ дней, явиться въ формѣ въ соборъ Парижской Богоматери съ идущими впереди барабанщиками и крикнуть: «Бонапартъ мертвъ, да здравствуетъ свобода!» Онъ разсчитывалъ на суматоху, кутерьму, на всеобщую трусость. Дѣло было раскрыто.

Въ октябрѣ 1812 года случай показался ему хорошимъ, чтобы возобновить дѣло: мало сообщниковъ, бѣдняки, увлеченные, которые вербовали среди недовольныхъ въ арміи, среди низшихъ чиновъ; фанатики или просто люди безпокойные. Глубокая тайна: люди, которые должны были больше всего послужить Малe, даже не подозрѣвали его плановъ. Съ поистинѣ замѣчательнымъ пониманіемъ роли каждаго и проникновеніемъ его сокровенныхъ мыслей Малe составилъ *сенатское рѣшеніе*, возвѣщающее о смерти Наполеона, внезапно наступившей *7 октября*, и организующее временное правительство: Моро былъ его президентомъ, Карно вице-президентомъ. Тамъ видѣли соединившихся недовольныхъ, фрондеровъ, мнимыхъ опальныхъ: Ожеро, Дестютта де-Траси, Фроно, Гара, Ламбрехта, Матье де-Монморанси, Алексиса де-Ноайль, Трюге, Вольнея, наконецъ, Малe, который, своимъ первымъ декретомъ, назначилъ себя командиромъ 1-й военной дивизіи, съ Лекурбомъ въ должности парижскаго губернатора. Потомъ слѣдующее воззваніе къ народу: «Граждане, тираннъ палъ подъ ударами мстителей за человѣчество». Кропотливо и искусно составленные приказы должны были призвать къ оружію національную гвардію. Начальники, избранные Малe, получили бы свои запечатанные конверты: они были выдресированы такъ, чтобы ничему не удивляться; они повиновались бы, какъ во фруктидорѣ, какъ въ брюмерѣ, вѣдь они были военные. Правительство было бы арестовано, министерства заняты, телеграфъ и почта секвестрованы; Парижъ проснулся бы, имѣя правительство, и возвѣстилъ бы Франціи еще революцію.

Ночью съ 22 на 23 октября Малe вышелъ изъ лѣчебницы, отправился въ надежное мѣсто, надѣлъ свой мундиръ. Онъ имѣлъ съ собою двухъ довѣренныхъ: одного онъ нарядилъ адъютантомъ, другого полицейскимъ комиссаромъ; вошелъ въ сосѣднюю казарму Попенкуръ, предъявилъ сенатское рѣшеніе; взялъ себѣ отрядъ національной гвардіи, увелъ гвардейскихъ солдатъ, занялъ банкъ и казначейство, освободилъ республиканскихъ генераловъ Лагори и Гидаля, которые ничего не подозрѣвали, но были согласны на все. Лагори арестовалъ министра полиціи, Савари, и отправилъ его въ Форсъ вмѣстѣ съ Демарс, начальникомъ государственной полиціи. Малe арестовалъ префекта полиціи Паскье и отправился забрать Гюлена, функціи котораго онъ присвоилъ себѣ, и ко-

тораго надо было устранить съ мѣста парижскаго военнаго губернатора. Гюленъ, сопротивлялся: этотъ бывшій побѣдитель Бастиліи и террористъ не могъ повѣрить въ смерть императора. Равнымъ образомъ защищался комендантъ Лабордъ. Малe выстрѣлилъ въ Гюлена; пытался выстрѣлить въ Лаборда. Послѣдовала свалка. Между тѣмъ Лагори и Гидаль пошли въ кабачокъ позавтракать. Лабордъ успѣлъ схватить Малe, посадить его подъ арестъ: послѣ чего онъ явился къ войскамъ и разоблачилъ обманъ. Дѣло не удалось.

Но оно чуть чуть не удалось. Въ Парижѣ не было Фуше, чтобы отвести игру въ сторону; Кларкъ потерялъ голову; Камбасересъ предавался глубокому отчаянію; люди умные держали себя осторожно; боязливые выжидали событія. Когда вожаки заговора очутились подъ замкомъ, правительство очнулось. Все таки это былъ страшный пробный ударъ, и онъ открылъ потаенный нарывъ. Если бы дѣло оказалось вѣрнымъ, если бы Наполеонъ дѣйствительно былъ мертвъ, что произошло бы изъ этого, какая послѣдовала бы развязка приключенія? Итакъ, къ чему же служила эта грозная машина Имперіи: стало быть, достаточно было вынуть въ ней камень, замыкающій сводъ, чтобы все рухнуло! Своего рода политическій Вальшеренъ, но обнаруженнымъ имъ симптомамъ безконечно болѣе серьезный, чѣмъ тотъ.

Между тѣмъ Наполеонъ признавалъ себя озадаченнымъ, если не побѣжденнымъ. Въ то самое время, когда въ Парижѣ происходило это легкое землетрясеніе, и когда открывалась эта безпокоящая трещина, Великая Армія начинала свое плаваніе по волѣ вѣтра и теченія и шла къ крушенію. Ни битвы, ни переговоровъ: Александръ не отвѣтилъ на письмо отъ 20 сентября; не болѣе отвѣчалъ Кутузовъ на предложеніе, которое сдѣлалъ ему Лористонъ 5 октября. Нельзя было больше оставаться въ Москвѣ: зима грозила наступить и отдѣлить Наполеона отъ остальной Европы. Войска разбѣгались, развращались въ грабежахъ. 16 октября Наполеонъ потребовалъ отъ Пруссіи добавочныхъ войскъ [1]). «Легко будетъ дать ей понять, что единственный хорошій способъ окончить эту борьбу, это — показать Россіи, что невозможно уничтожить армію, какъ она надѣется, потому что императоръ располагаетъ большими запасами рекрутчины не только въ своихъ государствахъ, но также благодаря помощи своихъ союзниковъ. Тѣ же доводы должны быть сдѣланы въ Австріи, въ Баваріи, въ Штуттгартѣ и вездѣ». Если какой-нибудь языкъ могъ отягчать впечатлѣніе отступленія и поддерживать доводы, которые русскіе агенты повсюду развивали въ то же самое

[1]) A Maret, 16 octobre 1812.

время, такъ это были именно эти комментаріи. Объявить, что единственный способъ покончить съ борьбой заключался въ помощи союзниковъ, это значило возвѣстить этимъ союзникамъ, измѣнникамъ въ душѣ, что сейчасъ пробьетъ часъ измѣны, благоразумной и выгодной.

Отступленіе началось 18 октября. 22-го послѣдніе французы оставили Москву. 21-го изъ Краснаго Наполеонъ предписалъ Бертье: «Другъ мой, извѣстите герцога Эльхингенскаго (т. е. Нея), что онъ долженъ образовать аріергардъ арміи». Стояла хорошая погода. Наполеонъ не допускалъ даже мысли о бѣдѣ: но по какому-то счастливому предчувствію онъ избралъ героя, который долженъ былъ спасти въ несчастьи, если не армію, то, по крайней мѣрѣ, честь французскаго имени.

Торжественный моментъ въ этой исторіи былъ этотъ выходъ изъ Москвы. Нигдѣ связь явленій не развертывается въ болѣе захватывающее зрѣлище: скрытая и непрерывно дѣйствующая сила, которая всѣмъ управляла, нигдѣ не проявляется съ большей могучестью. Великая Армія еще держится, но впереди ея нѣтъ арміи, чтобы побѣдить ее: ни генераловъ, которыхъ нужно побивать, ни дипломатовъ, которыхъ нужно обманывать. Сила оставалась инертной за недостаткомъ предметовъ для ударовъ. Завоеваніе, доведенное до такой чрезмѣрности, не удастся и рушится. Военный геній исчезаетъ въ пустомъ пространствѣ. Наполеонъ дошелъ до этого, унесенный страшнымъ ростомъ вала, который, добѣжавъ до стѣнъ Кремля, ударилъ въ нихъ; но валъ этотъ, словно обессиленный, тамъ остановился, и увлекаемый собственною тяжестью, вслѣдствіе поворота, совершающагося въ глубинѣ, изливается самъ на себя и отхлынываетъ назадъ. Это рушится вся завоевательная работа французской революціи вмѣстѣ съ Великой Арміей, и отъ того же удара отступаетъ сама французская революція. Она не исчезаетъ, она преобразуется, она разливается по другимъ берегамъ, и изъ національной, какою она была только во Франціи, она дѣлается такою во всѣхъ странахъ Европы. Но отливъ поглотилъ Великую Армію и затопилъ саму Францію: *Reversae sunt aquae et operuerunt currus et equites.* (Обратилися воды и покрыли колесницы и всадниковъ).

КОНЕЦЪ СЕДЬМОГО ТОМА.

© ИИЕТ СО РАН

Государственный Публичный Исторический Библиотеки Кабинет истории Инв. №